

И.Н. ДЕСЬКОВ

ЭЛЕКТРОННОЕ ТЕКСТОВОЕ ИЗДАНИЕ

СУДЬБА СЕМЬИ ДЕСЬКОВЫХ В ЭПОХУ ПОТРЯСЕНИЙ (1914–1918 ГГ.)

Агентство по делам архивов Пермского края

Государственный архив Пермского края

И.Н. Деськов

СУДЬБА СЕМЬИ ДЕСЬКОВЫХ В ЭПОХУ ПОТРЯСЕНИЙ (1914–1918 гг.)

Электронное текстовое издание

© ГАПК

ISBN 978-5-6041977-0-7

Пермь

2018

18+

УДК 94(47)+929.82-94

ББК 63.3(2Рос-4Пер)

Д37

Рецензенты:
д-р ист. наук М.Н. Лукьянов, канд. ист. наук В.И. Тетерин

Составители:
Ю.А. Кашаева, канд. ист. наук (научный редактор),
А.В. Глушков, канд. ист. наук, Д.С. Катаев, В.И. Радыгин
Автор вступительной статьи Д.А. Лобанов

Деськов, И.Н.

Д37 Судьба семьи Деськовых в эпоху потрясений (1914–1918 гг.) [Электронный ресурс] / сост. Ю.А. Кашаева, науч. ред., А.В. Глушков, Д.С. Катаев, В.И. Радыгин, Д.А. Лобанов, авт. вступ. ст. ; Государственный архив Пермского края. – Пермь, 2018. – 386 с., ил. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

ISBN 978-5-6041977-0-7

Книга представляет собой воспоминания уроженца Пермской губернии, участника Первой мировой войны И.Н. Деськова о событиях 1914–1918 гг. Написанные в 1950–1970-е гг. мемуары, с одной стороны, дополняют сведения об описываемой эпохе, с другой стороны, являются частью семейной саги о Деськовых с элементами художественного произведения.

Издание адресовано историкам, специалистам архивного и музейного дела, а также всем, кто интересуется историей Пермского края и России периода Первой мировой войны.

Электрон. текст. изд. (20 Мб) – 1 электрон. опт. диск. – Системн. требования: оперативная память 256 Мб; операционнаяч система Windows (98, ME, NT, 2000, Acrobat 5.0).

Корректор – *Н.А. Панова*
Компьютерная верстка – *А.В. Шухардин*

Номер гос. регистрации 0321804486

УДК 94(47)+929.82-94
ББК 63.3(2Рос-4Пер)

© Государственный архив Пермского края, 2018

Содержание

«АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН» ИВАНА ДЕСЬКОВА 4

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ 8

НА РОДИНЕ 11

В ПЕРМСКИХ КАЗАРМАХ 139

НА РУМЫНСКОМ ФРОНТЕ 234

ВОЗВРАЩЕНИЕ 344

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 391

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 397

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 403

«АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН» ИВАНА ДЕСЬКОВА

Уважаемый читатель, перед Вами воспоминания Ивана Деськова, уроженца Осинского уезда Пермской губернии, участника Первой мировой войны. Не так много солдат – рядовых участников тех событий оставили нам свои мемуары, как, впрочем, и вообще солдат Русской армии за всю её историю. При общем невысоком уровне грамотности нижних чинов армии Российской империи солдатские мемуары являются огромной редкостью. Так что Вы держите в руках уникальный документ. В то же время назвать его мемуарами в чистом виде нельзя. Автор писал художественное произведение, роман, основанный на событиях из его собственной жизни. Иван Деськов описывает свою жизнь и жизнь своей семьи в уральской деревне до войны, начало Первой мировой войны и мобилизацию в Пермской губернии, изменения в жизни семьи, которые произошли в годы войны. Несомненно, самой интересной частью автобиографического романа являются те страницы, в которых рассказано о военной службе главного героя в Перми в запасном полку и его участии в боевых действиях на Румынском фронте.

Для того чтобы лучше понять многое описанное в воспоминаниях, рассмотрим, кого и как призывали в армию в годы Первой мировой войны в России. Комплектование Русской армии нижними чинами в начале XX в. производилось согласно «Уставу о всеобщей воинской повинности» 1874 г., с изменениями, внесенными в 1886, 1906, 1907 и 1912 гг[1].. Воинская служба была общеобязательной, всесословной и личной. Устав имел много «изъятий», и довольно большому количеству молодых людей удавалось избежать призыва и военной службы в мирное время.

Призыву на военную службу подлежали молодые люди, достигшие 21 года, в качестве охотников и вольноопределяющихся разрешалось зачислять молодых людей, достигших 17 лет. Призыв в мирное время проводился ежегодно с 1 октября по 1 ноября.

Срок действительной службы варьировался в разных родах войск от 3 лет 3 месяцев до 4 лет 4 месяцев, после чего нижние чины увольнялись в запас, а по достижении 39 лет зачислялись в государственное ополчение. Мужское население от 20 до 40 лет включительно, не служившее в армии, но способное носить оружие, зачислялось в Государственное ополчение 1-го и 2-го разряда.

[1] Устав о всеобщей воинской повинности // Свод законов Российской империи. Т. IV. СПб., 1915.

В Русской армии до объявления мобилизации состояло 1423 тысячи человек. В 1913 г. с действительной военной службы не были уволены в запас нижние чины, подлежавшие в этом году увольнению. 18 июля 1914 г. в России в связи с событиями на Балканах была объявлена всеобщая мобилизация – призваны запасные нижние чины. Согласно «Мобилизационному расписанию 1910 г.» из уездов Пермской губернии после объявления войны было призвано 26 029 нижних чинов запаса[2]. Из них 17 607 человек были отправлены на фронт в составе лейб-гвардии Семеновского полка, 49-й, 84-й пехотных, 11-й и 12-й Сибирских стрелковых дивизий. 1011 человек были отправлены на флот в составе 1-го Балтийского флотского экипажа. 174 человека попали в полевые госпитали и санитарные поезда. 5005 человек были направлены в различные запасные части, т.е. попали на фронт после дополнительной подготовки. 2232 человека попали в различные тыловые части и учреждения.

В течение войны в 1914–1917 гг. правительство неоднократно объявляло призыв разных категорий подданных Российской империи. За годы войны из Пермской губернии было призвано 36,8% трудоспособного мужского населения[3].

Объявление мобилизации 18 июля 1914 г. и вступление России в Первую мировую войну вызвало подъём патриотических настроений в стране и, казалось бы, укрепило авторитет правительства и династии. По городам империи прокатилась волна манифестаций в поддержку действий России и её союзников, в «защиту славян от германской агрессии». Не осталась в стороне и Пермская губерния. Патриотические манифестации прошли 18 июля в Перми и Екатеринбурге, 20 июля – в Ирбите и Верхотурье, 21 июля – в Шадринске, 27 июля – на Мотовилихинском и 31 июля – на Камбарском заводе, 1 августа – в Красноуфимске[4].

Однако, несмотря на такое внешнее единение всего населения империи, социальные, экономические и политические проблемы, накопившиеся в России в начале XX в., не исчезли, а призыв запасных сопровождался не только проправительственными демонстрациями, но и волнениями, иногда довольно серьезными.

Выступления запасных, охватившие Пермскую губернию в июле – сентябре 1914 г., не были в чистом виде антивоенными. Поводы к ним были различны. Некоторые выступления имели «патриотическую» окраску. Так, 17 сентября в селе Буткинском Шадринского уезда недовольство запасных вызвал появившийся во время молебна на сборном пункте лесничий Митенс, немец по национальности[5]. Иногда поводом для волнений было недовольство условиями призыва. В Осе 4000 запасных отказались ехать в Пермь подводами и потребовали доставить их пароходом[6]. Свидетелем этих беспорядков мог быть и Иван Деськов во время проводов в армию старшего брата Петра.

---

[2] ГАПК. Ф. 38. Оп. 1. Д. 212.

[3] Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 402.

[4] ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1416.Л. 1, 3, 4, 25, 49, 64, 65.

[5] ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 321. Л. 12.

[6] ГАПК. Ф. 65. Оп.1, Д. 322. Л. 39.

Самым сильным поводом для народного недовольства стал введённый правительством сухой закон. Погромы и выступления с требованием открыть винные лавки прошли практически во всех уездах губернии[7]. Обеспокоенный ситуацией, пермский губернатор И. Ф. Кошко обратился в Министерство внутренних дел с просьбой разрешить открыть винные лавки хотя бы на два часа, но получил отказ[8].

Не менее массовыми были и чисто экономические требования: мобилизованные крестьяне опасались за судьбу урожая и требовали выдачи кормовых денег их семьям, рабочие требовали выплаты заработной платы за два месяца вперед и компенсаций семьям. Наиболее крупное выступление с экономическими требованиями произошли на Лысьвенском заводе, где после объявления мобилизации с новой силой возобновился конфликт рабочих завода с администрацией.

Губернская администрация посчитала, что причина беспорядков – недостаточное понимание запасными причин и целей начавшейся войны, и попыталась усилить пропагандистскую работу. 23 июля губернатор предложил местным властям «объяснять запасным об обстоятельствах войны, патриотизме и воздержании от пьянства»[9]. Однако попытки земских деятелей исполнить предписание губернатора зачастую сталкивались с противодействием военного начальства[10]. После того как выступления в губернии приобрели массовый характер и появились жертвы со стороны администрации, было решено вызвать войска для подавления недовольства и наведения порядка[11].

Война требовала всё новых и новых солдат, что заставляло властей призывать в армию тех, кто по закону вообще не подлежал призыву, и объявлять досрочные призывы. Эти меры, казалось, обоснованные, вызывали протест населения, которое и так не понимало смысла и целей этой войны, и всё это способствовало падению авторитета правящего режима. В один из таких досрочных призывов 1916 г. в армию попал и Иван Деськов, хотя по возрасту его срок должен был наступить только через год, в 1917 г.

Запасные нижние чины, призванные по мобилизации 18 июля 1914 г., в большинстве своём попали сразу в действующую армию. Все призванные после июльской мобилизации новобранцы, в том числе и Иван Деськов, зачислялись в запасные батальоны, развёрнутые в 1916 г. в полки, где проходили обучение в течение нескольких месяцев, а затем с маршевыми ротами отправлялись на фронт на пополнение действующей армии.

Запасные полки, расквартированные в Пермской губернии, входили в состав 17, 32 и 47-й запасных пехотных бригад. Количество рот в запасных батальонах (полках) всегда превышало штатное, и поэтому помимо номерных (положенных по штату) рот в них состояли «литерные роты», которые ждали отправки на фронт.

[7] ГАПК. Ф. 65. Оп.1, Д. 322. Л. 1, 2, 3, 6, 8, 10, 13, 20.
[8] Там же. Л. 30.
[9] ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 321. Л. 135.
[10] ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 321. Л. 135.
[11] Там же. Л. 30, 43, 44, 45, 69, 85, 92; ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 61. Л. 6, 2, 8.

Естественно, казармы этих частей были переполнены, правила гигиены подчас не соблюдались. Всё это мемуаристом подробно описано.

Для подготовки младшего командного состава существовали учебные команды. В отличие от военного времени, в годы войны команды существовали не при полках, а при запасных бригадах, и выпускали они не унтер-офицеров, а ефрейторов. Именно в такую учебную команду при 162-м запасном полку и попал наш герой.

Поскольку в ходе войны в Русской армии обнаружилась значительная нехватка младшего офицерского состава, нижние чины из запасных полков, имевшие хоть какое-то образование и прошедшие обучение в учебных командах, направлялись в школы прапорщиков. Был такой шанс и у Ивана Деськова, но вместо этого он попал с маршевой ротой на Румынский фронт, где испытал на себе все тяготы окопной жизни.

Иван Деськов, несмотря на то что писал свои воспоминания спустя полвека после окончания Первой мировой войны, очень подробно рассказывает нам о жизни запасного полка в губернской Перми вдали от фронта. Память его сохранила массу подробностей, бытовых деталей. Повседневная жизнь солдат, быт, учеба, взаимоотношения нижних чинов постоянного и переменного состава, отношение к офицерам – всё очень тщательно описано им на страницах мемуаров.

Любопытны сюжеты, связанные с революционными событиями 1917 г. Как солдатская масса получала известия о смене власти, как менялось её отношение, как постепенно из достаточно нейтральной она становилась «основной движущей силой революции». Описание поездки на фронт и боевой службы автора в Румынии рисует нам картины последних месяцев существования старой Русской армии, бывшей некогда могучей и дисциплинированной, а в 1917 г. переживавшей свою агонию. В тексте приводится большое количество образцов солдатского фольклора периода Первой мировой войны, что придаёт публикации особую ценность.

Несомненно, на взгляды автора повлияла советская идеология, это особенно заметно, когда Иван описывает офицеров, под чьим началом ему пришлось служить, или представителей духовенства. Да и не совсем искренним он кажется, когда рассказывает о причинах своего непоступления в школу прапорщиков. Но всё же в целом автор старается быть объективным, и его текст – замечательный образец взгляда на события российской истории «снизу», глазами простого крестьянского паренька, нижнего чина русской армии.

Дмитрий Алексеевич Лобанов,
главный научный сотрудник отдела истории
Пермского краеведческого музея

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В 2018 году отмечается 100-летие окончания Первой мировой войны (1914–1918). К этой дате Государственный архив Пермского края подготовил публикацию рукописи Ивана Николаевича Деськова (1896–1980) – уроженца села Ершовка Пермской губернии, ефрейтора, участника Первой мировой войны.

Фонд «Деськовы – активные участники становления советской власти в Прикамье. 1882–1999 гг.» содержит документы, связанные с жизнью и профессиональной деятельностью трёх братьев – Ивана, Петра и Павла Деськовых, их авторские произведения, личные документы, письма, газетные вырезки и статьи о семье Деськовых, фотографии разных лет, документы, связанные с историей села Ершовка. Документы фонда поступили в архив в 1979 г. от Валерия Ивановича Деськова, сына И. Н. Деськова. Стоит отметить, что материалы семьи Деськовых представлены также в архивных управлениях администраций города Сарапула и Камбарского района Удмуртии.

Рукопись И. Н. Деськова хранится в фонде семьи Деськовых – р-1693 «Деськовы – активные участники становления советской власти в Прикамье. 1882–1999 гг.» – и представляет собой обширный по объёму текст, написанный в отдельных тетрадях как жизнеописание семьи Деськовых с 1850 по 1920 г. В нашем издании представлена лишь часть материала – это воспоминания периода Первой мировой войны – с августа 1914 по май 1918 г. Название «Судьба семьи Деськовых в эпоху потрясений» было дано коллективом составителей, поскольку сама рукопись автором не озаглавлена. Текст воспоминаний публикуется так полно впервые.

Рукопись представляет собой своеобразную историю рода Деськовых, вписанную в историю страны, охватывающую период с 1850 по 1920 г. С одной стороны, это повествование с элементами художественного произведения, с выстроенными диалогами. С другой стороны, в мемуарах приводятся и тексты конкретных документов (писем, газетных публикаций) – семейная история разворачивается на фоне грандиозных перемен в жизни страны. И. Н. Деськов работал над рукописью на протяжении 16 лет – с 1957 по 1973 г. Она представляет собой 1191 лист в 81 ученической тетради (ГАПК. Ф. р-1693. Оп. 1 Д. 28–41). Дела же, касающиеся периода Первой мировой войны (ГАПК. Ф. р-1693. Оп. 1. Д. 32–36) – это 413 листов в 28 тетрадях.

Семья Деськовых состояла из следующих членов:

– Василий Васильевич Деськов, ссыльный украинец, и его жена Ксения Петровна.

– Старший сын Иван Васильевич Деськов, женат на Вере Степановне, в рукописи упоминаются два сына – Фёдор и Василий, а также дочь Евдокия (Авдотья). Жену Фёдора Деськова звали Прасковья Андреевна, упоминается их дочь Анна. Евдокия же была замужем за сарапульским кузнецом Афанасием Фёдоровичем Шамшуриным.

– Младший сын Николай Васильевич (1852–1927), участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Николай был женат на Евдокии (Авдотье) Степановне Коротковой (1853–1920), от их брака родилось семеро детей – Яков, Екатерина (умерли в детстве), Андрей (1885–1904), Павел (1888–1837), Пётр (1890–1935), Прасковья (1893 – после 1979) и Иван (автор рукописи).

– Павел Николаевич Деськов был женат на Анне Якимовне, в документе упоминаются два их ребёнка – Мария (Маня) и Борис (Борик).

– Прасковья Николаевна вышла замуж за крестьянина деревни Армязь Осинского уезда Пермской губернии Дмитрия Созыкина, свёкра и свекровь Прасковьи звали Василий и Настасья (Анастасия), также упоминается младший брат Дмитрия Донат. От брака Дмитрия и Прасковьи родилась дочь Антонина.

Иван Николаевич Деськов, сам автор воспоминаний, родился 23 февраля 1896 г. в селе Ершовка Осинского уезда Пермской губернии. Окончил Ершовское начальное училище, затем в 1914 г. поступил в Камбарскую школу ремесленных учеников. В 1914 г. Иван Деськов вместе с двоюродным братом Василием поступил в школу инструкторов по обработке дерева в Мариинском Посаде Чебоксарского уезда Казанской губернии. В 1915 г. Иван Николаевич был мобилизован на фронт, служил в 40-м стрелковом полку 10-й Сибирской стрелковой дивизии, принимал участие в боевых действиях на Западном и Румынском фронтах. Вернувшись с фронта, он участвовал в установлении советской власти, исполнял обязанности секретаря Ершовского волостного исполнительного комитета. В годы Гражданской войны Иван Николаевич воевал на Восточном фронте в составе 57-й стрелковой дивизии. После демобилизации в 1922 г. работал слесарем, проводником, монтером, помощником машиниста паровоза на Пермской железной дороге. Окончив в 1934 г. металлургический факультет Уральского политехнического института им. С. М. Кирова, Иван Николаевич работал мастером, начальником смены, диспетчером, инженером-технологом, затем замещал должность начальника исследовательского отдела обогатительной фабрики Карабашского медеплавильного завода Челябинской области. В 1957 г. вышел на пенсию. Умер в селе Ершовка 11 июня 1980 г.

При работе над изданием авторский коллектив руководствовался Правилами издания исторических документов в СССР (2-е изд., М., 1990).

Публикуемый документ воспроизводится максимально близко к оригиналу, с сохранением авторского стиля. Восстановленные в тексте воспоминаний слова или части слов заключены в квадратные скобки. Также в квадратных скобках приводятся слова, необходимые по смыслу. Авторские подчеркивания в тексте передаются

курсивом. Даты в тексте и примечаниях, если не указано иное, сохраняются как в документе – по юлианскому календарю. Знаком <…> отмечается пропущенная ненормативная лексика.

Текстологические и исторические примечания – постраничные, включающие в себя пояснения к персоналиям личностей (имя, даты жизни, род занятий), к историческим фактам, понятиям, географическим местам, государственным и общественным учреждениям.

Текст рукописи содержит многочисленные пометы синей шариковой ручкой в виде галочек, поставленных, вероятно, позже и не автором. Не удалось установить, относятся эти пометы к тексту отдельных предложений, словам или сюжетам. В основном тексте в примечания они не вынесены.

В тексте рукописи треугольниками красной пастой отделяются части воспоминаний. Рядом с этими пометами вписаны названия, но наиболее часто треугольники встречаются без названий, что указано в постраничных примечаниях.

Структура издания включает в себя вступительную статью, археографическое предисловие (от составителей), основной текст воспоминаний, географический и именной указатели, список сокращений. Кроме того, издание снабжено иллюстративным материалом – фотографиями и документами из фонда р-1693, а также документами, предоставленными Управлением по делам архивов Администрации города Сарапула.

Благодарим Управление по делам архивов Администрации города Сарапула за предоставленные копии архивных документов и Д.А. Лобанова, главного научного сотрудника отдела истории Пермского краеведческого музея, за помощь в атрибуции фотографий.

Издание адресовано историкам, специалистам архивного и музейного дела, а также всем, кто интересуется историей Пермского края и России периода Первой мировой войны.

НА РОДИНЕ

Ваня проснулся, уже когда всё было готово к выезду на покос. Семья не хотела его брать с собой, дескать, вчера набегался, намокся, да и рубашонка со штанишками не просохли, но Ваня настоял, чтоб его взяли. Мать нашла ему хотя рваное бельишко, но чистенькое, сухое, прибранное ею на тряпки для половиков. Брат Павел, садясь на беседку короба и беря вожжи в руки, кинул с усмешкой Ване:

– Куда ты, Ванча? Смотри – у тебя и пузо голое! Сидел бы дома! Велик ли покосишко – и втроём нечего делать!

– Пусть мама остаётся дома, а я попробую свою литовку,– возразил Ваня.

На покосе Николай со своей семичетвертовой литовкой [12] пошёл вперёд. За ним следом – Павел и Ваня. День хотя был пасмурный от неуспокоившейся вчерашней грозы, но и не предвещавший ненастья. В такой прохладе работать было одно удовольствие.

– Косите, ребятушки, в дожжик, а собирайте в вёдро, как говаривали старики,– поучал детей Николай.

Но как ни легко было косить влажную, размякшую траву, унизанную бриллиантами росинок и невысохших дождевых капель, а Николай стал сдавать. Павел сзади начал нажимать. Ушла, видимо, былая слава его семичетвертовой литовки, да и его вместе с ней. Николай не выдержал, горестно вздохнул и, еле переводя дыхание, поплёлся к телеге. Павел взял было отцовскую литовку, махнул ей раз десяток – и положил на валок. Ваня тоже прельстился отцовской литовкой. Она хорошо берёт: за раз на шаг подаёшься, но ей силушка нужна. А ни силушки, ни былой солдатской удали у Николая не осталось. Вот они, встречаясь с братаном, встретив один другого, и не зря задавали вопросы: «А куда ж, братик, всё девалося?!» Вот и ищи теперь это самое, куда чего девалося. Хоть и ретиво порхает под хмельком, изредка с приплясом Иван Васильевич, а отрезвится – и ищет это самое «куда чего девалося», да разве былое найдёт! А Николай? Он ведь часто это – «куда чего девалося». Когда-то был бравый солдат. Бил турков. Как из ничего напористо принялся сколачивать своё гнездо, да так до конца не успел сколотить, помешало это «куда чего девалося». Но всё же нет-нет да и – то ли от грусти, то ли от воспоминаний – запоёт строевую солдатскую:

[12] Литовка – наиболее распространённая в крестьянском хозяйстве слегка изогнутая в рабочей части большая ручная коса на длинной рукояти.

Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваш родимый?
Наш родимый – царь непобедимый,
Вот где наш родимый!
Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши матки?
Наши матки – во поле палатки,
Вот где наши матки!
Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши жёны?
Наши жёны – ружья заряжёны,
Вот где наши жёны!
Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши детки?
Наши детки – пули, сабли метки,
Вот где наши детки [13]!

Вспоёт и крепко задумается, да так задумается, что явно заметно – тяжело у него на душе. Мысли его бродят и о далеко ушедшей солдатчине, и о будущих солдатах, которых он после службы учил, как допризывников, и теперь это самое на каждом шагу беспокоящее «куда чего девалося».

Покос небольшой, и они справились с ним быстро. Садясь в телегу, Николай глубоко вздохнул, глядя на свою семичетвертовую литовку, и только сказал:

– Ну, слава богу, ещё одно дело сделали. А теперь пусть сохнет.

Дома они только успели почаёвничать за столом – к окну подошли нищие, старичок слепой со старушкой, и запели:

Солнце в зарю закатилося,
А душа с телом расставалася,
Прилетали к этой душеньке
Да два ангела, два архангела – спросили:
«Чем ты, душа, уготовилась
Пред престолом, пред Господним?»
– «Я в среду, в пятницу постилася,
По ночам Богу молилася» [14].

Пели они довольно внушительно, да и мелодия всем очень понравилась. Павел особенно заинтересовался мелодией и после ухода нищих постарался воспроизвести её на фисгармонии [15], и ему это удалось. Николай и Авдотья калекам-старикам в подаче никогда не отказывали, но, взглянув и увидев нищего ещё в поре, работягу, обычно отказывали, говоря: «Бог подаст!»

[13] «Солдатушки, бравы ребятушки» – русская военная строевая песня.
[14] Отрывок из духовного стиха «Все мы, братия, помолимся…», бытовавшего на Урале.
[15] Фисгармония – музыкальный инструмент из семейства гармоник с фортепианной клавиатурой и настольным или напольным расположением. В начале XX в. получила распространение в домашнем быту любителей музыки.

На другой день рано утром постучал в окно десятник:

– Микулай Васильевич, батюшка велел всех звать в церковь, служба будет!

– А что, праздник разве какой? Ведь ещё сегодня не Ильин день[16]! – отозвался Николай.– Разве опять какой царский день?

– Не знай, не знай. Может, царский! – отозвался десятник и побежал стучать к Ивану Васильевичу.

В церковь Николай не пошёл, а распорядился ехать жать рожь:

– Нас Бог простит, а батюшка сам помолится,– проговорил он.

– Верно, тятечка[17],– согласился и Павел.

– У него рожь не окрошится.

А надо заметить, что за последние годы церковнослужители частенько начали праздновать и царские дни: то день рождения царя, царицы, их детей, родственников, братьев, сестёр, дядей, тёток, которых у них насчитывалась уйма. То их крещение, то тезоименство. Павел в одно время поинтересовался этими днями и насчитал их около сорока в году! Знай молись, не ленись. Николай на званые моления не один раз хаживал, а теперь, видимо, надоело, или работа жаркая охладила.

Всё же на поле во время обеденного отдыха у Николая затаилась мысль, что, пожалуй, надо бы сходить, может, о [тец] Василий в проповеди не о войне ли заговорит. Поди какое-то получил известие. «А может, братик ходил, его спрошу»,– решил он. Но ни братик, [ни] никто из соседей в церковь в этот день не ходили. Других прихожан Николай расспрашивать не стал – неудобно, сам верующий, а в церковь не ходил.

Вечером, когда уставшая семья сидела за столом, к окну [со] двора подошёл нищий-калека Тихон Павлович. Тихон, поставив [корзинку] на завалинку перед окном, кругом огляделся – нет ли поблизости индюка. Собаки Мильтошки он не боялся и на его заискивающие взгляды иногда отщипывал от кусочка крошечку и бросал ему, зная, что Мильтошка в корзинку не полезет. Но вот индюка после того случая, когда индюк вытаскал из корзинки у него шаньги, Тихон Павлович опасался.

Авдотья Степановна, открывая ему одной рукой окно, а другой подавая кусочек хлеба, заметила его опасения. Поздоровавшись с ним, проговорила:

– Ничего, Тихон Павлович, не бойся! Все уже сидят на седалах[18].

Крестясь и укладывая кусочек в корзинку, он завязал разговор:

– Что, Степанна,– неразборчиво гнусавил он изуродованным лицом[19] при аварии на беляне[20]. – Петруха-то пишет? Говорят, опять иконец[21] воевать с нами думает?

---

[16] Ильин день – церковный праздник, день памяти пророка Илии, отмечающийся 2 августа по григорианскому календарю (20 июля по юлианскому). В традиционной культуре восточнославянских народов считался концом лета.

[17] Тятя (просторечие) – отец, употреблялось преимущественно в крестьянском обиходе.

[18] Седало – насест для домашних птиц.

[19] *Лицом* вписано поверх строки.

[20] Беляна – деревянная плоскодонная барка, использовавшаяся для сплава леса, широко распространённая на Каме в начале XX в.

[21] Здесь и далее: должно быть *японец.*

– Да, давненько-то письма-то нету.

– А Пашуха-то с Ваней дома, здоровы?

– Дома, ничего, слава богу!

– Микулай-то Васильевич бегает?

– Да уже плохо же.

– Страдуете?

– Страдуем помаленьку.

– Ну, слава богу. Хоть бы войны не было, а иконец (японец), говорят, Степанна, всё на нас злится да ерманца[22] подговаривает? Пашуха-то ваш не говорит про войну-то?

– Да говорил про како-то убийство, так ведь я плохо понимаю[23].

– Да, слыхал и я об этом, какого-то (и он попытался выговорить, но не мог) убили из-за этого-де гов…[24], может и война быть. Пашуха ваш, поди, знает? Хоть бы православные-то в полях убрались вовремя. Уже молюсь я об этом, Степанна, чтоб войны-то не было. Пора-то ведь страдная[25]. Говорят, послезавтра Ильин день?

– Да, так оно,– подтвердила Степановна.

– Ну, прощайте, Степанна! Спаси вас Бог на святом подаянии,– надевая рваную шапку и взяв корзину, Тихон ушёл от окна, а Авдотья Степановна, закрывая окно, по принятому обычаю сказала:

– Не прогневайся, Тихон Павлович!

– Что, тятечка, мы будем делать – жать или на покос? – спросил Павел отца, укладываясь спать.

– Дожить надо до завтра, Паша. Ведь человек спать ложится и не знает, что с ним может случиться, встанет ли он. Но у меня, если будем живы-здоровы, есть намерение завтра, если будет вёдро, подобрать сено. За три дня, думаю, оно подсохло. Послезавтра у нас которое число? Знать, двадцатое августа? Значит, Ильин день[26], а Ильин день обычно проходит с грозой или дождём. Если сено не уберём – подмочит.

– Нет, тятечка, послезавтра у нас ещё девятнадцатое, это Тихон Павлович явно ошибся.

Павел оказался прав.

Утром Николай, кряхтя и стоня, встал с постели и распорядился:

– Вставайте, ребятки. Я думаю, сегодня Паша, мать и я поедем сено подберём, а Анна и Ваня пусть домовничают, раз Анне нездоровится. А Ванятке наказ: наготовить из сучьев дров, чтобы мать не тюкалась топором каждое утро. Ей и так дела хватает.

– Правду [говоришь], отец, у меня уже от топора рука заболела. Пусть Ваня наготовит,– удовлетворённо сказала Авдотья Степановна.

---

[22] Здесь и далее: должно быть *германца*.

[23] Имеется в виду убийство наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда, произошедшее в Сараево 28 июня 1914 года и ставшее поводом для начала Первой мировой войны.

[24] Здесь и далее отточия автора.

[25] Страдная пора – летние полевые работы.

[26] Автор путает. Ильин день по юлианскому календарю – 20 июля, а не 20 августа.

День удался ясный. Приехав на покос, Николай, проверив сено, заключил, что оно за ночь отмякло и требовалось сперва его перетрясти, подсушить, а потом уже и сгребать в копёнки. Работа эта не так громоздка, и они справились, тряся и переворачивая валки, быстро, а Павел, уже пройдя по ряду до восточного конца покоса, начал метать копёшки. Мать с граблями подошла к нему и начала собирать граблями остающееся после вил сено. Николай поспешил к ним, ведя Бурка под уздцы.

– Возьмите Бурка-то, а я пойду стожарок[27] поставлю да сучков под сено пособираю,– сказал Николай.

– Мама, подержи Бурка, а я один справлюсь, а то он под вилу тычется!

– Да я, Паша, готовые-то копёшки зацеплю и отвезу к отцу. Вон он уже стожар поставил!

Когда сено было скопнено и подвезено к месту укладки стога, Павел начал укладку. Авдотья Степановна с граблями подхватывала на навильники[28] сено, укладывала и топтала, утрамбовывая его. Николай, видимо, тяжеленько поработал с установкой стожара, ушел к телеге и разминал болезненно паховую грыжу[29].

У Вани дома дела шли как не надо лучше. Братаник Вася увидел, что Иванко дома, и не замедлил прийти ему на помощь. В два топора они нарубили столько дров, что маме на месяц хватит, да и [их] выбор хороший. Но что это на улице за рёв? Ребята и топоры приопустили. С горьким плачем вбегает Анна Якимовна и сквозь визг и слёзы вскричала: «Ваня, Вася, война!» С трудом она пояснила:

– Я у мамы сидела, а в задней-то улице десятский на лошади проскакал, кричит: война, мобилизация! Бегите на покос-то, скажите им!

Ваня с Васей что есть духу бросились бежать на покос. Только они выбежали на улицу, как им навстречу, вздымая пыль, скакал на лошади другой десятник. Он размахивал в стороны фуражкой и неистово кричал: «Война, война, мобилизация!» Проехав по улицам села, вестовые десятские[30] галопом[31] поскакали в поля, так как население почти всё было занято полевыми работами. Дома обычно оставались малыши да больные старики, старушки, сброшенные со счёта работников. Однако и эти старики и старушки в страдный период были не без дела. Они зорко следили за малышами-ребятишками, чтоб они не допустили бы где подпала[32]. Ведь как ни прятали родители [огонь], уезжая в поля от зари до зари, а всё же эти несчастные случаи и в Ершовке[33], и в Армязе[34], да и вообще по деревням случались.

[27] Стожар – шест для опоры стога.

[28] Навильники – большие вилы с широко разведенными в стороны зубьями.

[29] Далее авторский заголовок *Война.*

[30] Вестовые десятские – выборное лицо из крестьян (обычно от 10 дворов), исполнявшее полицейские функции в деревне, оповещающее лицо.

[31] После *галопом* вычеркнута часть слова *дви*.

[32] Подпал – поджог.

[33] Ершовка – село в Осинском уезде Пермской губернии, центр одноименной волости, ныне – село в Камбарском районе Удмуртии.

[34] Армязь – деревня в Ершовской волости Осинского уезда Пермской губернии. Фактически две деревни – Верхний Армязь, ныне не существует, и Нижний Армязь, ныне – деревня в Камбарском районе Удмуртии.

Ваня с Васей добежали до своих в тот момент, когда Николай дрожащими руками схватил вожжи и понукнул Бурка. Павел сидел над своей мамой, лежавшей в коробу на сене и еле всхлипывавшей.

– Мама, мамочка, успокойся! Меня-то из школы, может, не возьмут, а братик Петя совсем в другой стороне. Война от него далеко! – уговаривал Павел маму.

Вася с Ваней уже на ходу подсели на телегу сзади.

– Как вы, Павел, узнали о войне? – спросил Ваня.

– На лошади с перевоза десятский проехал и выкричал нам. Мы уже с сеном справились. Я хотел маму по вожжам спустить со стожка, а она, как услышала про войну, упала и скатилась со стожка, ладно, что я успел её подхватить, а то бы зашиблась. Стожок-то хоть не высок, возишка полтора, но ведь земля-то твердая,– ответил Павел.

Подъезжая к речке Паркачихе[35], все обратили внимание на тучи пыли на полях дорог за селом.

– Смотрите-ка, точно горят наши поля,– управляя лошадью, проговорил Николай.

В самом деле, на полях было что-то невероятное. Люди, услышав страшную весть о войне, побросали работы и гнали, гремя колесами скрипучих телег, подымая тучи пыли, в село, чтоб узнать точнее. Шум телег с гиканьем и рёвом женщин смешивался в общую суматоху. Домовники[36], старики и старушки, высыпали, держа ребятишек при себе, на улицу для встречи работников. По улицам, предчувствуя беду, раздавались необычные выкрики и женский плач: так встретила и Анна Якимовна своих с покоса, распахнув ворота для въезда во двор. Во дворе Павел с Ваней помогли маме слезть с телеги и увели [её] в избу. У их мамы уже не было сил плакать. Она лишь с трудом переводила дыхание и недоуменно переводила взгляд на окружающих.

Времени было уже около четырех часов вечера. Павел распорядился Якимовне поставить самоварчик. По улицам села десятники на лошадях развозили повестки подлежащим мобилизации. Семья Николая Васильевича собралась было за стол пить чай, как к дому подъехали из Армязя зять Дмитрий Васильевич, дочь Парасковья, а с ними сват Василий и сватья Настасья Созыкины. Парасковья, уливаясь слезами, первая забежала в избу и бросилась к отцу, матери:

– Тятечка, мама, родные – Митю у меня берут! Получил повестку!

Известие всех ошеломило. Мать с дочерью в два голоса, обхватившись, горько плакали. Дочурка Павла Маня спрыгнула с коленей своей мамы и с диким визгом ухватилась за бабушку:

– Баба, не пась! – кричала она.

И только зашедшие в избу зять и сват утихомирили расплакавшихся:

– Чего вы, маманя, Паня, развылись и ребенка напугали! Точно кого хороните! Ведь я ещё только повестку получил. Будет ещё нам комиссия, может, забракуют! Какой я им солдат! – уговаривал зять Дмитрий.

---

[35] Паркачиха – речка, впадающая в реку Каму у села Ершовка.

[36] Домовники – те, кто оставлись в доме с детьми в страду, когда все уходили на полевые работы.

– Вот и повестка! В ней сказано: завтра к одиннадцати часам на сборный пункт в Сарапул[37], а из Сарапула в Осу[38] на комиссию[39],– сообщил Дмитрий.

Все уселись за стол к уже отшумевшему самовару. За чаем разговор был только о войне. Ясно было, что воевать придётся с немцами, но и задиристую Японию не скидывали со счетов. В разговорах потревожились о судьбе Петра на Дальнем Востоке. Поопасались и – уцелеет ли Павел, ведь Павлу не вручена повестка. Гости, попив чайку, направились обратно в Армязь. Провожая их, Николай коснулся [вопроса], как у свата дела с уборкой в полях. Сват со сватьей горестно вздохнули, говоря, что вся надежда была на Митрия, что Донка, их второй сын, плохой помощник.

– Ну, никто как Бог! – проговорил сват Василий и тронул лошадь.

На второй день к девяти утра зять Дмитрий в сопровождении родных приехал к Николаю. Зять был полностью собран в дорогу. Авдотья Степановна с Анной Якимовной ночь не спали, готовили подорожники для Дмитрия. Насушили ржаных сухарей. Испекли пресных ржаных, начинённых тонким слоем пшённой каши шанег. Но все эти подорожники пришлось разложить в две котомки: одну Дмитрию, а другую Павлу. Павлу повестку вручили перед приездом к Николаю зятя с родными. Армязцы, заходя в избу, увидели, что тут тоже переполох. Павел только и утешал родных, что из Осы он вернется, хотя на сердце таилась неуверенность.

«Война будет тяжелой, и не только учителей заберут, а и, пожалуй, до калек доберутся»,– думал он и поэтому собирался обдуманно. Отцу он наказывал:

– Тятечка, за плуг мы рассчитались, а вот если агроном от земства приедет за сеялкой, отдайте, она не наша[40]. Только расписку возьмите. Ещё, может быть, придет письмо из Челябинской области от директора интерната[41]. Этот директор меня звал к себе учительствовать. Так, если я не вернусь – ответьте ему, что на службе. А может, я и сам, время будет, напишу. А вот с Иванком-то как? Не знаю! Ну да вы уж, тятечка и мама, сами решайте – справитесь ли вы с работами?! А ты, Ваня, пиши и мне, и Петру, как будут тут дела,– обратился он к Ване.– Война, думаю, тебя не заденет. Ещё молод!

На провожаны пришел и дядя Иван Васильевич со всем семейством. Переступая порог, он снял свою с ломаным козырьком фуражку. Трижды перекрестясь на икону в углу и злобно хлопнув руками по бедрам, во всеуслышанье вскричал:

– Да што это, братик Пашуха, делается на белом свете! И Митюху, знать, берут?! Чего пузанам стало мало! Боже наш, боже! Гибель ведь будет народу!

---

[37] Сарапул – город Вятской губернии, центр одноименного уезда, ныне город в Удмуртии.

[38] Оса – город Пермской губернии, центр одноименного уезда, ныне город в Пермском крае, районный центр.

[39] В Осе располагался уездный призывной пункт, но жители Ершовской и Камбарской волостей добирались до города через Сарапул, где был сборный пункт.

[40] Агроном от земства – служащий Осинского уездного земства. В целях повышения технологического уровня крестьянских хозяйств земство снабжало их сельскохозяйственными орудиями. Семья Деськовых получила в аренду от земства сеялку.

[41] Автор путает. Челябинская область была создана в 1934 г. Сосноозерская сельскохозяйственная ремесленная колония для неимущих детей находилась в южной части Екатеринбургского уезда Пермской губернии.

– Что сделаешь, братик! Нас не спрашивают, а вот приказано – и не пошел бы, да пойдешь,– проговорил Николай[42].

Перед выходом все уселись на лавочки и, промолчав с минуту, встали. Помолились, по обычаю, на образа, и Николай сквозь слёзы начал прощаться, целуя и приговаривая: «С Богом, дитё!»

Все последовали его[43] примеру[44]. Уезжающие падали в ноги родителям и родственникам, прося прощения. Надев котомки с подорожниками, Павел и Дмитрий направились к выходу. Павел на руках вынес плачущую дочурку, расцеловывая её. Две лошади в упряжках ожидали их во дворе. Усевшись на телеги, поехали на перевоз[45]. На противоположном, левом, отлогом берегу Камы, против города Сарапула стояло уже много привязанных к растущему дубняку подвод. Телеги были разобраны: задки сняты с передков. Лошади жевали в коробах оставленное хозяевами сено. На некоторых телегах были оставлены караульщиками малышки с заплаканными глазёнками. Им было до крайности обидно, что взрослые их не взяли проводить в дальнюю дорогу или папу, или брата. Перевоз, маленький винтовой пароходик с паромом, уже отвез через Каму несколько раз отъезжающих мобилизованных и провожающих и стоял у своей набережной пристани.

Николай и сват Василий подвернули своих лошадей к одному дубочку. Сняли с передков телеги. Выпрягать лошадей не стали, а в запряге поставили к коробам с сеном. К ним подъехал со своим семейством проводить Павла и Дмитрия и дядя Иван Васильевич.

Перевозчик, стоявший у сарапульской пристани, дал третий гудок и отшвартовал [паром] от берега без единого пассажира. К ожидающим перевоза то и дело подъезжали из окрестных деревень мобилизованные с провожающими семьями. Берег стонал от ржания коней, женского плача и пьяных песен.

– Смотрите-ка, уже сколько наехало, пока мы ждем перевоз! – удивился Николай.

Пароходик свистком оповестил свой подход к берегу, и как только паром пришвартовался, началась посадка. Хозяин перевоза Зылёв[46] сегодня весел. Шутка ли, сколько он перевез сегодня уже людей! Да ещё перевезет туда и обратно! Да с каждого по три копеечки. Сегодня у него небывалый заработок!

– Ну, кто ещё, садись! – покрикивал он.– Не бойтесь, проходи потеснее. Паром вытерпит!

– Вишь, как рад народу-то! – заметил братик, обернувшись к Николаю и Павлу, Иван Васильевич.

– Его бы, бравого, проводить-то!

– А может, и проводят, дядя,– ответил Павел.– Неизвестно ведь, что война покажет!

---

[42] Далее авторский заголовок *Мобилизация.*

[43] *Его* вписано поверх строки.

[44] После *примеру* вычеркнуто слово *надо*.

[45] Поверх строки примечание автора *2 августа Австрия объявила войну России*.

[46] Биографические данные установить не удалось.

– А ну, штурвальный, отчаливай! – отрывая последним пассажирам трехкопеечные билетики, прокричал Зылёв.

Пароходик дал отправной свисток, и штурвальный, работая колесом штурвала, в рупор скомандовал машинисту: «Вперёд, тихий!»

Забурлила под кормой пароходика вода. Сбоку заплевалась отливная вода в виде суспензии смазочного масла. Заплескался по камской глади, натягиваясь, буксирный канат. Тронулся отшвартованный, набитый людьми паром в сопровождении песен, рева и слёз.

– Свистки! – вскричал Зылёв штурвальному – и потянулись прощальные свистки, усугубляя и без того тяжелые переживания уезжающих и провожающих. Кто знает, вернутся ли они к родному берегу, к родным! Слёзы, крики, слёзы! А Кама несёт всё так же свои воды, как сегодня, вчера и годы назад, только за кормой пароходика и у парома морщится возмущённая её поверхностная гладь, отливаясь к берегам мелкой рябью.

– Полный вперёд! – скомандовал штурвальный.

Ещё чаще пароходик[47] стал сплевывать сбоку грязную, из своего нутра воду. Сильнее затрясся корпусом от непосильного груза и вибрации двигателя. Подле берег [а] островка, выбирая слабое встречное течение воды, он дотянулся вверх по Каме, миновав городскую противоположную Старцеву гору[48], и только тогда потянул на перевал реки, держа нос под острым углом против течения. Двухвёрстное расстояние паром проплыл за час.

Сарапульский берег пестрел деревенским народом. Урядники[49] и стражники, подхватив левой рукой болтающиеся сбоку шашки, направляли людей вниз по берегу на площадь к Покровской церкви[50], на берегу у которой будет производиться посадка мобилизованных на пароход для отправки в город Осу. Около часу дня к плюснинской пристани[51] пришвартовал [ся] двухэтажный пассажирский пароход купца Плюснина «Рассвет». На берегу у пристани началась перекличка мобилизованных, и проверенные с котомками за плечами, с нависшими на шею женами, матерями, отцами, детьми и родственниками под истерический плач направлялись жандармами[52] к трапу пристани для посадки на пароход.

– Самарин Иван Филиппович! – перекликали полицейские.

– Самарин, Самарин! – передавалось по толпе, а кто-то в шутку бросил жандарму:

– Самарин остался праздновать завтра Ильин день!

---

[47] *Пароходик* вписано поверх строки.

[48] Старцева гора – возвышенность в северной части Сарапула.

[49] Урядник – нижний чин уездной полиции.

[50] Покровская церковь – каменная церковь в Сарапуле, построенная в 1791 г. В 1868–1918 гг.– главный храм Сарапульского викариатства Вятской епархии, в 1918–1930 гг. и с 2013 г.– кафедральный собор Сарапульской епархии.

[51] Пристань в виде дебаркадера в Сарапуле, принадлежавшая пароходству А. И. Плюснина. В 1914 г. обслуживала местные пароходные линии Сарапул – Оса и Сарапул – Каракулино.

[52] Жандармы – военнослужащие отдельного корпуса жандармов в 1826–1917 гг., выполнявшие в Россиской империи преимущественно функции политической полиции.

А другой подправил:

– Он боится на вас, жеребцов, бабу оставить! – шутка острая, но не вызвала смеха. Но жандармы навострились:

– Кто это кощунствует?! – прицепились они.

– Я! – отозвался подошедший с котомкой мобилизованный в сопровождении родных и близких.

– Что ты, налакался, что ли? Кощунствуешь на блюстителей порядка! Отвести его в жандармское отделение! – приказал урядникам жандарм.

Два урядника, оттеснив родных, начали подхватывать под руки упирающегося «виновника».

– Ну, иди, иди! Выполняй распоряжение! Как фамилья-то? – толкая, спросил урядник.

– Самарин Иван. Вы же кликали меня! – отозвался мобилизованный.

– Тьфу ты, дьявол! Так это не ты кричал о празднике да бабах?

– Ничего я не кричал! Меня вы кричали, я и подошел.

– Пошли обратно,– сказал урядник.

– А в жандармерию-то как в вашу? Я хоть бы там у вас праздничек завтрашний справил! – обратился Самарин к урядникам, показывая им из внутреннего кармана пиджака горлышко сороковки [53] с мутной самогонкой.

– Ишь ты, ну-ка, давай её сюда! Ты знаешь, что в эти дни мы должны с божьим благословением идти за царя-батюшку, веру православную страдать, душу отдавать, а не самогон пить!

– А ты-то куда сороковку-то в карман прячешь? Отобрал, говоришь, пить нельзя, а сам не бросил, а спрятал?! – упрекнул Самарин урядника, а идя обратно к пристани, думал – стукнуть кулаком по выпученному сороковкой карману, чтоб от урядника самогоном завоняло, да, подумав, раздумал: «Все равно оправдаются, да из-за меня и родным достанется».

Подведя Самарина обратно к мосткам, урядники взяли перед жандармом под козырек и отрапортовали, что произошла ошибка, что это тот самый Самарин, которого им было нужно, но пропускавший мобилизованных жандарм с помогавшими ему урядниками со злобой и грубостями буквально оторвал вцепившихся и рыдающих в мобилизованного родных, не стал расспрашивать урядников, в чем дело, а протолкнул Самарина на трап. Самарин не успел и хорошо распрощаться с родными, но, зайдя на трап, он, обернувшись к жандарму, ткнул его в плечо. Жандарм не ожидал такого толчка и, осклабившись, обернулся:

– Што, драться думаешь, пьяная рожа?! – закричал он на Самарина.

– Пошто драться! Мы уж там подеремся, а здесь я и руки об вас пачкать не хочу! А только вот вы, жандармерия, нам пить не даете, а у самих в карманах сороковки с самогоном!

– Што врешь?!

---

[53] Сороковка – бутылка (водки, самогонки) вместимостью в 1/40 ведра (т.е. объемом примерно 300 мл).

– Не вру! Посмотри-ка в кармане вон у того урядника!

– Пошел на пароход, подлодочная шпана! – закричал на него жандарм, а одному из урядников наказал спросить фамилию бузотёра и сделать отметку в списке.

– Да это тот самый Самарин, которого мы давеча выкрикивали, ошибка произошла! – держа под козырек, объяснил урядник.

Павел и Дмитрий, распрощавшись с родными, подошли к трапу. Расцеловывая их, Николай наказывал:

– Бога, детушки, не забывайте! Будьте осторожны! Ни крестов, ни медалей нам не нужно, были бы вы целы да здоровы!

Авдотья Степановна, обхватив руками шеи сына и зятя, ничего не могла сказать напутственного, а, обессилев, повалилась к их ногам. Николай с братиком Иваном Васильевичем подхватили её под руки, а Павел с Дмитрием, прислушиваясь к перекличке, уговаривали своих родных:

– Тятечка, и ты, Анна, если я не вернусь из Осы домой, почту, газеты и журналы прибирайте, не бросайте, а храните. Всё может пригодиться!

– Ладно, ладно, Паша! Будь спокоен за почту! Берегите себя!

И вот Павел с Дмитрием, миновав жандарма, пошли по трапу на пароход. Всё больше мобилизованные грудились к левому борту парохода. Пароход всё больше валился бортом к пристани. Матросы для удержания судна в равновесии перекатывали бочки с балластом. Берег всё наполнялся плачущими и причитающими. Им бросали прощальные взгляды мобилизованные с борта парохода. Махали и на берегу, и с парохода, платками, фуражками, руками. Наконец посадка была закончена, и пароход дал первый отправной гудок. Гудок буквально резанул по сердцам расстающихся. В сплошной рёв и визги превратилась на берегу Камы пёстрая, но празднично одетая тысячная толпа. Крики – «сынок, папа, тятя, на кого вы нас оставляете!» Крики, взмахи, да и слезы у многих ответно неслись с парохода.

– Батюшки, милые, да что же это, ведь перевернётся пароход! Батюшки, царица небесная, спаси-сохрани, перевернется – и все утонут! Детушки, милые! – причитали в толпе.

Капитан злобно кричал на матросов:

– Что рты разинули?! Перекатывайте весь балласт! Перетаскивайте на правый борт какие есть грузы! Пассажиров отгоняйте от борта! Боритесь с креном! – [а] сам побежал к рубке и дал второй отправной свисток.

Первый момент гудка ещё был слышен среди воплей и криков, но второе гудение полностью было приглушено толпой, и только видно было выбрасывание гудящего пара из свистка. Капитан парохода явно нервничал, через три или четыре минуты дал третий свисток и следом за ним три коротких гудка, вскричал:

– Отдай концы!

Пароход при отшвартовке от пристани получил ещё больший крен на левый борт. Захлопали об водную гладь плицы[54] колес, и пароход медленно подле берега пошел на выход к фарватеру Камы, рассекая течение воды. Тысячная толпа

[54] Плица – лопасть пароходного колеса, захватывающая воду при его вращении.

провожающих, как мураши с муравейника, бежали за уходящим пароходом, перескакивая через стоящие на причалах набережной лодки и попадающие навалы брёвен. Многие, истерично причитая, забегали в воду, стараясь как бы ухватиться за уходящий пароход. С парохода, отдаваясь эхом в закамских лесах, потянулись заунывные протяжные прощальные[55] гудки. С воем, визгом люди старались угнаться за пароходом по берегу. Спотыкались, падали, шлёпали лаптишками по воде; махали, стараясь в последний раз встретить взгляд своего родного, близкого своему сердцу. Но разве за пароходом угонишься!

А прощальные пароходные гудки всё ещё тревожили бегущих за ним. И бежали бы ещё, да на пути им встретились непроходимые береговые постройки различных лабазов, амбаров да и пристаней купеческих пароходств: Курбатовых[56], Каменских[57], Любимовских[58] и компаний. Передние, которые были побойчее, остановились, но задние напирали на них, испуская последние вопли, утирая раскрасневшиеся глаза от слёз.

Авдотья Степановна, убитая горем, стояла у канатного причала пристани, держалась правой рукой за канат, а на левой держала внучку Маню. К ней подошла сноха Анна, как бы в ней ища утехи, сказала:

– Маменька! Да что же это?! Дай-ка мне Манюрку-то, сиротинушку! Ведь сама-то кое-как стоишь! Иди ко мне, доченька!

И тут – уже, казалось, отплаканные – слёзы снова полились[59].

– Будет, Авдотья, и ты, Анна, убиваться! – уговаривали их братики Николай и Иван.– Видно, так Богу угодно! – говорили они.

К ним подошли родные зятя Дмитрия армязского. Погоревав, они направились к перевозу. У зылёвского перевоза уже много собралось возвращающихся с провожан. Все они с горем и слезами разговаривали, встречая таких же горестных знакомых. Перевоз работал без расписания. Нагрузив людьми полный паром, он немедля отчаливал, перебрасывая людей через Каму, где их ожидали безмятежно жевавшие сено лошади. Перебравшись через Каму, семьи Деськовых и Созыкиных договорились вместе почаёвничать в доме Николая Васильевича. За чаем только и было разговоров о войне, о мобилизованных. Павлу и Дмитрию они ещё при отправке наказывали

---

[55] *Прощальные* вписано поверх строки.

[56] Курбатовы – сарапульская купеческая династия, специализировавшаяся на судостроении и речных перевозках, основателем которой был Курбатов Устин Саввич (1827–1885), почётный гражданин города Сарапула. После экономического кризиса 1900–1903 гг. флот, пристани и склады были распроданы.

[57] Каменские – пермская купеческая династия, специализировавшаяся на речных перевозках. Её основателями были Фёдор Козьмич Каменский (1810–1885), пермский городской голова в 1865–1869 гг., и Григорий Козьмич Каменский (1814–1893). В 1914 г. пароходство наследников Каменских было выкуплено Н. В. Мешковым.

[58] Любимовы – пермская купеческая династия, владевшая пароходной компанией, машиностроительным заводом в Перми, соляными промыслами в Верхнекамье и Березниковским содовым заводом. Наиболее известный представитель династии – Иван Иванович Любимов (1838–1899), пермский городской голова в 1869–1875 и 1876–1878 гг.

[59] Далее авторский знак заголовка.

держаться вместе да почаще писать письма. После чая Созыкины отправились к себе в Армязь.

– Не горюй, Паня, может, Бог милостив, вернутся! – утешал дочь Николай.– Уж в каких переплётах я ни был, а вот остался жив,– провожал он её в дорогу.

В таком горе и слезах население отпраздновало престольный [60], когда-то полный веселья праздник Ильин день. По сказам стариков, в Ильин день всегда нужно ожидать грозу или дождь, [говорят], что Ильин день редкий год проходит без грозы. Даже в народе существовало изречение «Илья-пророк на печи промок». Но на этот раз день прошел без мокрой грозы, а с грозовыми разрядами войны.

В Ильин день под вечерок Иван Васильевич пришел проведать братика да поговорить с ним. У Ивана Васильевича дети: старший Иван, помоложе Федор, но они – хотя и призывного возраста – по состоянию здоровья числятся ополченцами второго разряда, а малый Вася – ровесник Ване. Хотя сыновья Ивана Васильевича, как Иван, так и Федор, ополченцы, но Иван Васильевич тоже впал в раздумье:

– Смотри-ка, Пашуху даже, учителя, взяли; пожалуй, доберутся и до его Ивана и Федяги,– думал он.

Поздоровавшись с семьей братика, он сел на скамейку, положил свою рваную фуражку подле бока, вздохнув тяжело, заговорил:

– Вот так праздничек встретили, братик!

– Да уж какой тут нашему брату праздник! Одни слёзы да горе!

– Горе, горе, братик! Вот ведь Пашуха-то не зря говорил, что войной пахнет. А жаль Пашуху-то, смышлёный он. Неужто не ослобонится [61]?

– Да уж навряд ли. Он ведь и по газетам-то говорил, что если будет война, то она будет страшнее японской [62]. Да, братик, я и в голову никак не уложу. Ведь Паша-то говорил, что воевать придется не с одной Австрией, а и [63] с Германией. А ведь у нас царица-то немка, родня германскому царю. Так что тут будет за война?! Вот ведь какой узелок. Наш царь с германским царем схватятся, а что будет делать наша царица? Она ведь баба, а от бабы всё можно ждать. Об этом я как-то и Пашу спрашивал. Он тоже ничего мне не растолковал, только и сказал, что как в японскую нам насовали, так и в эту будет – каша да измены.

– А Сербия-то – она православная, Пашуха не сказывал?

– Да што-то не к слову, я не спрашивал его. Он-то уж, наверно, знает.

– И што это за дикость, братик,– наш царь захотел немки, што, своего нет?!

– А што поделаешь. Нас, братик, не спрашивают.

– Так оно, так,– согласился Иван Васильевич.– Теперь уже, поди, Пашуха с Митрием в Осе?

– Да, так думаем. Оса ведь недалёко. Наверно, уже комиссию врачебную проходят. Хоть бы, братик, слабых-то забраковали. Ведь у Пашухи-то здоровье не

[60] Престольный праздник – праздник в память события или святого, в честь которого был освящён храм.

[61] Ослобониться – освободиться.

[62] Русско-японская война 1904–1905 гг.

[63] *И* вписано поверх строки.

особенно крепкое. Митрий-то вроде поздоровше. Хоть низенький, а коренастый, по отцу. Я вот с Веруськой эту ночь всё передумал. Ежели, думаю, Пашуху не ослобонят, дак, пожалуй, и моих ополченцев заберут[64]. Да опять и думаю – какие из них солдаты, хуже меня! Васятка вот вроде покрепше растёт. Сейчас уже ростом-то догнал меня, братьям не поддается, ядрёна хань[65]!

Ивана Васильевича в селе считали бойким мужиком, в отличие от брата Николая Васильевича. Как видом, так и темпераментом они резко различались друг от друга. Ростом Иван Васильевич был чуть ниже Николая, Иван Васильевич многое унаследовал от своего отца Василия Васильевича. Черноватый, с палыми чёрными глазами, чёрными густыми бровями и стриженой чёрной бородкой. Нос у него широкий, курносый. В движениях всегда быстрый, горячий. В отличие от него, братик Николай унаследовал больше черты матери Ксеньи Петровны[66]. У него светлые с рыжим волосы. Рыжеватая бородка. Глаза карие, всегда вдумчивые, спокойные. В движениях спокойный. Вид болезненный, хотя ершовцы поговаривали про его молодые годы, что он только после службы в армии «нос повесил».

Вот и теперь Иван Васильевич, сидя на скамейке, резким движением схватил свою с поломанным козырьком фуражку, резко привскочил со скамейки, хлопнул фуражкой по ладони левой руки и сказал:

– Война, война! А кому она, братик, нужна! Што, нам?! А вот ишо: что скажет народ. Пожалуй, как в японскую [войну], народ забунтует, так и навоюемся?! Не так ли? А?

– Пожалуй, так, братик. Павел у нас так же говорил, что война, если вспыхнет, добра никому не принесет. Разве только купечество от неё наживется. А может, братик, так же получится, как, помнишь, после японской-то войны в Сарапуле желтопузых громили да палили?!

– Всё, братик, может быть,– согласился Николай.– На Петюху-то кабы японец там не напал. Пашуха-то ведь говорил, что он близко служит [от] японцев.

– Да, Петро близко [от] японцев,– подтвердил Николай.

– Ох, Пашуха, Петюха, Митрий, хоть бы вас Бог спас,– проговорил Иван Васильевич, уходя из дома.

Прошла неделя после расставания с мобилизованными, но от них не было никаких вестей. Хотя погода благоприятствовала уборке в полях и сенокосах, но уже былого размаха не чувствовалось. Потянулись на полевые работы и старики и старушки, проводив своих кормильцев. С плачем взялись все, невзирая и малолеток, за уборку в полях. Не стало в домах домовников – все на полях проливали пот и слёзы. Точно гроза с ураганом нависли над и без того обездоленным народом. Точно замерло всё, и люди ходили удручённые, мрачные. Соседи, встречаясь, снимая шапки, приветствовались со вздохами и расспрашивали один другого, нет ли каких

[64] Государственное ополчение – резерв вооружённых сил России, существовавший в 1874–1918 гг. Делился на два разряда, в которые определяли с учётом состояния здоровья и семейного положения.

[65] Ядрёна хань – ругательство.

[66] *Петровны* вписано поверх строки.

вестей от мобилизованных. Женщины с вёдрами на плечах при встречах и у берега Камы, и на прогулках подолгу обсуждали свои горечи, и только тогда расходились, когда тяжелые, наполненные водой вёдра уже не в силах были держать.

Николай Васильевич говорил Авдотье:

– Мать, видно, Пашу с Дмитрием все еще по комиссиям водят. А то бы уже они обязательно нам отписались. Молчат – значит, ещё вопрос не решён у них.

– Так почему, тятенька, вестей ни от кого нет, кроме вернувшегося урядника, который сказал, что забракованных нет? – ввязалась в разговор подслушивающая Анна Якимовна.

– Да ну верить уряднику! Что он – врач, што ли?! – а сам Николай решил, что сына и зятя взяли, и они не пишут лишь потому, что не хотят расстраивать своих родных.

Сноха Якимовна и дочь Парасковья, договорившись с отцом и матерью, решили съездить в Осу, узнать о судьбе Павла и Дмитрия, но рассыльный принёс письмо от Павла. Павел сообщает, что комиссию прошли, и их скоро отправят в Сибирь, по слухам, в город Иркутск[67], а не на фронт. Это сообщение, то, что не на фронт, Авдотью, дочь и сноху несколько успокоило. Но Николай знал из своего опыта эти военные махинации и только проговорил:

– Ну, куда их на фронт! Разве уж когда обучат, то повезут. А пока обучают – бог даст, война и кончится!

Да так каждый таил в себе надежды на лучший исход, но война оборвала все стремления, все надежды, кажется, всё повалилось в какую-то пропасть.

Ещё 24 июня Павел писал брату Петру: «Петя! Ты пишешь, что, несмотря на наше несогласие, ты всё-таки хочешь поехать куда-то. Прежде всего, ты, конечно, должен был сказать нам, куда ты намерен ехать и для чего. Если ты поедешь “людей видати, себя казати”, то ты ведь и так в твои-то годы “людей повидал и себя показал”. Если ты едешь посмотреть города и веси, то ты и так немало их видел и увидишь на пути домой. Если же ты едешь осмотреть разные достопримечательности некоторых городов и местностей, то ведь для этого нужны большие деньги…

Итак, я не понимаю, куда и для чего намерен ты ехать? Будь добр, посвяти меня в свои планы. Ваня и Вася экзамены сдали и к Петрову дню (29 июня)[68] приедут домой. Что намерены они предпринять в дальнейшем – не знаю…

Здоровье тятечки и мамы – обыкновенное, хотя тятечка заметно одряхлел. Потерпел он неудачу: как ты знаешь, он купил часть усадебного места. Место обратно отобрали, а деньги не вернули. Всё в Ершовке по-старому. Только появилось много приезжих инженеров и рабочих. Привезли на Черный Яр несколько десятков вагонов и несколько паровозов – будет строиться временная линия для подвоза материалов на магистраль. Я писал тебе, что часть яровых я посеял сеялкой. Рожь (сейчас мы возим

[67] Иркутск – город в Восточной Сибири, центр одноименной губернии, место расположения штаба Иркутского военного округа, ныне столица Иркутской области.

[68] Петров день – день памяти апостолов Петра и Павла, отмечающийся 12 июля по григорианскому календарю (29 июня по юлианскому).

навоз к Юрьину болоту) тоже, вероятно, посеем сеялкой же. Хорошо бы завести свою сеялку: очень хорошо взошли яровые – рядками. Особенно красиво взошла гречиха.

До скорого свидания! Пиши!

Твой П [авел] Деськов.

P. S. Брось свою поездку-то!

24 июня 1914 года».

А вот 21 июля 1914 г. Павел уже писал братику Петру, мечтавшему вот-вот отслужиться, и, чтоб не делить между братиками эти клочки отцовского надела земли, поехать куда-либо поискать работу. Теперь, после подыгравшей судьбы, Павел уже из Осы сообщает: «Петя! Хочет быть война. Запасные мобилизуются. Мобилизуют и учителей. Я принят как запасной, и говорят, что нас повезут в Сибирь до Иркутска. Пишу тебе из Осы. Поедем отсюда через несколько дней. Не знаю, застанет ли тебя эта открытка: может быть, и вас сдвинут с места.

Прощай, пиши о себе домой.

Твой П [авел] Деськов».

Вот так и поломались все стремления и надежды. Разлетается в разные стороны крепкое любовью друг к другу гнёздышко Николая с Евдокией[69]. Горе ещё больше стало пригибать их утружённые стариковские кости. Получая от служивых письма, слезно оплакивали их, совали письма на божничку[70] и вечерами неоднократно заставляли сноху – солдатку Анну перечитывать их. Да разве одна семья Деськова переживала невзгоды, потрясения?! Редкий дом в селе обойден такими переживаниями! Печалились если не о сыновьях, то о родственниках, взятых на войну пострадать «за веру православную, царя-батюшку и Отечество»!

Иван Васильевич, а другой раз и всей семьей, под вечер частенько начал навещать братика Николая.

– Нет ли чего полученного с почты, братик? Да што в газетах пишут? Нет ли писем от Пашухи, Петра и Митрия?

Все письма снова они перебирали. Заставляли Ваню и Анну перечитывать.

– Ну, как ты думаешь, братик? Мы так в семье толкуем: Петро – в Сибирь, и Пашуху с Митюхой туда же гонят. Война-то ведь не в той стороне? Может, их оттудова из-за японцов не натрогают?

– Ой, братик, война – так она не считается со сторонами,– разъяснял ему Николай.– В России, пожалуй, в каждом городе стоят солдаты. Вот и у нас в Сарапуле ты ведь видел служивых?

– Видал.

– Ну а я уверен, что их направят в любую сторону, где война, независимо от расстояния. Оставят жандармов, урядников, а солдат, как обучат, – на фронт. Конечно, если командование почувствует угрозу от японцев, то их оставят поблизости. Пашу и Митрия сперва обучать будут месяца три-четыре, а уже потом могут и на фронт послать.

---

[69] Евдокия – Авдотья, жена Николая Васильевича Деськова.

[70] Божничка – киот, полка для икон. По старой традиции ценные документы, в данном случае письма, клали на почётное место.

Так братики потолкуют, поговорят, поохают, да и разойдутся.

В Осе мобилизованные пробыли недолго. Уже 9 августа Павел писал Петру в Благовещенск[71]: «Петя! Не знаю, получил ли ты открытку, которую я писал тебе из Осы, и знаешь ли ты, что я, как запасный, мобилизован и теперь еду в Иркутск, в 48-й Сибирский стрелковый полк[72]. Я слышал, что войска из Благовещенска будут отправляться числа с пятнадцатого августа. А я в Иркутске буду двадцатого. Если будешь в Иркутске, постарайся разыскать меня.

Пиши мне по такому адресу: Иркутск, Главный Почтамт, до востребования П. Н. Деськову.

Нас в поезде (38-й эшелон) восьмеро учителей – запасных. Всего из Осинского уезда взято около 70 учителей. Учительские места оставлены за нами с половинным жалованием. Как бы нам с тобой повидаться? Не думал я быть солдатом, а вот приходится.

Твой Пав [ел] Деськов.

9 августа [19] 14 г.»

А 23 августа Павел уже прибыл в Иркутск. Из Иркутска он сразу же направил две открытки: одну домой – старикам и жене с дочкой, а другую Петру. Петру он писал: «Петя! В Иркутске я зачислен в 48-й Сибирский стрелковый полк, который, может быть, скоро выступит по направлению к Европейской России. Письма от тебя, как и из дому, я пока не дождался; вот разве получу завтра, если, конечно, ты получил мои прежние письма и отвечал на них.

Итак, я – солдат. Не правда ли, удивительно?! А это факт. Пиши по адресу: 48-й Сибирский стрелковый полк, 3-я рота, учителю NN, Иркутск.

23 августа 1914 года.

П [авел] Деськов».

Получив также известия от брата, Пётр крепко задумался. В 37-м Сибирском стрелковом полку[73], где Пётр отслуживал последние месяцы, тоже пошёл переполох спешных приготовлений к отправке на фронт.

– Вот и отслужил я! Съездил, куда и сам не знаю, а вот теперь повезут, видно, и не брыкайся – хошь не хошь! Хоть бы на часок заглянуть в родительский дом. Повидаться со стариками, с родными. Свидеться с сестрёнкой, Иванком и Васяткой! Ведь, наверно, они без меня выросли большие! Ведь уже им, кажется, по семнадцать лет! – думал Пётр.

А тут ещё ему, при неоконченных размышлениях, сразу с родины вручили два письма. Одно от брата Вани, другое от сестры. Братик Ваня писал Петру: «Ты, Петя,

[71] Благовещенск – город на Дальнем Востоке, центр Амурской области Приамурского генерал-губернаторства, ныне столица Амурской области.

[72] 48-й Сибирский стрелковый полк – сформирован в июле 1914 г. в Иркутском военном округе. В 1914–1915 и 1916–1918 гг. воевал в составе Юго-Западного фронта, в 1915–1916 гг.– в составе Северного фронта.

[73] 37-й Сибирский стрелковый полк – сформирован в 1910 г. в Приамурском военном округе. В 1915–1916 гг. действовал на Западном фронте, в 1916 г.– на Северном фронте, в 1916–1918 гг.– на Юго-Западном фронте.

всё просишь родителей куда-то поехать. Может, вы там раньше нас узнали о войне и ты предчувствуешь поездки? Мы все ждём тебя со службы, годы, месяцы, недели высчитывали, когда у тебя кончится срок. Ещё недавно утешали себя надеждами, что долгая наша с тобой разлука скоро кончится, а ты, видимо, плохо [надеешься], не соскучился о родном, милом нам гнёздышке. По твоим ранее письмам к нам мы этому не верим. Неужели ты опасаешься, что мы, три братика, будем делить эти мизерные отцовские наделы земли? Подумай: Павел учительствует, и ему надел не нужен. Я, получив специальность, тоже не думаю о наделе. Павел и я хотя работаем в полях, так лишь потому, что хотя у нас и работ с полями немного, но ведь отец и мать уже выдыхаются – надо помочь. О мобилизации Павла мы тебе уже писали. Павла не стало. Анна – плохая работница, да ведь женщина! Вот и пришлось мне, хотя и ещё не как штатному, взяться за хозяйство, конечно, под руководством тятечки.

На днях думаем закончить полевые работы. Железная дорога на нашей стороне пройдёт по нижнему краю, укладывается полотно, по которому уже с вагонами ходят паровозы. Вася с братиком Фёдором ходят на постройку работать, нагружают и разгружают платформы с балластом. Ершовцев работает порядочно. Все больше женщины да наш брат, ребята. Работают подёнщиной с шести часов утра до шести вечера. Получают по рублю за день. Вася и Федяга зовут меня работать. Я, как управлюсь по домашнему, обязательно пойду поработаю. Надо же заработать хотя [бы] маме на кофточку, а тятечке на рубашку, да и если поедем учиться – себе на дорогу.

Учиться тятечка и мама меня отпускают: зимой-де работы немного, как-нибудь справимся. У сестры Пани ведь тоже большое горе: Дмитрий вместе с Павлом взяты в солдаты».

Прочитав письмо, Пётр крепко задумался:

– Вот дела! Поневоле скажешь «ядрёна хань», воспользовавшись дядиной поговоркой. И на что мне задумалась какая-то поездка! Только душу бередил у родных! А ну, что пишет сестра?

«1914 года 18 сентября.

Милый братец Петя!

О, как давно я не писала тебе писем! Да ведь и ты тоже, вот уже полтора года, как я живу замужем, и не получала от тебя ни одного письма. Только недавно от тебя получили открытку на имя Дмитрия, но его уже не было дома. Но письма, которые ты посылаешь в родной дом, я читаю.

Не думай, Петя, что я не пишу письма и забыла тебя. Нет, я никогда не забуду тебя, братец! Как мне теперь жаль тебя и Пашу! Что-то он и ты теперь переживаете?! Ты хотя уезжал из дому весело. А вот Павел и мой Дмитрий? Как было тяжело смотреть на них, когда они расставались с нами и со своими малютками! А тебе было что! У тебя ни жены, ни бабы, ни детей. Может, потому и не влечёт тебя домой! Но вот если бы ты видел, как отправляли мобилизованных, отрывали их от детей, родных, то подумал бы другое.

Как было страшно смотреть, когда их, сотни человек, посадили на пароход, и когда они стали удаляться от родных берегов, сердце разрывалось на части. С парохода слышались прощальные крики. Кто махал фуражкой, кто платком, а кто точно хотел броситься в воду. На берегу провожающих было тысячи, всякого сорта: женщин, детей и стариков. С берега только и слышны были душу раздирающие стоны и вопли, и [видны] махания вслед удаляющемуся, гудящему на прощанье пароходу. Этот день для меня был очень тяжёлый, да и теперь нелегко, потому что одинока в этой проклятой семье, хотя вроде я уже и привыкаю к этой обстановке. Ведь у меня, братишка, ребёнок, и вот ради него только я должна всё переносить.

Извини, Петя, много бы я написала тебе, но очень некогда. До свиданья! Да хранит вас Бог на чужой стороне от смерти и всякой напасти. Прошу тебя, пиши мне, я не могу нигде найти покоя. Страшная тоска! Прощай!

Твоя сестра П [арасковья] Н [иколаевна] Созыкина».

– Да, дела плохи! И навалились же на нас беды, чёрт возьми! А что же, сестра, пишешь, что я одинок и мне всё равно?! Я не из забулдыг! Что я –безродный, что ли?! Но надо ведь было что-то предпринимать! Ведь не сидеть же нам было, трём бобылям, на отцовском островочке земли?! Землю, что ли, [что] бы глодать?! Да и она-то у нас вся изглодана! Ну, братик Павел – он был у дела, а вот Иванко? Писал я ему, чтобы он учился дальше, а вот не стало Павла – кто старикам поможет? Пожалуй, теперь без Ванятки плохо, ой плохо будет! Отец с матерью до конца измотают силы. Правду Ваня писал, что положение создалось дома – хоть землю бросай. Ну а дальше что?! Старикам суму на плечи?! Хоть бы война эта проклятая захлебнулась! Да нет, не устоим мы здесь! Ведь в казарме так и пахнет войной! Видно, без надуманной мной поездки придётся помыкаться по белу свету и всякого народу повидать! И липучее же это проклятое серое сукно! – так, прочитав письма, рассуждал Пётр.

А Павла с Дмитрием в это время судьба начала бросать в разные стороны. В Иркутске они пробыли недолго. Уже 10 сентября Павел пишет Петру: «Петя! Полк наш выехал из Иркутска. Первый и второй батальоны – в Красноярск [74], третий батальон – в Ачинск [75], и четвертый – в Канск [76]. В Ачинск мы приехали восьмого сентября. Стоим пока на обывательских квартирах [77], хотя и не все. Долго ли простоим на месте – неизвестно. Вероятно, недолго: носятся слухи, что пятнадцатого мы выедем в Челябинск [78] – дескать, если Турция объявит нам войну, то наш полк поедет на Кавказ. Всё это, конечно, только слухи.

Письма адресуй так: В 48-й Сибирский стрелковый полк, 3-й батальон. 9-я рота, учителю NN. Пиши.

---

[74] Красноярск – город в Сибири, центр Енисейской губернии, ныне центр Красноярского края.

[75] Ачинск – город в Енисейской губернии, центр одноименного уезда, ныне город в Красноярском крае.

[76] Канск – город в Енисейской губернии, центр одноименного уезда, ныне город в Красноярском крае.

[77] Обывательские квартиры – квартиры обывателей, занимаемые войсками, вид натуральных повинностей населения.

[78] Челябинск – город в Оренбургской губернии, центр одноименного уезда, ныне центр Челябинской области.

P. S. Писал ли я тебе, что мне предложено занять должность учителя – преподавателя сельскохозяйственной школы с жалованьем в шестьсот рублей в год при готовом отоплении и освещении? Школа эта в Екатеринбургском уезде по эту сторону Уральских гор, т. е. уже в Сибири. Место оставлено за мной.

Прощай!

Твой Пав [ел] Деськов.

10 сентября [19] 14 г. Ачинск, Енисейской губернии».

Но это мирные школьные дела. А вот военная служба – дело другое. Со службы из армии Павел заведующему школы сообщил, что он мобилизован, и просил заведующего сообщить на родину, что всё же место преподавателя остается за ним, и заведующий уведомил:

«Главное управление землеустройства и земледелия [79].

Заведующий Сосноозёрской сель [ско] хоз [яйственной] ремесленной сиротской колонией и сельскохозяйств [еннной] школой [80].

Пермской губ [ернии], Екатеринбургский уезд, Куяшская волость.

18 декабря 1914 года

№ 289.

Адрес почтовый: Кыштымский завод [81], Пермской губ [ернии].

[Адрес] телеграфный: Кыштым – Приют.

Г [оспо] же Деськовой.

Село Ершовка.

По просьбе мужа Вашего, Павла Николаевича Деськова, несмотря на отъезд его на войну, место преподавателя общеобразовательных предметов во вверенной мне школе было сохранено за ним, и в настоящее время лишь временно замещено другим лицом. Ввиду этого прошу сообщить мне возможно скорее, какие известия имеете Вы от вашего мужа, жив ли он и в каком полку в настоящее время находится.

П [одлинная] п [одпись]: заведующий /подпись неразборчива/.

Горестно в семье Николая Васильевича читали это извещение, а тут ещё и Пётр из Благовещенска послал открытку своей маме:

«С прошедшим днем именин тебя, мама! Желаю здоровья и счастья.

Мама, заставь кого-нибудь от себя мне написать письмо. От всех я получаю письма, кто как бы не написал. Также и от тебя хочется получить письмо. Мама, передай от меня всем родным и знакомым по нижайшему поклону: Павлу, Пане с семейством, Ване и крёстному, всем родным. Мама, желаю тебе всего хорошего.

---

[79] Главное управление землеустройства и земледелия – центральный орган власти Российской империи, созданный в 1905 г. для проведения мероприятий Столыпинской аграрной реформы 1906–1911 гг. В 1915 г. преобразовано в Министерство земледелия.

[80] Сосноозерская сельскохозяйственная ремесленная колония для неимущих детей находилась в ведении Главного управления землеустройства и земледелия, располагалась в селе Сосновском (рядом с озером) Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Учреждение, где тюремное заключение для несовершеннолетних преступников заменялось исправительным воспитанием в земледельческих и ремесленных приютах.

[81] Кыштым – населённый пункт в Екатеринбургском уезде Пермской губернии, ныне город в Челябинской области.

Остаюсь жив и здоров, ваш сын П [ётр] Деськов.

1914 г. 1 августа».

– А от меня разве ему не пишете поклоны? – обратилась Степановна к снохе Анне, которая зачастую писала под диктовку письма.

– Да что ты, маменька! Обязательно в каждом письме пишу от всех,– отозвалась Анна[82].

А Авдотья заплакала, взяла открытку в руки:

– Да милые детушки! Как я напишу, ведь неграмотная я! Одно только осталось: молить Бога за вас, за ваше здоровье и жизнь!

Но молиться Авдотье Степановне было некогда. Её дети редко когда видали, чтоб она собралась сходить в церковь. Николай же большие праздники не пропускал. Хотя когда и нездоровилось, но к началу обедни[83], надев старенький кафтанишко, прихрамывая, ковылял в церковь. Стоять за обедней на ногах он не выдерживал, и нет-нет да во время богослужения садился на скамью, поставленную к стене против правого алтаря. А Степановна, какой бы ни был праздник, всегда суетилась у печи, готовя семье обеды. Иногда на замечания соседок только и скажет:

– Мне Бог простит! Я дома управляюсь, и старик пусть за меня помолится!

События войны, однако, сделали на ней глубокий отпечаток. Если до войны она говорила Николаю:

– Отец, да ты поменьше пей от врачей-то лекарств. Натаскиваешь их дополна, да и глотаешь, как еду, хоть в пользу, хоть не в пользу. Пей-ка вот сорокотравника-то[84], лучше будет. Я ведь для тебя его настаиваю. У самой, когда в голове зашумит, как выпью – помогает.

И на самом деле, она редко когда жаловалась на недомогания. А вот теперь – то шумы в голове, то ночи напролет не спит, и, сидя за пряжей или чинкой одежды, уже не стало слышно её любимой песни «Летят утки»[85]… Да и Николай забросил напевать или декламировать «Чёрную шаль»[86], или «Среди долины ровныя»[87], или солдатские – «Солдатушки, бравы ребятушки, где же ваши матки…». Не то время! Война затуманила всё и всех!

У Вани с Васей пришло время ехать в Сундырь (Мариинский Посад на Волге)[88], держать приемные экзамены в школу инструкторов[89]. Николай Васильевич и Иван

---

[82] После *Анна* вычеркнуто предложение *Управившись немного с назревшими полевыми работами, в основном с засевом озимых, старики разрешили поработать Ване на новостроящейся железной дороге, но Ваня сказал, что ему и Васе пора ехать сдавать приемные эк…*

[83] Обедня – утренняя служба в православном храме.

[84] Сорокотравник – отвар из растений, средство народной медицины.

[85] «Летят утки» – русская народная песня.

[86] «Чёрная шаль» – романс на стихи А. С. Пушкина, автор музыки А. Н. Верстовский.

[87] «Среди долины ровныя» – русская народная песня на стихи А. Ф. Мерзлякова.

[88] Мариинский Посад – город в Чебоксарском уезде Казанской губернии, ныне административный центр Мариинско-Посадского района Чувашской республики.

[89] Школа инструкторов по обработке дерева в Мариинском Посаде – ремесленное училище, где производилась подготовка столяров, корзиночников, экипажников (мастеров по изготовлению конных экипажей) и бондарей (мастеров по изготовлению бочек), открыта в 1909 г.

Васильевич собрались на свое совещание. Вопрос один: отпустить ли ребят учиться. У Ивана Васильевича отъезд Васи еще не так отражается. Ведь у него еще два сына-работяги. Иван, хотя он и врозь живет, но всё же в трудные минуты поможет, а Фёдор – он при доме. А вот у Николая Васильевича последний сын собирается в отъезд. Толковали, толковали между собой и со своими старушками и в конце концов решили: пусть едут, раз есть желание учиться. Вопрос встал лишь о деньгах на дорогу. Кое-как набрали по четыре рубля из расчета туда и обратно, если не выдержат приемные экзамены. Так наши пошехонцы[90] и отправились в путь-дорогу. Билеты купили на пароход по четвертому классу[91], на корме.

Приехав в Мариинский Посад, Вася и Ваня направились искать школу. По указанию жителей они с пристани прямой улицей, подымаясь в гору, миновав церковь и кладбище, вышли за город и увидели справа от дороги школьные строения деревянного типа. В здании общежития двухэтажного проводился ремонт. Ребятам предложили временно устроиться на квартиру в городе. Школьный сторож посоветовал им квартиру у его знакомого Малинина:

– Семья у них небольшая, две дочурки учатся. Скажете, что я направил, пустят и денег не возьмут,– напутствовал он их.– Вот прямо спускайтесь по этой улице к Волге и по набережной улице свернёте вправо. Пройдёте около двух кварталов и спросите Малининых.

Сторож не обманул, и ребята устроились. Хозяин и хозяйка ребят приютили безоговорочно.

Первый день держали испытание по арифметике. Во второй день – по русскому языку, устно и письменно. Вечером того же дня Вася с Ваней узнали, что они оба приняты в школу по отделению экипажников. Бесконечная радость обуяла их.

– Пойдем, Иванко, осмотрим, где чего делают. Где эта экипажная мастерская.

– Пойдем,– согласился Ваня.

Сперва они подошли к одноэтажному зданию слева от входа на территорию школы. Здание деревянное. Открыв входную дверь, они увидели рядами уставленные столярные станки и пилы – дисковые и ленточную. У станков ходили трое ребят-учеников, одетых в школьную форму: чёрные брюки, чёрные суконные пиджаки со светлыми металлическими пуговицами. На головах чёрные фуражки с приколотыми школьными знаками и ярко-зелёными кантами. При входе ребят ученики повернулись к ним, и один из них бросился им навстречу:

– Братья Деськовы! Здравствуйте! А мне уж помощник заведующего Илларион Васильевич Тараканов[92] о вас сказал.

– Костя, как ты сюда попал?!

---

[90] От названия жителей Пошехонья – местности по берегам реки Шексны, в основном охватывавшей север Ярославской губернии. В русском фольклоре и литературе XIX в. пошехонцы имели образ простаков.

[91] Билет на пароход 1-го класса – размещение в двухместной каюте, 2-го класса – размещение в четырёхместной каюте, 3-го класса – размещение на палубе под тентом, 4-го класса – размещение на открытой палубе.

[92] Биографические сведения установить не удалось.

– А так же, как и вы! Что, приняли?

– Приняли.

– Вот и хорошо, а то я один здесь с Камы. Будем опять вместе.

– Ну как здесь?

– Чего как? Поят, кормят, одевают, белье стирают, в баню водят, учат – всё бесплатно. Лучше, чем в Камбарке[93]. Видите, какая на мне форма. Не хуже, чем у гимназистов[94]!

Ребята и рты разинули, глядя на Костю Маракулина. Маракулин годом раньше закончил Камбарскую школу ремесленных учеников по столярно-токарному отделению[95]. В школу инструкторов он приехал раньше начала занятий и принимал участие в ремонте и подготовке школы к учебному году. Маракулин ознакомил ребят со всеми строениями школы. Показал им и экипажную мастерскую, и даже сводил под сарай, где стоят изготовленные экипажи: пролётки, беговушки, сверкающие лаком и красочной отделкой. Ребята ног под собой не чувствовали, слушая Костины рассказы.

На следующий день, придя в школу, они прочитали объявление, наклеенное на дверях здания учебного корпуса. В объявлении указывалось, что завтра, 31 августа, все вновь принятые учащиеся и ученики школы к 10 часам утра должны прибыть в помещение школьной столовой. Объявление было подписано зав [едующим] школой Василием Павловичем Бабушкиным.

Радость Васи и Вани сменилась крепким огорчением. На второй день собравшимся ребятам было сказано, что школа на время мобилизована военным ведомством для нужд фронта[96]. В школе открывается мастерская по изготовлению санитарных линеек для перевозки раненых на фронте[97]. Все ученики школы распускаются по домам до 1 ноября с [его] г [ода]. Уезжающие учащиеся, кому нужно, могут в канцелярии школы получить на отпуск удостоверения.

Ошеломлённые известием, Ваня с Васей не знали, что предпринять. Получив в канцелярии отпускные билеты, они, огорчённые, отправились на квартиру и сообщили всё хозяевам.

– Так что же, ребятки! До занятий два месяца. Конечно, лучше вам уехать домой! – выслушав их, предложил Малинин.– Может, ещё и в ноябре школу не откроют, а у вас ведь денег-то немного.

– Да, нам сказали, что перед открытием школы из школы пошлют извещения,– пояснили ребята.

---

[93] Камбарка – село в Осинском уезде Пермской губернии, волостной центр, ныне город в Удмуртии, районный центр.

[94] Ученики гимназий и реальных училищ Российской империи обязательно посещали учебные заведения в форменном костюме.

[95] Камбарская школа ремесленных учеников – школа при Камбарском заводе, открытая в 1896 г. После 1920 г. в бывших помещениях школы расположились учебно-производственные мастерские интерната для беспризорных детей.

[96] Часть учебных заведений в России во время Первой мировой войны использовалась для размещения казарм, госпиталей или военных мастерских.

[97] Санитарная линейка – повозка для эвакуации раненых с поля боя.

– Ну вот, что же вы будете здесь проживаться?! Конечно, лучше домой! Ведь может случиться, что и в ноябре школу не откроют. Как тогда?

Ребята всё это обдумали и решили, пока есть деньги, поехать домой. Справившись на пристани о пароходе, идущем на Пермь, они начали собирать свои котомки[98], валявшиеся в сенках, с остатками подорожников, ещё привезенных из дому. Хозяйка Малинина[99] увидела, что ребята перебирают уже зацвёлые ржаные сухари, и ахнула:

– Что же вы не сказали мне, что у вас в сумках сухари? Надо было их держать в сухом месте. И я не догадалась просмотреть ваши котомки! Боже мой, да как же вы есть их будете! А ну-ка, выкладывайте их, я скормлю курицам. На дорогу-то я вам свеженького хлебушка своего дам.

Ребята ещё постеснялись сменить зацвёлые сухари на свежий хлеб, но Малинина вытряхнула из котомок все пожитки и завернула в их же холщевые рубашки по каравашку своего хлеба.

– А теперь – с Богом!

Вася и Ваня, смущенные [от] неожиданности, взяли котомки, отблагодарили хозяев за квартиру, хлеб и отправились на пристань. Пароход шел из Нижнего Новгорода и из-за тумана запаздывал на целых два часа. Перед приходом парохода они приобрели на пристани дешёвые билеты, опять четвёртого класса. Пассажиров на пристани собралось немного. Солнце уже клонилось к вечеру. Погода стояла солнечная, тихая, и на Волге отливалась зеркальная гладь, нарушаемая иногда всплеском хищной рыбы и бросавшихся от неё тучей спасающихся мальков. Пассажиры с пристани и берега нетерпеливо вглядывались в верховья волжской глади в ожидании появления парохода. Только Ваня и Вася грустно сидели и обсуждали своё сложившееся положение. Их не интересовало прибытие парохода. Знать бы, что в школе занятия начнутся недели через две, даже три, они бы как-нибудь прожили. Ведь при всей их скупости у них [бы] ещё остались деньги. Но если до ноября?! Что тогда будет! Их не спасут эти сбережения! С другой стороны, уехать домой до ноября – пароходы уже не пойдут, железная дорога только строится. Как тогда будем добираться до школы?! Ведь отсюда до Казани, говорят, сто две версты, да от Казани до Сарапула триста двадцать верст! И обратный путь ведь не короче, думали они.

– Во, вижу, идёт! – восторженно отозвался среди ожидавших пассажир, смотревший в бинокль. Это сообщение не порадовало ребят. Если все пассажиры начали свою свойственную им нетерпеливость – хвататься за узлы, чемоданы, плетеные корзинки, то ребята всё ещё сидели со своими тряпичными котомками в нерешительности, и только протяжный гудок парохода дал им понять, что у них в карманах куплены билеты.

– Ну, Иванко, давай, пошли! Приедем домой, ещё поработаем, а там тятьки нам посоветуют, как быть,– вставая и забирая кошелюшку с лямками, сказал [Вася].

---

[98] Котомка – дорожная сумка, носимая за плечами.

[99] После *Малинина* вычеркнуты слова *заглянула в их котомки*.

– Вася, сюда мы ехали на пароходе «Санкт-Петербург»[100], а отсюда-ка – на «Наталье»[101]! – обратил внимание Ваня.

Ничего на обратном пути ребят уже не интересовало так, как [когда] они ехали вперёд. Одно им лишь бросилось в глаза, когда пароход, не доходя Казани, проходил по волжским перекатам русла реки. Пароход, идя близко к берегу, иногда круто поворачивался по направлению противоположного берега. Порой казалось, что он вот-вот врежется в берег. На носу парохода матрос всё время забрасывал шест с делениями, измеряя глубину фарватера, и кричал капитану: «Шесть! Пять с половиной!» и т.д. И только когда вскричал не особо понятное слово для ребят «Подтабак!»[102] и капитан дал свисток, матрос положил шест и покинул свое место.

– Вот так Волга! Кама и то шире и глубже! – возмущались ребята.

– А ты, Вася, не обратил внимания: сколько тут наставлено бакенов[103] – и красных, и белых! Даже не поймешь – то ли левый берег, то ли правый! Запутаешься!

– Видел! – отозвался Вася.– Я вот больше смотрел на волны от парохода, когда он поворотится от берега к берегу. С какой яростью они тогда набрасывались на берег! Да какие большие! Точно от нашего с тобой парохода, который мы, несмышлёныши, хотели купить или построить на деньги от продажи отцовской тёлки!

– Помню, помню это дело. А ведь и соображали же, что [если] у нас будет такой пароход, волны от него будут с наш дом! Чудаки же были мы!

На рассвете пароход пришвартовал [ся] к пристани Казань. На берегу шла бойкая торговля яблоками, зрелыми помидорами. От свежих фруктов приятно щекотало в носу. Эта щекотанка только будоражила голодные животы ребят, но расходовать свои сбережения они не решились, рассчитывая, что, может, скоро придется ехать обратно, да и дома в деньгах очень туго. Пароход у пристани Казань из-за опоздания сократил положенную стоянку и дал отправление, как только матросы справились с выгрузкой и погрузкой товаров.

Там, где ребята на корме пристроились, матросы натаскали ящиков с яблоками и помидорами. Им пришлось положить котомки на пол и присесть за кухней и буфетом, ближе к корме, где приютились также пассажиры, в большей части татары. На самой корме были протянуты рядами походные верёвки, на которых пассажиры развесили мокрые пелёнки, портянки. В конце прохода у кормы с одной стороны неслись ароматы от кухни, яблок, раздражающие голод ребят, а с другой стороны кормы [ветер] наносил свойственный[104] [суднам] запах прелости[105].

Перед входом парохода в устье Камы Ваня с Васей пробрались в места третьего класса и приспособились на пустующие места. Недалеко от них сидел раненый солдат,

---

[100] Пароход «Санкт-Петербург» – товаропассажирский пароход акционерного общества «Иван Любимов и К°», построен в 1904 г. в Перми. В 1914 г. совершал плавания по Волге и Каме.

[101] Пароход «Наталья» – товаропассажирский пароход, построенный нижегородским пароходным обществом «Дружина» в 1881 г. В 1914 г. совершал плавания по Волге и её притокам.

[102] «Подтабак» – сигнал того, что река в этом месте становится совсем мелкой. В этом случае при проведении судна приходилось переходить с весел на шесты – табачить.

[103] Бакен – знак, обозначающий фарватер реки.

[104] *Свойственный* вписано поверх строки.

[105] Далее авторский заголовок *Солдат.*

выносившийся из Казанского военного госпиталя[106], потерявший ногу и едущий на целой в родные края. Его с расспросами о войне окружили пассажиры, любители военных новостей. На их вопросы раненый отвечал явно неохотно, а подчас и грубо. В одно время Вася и Ваня уловили такой разговор раненого с дамой в шляпке, державшей под руку изящно одетого кавалера. Дама спросила раненого:

– Где вас, служивый, искалечило?

– На покосе, разве не знаешь, где нашего брата косят?!

Дама с кавалером несколько смутились, но дама, сделав сострадальческий вид, снова спросила:

– А далеко ли, служивый, едете?

– До Осы, порадовать жену, родителей!

– Слава богу, что хоть живы! Конечно, родные будут рады!

– Конечно, благодаря бога, и дай бог вашему кавалеру заслужить такую радость! Так же на деревяшке прыгать с тобой под ручку! А нашему брату, видимо, суждено в деревне с сохой на деревяшке прыгать, чтоб детей, жену с голоду не уморить!

Пассажиры первого, второго класса с брезгливостью восприняли ответы раненого и, не вступая с ним больше в разговоры, направились в свои каюты. Дамочка с кавалером еще что-то переминались, а потом[107] дамочка, шепнув кавалеру, полезла в ридикюль[108], вынула серебряный рубль и протянула раненому:

– Возьмите на чаишко!

– Спасибо, мадам! Я не нищий и за деньги ногу и лоб не продаю. Лучше сиротам, а теперь их по нашей матушке России ох сколь много будет, не отказывайте в милостыне! – и отвел руку дамы.

Дама ещё больше смутилась, а кавалер, подхватив её под руку, предложил ей оставить раненого. Уходя, дамочка проговорила своему кавалеру:

– Вот же ведь какое несчастье! А как от него больницей пахнет!

– Иодоформом[109],– ответил кавалер.

– Вот так-то лучше,– проговорил раненный.– Хоть оставили в покое! А то всем интересно, как там на войне умирают да что делается.

– А вы всё же напрасно обидели дамочку. Надо было и рублик-то взять. Она вам, вроде, от чистого сердца давала и пошла в обиде,– обратился к раненому рядом сидевший старичок.

– Ничего, папаша, это они, а не наш брат, затеяли войну, им она нужна! Не их шкуру дырявят!

---

[106] Казанский военный госпиталь – военно-медицинское учреждение в Казани, основанное в 1809 г. К 1914 году насчитывал 1160 койко-мест, но в годы Первой мировой войны там одновременно размещалось более 2000 больных.

[107] *Потом* вписано поверх строки.

[108] Ридикюль – дамская сумочка, в начале XX в. была распространенным аксессуаром среди представительниц дворянства и купечества.

[109] Иодоформ (трииодметан) – вещество, обладающее антисептическими свойствами, в начале XX в. широко применялось в медицинских учреждениях.

– Так оно, так,– согласился старичок[110].

Недалеко от ребят один из пассажиров читал какую-то листовку, затем помял её и бросил в мусорный ящик. Ваня заметил это и поинтересовался, что за листовка. Скомканную листовку они вынули из ящика и начали читать. Это был один из бюллетеней № 87 утреннего выпуска Петроградского телеграфного агентства[111] за воскресенье, 7 сентября 1914 года. Читают:

«Телеграммы П [етроградской] т [елеграфной] с [танции], Тел [еграфного] Агентства от 5 и 6 сентября 1914 г.

Телеграмма Императрицы на имя супруги министра внутренних дел.

Петроград (5–9)[112].

Государыня Александра Фёдоровна[113] осчастливила председательницу Временного комитета по призрению семей призванных на военную службу служащих в центральных, местных учреждениях министерства внутренних дел[114], супругу министра внутренних дел Маклакову[115] нижеследующей телеграммой:

“Сердечно обрадована открытию лазарета при ортопедическом институте[116] и благодарна всем участвующим за выраженные мне чувства. Тронута единодушием, проявленным в нашем общем святом деле.

Александра”.

Телеграмма на имя Её Величества была поставлена в следующих выражениях:

“Освятив открытие сегодня при ортопедическом институте лазарета имени Вашего Императорского Величества, на 50 офицерских кроватей, оборудованных и содержимых за счет добровольных отчислений от жалованья сынов министерства внутренних дел и на поступившие пожертвования всех присутствовавших на освящении, врачебный персонал и служащие, дружно помолившись о здравии и благоденствии Ваших Императорских Величеств, просят меня повергнуть пред вами, всемилостивейшая государыня, верноподданнические чувства и готовность всеми силами нашими и разумением искренне послужить тому святому милосердию, которое будет твориться под высоким и счастливым покровом Вашего имени.

---

[110] Далее авторский знак заголовока.

[111] Петроградское телеграфное агентство – центральное информационное агентство Российской империи, основанное в 1904 г. (как Санкт-петербургское телеграфное агентство). В 1918 г. преобразовано в Российское телеграфное агентство (РОСТА), расформировано в 1935 г.

[112] (5–9) – телеграфная метка приема сообщения.

[113] Александра Фёдоровна (1872–1918) – императрица Всероссийская в 1894–1917 гг., супруга императора Николая II, урождённая принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская.

[114] Временный комитет по призрению семей призванных на военную службу служащих в центральных, местных учреждениях министерства внутренних дел – благотворительное учреждение в 1914–1917 гг.

[115] Маклакова (Оболенская) Мария Леонидовна (1874–1949) – княжна, супруга министра внутренних дел Российской империи в 1912–1915 гг. Маклакова Николая Алексеевича (1871–1918).

[116] Ортопедический клинический институт – построен на средства императрицы Александры Федоровны, открыт в Санкт-Петербурге в 1906 г. В начале Первой мировой войны в институте расположился офицерский госпиталь на 50 коек. Ныне – НИИ травматологии и ортопедии имени Р. Р. Вредена.

Председательница временного комитета по призрению семейств служащих при центральных, местных учреждениях министерства внутренних дел, призванных на военную службу,

Мария Маклакова“».

Читают дальше:

«*Сообщение штаба главнокомандующего армиям Юго-Западного фронта*[117].

Действующая армия (5–9).

Осмотр оставшихся за нами положений подтверждает имевшиеся из разных источников сведения о губительном действии нашей артиллерии. Козырьки и другие приспособления в окопах не спасают противника. Потери его от артиллерийского огня огромны, что свидетельствует о могуществе и хорошем управлении нашей артиллерией. Бывшие мечты неприятельских батарей явно обозначаются брошенными гаубичными снарядами и трупами прислуги, погибшей от шрапнельного огня. Взаимодействие пехоты и артиллерии в минувших решительных боях в Галиции[118] и на юге Люблинской[119] и Холмской[120] губерний не оставляет желать лучшего.

Пехота восторженно отзывается о сопровождавшей её артиллерии. Спокойная, строевая работа последней обеспечивалась и облегчалась способностью пехоты своевременно, в связи с действием артиллерии, производить свой натиск на противника. Внутренняя спайка разных родов войск была одной из главных причин наших успехов на всем фронте.

Мелкий нехарактерный случай: 12 августа во время отхода наших от Красника[121] Ткачёв[122] производил воздушную разведку. При возвращении он был обстрелян, и пуля пробила бак с маслом. Ткачёв ногой заткнул дыру и продолжил полет. С большим напряжением и риском, чтобы долететь до своих отступивших цепей пехоты, Ткачёву удалось спланировать между своими и неприятельскими цепями. Не желая бросать свой аппарат, летчик с помощью нескольких людей из наших цепей

---

[117] Юго-Западный фронт – объединение войск Русской императорской армии, действовавшее в 1914–1918 гг. в Галиции и Волыни.

[118] Галицийская битва – сражение августа-сентября 1914 г. между русскими и австро-венгерскими войсками, в ходе которого русские войска заняли Восточную Галицию, часть Буковины и осадили Перемышль (ныне город Пшемысль в Польше). Галицийская битва стала наиболее крупным успехом России в начале Первой мировой войны. При этом русские войска потеряли 230 тысяч человек убитыми и ранеными, австрийские – 300 тысяч.

[119] Люблинская губерния – губерния в составе Царства Польского Российской империи в 1837–1917 гг.

[120] Холмская губерния – губерния, созданная в 1912 г. из восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний, выведенная из управления варшавского генерал-губернатора.

[121] Красник – город на юго-востоке Царства Польского, ныне – в Люблинском воеводстве Польской республики.

[122] Ткачёв Вячеслав Матвеевич (1885–1965) – генерал-майор, выдающийся военный лётчик, Георгиевский кавалер. С марта 1914 г. был командиром XX авиационного отряда при штабе 4-й армии. Занимался разведкой. Будучи инспектором авиации Юго-Западного фронта. Во время Гражданской войны воевал на стороне белого движения, в апреле 1920 г. стал начальником авиации Вооруженных сил Юга России. После разгрома армии Врангеля эмигрировал в Югославию.

раздобыл двуколку и, привязав к ней, под огнем наседавших австрийцев, аэроплан, на глазах их благополучно вывез аппарат.

На французском театре войны затишье.

Париж (5–9).

Официальное сообщение: в 11 часов вечера 5 сентября в общем положении никаких перемен, за исключением левого фланга, где французы продолжили продвигаться вперёд. Замечается некоторое затишье в военных действиях.

Турция в руках германцев.

Париж (5–9)

Клемансо[123] телеграфирует из Константинополя[124], что положение представляется плачевным. Младотурки[125] в руках германцев. Двести прусских офицеров на турецкой службе: можно думать, что находишься в Германии. Празднуются германские победы, действительные или ложные. Цензура газет в руках германского офицера. Клемансо прибавляет, что эта политика заставит в конце концов выкинуть турок в Азию.

К переговорам о мире.

Вашингтон (5–9).

Президент Вильсон[126] получил от посла Соединенных Штатов в Берлине Джерарда[127] телеграмму, сообщающую, что в беседе посла с Бетмангольнейцем[128]

---

[123] Жорж Клемансо (1841–1929) – французский политик, журналист, основатель газеты “Justice” (Справедливость). Дважды занимал пост премьер-министра Франции: 1906–1909; 1917–1920. Во время войны критиковал действия властей в своей газете, впоследствии вокруг Клемансо объединились все силы общества, выступавшие за продолжение войны «до победного конца». Был председателем Парижской мирной конференции (1919–1920), где входил в «Совет четырех» – неофициальную группу глав наиболее влиятельных государств – участников конференции, чьи решения легли в основу Версальской системы.

[124] Константинополь – столица Османской империи, ныне – г. Стамбул в Турецкой республике.

[125] Младотурки – движение либерально-националистического толка, существовавшее в 1876–1918 гг., фактически правящее в Османской империи в 1908–1918 гг. Политическое крыло движения – партия «Единение и прогресс».

[126] Вудро Вильсон (1856–1924) – американский политик, историк, политолог, член Демократической партии, 28-й президент США (1913–1921). Предложенная Вильсоном программа «Четырнадцати пунктов» послужила основой для Версальского договора. В 1919 г. стал лауреатом Нобелевской премии мира.

[127] Джеймс Джерард (1867–1951) – американский адвокат, был послом США в Германии (1913–1917). В начале Первой мировой войны заботился о британских интересах в Германии, многое сделал для облегчения состояния британских военнопленных. Дипломатические отношения между США и Германией были разорваны 3 февраля 1917 г., после чего Джерард покинул Германию, вскоре уволился с дипломатической службы, занявшись юридической практикой.

[128] Теобальд фон Бетман–Гольвег (1856–1921) – германский политический деятель, рейхсканцлер Германской империи, премьер-министр Пруссии в 1909–1917 гг. Добился подписания соглашения с Великобританией в 1913 г. ценой уступок по вопросу о Багдадской железной дороге в надежде, что это обеспечит нейтралитет Англии по отношению к немецким военным действиям. После чего санкционировал провокационный курс, взятый кайзером и германским генеральным штабом в связи с сараевским убийством, и поспешил объявить 1 августа 1914 г. войну России, а 3 августа – Франции.

по поводу запроса Вильсона, готов ли[129] император Вильгельм[130] обсудить условия мира, канцлер указал, что, так как союзники заключили соглашение не прекращать враждебных[131] действий иначе, как с общего согласия, то Соединенным Штатам следовало бы получить мирные предложения от них.

Лондон (5–9)

Телеграфируют из Нью-Йорка о сведениях из высокого дипломатического источника, что Германия готова обсудить предложение о мире, с условием, чтобы владения Германии в Европе не были расчленены и чтобы Германская империя осталась неприкосновенной. Второе же о колониях может…»[132].

– А что «может»? – вопрошающе ребята переглянулись между собой и подумав, что окончание этого бюллютеня, наверное, осталось в мусорном ящике.

Но там уже ничего не было. Ребята не заметили, что пассажир, бросивший в мусор бюллетень, видел, когда они его взяли, и наблюдал за ними, когда они читали.

– Ну, что вычитали, молодые люди? – обратился он к ним.– Хорошо воюем, как по-вашему?

Ребята с ответом застеснялись. Что ответить! Человек незнакомый, как воспримет ихние суждения?! А пассажир не успокаивался. Так ведь обычно и бывает среди пассажиров. Будь это на пароходе ли, в поезде ли сидя от нечего делать среди пассажиров заводятся или знакомства, или деловые разговоры.

– Откуда и куда едете, молодые люди? – подзывая к себе, спросил он же.

Ребята переглянулись и все же подошли, обходя раненого пассажира.

– Садитесь, места хватит,– сказал он, усаживая их рядом на реечный диван.

Слушая рассказ ребят – откуда они и куда едут, пассажир, соболезнуя их положению, покачивал головой:

– Ох, война, война! Сколько она бед принесёт! А ради чего!? Кому она нужна?! Как по-вашему? Вот вы сводку прочитали, там, где сказано, что от артиллерии у немцев остаются горы трупов, а о наших потерях ни слова не сказали. Не так ли?

Сидевший сзади их раненый подслушал разговор и, стукнув о пол костылями, крепко выругался, да так, что матюги посыпались в адрес царя, министров и «иже с ними», как он добавил. От его изречений не только близсидящим пассажирам женского пола, но и мужикам стало неудобно.

– Вот здорово! Да ты, служивый, хоть от резкостей воздержись. Не ровён час кто сможет и донести. Пожалуй, и до дому не доедешь – схватят! – вмешался еще один из пассажиров.

– Пусть схватят! Половина меня уже гниет, и второй не жалко! Только вот детишки сиротами останутся! Разве эта война – она разве[133] нужна тем, кого сотнями

[129] После *ли* вычеркнуто слово *(министр)*.

[130] Вильгельм II (1859–1941) – кайзер Германии и король Пруссии в 1888–1918 гг. из династии Гогенцоллернов.

[131] После *прекращать* вычеркнуто слово *военных*; *враждебных в*писано поверх строки.

[132] Далее авторский заголовок *Солдат. Продолжение.*

[133] *Она разве* вписано поверх строки.

в землю зарывают?! А чем они воюют? Винтовок не хватает. Только и кричат – «береги патроны»[134]! Вот, говорите, артиллерия у нас хорошо работает. Дескать[135], у немцев горы трупов. Да это не у немцев, а у нас! Наши выпустят в германцев снаряд, а обратно прилетит – десяток. Кто ж виноват? Затеяли войну, а воевать-то нечем. Пропировали, <…>, а теперь наш брат отдувайся! В Россее пушечного мяса много, мать их… Все эти сообщения – ложь! Не верьте! – закончил он.

Пассажиры сидели все в глубоких раздумьях после выслушанных вполне разумных волнений раненого. Пароход подходил уже к пристани Елабуга[136]. Пассажир, сидевший рядом с ребятами, снова заговорил с ними:

– Ну как, ученики, правду он говорит? По-моему, так оно и есть. Видно, навоюют нам[137] германцы шею. Уж не лезли бы куда не надо! Молебнами, иконами со слёзными молитвами от германцев не отделаешься.

– В японску нам настукали, а теперь покрепче наколотят! А ведь царица-то у нас германка! Вильгельмова дочь[138]. Разве она пожелает худа отцу?! Да она поможет ему! – привалившись на ухо, он пояснил ребятам.

– Вот в бюллютене-то царицу величают,– продолжал он, шепча им на ухо.– Дескать, заботится о раненых офицерах. Госпитали открывает. Ложь это все! Лицемерит она, <…>! – закончил он разговор с ребятами и, полулежа, навалился на свой вещевой плетёный дорожный ящичек.

С этих разговоров Ваня и Вася остались в крепком раздумье. В самом деле: война сорвала их стремление к учёбе, наложила тяжелый отпечаток от услышанных рассказов и будущих народных бед – последствий.

– Неужели вправду, Иванко, царица-то германка? Что-то в школе-то мы ведь изучали царственный дом, а я и забыл уже. Ну, хоть я не зря ей и Николашке[139] рожи-то шариком накрасил! – проговорил Вася.

---

[134] Уже в 1914 г. Русская императорская армия испытывала острый дефицит вооружения и боеприпасов.

[135] *Дескать* (якобы, говорят) вписано поверх строки.

[136] Елабуга – город в Вятской губернии, центр одноименного уезда, ныне город в Татарстане, районный центр.

[137] *Нам* вписано поверх строки.

[138] Александра Фёдоровна (Алиса Гессенская) и кайзер Вильгельм II приходились друг другу родственниками – их матерями были соответственно Алиса Великобританская (1843–1878) и Виктория Великобританская (1840–1901), дочери королевы Великобритании в 1837–1901 гг. Виктории (1819–1901). Но отцом принцессы Алисы был Великий герцог Гессенский и Прирейнский в 1877–1892 годы. Людвиг IV (1837–1892). Вильгельм II же был старше Александры Фёдоровны на 13 лет. Происхождение Александры Фёдоровны стало причиной обвинений её в измене и одним из факторов делегитимации российского императорского дома.

[139] Николай II (1868–1918) – старший сын Александра III, последний российский император. Царствовал с 1894 по 1917 г. Правление Николая II проходило в обстановке нарастающего революционного движения. После ряда военных неудач великого князя Николая Николаевича в ходе Первой мировой войны 23 августа 1915 г. Николай II принял на себя звание Верховного главнокомандующего. После Февральской революции Николай II 2 марта 1917 г. отрекся от престола, вскоре был арестован, и 17 июля 1918 г. вместе с семьей был расстрелян большевиками в Екатеринбурге.

– Да и я что-то не запомнил, а только знаю, что она нерусская,– отозвался Ваня.

– Да и чёрт с ними! А еще за них нас заставляли Богу молиться!

У пристани Пьяный бор[140] пароход[141] простоял недолго. Искалеченный солдат, опираясь на костыли, всё же успел[142] сойти с парохода. Его на берегу окружила толпа народа из[143] приходивших к встрече родственников, да и сбежались торговки, держа в руках с непроданной жареной рыбой в корзинках[144] бутылки из-под молока. Несмотря на ритмичное шлёпание плиц набиравшего скорость парохода, с берега слышен был женский плач. Разглядеть, что происходит на берегу, из-за пристани ребятам ещё не удалось, но когда пароход зашел в поле зрения, что происходит на берегу, стало видно: две женщины, обхватив калеку, причитали в два голоса, а за их юбки держались трое малюток.

– Очевидно, мать и жена, а тут – детишки,– проговорил Ваня.– Неужели наши Павел, Петро и Дмитрий вернутся такими же! Да ещё вернутся ли благополучно?! На что теперь этому калеке война!

– Нужна, не нужна – нас не спрашивают, а вот гонят. Павлу, да и всем, разве война нужна, а ведь угнали! – отозвался Вася[145].

Под пережитым впечатлением они, расположившись на своих котомках, крепко заснули. Проснулись они, уже миновав пристань Камбарка. В Сарапул пароход доставил их к обеденному времени. День был солнечный, ясный. Переправившись на ершовский луговой берег и проходя по дороге в родное село, они уселись у стожка сена, который сметали Павел с отцом и матерью, стараясь разгадать: где-то теперь Павел, Пётр, Дмитрий, да и все, что взяты из волости[146], ершовцы, что с ними; что делается на фронтах войны, что делает дома калека-солдат; что делается в школе Мариинского Посада, да и что делают дома родители? Всё перебрали в голове!

Дома Ваня застал только Анну Якимовну и крестницу Манюрку.

– Вот, тятенька с мамонькой оставили нас с Маней дома напечь хлеба, а сами уехали собирать гречиху в нижней перемене у Круглого болота. От Паши, Петра и Дмитрия ни писем, ни вестей нет,– сообщила Якимовна Ване.

– А рано они уехали в поле? – спросил Ваня.

– Да только солнышко начало всходить. По росе-то ведь лучше собирать в бабки[147] гречиху – не окрошится.

---

[140] Пьяный бор – пристань у села Пьяноборское Елабужского уезда Вятской губернии, ныне село Красный Бор Агрызского района Татарстана.

[141] *Пароход* вписано поверх строки.

[142] *Успел* вписано поверх строки.

[143] *Из* вписано поверх строки.

[144] *Корзинках* вписано поверх строки.

[145] Далее авторский знак заголовока.

[146] Волость – административно-территориальная единица в Российской империи, часть уезда, состоявшая из сельских обществ.

[147] Собирать в бабки – способ укладки снопа колосьями вверх.

Поев еще тёплого, свежеиспеченного ржаного хлеба, Ваня решил сходить помочь отцу с матерью в уборке на поле. Спустившись вниз по селу, он направился в поля нижней перемены по Черёмушному логу, направляясь к Круглому болоту. Мать, Авдотья Степановна, ещё издали заметила, что вроде Ваня идет.

– Смотри-ка, отец, вроде Ванятка идет? Опять только деньги проездили!

Николай, как ни напрягал зрение, а разглядеть не смог.

– Ну что, Ваня, опять неудача, не приняли? – спросил он подошедшего к нему сына.

– Да как, тятечка, сказать – и удача, и неудача. Экзамен мы с Васей выдержали, нас приняли, а вот из-за войны школу временно закрыли и сказали, что, как занятия начнутся, нас вызовут.

– Ну, что ж поделаешь. Что, помогать пришел? Давай, давай!

– Ванюшка! – ввязалась в разговор мать.– Ведь ни от Паши, ни Пети, ни Дмитрия давно писем нет! Живы ли они? – И она, опираясь на грабли, горько заплакала.

Вернувшись с поля домой, их встретило с открыткой письмо от Петра. Пётр в почтовой открытке сообщал, что он получил от Павла письмо, в котором Павел сообщает, что их полк в Иркутске, но в Иркутске простояли недолго. «Может быть, перебросят в Челябинск, а мы ещё пока в Благовещенске». И так, хотя и очень запоздалое известие от Петра, оно несколько обрадовало своим известием, что сыновья живы. А вот про зятя Дмитрия Васильевича нет ничего, да и Павел при раскомандировках [148] полка потерял его из виду [149].

Осень надвигалась своим обычным чередом, а извещений из школы с берегов Волги так и не приходило. За это время Ваня с двоюродными братьями Фёдором и Васей поработали на погрузке и выгрузке балласта на насыпь новостроящейся железной дороги от Екатеринбурга до Казани [150]. Но и на этой работе им не повезло. Проработав полторы недели, из-за войны работы прекратились, но Ваня и Вася были и этим рады, что почти по десять рублей заработали. Теперь им не страшен расход на дорогу! Три, четыре рубля на проезд по Каме, Волге на пароходе, а остальные отцу-матери на расходы – думали они, но… Что же это вызова до сих пор нет?! Застынут Кама, Волга, как поедешь?! Железную дорогу строить бросили! Через Каму мост не закончили [151]! А ведь как этот подрядчик, немец, что ли, только не русский, нас торопил в работе! Ведь работали с шести часов утра и до шести вечера, да покидаешь на платформы этого балласта и поразгружаешь – к вечеру аж свет из глаз выкатывается, а он ходит, выпятив пузо, только и кричит: «Скоро, скоро – мать вашу… Бысро, бысро! Планируй, баби, мать, вашу – планируй! Сгужай, чо гхот газинул!» Заглядывает на платформы, полностью ли она загружена или выгружена. Придравшись, записывает в блокнот для штрафа

[148] Раскомандировки – передвижения войск.

[149] Далее авторский заголовок *Пузан-паровоз.*

[150] Железная дорога «Казань – Екатеринбург» строилась в 1914–1920 гг.

[151] Сарапульский железнодорожный мост построен в 1914–1918 гг.

при расчете. Оштрафует – и не возражай, а то[152] завтра не допустит до работы, или проработаешь бесплатно.

По уговору час обеденного перерыва никогда не соблюдался. Минут пять, а то и десять первого «пузан» (или «паровоз»[153], как его прозвали работающие женщины и девушки на планировке – разравнивании балласта) или сам, или кто-либо из его помощников, выходили из просеки леса Нижнего Борка и оповещали о перерыве на обед. Побросав лопаты, работающие усаживались тут же на насыпи. Вынимали из своих узелков куски хлеба и другого снадобья[154] и жевали, в большинстве всухомятку. Хорошо, если кому была возможность припивать молоком или водичкой, захваченными из дома. Крепко уломавшись на земляной работе, братья Фёдор, Вася и Ваня обычно не трясли свои кошели с обеденной яствой, а по команде Фёдора валились минут на десять, на пятнадцать на насыпь, разбросив руки и ноги, жадно хватая боровой, лесной воздух, разглядывали и разминали уже лопнувшие мозоли на руках.

После короткого отдыха брались за узелки с кусками хлеба и парочкой круто сваренных яиц. Наломавшись на тяжелой работе, обычно у человека наступает хороший аппетит, но нет: еда сухо и вяло, безаппетитно принималась языком. Аппетитнее бы еще полежать, передохнуть. Обгрызенный с двух концов часовой перерыв на обед проходил незаметно. Теперь сам «пузан-паровоз» появлялся из кривизны просеки и кричал: «Хгаботай, мать вашу!» – выдержан час обеда или нет, ни у кого из работающих в те времена о часах и помину не было. Разве только можно было прислушиваться к отбою часов на церквах города, да и до этого ли было! И люди, кряхтя, брались за лопаты.

Братья Деськовы работали сдельно и получали за погрузку в карьере платформы или выгрузку её на насыпи. Казалось бы, что, разгрузив платформу и между подачами их, можно бы было передохнуть, но не тут-то было: заметит «пузан-паровоз» или его причиндалы[155], что стоишь, не работаешь – живо попадёшь на заметку, или своим гнусавым изречением заставят помогать женщинам-планировщицам, работающим по шестьдесят копеек в день – подённо. Тяжелы были для ершовцев эти заработки, но все же они и этим были рады, чтоб заработать копейку. А вот и они оборвались: неизвестно куда скрылся и «пузан-паровоз» с золотой цепочкой у часов, со своими причиндалами. А как же теперь с постройкой железной дороги?! А как – она замерла. Может быть, она и более всего теперь, во время полыхающей войны, нужна, да

[152] После *то* вычеркнут отрывок *В Благовещенске 37-й стрелковый полк, в котором служит Пётр, явно начал готовиться к отправке, хотя командиры не показывали этой тревоги, но уже у всех сложилось мнение, что ожидается дорога и военные операции. Пётр от Павла получил письмо и, сидя за гектографной работой, начал читать: «Дорогой Петя! Извини, пожалуйста, что редко пишу тебе. Сам еще ниоткуда не получаю писем, так и писать как-то не хочется – всё ожидаю. Живу почти в безделье. Бывают, правда, у нас занятия по телефонному делу – и теоретические, и практические. Но ведь я теорию, т.е. кое-что об электричестве, я, как учитель, знаю же хотя немного, во всяком случае, чуть ли не больше своих инструкторов.*

[153] «*Паровоз*» вписано поверх строки.

[154] Снадобье – еда.

[155] Причиндалы – имеющие отношение к кому-либо, подчиненные.

кто теперь будет на ней работать! Разве дряхлые старики да старушки! Матери с оставленными сиротками?! Сыновья, мужья?! А где они?! Были бы они – работали бы, и «пузан-паровоз» нажил бы еще не такой капитал?! А вот всё замерло.

Только война всё разгорается. Горе с горем перекрутилось в узлы – и, кажется, будет ли конец?! Горю конец?! А где же он?! Да всем ли он нужен?! Да, где горе и горькие слёзы – он ожидается как светлый праздник. А где и кого горе не тревожит, а война золотит карман – зачем ему этот [156] конец [157]. Вот германцам надо сделать конец, пусть не посягают на царя-батюшку и веру православную. Усердно молятся православные в церквях за здравие царствующего дома и одержание победы над врагом, а победы все нет. А пламя войны всё разгорается и разгорается. Уже к осени втянулись в войну с одной стороны Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария. С другой стороны – Россия, Франция, Англия, Румыния [158]. Уже раздавлена немецким сапогом Бельгия [159]! Грохочут орудия, трещат пулеметы, винтовки. Багровеют кавалерийские клинки от человеческой крови. Обильно насыщается человеческой кровью земля и укрывает в своих объятиях искалеченных своих же тружеников-сыновей. Горько, безутешно рыдают матери, жёны, отцы, дети над письмами о погибших близких! А просвета всё нет. Летит безудержное время! Отбрасываются безвозвратно в вечность секунды, минуты, годы злого лихого времени! А где же конец?! [160]

От школы Ваня и Вася получили справки, что они выдержали вступительные экзамены и в связи с мобилизацией школы для военных нужд отпущены в отпуск до 15 октября 1914 г., после чего должны явиться для занятий в школу. Но вот уже за неделю до окончания отпуска от школы ими получено новое извещение: «Школа к занятиям не готова. Выездом воздержитесь до получения извещения от нас» – и подписи. «Как же быть?» – думали Ваня с Васей. Ведь вот-вот начнутся холода. Замерзнет матушка-Кама. Не пойдут пароходы, а железная дорога от Сарапула до Казани заглохла в строительстве. Растерялись и Николай с Иваном Васильевичи. Что посоветовать ребятам?! А прийти к какому-либо решению никак не могут. Восьмого ноября (ст [арого] стиля) у берегов Камы уже начали образовываться ледяные настилы. Одиннадцатого ноября собрались на совещание обе семьи и решили: если ещё идет какой-нибудь пароход от Сарапула до Казани, то отправить ребят, не дожидаясь извещения.

На другой же день Ваня с Васей съездили в Сарапул и узнали на пристани, что четырнадцатого ноября должен проследовать из Перми до Казани последний пароход. Это их крайне обрадовало. Захватив свои котомки с ржаными подорожниками,

---

[156] *Этот* вписано поверх строки.

[157] После *конец* вычеркнуто слово *он*.

[158] Автор путает. Война Османской империи Россией была объявлена 2 ноября 1914 г., Болгария объявила войну Сербии 14 октября 1915 г., Румыния объявила войну Австро-Венгрии 27 августа 1916 г. (по григорианскому календарю).

[159] Автор путает. Бельгия была в основном оккупирована немецкими войсками в августе-сентябре 1914 г., однако сопротивление гарнизона Антверпена продолжалось до 10 октября 1914 г. (по григорианскому календарю).

[160] Далее авторский знак заголовока.

они утром пятнадцатого ноября переправились на пристань. Пароход в Сарапуле ожидался с утра, но пришел в Сарапул только вечером. До вечера ребята томились в ожидании. Ожидающих пассажиров было всего четыре человека, и то до Камбарки. По водной глади Камы уже плыли толщиной в полвершка льдины, как их речники называли, «сало». Со стороны села Дулесово[161] ребята сперва увидели дымок над речной гладью, и вскоре показался сам пароход. При развороте парохода у пристани они прочитали название парохода – «Наталия». Билеты пришлось покупать в кассе парохода, так как на пристани касса уже не работала. Билеты ребята намеревались приобрести до Мариинского Посада, но кассир предупредил, что пароход следует только до Казани и там станет на зимовку.

– Ничего, ребята, по Волге еще ходят пароходы – доберётесь и до Сундыря,– успокаивал он и добавил: – От Казани до Сундыря, т.е. до Мариинского Посада,– и он уткнулся в справочник,– всего около ста верст с небольшим.

Почесали ребята затылки, переглянулись, но отступать? Не в ихнем духе! «Наталия» спешила закончить свой рейс. Капитану парохода, видимо, было дано указание следовать до Казани и приставать к пристаням только к тем, где нужно выгрузить или груз, или пассажиров. Поэтому от Николо-Берёзовки[162], где высадили ещё несколько пассажиров, вплоть до Елабуги пароход следовал напрямую. Однако на этом пути пароходу приходилось дважды вставать на якорь. Дело в том, что, натыкаясь местами на сгустившийся плывший лед («сало»), пароход порядком вздрагивал. Попадающие уже окрепшие льдины под плицы колёс хотя и не выдерживали ударов плиц, но и плицы, которые послабже на прочность, раскалывались и спадывали с металлической конструкции колеса. Замена [старых] новыми плицами у колёс оказалась делом не совсем легким. Ребятам удалось эту работу пронаблюдать.

При ставшем на якорь пароходе матросы открыли дверку металлическую к колесу. При осмотре оказалось, что двух плиц на колесе нет, а третья расколота, и чуть держалась её средняя часть на крепежных болтах. Участок колеса, где не было двух плиц, находился над поверхностью воды, а участок[163] обломков от расколотой плицы – в воде. На пароходе оказались новые запасные плицы, и их быстренько поставили на колесо, а вот [то], что требовалась постановка плицы в воде, дело осложнило. Механик парохода раз десяток пускал машину, пытаясь установить колесо с поломанной плицей в верхнее положение, но ему так и не удалось. Ремонт проводили поздним вечером, и вечерняя темнота осложняла работы. Матросы ворчали между собой и обвиняли капитана и штурвальных:

– Надо же, полным ходом налетать на льдины! Ослепли, что ли?! Вот теперь возись!

У Вани с Васей, наблюдавших за ремонтом, сложилось мнение, что сменить плицу матросам не удастся. Ведь в темной, отражен [ной] вечерним небом воде

[161] Дулесово – деревня в Сарапульском уезде Вятской губернии, первый населённый пункт вверх по Каме от Сарапула. Статус села не имела, ныне деревня в Сарапульском районе Удмуртии.

[162] Николо-Берёзовка – село в Бирском уезде Уфимской губернии, ныне город в Башкортостане, центр Краснокамского района.

[163] *Участок* вписано поверх строки.

ничего не видно. Свет от пароходных электроламп только падал на поверхность воды! Однако их мнение было ошибочно. Ремонтники принесли переносную электролампу с непроницаемым для воды шнуром, включили в сеть и лампу опустили в воду к месту ремонта. Для ребят это была большая новость. «Как же это не происходит у них короткого замыкания? Ведь говорили же нам в камбарской школе, что электропровода и лампочки боятся воды! А тут прямо в воду, и в воде лампочка горит!» – думали они.

После ремонта, когда пароход, снявшись с якоря, продолжал путь, Вася спросил одного из матросов, почему лампочка и провод не боятся воды, но матрос, сперва с надсмешкой, ответил:

– Много будешь знать – скоро состаришься! – а потом, видя огорченное лицо Васи, пояснил:

– Провод в резине, она не пропускает воду [164].

Причалив к пристани Елабуга, капитан парохода решил сделать трехчасовую остановку и за это время основательно провести ремонты колес. Узнав об этом, ребята подошли к машинному отделению, но сгрудившиеся рабочие по ремонту заругались:

– Идите в город прогуляйтесь, не мешайтесь под ногами! Пароход простоит не менее трех часов!

– Что будем делать, Иванко? – обратился Вася к братику.

– А пойдем на берег прогуляемся!

Спрятав котомки, они вышли на берег, и вдруг у них мелькнула мысль – осмотреть «чёртово городище» [165]. Спросив первого встречного, они бегом пустились по тропинке, ведущей в гору.

– Давай быстрей! – торопили они один другого, боясь, что пароход уйдет без них.

Вот они уже, запыхавшись, подбегают к этому чудесному нагромождению камней. Обошли кругом, проникли вовнутрь, где росла крапива высотой в их рост, изрядно потоптанная такими же любознателями, как они. Глазами мысленно смеряли внутренний диаметр этой круглой каменной крепости, сложенной из громадных камней. Крепость и крепость, только без крыши.

– Неужели это построили люди? – задумывались ребята.– Природа начудила? Не может быть! Ведь вот и заход сделан умно, как двери, и с противоположной стороны – от реки. Постройка очень древняя,– решили они, потому что камни все покрыты мохом, и нижние, как фундамент, камни вросли в землю наполовину.

– Вот, Вася, у меня тятечка тоже рассказывал про это чудовище, когда плавал на плотах. Он слыхал, что эту крепость соорудил со своими бойцами Стенька Разин [166]. Только вот почему-то мало помещенья-то, чего это, аршин пять-шесть в диаметре [167]? Самое большее человек пятьдесят поместится. А высота-то достаточная.

---

[164] *Вставка: пропустил существенный случай!* на вшитом листе из другой тетради.

[165] «Чёртово городище» (Елабужское городище) – остатки укрепленного поселения на берегу реки Камы у города Елабуги, булгарской крепости XI в.

[166] Разин Степан Тимофеевич (1630–1671) – донской казачий атаман, предводитель восстания в Поволжье и на Дону в 1670–1671 гг.

[167] Аршин – старорусская мера длины, равная 71,12 см.

– А наверное, Иванко, мы вот здесь топчемся, а земля-то, поди-ка, кровью полита! Побежим к пароходу, как бы не остаться.

На обратном пути они только и разговоры заводили о Стеньке Разине да о Лобове[168], про которого им рассказывал дядя Иван, как он на Каме гулял со своей дружиной.

Спустившись к пристани, они узнали, что пароход ещё простоит часа два, и ребята пожалели, что поторопились, что до тонкости не осмотрели это чудо. Зато, сидя на пароходе по пути до Казани, они только и толковали о виденном.

До Казани пароход ребят доставил благополучно. От Казани до Мариинского Посада они добрались на пароходе «Мария»[169]. Поднимаясь по уклону улицы города[170] к школе, их всё время тяготила мысль: как дела в школе, что им скажут преподаватели: неужели придется возвращаться обратно, да и как?! Сюда приехали удачно, а обратно?![171]

Получилось худшее. Преподаватель Тараканов и директор Л. П. Бабушкин только и ответили, что надо было ожидать из школы вызова. Что школа ещё месяца два, а то и три не будет открыта для учебы. «Что же теперь делать?» – думали ребята. На ночевку опять устроились у Малининых, а другой день решили добираться до дому, если посчастливит – пароходом, а нет – пешком. До Казани им еще удалось добраться на пароходе, а от Казани до Сарапула навигация уже закрыта, и путники оказались в тупике. Советуясь между собой, они решили сходить справиться на железнодорожный вокзал и узнать, не ходят ли рабочие поезда в сторону Сарапула по новостроящейся железной дороге «Казань – Екатеринбург». Погода стояла ветреная, и моросил мелкий холодный снег. Посредством опроса встречных они добрались до вокзала. В здании было тепло. Кажется, так бы и расположился на ночной отдых в этом уютном, уже ярко освещенном электричеством помещении. Пользуясь этим, они сели на один из диванов, сняв с плеч котомки.

Но их блаженству не посчастливилось. Станционный сторож в форме железнодорожника, проходя по залу ожидания, заметил необычных пареньков-пассажиров, перешептывающихся между собой: где, к кому обратиться, у кого узнать о поезде. Спрашивать господ-пассажиров, также сидевших, они стеснялись и держались от них обособленно. На обратном пути станционный сторож неожиданно подошел к ним и грубо спросил:

– А вы куда едете?!

Ребята стушевались от неожиданного грубого вопроса, но, собравшись, объяснили, кто они и зачем пришли на вокзал. Железнодорожник выслушал их, посочувствовал их положению и повел к дежурному по станции. С робким видом

---

[168] Автор путает фамилию. Лбов Александр Михайлович (1876–1908) – рабочий Пермских пушечных заводов, экспроприатор, участник революции 1905–1907 гг.

[169] «Мария» – товаропассажирский пароход акционерного общества «Самолет», построенный в Бельгии в 1884 г. заводом Societe Anonyme John Cockerill. В 1914 г. ходил по маршруту «Нижний Новгород – Астрахань».

[170] *Города* вписано поверх строки.

[171] Далее авторский заголовок *Домой*.

ребята предстали перед дежурным по станции, блестевшим своей форменной одеждой. Выслушав ребят и сторожа, он сразу оборвал их:

– Какие это ученики! Что вы морочите головы, шалапаны! – обращаясь к сторожу, он сказал.– Сдать их надо полицейскому. Там разберутся, чьи, откуда! Шляются в военное время без документов!

Тут ребята уже не выдержали, чувствуя надвигающуюся беду, и, опомнясь, возразили:

– Есть у нас удостоверение из школы, вот, прочитайте!

Дежурный, прочитав удостоверение о предоставленном им от школы отпуске впредь до особого вызова, отмяк.

– Ну, так вот что, мне сейчас толковать некогда. Вот-вот сюда запросится поезд с ранеными, нужно готовиться к приему. Помочь вам ничем не могу. Работы на строящейся дороге совсем прекращены. Ни один паровоз не ходит. Пишите вашим отцам, чтобы приехали за вами,– и, обращаясь к сторожу, дал ему указание сейчас же освободить в вокзале место для духового оркестра и священнослужителей, прибывающих для встречи раненых[172].

На перроне толпилось уже много народа для встречи раненых. Шумно полиция наводила среди толпы порядок, устанавливая проезд для карет и санитарных двуколок[173] с красными крестами на бортах. Из двуколок и с карет повылезли напудренные и надушенные, в белых халатах с красными крестами на рукавах врачи, сёстры, санитары. У всех через плечо одеты санитарные сумки. Пришли с иконами и хоругвями[174] соборные священнослужащие. Привокзальный колокол оповестил о подходе поезда. Все приготовились к встрече. Оркестр грянул «Боже, царя храни[175]» и «Коль славен наш Господь в Сионе»[176]. Священнослужащие хором запели: «Спаси, Господи, люди Твоя, благослови достояние Твое. Победы благоверному государю нашему Николаю Александровичу на супротивные даруя и[177] Твоя сохраняя крестом Твоим жительство».

Поезд остановился. Медперсонал устремился к вагонам с носилками. В первую очередь выносили раненых офицеров-командиров. Из толпы старушки запричитали, глядя на носилки, вслушиваясь в стоны:

– Жив, стонет, батюшко ты наш! – причитали в толпе, и только музыка да хор воспевающих заглушали рёв и слёзы причитающих.

Ребята ввиду наступающих сумерек решили не дожидать [ся] конца разгрузки и пошли искать убежище, где бы переночевать. В частные дома им устроиться не

---

[172] Далее авторский заголовок *За веру, царя…*

[173] Двуколка – одноосная повозка, в данном случае – для перевозки раненых.

[174] Хоругвь – религиозное знамя с образом Иисуса Христа, Богородицы и святых, используемое в обрядах православной церкви.

[175] «Боже, царя храни» – государственный гимн России в 1833–1917 гг. Автор музыки А. Ф. Львов, автор слов В. А. Жуковский.

[176] «Коль славен наш Господь в Сионе» – неофициальный гимн России в конце XVIII – начале XIX в., автор музыки Д. С. Бортнянский, автор слов М.М Херасков.

[177] После *и* вычеркнуты слова *благослови нас*.

удалось, но по совету прохожих они направились на постоялый двор[178] за озером Кабан. По дороге они купили две пятикопеечные французские булки и фунт колбасных обрезков[179].

На постоялом дворе они с трудом всё же уговорили хозяина пустить их переночевать. Он им отвел в конце коридора маленький чуланчик. Прибрав на полу разваленное разное барахло и закусив на сон грядущий, они под тяжёлым пережитым настроением уложились спать на полу, заперев дверку на крючок, загнутый из гвоздя[180].

В августе месяце 1914 года из запасного полка в составе маршевой роты[181] Павел был направлен в действующую армию 48-го Сибирского стрелкового полка, оперировавшего на галическом участке. В боях под Львовом весной 1915 года[182] тяжело ранен и доставлен на излечение в один из госпиталей города Москвы. После излечения от ран Павел был направлен в 12-й Финляндский стрелковый полк[183] рядовым телефонистом. Полк стоял на отдыхе, и Павел писал брату Петру в 37-й Сибирский стрелковый полк:

«Дорогой Петя! Извини, пожалуйста, что редко пишу тебе: сам ещё ниоткуда не получаю писем, так и писать как-то не хочется, всё ожидаю.

Живу почти в безделье. Бывают, правда, у нас занятия по телефонному делу – и теоретические (!), и практические, но ведь теорию, т.е. кое-что об электричестве, я, как учитель, знаю же хоть немного, во всяком случае, чуть ли не больше своих инструкторов, а практика – так ведь я семь месяцев провёл на позициях у телефона, значит, практику имею. Сегодня у нас вдруг явилась мысль образовать в команде связи хор. Это было бы хорошо от скуки. Не знаю ещё, осуществится ли это наше желание на деле. Голоса есть, есть любители. Скучно очень от того, что не получаю писем.

Здесь над городом, на горе, высятся развалины старинного замка[184], как говорят жители, принадлежавшего когда-то одному из русских князей. А в полуторах-двух верстах от него, на противоположном обрыве того же горного хребта, находятся руины-развалины древнего русского мужского монастыря. Как замок, так и монастырь построены исключительно из камня, кирпича тут и следа нет. 10 ноября с тремя товарищами ходил осматривать руины. Оказалось очень интересно.

---

[178] Постоялый двор – гостиница с двором для лошадей и трактиром.

[179] Фунт в старорусской системе мер равен 409,5 г.

[180] Далее авторский знак заголовока.

[181] Маршевая рота – временно сформированное подразделение направлявшееся маршем в ходе военных действий из запасных частей тыла на фронт для пополнения частей и соединений действующей армии.

[182] В ходе Галицийской битвы 21 августа (3 сентября) 1914 г. русские войска взяли Львов.

[183] 12-й Финляндский стрелковый полк – сформирован в 1889 г. в Финляндском военном округе как Выборгский крепостной пехотный батальон, в 1910 г. преобразовано в полк. Во время Первой мировой войны действовал на Юго-Западном фронте.

[184] Высокий замок во Львове – крепость, построенная по указанию либо одного из галицких князей в XIII в., либо польского короля Казимира III Великого (1310–1370) в 1362 г.

Опишу сначала замок. Он построен на скале между двумя обрывами, которые сходятся углом; на углу-то он и построен в виде треугольника. С двух сторон его, значит, обрывы, а с третьей он открыт: тут лес. Стены по краям обрывов только облицовывают скалу, так что снаружи они имеют в высоту примерно 4–5 сажен, а внутри двор замка вровень с ними. Между этими стенами в самом углу построена громадная круглая «угловая» башня, в ней пол, уже в самом основании её, значит, гораздо ниже уровня двора. С открытой, северной стороны стена построена уже гораздо выше, сажени на три и снаружи сажен на тридцать от стены земля срыта, так что стена уже будет около восьми сажен в высоту, если не совру. На углах выстроены четырехугольные угловые башни. Стены толщиной около 2½-3 аршин. Во дворе никаких построек не осталось. Замок величественно смотрит вдаль амбразурами и бойницами, из которых когда-то воин пускал стрелы в осаждающих, а потом, может быть, сверкали медью пушки.

С открытой стороны перед замком на куче камней высотой до полутора сажен, играющей роль пьедестала, стоит белая статуя женщины в древнерусском элегантном наряде. Она стоит лицом к городу в позе страстного порыва вперед. В левой протянутой руке она что-то держала (сломалось), а правой прижимает к высокой груди носимое на шее распятье. Голова открыта. Никакой надписи об этой красавице не оказалось, к моему огорчению, зато я полез к ней, и на одной из складок её одежды начертал имена, свое и бывших со мной «любознательных туристов», в назидание будущим путешественникам.

Теперь – монастырь. Он окружён нетолстой (до аршина) стеной высотою до полутора сажен[185]. На четырёх углах стен построены были угловые башни с бойницами и окнами. Из башен только одна уцелела, остальные наполовину обрушились. Одна из обрушившихся угловых башен была часовней (каплица[186] с воротами). Она развалилась. В северной стене – большие ворота, а над ними большая двухэтажная четырехугольная башня с сохранившимся сводом, в средине которого вставлена фигурчатая…[187]».

Такого же содержания Павел послал письма и отцу с матерью с дополнительными приписками жене Анне Якимовне и дочурке Мане. Семья, получив письмо, была рада весточке, что Павел жив и отдыхает. Авдотья и Анна поспешили поделиться известием Павла с родными и соседями. Но Николай, зная и испытав на себе фронтовые передышки, всё так же затаенно переживал [за] участь детей, однако не показывал вида. Он знал, что за тишиной надо ожидать бурю, и наоборот. Получение от детей весточки, что они живы, здоровы – ведь это в обстановке фронта лишь часы, минуты, а за ними полная неизвестность.

Особенно его тревожили эти мысли, когда долго от детей не было писем. Ночи он спал тревожно. Авдотья, бывало, среди ночи, слушая его возню на полатях[188] и шёпоты молитв, спросит:

---

[185] Сажень – старорусская единица измерения расстояния, 1 сажень равна 2,1336 м.

[186] Каплица – католическая домашняя церковь, часовня.

[187] Примечание автора «Окончание [письма] не найдено».

[188] Полати – широкие нары для сна, устраиваемые в избах под потолком между печью и противоположной ей стеной.

– Отец, да ты чего не спишь, возишься, да и у меня сон разбиваешь?

Только и ответит:

– Что-то не спится, душа!

А днем, после тяжелой работы, сидя за осиротевшим[189] столом, глядя один на другого, перебирают в головах вылезающие седины и опять погружаются в думы. Была семья – и как птенчики выпорхнули из родного гнезда. «Война – это слёзы отцов, матерей, вдов и сироток! – думал Николай – Да и что они затеяли, Господи, вразуми безумцев! Чего им опять мало стало!» А война всё разгоралась, разоряя бедноту, убивая и калеча кормильцев[190].

Ребята на новоселье проснулись от шума и перепалки-брани каких-то людей. Ваня было попытался через толпу пробраться до туалетной, но его втолкнули обратно, сопроводив крепким матюгом. Вскоре рабочие очистили коридор, и в нем установилась тишина. Ребята стали готовиться к походу, взялись было позавтракать, но хватились – ни булок, ни колбасных обрезков: портянка, сумка Васи, висевшая на гвозде, оказалась пустой.

– Как же так, Иванко, куда могла исчезнуть наша провизия? – спросил Вася братика.

– Ты выходил в корридор, дверки-то на крючке были?

– Нет, я не открючивал их,– ответил Ваня.

Проверили крючок: крючок из тонкого гвоздя оказался разогнут. Так, не позавтракав, они пошли рассчитываться за ночлег с хозяином и выручать школьные удостоверения. Хозяин, получив с них за ночлег десять копеек и отдавая им удостоверения, поглаживая свою бороду, спросил:

– Ну, как ночевали?

Ребята рассказали ему о пропаже продуктов и о крючке. Как бы сочувствуя их беде, он с усмешкой сказал:

– Это они, мошенники-пьянчуги каменщики, спали в коридоре! И не пустил бы я эту шпану, да что сделаешь – платят они ведь по 15 копеек. Ну а вы куда теперь пойдёте? Я слыхал про ваш Сарапул. Далеко ведь он, дойдёте ли вы? Вот по зимам к вам в Сарапул, бывает, ездят: отсюда на Елабугу по тракту, а там от Елабуги на Сарапул, сказывают, тоже трактовая дорога есть[191]. Все же трактовые дороги более известны, а малыми вы запутаетесь,– советовал он.– Вот выйдете на улицу и прямо по улице через город выйдете на Елабужский тракт.

Ребята поблагодарили хозяина за ночёвку и советы. Поправили на плечах мешочные котомки и вышли на улицу. Переглянулись между собой и направились к выходу из города. Хозяин не обманул – тракт, или большая дорога, от города протянулся вдаль перед ними. На первых порах идти было легко, но на душе было не совсем весело. Ведь это не то, что пройти путь от деревни до деревни! Да и мало ли что может случиться дорогой, проходя и по лесам, и полям. Да и как их встретят

[189] Слово *осиротевшим* вписано поверх строки.

[190] Далее авторский заголовок *Домой.*

[191] Тракт – грунтовая дорога, соединяющая крупные населённые пункты.

деревни? Уже на первых порах у них вкрадывалось сомнение – правильно ли они идут? Не лучше ли бы было им идти прямо из Казани на Сарапул по новостроящейся железной дороге? Но уж раз пошли на Елабугу – будь что будет.

На пути они встретили первое селение и решили спросить первого встречного, правильно ли они идут на Елабугу. Однако первая встреча была неудачной – они встретились с пожилой нацменкой[192], не понимающей русский язык, но она позвала парня (очевидно, сынишку). Паренёк хотя слабо, но умел говорить по-русски:

– Елабуга – прямо гуляй,– правильно объяснил он.

А на вопрос, далеко ли ещё идти до следующей деревни, где бы можно переночевать и отдохнуть:

– Верста десять гуляй,– ответил он.

– А сколько же мы прошли, Вася, мы и не спросили его.

– Да, наверно, вёрст пять или шесть.

– Я так же думаю.

И пешеходы, идя по чуть подстывшей дороге, задумались, снова отмеривали шаг за шагом в безвестную для них дорогу. Порой их мучило сомнение – а дойдут ли они до родного дома? Да и, что греха таить, ведь им придётся шагать и глухими лесами, ночевать у татар, встретиться с разными людьми, да ещё и пустят ли их ночевать! Всякие люди бывают, может случиться, что и не добьешься ночлега! И время военное, и зима вот-вот накроет с вьюгами! Переметёт дороги – и плутай, волкам на съедение! Всё перебирали в головах. Первый день путешественники шли большей частью молча, подавленные своими думами. Прошли ещё один населенный пункт. У жителей узнали, что впереди по дороге недалеко ещё есть деревушка, и они решили дойти до деревни и переночевать, но их мечта не сбылась. Деревушка эта оказалась не более десяти домиков. Население – татары. На просьбы пустить переночевать или отрицательно говорили на своем языке, а другие и по-русски отказывали в приюте:

– Моя семья большой. Гуляй дальше.

На выходе из деревни ребята растерялись. Вернулись к дому хозяина, понимавшего по-русски, но получили такой же ответ:

– Кто такой шатаешься? Гуляй дальше! Недалёко русской есть Кокушка[193]!

И откуда ни возьмись – на ребят напала собака. Хозяин, отгоняя собаку, махал руками и кричал: «Гуляй, гуляй!»

Времени у ребят уже было мало, чтобы хотя бы засветло дойти до следующей деревни, да и близко ли она?

– Давай, пошли, Иванко, [будь] что будет!

И опять шаги, шаги. Боясь наступления темноты, несмотря уже на чувствующуюся усталость, они ускорили шаги, переживая первую неудачу. Пока ребята шли полями и лугами, идти было светло. Дорога ровная, но слегка припорошенная изморозью, но, зайдя в лесок, куда их привела дорога, идти стало

[192] Нацмен – сокращение от словосочетания «национальное меньшинство», широко применявшееся в советское время. Здесь речь идет о татарке.

[193] Кокушкино – село в Лаишевском уезде Казанской губернии, ныне поселок Ленино-Кокушкино в Пестречинском районе Татарстана.

жутко. Сама по себе наваливалась вечерняя мгла, а в лесу и совсем они сбивались с полей. Вооружившись палками и спотыкаясь иногда о коренья, сучки и проступаясь в выбитые колесами ямы, они то и дело чертыхались. Вот чёрт татарин, пожалел избушки! Известно, татары такой народ!

Но вот до их слуха донёсся как будто лай собаки.

– Постой, Вася, как будто слышно, собака залаяла, значит, недалеко деревня!

Прислушиваясь, они в самом деле уловили собачий лай.

– А что, Иванко, а вдруг да это не собака, а волк?

– Да ну, пошли, Вася. Вот как-то тятечка говорил, что летом и осенью волки не нападают на человека. А вот уже зимой – берегись!

Но опасенья их были напрасны. Вскоре они покинули лес, впереди перед ними раскинулся поселок. Издали им показалось, что опять небольшая деревушка, но ошиблись.

– Наверное, Вася, это село какое-нибудь? А раз село – наверное, и школа есть. Давай, как зайдем, спросим, есть ли школа?

– Ну и что? Ты думаешь, в школу пустят ночевать? Ведь в школе наверняка и сторож хотя есть, да не пустит нас, бродяг.

– А я так думаю: если есть школа, прийти к учителю. Он нам поможет. Помнишь, как нам советовали?

– Согласен хоть как, лишь бы отдохнуть,– устало пробормотал Вася.

А устать они и в самом деле устали с непривычки крепко и, подходя к селению, волочили еле ноги. Не так их сильно морила жажда что-либо покушать, как хотелось пить. Первыми из живых существ села [их] встретили собаки. В избах кой-где в окнах виднелись огоньки зажжённых керосиновых ламп. Условившись, ребята, проходя по улице, только и смотрели: нет ли на доме вывески «Школа», но было уже так темно, что, если бы и подошли они к школе, навряд [ли] бы различили на темном фоне стен надпись «Школа». Впереди они заметили человека, стоявшего посреди улицы. Подойдя к нему и здороваясь, они услышали ответное «здравствуйте» на русском языке. Они были рады этой встрече, что можно от него узнать и где школа, если она есть, и где живёт учитель.

Перед ними стояла женщина в чёрном дублёном полушубке и шали, неразличимого в темноте цвета. На вопрос ребят, есть ли в селе школа, женщина лишь ответила вопросом:

– А вы кто такие?

Узнав от ребят, что они ученики и ввиду закрытия школы пробираются до своих родных, она им не поверила и предложила дойти до старосты [194]:

– Он вас проверит, кто вы такие и [на] ночлег отведёт, а то как же. Вижу я: идёте по улице. Чувствую, что ненашенские, остановилась, а то как же. Идите, вон в том доме староста наш кокуйский живет. На что вам школа-то? Вы уже прошли её.

– Где, говорите, живет староста? – спросили ребята в надежде, как бы скорее добраться до ночлега.

[194] Сельский староста – выборный глава сельского общества (общины).

– Да вон, круглый-то дом! Ну, идёмте, я вас доведу!

В доме старосты [никого] не оказалось. Вернуться к школе они не захотели и начали упрашивать женщину пустить их переночевать.

– Надо спрашивать хозяина, а я что! Идите попроситесь у него самого, пустит – не жалко.

И женщина повела их к дому.

Хозяин оказался грамотным человеком. Прочитав у ребят отпускные школьные документы, поглядел на путников и, вздохнув, сказал:

– Ну, давайте раздевайтесь! Куда вас денешь в такую пору! Марья, поди, у тебя чугунок-то в печи не остыл, попой их чайком с дорожки-то!

Ночлегом ребята остались очень довольны. Хозяин много чего у ребят расспрашивал: и о войне, и о родных, и о школе, куда они поступили учиться. Рассказал и о своем сыне, взятом только два месяца назад в армию.

– Ох, война, война, что она только наделала, ребятишки! Вот и наш-то, поди, сынок где-нибудь в холоде, голоде, Боже ты наш! И вам ведь, ребятушки, ой далёко идти! Слыхал ведь я Сарапул-то!

Хозяйка Марья, лет пятидесяти, с пробившимися сединами, насобирала кой-какой одёжки, постлала ребяткам постель на две оперённые лавки[195] и для одевания положила тёплый овчинный тулуп. Подкрепив себя чаем и хозяйской картошкой, сваренной в мундирах, ребята, улегшись, крепко заснули. В беседах с хозяином ребята так и не узнали, как зовут их благодетеля, добродушного старичка-хозяина. Не способствовала им и хозяйка Марья, называя в разговоре своего мужа отцом:

– Я их увидела, отец, на улице. Вижу, в темноте-то идут какие-то: то остановятся, повертятся на месте, то к дому подойдут. Уж подумала, что-то неладное. А как ко мне-то подошли – лица не вижу. Спрашивают школу. Думаю – жульё, и направила к старосте. Мало ли жулья к нам из Казани приходит! – объясняла она мужу.

Утром, [когда] ребята встали, уже начало светать. Хозяин, сидя у порога орудовал коточиком[196], доплетая лапоть. Увидев, что ребята проснулись, бросил под печь лапоть, еще не снятый с колодки, и сказал:

– Марья, ребята-то, наверное, у нас спамши, озябли, разогревай-ка чайком да картошечкой горяченькой их, да и мы давай поутренняем с ними. Ну как спали, ребятишки? – обратился он к ним.– Холодило, поди, ночью-то. Избушка-то у нас старенькая, промерзает. Мы так уж со старухой всё на печи больше спим. Который из вас Вася, который Иваша, почай, не различишь. Идите, умывайтесь, да за стол, перекусите, чем Бог послал.

Хозяйка Марья, прихватив тряпками четвертной чугунок на шостке с горячей картофелью[197], поднесла [его] к деревянному ведру и отлила воду, а картофель вывалила на большое деревянное блюдо и поставила на стол. От испарений и запаха горячей картошки у проголодавшихся ребят заскулили животы. Ох как бы они дома

[195] Оперённая лавка – лавка в крестьянском доме с периной или матрацем.

[196] Коточик – большое широкое кривое шило для плетения лаптей.

[197] Здесь и далее так в документе, правильно *картофель*.

с аппетитом поели этой картошки! А здесь-то ведь не своя! Но хозяин и хозяйка настоятельно посадили их за стол. За столом ребята переглянулись между собой, понимая один другого, что ведь и за ночлег, и за угощение хозяева с них могут запросить деньги. Ведь взял же с них деньги в Казани хозяин постоялого двора, да и за что – каморку в коридоре! А ведь он, видать, богат! И часики у него в жилетном кармашке на золотой цепочке! А здесь что! Старички, беднота, лапотники!

– Берите, берите, ребятишки, смелее ешьте, что Бог дал,– говорит хозяин, подвигая к ним деревянную точёную солонку и, видя их смущение, сам руками подложил каждому по паре больших картошин.

– Ешьте, ешьте, не стесняясь! Я сам бывал на чужой стороне! Всяко приходилось: и христорадничал, и кой-где в работу нанимался!

– Вот, нате ножиком, на пластики разрезайте да подсаливайте! Так-то ведь горяча картошка-то! Я всё больше ем резаную,– предложила хозяйка Марья и разрезала им картофелины на кружочки.

Запах от разрезанных ломотков ещё сильнее ударил по аппетиту ребят, и они не выдержали.

– Давайте ешьте, ешьте смелее. А как ваши сегодня ноги? Наверно, набили вчерась? Идти думаете, а может, ещё отдохнете?

– Спасибо, спасибо, хозяева! – благодарили их ребята.– Нет уж, нам на отдых не приходится рассчитывать. Пока дорога еще не так [ая] снежная, будем добираться до дому. Уж не знаем мы, чем вас отблагодарить и чем поплатиться!

– Да что вы, что вы, какая плата! – в оба голоса оговорили хозяева.– И еще: если надумаете на ночку остаться, оставайтесь! Оно и так, правду думаете, пока дорога не испортилась, идти-то лучше. Дальше-то вы теперь от нашего Кокушкино пойдете на Ходяшево[198], потом Пановку[199], ну а там спросите.

– А что, эти деревни татарские? – спросили ребята, опасаясь снова остаться без ночлега.

– Да как вам сказать: живут и татары, и русские есть. Ну, народ добрый – дорогу покажут и ночевать пустят.

– А нас вот до вашего села в татарской деревне не пустили, и пришлось нам поневоле добираться до вас, ну и крепко затемняли.

– Всяко, ребятки, в дороге бывает. Бывает, и русский не пустит, а татарин смилостивится. Есть среди и татар люди добрые,– напутствовал их хозяин.

Отблагодарив хозяина и хозяйку за всё, ребята начали собираться.

– Марья! – обратился хозяин к хозяйке.– Картошка-то на столе вроде осталась, отдай-ка ребятам в дорожку. Дорожкой хоть перекусят!

Марья и в самом деле отобрала у ребят заплечные холщовые мешочки, вытащила у них валенки и разложила по мешочкам картофель:

---

[198] Русское Ходяшево или Татарское Ходяшево – деревни в Лаишевском уезде Казанской губернии, ныне село Татарское Ходяшево и деревня Русское Ходяшево в Пестречинском районе Татарстана.

[199] Пановка – село в Лаишевском уезде Казанской губернии, ныне село в Пестречинском районе Татарстана.

– Возьмите, ребята, дорогой ох как пригодится! Вот где-то наш Сёмушка, поди так же на чужой то стороне?! – и у неё на глазах накатились слёзы.

Ребята было сперва заулыбались, получая подорожники, но, заметив слёзы хозяйки, с жалостью смотрели на стариков, и даже жаль было расставаться с такими добрыми людьми.

И снова, как вчера, потянулась вдаль заиндевелая, слегка припорошенная дорога. Но эта дорога уже была не похожа на вчерашнюю. Если от Казани дорога бросала ребят в глубокие крепкие раздумья и неприятностями ночлега, и слова «гуляй, гуляй» сверлили нудно им уши, то та боязнь неизведанностей, вставших перед ними, полностью рассеяна замечательными добрыми старичками в Кокушкино. Теперь у них и ноги как будто стали легче, и дорога не так ухабиста, и на душе веселей. Недаром, отходя от Кокушкино, у них и разговор стал веселей[200]. Если разговор и прерывался, то возникали какие-либо в голове мелодии и слова песен, до которых они [были] большие любители. Песни их и раньше сопровождали, где бы они ни были наедине. Коров ли ходили пасти, искали ли их в полях, лугах или лесах, лишь бы они были наедине – всегда от них можно услышать какую-либо песню. А песен они знали немало. Их они насобирали в свои головы и от отцов, и от старших братьев и девчат на хороводах: шли в прогулках с ними в лес по ягоды, а также и разученные хором в Ершовке и Камбарке. Вот и теперь, отмеривая по извилистой дороге, они затянули: «Славное море – священный Байкал»[201], но что-то песнь не понравилась, и они переключились на [другую песню]:

Шумел, горел пожар московский,
Дым расстилался по реке,
А на стенах вдали кремлевских
Стоял он в сером сюртуке.
И призадумался великий,
Скрестивши руки на груди;
Он видел огненное море,
Он видел гибель впереди.
И, притаив свои мечтанья,
Свой взор на пламя устремил
И тихим голосом сознанья
Он сам с собою говорил:
«Зачем я шел к тебе, Россия,
Европу всю держа в руках?
Теперь с поникшей головою
Стою на крепостных стенах!
Войска все, созванные мною,
Погибнут здесь, среди снегов.

[200] После слова *веселей* вычеркнуто *Да и наговорившись, они как будто*.

[201] «Славное море – священный Байкал» – песня, автор слов Д. П. Давыдов, автор музыки неизвестен.

В полях истлеют наши кости
Без погребения, гробов!»
Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда,
То вознесёт его высоко,
То бросит в бездну без стыда[202]!
Пять, десять минут передышка – и снова песня:
Окрасился месяц багрянцем,
Где море шумело у скал.
– Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя ожидал.
– Спасибо, я еду охотно,
Я волны морские люблю.
Дай парусу полную волю,
Сама же я сяду к рулю!..
– Ты правишь в открытое море,
Где с бурей не справиться нам!
В такую шальную погоду
Нельзя доверяться волнам!
– Нельзя? Почему, дорогой мой?
В минувшей, столь горькой судьбе,
Ты помнишь, изменник коварный,
Как я доверялась тебе!
Меня обманул ты однажды,
Сегодня я тебя провела.
Молися, вот ножик булатный,
Который недаром взяла!
Всю ночь бушевала погода,
Шумела морская волна.
Поутру нашли там два трупа
И щепки того челнока[203].

– Вот ведь, Иванко, жизня-то: его убила и сама себя кончила,– закончив песню, проговорил Вася.

И снова раздумье: шаги, дорога, вперед и вперед. В разговорах да с песнями они и не заметили, как дошли до деревни. Обруганные, с различными оттенками, собачьим лаем, они, не останавливаясь, прошли по улице деревни, и снова перед ними, извиваясь, потянулась дорога.

– Ты не помнишь, Вася, как назвал хозяин эту деревню? – спросил Ваня.

– Нет, не помню. Вроде татарское название-то. А что мы, Иванко, без песни прошли по улице-то?

[202] «Шумел, горел пожар московский» – песня, автор слов Н. С. Соколов, автор музыки неизвестен.
[203] «Окрасился месяц багрянцем» – песня, автор музыки Я. Ф. Пригожий, автор слов (литературного перевода с немецкого языка стихотворения А. фон Шамиссо) Д. Д. Минаев.

– Ну и выдумал же ты. Татары так бы напели нам, что и ноги бы не унесли! Вот здесь, в полях-то, такое раздолье, знай пой хоть «Вниз по матушке по Волге»[204], хоть «Уж ты степь да степь»[205].

– А вот кто-то нам встречу идёт.

И правда: из низины на взгорье по дороге показалась лошадь с нагруженными розвальнями[206]. Поравнявшись, ребята удивились, что на такой ещё мало заснеженной дороге хозяин нагрузил на сани три мешка, похоже, картофелью, и, сидя верхом, яростно настегивал худенькую, ещё молоденькую, как она показалась ребятам, лошаденку. И с каждым взмахом кнута покрывал её татарской бранью.

– Вот если б его самого заставить тянуть сани-то по такой дороге, где ни снег, ни земля! – пройдя, ребята возмутились.– Вздернуть надо было его с возу-то!

– Да ну его, сидит какой-то Кочубей! Никакой жалости к лошади!

Спускаясь в низину, откуда показался им воз, ребята удивились, что с пригорка весь снег или сдуло, или он стаял под лучами солнца. И видно было: в горку этот жеребенок, можно сказать, тащил сани совершенно по голой земле.

– Ну и татарин! Никакой к скотине жалости! – подумали ребята.

И снова они[207], задумавшись, зашагали по расстилавшейся пред ними дороге, то взбиравшейся на взгорье, то нырявшей в низину, поросшую по краям мелким кустарником, то заводившей их в неведомые, незнакомые леса. Прошли слева от дороги ещё какую-то деревушку и зашли в густой лес. Из лесу они рассчитывали выбраться скоренько, но оказалось, что, сколько бы они ни вглядывались в даль дороги, просвета всё не было видно. Вначале, зайдя в лес, Вася ещё затянул песню «Глухой, неведанной тайгою»[208], и Ваня подпевал:

Глухой неведанной тайгою[209],
Сибирской дальней стороной,
Идет бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой.
Пускай бушует непогода,
Далёк, далёк бродяги путь.
Укрой тайга его густая,
Бродяга хочет отдохнуть.
Там далеко, за синим миром,
Оставил родину свою,
Оставил мать свою, старушку,
Детей, любимую жену.
Умру, тайгою захоронен,
Заплачет мать моя родна.

[204] «Вниз по матушке по Волге» – русская народная песня.
[205] «Уж ты степь, да степь» – русская народная песня.
[206] Розвальни – низкие крестьянские сани с расходящимся по бокам облучком.
[207] После *снова* вычеркнуто слово *ребята*; *Они* вписано поверх строки.
[208] «Глухой неведанной тайгою» – русская народная песня.
[209] После *тайгою* вычернуто *Идет бродяга с Сахалина*.

Жена найдёт себе другого,
А мать сыночка – никогда!

Песня закончилась, а лес всё чем дальше, [тем] становился сумрачнее и гуще, даже и при их храбром настроении при заходе в лес настроение ребят падало.

– В таком лесу и с волками можно повстречаться! – думали ребята и пришли к одному мнению, что нужно как можно громче разговаривать дорогой.

Разговоры заводили – кому что придет на ум, и с беспокойством вглядывались вперёд по дороге. Каждый пенёк, показавшийся впереди, у них вызывал сомнение на сидячего волка. Это видение доводило до подкожной дрожи, и, только миновав «опасное» место, они снова заводили громкий разговор.

– Нам, Вася, надо на огоньки смотреть. У волков глаза ведь как огоньки светятся,– говорил Ваня.

– Я помню, как мы с Павлом в Михайловке[210] ходили на охоту и уже вечером видели волка. Глаза у него как два фонарика горели,– советовал Ваня братану.

Осенние сутки коротки, и в лесу рано начали наступать сумерки. К счастью ребят, дорога их вывела из лесу, и они на расстоянии версты в три увидели деревенские хаты. Еще дорогой они решили в первой же попавшейся деревне сделать ночёвку. «Хорошо бы опять попроситься к русским»,– думали они.

Деревенька, к которой они приближались, расположена впоперек дороги. Зайдя в деревню, они начали думать, куда направиться – вправо или влево по улице. В левом конце они услышали: кто-то играл на гармошке и выкрикивал песни. Прислушались к мелодии и голосам подпевающих: ребята поняли, что мелодия татарская, поэтому решили идти в правый конец деревни. В поисках ночлега они дошли почти до самого конца деревни, и никто не пустил их на ночлег. Веселая компания молодежи с гармошкой уже подходила к ним. Поравнявшись, весельчаки остановились напевать и подошли к ребятам и спросили, по-татарски, очевидно, кто мы и что нам нужно, заглядывая ребятам в лицо. Поняв, что перед ними русские парни, дернули гармошку и вернулись обратно. Ваня с Васей уже было потеряли надежду на ночной приют, но вот уже в самом конце деревни у домика в два окошка на улицу они увидели хозяина, рубившего сосновые сучки. На их «Здравствуйте» он ответил:

– Здравствуй, здравствуй, баранчук[211]!

На их счастье хозяин оказался очень разговорчив. Опустив топор и сложив в печку нарубленные поленчики, и вглядываясь в ребят, он стал их расспрашивать: [за] чем, откуда и куда они держат путь. Надо сказать, что хозяин довольно сносно говорил по-русски и, поняв, что ребята ищут ночлег, сходил в дом, переговорил с хозяйкой. Вскоре вышел к ребятам. Стоя на высоком в пять ступенек крыльце, махнул рукой:

– Айда заходи, ребята.

---

[210] Михайловка – село в Камбарской волости Осинского уезда Пермской губернии, ныне не существует.

[211] Баранчук – парень, подросток в русских диалектах Урала и Сибири.

Дверь в избу открывалась вовнутрь дома, что ребят немало удивило. В избе он сказал им:

– Вот видишь, места мало, ну, как-нибудь спать будём!

И в самом деле, изба не так уж просторна. Справа от входа у стены стоит широкая скамейка, и напротив входа, под окнами – такая же вторая. Налево от дверей – топчан[212] с наброшенной на него одеждой, и на той же стороне – обитая из глины небольшая русская печь с подтопком, на котором вместо плиты вмазан вёдерный чугун. Ребята сели на лавку и начали примеряться, где бы можно было расположиться на ночь глядя: на пол – он их не удовлетворял, хотя места им и хватит с избытком, но он очень был грязный. Однако и усталость, и потеря надежды найти лучше заставили их примириться. Хозяин сходил на улицу и вернулся с охапкой нарубленных дров, бросая их к очагу под ноги хозяйке, делая ей какие-то указания, а она большой деревянной ложкой поддела большой кусок мяса из котла, показав ему этот кусок, снова опустила его в кипящий котел. Запах варившегося мяса защекотал и без того голодные желудки ребят. Сидя на скамейке, они вынули подаренную им старичками картошку, подошли к хозяйке и попросили ее разогреть. Она взяла картофель и вопросительно взглянула на хозяина:

– Она русско бельме[213]! – сказал он, и тут же по-нацменски объяснил ей.

Хозяйка улыбнулась и рассекла картофель подле котла. От зажжённой пятилинейно-керосиновой лампы[214] без стекла в избе всё же стало веселее, хотя она и горела слабым острым язычком и, нет-нет да разгораясь, давала копоть сажи. Управившись от работы, хозяин подсел на лавку к ребятам и заговорил:

– Теперь наша праздник большой. Днём мы не кушаем, а ваша ведь всё равна! Скоро кушам[215]!

Хозяйка что-то ему сказала, после чего он встал, подошёл к скамейке, что у окон в улицу, и сказал ребятам:

– Давай таскай её, ставь рядом, спать будёшь.

На поставленные в ряд две скамейки хозяйка поставила в чашке разогретую картофель и солоночку с солью. Вернулась к очагу, вытащила из котла кусок мяса, наддев его на лучинку, положила на картофель ребятам в чашку.

– Ашай[216]! – проговорила она.

Ваня с Васей, сказав хозяевам доброе «спасибо», переглянулись и, взяв по картофелине, занялись чисткой скорлупы, срезая кой-где получившуюся поджарку. Хозяин, глядя на ребят, видимо, подумал, что они брезгливо относятся к мясу, проговорил:

---

[212] Топчан – деревянная койка на козлах.

[213] Так в документе правильно *бельмес* – в переводе с татарского языка *знает, понимает*.

[214] Пятилинейная керосиновая лампа – керосиновая лампа с фитилем в пять линий, ширина фитиля измерялась линиями – 1/10 дюйма (2,54 см). В конце XIX века ширина фитиля была одной из главных характеристик керосиновых ламп.

[215] Речь идет о мусульманском Новом годе, отмечавшемся в 1914 г. 18 ноября по григорианскому календарю.

[216] Ашай – в переводе с татарского языка в повелительном *ешь*.

– Пошто русска не ашат конина? Это молодой жеребёнка, из уборной не кушал! А вот ваша сюлька[217] всё ашат. Мы не ашаем. Коровы, овечка, коза, мы ашаем и русска ашает – чисто, не сюлька!

А ребятам теперь, при волчьем аппетите, хоть что подставь. «Съедим, а вот чем платить?» – думали они.

Конина – это ерунда, такое же мясо! Бывало же Николай Васильевич, Ванин тятенька, говаривал: «Я лучше конины наемся, чем свинины – ведь лошадушка, матушка, кроме сена, хлеба и овса ничего не ест. А свинья и уборку очистит, и дохлую курицу, всякую падаль жрёт!»

Когда ребята начали отщипывать от мяса кусочки и, примешивая их к картошке, жевать с аппетитом, хозяин, переговорив о чем-то с хозяйкой, вышел на улицу. Вскоре на высоком крыльце забрякали доски. «Что там делается?» – недоумевали ребята, но вскоре стало понятно: двери настежь в избу открылись, хозяйка от очага подбежала к дверям, схватила подшитый хозяином конец веревки и, приговаривая что-то ласковое, тянула за верёвку. Вскоре в проёме двери появилась голова коровы, а затем, подгоняемая сзади, стуча копытами по настилу, вошла корова. Головой корову завели за очаг, а потом развернули головой к дверям. Хозяйка поднесла ей пойло, а хозяин принес охапку сена и положил у двери в угол. Снова вышел из избы и вернулся с жердью. Ребята, глядя на жердь, подумали, что хозяин этой жердью хочет ей отгородить корову от ребят, но хозяин жердь одним концом упёр подле ног в стену, а другим подпёр двери у скобы.

Ребята, подзакусив, положили свои кошели в изголовья на скамейки и легли спать. Проснулись они от сильного стука в двери и крепкой перепалки-ругани хозяина с многоголосой толпой ребят, пинающих и стукающих в двери. Хозяин с поленом в правой руке стоял у дверей, навалившись левой подмышкой на упиравшую двери жердь и отругивался от наседавших на двери. Хозяйка тоже вступилась в ругань. Ребята спросонья ничего не могли понять, что случилось, и только глядя на крайне озлобленные лица хозяев, понимали, что что-то случилось неладно, что вот ворвись та толпа с улицы в избу, начнётся свалка. Ваня с Васей, ошеломлённые событием, переглядывались, не зная, что предпринять. Одного они опасались – выдержат ли напора толпы двери, а если не выдержат? Что тогда делать?

Но вот за дверями пискнула гармошка, напор на двери прекратился, но зато в двери с грохотом прилетело и ударилось полено. Хотя звук гармошки всё удалялся, но хозяин еще не отходил от двери. И только[218] убедившись, что опасность вполне миновала, отошёл от них, сказав ребятам:

– Испугался, ничево, ложись спать!

После пережитого ребята долго не могли успокоиться и заснуть. Хозяин же с хозяйкой, расположившись у котла с мясом, справляли свой праздник. Сон у ребят всю ночь был тревожным. То подле бока у них возилась корова, то слышалась в воображении гармошка.

---

[217] Сюлька – свинья.

[218] После *только* вычеркнуты слова *отошёл от них*.

Утром ребята снова проснулись от стука досок у дверей дома. Звук настилаемых досок, настила для вывода из дома коровы, им напомнил ночную баталию. Хозяин вывел корову на улицу и привязал к колу, дав ей охапку сена. Хозяйство у хозяев было лишь избушка без сеней, и больше никаких пристроев. Корова на день, очевидно, обиталась на улице, а к ночи [её] заводили в избу. Хозяйка после вывода из избы коровы взяла обмётки от сена и затёрла на полу нечистоты. Васе и Ване на завтрак налила по чайной чашке молока и дала по небольшому куску мяса. Хозяин, управившись с коровой, зашёл в избу и спросил ребят:

– Пугался шибко?!

– А что это произошло ночью? – спросили ребята.

– Да это хулиганят, баранчуки. Их берут в солдат. Он видел вас и спрашивал, кого пускал спать. «Давай нам их, кто они?!»

Подзакусив и отблагодарив хозяев за ночлег, путешественники начали собираться в дорогу. Перешепнувшись между собой, видя бедность хозяев, они решили заплатить за ночлег по десять копеек, но хозяин замахал руками. И только при настойчивости ребят хозяин взял десять копеек, сказав:

– Латно, вот возьму керасин куплю, вас поминать будем!

Ребята, выйдя на улицу, направились на дорогу, по которой зашли в деревню, и, только выйдя из деревни, пожалели, что не спросили хозяина – какие будут впереди деревни и что это была за деревня, где они ночевали. И снова шаги, шаг за шагом вперёд! Вначале они шли молча. Каждый по-своему обдумывал загадочное ночное событие. Наконец, заговорил Вася:

– Иванко, вот мы ушли, а вдруг это хулиганы из-за нас уловят хозяина и наколотят! А за что? Ведь вон они, как звери, ломились в дом, и кто за него заступится! Жили бы они хоть среди деревни, а то на самом её конце!

– Ну, я думаю, хозяин не поддастся этой шпане. Нам вообще посчастливило – второй раз попали добрые хозяева,– говорил Ваня.– А знаешь, Вася, я что думаю: вот, сколько мы просились ночевать в большие дома – и всё нам отказывали, [говорили] что нет места, а вот у такой бедноты-то место и защита есть! Я бы, если не эта ночь, думал ещё день отдохнуть – ноги у меня устали, набил, не случись, да и у тебя ноги, наверно, гудят?

– У меня у ног мускулы болят,– отозвался Вася.

И опять шаги, шаги. Вскоре, казалось бы, из-за той деревни, [где] они только что ночевали, медленно, но верно надвигалась тёмная туча. Казалось, что она, как лавина, слившаяся с фоном земли, поглотила даль и только что оставленную ими деревню. В летнее время это бы предвещало грозу, а теперь ребята, безусловно, ожидали, что навалит туча снегу. Конечно, снег неплохо. В детстве они радовались выпавшему[219] снегу. Бывало, за одну ночь навалит его, такого чистого, пушистого, белого – бегай по нему, как по вате. Катись на санках с какой угодно горки. А вот теперь, глядя на надвигающуюся тучу, у них не совсем радостно стало на душе. Да и день стал каким-то мрачным, грустным. Но это еще не беда – туча, мрачность, а вот если навалит снегу по колено?!

[219] *Выпавшему* вписано поверх строки.

Теперь они шли ещё по бесснежной дороге, а навалит снегу – попробуй месить его. Хорошо, если дорогу укатают на лошадях. А кто укатает?! Сколько вот уже они прошли вёрст, а много ли они встретили возов? С этой проклятой войной, кажется, и деревни повымерли!

Однако беспокойство ребят было напрасным. Туча медленно плыла над головами и хотя подсыпала снежку, но какой это был снег! Он почти в безветренном воздухе крупными узорчатыми снежинками падал, осыпая окрестность. Снег валился настолько густой, что впереди трудно различались предметы и кустарник. Казалось бы, что обстановка для ребят не предвещала ничего хорошего, но снег как появился неожиданно, так и, как будто по чьей-то команде, оборвался, а туча ещё всё висела над их головами. Ребята воспрянули духом. На их счастье, снегу выпало уж не так-то много, и с этим ещё можно было мириться, да и день как будто стал светлее, к тому же эта грозная туча показала на западе свой край. Появившийся за их спиной просвет ясного неба поднял настроение ребят.

– А ну, песню! – и они запели:

Славное море – священный Байкал,
Славный наш парус, кафтан дыроватый.
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Плыть молодцу недалёко.

– Да ну её, давай, Вася, другую – спутались! – и затянули:

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащится с сумой на плечах.
Идёт он густою тайгою,
Где пташки одни лишь поют,
Котелок его сбоку тревожит,
Сухарики с ложкою бьют.
Оставил жену молодую,
Оставил двух малых детей,
Теперь я иду наудачу,
Бог знает, что будется с ней?
Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбачью там лодку берёт,
Унылую песню заводит,
Про родину что-то поет.
Бродяга Байкал переехал,
Навстречу родимая мать.
– Ах, здравствуй, ах, здравствуй, родная,
Здоров ли отец и мой брат?
– Отец твой давно уж в могиле,
Сырою землёю зарыт,

А брат твой давно уж в Сибири,
Давно кандалами гремит!
Пойдём же, пойдём, мой сыночек,
Пойдём-ка мы в курень родной,
Жена ведь по мужу скучает,
И плачут детишки гурьбой[220]!

– Вот так оно веселее, Иванко!

– Конечно,– отозвался Ваня.– А вот мы с тобой-то топаем да топаем, а что у нас дома делают? Так и взглянул бы! Наверное, ждут письма, а мы бродяжничаем! Да где и что с братишками Павлом и Петром? Дома, может, от них письма есть.

– Да, Павел, Петьша! А ведь если, Иванко, они живы, не может быть, чтобы они нас с тобой не вспоминали. Давай вспоём какую [-нибудь] любимую песню Павла, а?

– Давай, а какую?

– Ну хоть «Что ты рано, травушка»[221] или «Вдоль по улице метелица метет»[222].

– А вот давай «Перед воеводой»[223].

– Давай.

И затянули…

Перед воеводой
Молча он стоит.
Голову натупил,
Сумрачно глядит!
С плеч казацких сняли
Бархатный кафтан,
Кровь струится тихо
Из глубоких ран.
Думает он думу,
Дышит тяжело –
Нет уж, видно, время
То, должно, прошло!
Скован по рукам он,
Скован по ногам.
Знать, ему не рыскать
Ночью по лесам.
– Что, попался, парень?
Долго ж ты гулял,
Долго мне в тенёта
Волк не забегал!

[220] «По диким степям Забайкалья» – песня, автор музыки неизвестен, вероятный автор слов И. К. Кондратьев.

[221] «Что ты рано, травушка» – автор музыки А. Е. Варламов, автор слов Н. Г. Цыганов.

[222] «Вдоль по улице метелица метёт» – автор музыки А. Е. Варламов, автор слов неизвестен.

[223] «Перед воеводой» – песня на основе стихотворения И. С. Тургенева «Баллада».

Что же приуныл ты?
Слышал я не раз –
Песенки ты мастер
Петь в весёлый час!
Ты на лад сегодня
Вряд ли попадешь.
Завтра мы услышим,
Как ты запоешь!
Взговорил он мрачно:
– Не услышишь, нет!
Завтра петь не буду,
Завтра мне не след!
Завтра умирать мне
Смертию лихой,
Сам ты запоёшь, чай,
С радости такой!
Мы певали песни,
Как из леса шли,
Как купцов с товаром
Мы в овраг вели.
Ты б нас тут послушал,
Ладно пели мы.
Да недолго песней этой
Тешились купцы!
Да ещё певал я
В домике твоем,
Запивал я песню
Всё твоим вином!
Заедал я чарку
Хозяйскою едой.
Целовался сладко
Да с твоей женой!

– Любил же Павел песни, ух как любил! Да как и не полюбишь, вон она какая для богатеев едкая! Глянь-ка, с песнями как мы быстро до деревни дошли!

Каждая деревня ребят встречала многоголосым собачьим лаем. Сперва одна лайка подымала тревогу, а за ней из подворотен, а то и через плетни, заборы [собаки] повыскакивают и, с хрипотой лая, то наступая, то убегая к хозяйским воротам и вновь осмелевши, выбегали на дорогу, где только что прошли нарушители их спокойствия. Понюхав следы, снова с ожесточением бросали самые едкие ругательства в спину непрошеных гостей. И не отвяжешься от их назойливого лая, пока не выйдешь из деревни.

Проходя у деревни, ребята приостановились у доски, прибитой на воротах у дома, но собаки с новой стайкой набросились на них, и им не удалось что-либо толком прочитать. Только и уловили вроде «Тюлячёвский»[224], а что? Не разобрали.

Погода начала явно печалить ребят. Если с утра их обмоточки [засыпал] тот падающий снег, сброшенный черной тучей, то теперь встречный ветер резкими порывами подымал его с земли и бросал в лицо, залепляя глаза. «Кабы еще буранить[225] не стало»,– думали путники. Вот тут, пожалуй, и запоёшь «Вдоль по улице метелица метёт»! А она и в самом деле разгуливалась по-серьёзному. Небо заволокло тучами. Снегопад, завихрения засыпали снег и за ворота полупальтишек, а набегающие порывы ветра сбивали шаг у ребят, и только к вечеру стихия начала успокаиваться. Но дорогу уже замело, да так, что в некоторых местах, где получались завихрения, образовались сугробы.

К вечеру ребята изрядно повымотались и рады [были] встретить хоть какую-нибудь деревушку. Всё внимательнее они всматривались в дорожную даль, но дорога, всё извиваясь, безнадёжно тянулась вдаль. Но что это? – лай собачий – и где? Остановившись, они стали всматриваться и прислушиваться. Лай собак, как назло, прекратился, а вправо от дороги они разглядели небольшую деревеньку. Деревня от дороги всего на расстоянии одной или полутора версты. Но как до неё добраться? Идти прямиком – заберёшься куда-нибудь и не вылезешь.

– Дорога, Иванко, всё равно с этой дороги в ту деревню должна быть! Смотри, нет ли отворота.

Предположение Васи оправдалось, и зашли в деревушку, обливаемые собачьим лаем. На собачий гвалт на улицу вышел мужчина. Разгоняя собак, он подошёл к ребятам. Из крика на собак ребята поняли, что он русский, попросились на ночлег, рассказав о себе, кто такие.

– Не жалко, переночуйте.– И завёл ребят в избу.– Ориша, вот учеников привёл. Из Казани идут. Отогреть надо!

Хозяин ребятам попал опять приветлив [ый], но хозяйка Ориша не особенно приветливо встретила ребят. Улучив момент, она огрызнулась:

– Всех соберёшь?

– Не замерзать же ребятишкам! Вон поднялась какая пурга!

Неплохо и здесь ребята переночевали. Хозяева чаем и картошкой угощали без ограничения. Правда, чай был без сахара и морковный[226], но изголодавшие и утомленные ребята ели с большим аппетитом. На новой квартире ребята долго разговаривали с хозяйским мальчиком, почти ровесником с ними. Ему они рассказали и о приключениях в дороге, и о раненых в Казани. Утром, проснувшись, ребята, вспомнив уговор в дороге: передохнуть сутки, зная неприветливое отношение

[224] Тюлячи – село в Лаишевском уезде Казанской губернии, ныне село в Татарстане, районный центр.

[225] Буран – сильная вьюга.

[226] Морковный чай – напиток из сушеной моркови, получивший распространение в России с началом Первой мировой войны, когда снизились доходы населения.

хозяйки, не посмели просить хозяев и начали было собираться в дорогу, но хозяин с сынишком не отпустили:

– Куда вы в такую погоду? Задует, занесёт где-нибудь! Передохните, картошки у нас, слава богу, хватит, а избу-то не унесёте!

Сынишко схватил у ребят котомки и забросил на печь:

– Не отпущу, оставайтесь! – и ребята сдались.

Днём они разглядели, что это не деревушка, а целый [крупный] населённый посёлок. Парень им объяснил, что это Хавруши-село[227].

На другой день погода несколько смягчилась, но ветер хотя не такой силы, дул не встречный, а с юго-востока. Изрядно отдохнув, путешественники вышли на основную дорогу.

– Дни, Иванко, коротки. Давай нажимать!

– Нажимать, нажимать надо, Вася, пока дорога ещё сносная. Ждут ли нас дома? Наверное, что-либо неладное во сне видят. Вот придём – удивятся!

Дошли они до деревни Никифоровки[228]. В Никифоровке на ночлег устроиться не удалось. Потеряв надежду на ночлег, они узнали, что недалеко есть большое село. Решили, пока ещё есть время, добираться до него. Никифоровцы не обманули. Сразу же с прихода в село стали проситься на ночлег, но счастье не улыбалось. Спросили квартиру учителя. Узнав, что в селе учитель квартирует в доме [на] против школы, разыскали [его]. Учитель – старичок лет пятидесяти, расспросив ребят, кто они такие, и прочитав их школьные справки, пригласил в квартиру. Сам он квартировал у частника, занимая семьёй отдельную комнату. Учитель и его жена как родных детей приняли ребят:

– Да что вы, ребятушки, как насмелились [идти] в такую даль! Ведь вас волки могут загрызть. Я, чуть стемнеет, одна на улицу боюсь выйти! Всё уж Николая беру с собой,– говорила жена учителя, перебирая на столе ученические тетради. Отложив тетради стопкой на столе, она забрякала самоваром.

– Ну как вас, не знаю, который Вася, который Ваня, как вы это насмелились пешком в такую даль? Да и удивительно, что вас в такую дорогу отпустили ваши учителя! У нас здесь вот в школе учатся тоже ученики соседних деревень. И не так далеко ходят, а за них мы переживаем. Неужели ваши учителя не могли на время вас пристроить в той же школе? – говорил в недоумении ребятам хозяин.– А дома отцы, матери знают о вас?

– Нет.

– Вы им даже письма не написали?

– Нет.

– Ну как же это вы! Ведь случись с вами беда в дороге, кто будет знать?

– Мы думали известить их письмом, да ведь у них и так много горя. Вот, у моих родителей два сына и зять на войне,– говорил Ваня.– А у Васи два брата были

[227] Большие Савруши или Нижние Савруши – деревени Мамадышского уезда Казанской губернии, ныне деревни в Тюлячинском районе Татарстана.

[228] Никифоровка – деревня в Мамадышском уезде Казанской губернии, ныне Никифорово, деревня в Мамадышском районе Татарстана.

дома, когда мы выехали, а теперь, может, тоже в армии. У меня старший-то брат тоже учителем работал, и в армию взяли в июле.

– Да…– задумавшись, протянул хозяин.– Война, война, и кому она в радость? Одно разорение, убийство и слёзы сиротские! И опять ведь набьют нам морды, как в японскую! – заключил он.

На столе появился шипящий, с вычеканенными над краном медалями, чистенький медный самовар.

– Садитесь, ребята, подкрепитесь.

Хозяйка дополнительно к чаю на стол поставила сковородку с жаренным на конопляном масле картофелем и гречишными оладьями. И картофель, и оладьи настоль [ко] показались вкусными ребятам, и, если бы их не притесняла совесть, они скушали бы всё. Попали бы они на ночлег к зажиточным, у которых ещё клади с хлебом не молочены и амбары полны зерна – они бы так и сделали. Но вот беда: к зажиточным на ночлег не попадёшь! Отобьются, скажут, у самих семья большая. А у деревенского учителя – что? Много ли он получает? Уж кому-кому, а Ване известно, сколько получает за труды деревенский учитель! Из своих тридцати рублей за месяц отдай десятку за квартиру, дровами, светом себя обеспечь. На стол что-то нужно для себя и семьи. А одежда, обувь! Да ещё что-то нужно и духовного, ведь он учитель, просветитель! Вот и развернись на тридцатку!

Из-за стола ребята вышли всё же довольные. Хозяйка на пол постелила им вдвое сложенные половики. Полупальтишки и котомки они положили в изголовья и оделись поданной им Николаем дублёной шубой. Утром хозяин разбудил их.

– Ну, ребятки, и не хотелось нам вас будить, да приходится: мне нужно идти на работу. Давайте вставайте, умывайтесь, попьём вместе чайку. Вы как, сегодня снова в путь или, может быть, денёк отдохнёте?

– Нет-нет, пойдём, мы вчера шли к вам с отдыха,– заявили ребята.

– Ну, вы сегодня доберётесь до Мамадыша[229], я думаю. До него от Ишкеева[230] вёрст двадцать пять, тридцать.

Отблагодарив за приют, ребята тронулись в путь. Не доходя до Мамадыша, они встретили ещё село. «Не переночевать ли здесь?» – думали они. В Мамадыше, ведь это город, трудно будет найти ночлег. Разве только опять, как в Казани,– на постоялый двор! А тут ночуем и перейдём дальше. Подумали и решили до Мамадыша, а там или к учителю, или на окраину, вернее будет у бедноты-то.

Мамадыш раскинулся по правому берегу реки Вятка. Ребята думали, что это большой город, но, входя в него, разочаровались – «как наша Ершовка». Правда, есть дома большие, как в Сарапуле. С ночлегом им удалось устроиться без особых трудностей у мастерового кустаря-сапожника. Работает он вместе с хозяйкой по починке обуви, шьют на заказ сапоги и ботинки. Сын тоже сапожничал, поженился, ушёл отдельно только перед войной, а сейчас в армии.

---

[229] Мамадыш – город в Казанской губернии, центр одноименного уезда, ныне город в Татарстане, районный центр.

[230] *Ишкеево* вписано поверх строки. Ишкеево – село в Мамадышском уезде Казанской губернии, ныне село в Мамадышском районе Татарстана.

– Жалко до слёз нам сынка,– жаловались хозяин с хозяйкой.– Пошёл от нас в раздел-то, заплакал, жалея нас. Прощенья просил. «Хоть ухожу от вас, папа, мама, а буду с вами». И правда, чуть не каждый день посещал нас, а жена-то попала такая змея. И как только нас не выставляла, а уж какой скандал заводила, узнавши, что сын заходил к нам,– боже упаси! А вот теперь осталась одна, просится к нам. При Феденьке-то тятенькой, мамонькой не называла, а теперь «тятенька, мамонька». «Не пустите – Феде напишу»,– стращает нас. Ждём вот от Федюшеньки письма, чё он нам напишет, как посоветует. Да было бы у нас здоровье! Ведь уж через силу работаем, а работой завалили!

«Да,– подумали ребята,– хозяин испитой, высушила его седуха, и впереди радости нет».

Переночевали хорошо. Хозяин даже вышел проводить, указал, в какой проулок нужно выходить, чтоб попасть на дорогу. Выйдя из Мамадыша, пересекли реку Вятку и зашагали по заниженной, заросшей кустарником местности. Вот прошли одно село, второе село. Дошли ещё до села и спросили, далеко ли ещё до села. Им объяснили, что вёрст пятнадцать до Елабуги. Подумали, подумали: пятнадцать, а уже дело к вечеру. В Елабугу зайдём ночью, и квартиру не найдёшь. Решили переночевать, а завтра пораньше выйти. С квартирой устроились благополучно, хотя хозяйка оговорила:

– Не отогреетесь у нас, ребята. В избе холодно. Кое-как вон с дочуркой щипаем вон-от чурбанов[231], а расколоть не можем. Хозяина мобилизовали, не дали и дров запасти. Чурбаны-то ло [маем] нынешние ещё.

Ребята переглянулись и решили помочь. Заручившись топорами, приступили к колке чурбанов. Толстые чурбаны, еловые, суковатые, с большим трудом поддавались колке. Берёзовая колотушка расщепалась в щепки. Одним топором колоть стало невозможно, и хозяйка по соседям пошла просить топора или колотушки. Вернулась от соседей с хорошим настоящим колуном[232]. Шесть толстых чурбанов ребята раскололи и сложили поленницей. Хозяйка была радёшенька. Набрав щеп и тоненьких полешек, пошла в избу, и позвали ребят. Ребята, разогревшись от колки чурбанов, почувствовали, что в избе тепло. Видимо, обманула хозяйка, но посидели с полчаса, почувствовали холодок от потных на себе рубашек и недоумевали: почему хозяйка не затопит железную печку. Ведь печка стоит, вполне исправна. Дрова она сложила к печке и куда-то убежала. Оказалось, что хозяйка унесла колун в соседи и попросила там же чугунок, чтоб сварить[233] картошки.

– Вот сейчас, ребята, мы с вами сварим картошки и вскипятим чайку. У соседей беру чугунок-то, он как раз подходит к железной печке. Дочурка у меня у соседей греется, сейчас домой придёт. А вы откуда, ребята, идёте? Дома-то у вас отец, мать есть? – спросила она ребят, ставя чугунок с картошкой на печку и разжигая дрова.

Вскоре от нагрева защёлкало железо печки, и избушка наполнилась теплом и запахом нагревающегося железа.

---

[231] Чурбан – котроткий обрубок бревна, который кололи на поленья.

[232] Колун – топор с длинной мощной ручкой для колки массивных брёвен у дома.

[233] После *чтоб* вычеркнуто слово *вскипятить*.

Ребята уселись у печки, перехватывая её ласковые тепловые лучи. В избу зашла дочурка хозяйки и, недоумевая, остановилась у порога, не решаясь шагнуть.

– Ты чего, Маша?! Иди садись, грейся с нами! – позвала мать.

Девчушка застенчиво прошла к матери и села рядом, на пододвинутую к печи скамейку.

– Мама, у Тоняшки-то отец и мать шибко плачут, с хронту письмо получали, дя Серёжа, грят, убит.

– Да что ты, Манька, говоришь! Ну-ка я на минутку сбегаю к ним, а ты, Маша, как сварится картошка, ешьте с ребятами.

Накинув шубёнку, она выбежала. Вернулась хозяйка с заплаканными глазами. Ребята уже врастяжку на полу улеглись спать, заложив свои котомки под головы. Маша сидела на печи, ожидая мать. Котелок с картофелью стоял на столе нетронутым.

– Чего же ты, дочка, ребят не покормила? Ребята, вставайте! Поешьте нашей картофели, она у нас не купленная! Вставайте! Машка, а ты чё не ешь? Восподи[234], вот горюшко-то какое у отца с матерью! – вытирая слёзы, проговорила.– А ведь парень-то какой был! Видно, вправду последние времена пришли! Не дай-то Восподи!

Ребята поели картошки и, укладываясь спать, попросили хозяйку разбудить их пораньше.

Ещё не рассвело, как путешественники тронулись к Елабуге. В Елабугу пришли к обеду. Зашли на край города в [заведение] «Чайная, столовая, дешёвые обеды», заказали по порции постных щей и стакану горячего чая. У хозяйки чайной расспросили дорогу на Сарапул. Хозяйка удивлённо посмотрела на ребят и сказала:

– А на что вам Сарапул? Ведь туда только пароходом летом ездют! Какая туды зимняя дорога, есть ли, нет – не знаю!

Но сидевший рядом за другим столом дядька, слушая их разговор, вмешался, расспрашивая ребят, кто они, откуда и зачем идут в Сарапул, посоветовал им идти по дороге на село Тат [арские] Челны[235].

– Этой дорогой раньше, до войны, ездили зимами до Сарапула. Топерича не знаю, ездяют ли.

Рассказав, как выйти на дорогу из города, он сказал, что до деревни вёрст будет пятнадцать. Ребята думали ещё раз осмотреть «чёртово городище», но раздумали из-за недостатка времени, ведь впереди дорога до ночлега длинная.

Выйдя из города на дорогу, ребята поняли, что путь их будет гораздо труднее, чем был до Елабуги. Да, так оно и есть. Если до Елабуги они шли, как им казалось, большой дорогой, то теперь перед ними были проселочные дороги, по которым легко можно было сбиться. До Тат [арских] Челнов они добрались уже поздним вечером, изрядно уставшими. Благо, что вопрос с ночёвкой разрешился легко. Хозяева-татары без возражений пустили их переночевать. Утром хозяин ребятам детально растолковал дальнейшее направление до следующей деревни. Объяснил о возможных встречных дорогах:

---

[234] Так в документе, правильно *Господи.*

[235] Татарские Челны – село в Елабужском уезде Вятской губернии, ныне село в Менделеевском районе Татарстана.

– Если собьетесь, спрашивайте на Тройчузы[236].

Ребята, дойдя до Камаево[237], решили проверить, правильно ли они держат направление. Камаевцы встретили ребят с подозрением и, прежде чем ответить на вопросы, осматривая ребят с ног до головы, расспрашивали их: чьи, откуда.

Но на пути их стал беспокоить поднимающийся снежный буран. Небо заволокло тёмными тучами. Падающий снег, подхватываемый порывами ветра, точно горстями бросало в лицо, слепило глаза. Ноги у них стали сбиваться с дороги. Дойдя до кустарников, они выбрали укромное от ветра местечко и решили отдохнуть. Отдых был короткий, не дававший им покоя. У них вкралось серьёзное опасение: что если пурга ещё усилится, и они не доберутся до ночлега?!.. Снова в путь. К вечеру буран успокоился, но дорога значительно испортилась. Рассказанный поворот с дороги на деревню вправо всё ещё не был виден, и у них начало вкрадываться сомнение, что его передуло, и они его прошли. Но вот какова была их радость: слева на их дорогу попался свежий санный след. На следу видно обкрошенные волотки[238] сена. Для них это была неописуемая радость. Вглядевшись в след, по конским копытам они определили направление увезённого сена.

– Теперь-то мы уж по этому следу всё равно доберёмся до деревни! Не из деревни же везут сено, а в деревню! – выкладывали они свои соображения.

Этот след неимоверно поднял настроение ребят. Точно они нашли что-то очень дорогое после долгих поисков утерянного. Сразу у них как будто не стало усталости, и по санному, приглаженному полозьями пути прибавили шагу. А вот и след саней свернул с дороги – значит, в деревню. А что это?! Правда, один из них замурлыкал песню, а другой подхватил, и в вечерних сумерках среди кругового безмолвия, на широком просторе зазвенела песня в два голоса:

Окрасился месяц багрянцем,
Где море шумело у скал.
– Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя ожидал.
– Спасибо, я еду охотно,
Я волны морские люблю.
Дай парусу полную волю,
Сама же я сяду к рулю!..
– Ты правишь в открытое море,
Где с бурей не справиться нам!
В такую шальную погоду
Нельзя доверяться волнам!
– Нельзя? Почему, дорогой мой?
В минувшей столь горькой судьбе,

[236] Единственным крупным населённым пунктом на Сарапульском тракте между селом Камаево и деревней Сукман была деревня Тоймошудья (Кизекова) Елабужского уезда Вятской губернии, ныне деревня Удмуртское Кизеково Алнашского района Удмуртии.

[237] Камаево – село в Елабужском уезде Вятской губернии, ныне село в Менделеевском районе Татарстана.

[238] Волотки – стебли.

Ты помнишь, изменник коварный,
Как я доверялась тебе!
Ведь с этой коварною песнью
Немало страдало сердец,
Одно лишь скажу перед смертью –
Один нам с тобою конец!
Меня обманул ты однажды,
Сегодня я тебя провела.
Молися, вот ножик булатный,
Который недаром взяла!
Всю ночь бушевала погода,
Шумела морская волна.
Поутру нашли там два трупа
И щепки того челнока.
Лишь месяц порой улыбался,
Как туча, над глупостью их:
«Для этого ль жизнь вам даётся?!»
И проклял безумцев таких…

Однако песни им на дорогу не хватило, а запевать другую уже не насмелились: сказывался устаток[239] и мечта о тёплом убежище. Дойдя до деревни, они остановились и, перекладывая лямки котомок на плечах, начали гадать, в какой дом попроситься на ночлег. Подошли к одному, постучали – не отзываются, хотя в окнах виден свет керосиновой лампы. Ещё постучали – и тоже безрезультатно. Стуком всполошили собак. Не добившись, пошли дальше, выбирая дома, где нет собак. Постучали у домика тоже с видневшимся в окне светом. На стук вышла старушка с заплаканными глазами:

– Чё, робяты, надо? – проговорила она, утирая передником слёзы, и на просьбу ребят сказала: – Покойник у нас. Мнучка[240], девушка воспой[241] померла, да и месту-то у нас мало, некуды!

Пошли дальше.

– А почему же, Вася, у них не вывешен над воротами сноп[242]? Наверно, здесь оспа свирепствует, заразимся ещё!

Обошли ещё неудачных домов десять, всё же нашлись добрые люди, приютили. От хозяев и вправду они узнали, что в деревне оспа свирепствует. Есть семьи, где два, три даже ребёнка болеют этим ужасным бичом. Смертность невероятная: по два-три покойника за неделю.

Проснувшись утром и расспросив хозяев о дорогах на Сарапул, ребята поспешили покинуть деревню. По совету хозяев они взяли направление на Альняш[243].

[239] Устаток – усталость.
[240] Так в документе, правильно *внучка*.
[241] Так в документе, правильно *оспой.*
[242] Сноп над воротами – сигнал, показывающий, что в доме нет больных во время эпидемии.
[243] Альняш – село в Елабужском уезде Вятской губернии, ныне село Алнаши в Удмуртии, районный центр.

Выйдя на ту, покинутую ими вечером дорогу, они заметили, что дорога перед ними стала ещё хуже, хотя за ночь как будто ни снегу, ни ветра не было.

– Видно, теперь мы поплутаем,– думали они.– Да и непонятно: почему хозяин говорил о каком-то крюке, что им придётся из-за бездорожья идти не прямо на Сарапул, а на Альняш, а уже потом из Альняша на какой-то Сукман[244]. Неужели нет дороги прямее и езженой?! – недоумевали они.– А вдруг он обманул! Что тогда? Надо было ещё кого-нибудь из жителей спросить точнее. Да и ходить по домам у них, собирать оспенные места, ещё заразиться [можно]! Поди, уже и так нахватали заразы! Идём, идём – да и сляжем!

Эти чёрные думы на всём протяжении дороги до Альняша не покидали их. В Альняше они решили найти учителя, надеясь, что тут есть школа, но жители сказали, что из-за эпидемии школа на неделю закрыта. Они так же, опасаясь заражения, не стали задерживаться и направились на Сукман. Дорога на этом пути оказалась сносной, и они до деревни добрались благополучно, да и с ночевкой устроились без затруднений. Хозяином оказался татарин. Зайдя в избу, ребята удивились: как же так, у хозяина домишко на три окна в улицу, старенький, а в избе такая чистота, аккуратность, да и хозяйка с дочкой одеты опрятно.

Хозяин хорошо говорит по-русски, а хозяйка и дочь не знают русского языка. По всему видно, что хозяева живут не так уж бедно, не то что те же хозяева, тоже татары, у которых они ели кобылятину и натерпелись страху. Хозяин, переговорив с хозяйкой, начал детально расспрашивать ребят и, как было [видно] по его выражению лица, с трудом укладывал мысли об их путешествии.

– Ай, ай, ай! Куда гулял! Я сам гулял. Гулял много. Сарапул гулял, ситца накупал, платки, пуговки, нитки покупал и по деревням продавал.

Вот откуда ребятам стало понятно, что хозяин говорит с ними без затруднений, да и в доме такая аккуратность, и ещё больше убедились, когда он сказал им, что они перебрались в деревню из-под Казани. «Значит, хозяин – “ходячий магазин”, гуляющий с товаром по деревням»[245],– заключили они.

Пока шли разговоры, хозяйка расстелила на полу широкий коврик и расставила чайную посуду, а дочурка начала разливать из медного чайника по чашкам горячий чай. Хозяин без труда сел перед своим прибором на ковёр, сложив ноги калачиком, и пригласил ребят. Вася с Ваней сначала постеснялись, видя впервые такой обычай чаепития.

– Садись, садись, чай шарга[246]! Наша так кушат! Садись, садись,– приглашал хозяин.

Хозяйка тут же положила на ковёр[247] те булки разрезанного на ломотки хлеба и большую тарелку варёной картошки. Пленительный запах от чая и горячей

[244] Сукман – деревня в Елабужском уезде Вятской губернии, ныне деревня в Агрызском районе Татарстана.

[245] «Ходячий магазин» – мелкий торговец-разносчик (коробейник) галантерейно-мануфактурного товара, ходивший по деревням.

[246] Чай шарга – с татарского *пить чай*.

[247] Сельские татары в начале XX в. ели, сидя на ковре.

картошки сломил спесь у голодных, уставших ребят, и они, один по одному, начали пристраиваться на ковре. Сев на задницы, они руками ноги начали подгибать под себя и этим рассмешили хозяев:

– Ничаво, ничаво, давай, давай, гни ноги! – смеялся хозяин.

Подзакусив, ребята начали подыматься, но ноги отсидели и снова под смех хозяина с трудом поднялись, поблагодарив за угощение. После на ковёр [сели] закусывать хозяйка с дочерью.

Утром, проснувшись, хозяин разбудил ребят и сказал, что на улице крепкий мороз и им лучше переждать морозы:

– Не ходи сёдня, отдыхай, а завтра гуляй!

Однако ребята, выйдя во двор, решили всё же пуститься в путь.

– Мороз морозом. Пурги нет. На ходу не замёрзнем!

Расспросив у хозяина дорогу на Сарапул и попив утром чайку, они начали одеваться в поход.

– Значит, дорогой будут деревни? – ещё раз переспрашивали они хозяина.

– Плохой деревня – маленькой, до самой Киясово[248]. Дорога тоже плохой. Лучше ночуй день, два – может, лучше будет! – уговаривал хозяин.

Ребята было заколебались: идти или отдыхать. Морозец – это ещё не такая беда, а вот если будут бураны, передует и малые дороги, тогда будет совсем плохо. Ведь и заблудиться недолго! Надо идти – решили они, и своё мнение сообщили хозяину.

– Правда, пурга шибко плохо. Дорога плохой, да занесёт – гулять не знашь куда. Пойдёшь до первой деревня, спрашивай дорога [на] Киясово.

Объяснив дорогу до первой деревушки, хозяин сказал:

– Верста пять гуляй, деревню не найдёшь – гуляй обратно к нам.

– А почему обратно? – спросили его ребята.

– Значит, не той дорогой пошёл, заблудился.

До первой встречной деревушки ребята добрались благополучно, но морозная погода давала себя знать. В деревушке они попросились у одной хозяйки погреться, а заодно и расспросили у неё дорогу в сторону Киясово. Хозяйка подбросила щепок в железную печку, стоявшую среди избы, и проговорила:

– В Киясово-то я не бывала. Дорогу у меня мужик знает. Он не одиножды хаживал. Он сейчас придёт. Грейся пока.

Вскоре и в самом деле в избу вошёл хозяин дома. В руках он нёс хомут[249] и шлею[250]. Поздоровавшись с ребятами, он сказал хозяйке:

– Нигде у соседей не нашёл хомутной иголки. Все говорят – нету! И надо же было – сломал иголку! Уже больно кожа на хомуте заскорбла! – огорчался он своим несчастьем.

Узнав от жены, что ребята идут на Киясово, но не знают дороги, он охотно начал им объяснять:

---

[248] Киясово – село в Сарапульском уезде Вятской губернии, ныне село в Удмуртии, районный центр.

[249] Хомут – часть конской упряжи, охватывающая шею лошади.

[250] Шлея – часть конской упряжи, удерживающая хомут.

– А ведь до Киясово-то вам, ребятки, сёдня не дойти, далеко оно. Разве только дойдёте до деревеньки,– и назвал деревню, но ребята не поняли её название. Но им это и было неважно.

Погревшись, они тронулись в путь. После тепла морозик сперва начал их беспокоить, и они, чтоб согреться, как можно ускоряли шаг. Добрались и до незнакомой деревушки. Расспросив в ней у жителей дорогу до Киясово, они снова пустились в дорогу. В Киясово пришли поздним вечером, благо что ночь была ярко-лунной. С ночёвкой устроились хорошо, но чувствовали себя крепко уставшими. Из Киясово хозяева направили их на деревню Юрино[251]. До Юрино дорога оказалась ещё хуже, или, может быть, на них сказывался вчерашний устаток, поэтому в деревне они решили переночевать, а утром пораньше тронуться дальше. Устроившись на ночёвку, они так и попросили хозяев – разбудить их пораньше[252].

Под вечер небо начало заволакивать тучками. Тучи, как рваные лоскутья, плыли по небесному океану. Мороз значительно снизился, чему ребята, покидая утром деревушку, были рады.

– Какое же сегодня число, Иванко?

– Запутался совсем и я, Вася, в днях и числах. Давай шагай и не спрашивай! Сегодня нам надо обязательно дойти до Сигаево[253], а тут через Каму – и дома. Как только встретят нас наши – пожалеют или наругают!

– А я так думаю – не наругают, а уж только Федюня посмеётся да обзовёт нас пошехонцами. Он это любит,– отговорился Вася.

Прошедшие бураны крепко замели дороги, и ребята напрягали последние силы. Теперь у них уже не было настроения ни разговаривать, ни петь любимые песни. Шагая, как по сыпучему песку, кой-где проваливаясь на наносных сугробах, они то и дело вглядывались в даль – скоро ли Кама? И какова же у них была радость, когда они с возвышенного берега увидели родную Каму и деревню Сигаево. Сразу с их плеч исчезла и усталость, и ноги точно сами, без принуждений ускорили шаги.

Спустившись к деревне, ребята мечтали прямой дорогой пересечь Каму в сторону родного села, но такой дороги не было, а идти по бездорожью, проваливаясь в наносных сугробах, они не решились. Оставался один выход: из Сигаева идти дорогой на Сарапул, против Сарапула пересечь Каму и по берегу спуститься в Ершовку. Этот путь, хотя раза в три длиннее, но дорожный, санный. Ведь вот от Сигаево до Ершовки всего версты четыре, думали они, а пойдём до Сарапула – тоже не меньше, прямо на север, а потом из Сарапула через Каму – на восток версты две, и снова по левому берегу Камы на юг до Ершовки – тоже версты три. Ох, если бы были у них хотя [бы] худенькие лыжи! – мечтали они, хотя снег был сыроватый.

В Сарапуле они снова натолкнулись на трудности. Кама хотя и замерзла, а у берега Сарапула – на пол-аршина воды с наледью. Где бы ни пытались они

[251] Юрино – деревня в Сарапульском уезде Вятской губернии, ныне – в Сарапульском районе Удмуртии.

[252] Далее авторский заголовок *Домой!*

[253] Сигаево – село в Сарапульском уезде Вятской губернии, ныне село в Удмуртии, центр Сарапульского района.

с берега пробраться на устойчивый, крепкий лёд – всюду проваливались и, начерпав воды в обутки, решили бродом перейти до основного прочного льда. Так они, мокрые по колени, и явились в родные дома.

Николай Васильевич сидел пред печкой и плёл лапти и, увидев перед собой сынка, от изумления уронил недоплетённый на колодке лапоть на пол и, держа в правой руке коточик, вскричал:

– Авдотья! Мать! Вставай, Ваняка пришел!

Авдотье нездоровилось, и она лежала за печью, на излюбленном месте – на маленьких полатцах и, слезая, запричитала:

– Да как же это ты, Ванюшка?! Сынок, да откуда ты явился?! Вася-то тоже дома? Да на чём вы приехали? Уж мы с отцом всё передумали! И во сне я то Пашу, то Петьку и тебя с Васей часто вижу, да всё так-то нехорошо! Проснусь – и наплачусь. Детки вы мои, детки! Что вы нам не пишете? Ведь и дядя Иван, и Вера Степановна только и спрашивают у нас – нет ли писем!

От материнского взгляда ведь ничего не уйдёт! Степановна взяла с лавки брошенную Ваней котомку и, развязав её, так и ахнула:

– Гляди-ка, отец! Ведь у него в котомке-то крошечки хлеба нету, да и ноги-то мокрущие! Снимай всё с себя да беги грейся на печку!

– Беги, беги грейся! А ты, мать, поставь-ка самоварчик, ведь он голодный. Да надо бы для них с Васяткой баньку протопить. Якимовна, давай-ка займись банькой! – распорядился Николай.

Анна Якимовна с дочуркой Маней сидела в комнатке и наговаривала:

– Иди, Маня, встречай дядю Ваню! Ну что же ты стоишь, иди!

Но Манюрка, слушая бабушкины причитания, не сразу вышла из комнаты повидаться с дядей Ваней. За чаепитьем Ваня всё рассказал, что им пришлось испытать.

– Так это вы и шли в такие вёрсты, всё пешком, да в такую-то пургу! Батюшки! Да как вас ещё Бог миловал и не заблудились! Да и почему вам учителя в школе ничего не посоветовали и в такую даль пешком отправили?!

Много за столом было спросов и расспросов. Ваня ничего не утаил. Он сообщил, что до Казани они добрались ещё на пароходе. Рассказал и о раненых на вокзале, и о ночёвке на постоялом дворе, и о каменщиках-рабочих, что оставили их без пищи, и обо всех дорожных приключениях.

– А заблудиться в дороге – мы и не заблудились бы,– заверил Ваня.– Мы, как дойдём до какой-нибудь деревни или села, спрашиваем, где школа – и к учителю. Покажем документы, кто мы и куда идём. Учителя, да и жители, где выпросимся ночевать, охотно нам растолкуют, куда и по каким дорогам идти. Вот мы и шли. На ночёвках иногда попадали и добрые хозяева – покормят. Плоховато было только в нацменских деревушках. Спрашиваешь их, а они нас не понимают, а мы их. Да и от Казани мы пошли на Елабугу неладно, сделали чуть не крюк. А дорогу нам на Елабугу посоветовал в Казани хозяин постоялого двора. Вот мы и шагали. От Казани мы шли – ещё снегу было мало, а вот от Елабуги шли уже по снегу.

До Авдотьи Степановны точно сейчас дошло осознание, в каком положении оказались ребята и что они более трёхсот вёрст прошли пешком:

– Батюшки, да милые вы мои! В этакую-то погоду, по незнакомым дорогам, голодом, холодом, да по незнакомым людям! Да как вас Бог спас! Ведь, поди, шли и лесами, ох, Господи! Матушка Царица Небесная! Вот о Паше, Петюше и Митрии выболело моё сердечко! Где-то они?! Как взгляну на Манюрку-малютку – сердце моё разрывается. А о вас с Васей я и не думала. Думала, что как в Камбарке учитесь! Да милые вы мои детушки! – захватившись подолом, она горько заплакала[254].

Манюрка, сидевшая у Вани на коленях, не вытерпела бабушкиных причитаний, бросилась к своей матери, тоже сидевшей на скамейке и утиравшей слёзы.

– Да хоть бы письма писали! Ведь ни от Паши, ни от Дмитрия нет вестей! Да и вы ведь тоже могли хоть с дороги написать! – приговаривала сквозь слёзы Якимовна.

– Ладно, Авдотья, Анна, Бог милостив. Не убивайтесь, а молитесь. Может, Он услышит наши молитвы – сохранит их на поле брани,– с глубокой задумчивостью проговорил Николай Васильевич и добавил:

– Уж в каких перепалках я ни бывал, но Бога не забывал. Кругом смерть витала, но, видимо, материнская молитва была сильнее вражеских пуль. Ведь недаром говорится, что материна молитва дитя со дна моря добывает!

Скрипнула межзаборная калитка, и во двор вошел Иван Васильевич в сопровождении сына Васи. Зайдя в избу, он по обычаю помолился на стоявшую в углу икону Спасителя и, поздоровавшись, прошел в горенку[255]. Встряхнув шапку, сел на скамейку.

– А ну, где ты, Василко? – позвал он сынишку, оставшегося стоять у порога.

Вася, робко здороваясь, подошёл к отцу.

– А ну-ка, скажи, Васяга, перед Иванком и перед всеми, правду ли ты говоришь – пришли пешком? Не верится мне, братик, что он мне говорит.

– Правду, правду, дядя Иван,– подтвердил Ваня.– Мы только от Сундыря до Казани доехали пароходом, а от Казани через Елабугу шли пешком.

– Вот ядрёна хань! Никак в ум не возьму! Ну и ерои[256]! Как вас только татары в котле не сварили, ведь у них недавно был праздник Ураза[257]! Вот, ядрёна хань, какую штуку, братик, выкинули наши ребятишки-то! – хлопая кудлатой шапкой по коленям, удивлялся дядя Иван Васильевич.

– Федяга у меня только смеётся над Василком, дескать, что хорошо поучился! Волки не задрали вас?! Да что и говорить: я, когда в Армязь пойду Панюшку проведать, и то до смерти боюсь и зверья, и жулья! – добавила Авдотья.

– Ну, как у тебя банька-то, Якимовна? – спросил Николай у снохи.

– А скоро будет готова. Каменка и вода уже горячие,– ответила Анна.

---

[254] Далее авторский знак заголовка.

[255] Горенка – горница, чистая комната в крестьянском жилище, парадная часть избы.

[256] Так в документе, правильно *герои*.

[257] Автор путает. В 1914 г. Ураза-байрам, мусульманский праздник, день окончания поста Рамадан, отмечался 22 августа по григорианскому календарю (9 августа по юлианскому). Со временем описываемых событий мог совпадать только Новый год по исламскому календарю.

– Ну вот и хорошо! Только рано не закрывай, чтоб не заугорели путешественники-то наши. После ребят-то, Авдотья, ты сходи, хоть прогрейся в баньке-то, может, полегчает,– проговорил Николай.

– Хорошо, хорошо, братик, надо у них с дороги-то вшей помыть да повытрясти. Поди ещё татарских натащили. У меня Веруська собралась тоже было баню топить, да вы опередили, прошмыгала носом-то,– проговорил дядя Иван.– Ходит только ахает: «Да где ты это, Васютка, вымок?! Да как ты это коленко-то у штанов продрал? Ведь обморозил, поди, коленко-то?» А Федяга только смеётся: «Да чё ты, мамка? Видишь, Васютка-то уже напоследок уже до дому на пузе полз!»

Все засмеялись.

– Да уж, Федюна скажет,– оговорился Вася.

– Ну а сколько же дней вы, ребятишки, шли от Казани до Сарапула? – спросил Николай.

– А мы из Казани вышли, наверно, числа 14 ноября, а пришли…– и ребята переглянулись один на другого.

– Какое же сегодня число – не знаю,– ответил Ваня.

– Мы сперва считали дни, а потом смешались. Да ещё в сильные морозы и пургу отдыхали, если попадались на ночёвках добрые хозяева. Даже в одной татарской деревне и хозяин, и хозяйка нас двое суток не отпускали. Дескать, занесёт вас снегом, замёрзнете. Вёрст по тридцать за день мы всё же уходили,– сказал Вася.

– Тридцать не тридцать, когда больше, когда меньше. Помнишь, Вася, мы пошли от деревни-то всё больше лесом? А дорога-то плохая, передутая. Так мы тогда прошли всего двенадцать вёрст и умаялись,– поправил Ваня.

– Ведь вот, ядрёна хань, братик, подумай-ка, шли лесом, плохими дорогами – и не заблудились!

– Да что ты, дядя Иван, ведь нам в каждой деревне или учитель, если есть школа, или житель говорили, куда идти и по какой дороге. Да ещё объяснят, что попадут развилки дорог, то идите или вправо, или влево. Так мы и шли,– объяснил Ваня.

– Ну, пора, Ваня, Вася, в баню! – проверив баню, сказала Якимовна.

Пока Вася с Ваней мылись в бане, Иван Васильевич с братиком высчитывали на пальцах, сколько дней шли ребята из Казани до дому.

– Значит так, братик, если они вышли из Казани четырнадцатого ноября, пятнадцатое – раз, шестнадцатое – два,– и он начал пригибать пальцы.

Десяти у него не хватило.

– Запомни, братик, десять.

– Двадцать четвёртое – раз.

– Так ты, братик, уже считал двадцать четвёртое-то,– поправил Николай.

– Обожди, обожди! Ты меня не путай! А ну-ка, снова!

И он, переложив шапку на скамейке справа налево подле себя, снова начал отсчитывать и пригибать пальцы. Досчитали до декабря. Насчитали шестнадцать суток.

– А како же сёдня число-то, Якимовна? Поди, знаешь?

– Да чё-то не знаю. Разве по газете «Неделе», что Паша выписал, можно узнать. Посмотрю, где-то прибрана.

– Да не ищи, Анна! Ведь до зимнего-то праздника Николы, говорят, три дня осталось, а он шестого декабря бывает. Значит, сёдня третье,– заключил Николай Васильевич.

По их расчетам ребята шли девятнадцать дней.

– Вот ведь, ядрёна хань, что они, мошенники, отхлопали, братик, а? Да и наголодались, и нахлюпались. Недаром Васька мой чуть не без штанишек пришёл. Да и одёженька-то ведь на них не по погоде! – возмущался Иван Васильевич.

– Ну а как от Пашухи и Петрухи – писем всё нет?

– Нету, нету, братик! Вот старые да малые сидим да горюем, что-то с ними! Не дай-то Бог всякому рабу крещёному такое горе, как соседу Николаю Степановичу!

– Да, погиб, видно, Андрюха-то у них,– проговорил Иван Васильевич.

– Какой был парень смиренный! Ведь Парасковья-то всё ждала его. Говорила, что под осень Андрюша отслужится, придёт домой, а вот, видишь, друзья-то сообщили, что погиб в бою. Ходит день и ночь с заплаканными глазами. Василко-то у неё ещё мал, а Иван-то как неродной отцу-то, всё как-то в погоне живёт. Вот и горе на горе! Мы вот тоже Петьку ждали к осени домой со службы, а оно [вот как] вышло, и Пашу забрали,– проговорила Авдотья, утираясь от слёз.

– Эх, банька хороша! Спасибо Якимовне! Мама, иди прогрейся в баньке! Жару хватит!

– Пойду, пойду,– ответила мать.– А где Вася?

– Он ушёл к себе домой, мама.

– Ну, пойду и я к себе, братик. Прощайте! – уходя, сказал Иван Васильевич.

На другой день погода явно начала портиться. С утра ещё было относительно сносно. Ветер дул со стороны города Сарапула – северо-западный, и хлестал отсыревшим снегом возившегося Николая Васильевича во дворе за ремонтом саней-розвален. Ваня проснулся поздно: на этот раз его не стали будить к утреннему чаю – пусть поспит с дороги и после баньки. Манюрка много раз подбегала к спящему дяде Ване, но Якимовна всякий раз её отводила:

– Доченька, отойди. Пусть лёлько[258] поспит,– говорила Якимовна, отводя дочь за руку.

Но уж когда Ваня заворочался на полу на войлоке, где он спал, тут уже никакие запреты на Манюрку не подействовали. Шалостей и визгу было достаточно. Даже бабе Авдотье надоело слушать поднявшийся шум, и она, наливая Ване чаю, запротестовала:

– Перестань-ка, Маня! Уж все уши провизжала – голове больно! Смотри, вот говорят бабы-то, что в Ершовке опять татары появились. Услышат твой визг – заберут в мешок и утащат!

– А я выплыгну[259], баба!

---

[258] Так в документе, правильно *маленько*.

[259] Так в документе, правильно *выпрыгну*. Здесь и далее автор передаёт детскую речь.

– Нет, не выпрыгнешь! Оне ныне мешки-то верёвкой крепко завязывают!

– Мама, правду баба говорит? – обратилась Манюрка к Якимовне.

– Наверно, правда, раз баба слышала,– отозвалась мать.

На Маню это подействовало: она подбежала к окну и, глядя в окно, увидела дедушку Николая, колотившегося у саней.

– Баба, а деда татары ведь тоже могут утащить в мешке?

– Нет! У них больших мешков нет!

– А ты, Маня, наверно забыла, сколько тебе лет? – спросил свою крестницу Ваня.

– Сесть,– бойко ответила Манюрка.

– Молодец, не забыла! А вот песенки уж, наверно, забыла?

– Нет,– и она затянула свою любимую:

Плоснётся мать моя родная
и будет сплашивать меня:
– Ты, мила дочь, ты где была?
– В саду была, цветы лвала,
на память воду плинесла.

Напившись чаю, Ваня оделся и вышел во двор помочь отцу в ремонте саней.

– Что тут, тятечка, случилось? – подходя к отцу, спросил Ваня.

– Да вот, видишь, копыл[260] поломался и вязок-то[261] из-за него поломало. А вот я сделал новый копыл, да вставить в полозную долбёжку и нащепку никак не приловчусь! Обледенело всё! Погода-то опять знатно забуранчит. Надо по сено съездить. Скотину кормить нечем. Как надует, нанесёт – и до стога не доберёшься. По те годы-то перед Николиным днём[262] всё бывали морозы клящие[263], а нынче только буранит и ветер-то какой резкий всё с Камы.

На другой день под вечерок Иван Васильевич с сыном Васей пришли опять побеседовать:

– А как же, братик, что будем делать с ребятишками-то? – садясь на излюбленное место на лавке, заговорил Иван Васильевич.– Васяга у меня говорит, что учителя из школы обещались вызвать, как только начнётся учёба. Вдруг да и вызовут? Куда же им пойти-то? Ведь зима-то всё злее!

– А я уже думал об этом. Поди, уж зимой-то не вызовут? Как, Ваня, что вам сказали учителя?

– А что они, тятечка, могли сказать? Сказали, что ждите вызова – и всё! – ответил Ваня.

– Да что и говорить, в такие-то морозы да снега разве можно их отпускать! Ведь я с ума сойду. И так ночи не сплю, всё о Паше, Пете и Митрии думаю, а тут ещё… И не говорите! Не отпущу!..– вмешалась в разговор Авдотья Степановна.

---

[260] Копыл – брусок, соединяющий полозья с кузовом саней.

[261] Вязки – детали саней, сверху соединяющие полозья.

[262] Никола Зимний – день памяти Николая Чудотворца, отмечаемый православными 6 декабря по юлианскому календарю (19 декабря по григорианскому).

[263] Клящий – сильный, большой, особенно применительно к морозам.

– Что поделаешь, война всё перекутовила! Так же думаю, пусть сидят дома, может, из школы не выключат[264], а туда можно сообщить, что нет дороги. Явиться вовремя не можем. Дома-то хоть маленько, да нам, старикам, помогут. Вот вчерась я уж как ни возился у саней, один – так один, а Ваняка помог, и мы быстро справились. Не могу ведь уж я работать-то, братик,– говорил Николай.– День-то наломаюсь, а ночью рученьки, ноженьки укласть не могу! А к ненастью – ещё тошнее того! Авдотья или Анна, поставьте-ка самоваришко, хоть чайку попьём.

– Чайку-то чайку – сахару-то к чаю, отец, у нас нет,– оговорилась Авдотья.

– Ваня, сбегай-ка к Тарасу. Пусть он [даст] хоть полфунта в долг на запись. Я ему уже должен шестнадцать копеек. Пусть запишет. С дровишками как-нибудь соберусь на базар и рассчитаюсь.

– А у меня Федяга вчера воз снопов обмолота позавчерашнего свёз в город-то. Продал за сорок пять копеек,– вмешался Иван Васильевич.– Ничё не берут мещане. Которые тоже соломой печки топят.

Самовар ещё не вскипел, а Ваня уже принёс завёрнутый в бумагу сахар:

– Тарас только наказал, чтобы не забывали,– проговорил Ваня, высыпая куски сахара в обломанную с краёв крынку, служившую сахарницей.

Высыпав из бумаги сахар, Ваня заинтересовался исписанной бумажкой, в которую Тарас завернул сахар:

– Смотрите-ка, чьё-то письмо! – заявил возбуждённый Ваня.

Все насторожились. Не с позиции ли кто пишет?

– А ну-ка читай, что за письмо и кто кому пишет,– потребовали от Вани.

– Слушайте,– и он начал читать: «Пишу письмо 1909 года, 8 мая».

– О, так это старое! Ну, всё равно читай!

И Ваня продолжал:

«Беру перо в руки
И пишу письмо от скуки.
Лети моё письмо, лети, извивайся,
И никому в руки не давайся.
А дайся только тому,
Кто мил сердсу[265] моему.

А мила сердсу моему только дорогая моя родительница Мамаша Катерина Феодоровна, низкий поклон от своего белого моего лица до сырой земли.

Ещё кланяюсь дорогому своему брату Евстигнею Кузмовичу, низкий поклон от своего белого лица и до сырой земли. Ещё кланяюсь дорогой своей супруге Татияне Ларионовне нижаючий поклон от своего белого лица и до сырой земли. Ещё кланяюсь дорогой своей сестрице Марие Герасимовне, низкой поклон от своего белого лица и до сырой земли. Ещё кланяюсь своему преемнику Данилу Евстигнеевичу, низкой поклон от своего белого лица и до сырой земли. Ещё кланяюсь дорогому своему крёсному Семёну Герасимовичу, низкой поклон от своего белого лица и до сырой

[264] Так в документе, правильно *исключат*.

[265] Так в документе, правильно *сердцу*. Здесь и далее автор частично передаёт дореформенную орфографию письма.

земли. Ещё кланяюсь дорогой своей кумушке Настасие Кириловне, низкой поклон от своего белого лица и до сырой земли. Ещё кланя [юсь] дорогому своему кумоньку Феодору Семёновичу, низкой поклон от своего белого лица и до сырой земли. Ещё кланяюсь…»

– Фу, устал уже от этих поклонов,– возмутился Ваня.

– Ну, читай, читай дальше! – подстёгивали его слушавшие.

– Где ж я остановился? Ага. «Ещё кланяюсь дорогой своей племяннице Лене Александровне, низкой поклон от своего белого лица и до сырой земли. Ещё кланяюсь дорогому своему внуку Фёдору Феодоровичу, нижайший поклон от своего белого лица и до сырой земли. Ещё кланяюсь дорогому своему племяннику Терентию Васильевичу с супругой Ольгой Андриевной и с детками вашими и всем вопче по низкому поклону от своего белого лица и до сырой земли. Ещё кланяюсь дорогому своему своячку Борису Алексиевичу, низкой поклон от своего белого лица и до сырой земли. Ещё кланяюсь дорогой своячинье Агафие Ларионовне, низкой поклон от своего белого лица и до сырой земли. Ещё кланяюсь дорогим племянникам и всем вопче по низкому поклону от своего белого лица и до сырой земли. Ещё кланяюсь дорогому брату Иулияну Димитриевичу с супругой Настасией Васильевной и с детками вашими, и всем вообще по низкому поклону от своего белого лица и до сырой земли. Ещё кланяюсь дорогой тётеньке бисярской Анне Сидоровне и детками вашими и вообще по низкому поклону от своего белого лица и до сырой земли. Пропишите Братанников Адрее…»

– Ну, видно всё, откланялся. Аж язык устал и спина переломилась.

И все засмеялись.

– Ну, слушайте дальше: «Пропишите Братанников Адрее, где он служит». Опять! «Ещё кланяюсь всем вопче родным и знакомым по низкому поклону от своего белого лица и до сырой земли.

Присягу приняли 11 апреля, ходим постоянно на стрельбу и на манёвры, чечас стало очень жарко, так что 30 и 40 градусов каждый день. Ваше письмо получил, которое писали в Благовечение[266]. Я посылал Борису письмо 12 апреля, получили или нет – пропишите. Ещё пропишите, сколько чего посеяли, есть или нет дожди, пропишите, докудова пробились своим хлебом, какая цена на хлеб.

А в Лопыри[267] ещё не вышли, всё строим, а выйдем 20 мая, затем до свидания, остаюсь и здоров, того и вам желаю, от Господа Бога доброго успеха в делах рук ваших.

Адрес мой в городе Елисаветполь[268]: 261-й пехотный Шамахинский полк[269], в 11-ю роту, получить Ермолаю Герасимовичу Шавкунову.

[266] Благовещение – праздник, посвящённый вести архангела Гавриила Богородице о будущем рождении Иисуса Христа. Отмечается православными 25 марта по юлианскому календарю (7 апреля по григорианскому).

[267] Населенный пункт установить не удалось.

[268] Елизаветполь – город в Закавказье центр одноименной губернии, ныне город Гянджа в Азербайджане.

[269] 261-й пехотный резервный Шамахинский полк – подразделение Кавказского военного округа, существовавшее в 1889–1910 гг.

Писал письмо Е [рмолай] Г [ерасимович] Ш [авкунов] ».

– Ну и всё,– закончил Ваня.

– А кто же это, братик, Шавкунов, я чё-то не знаю? Вроде у нас в Ершовке нет таких? – спросил братика Иван Васильевич.

– Не слыхивал таких. Наверно, какой-нибудь из починков[270],– отозвался Николай.

На другой день Ваня отправился в нижние луга за сеном. Наклав воз сена и затянув его верёвками с бастрыком[271], направился домой. При переезде по мостику через речку Азовец[272], на повороте, сани раскатились и, ударившись боком об мёрзлый наст, перевернулись, да так, что и лошадь в оглоблях лежала на боку и пыталась встать на ноги.

– Бурко, Бурко, лежи, не бейся. Поломаешь оглобли! Тогда и домой не придём[273]! – успокаивал Ваня лошадь и начал развязывать супонь[274].

Сбросив замотки верёвочных гужей[275] с оглобель, спустив через седельник, он понужнул Бурка и вывел его из оглобель. Теперь осталось [поставить] лежащий на боку воз на полозья саней и, как Ваня ни приловчался, упираясь в воз то правым, то левым плечом, воз поднять не мог.

– Что делать? – думал он.– Неужели придётся развязывать воз и перекладывать? Ведь, как назло, вокруг ни одной души не видно! Что будем делать, Бурко? – подошёл он к безмятежно теребившему и жевавшему у воза сено Бурке.– А, подожди-ка, Бурка, ведь не один я в этом виноват, и ты тоже!

Отвязав мочальные[276] крепкие вожжи, Ваня продел их в гужи хомута, а концы привязал к концам бастрыка и, взяв под уздцы, повёл Бурка в сторону. Бурко потянул и заупрямился.

– Чего ты, старый, заупрямился? Не нравится, что не по дороге?! Давай, давай!

Так им и удалось поставить воз на полозья. Дома, убирая сено на сеновал, Ваня рассказал о случившемся дорогой беде отцу.

– Хорошо, что сообразил! А то ведь надсадиться недолго,– проговорил Николай.

Так потянулись дни за днями, а почта молчала. Ни от Павла с фронта, ни от Петра и зятя Дмитрия, ни вызова из школы семья Деськовых не получали. Только «Вестник знания»[277] и приложение «Неделя» рассыльный из волости изредка забрасывал к ним. Появление рассыльного крайне вносило в семью тревогу: радость

---

[270] Починок – вновь возникший населенный пункт в сельской местности.

[271] Бастрык – жердь, придавливающая сено.

[272] Азовец – речка в окрестностях Ершовки.

[273] *Бурко, Бурко, лежи, не бейся. Поломаешь оглобли! Тогда и домой не придём*! вписано поверх строки.

[274] Супонь – ремень, стягивающий хомут.

[275] Гуж – петля в хомуте, скрепляющая оглоблю с дугой.

[276] Мочальный – из мочёного лыка.

[277] «Вестник знания» – научно-популярный журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге (Петрограде) в 1903–1918 гг.

или горе, что-то он несёт! Но всё же дрожащим голосом они спрашивали разносчика, получая почту: «А писем нет?»

Ваня полностью переключился в домашнюю работу, помогая отцу. Оба они ежедневно ездили в лес за заготовленными ещё с осени дровами. Дрова лежали заготовленными [на расстоянии] около восьми вёрст от села. Выезжали утром рано и возвращались вечером. Полями ехать было хорошо, но от Кремлёва[278] по лесу вплоть до Крестов, где скрещивались дороги, из деревень В [ерхний] Армязь, Ведрец[279], Власово[280], дорогу заметало глубоким снегом. Чтоб добраться до дров, им пришлось сперва протоптать лошадью дорогу, особенно до бунта[281], сложенных лесин от дороги. Приехав первый раз за дровами, они даже с трудом отыскали занесённые снегом кряжи. Отоптав снег вокруг кряжей, подтолкнув сбоку сани и вырубив по толстому рычагу, начали рычагами выворачивать из-под снега кряжи, наваливая на сани.

– Пораньше бы надо было их вывезти, да вот прохворал,– говорил Николай, подтыкая конец рычага под толстый кряж.

Ваня последовал его примеру, подоткнув свой рычаг у другого конца.

– А ну взяли, сынко! – и они налегли на рычаг.

У Николая рычаг выскользнул, и он грохнулся в пухлый снег. Ваня подскочил к нему, думал, что он зашибся, а он изругался самой крепкой его бранью:

– Ах, Макарка! – и ещё по-молодецки вскочил на ноги, обтрясая с себя снег.– Вот, Ваняка, никогда не доверяйся сырому рычагу. Он скользкий. Подсовывай и опасайся,– поучал он сына.

С вывозкой дров они провозились неделю. Вечерами Ваня обычно прочитывал статьи «Вестника знания» и к нему приложений. Особенно читал перед всей семьёй статьи о войне и военных операциях. Частенько послушать, что пишется, приходил и Иван Васильевич с сыновьями Фёдором и Васей. Всяк по-своему обсуждали о событиях на Карпатах[282].

– Пузатеев, пузатеев надо бы заставить воевать-то! – перебирая шапку в руках и тряся чёрной стриженой бородкой, морща курносоватый широкий нос, говорил Иван Васильевич.

– Где же их заставить воевать-то, братик?! Оне только нас в огонь посылают да приказывают! Видал я ведь турецкую войну[283], как они воюют.

---

[278] Кремлёво – деревня в Ершовской волости Осинского уезда Пермской губернии. В «Списке населённых мест Пермской губернии» от 1904 г. не упоминается.

[279] Ведрец – деревня в Ершовской волости Осинского уезда Пермской губернии, ныне не существует.

[280] Власово – деревня в Ершовской волости Осинского уезда Пермской губернии, ныне не существует.

[281] Бунт – куча, сложенный в штабеля лес.

[282] Карпатская операция – сражения на Восточном фронте Первой мировой войны в январе – апреле 1915 г. Завершилось тактической победой русских войск, но их истощение в ходе сражения стало фактором поражений русской армии в ходе Великого отступления лета – осени 1915 г.

[283] Имеется в виду Русско-турецкая война 1877–1878 гг., участие в которой принимал Н. В. Деськов.

– Да ещё бы послать жандармов да урядников воевать – вот бы дело было! Они одеты, обуты, сразу бы на войну их гнать! Вон их сколько в городе-то! Вот бы и храбрились там,– с такими[284] пожеланиями выступил Иван Васильевич.

– Да, можно бы из них сколотить большое войско, да разве они пойдут, что ты, братик! И пузанов, как ты говоришь, кто охранять будет?! Они ведь их верные сыны, а мы – что? Червь! Видно, наша участь век копаться, извиваться в земле! Я ведь всё, братик, думаю – ответят за свои злодеяния и издевательства перед Богом? Ведь сказано в Священном Писании, что трудно богатому войти в Царство Небесное, как верблюду пролезть сквозь иглиные уши! Так что пузаны и их прихлебатели ответят перед Богом.

– А кто вот, братик, за убийство на войне будет отвечать?

– А кто нашего брата гонит, тот и ответит! Мы не затеяли войны. Она нам не нужна. Всякая война – безумие и разорение для нашего брата.

И так два братика, нафилософствовавшись вечер, расходились с думами: а что же делается на войне и что будет впереди. И чем она, злосчастная, кончится[285].

Вскоре рассыльный Ване с Васей вручил пакеты. Сперва подумали, что, наверно, письма с фронта, [но], распечатав, прочитали сообщение из школы, что в школе с нового года начнутся учебные занятия [и] что к началу учёбы Ваня и Вася должны прибыть. Сообщение отпечатано на пишущей машинке и [под] писано директором школы В. П. Бабушкиным. Эти извещения ошеломили Деськовых. Однако Вася и Ваня, переговорив между собой, хотя и страшна дорога, но решили тронуться в обратный путь. Желание учиться – страх перед дорогой, морозами и снегами – всё перебороло. Двадцать второго декабря в доме Николая Васильевича под вечер собрались семьи на совещание.

– [А мы всё] равно пойдём,– заявили в один голос ребята.

И как их ни уговаривали, как ни стращали снегами, волками, жуликами и морозами, ребята настояли на своём.

– Ведь вы всё равно опоздаете в школу.

– Ведь вы 19 дней шли сюда из Казани, а до школы, говорите, ещё дальше. Оставайтесь-ка, а в школу напишите, что ехать не на чем, а пешком больше трёхсот вёрст зимой не сможем,– уговаривали их.

Авдотья и Вера Степановны обе в голос заявили:

– Не отпустим ни за что! Что вы, отцы, скажите свои твёрдые запреты! Ведь они ещё глупы, на смерть, на погибель лезут!

– Мама, да теперь в деревнях остались малыши да старики! Совсем спокойно! По школам да учителям от деревни до деревни пойдём. Не [за] блудимся! – уговаривал Ваня свою маму.

А братик Васи Фёдор сидел и улыбался, глядя на брата Васю и братика, слушал эти уговоры [и] проговорил:

– Ну и пошехонцы! Видно, ещё плохо [от] мучились! Ведь у нас Васятка пришёл таким, что штаны на нём плохо держались и язык не [во] рочался. Чё, неправду я

[284] Слово вписано поверх строки.

[285] Далее авторский заголовок *Учиться!*

говорю? – обратился [он] к улыбающемуся Василию.– Чё молчишь, Васяга? Впрочем, мамка штаны починила, можешь [ид] ти опять! Наложим вам в мешки ведра по два картошки на дорогу – отправляйтесь,– говорил он с явной иронией.

Так вопрос о дороге и остался в тот вечер нерешённым. Но на следующий день [по] настойчивым просьбам ребят собрались снова. Толковали долго и наконец решили снарядить [ре] бят снова в дорогу, а чтобы облегчить им дорогу, [от] везти ребят хотя бы вёрст на шестьдесят на лошади. За это дело взялся Фёдор Иванович.

– Уж я их отвезу и вывалю прямо на снег,– усмехаясь, говорил он.

На второй день, снабдив котомки питанием, братик Фёдор запряг Чалка в розвальни, подбросил сена и повёз ребят. Ранний зимний день. В Сарапул приехали ранним утром. Город ещё спал. Из города двинулись по дороге на Шевырялово[286], Паркачёво[287] и Агрыз[288]. Без движения лежать в розвальнях, хотя и под тулупами, у ребят мёрзли ноги. Фёдор Иванович всё же работал вожжами, но всё же мороз и к нему подбирался, и он зачастую спрыгивал с саней – и бегом бежать, то в ряж с санями, то, разогнав Чалка, бежал сзади саней, бросив вожжи на укутавшихся в тулупы ребят. Согревшись от бега, падал в розвальни и, зная, что братики хоть и под тулупами, а мёрзнут, неоднократно предлагал им слезть с саней и пробежаться. Но им хотя [и] морозно, но не хотелось вылезать из-под тулупов. Фёдор Иванович это чувствовал и понимал их, а согреть их всё же придумал способ. На одном из раскатов быстро [со] скочил с саней, подхватил за кряжу сосны и вывалил братиков на снег. Ребята этого не ожидали. Вскочили, набросили на плечи тулупы – и за санями.

– Федюня, Федюня, подожди, мы хоть тулупы бросим на сани! – кричал Вася брату, понуждавшему побыстрее Чалка и фыркавшего от смеха, глядя на бежавших с тулупами в руках братиков.

– Грейтесь, грейтесь, сопляки! Вот так вас надо греть, а то сидят, как бабы: хоть до смерти замёрзнут, а с саней не слезут! – гнал он Чалка и смеялся.

– Хватит, хватит, Федяка! – кричал Вася, запыхавшись.

Братик остановился. Усаживаясь в сани, Вася с обидой на брата сказал:

– Попадёшь ты нам когда-нибудь в руки! Смотри, от нас, как и от лошади, пар валит! Вези давай!

Фёдор только смеялся:

– Вот так вас, сопляков, без школы можно выучить! А будете ещё ворчать, я вас, как котят, в [ыбро] шу!

– Ну-ну, мы двое-то с тобой справимся! – храбрился Вася.

В Паркачёвой сделали остановку, чтобы дать коню отдохнуть да и самим нагреться. Набросив один тулуп вверх шерстью на Чалка, Фёдор зашёл в один из домов и, выйдя, махнул ребятам: «Заходите», а сам пошёл и дал Чалку сена, спустив с седёлка. Передохнув и погревшись, они тронулись дальше. В А [гры] з они приехали

[286] Шевырялово – село в Сарапульском уезде Вятской губернии, ныне село в Сарапульском районе Удмуртии.

[287] Паркачёво – село в Сарапульском уезде Вятской губернии, ныне село в Сарапульском районе Удмуртии.

[288] Агрыз – село в Сарапульском уезде Вятской губернии, ныне город в Татарстане, районный центр.

под вечер. Фёдор Иванович оставил ребят у саней, а сам пошёл искать ночлег. Обой [дя] домов пяток, он, выйдя на улицу, махнул ре [бя] там:

– Давай сюда! – крикнул он ребятам.

Переночевали хорошо. Утром Фёдор Иванович [дал хоз] яину за ночлег двадцать копеек и, напоив Чалка, начал запрягать, а ребят заставил собрать разнесённое сено.

– Ещё пригодится! – проговорил он.

[Со] брав котомки, усевшись в розвальни, они тронулись в путь. На этот раз братик Фёдор поскупился увезти своих братиков подальше, а довёз только до деревни Б [обья] Уча[289] и вывалил поклажу из саней.

– Ну всё, хватит, прыгайте дальше сами! – проговорил он, глядя на кислые рожицы брательников.

– Подвези ишо! – [про] сил Вася.

– Хватит! Вот, смотрите, уж Казань [вид] на,– проговорил он, смеясь и показывая рукой по до [мам].

– Не бреши! – крикнул Вася и, забирая вываленные мешочки, тулупы, залез сам в сани.

– Са [дись], Иванко! Понужай, Федюня! – командовал он.

– Нет, братишки, всё! Дальше топайте сами. Мне надо к вечеру вернуться в Агрыз, а завтра – до дому.

– А ну [его], упрямого! Одевай, Иванко, котомку, пошли!

Выйдя в деревню, они помахали Фёдору шапками и запе [ли]:

Что так скучно, что так грустно,
День идёт за днём.
А бывало, распевал я,
Шапку набекрень!
Эй вы, нули, что заснули?
Шевели, беги!
Молодые, вороные,
Гривачи мои!
С песней звонкой шёл сторонкой
К Любушке своей.
И с приглядкой да оглядкой
Целовался с ней.
Эй вы, нули, что заснули?
Шевели, беги!
Удалые, вороные,
Гривачи мои!
Мать узнала, всё пропало,
Любу заперла.
И из дому за Ерёму
Замуж отдала!

[289] Бобья Уча – деревня в Елабужском уезде Вятской губернии, ныне деревня в Малопургинском районе Удмуртии.

Эй вы, нули, что заснули?
Шевели, беги!
Вороные, удалые,
Гривачи мои!
Я другую себе молодую,
Выберу жену:
В чистом поле, на просторе
Дикую сосну!
Эй вы, нули, что заснули?
Шевели, беги!
Удалые, вороные,
Гривачи мои[290]!

Фёдор посмотрел им вслед, и как они скрылись из виду, завернул Чалка и поехал в обратный путь.

На второй день его встретили домашние уже поздним вечером. Николай Васильевич и Авдотья Степановна с внучкой Машей забежали во двор Ивана Васильевича. Иван Васильевич, встретив Фёдора, выпрягал Чалка, а сына Фёдора послал в избу греться. Николай с Авдотьей подошли к нему и спросили:

– Ну как, ушли ребятишки?

– Ушли, Федяка говорит. Идите в избу, потолкуйте с Федякой. Я его в избу послал. Ведь озяб, поди.

Николай [с Авдотьей] зашли в избу. Фёдор сидел у железной печки, грел ноги. Увидев входящих, привстал.

– Садитесь, крёстной и крестниха! – пригласил он.

– Скажи-ка, как, докуда довёз ребятишек-то, крестничек?

Фёдор рассказал им и добавил:

– Ещё просились ехать, да я их уж как зайчат вывалил!

– Ну и как они?

– А чё, крёстный, крестниха, они как настоящие пошехонцы! Вышли за деревню от меня и песню затянули!

– Вот безалаберные, надо Бога на помощь призвать в такую чуждую дорогу, а они – песню! Вот забубённые головушки[291]! Да ведь как холодно на дворе-то. Недолго и до беды. Собьются с дороги – что тогда?!

– Не знай, крёстный, крестниха, я сам дивлюсь. Они дорогой-то мне всё рассказывали, как из Казани шли. И досталось ведь им, а вот – снова! Просто удивленье! Я ведь уж много старше, а вот подумаю: страшно, кажется, пуститься идти, да ещё среди удмуртов-вотяков[292], а они пошли – хоть бы что!

---

[290] «Что так скучно, что так грустно…» – песня, автор музыки неизвестен, автор слов И. К. Кондратьев.

[291] Забубённые головушки – фразеологизм, который означает людей отчаянных, бесшабашных, пропащих, которые готовы на все.

[292] Удмурты (название, использовавшееся в русском языке до 1930-х гг.– вотяки) – финно-угорский народ, в начале XX в. основной ареал расселения – Глазовский, Сарапульский, Малмыжский и Елабужский уезды Вятской губернии.

– Да мы и то с Нюркой за тебя пережили! Отберут, думаем, у них лошадь, да и вас побьют! – ввязалась в разговор Парасковья Андреевна, жена Фёдорова, держа за руку шестилетнюю дочурку Нюру.

– Да хоть бы их Бог, Царица Небесная, Мать Пресвятая Богородица, спасла, сохранила от всех бед и напастей,– переговаривались между собой Вера и Авдотья Степановны.

Управившись с лошадью, в избу зашёл Иван Васильевич:

– Вот, ядрёна хань, шмыгай-то теперь носом-то, Верунька народила сынка! – с усмешкой он бросил упрёк жене Вере.– У братика-то Иванко в отца да братьев издался, видали чужую-то сторону, а мы с тобой дальше семи вёрст от дома не бывали! А жизня уже пр [ош] ла! Да меня жандармы бы если погнали в таку дорогу да таку пору, хоть убей не пошёл!

– А они вот, тятя, пошли от меня, помахали мне шапками, да ещё песню запели!

– Вот, ядрёна хань, Федянка, чё ты говоришь! Да им татары да вотяки таку им песню пропишут!

– Прос [то они], тятя, с песней пошли,– пояснил отцу Фёдор.

– Где же вот теперь они? Наверно, уже ходят по деревне, просятся ночевать. Теперь уж какая дорога – темно. Да хоть бы крещёные им не отказывали,– говорил Николай, и все задумались.

А ребята, уйдя от Фёдора вёрст двенадцать, подошли к деревушке, спросили, далеко ли будет ещё какая-нибудь деревушка по дороге на Казань.

– Деревня, Василь Иваныч (только потом от русских ребята узнали, что удмурты-вотяки при обращении с незнакомым человеком называют его «Василь Иваныч» и сами любят, когда их называют и величают так) до Можга[293] вёрст пятнадцать нет.

Деревушка небольшая, но с ночлегом устроились благополучно. Дорогой ещё ребята удивлялись необычной укладке кладей в этих местах – у нас они на полях клади хлеба снопами до обмолота укладываются основанием сразу с земли, а тут они увидели кладку кладей с основанием на матёрых столбах с перекладинами. На поле возведён точно необычный четырёхногий стол и кладь осно [ванием] на столешнице. Под эту кладь можно спокойно пройти человеку среднего роста. И вот ребята, устроившись на ночлег, решили спросить [хоз] яина:

– Хозяин, мы вот видели у вас на полях клади с хлебом на столбах? Почему вы их так кладёте? Чтобы мыши их не беспокоили, что ли?

– А нет! Я так кладь не делам. Делам прямо на земля. Я сам русска, а живём давно у вотяков. У них-то так кладут. У них этот кладя пропалиша. Может, дед или прадед клал. Этот кладь, как кто [дел] ал, умер – кладь никто не трогай, а поминай.

Пока велись разговоры, дверь в избу открылась, и в избу зашел сосед хозяина, очевидно, поинтересоваться, что за пришлые. Сняв шапку, он низко поклонился, огляделся и [сказал]:

---

[293] Можга – село в Елабужском уезде Вятской губернии, ныне село в Можгинском районе Удмуртии. Не является предшественником города Можга в Удмуртии.

– Здравствуй, Василь Иваныч,– поздоровался он с хозяином, переводя больные трахомные[294] глаза на ребят.

– Здравствуй, Василь Иваныч! – ответил ему на приветствие хозяин, и между ними завязался разговор на местном языке.

Ночевали ребята на нарах. Утром, чуть начало светать, они покинули деревню. В Можгу они пришли уже [за] темно. Идя по улице Можги, они зашли в лавку. Купили два фунта кренделей, чтоб хотя [бы] позабавиться в дороге. У лавочника спросили, есть ли в селе школа и как до неё дойти. До школы дошли и только тут сообразили, глядя на чёрные окна школы, что в такую позднюю пору занятий в ней нет. Повертелись около её и спросили первого встречного, где живёт учитель. Потолковать где-либо с учителем у них запала мысль ещё дорогой. Им не хотелось держать направление на Казань, а идти правее её, чтобы [не] сделать буквально круг, а как можно [дальше] выйти на Волгу выше Казани и тем самым сократить путь до Мариинского Посада, подымаясь по берегу [вверх по течению] Волги. В этих соображениях они не ошиблись. Учитель, расспросив их, прочитал их школьные справки и вызовы, с большой охотой отозвался и посоветовал от Можги идти на село Королёво[295].

– Около этого села,– говорил он,– строящаяся насыпь железной дороги уклоняется влево, как бы поворачиваясь в сторону Казани, а вы держите путь прямее, на выход к Волге. Дальше я вам указать путь от Королёво посоветовать не могу, так как сам в тех краях не бывал. Но в Королёве, там русских жителей порядочно. Они посоветуют, как быть. Вот только, ребятки, я боюсь, как вас устроят просёлочные дороги. Ведь, наверное, дороги-то замело, тяжело идти?

– Да, дороги, конечно, не особенно хороши. В некоторых местах приходится ногами иль палками прощупывать дорогу, следы занесло, задуло,– объяснили ребята.

Учитель приютил их на ночлег. На следующий день до Королёва ребята добрались без приключений. Узнав от жителей, что в верстах в пяти есть ещё деревня, попутная им, они решили добраться и до неё. Но на этом пути ребята начали чувствовать, что ветер, как раз встречный, начал усиливаться, надо было ожидать пургу. С трудом добравшись до деревушки и устроившись на ночлег, они задумчиво прислушивались к разгулявшейся метели. Утром на следующий день, казалось бы, ветер стих, но [хи] лые просёлочные дороги, и без того трудные для пешеходов, ещё стали хуже. По такой дороге ребята с трудом еле-еле добрались до деревушки Кибья[296], пройдя за день только[297] около пятнадцати вёрст, да и то с дорожными передышками. Из этой деревушки они также уже на следующий день, также

[294] Трахома – инфекционное заболевание глаз, поражающее роговицу и конъюнктиву (внешние оболочки глаза).

[295] Автор путает. Село Короленко, а не Королёво, в этой местности появилось в 1939 г., в начале XX в.– село Старый Мултан Малмыжского уезда Вятской губернии. Ныне – в Кизнерском районе Удмуртии.

[296] Кибья – село в Малмыжском уезде Вятской губернии, ныне село в Кизнерском районе Удмуртии.

[297] *Только* вписано поверх строки.

с большими трудностями, добрались до небольшой деревушки и вынуждены были остановиться в ней на ночлег. Утром, проснувшись, снова пустились в путь. Хозяин, где ребята ночевали, сказал им, что впереди у них будет река Вятка[298] и село Бурец[299].

– Вот где, Иванко, мы с тобой плутаем! – на ходу проговорил Вася.

С утра был лёгкий морозец, а после полудня опять забуранило. Выйдя из лесу, дорога их повела по низменности, поросшей кустарниками, а по сторонам видны были изредка одетые снегом стога сена[300].

Здесь дорога немного улучшилась, укатанная жителями в связи с вывозкой сена с лугов[301], так что ребята вздохнули с облегчением. Спустились к реке. Река хотя и не так широка, но из-за пурги, свободно гулявшей по ложу речного простора, не видно было противоположного берега. Поднимаясь на противоположный берег реки, они услышали лай собак, но сельских построек из-за пурги и вечернего сумрака различить не могли, хотя уже вошли на окраину села. Завернули налево в улицу села и постучались в первую избу. Стукнула щеколда, и вышел к ребятам хозяин дома.

– Не закрыто ведь! Что вам, молодежь, надо?

– Здравствуйте, дяденька!

– Здравствуйте, молодежь! Я думал, Наська уже возвратилась из бани, да чё, мол, она стучит! Ведь знает, что не закрыто!

От ночёвки хозяин не отказал и повел ребят в избу.

– Старуха, я ночевщиков привел! Не замерзать же им в такую погоду на улице!

Хозяйка вышла из-за печи, глянула на ребят и сказала:

– Дак чё! Ведь они замёрзли! Раздевайтесь.

Ребята сняли котомки и вышли на улицу, чтоб отряхнуть снег. Вернувшись в избу, начали раздеваться, но вот беда: пальцы рук закоченели! Ни опояску развязать, ни пуговицы расстегнуть они на себе не в силах. Хозяйка, старушка лет пятидесяти, живо раздела Васю.

– Как тебя зовут? – раздевая его, спросила она.

– Васей, а это – Иванко,– откомандовался Вася за себя и за братика.

– Да как же вы в такую погоду, да кто вас гонит? Чё, у вас отца, матери, штоль, нету? – приговаривала она, принявшись развязывать опояску на Ване.

И только как развязала опояску, как из-за пазухи полупальтишка на пол посыпались и покатились по полу в разные сторону крендели. За пазуху крендели они ложили в дорогу, чтоб где-либо на коротком отдыхе перекусить нестылыми кренделями. Хозяйка бросилась собирать с полу крендели и сложила их на стол, проговорив:

– Вот с кренделёчками-то и чайку попьём!

Всё это она так быстро проделала, так что ребята только переглянулись между собой.

---

[298] Вятка – крупнейший правый приток реки Камы.

[299] Старый Бурец – село в Малмыжском уезде Вятской губернии, ныне в Малмыжском районе Кировской области.

[300] Далее авторский заголовок *Наська.*

[301] *С лугов* вписано поверх строки.

– Старик, ведь они испростыли,– обратилась она к хозяину, жевавшему крендель.

– Дак чё, давайте, робята, у нас банька отоплёна. Чечас моются ребяты. Идите с ними, помоётесь и погреётесь!

– Давайте, идите робяты. Идите, идите! – настаивала хозяйка.– Банька-то вот, в задах, прямо по тропке. Помоётесь, погреётесь, а чайку согрею.

Банька ребят соблазнила после зябкой дороги, и они, одевшись, направились к бане. Зашли в предбанник, приплетённый из тальниковых виц[302], прислушались.

В бане произошло совершенно неожиданное: в два голоса девчата подняли такой визг, смешанный со смехом ребят-подростков:

– Кольша[303], отвяжись! Наська, плесни его холодной водой! – отбивались от ребят девчата.

Ваня с Васей растерялись в недоумении, не понимая, в чём дело, и пошли обратно, рассуждая:

– Наверно, ребята мылись, и к ним забежали девчата подуреть. Или к девчатам полезли ребята. Придём – скажем, неохота мыться, там девки с парнями.

В избе на столе стоял шипел, покрывшись пятнами зелени, старинный, с боковыми вмятинами медный самовар, кучка кренделей, и на тарелке – парившая отварная рыба.

– Чё так скоро? – спросили ребят хозяева.– Неужто баню не нашли?

Ребята сказали, что раздумали, что в бане слышны девичьи голоса и там же парни.

– Ну и чё? Моются у нас всегды девки с парнями, идите и вы, воды много, помоётесь.

– Нет, не пойдём! – отказались ребята.

– У вас раза[304] отдельно ходют?

– Конечно,– ответили ребята.

– Для ребят разно, и для девок разно? Эк-то надо две ба [ни]. Поразну-то и не погреётесь! А тут все в один жар!

В избу вошла с мокрой головой раскрасневшаяся дочь хозяев, лет около шестнадцати, одетая в дублёную чёрную шубейку. Взглянув на ребят, она остановилась у порога в нерешительности.

– Чё вы, Наська, робят-то этих не пустили? Робята с дороги иззябли!

Наська точно очнулась. Сбросила с головы тряпицу, заменявшую ей шаль. Сбросила шубейку, кинув её на полати, одёрнула смокшую от пота самотканную холщёвую рубашонку и скороговоркой ответила:

– А мы их не видели! Почём знали! – и снова оглядела ребят с ног до головы, поджав губки.– Я пить хочу маль[305].

---

[302] Тальниковые вицы – ветки небольшой кустарниковой ивы.

[303] Кольша – уменьшительно-ласкательных форма имени Николай.

[304] Так в документе, правильно *разве*.

[305] Так в документе, правильно *маленько*.

– Давайте садитесь чаёвничать. Али робята сходят чечас в баню-то? – обратилась хозяйка к ребятам.

– Чё они намоются, коли Андрейко всю каменку залил, и не шипит даже! Чё мне, пусть идут! – проговорила Наська, садясь за стол и, наивно взглянув на ребят, взяла и разломила крендель.

– Садитесь, ребята, ешьте рыбу, своя ловля, с реки,– проговорил хозяин, приглашая ребят за стол.

– Тять, а где купили кренделя?

– Это вот наши гости принесли,– мотнул головой на ребят хозяин.

– Ох, как я хотела кренделей!

– А ты сперва рыбу ешь, а крендель с чаем.

– Да ну тебя, тять, с рыбой! Приелась уже она!

Компанией кренделя быстро уничтожили, а рыбу хозяйка унесла со стола – на утро. Наська, напившись чаю, разбросила пальтушку на голбчик[306] у печи; бросила в [и] зголовье подушку, легла спать, закинувшись какой-то рядиной.

– Робяты, вы ведь тоже спать думаете? Лезьтё на полатцы, там ложитесь на войлочишко, а мы со старой – на печь, за Наську.

Ребята примерились, как же лезть на полати? Ведь, чтобы на них залезать, надо лезть через Наську – и стояли в нерешительности. Непривычное для них это ещё дело.

– Ну чё вы не лезете? – заметив заминку у ребят, проговорил хозяин.– А ты, Наська, дай залезть ребятам. Уйди пока на печку!

– Да пускай лезут, что за бары?

Ваня, поднявшись на приступок, осторожненько, с робостью, просунул подле Наськиного бока руки и, перевалившись через Наську, начал лезть на полати, закинув сперва правую ногу, а руками схватившись за брус, начал подтягиваться. Наська схватилась за Ванину левую ногу и захохотала:

– Ну, лезь, лезь, таракан! – хохоча приговаривала она.

– Чё ты там, Наська, делаешь? Уронишь ребят! Вот неналома!

– Ничё, тять, не делаю! Залезть не может!

Ваня все же залез. За ним так же залез Вася, и только как начал подтягиваться, Наська пнула его в ногу так, что он чуть не сорвался и, обернувшись, он шлёпнул Наську[307] ладонью по мясному месту. Хозяин, услышав возню, опять вскричал:

– Наська! Вот девка-неналома! Всё бы ломиться! Робята, уклались?

– Уклались!

– Ну, мать, полезай на печь, я тушу огонь.

Наська в темноте, укладываясь на своей постели, угрожающе проворчала:

– Вот, кириметь вятской[308], отшиб, поди, руку-то! Чирей бы тебе сел на паклю-то[309]!

---

[306] Голбчик – приступок печи.

[307] *Наську* вписано поверх строки.

[308] Кириметь вятской – ругательство на основе понятия «кереметь», обозначавшего и капище, и жертвоприношение, и божество; ругательство, близкое к «чёрт».

[309] Пакля – местное наречие: *рука*.

Утром Наська проснулась вместе с матерью. Ребята ещё спали. Хозяйка слезла с печи, засветила ночничок и ушла из избы за дровами. Наська подтянулась на полати и ущипнула лежавшего Васю, да так, что он от боли вскричал:

– Наська!

Хозяин, видимо, не спал, схватил её за подол и сдёрнул на голбчик.

– Робято-то намаялись, а ты, неналома, и поспать не даёшь!

– Вот так ему, кириметю вятскому, и надо! Будет Наську помнить!

Закусив вчерашней рыбой с отваренной картошкой, ребята начали собираться в путь. Начали советоваться с хозяином и хозяйкой, по какой дороге им идти.

– А ежели на Казань, дак вроде бы по Кошкинской дороге[310], а ежели надо правее, значит её, разе, на Малмыж? Так ли, мать, я говорю? – обратился он к хозяйке.

– Не знай, я никуды не хаживала,– отозвалась хозяйка.

Хозяин, подумавши, пощипав стриженую бородку, не торопясь, проговорил:

– Да, лучше, робя, чтоб не заблудиться вам, сохрани Бог, надо идти на Малмыж, и дорога-то лучше, и селенье большое.

– А сколько будет вёрст до Малмыжа или до Кошкина? – спросили ребята.

– Да до Малмыжу вёрст двадцать, и до Кошкина, поди, вёрст девяток.

Ребята подумали, подумали и, учитывая буранную погоду, решили [идти] на Малмыж. Распрощавшись с хозяевами, направились к двери[311]. Наська, сидевшая на скамейке за столом и с ехидцей поглядывавшая на ребят, словно вскочила из-за стола и прокричала вслед ребятам:

– Без кренделей не ворочайтесь!

– А где мы их возьмём? Стряпай сама! – отозвался Вася.

– А тогды идите, чтоб вас пургой занесло! Штоб вы заблудились, кириметы беснутые!

– Наська, заткни глотку! Разе можно в дорогу?!

Двери ребята захлопнули[312].

– Ну и ночлежка нам попала, чудеса да и всё! Чудно ведь, что девки с парнями вместе мыться ходят,– рассуждали ребята.– И больше с ними никого нет – делай, что хочешь, в баньке-то! А та девка Наська! Мне даже противно стало на неё смотреть – нахалку! По какому месту ты её, Ваня, шлепанул?

– Да по заднице. Плохо, надо было покрепче, да хозяев побоялся. Будет помнить! Ладонь-то долго [лет] ела, и у неё, наверно, клеймо осталось.

– Значит, теперь у нас с тобой у обоих, [Ва] ся, руки согрешили.

– Как, разве и ты [её] шлепанул?

---

[310] Кошкинская дорога – дорога на село Кошкино Малмыжского уезда Вятской губернии, ныне – в Кукморском районе Татарстана.

[311] Далее три склеенных листа текста с частичной потерей текста в начале строк, с авторским примечание *Вырезал, но подумал: раз что было – пусть будет. Описано.* Здесь отрывок не приводится, так как с незначительными изменениями повторяет сюжет о пути из Буреца в Малмыж.

[312] Далее авторский знак заголовка.

– Да нет. А помнишь, как надо мной смеялись всем классом в Камбарке за то, что я Зайку приставскую веслом по мокрой заднице огрел легонько, а по мокру от дождя шлепок получился добрый.

– Ну, Зайка-то ведь [с се] ла, где она теперь, интересно?

– И у меня, Иванко, хорошо пришлось. Пусть посматривает да вспоминает! Неправда ли?

– Чёрт её знает! А может, и в самом деле, такой обычай, Вася?! А уж набожила-то нам на дорогу она крепко, Иванко! Вот чертовка!

– Да ну, в её божены я не верю, чтоб ей самой парни в бане бока намяли до угару со взблёвом.

Так путники шли и обсуждали Наську, ночёвку, баню, хозяев всю дорогу до самого Малмыжа, и только иногда в их разговоре бывали короткие паузы молчания, где им приходилось переходить заметённую пургой дорогу. В Малмыже они сразу направились искать квартиру учителя, чтобы уточнить свой маршрут. Совет хозяина в Буреце они взяли всё же под сомнение, да и сам он, давая советы, был не уверен в своей правоте.

Квартиру учителя разыскали быстро, но домик оказался под замком, и в окнах света, несмотря на позднее время, было не видно. Стучать было бесполезно, и они вышли за ограду. Выйдя на улицу, они встретили мужчину, идущего по направлению к ним. На голове у него – белая шапка меховая (очевидно, заячья), на плечах надет черный дублёный полушубок. В правой руке он держал белый узел, в котором, как потом выяснилось, было завернуто пальто. Под мышкой левой руки у него была зажата тросточка. Поравнявшись с ребятами, он сразу обратился к ним:

– Вы что, ко мне заходили?

– Мы хотели бы встретиться с местным учителем, переговорить с ним.

– Так вот я и есть учитель. В чем дело? Чем могу служить?

Выслушав ребят и узнав, что они идут из Сарапула за Казань учиться, с удивлением сказал:

– Надо думать, надо думать – в такую даль пешком, да еще зимой. Что ж – давайте пойдем до дома. Только, ребятки, предупреждаю,– обернувшись к ребятам, следующим за ним,– жена у меня с дочуркой и с сынишком уехала в соседнюю деревню погостить к своим родителям, так что я домовничаю один.

Открыв замок и распахнув двери, предупредил:

– Заходите, только осторожней, в темноте не запнитесь об дрова, к утру на истопку приготовил.

За стеной из избы послышалось мяуканье кошки.

– Сейчас, сейчас, Мурка, выпущу! – и, нащупав скобу двери избы, открыл дверь.

Пока хозяин зажигал стоявшую в углу на кухонном столе лампу, ребята стояли у порога. Появившийся свет от лампы осветил лицо учителя, рядом стоявшую русскую печь с черным зёвом и, прямо перед ребятами, дверь в комнату.

– Снимайте ваши мешки с плеч и вот сюда кладите, на скамейку в угол. Так, а теперь давайте знакомиться, как вас зовут?.. Ну вот хорошо, Ваня и Вася, а меня –

Степан Ильич (точно не запомнил ни имени, ни отчества – да простят меня годы!). Раздевайтесь и проходите в комнату, а я сейчас выну чайничек из печи и погреемся около него.

В комнате было тоже темно, и ребята, зайдя, всматривались в обстановку, приглядываясь, где бы присесть.

– Так, ребята, налево от вас у стены скамеечка есть! Узел-то с моим пальто скинете на пол – и садитесь. Я скоренько огонь принесу!

Скамейку ребята в темноте все же разглядели. Узел они взяли и, сев на скамейку, положили его к себе на колени. У печки прогремела заслонка, и Степан Ильич, держа в одной руке чайник [из] белой жести, а в другой пятилинейную, со стеклом лампу, вошел в комнату.

– Вот сейчас мы и побалуемся чайком! – проговорил он, устанавливая чайник и лампу на дощечку, лежавшую на столе поверх немудреной скатерочки, и взялся за уборку стопы тетрадей со стола.

Сходил на кухню и вернулся с тремя чайными чашками и булкой хлеба домашней выпечки. Нарезая хлеб ломоточками, проговорил:

– Садитесь, не стесняйтесь! Чем богат, как говорят, тем и рад! Чай-то мы морковный пьём, оно, пожалуй, для здоровья полезнее! Варить я сегодня ничего не варил: без семьи совсем разленился.

Налив в чашки чай, он спохватился:

– Да подожди-ка, ведь молоко есть в подполье! – и пошёл за молоком.

Забелив чай молоком, сказал:

– Вот ведь как плохо без хозяйки-то! Пейте, ребята, не стесняясь! Говорите, в школу учиться мастерству идёте?

За чаем ребята ему всё рассказали: и о школе, и как война помешала, как им пришлось поздней осенью от Казани пешком добираться до дома, как, получив вызов, они снова пустились в дорогу. Рассказали и о приключениях в дороге. Слушая про ночёвку в Буреце, про баню и про проказницу Наську, о приключениях ребят в Буреце, он изрядно нахохотался и, успокоившись, пояснил:

– Да, так, ребята, в здешних деревнях принято и девкам, и бабам с парнями и мужиками мыться, не стесняясь, как придётся. А вы да и стушевались! И не помылись! Ой, уморили! – сам заливался хохотом.– А Наська-то, Вася, наверное, отпечаток твоей ладони и сейчас разглядывает! – и снова залился смехом.

Успокоившись, сказал:

– Ну, будете чаёвничать. А уж как жена приедет, обязательно расскажу и про вас, и про ваши приключения! Вот уж она посмеётся!

Закончив чаепитие, Степан Ильич спросил ребят:

– Говорите, из Буреца сюда пришли? И вам сказали, что идти на Малмыж?

– Да, Наськин отец говорил, что можно и на Кошкино, только дорога будет хуже, и можно на Малмыж, дескать, дорога лучше.

– А ну-ка, посмотрим по карте! – и он вынул из деревянного ящика с книгами замызганную, видавшую виды карту и, расстилая её на столе, пояснил:– Храню как ценность, не достанешь нигде! Давайте будем смотреть.

На карте были обозначены города и крупные населённые пункты. Нашли Сарапул, Агрыз, Можгу, Малмыж, но Буреца на карте нет.

– Ну, не беда, ребятки! Мы вниз по реке отмеряем по масштабу, кажется, вёрст двадцать пять до него, тут и Бурец с вашей Настенькой будет!

Отмерив, он ткнул в парту карандашом, видимо, хотел поставить точку.

– Ну а где ваша школа? Как говорите – Сундырь, а иначе Мариинский Посад на Волге, и пристань есть пароходная?

Нашли Чебоксары, а ни Сундыря, ни Мариинского Посада не оказалось.

– Может, вы спутали? Покажите-ка, как в документах-то у вас?

Посмотрели – правильно: школа инструкторов и Мариинский Посад.

– Тогда давайте опять по масштабу отмеривать. Говорите, сто две версты от Казани вверх по Волге?

– Да, так говорил нам матрос на пароходе.

– Ну, значит, вот где,– отмерив, указал он точку, на продырявленный сгиб карты. Присмотревшись ориентировочно, сказал.– Вот оно и сбылось Наськино вам пророчество! В самом деле заблудились ведь! Нагадала – как в руку положила,– смеясь, проговорил он.– Вот на деревню Кошкино, она южнее, я там бывал – было бы правильнее. Говорите, выше по Волге на сто вёрст от Казани, но смотрите-ка, как от самой Казани Волга[313] делала изгиб. К Казани-то она подходит с запада, а вы пошли от Буреца, от Настеньки вашей, чуть не на север.

Шутки шутками, а его шутки ребят озадачили.

– Если вы так пойдёте, то знаете, куда придёте? Не на Волгу, а в Архангельск! Знаете, где он?

Ребята взволнованно переглянулись.

– А вот теперь смотрите. Из Казани-то вы домой шли на Елабугу, смотря по карте, выходит, тоже сделали ошибку. Надо было взять направление не на Елабугу, а на Вятские Поляны[314]. Так ведь?

Ребята, глядя на карту, соглашались с Ильичом.

– Куда же теперь вас направить? Если на Арск[315], это прямо на Казань будет, а вам хочется миновать Казань несколько правее. А если и в самом деле двинуться вам через Казань?

– Нет уже, мы её лучше обойдём, а то опять нас обокрадут,– не соглашались ребята.

– Тпру ты, то ворьё, то Наська! Тогда вот мой совет! Видите, дорога с Малмыжа на Казань сперва идёт правее, а потом,– смеряв по масштабу,– после семидесяти вёрст поворачивает влево на Казань. Так вот, вы денька два-три идите по ней, а потом, посоветовавшись с грамотным или бывалым человеком, возьмёте направление несколько вправо, минуя Казань. Идёт так?

---

[313] *Волга* вписано поверх строки.

[314] Вятские Поляны – село в Малмыжском уезде Вятской губернии, ныне город в Кировской области.

[315] Арск – город в Казанском уезде Казанской губернии, ныне город в Татарстане, районный центр.

– Пожалуй, так и придётся,– согласились ребята.– А какие нам на этом пути будут попадаться деревни, Степан Ильич?

– Деревни будут. Бывал как-то я по этой дороге до Арска. Помнится, у нас ночёвка была в селе Балтасы[316]. Это вот, пожалуй, и будет вёрст семьдесят. Пойдёте и спрашивайте Балтасы, а от Балтасов и расстанетесь с этой дорогой.

Утром на рассвете Ильич показал им [дорогу] на деревню Ура[317]. Распрощавшись с ним и забрав котомки, они двинулись в путь. Несмотря на прошедшие бураны, дорога, по которой они шли, была укатана.

– Вот так, Иванко, и верно мы шли неправильно,– заговорил Вася.

– Да уж не так много мы взяли неверно-то! Вот теперь исправили. Какое спасибо-то Ильичу, растолковал всё нам. Я так до Москвы бы согласен идти, только бы были такие ночёвки. А ну, Вася, затянем песенку, как раньше бывало. Веселей будет идти! – и запели:

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит –
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.
Извела меня кручина,
Подколодная змея,
Догорай, моя лучина,
Догорю с тобою я!
Не житьё мне здесь без милой,
С кем пойду теперь к венцу?
Знать, судил мне рок с могилой
Обвенчаться молодцу!
Расступись, земля сырая,
Дай мне, молодцу, покой,
Приюти меня, родная,
В тихой келье гробовой[318]!

Пропели и задумались. Впереди стеной стоял сосновый бор. Ветер тихонько шевелил, покачивал нагруженные шапками снега ветки. Кой-где по сторонам дороги снежные шапки срывались с ветвей и падали на пуховый покров снега, пронизывая снежную постель, а за комом снега с сосны, как небесный Млечный Путь, падали густой полосой мелкие снежинки. Из стороны лесочка вылетела кем-то вспуганная сова и пролетела перед ребятами так близко над головами, что можно бы было её шапкой сбить.

– Вот чёртов слепыш! Японская курица! – проговорили вслед улетевшей птице ребята.

---

[316] Балтаси – село в Казанском уезде Казанской губернии, ныне – Балтаси, посёлок городского типа Татарстана, районный центр.

[317] Ура – село в Казанском уезде Казанской губернии, ныне село в Балтасинском районе Татарстана.

[318] «То не ветер ветку клонит» – песня, автор музыки А. Е. Варламов, автор слов С. И. Стромилов.

Вспомнили наивный случай в детстве о продаже на бабки соседу, товарищу Фролу, совиных птенцов на цыплят от японской курицы.

– Ох и глупы же мы тогда были! То пароход хотели сделать на деньги от продажи тёлки, чтоб делал волны на Каме в высоту нашего дома, то совиных цыплят приняли за цыплят от японской курицы! Обманули Фрола, у которого уж, наверно, и косточки сгнили! А помнишь ещё случай, как мы в Вязниковом болоте наловили вместо рыбок головастиков лягушиных – полные запазухи, и мам попросили пожарить?! – вспоминали они, перебирая свои глупые детские проказы.

В разговорах да с песнями прошли населённый пункт Ура. Спросили, далеко ли впереди есть по дороге деревня, и, надеясь добраться за день до неё, пошли дальше.

– Пойдём, пойдём, Иванко, и так, наверное, намного опоздали!

В следующую деревушку пришли уже [за] темно. Квартирку ночевать нашли без особого труда, но, зайдя в избу, они заметили, что у хозяина и хозяйки больные глаза, да и у ребят потом они обнаружили признаки болезни. Боясь заразиться, а они о [б] этой болезни слыхали, они[319] стояли у порога в нерешительной позе и готовы были подыскать другую ночлежку, но и хозяин, и хозяйка, почти в один голос, сказали:

– Раздевайтесь, раздевайтесь, молодые люди! Чего испугались?! Ночуйте!

Пошептавшись между собой, решили: чай из их посуды не пить, не умываться из умывальника, а на дворе чистым снежком. Сбросили со спин котомки и пошли на улицу умыться снежком. Зайдя в дом, сунулись за холщовыми, взятыми из дома тряпками, в которые их мамы завернули подорожники, и обнаружили у того и у другого по полкараваю ржаного подстывшего хлеба.

– Как так? – думали они.– Подорожники мы уже давно приели, и хлеба в котомках не было ни крошки, а снова оказался хлеб!

Сложили обе половинки и убедились, что это один и тот же каравашек разрезан пополам. И тут только догадались, что это им Ильич, учитель, пока они спали, сунул на дорогу. Хозяева следили, что они делают. И умывались снегом, и утирались какими-то тряпками, и примеривают какой-то каравай. Делить, что ли, хотят?!

Хозяин глядел, глядел подслеповатыми глазами на ребят, всё же догадывался, в чём дело, и заговорил чистым русским языком:

– Не бойтесь нас, ребята! Мы вас за один стол не посадим. У нас частенько ночуют проезжие, так у нас и чашки, и ложки имеются отдельные.

– Да мы и такую посуду всегда после приезжих кипятим,– вмешалась хозяйка.– И уж, Боже упаси, ни мы, ни дети их не берём для себя. Ведь и среди приезжих есть всякие! Вот, смотрите, вся посуда на полке отдельно!

– Нас уже постигло несчастье,– заговорил опять хозяин,– так мы никому не желаем этой беды. Лучше бы меня взяли в армию, чем переносить такое несчастье! А вот не берут из-за глаз! Хлебушко, я вижу, у вас свой есть, а в кипятке, думаю, нет заразы. Глядите, глядите, боитесь – можете в другом доме попроситься ночевать! Мы не держим!

Ребята попереглядывались, но кипяток взял своё, и они решили переночевать.

---

[319] *Они* вписано поверх строки.

Как бы то ни было, а ночь прошла в сомнениях, поэтому ребята проснулись рано. Вся семья хозяев ещё спала, и ребята тихонько перешёптывались между собой, ожидая, скоро ли встанут хозяева и зажгут керосинку. Первой встала хозяйка. Зажгла лампу, оделась и вышла на улицу. Хозяин тоже зашевелился и спросил, прочувствовал, что ребята не спят.

– Не спите, парни?

– Выспались.

– Ну сейчас хозяйка затопит печку, сварит картошки и закусите.

– Нам надо бы на Балтуны, что ли, туда к Казани.

– Есть, есть такое село, только не Балтуны, а Балтасы.

– А далеко до него?

– Вёрст шесть-семь будет!

– О, что как у нас до Армязи, пойдём, Вася!

И снова пред ними дорога, а сзади отпечатки их ног.

Дорогой обсуждаем ночёвку:

– А ведь боязно же было, Ваня. И жалко было смотреть на всех. Я думаю, всё пройдёт благополучно. И ведь всё-таки сознают о своём несчастье и не желают другим – сознательные. У нас, ведь ты знаешь, тятечка в ночёвке никому не откажет, и посуду тоже держат отдельно, а после мама обязательно прокипятит.

– А наш тятька говорит, что надо обязательно глаза мыть мылом. Всяку болезнь отъест, говорит.

– Да, видел я, как он в бане мыльными пальцами по глазам терёт да покрякивает, приговаривая: «А, хорошо! Мыль глаза, Васятка, болезни не будет, и глядеть будешь дальше!» Помню как-то раз я попробовал, так заревел, а тятька смеётся да хвалит. Вон, говорит, братик у меня глаза с мылом не моет, так в очках читает. Федюню тоже научил с мылом глаза мыть.

В деревню пришли ещё раненько – говорили, вёрст шесть-семь, а тут не больше пятка, рассуждали ребята – и остановились на улице, решили спросить, есть ли близко по дороге деревушка. Узнав, что верстах в шести есть ещё по дороге деревня, снова двинулись. Пройдя версты три, вспомнили совет Ильича-учителя, что от Балтасов нужно идти несколько правее и, махнув руками, пошли – Казань так Казань! А может, кто и ещё даст совет! Дни короткие, и до деревни дошли поздним вечером. С ночёвкой благополучно устроились. Хозяева – старик со старушкой. Хозяин глуховатый, говорить приходилось громко, но из рассказов ребята поняли, что хозяин человек бывалый:

– В Арске бывал, в Казани бывал, в Вятских Полянах бывал. По молодости по Волге от Казани до Нижнего [Новгорода] хаживал. И ваш Сундырь знаю, и здесь окрест деревни знаю. И бурлаком, и плотником, и грузчиком робил, а вот теперь сижу, ноженьки болят, слаб и глуховат стал. О Господи! Изъездился на своём веку! Ведь уж скоро до восьмидесяти доживу! Силушка-то была – робил, и денежки велись. Двух сыновей да дочь с матерью-то воспитали. От них внучат возымели – отдельно жить ушли. Ну, старуха-то у меня помоложе – всё же ещё ведёт хозяйство. А уж тоже –

её задень, то песочек начинает сыпаться! Вот так и живём мы с ней. Дети-то когда помогут, да ведь и у них свои семьи! А вы сами-то откуда будете?

– Из Сарапула мы – город на Каме.

– Ой, ведь вы уже сказывали мне, да я запамятовал. Слыхал я про Сарапул-то от матросов на Волге, да не привелось бывать-то! Про войну-то чё-нибудь слышно, ребята?

– Нам учитель говорил, что идут сильные бои.

– О Боже наш, Боже! Жили плохо, ещё хуже стало! Умирать уже надо, чтоб не видели наши глазоньки! Вон и наши сыночки вот-вот как пойдут в армию, что тогда будет! Останутся сиротки, куды мы с ними? Ведь наши кровные дети, внучатки, ох как больно отцам, матерям! У вас ведь тоже отцы, матери, поди-ка, есть? Разве они не думают о вас?

– Да как не думают? Думают, конечно! У моего отца и мамы два сына на войне, и письма от них получают редко,– проговорил Иванко.

Попили чайку, а перед тем как ложиться спать, попросили хозяина подсказать им, как и по каким дорогам идти на Сундырь.

– Доведись бы мне идти туды, я бы тоже на Казань не пошёл. По тракту – да, на Казань пойдёте. На Волжск[320] надо держать.

– Вася, ну-ка запиши!

– Отселе пошёл бы на Пошалым[321], дорога-то хоть не торная, а есть. Летом бы было лучше, дак воды опять много, ну зимой воды нет, дак снег опять. Дальше-то, дай бог памяти, Пошалыма, будет, кажись, Мендюш[322], далее будет Наласа[323] деревня, ещё далее Ковали[324], дальше держать – Ключи[325]. Может, память-то, ребята, у меня стариковская ведь, больше спрашивайте, чтобы не заблудиться, спаси бог. Есть ведь добрые-то люди в деревнях, скажут. На Волгу выйдете, тут и Сундырь будет близко. А теперь давайте спать. У меня старушка набегалась, дак уже спит, и меня ко сну клонит.

Ребятам для спанья он отвёл полати, а сам к хозяйке прилёг на печи. Ребята на полатях устроились было хорошо, но, только как свету в избе не стало, тараканы, как по сигналу, зашуршали в щелях потолка, нет-нет да падали на ребят. Сперва ребята отмахивались от них, но[326] сон и усталость одолели, и они заснули, сдавшись на их произвол.

---

[320] Автор путает. Волжск появился только в 1938 г., правильно – село Лопатино Чебоксарского уезда Казанской губернии. Ныне – город в Республике Марий Эл.

[321] Верхний Пшалым, Средний Пшалым или Нижний Пшалым – сёла Казанского уезда Казанской губернии, ныне сёла в Арском районе Татарстана.

[322] Мендюш – деревня в Казанском уезде Казанской губернии, ныне деревня в Арском районе Татарстана.

[323] Наласа – деревня Казанского уезда Казанской губернии, ныне село в Арском районе Татарстана.

[324] Большие Ковали – село в Казанском уезде Казанской губернии, ныне село в Высокогорском районе Татарстана.

[325] Большие Ключи – село в Казанском уезде Казанской губернии, ныне село в Зеленодольском районе Татарстана.

[326] После *но* вычеркнуто *тараканы всё же не сломили.*

Утром ребята проснулись раненько, но и хозяева уже были на ногах. Хозяйка-старушка топталась у печки, постукивая: то кочергой пошевеливая трескучие еловые головёшки, то постукивала ухватом о печь после перестановки кипящих чугунков. Хозяин-старичок сидел на лавочке у стола и чистил парящую горячую картофель, складывая её в деревянную большую миску. Закончив работу, взял толкушку и, посолив, начал толочь, подливая из крынки молоко.

– Ну, хорошо ли спали, ребята? – спросила [хозяйка] ребят, слезавших с полатей.

– Хорошо!

– Ну, тогда вон туды, в печку идите умываться, да и за стол, завтракать будем! – шепелявила она беззубым ртом.– Толчёнку будем есть! Да вон там! – указала она на подвязанную над лоханкой крынку, служившую умывальником.– Давно уже идёте в дороге-то? – спросила она, их усаживая за стол.

– Да как сказать-то, хозяюшка! Дни-то мы в дороге потеряли. Уж вроде больше недели.

– Вот, поди, родители-то о вас беспокоятся? Хлебайте толчёнку-то на здоровье!

Расплатившись со стариком за ночлег пятнадцатью копейками, ребята направились в дорогу. Хозяин, одев шубоньку, вышел следом проводить их.

– По деревне-то, ребята, дорога на Казань, а вам направо-то, в проулок, дорога на Пошалым, туды и идите с Богом!

– Спасибо, спасибо, дедуля!

– До Пошалыма-то вёрст двенадцать будет! – прокричал он вслед удалявшимся ребятам и вернулся, прихрамывая, в дом.

И снова пред ними тянется, извиваясь, дорога. Да какая дорога! Вот вчера они шли, то ещё можно было считать дорогой, а сегодня – так, заячья тропка! Да сколько попадает на ней перекрёстных разветвлений! Не учти ребята советов провожавшего их дедули, ошибись на встречных дорогах – и уйдёшь или в другую деревню, или к стогу сена, а дальше? Хоть ворочайся обратно, пока не замело следы снегом. Какие [люди] могут быть в зимнее время между глухими деревнями?! Разве только вздумает кто к празднику съездить навестить родственников, или лавочники провезут от деревни до деревни свои товары, и всё это случается не каждый день.

На ночёвке дед, спасибо ему, провожая и правильно строго наказывал:

– Идите, ребята, только по вешкам [327]! Может случиться, вешки сбило по дороге ветром, смотрите рядом! Пойдёте – вешек нет, значит идёте не той дорогой.

Так ребята и шли по этим воткнутым по сторонам дороги то еловым веткам, то тальниковым вершкам, то просто палкам, отмечающим дорогу от деревни до деревни. Ребята были знакомы с этими указателями пути, как бакенами на реке, а вешки – зимней дороги. Даже от Ершовки до Сарапула у них в разных местах ершовцы устанавливали [вешки] в зимнее время по дороге от села и до Сарапула, и до соседней деревни Армязи. Эти спасительные маяки и привели ребят к деревне. Зайдя в деревню, посмотрели запись деревень, рекомендованных дедом по дороге,

[327] Вешки – ветки, отмечающие зимнюю дорогу (сухопутную или через замёрзшую реку).

и, спросив жителей дорогу на деревню Ковали, тронулись в путь. Но, пройдя ещё вёрст 10 или 13, вошли ещё в какую-то деревню, только не Ковали. Спросив жителей деревни и узнав, что Ковали от деревни далеко, около двадцати вёрст, они решили в этой деревушке заночевать.

– Двадцать вёрст, Иванко, по такой дороге нам не пройти сегодня! Давай здесь переночуем, а где дорога будет получше, нагоним!

На этот раз дорога и вправду измаяла изрядно, и они рады были отдохнуть в тёплой избе, попить с дорожки горячего чая или кипяточку. Дорогой им обычно редко приходилось делать передышки. Если где и решались они передохнуть, разгорячённые, порой потные, быстро ощущали холод и снова бросались в дорогу. А вот на ночлегах ох как приятно было и согреться, отдохнуть, и крепко-крепко заснуть!

Переночевав в деревне, ребята двинулись на деревню Ковали. Жители в Ковалях сказали, что они[328] прошли от проходной деревни не больше двадцати вёрст, а[329] пришли они поздним вечером и устали так, что рады были добраться до места. Хотелось есть и пить, но хлеб, подарок учителя, не сэкономили. Пришлось даже крошки из мешков разделить между собой. Благо что на ночёвке хозяева не поскупились и накормили нас похлёбкой, заправленной картофелью, морковкой и молочной забелкой[330].

Утром, собираясь в дорогу, насмелились попросить у хозяев продать нам на дорогу булку хлеба. Хозяйка вынула каравай, взяла безмен и, взвесив каравай, подала ребятам, сказав:

– На семь копеек вытянула, ребята.

У ребят семи копеек не нашлось, дали ей два пятака. Хозяйка, тряся кошёлочкой, начала было искать сдачу, но ребята, отблагодарив на приём, вышли из дома.

– Ну теперь хлебушко есть, давай, Иванко, сегодня поднажмём!

– Давай, давай! Погода-то сегодня стала получше, только вроде морознее, чем вчера.

– Лишь бы ветра не было.

От мороза снег подёрнулся коркой, и им идти было легче.

Затянули снова песню, чтобы идти было веселей:

Сижу за решёткой
В темнице сырой,
Вскормлённый в неволе
Орёл молодой.
Мой грустный товарищ,
Махая крылом,
Кровавую пищу
Клюёт под окном.

[328] После *что* вычеркнуто слово *они; ребята* вписано поверх строки.
[329] После *а* вычеркнуто слово *ребята*.
[330] Забелка – продукт на основе молока, обычно используемый для приправы блюд.

Клюёт и бросает,
Сам смотрит в окно,
Как будто со мною
Задумал одно.
Зовёт меня взглядом
И криком своим
И вымолвить хочет:
«Давай улетим!
Мы вольные птицы,
Пора, брат, пора,
Туда, где за тучей
Белеет гора!
Туда, где синеют
Морские края,
Туда, где гуляет
Лишь ветер да я!»
Я рад бы с тобою,
Орёл, улететь,
Да век суждено
Мне в тюрьме просидеть!
Закованы руки,
И ноги в цепях,
Нет силушки больше
В могучих плечах[331]!

– Да, Вася, идём да поём. А что вот, наверно, на войне в эти минуты убивают друг друга! Что-то совсем невероятное происходит на земле!

– Да, пожалуй, так, Иванко! – и задумались, а потом Вася продолжил: – Сколько убийц? Калек? Помнишь, Иванко, что говорил солдат без ноги на пароходе? И неужели там, на фронте, спрятаться негде?! Ведь есть же там леса. Забрался бы, чтобы было не видно, а кто хочет воевать, пусть бы и подставил лоб. Не могут там солдаты пустить нашего Николашку, свести с Вильгельмом? Пусть бы и колошматили друг друга, как раньше богатыри!

– Вот бы верно, Вася! Посмотреть бы на них, как бы они бросились один на другого с оскалом зубов!

И оба засмеялись над своими фантазиями.

Начало подмораживать, и потянуло северным резким ветерком. Небо ясно, ни одной тучки. Солнце, как принято говорить, одело шубёнки. Ребята, хотя и на ходу, но отворачивали лицо от резкого бокового ветра. После полудня зашли в деревню. Спросили жителей – далеко ли до следующей деревни, и получи[ли] ответ, что [через] вёрст семь или восемь по направлению на Волжск будет село Ключи. Отогревшись в избушке, решили двинуться дальше. Мороз явно крепчал. И ребята пожалели,

[331] Стихотворение А. С. Пушкина «Узник».

что не остались в деревне переночевать. До Ключей ещё не добрались, задумали было передохнуть, но, присев на подогнутые прутья густого кустарника сбоку дороги, почувствовали, что мороз крепчает, пронизывая насквозь ватные лёгонькие полупальтушки.

Решили добираться лучше до деревни, пока не замёрзли.

– Ох и морозит, Иванко! То ли Рождество, то ли Крещение заморозило[332]! А вот, смотри-ка, пожар, что ли, за нами? Солнышко уже не видно, а там какое оранжевое небо!

– Интересно, Вася! Вот бы изобразить такую картину красками! Красиво бы было!

Но вскоре они убедились, что за ними не пожар, а месяц, как из подземелья, несмело вылезает на ночное дежурство, облачённый световыми кругами. С восходом месяца снег начал отливать на поверхности миллиардами святящихся искр. Начавшаяся темнота после захода солнца сменялась бледным лунным светом. Наконец, добрались до деревни Ключи. У первого встречного попросились на ночёвку. Этот первый встречный, прежде чем согласиться на их просьбу, начал задавать ребятам вопросы: кто, откуда, чьи, зачем, куда идёте. Иззябшие, утомлённые ребята, объясняясь встречному на улице, хотели отвязаться от этого назойливого старикашки и постучаться с просьбой в одну из изб, и было уже начали отходить от этого старичка, но он задержал их:

– Подождите, куда пошли? А документы какие имеются? Я десятский, мне надо знать, кто вы! Много ли шатается народу. Сейчас война идёт!

И когда ребята сказали, что имеют документы, старичок сказал:

– Ну-ка, пойдём ко мне. Дома, на свету, посмотрим документы.

Зашли в дом.

– А ну, где ваши документы? – запросил десятник.

Ребята полезли было во внутренние карманы за документами, но руки закоченели, пальцы на руках не слушались. Нужно было расстёгивать пуговицы у пальтушек, но все уловки применяли, а пуговицы расстегнуть не могли. На их счастье [в этот разговор] ввязалась хозяйка-старушка:

– Отец, да дай робятам[333] руки отогреть! Видишь, перемёрзли! Да откуль[334] их Бог несёт в клятые-то морозы! Идите, робята, вот к печке, скоро согреетесь.

Однако Ваня попытался расстегнуть у Васи пуговицы, и ему это удалось. Вася достал пакет свой с вызовом из школы и подал придирчивому старику. Старик взял пакет и, чтоб прочитать, что там написано, позвал сына:

– Вовка, ну-кось, прочти, что за робяты, говорят, идут учиться.

Вовка, парень лет пятнадцати, валялся на полатях, живо переметнулся через брус полатей и взял у отца из рук пакет. Сперва прочитал адрес на пакете: Пермская

[332] В православные праздники Рождество Христово (25 декабря по юлианскому календарю и 7 января по григорианскому) и Крещение Господне (6 января по юлианскому календарю и 19 января по григорианскому) было самое холодное время.

[333] Здесь и далее так в документе, правильно *ребята*.

[334] Здесь и далее так в документе, правильно *откуда*.

губерния, Осинский уезд, село Ершовка Осинского уезда, Деськову Василию Ивановичу. Вынул содержимое конверта и прочитал: «Настоящим извещаем вас, что с 1 января 1915 года занятия во вверенной мне школе будут возобновлены. К означенному сроку вы обязаны прибыть для продолжения образования. Директор школы инструкторов В. П. Бабушкин».

Десятский, слушая чтение Вовки, стоял, раскрыв рот, а ребята переминались с ноги на ногу, разминая ноги.

– Так вот оно что, и вправду идёте в школу? Ну и куды вы сейчас, робяты? – проговорил старичок.

– Да нам бы где-то переночевать.

– А у те [бя] тожо такой документ? – обратился он к Ване.

– Такой! Показать?

– Ежели такой – не надо. Так вам переночевать надо? К кому же вас послать-то? А ежели, мать, у нас ведь найдётся место-то? – обратился он к старушке-хозяйке.

– Дык пусть с Вовкой на полатях переспят! – ответила она.

– Надо бы старосте сообщить, что в селе есть пришлые, да ну, завтра увижу, дык скажу. А вы тоды раздевайтесь, грейтесь! Может, мать, чай не остыл, попой ребят чаем.

Как ни старались ребята отогреться за горячим чаем, а намёрзшее тело всё как будто знобило. Хорошо, что ещё им не пришлось за чаем грызть застывший хлеб. Старушка-хозяйка, посмотрев на их остылый хлеб, взяла его и положила отогревать в печку, а им на стол дала по куску своего. Сидя за столом и после чая улегшись спать, ребята прислушивались, как на улице постукивал по избе и сенцам мороз.

Проснувшись утром, с замиранием сердца поглядывали на крепко промёрзшие окна и дверь, да и в избе за ночь изрядно повстыло. Не хотелось им в такой мороз пуститься в дорогу, но говорить и упрашивать строгого десятского, чтоб ещё разрешил им остаться на сутки, не посмели. И лишь когда они утром завели разговор с хозяином, по какой дороге им идти на Волжск, хозяин удивился:

– Да что вы, куды пойдёте в такой мороз! До деревни, почитай, около двадцати вёрст! – проговорил он.– Застынете дорогой, а потом нас затаскают из-за вас! Уж, может, завтра будет потеплее! Ночевайте ещё до завтрова!

Ребята были чрезвычайно рады такому обороту дела. Отблагодарив старичка, снова залезли на полати и проспали до вечера. И, пожалуй, не проснулись бы, да Вовка заёрзал на полатях, укладываясь, видимо, спать.

Холод холодом, но до школы добираться нужно. Нужно обязательно. Ведь они и так к началу учёбы запаздывают. Да и что, если из-за опоздания их в школу не примут, что тогда? Идти обратно – они и так уже измучились. Правда, они и раньше любили путешествовать. Как-то из-за любопытства они из Камбарки ходили же в Николо-Берёзовку, и второй раз, в пасхальные каникулы[335], по мокру шлёпали из Камбарки же в село Михайловку, к брату Павлу в гости! Но что это за походы?

[335] У учащихся школ, гимназий училищ и университетов Российской империи было три каникулярных периода в году – летние каникулы, рождественские каникулы зимой и пасхальные каникулы весной.

Всего вёрст двадцать-тридцать! А тут только пришли из Казани, и почти не успели передохнуть – снова в путь! Идти и идти без страха по незнакомым местам, наперекор буранам, метелям и морозам! Порою слепит глаза, вязнут ноги в снегу, щиплет лицо, пальцы рук, коленки морозом, но шагать надо. И они шагали, порой до изнеможения. Уставшим казалось, что они не шагали, а, навалившись вперёд, чувствовали лишь, что не они шли по дороге, а дорога гибкой лентой, окаймлённая ветками, шла им навстречу.

Переночевав две ночи у строгого десятского, ребята, расспросив дальнейшее направление для выхода на Волгу, решили двинуться в путь. Через две ночёвки, путаясь по малым деревушкам, они всё же вышли к Волге, но где? Дорога их вела через Волгу, и вторая от неё потянулась вверх по берегу Волги. Больше ребятам, как будто, и не нужны были советы жителей. Знай шагай подле волжского русла. «Эх ты, Волга-матушка!» – вспоминали они песню, но петь не стали – не до песен!

– А ведь вот что я, Вася, иду и думаю…

– Чего?

– Помнишь, как мы ехали на пароходе, здесь, по Волге, и как пароход на перекатах кидался от берега к берегу? Мне кажется, до впадения в неё Камы, она меньше Камы. А ведь вот интересно, почему по географии считают, что Кама впадает в Волгу? Я бы считал по величине этих рек, скорее всего, Волга впадает в Каму? Не так ли?

– Я, Иванко, с тобой согласен. И надо бы считать, что Волга – приток Камы, а не Волга впадает в Каспийское море, а Кама с её притоками. Было бы более правдоподобно. Хорошо, Иванко, что мы до неё добрались! Теперь уже не собьёмся – всё шагай подле берега. Я думаю, до Сундыря осталось вёрст шестьдесят?

– А вот дойдём до какой-нибудь деревни – спросим. Говоришь, подле берег, не собьёмся? Хорошо подле берег, если есть дорога да будут попадаться деревни! Я ещё вот что думаю, Вася: где мы идём? Ведь может случиться, что мы слишком взяли по дорогам вверх, да и на Волгу вышли выше Сундыря по Волге.

– Если так, то, по-твоему, мы от Сундыря идём к Чебоксарам?! Не может быть! В общем, Иванко, в деревне какой-нибудь спросим.

С левого берега Волги дорога повела на правый берег. Ребята недоумевали: «Куда повернула дорога?» Но, всматриваясь вдаль, заметили расположившуюся деревушку. «Вот туда повернула дорога»,– заключили они. В деревушке, до которой дошли они, им сказали, что до Сундыря будет вёрст двадцать пять. Рассчитывая ещё за день добраться до следующей деревни, о которой им сообщили в деревне жители, они, не задерживаясь, пошли дальше.

Узнав, что до Сундыря осталось немного и что ошибки в дороге не получилось, они точно сбросили с плеч все усталости и тревоги. Одно лишь ещё беспокоило их: как-то их встретят в школе? Не придётся ли им опять мытарится по дорогам обратно или скитаться по Чувашии до пароходов?!

– А ну, Иванко, не может быть, чтобы нам отказали! Ведь испытания мы выдержали и вызовы по рукам! Чего горевать! Давай песню! – проговорил Вася и было затянул: «Эх ты, Волга-матушка!..»

– Давай, только не эту! – перебил Ваня и затянул:

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны,
Выплывают расписные (Васька с Ванькой – проговорил в шутку Ваня)
Острогрудые челны.
На переднем Стенька Разин,
Обнявшись, сидит с княжной.
Свадьбу новую справляет,
Сам весёлый и хмельной!
Позади был слышен ропот:
«Нас на бабу променял,
Одну ночь с ней провозился,
Сам на утро бабой стал!»
Этот ропот и насмешки
Слышит грозный атаман,
Он могучею рукою
Обнял персиянки стан.
Одним взмахом подымает
Он красавицу-княжну
И за борт её бросает
В набежавшую волну.
«Что ж вы, братцы, приуныли?
Эй ты, Филька, чёрт, пляши!
Грянем, братцы, удалую
На помин её души!» [336]

Закончили и замолкли в раздумье. Молчание нарушил Вася:

– Знаешь что, Иванко? А ведь, может, Разин и здесь был, где мы с тобой топаем?
– Конечно, ведь он со своей дружиной гулял по Волге!
– А всё же, Иванко, он неправильно, я думаю, поступил.
– Чего неправильно?
– А такой хороший товар взял да утопил!
– Ну и что? Чтоб было никому не завидно!

Дошли до деревушки, всё же хотя и с песней, и с весёлыми разговорами, но нет-нет да в головы навязывались неспокойные думы о школе. Что-то им скажут? Встретят ли они товарища по Камбарке Костю Маракулина? Хоть Наська бажила [337], чтоб мы дорогой заплутались и чтоб нас снегом замело. Однако не вышло по её – мы на Волге, а вот что будет в школе? Да ну её к чёрту, эту Наську! Пусть она ломится по баням с ребятами да вспоминает нас, посматривая на клеймо! [338]

Так они, сидя на скамейке в доме, где выпросились ночевать, переговаривались между собой. До Сундыря – Мариинского Посада им осталось пройти, как сказали

[336] «Из-за острова на стрежень» – песня, автор слов Д. Н. Садовников, автор музыки неизвестен.
[337] Бажить – желать, сильно хотеть чего-либо.
[338] Далее авторский заголовок *Учиться.*

хозяева, всего около двенадцати вёрст. Спали тревожно. Утром проснулись рано и начали собираться в дорогу. Закусив горячей картошкой, оделись – и снова в решающий путь. В Мариинский Посад пришли после полудня и прямо направились к школе.

Зайдя в ограду школы, встретили уже знакомого сторожа, который их направил в двухэтажное деревянное здание, сказав:

– Идите вон в те двери, там ученики обедают и преподаватель Тараканов с ними. Спросите, чё он вам скажет.

Робко ребята подошли к двери, взялись за скобу, а открыть дверь не посмели, ожидая, что не выйдет ли кто-либо навстречу. Постояли, потоптались и решили войти. Затем в тесный коридорчик. Снова дверь, открыли и увидели сидящих за длинным, по всему помещению, столом.

– Что вам нужно, ребята? – встретила их женщина в белом халате, очевидно, обслуживающая стол.

Заметили их и ученики, с краю сидевшие за столом, повернулись, глядя на пришельцев.

– Вот здорово, братья Деськовы! – выскочил из-за стола Костя Маракулин, побежал встречать своих товарищей-земляков.– Какими судьбами? Пешком! Вот это здорово! – говорил он, подойдя и здороваясь с ними.– Пойдём вон к Вячеславу Илларионовичу! – и потащил их за собой.

Вячеслава Илларионовича ребята знали. Он проводил испытания на приёмных экзаменах, и к нему они обращались, когда приезжали поздней осенью по выяснению, когда будет начало занятий в школе. Вячеслав Илларионович Тараканов, преподаватель школы, рослый, широкоплечий, с широкой, выдающейся вперёд челюстью, спросил ребят:

– Что, ребята, поздно?!

Но когда узнал, что ребята шли до школы четыре сотни вёрст пешком, так и ахнул:

– Боже мой, да вы что, ребятки, правда ли?! Сбрасывайте ваши котомки – да за стол, ведь вы есть хотите! Маракулин, уведи их за стол, а я пойду распоряжусь на кухню, что-нибудь подберём!

К усевшимся за стол ребятам женщина в белом халате поставила две тарелки с овсяным супом, пододвинула тарелку с нарезанным кусочками, ломоточками ржаным хлебом.

– Кушайте, я ещё чайку вам принесу,– уходя, сказала она.

Как рады были ребята такому уюту и угощению, которого они не видели всю дорогу. Школьники, отобедав и поблагодарив тётю Машу, вышли из столовой. В столовой остались лишь Вася, Ваня и Маракулин.

– А я, как осенью приезжал,– говорил Костя,– узнал, что занятий пока не будет, написал об этом домой, попросил, чтоб выслали денег и снял квартиру. Домой не ездил.

«Счастлив, у батяни, видно, деньги есть»,– подумали ребята.

Вернулся к ребятам Вячеслав Илларионович:

– Ну, подзакусили маленько? – спросил он.– Маракулин! – обратился он к Косте,– отведи их в общежитие, там с приходу для них две кровати заправлены. Пусть с дороги отдохнут. А как, братья, завтра? Отдыхать будете или начнём занятия?

– Начнём, начнём! И так опоздали!

– Ну и хорошо! С утра идите в экипажную мастерскую. Маракулин, покажешь им.

Костя повёл их в общежитие, расположенное на верхнем этаже этого же здания, Костя указал им кроватки, отведённые для них. Указал на тумбочки, куда они обязаны укладывать свои вещи. Заставил прочитать узаконенные правила распорядка. Освоившись с распорядком, ребята решили раздеться и лечь отдохнуть. На железных кроватях ребятам ещё ни разу не приходилось спать. Дома, да и в Камбарке, они обычно валялись на войлоках или на полу, или на полатях, а тут, смотри-ка, и одеяло байковое, и подушка каждому, матрацы, и под одеялами на каждой кровати они обнаружили по две простыни. Для чего две простыни они и понять не могли. Решили так, что, когда жарко будет под одеялом спать, видимо, можно одной простынёй одеться. Хотели спросить о лишней простыне Костю, но он ушёл на занятия. На головках кровати обнаружили и полотенца. Это ясно, но вот лишняя простынь? Да и вообще, они не спали даже на простынях, а тут даже две! Решили: придут ребята, будут ложиться спать, присмотримся к ним, что они будут делать со второй простынёй. А пока, раздевшись, они улеглись под одеялом и крепко заснули. Вечером их разбудил Костя:

– Вставайте! Будете [ещё] спать! Пойдём в столовую ужинать! Поужинайте – пойдёте в баню. Так велено, я вас свожу.

После ужина Костя велел им взять с кровати полотенца и [пойти] в баню. Баня, видимо, [была] топлена вчера. Пару не было, и вода уж не так горяча, но они и этим были довольны. Вернувшись из бани в общежитие, снова было завалились спать, но спать им не дали товарищи. Товарищи по школе окружили их кровати и засыпали вопросами. Особенно активен в беседе был поповский сын, Горюнов Коля. Его интересовали дорожные приключения, что испытали ребята. Сам он задумал похвастаться перед ребятами о его путешествии к бабушке в гости, работавшей в соседнем селе просвиркой. Шёл он ни много ни мало – пятнадцать вёрст! Слушавшие его ребята засмеялись:

– И вернулся благополучно?

– Благополучно, я был с мамой, всех богов собрали!

– Наверно, с панихиды о сыне Николае на благодарственный молебен переключились?! – смеялись ребята.– Конечно, не деньги платили, всем отслужил!

Часов в десять вечера в общежитие пришёл Тараканов. Позвонил медным колокольчиком:

– Спать, ребята, и не звука! – проговорил он.

– Корсаков, Николаев, Мальцев! Будете заниматься разговорами? Завтра на уроках наговоритесь! Спать!

Ваня и Вася, укладываясь на кровати, присматривались, как будут ложиться другие товарищи. Куда будут стлать или убирать вторую простыню. И что же, все укладывались, одеваясь сперва простынкой, а поверх одеялом. После узнали, что вторая простыня у них называется пододеяльником. Вячеслав Илларионович дал команду погасить свет и вышел из общежития.

Утром в семь часов прозвенел знакомый колокольчик. По его сигналу все поднялись, заправили каждый свою кроватку и направились в столовую умываться и завтракать. После завтрака Маракулин проводил Васю и Ваню в экипажную мастерскую, а сам пошёл в столярную по своей специальности. Ваню и Васю в экипажной мастерской встретил мастер-экипажник, пожилой, родом из Кунгура[339], Степан Михайлович (фамилию ребята не запомнили). Мастер, узнав от ребят, что они [из] Пермской губернии, отозвался:

– Вот хорошо, земляки мои! Я тоже Пермской губернии, из Кунгура! Слыхали Кунгур-город? Что же мы с вами будем работать? К девяти часам придёт сюда Ларионович, он ужо распорядится. Пока посидите.

Тараканов к мастерской подошёл не один. С ним пришёл и заведующий школой Василий Петрович Бабушкин. Ребята встали и поздоровались.

– Так вот они какие, бесстрашные пешеходы, молодцы! – ответил на приветствие ребят Бабушкин.

Первый день учёбы [прошёл] почти только в том, что Тараканов знакомился с ребятами. Спрашивал их, что и по каким учебникам проходили дисциплины в ремесленном училище. Работали ли по дереву и т. д. Поинтересовался и родителями, чем занимаются, есть ли братья, сёстры.

На второй день Тараканов сказал ребятам:

– Так, братья Деськовы, то, что вы прошли в ремесленном, это хорошо. Здесь мы всё, что вы проходили, будем углублять и ещё добавим предметы, такие как химия и технология дерева со столярным делом. Ведь без дерева ни один экипаж не бывает! Получите у меня учебники и идите к Степану Михайловичу, он вас ознакомит в мастерской с инструментами слесарными, кузнечными, столярными и т. д. А завтра с утра – сюда в класс.

Выдав учебники, Тараканов вышел. Осмотрев мастерскую и инструменты под руководством мастера, ребята вернулись в общежитие и начали знакомиться с учебниками. Вечером написали домой родителям письмо – коллективное. Сообщали в письме, что дошли благополучно и начали учиться. Просили сообщить, где братья Павел и Пётр и что они пишут. Класс экипажников состоял в этом учебном году только из двоих учеников – Васи и Вани. Как потом они узнали, [потому] что из-за сокращения ассигнований на школу приём учащихся был ограничен.

На третий день с утра Тараканов занялся с ребятами технологией дерева.

– Растение есть живое существо и отличается лишь тем, что не обладает свободой движения. Однако и это будет не совсем правильно. В природе есть растения, способные передвигаться, так, например, коралловые полипы, и ловить насекомых. Вы, наверно, слыхали о таких растениях, попросту называемых мухоловка.

[339] Кунгур – город в Пермской губернии, центр Кунгурского уезда, ныне город в Пермском крае.

Дав задание на следующий день, он отправил ребят к мастеру, наказав ему:

– Степан Михайлович! После обеда дай ребятам точить железки к рубанкам и покажи им, как точить. Пусть каждый для своего рубанка выточит! – а сам отправился в столярную мастерскую.

После обеда мастер показал приёмы заточки. Объяснил, под каким углом следует заточка и доводка железок. Работу у ребят проверял сам Вячеслав Илларионович. Проверяя доводку, он проводил лезвием железки на ножке большого пальца левой руки. Подведя лезвие железки к ногтю под углом около пятнадцати градусов, и если лезвие не скользит по ногтю, а врезается, значит, доводка достаточна. После пробует, так ли зазубрены на острие железки. Проверку проводил, проведя лезвием поперёк ногтя. И ребята, проведя заправку, пользовались этими методами. Два дня они провозились с этими железками, а после Тараканов дал заправку железок для шлифтиков[340]. Такая же нудная работа у них была на уроках по черчению. Вячеслав Илларионович по черчению дал задание провести двенадцать окружностей в карандаше на александрийской бумаге из одного центра, начиная с радиуса в один сантиметр и последнюю радиусом в двенадцать сантиметров. И, что главное, ножкой циркуля чтоб не проколоть бумагу.

– Вырабатывайте в руках лёгкость, ребята! – говорил он.

С неделю ребята вырабатывали на уроках черчения эту «лёгкость». А после Тараканов это дело ещё осложнил. Начертить [нужно было] эти окружности тушью, причём малую провести самой тонкой линией, какую может взять рейсфедер, и следующие постепенно утолщать. Последнюю [окружность] – самой толстой. [Тараканов] чертежи проверял на равномерность перехода от тонкой до толстой [линии], на точность залегания окружностей и на свет – не проколота ли бумага и как заточены ножки циркуля. И эти упражнения одолели ребят. Перешли на черчение двенадцати линий тушью. Опять – от самой тонкой с переходом на самую толстую. С таким черчением ребята справились за два урока, но на следующем задании засели. Нужно было те же линии [нарисовать] тушью, но самую тонкую – мелкими точками, потолще – пунктиром, следующую – пунктир с точкой, две точки и т. д. Казалось бы, выполнить можно легко, но трудно оказалось выполнить пунктиры из более толстых линий, чтоб меньше пунктиры, как начало, так и отрыв рейсфедера, пунктир был как отрублен.

– Так, так, ребятки, старайтесь, чтобы пунктирчики не походили на сосиску,– подбадривал Ларионович.

Порядком ребята на этих «лепостях» попортили бумаги, но всего больше бумаги испортили на тех же окружностях с пунктирным выполнением. В мастерской после упражнений [на] правил [а] работы столярными инструментами им дали задание для школы сделать водовозную телегу. Колёса и поковка уже были готовы, остальное пришлось пилить, строгать. После этой телеги им Тараканов дал задание сделать с азов и до конца беговушку.

– Михайлович! – обратился он к мастеру.– Покажи им в складе беговушку, пусть куют, пилят, строгают такую же беговушку!

[340] Шлифтик – разновидность рубанка.

Ребята посмотрели на тележку и подумали: для чего такая тележка? Ехать на ней могут только не больше двух человек. Скамейка на колёсах. Правда, красива, под лаком с разведением красок. Недоумевая, решили спросить мастера:

– Степан Михайлович! На что такая тележка, как скамейка с колёсами?

Мастер рассмеялся и пояснил:

– Эта тележка уже продана. На них большой спрос. Коноводчики на таких тележках спор устанавливают, чья лошадь обежит другую. Поэтому она должна быть и весом, и на ходу лёгкой. На неё садится лишь один человек. Вы вот сделали водовозку, ну разве она годна для конных бегов?!

Ребята попробовали её катить и убедились в её лёгкости.

По общеобразовательным предметам было у ребят прохождение десятичной дроби, алгебры и изучение метрической системы мер и весов.

В один из воскресных дней Вячеслав Илларионович, пользуясь ветром, позвал ребят помочь ему – выкатить сделанные им аэросани в поля и нести мачту с косыми парусами. Аэросани он собрал из трёх лыж. Устроил сиденья для себя и установления мачты. Для ребят это было довольно интересно. Работу косых парусов они видели на Каме, а вот по снегу пойдут ли лыжи под напором ветра? Илларионович, установив мачту, сел и, расправив паруса, управляя передней лыжей, медленно двинулся.

– Здорово, Иванко! – удивлялись ребята, глядя вслед Тараканову.

Видели они, как братик в поле на пашне, подняв оглоблю с телеги и натянув на них полоз, катился по ветру вдоль дороги. Но ведь Павел ехал прямо, править не мог, а тут-то Илларионович глядь на какие крендели загибает.

Пришла весна. Пламя войны всё больше разгоралось. В ответ на письмо с родины ребята получили письма. В письме родные пишут, что ни от Павла, ни от Петра и зятя Дмитрия ничего нет. Письмо послала Анна Якимовна, под диктовку семьи: «Слава Богу, что вы добрались благополучно! А то мы уже всё передумали! – писала она.– Ночи и дни – всё ждём писем. Пишите хоть вы чаще. Ваша Нюрка ждёт своего Лёлька и дядю Васю».

Весна, весна! Весной, приготовив уроки, общежитие пустело. Многие уходили полюбоваться на Волгу, посидеть на берегу. В ненастные дни можно было отложить всякие прогулки и послушать о всевозможных приключениях, кто что знает. Поповский сын Горюнов Коля многим [и] был уважаем за сальные анекдоты. Приходилось только удивляться, откуда и от кого он их набрал! И неудивительно, кто его посвящал в житейские тайны.

– У нас батя держит работника и прислугу,– объяснял он слушателям.– Вот этот работник как чуть свободен, отпросится у батюшки, а если его нет – у матушки, сходить потолковать в церковную сторожку со сторожем. Ну а я скажу своим, что пойду к ребятам, какое-нибудь дело придумаю, а сам тоже в сторожку, ну и наслушался от них!

Ребята верили ему, а вот откуда у него оказались нецензурные книжки, и напечатанные типографским шрифтом? Отнюдь не революционные, а сплошь насыщенные сальностями. На корочках значилось «А.С. Пушкин». Может, и в самом

деле Пушкин, но навряд ли Пушкин занимался такими сальными стихотворениями, как «Наставление девушкам», «Понос», «Портнихина судьба», «Любознаться я не в меру, от любопытства, ведь горько» и т. д. Читали стишки и заливались смехом до боли в животах. Горюнов большей частью с большим энтузиазмом читал вслух, ребята слушали. На время читки у дверей в коридоре выставлялся часовой, чтоб случайно не накрыл Тараканов или Бабушкин. Нецензурные книжки, по его рассказам, он достал у товарища, ученика реального училища.

– Ох и галуха[341] же была,– говорил он про этого реалиста, товарища.– Мы-де выписки делали стихов этих и подбрасывали в женскую гимназию. Переполох какой там был!

– Какой переполох?

– Да как же, преподаватели обнаружили листки со стихами у гимназисток в сумках и даже в альбомах, и потянули к наставнице!

– Ну и что от этого толку-то?! Наверно, и девчата только пострадали из-за [н] его! Уж если бы он, твой товарищ, к монашкам в женский монастырь подбросил <…>.

– Вот бы вот, правильно! – поддержали другие и засмеялись.

– Тише! Ларионович услышит! – предупредил дежурный по общежитию.

В воскресный день Маракулин позвал Ваню с Васей прогуляться по окрестности. Выйдя из ограды школы, направились в поля. Под чудодейственными живительными лучами солнца оживала земля после зимней спячки. Вдали ребята увидели кладбище и на нём толпу народа.

– Пойдём посмотрим, наверно, похороны!

Остановились, прислушались. До их слуха и в самом деле доносились и плач, и крики смешанных женских и мужских голосов.

– Пойдём посмотрим!

Какое же удивление постигло их на кладбище! Оказалось, что не похороны справляли чуваши, а поминание усопших родных. Поминальщики, сидя на могильных холмах, кушали и пили кумыс. Женщины плакали и причитали на своём родном языке. Ребята ничего не понимали. Некоторые, уже изрядно выпившие самогону[342], захмелев, с песнями и визгом, размахивая ярко вышитыми платками, полотенцами, в национальных костюмах плясали вокруг надмогильного холма. Всё это ребятам показалось дикостью.

– Неужели кости покойника этому рады? У нас на могилах тоже поминают, но ни вина, ни песен!

– А что им, они, наверно, и похоронную с войны получат, тоже песнями да самогоном-кумышкой зальют,– уходя, рассуждали ребята.

Придя в общежитие, ребята поделились чудесами на кладбище. Среди учащихся были и чуваши. Слушая рассказ о поминании покойников вином, песнями и пляской, они начали защищать свои порядки. Завязался между учащимися спор. Спорили горячо, и до чего бы доспорились – неизвестно, если бы спор не прервал Николаев:

---

[341] Галуха – шутка.

[342] *Самогону* вписано поверх строки.

– Будет вам спорить! Жутко уже! Пойдём посмотрим на кладбище у церкви!

Охотники нашлись, но того, что видели на том кладбище, [не было], здесь было спокойно. В вечерней темноте, кладбищенской тиши лишь слышалось изредка щебетание птичек в густой заросли деревьев да тихое шептание влюблённых парочек, гуляющих под ручку или сидящих вполоборота один к другому на скамеечках.

– Вот же, нашли где прогуливаться! Покойниками да могилами гулять! – возмущались некоторые.

– А где же погулять им? Ведь в посаде городского сада нет! – объясняли другие.

– Ну, шли бы на берег Волги – одно удовольствие!

– Ну и удовольствие! Нам, правда, и там, на виду у всех миловаться ведь неудобно!

С таких разговоров у Васи с Ваней блеснула мысль: как будет хороший вечер, сходить на берег Волги, посидеть на бережке, а по пути зайти повидаться с добродушной семьёй Малининых, когда-то приютившей их. Погода стояла замечательная, и свою мысль в один из вечеров ребята осуществили, но не без приключений. Подойдя к дому Малининых, они увидели, что дом на замке.

– Куда же могли хозяева деваться под вечер? – недоумевали ребята и решили зайти в следующий раз, а теперь – на берег Волги[343].

На берегу уселись на опрокинутую вверх дном худую лодку, правее пароходной пристани. Поверхность воды, как зеркало, отражала вечереющее безоблачное небо и лишь только нарушалась мелкой рябью разгулявшейся в сумерках мелкой рыбёшкой у берега. С низовьев Волги послышалось шлёпанье пароходных плиц, но парохода не видно.

– Совсем как на нашей родной матушке-Каме! – вспоминали ребята.

Стук равномерных ударов по воде колёсных плиц становился всё слышнее и слышнее. В верстах трёх или четырёх ребята увидели пароход и определили – пассажирский, лёгкий.

– Встретим пароход – и пойдём в общежитие,– вставая с лодки и подходя к берегу, решили они.

– А что, Вася, как ты думаешь, течение воды на Волге или Каме быстрее?

– Давай измерим! – отозвался Вася и бросил на воду попавшуюся щепку.– Погоди, Ваня, что это пароход так беспрерывно свистит короткими сигналами?

– Верно, как, помнишь, мобилизованных из Сарапула на войну провожали – тревожно что-то!

С парохода всё были слышны тревожные гудки, а вскоре над пароходом было видно, как пробивается чёрный густой дым, и, не дотянув до пристани с полверсты, пароход охватило ярким пламенем. С парохода сквозь треск пламени слышны крики и вопли. Не раздумывая, ребята бросились к привязанным лодкам. Выбрали одну, с вёслами. Отворотили цепь и ринулись к горящему пароходу. Капитан парохода, видя безвыходное положение, направил горящий пароход на берег (левый берег Волги, против пристани). Ваня и Вася усиленно работали вёслами. Вслед за ними

[343] Далее авторский знак заголовка.

к пароходу ещё потянулись лодки. Подплывая ближе к пароходу, они в свете пожара прочитали название парохода: «Мария» Волжского пароходства[344].

По палубам метались пассажиры, женщины, дети, мужчины. Битком набита была спасательная лодка. Со спасательными кругами барахтались в воде люди, пробивающиеся к берегу. Чем ближе ребята подплывали к пароходу, тем было жарче. Громадина-пароход трещал, и пламя лизало сухой под краской корпус палуб. Ребята попробовали поближе подвернуть к борту, но в то же время пассажиры в диком ужасе стали прыгать в лодку, и не успели ребята опомниться, как лодку опрокинули нерасчётливыми прыжками, да и ещё с поклажей, пассажиры.

– Хватайтесь за борта! Иванко, весло держи! – прокричал Вася.

Попробовал Вася дно достать ногами, оказалась глубина у кормовой части до ушей. Лодку течением относило от парохода. Держась одной рукой за лодку, все усиленно другой рукой гребли к берегу. С трудом вылезли и вытащили лодку на берег. Вылили из неё воду.

– Ведь вот, Иванко, чтобы капитану подойти бортом к берегу, а то сунул носом в берег. У кормы-то, вишь, какая глубь!

Пассажиры поблагодарили ребят, пошли обсушиваться к разведённому на берегу костру, ища виновника, кто спрыгнул на борт лодки и опрокинул её. А Вася с Ваней, отжимая от воды рубашки и штанишки, поторапливались убраться с места пожара. Дерево на пароходе ещё горело, но [был виден] чёрный дым, а порой ярким пламенем бросало вспышки из машинного отделения. Это ребят и торопило вернуться быстрее в Посад.

– Вот там горит, горит у котла, да получится взрыв, ещё больше беды наделает,– думали они и отправились обратно, пересекая Волгу.

На берегу, где стояла лодка, собралось много любителей любоваться зрелищем такого пожарища. Только ребята вернули лодку к причалу, как к ним подошёл хозяин лодки:

– Кто вам разрешил отвязывать лодку? – проговорил он угрожающим тоном.

Вася не растерялся и ответил:

– Тут какой-то урядник прибежал в форме с шашкой, оборвал цепь и сказал: «Умеете, ребята, ездить на лодке? Садитесь – и к пароходу, спасать людей!» А сам побежал ещё смотреть лодку с вёслами.

– Уши бы вам надрать, мокрые курицы! Пошли отсюда, пока не напинал, спасатели!

Ребята в переговоры не вступили, зная, что хозяин лодки прав, и пошли в общежитие, хотя мокрыми товарищам показываться не хотелось, но деваться было некуда. На востоке уже зажглась утренняя заря. Потянуло утренним холодком. Мокрая одежда холодила тело, и они, поднимаясь по улице на взгорок к школе, побежали бегом.

Дежурный в общежитии, очевидно, спал, и на стук в двери вышел Костя Маракулин:

---

[344] Мария – пароход Волжского пароходства

– Ба! Где вы это пропадали? Да и мокрые! Тараканов приходил два раза, спрашивал вас.

Ребята, забираясь на кровати, сняли с себя мокрое, развесили на спинки стульев и нагишом залезли под одеяла.

– Завтра Илларионович даст вам накачку. Я сам ходил на пожар и смотрел с берегу. Много нас было на берегу – почти вся школа, а вас не видели,– говорил Костя [345].

К утру у ребят рубашонки и штанишки просохнуть не успели, и им пришлось досушивать на себе: запасная пара белья была сдана в стирку. Отвечать за свои поступки перед Тараканом пришлось в столовой за завтраком:

– А если бы вас утопили, что бы тогда?! Пришлось бы мне и Василью Петровичу отвечать за вас и перед родителями, и перед начальством! – пропесочивал их Илларионович.

Ребята извинились и пообещали больше не нарушать распорядок школы.

– Ну и что, много спасли пассажиров? – успокоившись, спросил Тараканов.

– Скакали в лодку и мимо лодки по два, по три, не успевали считать, а тут опрокинули, кое-как к берегу пробрались,– ответили ребята.

– И жертвы есть?

– Наверно, из числа женщин с малыми ребятами,– пояснили ребята.

Из дома, с родного села ребята получили письмо. В письме им сообщили, что братик Павел в боях в Карпатских горах тяжело ранен осколками снаряда в грудь и находится в Москве на излечении в госпитале. Анна Якимовна с дочуркой Маней собирается поехать его проведать. Брат Пётр пишет, что их полк из Благовещенска скоро выедет на Западный фронт. От Созыкина Дмитрия Васильевича никаких известий нет. «Сестра ваша Маня и мы в большом горе. С фронтов от солдат поступают печальные вести. По Ершовке и в починках ходят слухи, что наши солдаты плохо вооружены и немец крепко бьёт наших».

Прочитав нерадостное письмо, ребята крепко задумались. Поделились этими новостями с товарищами. А на другой день ученик Николаев из Ниж [него] Новгорода получил [известие], что его старший брат убит. Вечер провели в рассуждениях о войне. Ваня с Васей рассказали товарищам, как они видели разгрузку поезда с ранеными в Казани и что они слышали от раненого без ноги солдата на пароходе. Всемерно старались утешить и успокоить плакавшего о брате Николаева, намеревавшегося бросить учёбу и ехать домой. Теперь по вечерам уже не стало между ребятами весёлых рассказов и шуток. Занимали больше рассказы о войне, пользуясь, кто чего прослышал.

По работе в мастерской школы: Вася с Ваней заканчивали работу по изготовлению беговушки. Отшпаклевали обода, втулки и пальцы колёс, подушки задней и передней осей, сиденье и оглобли. Покрыли ошкуренные поверхности краской [346] слоновой кости. Покрасили чёрным лаком и делали красной яркой краской

[345] Далее авторский знак заголовока.

[346] *Краской* вписано поверх строки.

ободки. Осталось сделать мягкое сиденье для ездока. Собрали для показа дома коллекции деревянных пород.

Занятия в школе закончили в середине июня, но учащихся задержали до двадцать шестого июня. За это время ученики перебрали весь материал заготовок в сушилках, добавив на пополнение. Получив каникулярные отпускные удостоверения, учащиеся разъехались по домам. Остался только один из учеников – Мамаев Павлик, родиной из Сибири, в ожидании от родных денег на дорогу.

Вася с Ваней домой приехали в последние дни июня месяца и сразу же включились в полевые работы. Особенно за время каникул пришлось поработать Ване. «Слава Богу, хоть один помощник возвернулся»,– говорил Николай Васильевич братику Ивану.

У Васи дело обстояло лучше. Отец, Иван Васильевич, хотя и стар, намного ядрёнее братика Николая Васильевича, да и брат Фёдор – ополченец, не пригоден к военной службе, отсиживается дома: и сапоги шьёт, и в хозяйстве вместе с женой Парасковьей Андреевной и дочуркой Акулиной семилетней помогает. Лето в Ершовке в полном разгаре, а кому заняться этими работами? Как в селе, так и в полях, на лугах – всюду мрачная картина. Точно тучи зловещие опустились на когда-то и без того безрадостное население. Только хозяйства, обросшие жирком с большими кошелями, вроде[347] наследников купца Татарских, пароходчика Короткова Ивана Александровича, лавочников Шаболдиных, Даниила Всеволодовича, Зеленина Николая да с десятка полтора раздувшихся кулаков, война не тревожила. А вот оставшиеся при домах старики, старушки со снохами-солдатками да малолетними внуками день и ночь проливали слёзы. Молились Богу и всем святым, чтоб вернулись невредимыми их поильцы-кормильцы. Кто им поможет в поле на покосе?! Вот и Николай Васильевич, наряжая сына Ваню вывозить навоз на поле паровой перемены, сказал ему:

– Ваня, вези навоз на ближнюю полоску у вязника. Дальние полоски, знаешь, арендные, у нас обработать сил не хватит! Бог с ними! И так уборку на полосках нам, пожалуй, не одолеть. Окрошится, знать, у нас рожь, и она ведь вот уже на колосу!

Посевы прошлого года ещё помочами[348] да горькими слезами одолели, а вот засев полей под озимую рожь мало кто осилил.

Ваня ещё помог убрать траву с покосов. Провёл вспашку на полях верхней перемены, но почти половина полосок была заброшена.

– Что поделаешь, Ваня! Не у одних у нас запустовали полоски! Это бы, что мы вспахали, засеять бы – и слава Богу бы! – говорил отец.

Вечерами братик Иван Васильевич и Вася частенько приходили и справлялись, нет ли писем от Павла и Петра, также Дмитрия. Авдотья Степановна и Анна Якимовна обычно, как начинался разговор о письмах, ходили с мокрыми глазами. Якимовна

[347] После *вроде* вычеркнуто *Татарских Семёна Романовича родственников, торжественно открывших его захоронение под церковью, Ивана Александровича Короткова, лавочника Шаболдина, Даниила Всеволодовича, Зеленина и других толстосумов, да кого мобилизации не задели, не чувствовали этой злорадной войны*.

[348] Помочи – здесь: с помощью.

хотя и съездила в Москву, чтоб свидеться с мужем Павлом в госпитале, так и не свиделась с ним.

– Военных больниц обошла много, а Паши, где ни спрошу, всё нет. Вот плохо, что он не написал, какой госпиталь,– говорила она по приезде домой.

А Павел, отлежавшись около двух месяцев от немецких «гостинцев», снова был направлен, теперь уже в 12-й финляндский стрелковый полк, рядовым бойцом, и чтоб родных не беспокоить: «пусть думают, что всё в Москве», не писал им писем.

Однажды Авдотья Степановна принесла какие-то журналы.

– Говорят, про войну здесь писано,– отдавая их Ване, сказала она.

– Ну, значит, вечерком почитаем! Может, дядя с Ваней придут,– беря журналы, проговорил Ваня.

Вечерком и вправду собрались все. Ваня, усевшись, начал читать заголовки статей:

– «Дороговизна жизни и Московский съезд 11–13 июля»,– прочитал Ваня.– Пишет какой-то К. Пажитнов [349].

– Ну, читай, читай! – попросили его.

Статья большая. Много было для слушателей в статье непонятно.

– Писали бы простым деревенским языком, а то какие-то коммерции и чиркуляры, а всё дорожает. Откудова денег брать?! – слушали и возмущались.

А вот дальше, в выступлении какого-то Шингирёва А.И [350]., говорившего в Петрограде, кой-что уловили: «Нужно считать,– говорил он,– дезорганизацию управления. Органы нашего управления в связи с войной подверглись как бы расслаблению и распаду. Часть власти отошла в руки военных органов, часть – в руки новых, созданных правительством, организаций».

А дальше: «Наконец, прежний ведомственный уклад жизни в связи с войной очень сильно нарушился и даже разрушился. В результате получилось, что несколько ведомств вели заготовку для армии. Одни возили фураж, мясо, другие – хлеб, третьи – материалы, припасы, кожу и пр [очее]. Так как все действовали самостоятельно, не заботясь друг о друге, конкурируя и перекрещиваясь, то рынок пришёл в некоторое расстройство.

Распоряжение главным транспортным предприятием, которое ведает перемещением товаров в стране, оказалось сосредоточенным в нескольких руках. Распоряжение вагонами находилось в районе войны в руках военного ведомства, в тылу – в ведении путей сообщения, а также в распоряжении отдельных уполномоченных и других министерств. Никакого учёта запасов продуктов по империи и по районам сделано не было. Продовольственная кампания для армии и населения, снабжение припасами совершалось вслепую, независимо от того, где, что и в каком количестве имеется.

---

[349] Пажитнов Константин Алексеевич (1879–1964) – экономист, с 1946 г.– член-корреспондент Академии наук СССР, изучал вопросы кооперации.

[350] Шингарёв Андрей Иванович (1869–1918) – член Государственной думы в 1907–1917 гг., в 1917 г. занимал посты министра земледелия и министра финансов во Временном правительстве.

Нередко отдельные предприятия, земства, представители городов приезжали в одну и ту же область, желая что-либо достать, не находили или конкурировали друг с другом, вырывали по клочкам необходимые им продукты, а другие области оказывались страдающими из-за того, что не могли вывезти свои продукты» – и так далее.

– Вот ядрёна хань! – хлопнул по коленкам фуражкой Иван Васильевич.– До чего же, братик, это дойдёт?! Где же порядок-то?! Сколько командиров-министров, а толку-то! Люди гибнут, а чё же смотрит царь?!

– А вот так же, пожалуй, и будет, как в японскую войну,– только проговорил Николай Васильевич, тяжело вздохнув.

– Вот, тятя, нам на пароходе-то это тоже говорили, что порядку нет,– включился Вася.

– А ну, что дальше, читай, Ваня!

Дальше в статье Пажитнова обратили внимание на следующее: «Но эта дезорганизация органов управления, полная несогласованность и хаотичность действий, отсутствие планов и совершенная неподготовленность власти к разрешению выдвинутой стихийным ходом событий на очередь задачи составляет только одну сторону дела. Не менее важным является также то обстоятельство, что столь же дезорганизованным – хоть и в силу других причин – а потому и беспомощным и неподготовленным, оказалось и само общество. Широкие массы населения были не организованы в качестве потребителей и вследствие этой своей распылённости не могли дать надлежащего отпора духу алчности и спекуляции, охватившему торговцев и посредников, воспользовавшихся войной как благоприятным случаем, чтобы половить рыбку в мутной воде…»

– Вот оно, вот оно! Какая безалаберщина, братик! Да Господи, сохрани бедных несчастных солдатиков, мучеников! Все они, братик, министры, приставы Бога забыли! Чё же смотрит царь-батюшка?! – возмущался Николай Васильевич.

– А что, тятечка, у царя подле него сидит Сашка-немка! Она, наверно, радёшенька, что в России эта безалаберщина! Да и Бог тут не причём. Что ему? У нас бог, и у немцев бог! Боги – богами, а солдаты гибнут! Всё ведь правду тут сказано, как ловят рыбку в мутной воде, раз идёт безалаберщина! – проговорил Ваня, а Иван Васильевич, опять тряхнув фуражкой, и повернувшись на скамейке, резко проговорил:

– Вот бы Стеньку Разина или Пугачёва[351] теперь напустить на всю эту министрию, да и торговцев желтопузых, напустили бы в штаны, <…> – ядрёна хань!

– Ну, читай дальше, Иванко!

И Ваня продолжил читку. Слушали, казалось бы, внимательно, но многое не понимали, особенно где какие-то незнакомые слова. Такие слова в Ершовке в разговорной речи не встречались, но вот за одно место всё же уцепились, стало

[351] Пугачёв Емельян Иванович (1742–1775) – хорунжий казачьего Войска Донского, объявивший себя императором Петром III, предводитель восстания, охватившего в 1773–1775 гг. Волго-Уральский регион.

понятно, и попросили снова перечитать то место, где автор приводит высказывание Челнокова[352]: «Перед нами стоит,– сказал г. Челноков в заключение,– определённая цель, которой определяются и рамки нашей работы. Это обеспечение армии и её тыла условиями, обеспечивающими нам победу над врагом!»

– Шёл бы сам на войну, чем рассуждать! – высказалась Якимовна.

А Ваня продолжал: «И цель эта оказалась выдвинутой перед съездом именно потому, что опыт истекшего года выяснил полную неподготовленность, или "крах тыла", как выразился один из последующих ораторов, депутат Некрасов[353], только что вернувшийся с фронта. Выяснилось, что не только не хватает снарядов, но и вообще нет, кажется, ни одного предмета, относительно которого можно сказать, что армия снабжается им в достаточном количестве».

– Ну и что там, Ваня, много ещё читать-то? Пожалуй, спать надо, а завтра на поле. Завтра ещё придём послушать. Идём, Василко!

Иван Васильевич встал плавно, нахлобучил на голову фуражку, да так, что оторванная часть козырька, как клапан, подвернулась вовнутрь, сняв её с головы и держа в руках, направился к выходу. Взявшись за скобу двери, тотчас задумался и проговорил:

– Осподи, осподи! Да где Ты? Во чё доспустил народ-то! Ведь вот, братик, мы пока сидели да слушали, а на войне-то, поди, сколь солдатиков побили в это время! Так ведь, поди? Ты ведь был, воевал, поди, знаешь, ночами-то тоже воюют али отдыхают?

– Что ты, что ты, братик, бывает ночью-то ещё хуже! – ответил Николай.– Читаешь хорошо, только по-благородному! Много непонятных слов. Вот был бы Пашуха, объяснил бы!

А Степановна, утирая слёзы, проговорила:

– Видно уж светопреставление пришло! Царица Небесная, Мать Пресвятая Богородица, спаси-сохрани страдальцев!

– Да како тут, мама, светопреставленье? – вмешался Ваня.– Помнишь, Вася, как у нас Федюня запустил ночью над Камой огненного змея, у которого вместо хвоста был привязан худой умывальник с горячими углями? Вот искр-то было! А старухи-то по всему селу чуть с ума не повсходили: «Беса, беса, матушки, своими глазами видели на небушке! Ох, видно, последние дни пришли!» – а вот мы всё ещё [живы], уж сколько лет после того!

– Ничё, Ваня, не шути. Я сама, как быть, войну-то видела – в январе [на] небе большущие огненные столбы, да они вроде на месте-то шевелятся. Посмотрела я и обезумела – видно, быть беде!

---

[352] Челноков Михаил Васильевич (1863–1935) – купец, депутат Государственной думы России в 1907–1914 гг., член ЦК Конституционно-демократической партии, городской голова Москвы в 1914–1917 гг.

[353] Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940) – депутат Государственной думы России в 1907–1917 гг., член ЦК Конституционно-демократической партии, занимал посты министра путей сообщения (март – июль 1917 г.) и министра финансов (июль – сентябрь 1917 г.) во Временном правительстве. В сентябре – октябре 1917 г.– генерал-губернатор Великого княжества Финляндского.

– Это нам, мама[354], сказывали в Камбарке. Оно – это северное сияние, на севере бывает часто, только у нас редко бывает видно.

– Ох, солдатики, солдатики! – вздохнул у дверей Иван Васильевич, всё ещё прислушивавшийся к разговорам, и вышел, сказав на дорогу:

– Прощайте!

За ним вышел и Вася.

На следующий вечер к братику Иван Васильевич пришёл всей семьёй. С собой он захватил жену Веру Степановну, сына Фёдора с его женой Парасковьей Андреевной, дочуркой Анной, ну а сын Ваня пришёл к Ивану ещё раньше. Все расселись по скамейкам, только малолетки Маня и Аня, забравшись в угол, сидели и, хохоча, переметывали самодельные куклы из рук в руки. Авдотья Степановна подсела на кровать к снохе Анне Якимовне.

– Сегодня, может, Вася почитает? – обратился Ваня к Васе.

– Давай! – согласился Вася.

Но, прежде чем начать читать, Иван Васильевич обратился к братику:

– Братик, дак что же это будет?! Али эти желтопузые министры больше солдат силу имеют, что толкают бедного солдата под смерть, и как, неужели некуда спрятаться, убежать с позиций-то? Вот мы вчера ещё с Федюней толковали и ничё не дотолковали. Василко только смеётся над нами, называет нас какими-то фелосами.

– Философами, а не фелосами, тятя! – поправил Вася, ухмыляясь.

– Не говори, братик! Толстосумов-то в России, чую, не так много. Они не попадут в солдаты, не попадут на фронт, откупятся. На фронте-то разве только из богатых офицеры, и то они только командуют. Скажут «ура», ну и беги в штыки на врага, а сам-то редко побежит с солдатами в мясорубку-то. А что ты, товарищ,– спрятаться? Боже, знаем! Засекут до смерти шомполами[355], али шпицрутенами[356] через строй. Было у нас такое дело. Гонят бедняжку через строй. Жалость берёт – стегай изо всех сил, а пожалеешь – и тебя отпорют до смерти. Так смерть, и так смерть! А вот и в нашей жизни. Нами ведь тоже командуют, хоть и не фронт в деревне, а попробуй оскорби толстосума, он уряднику пожалуется али земскому начальнику, ну и закрутят, не пикнешь. Велико ли начальство – староста? Ведь только богаче нас, да борода побольше, а что скажет, да не выполни, сейчас же десятников пошлёт за тобой, и в чижовку[357], клопам на съеденье. Заставит в ногах валяться. Уклонись от военной службы – замучают тебя и семью. Не так ли, братик?

– Ах ты, ядрёна хань! Как жить-то будем, Осподи батюшко?! Верно ведь: и приставы, земские начальники, стражники, урядники – вся их орава и стоит за этих министров да желтопузых толстосумов! Правду ты, братик, сказал! Правда ведь, Федюха? – обратился Иван Васильевич к старшему сыну.

---

[354] После *нам* вычеркнуто слово *тятя*; *мама* вписано поверх строки.

[355] Шомпол – стальной стержень для выталкивания застрявших в стволе гильз и патронов.

[356] Щпицрутен – металлический шомпол к дульнозарядному огнестрельному оружию, применяемый для телесных наказаний.

[357] Чижовка – арестантская, здание тюрьмы.

– Конечно, тятя, крёстный правильно сказал. Взять хоть те же события в Сарапуле после японской войны. Я знал многих сапожников-бедняжек! Невыносимая же бедность их заставила ходить по городу с красными флагами, ну и попали в руки жандармов, а потом – тюрьма. Что и говорить! Давайте читать. Времени-то ведь уже много, мне бы хоть одну затяжку сапогов сделать. А кукольниц-то, пожалуй, надо уже спать уложить,– предложил Фёдор, указывая на расшумевшихся в игре девочек.

– Итак, слушайте,– сказал Вася, беря журнал.– «Как печально отражается анархия на попытках борьбы с дороговизной, можно видеть из того, что, например, Петроградское общественное управление, закупив в течение апреля значительное количество продуктов на местах, к середине июня получило всего 10% грузов, несмотря на гарантии доставки со стороны администрации».

– Обожди, обожди, Васятка! – перебил его Николай.– А посмотри, кто это пишет. Тот же ли, что вечёр читали? Да и что за администрация?

Вася посмотрел заголовок статьи и ответил:

– Да, всё тот же К. Пажитнов, а администрация-то, мне кажется, начальство. Так ведь, Иванко? – обратился он в поддержку к Ване.

– Как будто так,– согласился Ваня, и Иван Васильевич гневно заметил:

– Так бы и писали – желтопузый начальник! Тот же кровопивец! Аминисрация, аминисрация,– пробормотал Иван Васильевич под нос.

Николай Васильевич хотел поправить это слово, но под общий смех Васи и Вани ничего не вышло. Только и сказал:

– Начальство, просто командиры!

– Ну так их, ядрёна хань, читай, Василко, дальше. Не зубоскаль! – заключил Иван Васильевич.

«Вот несколько случаев,– продолжал Вася: 21 апреля Петроградским городским комитетом по продовольствию был заключён контракт с одним землевладельцем Херсонской губернии на поставку 63 000 пудов ячменя, который ввиду отсутствия овса являлся почти единственным суррогатом для корма лошадей. 30 апреля, т.е. через девять дней, город получил уведомление об отказе одесского градоначальника дать разрешение на вывоз 63 вагонов и обратился к министру торговли и промышленности с просьбой о содействии. 7 мая, т.е. через неделю, продовольственный комитет вновь обратился с аналогичной просьбой к штабу VI армии. 12 мая поставщик телеграфирует: “Телеграфировал начальнику дороги. Ответа нет”. Таким образом, в течение месяца городу приходилось чуть не ежедневно обращаться к разным инстанциям, чтобы получить возможность погрузить товар. Каждая инстанция…»

– Обожди, обожди, Васята, что это [за] слово – «истация»? – оборвал Иван Васильевич, к нему присоединился Фёдор.

Толковали, толковали, пришли к мнению – начальство, вроде нашего земского начальника али старосты, может, волостного писаря. Доводам Васи и Вани они плохо верили:

– Вот бы был Пашуха, он бы объяснил, а эти прощелыги[358], пожалуй, и о [б] манут! Ну, читай дальше!

[358] Прощелыга – плут, мошенник.

– Так,– продолжал Вася.– «Каждая инстанция со своей стороны охотно шла навстречу и охотно разрешала, но одновременно появлялись какие-нибудь другие соображения у другой инстанции, с которой и приходилось отдельное сношение. Таким образом, если имеется пять инстанций, с которыми надо вступить в отдельные сношения, то весьма вероятно, что из пяти инстанций одна всегда найдёт какие-нибудь затруднения, и, таким образом, вся работа по исходатайствованию разрешения в первых четырёх инстанциях отпадает.

Очень интересна и показательна в этом отношении история с закупкой ячменя в Ростове-на-Дону, рассказанная на съезде представителю Петроградского городского[359] общественного управления, произведшая сильное впечатление. Город закупил у Т [оварищест] ва Парамонова[360] 150 тысяч пудов ячменя, но в течение целых полутора месяцев не смог его вывезти вследствие разного рода затруднений, которые вставали одно за другим – по мере их устранения и когда, наконец, после долгих проволочек и хлопот всё было улажено, то пришла телеграмма, что баржи сели уже[361] на мель. И характерно в этом отношении ещё то, что подобные препятствия возникают на пути именно общественных организаций».

– Во что делается, ребята! – прервал Иван Васильевич.– Икру бы выпустить из их болотных пуз! Не так ли, братик?! – пощупывая черную стриженую бородку, хлопая по коленкам фуражкой и морща курносый нос, продолжает он.

– Молчи-ка ты, тятя,– отвечал за Николая Фёдор.– У них икра-то под кожей на пузе да сала в вершок, не выпустишь! Скорей у нас с тобой кишки сквозь конец будут видны! Вот что, тятя, у них вон ячменя тысячи пудов, а у нас только одни думы, где бы зёрнышко найти да на зуб положить. Из сусеков-то сам же выметал да наказывал: «Не вздумай, Федька, скотине аль куды деть – на поживу береги! Больше нету!»

– Да, с хлебушком у нас нонче плохо,– заговорил Николай.– Соберём ли с полей-то? Что-то уродилась плоховато. И жать-то рожь будет нынче трудно: реденькая, ветрами испутана. Сусеки пусты, да ещё подать вот погонят.

– А может с семей-то солдатских ныне не возьмут, братик?

– Не то что не возьмут, а, я думаю, ешо[362] больше будут драть: скажут, война требует,– ответил Николай, подперев рыжеватую бороденку рукой.

– Ну, слушайте дальше,– оговорил их Ваня.– «Мы знаем, что честные отправители грузов не терпят таких мытарств, как мы. Очевидно, у них имеются другие средства борьбы с этими неустройствами, которых в нашем распоряжении нет. В своем ответе на анкету всероссийского союза Симферопольское городское управление глухо упоминает о какой-то “плате за подачу вагонов”. Тифлисская городская управа приподнимает завесу под этой таинственной платой, прямо указывая, что [в] области получения нарядов на вагоны пошли злоупотребления: “купцы новые накладные расходы наложили на товар”.

[359] После *городского* вычеркнуто слово *общественного*; *продовольственного* вписано поверх строки.

[360] Парамоновы – купеческая династия из Ростова-на-Дону, осуществлявшая деятельность в хлебной и угольной промышленности, речных перевозках на Дону.

[361] *Уже* вписано поверх строки.

[362] Так в документе, правильно *ещё*.

Ещё откровеннее в этом пункте ответ г [осподина] Шушга: “Городская управа ходатайствует перед губернатором о разрешении отпуска наряда,– говорится здесь,– но из слов торговцев усматривается, что эти разрешения не достигают цели, а вагоны выдаются по усмотрению другим лицам, не имеющим таких удостоверений; что торговцы вынуждены брать вагоны у третьих лиц, на что тратятся большие деньги”. Впоследствии городские управления и земства получили право на внеочередную отправку[363] грузов, адресуемых на их имя, но и это мало приносит пользы: на “внеочередные” отправки преспокойно устанавливается железнодорожными агентами длинная очередь, для ускорения которой частные отправители предпочитают обыкновенно прибегать к помощи так называемых “толкачей”, взимающих за свои услуги по особой таксе».

– Одним словом, братик,– прервал чтение Николай,– нет у нас в Рассее[364] настоящего хозяина! Купцы, торговцы смотрят только, где бы урвать побольше. Министры тоже смотрят, чтоб от сделок торгашей, не перепадет ли им в карман. Не так ли?

– А Бог-то да царь-то что смотрят? – вскочив на ноги, сказал с возмущением Иван Васильевич.

– Тятя, царь-то с царицей и их Алешка с сёстрами в Камбарке у Татьяны Ивановны в печи сгорели!

– Айда-ко, не болтай, Васька!

– Ну хоть у Иванка спроси!

И оба засмеялись, вспомнив ихние проделки. Иван Васильевич, глядя на смеющихся ребят, обмяк и, снова присаживаясь на скамейку, бормотал:

– Болтун, болтун, читай дальше!

– Ну, слушайте: «Год войны поставил страну перед великим испытанием. Совершая подвиги и принося неисчисляемые жертвы, русская доблестная армия оказалась недостаточно снабжённой боевым снаряжением, для изготовления которого не были приняты своевременно должные меры со стороны безответственных перед страной органов власти. Великий труд и жертвы нашей армии отягчаются условиями дезорганизации внутри страны в деле продовольствия и связанных с ним товарообмена и транспорта. Армия и население готовы ко всяким испытаниям и великим жертвам, чтобы оборонять страну и победить врага, вторгшегося в наши пределы. В начале войны все слои населения сливались в общем сознании своего исторического долга перед Родиной и её будущим, в стремлении к победе. Но дружный порыв воодушевления и напряжения сил народа не нашёл условий для своего выражения. Надежды, возлагавшиеся на обновление органов власти, не оправдались».

– Вот и воюй, Боже ты наш! Бедные солдатики! Без оружия-то что за война? Одна погибель ведь, братик! И продуктов нет, о [б] мундирования нет! Гибель, гибель одна! – говорил Николай братику.

[363] После слова *отправку* вычеркнуто слово *товаров*.

[364] Так в документе, правильно *России*.

Между ними завязалась горячая беседа, пришедшие отголосками войны. Перебирали все невзгоды. В их разговоры ввязались и Авдотья Степановна, Якимовна и Андреевна. Фёдор Иванович точно и говорил:

– Да сколько мы их и осуждаем, а они – торговцы, министры, купцы – не поймут нашего горя. Посмотри-ка, как наш купец Иван Александрович за этот год голову жадно задрал, пузо вперед выпятил. Разве его кусает война? Да он рад ей, наверно! Оборотики пошли! Пароход веселее забегал! Какое им горе, хоть две войны будь!

Пока между слушателями шли обсуждения прочитанного, Вася просматривал вперед статью, что бы ещё прочитать интересного, и, когда слушатели наговорились, сказал:

– Ну, слушайте дальше. Я здесь вот просмотрел вперед статью-то, ничего интересного не нашёл. Вот только и говорится о трудностях в продовольствии, о росте цен на продукты, о бедствиях крестьян и рабочих. Но это ведь мы и сами знаем, а вот что не просмотрел, прочитаю: «Истекший год войны оставил свой след как в деревне, так и на рабочем классе, и с последствиями его нельзя не считаться. Если земско-городская либеральная группа находится в повышенном настроении, обуславливающем ея оптимистический взгляд на вещи, то на это имеются свои основания: истёкший год принес с собой расширение и укрепление ея позиции».

– Ну ничё не понятно! – перебил Васю отец.– Может, дальше чё будет, читай!

– «И этим окрыляет ея надежды на будущее. Иначе обстоит дело с демократическими группами: за указанный период они много испытали тяжёлого и не видели радостей, многое потеряли, но ничего не приобрели. У них были профессиональные союзы – теперь они закрыты, были свои газеты и журналы – теперь они приостановлены, были свои депутаты – теперь их нет».

– Тоже что-то непонятно,– перебил Васю на этот раз Николай.

– А я вот, крёстный, маленько понял,– говорил Фёдор и начал разъяснять.– В городе-то рабочие – кожевники, сапожники – как-то между собой договорились. Между собой выбрали старшего и казначея из своих же. От каждой последней получки за месяц платят казначею сколько-то копеек, говорят, в союз.

– Ну и что? – спросил отец Федора.

– А вот мне как мой тамошний знакомый рассказал, как мы с ним сапоги вместе одевали. Он говорит, если кто записался в союз к ним да заболеет или покалечится, ему из этой кассы и помогают.

– Ага, что вроде как мы в мангазию[365] всем селом в один сусек зерно даем!

– Вот-вот, так, крёстный.

– Ну, читай, Васяга! Паша у нас тоже как-то сказывал, что журнал, который он выписывал, «Вестник знания», тоже закрывали, не печатали, говорит, жандармы запретили.

[365] Хлебные запасные магазины – запасы хлеба, создававшиеся в соответствии с Временными правилами по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей от 1 января 1901 г.

Вася продолжал: «Необходимость мобилизации промышленности для защиты отечества всем очевидна и ясна; но не следует закрывать глаза на то, что при современных условиях она являлась тягостью для рабочих, несёт обогащение промышленникам, прикрывающимся вывеской патриотизма. Русский рабочий класс никогда не был избалован своим материальным положением, но нужно признать, что теперь оно хуже, чем до войны. Заработная плата если и поднялась, то, в общем, незначительно; между тем стоимость жизни поднялась на 30–50 и более [процентов]. Отчёты больничных касс свидетельствуют о сильном увеличении выдачи пособий за последнее время, грозящем многим из них крахом; детская смертность растет и т. д., и т. д. Ввиду этого понятно то чувство уныния и пониженное настроение, которое господствует в рабочем классе. А при таком несходстве настроений трудно, конечно, и говорить об объединении. Т [ак] к [ак] говорить-то, конечно, можно, как это уже и говорилось с самого начала войны, но это будет не то, что теперь нужно стране, чтобы выйти победительницей из обрушившихся на неё тяжёлых испытаний. Нужно поднять дух народных масс, внушить и укрепить веру в себя и свои силы, а это [го] можно достигнуть только обновлением внутренней жизни страны».

– Ну, Васяга, хватит вроде читать-то! Так ведь, братик?! Я понял из этой писанины,– прервал Иван Васильевич,– что министры, купцы все переплелись, ядрёна хань! Солдатики – воюй, умирай, а они барыши собирают. Правду ты, братик, говоришь, что нет у нас в России хозяина. Министры, пузаны чё вздумают, то и делают!

– Выходит так, но вот как же они перед Господом Богом за свои злодеяния будут ответ держать?! – отозвался Николай.

– Откупятся, братик! У них есть чем, не то что наше дело! Ну чё, ещё много, Василко, читать-то? Отдыхать надо, а то я вчера наслушался, дак всю ночь в башке вертелось. Вот только бы заснуть – в башке мелькнёт, что вот стонет в кровище за стеной солдат. Одумаюсь, а сна уж нету. Перекрещусь, молитву сотворю, а в башке опять чё-нибудь подвернётся!

– А я эту статью, тятя, закончил, тут ещё маленько есть, да так себе.

– Ну так себе, так пошли отдыхать.

На следующий день погода сильно заненастилась. Все работы в поле были отложены. Ваня, располагая свободным временем, решил ещё прочитать статьи в журналах, касающихся войны. Прочитывая статейки, он решил отмечать в них наиболее интересующие слушателей места, рассчитывая, что слушатели вечером опять придут. Так он сделал проработку статьи Г. Плеханова[366] от 8 мая 1915 г. под заглавием «Ещё о войне» и статьи Бориса Филатовича «Очерки мировой войны».

Предположения Вани оправдались: Иван Васильевич и Вася, отряхиваясь от мохра рубашки, явились на очередную беседу.

– А что Фёдор Иванович не пошел? – спросил Николай Васильевич, слезая с полатей.

[366] Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) – марксистский философ, один из основателей группы «Освобождение труда» и Российской социал-демократической рабочей партии.

– Отказался, говорит, к субботе надо закончить пошивку сапог. Сидит душнит седуху. В такую погоду, братик, его ремесло хорошо. Смотришь – на чай, сахар заработает, а я вот ноженьки уложить не могу. Разболелись, видно, ненастье подействовало. Лежал на полатях, и никакого покоя нет, да и грыжа разыгралась. Хотел лапти починить, растрепались, но даже сидеть невмоготу. Вот какой работник. Есть-то ведь ем, а работать не могу, Господи прости!

– Да только же на чай, сахар, братик, Федяга мой зарабатывает! Чахнет день и ночь, а чё зарабатывать? За неделю сготовит четыре али пять пар сапог и получит рубли три!

– Ну, братик, а три рубля ведь на дороге не найдёшь!

– Конечно, деньги, и здоровья-то, я смотрю, от седухи-то доброго не получишь.

– Да, так оно, братик, так! – согласился Николай.

– Ну и как там, что нового в журнале ещё про войну-то?

– Да, Ванятка смотрел журналы-то. Есть, говорит и интересное. Ушёл где-то Бурке мешанину мешать. Придет скоро.

Ваня не заставил себя ожидать. Зайдя в избу, он первым делом поздоровался с дядей и братиком:

– Здравствуй дядя, здравствуй Вася! Ох и льёт же, как из ведра! Что-то бы надо, тятечка, сделать, чтоб на Бурку не лилась вода. Солома на крыше не держит: Бурка стечёт бедняжка, весь мокрый!

– Да, надо бы подновить крышу-то, да соломы нынче доброй нет, Ванюшка! – с горечью ответил Ване отец[367].

– Ну как, будешь дальше читать? Давай, что там ещё есть. Писем, братик, нет? – обратился Иван Васильевич к Николаю.

– Нету, нету. И так всё горюем. Я думал, что Пашу после раненья домой пустят, хоть повидаться, ан нет.

– А я видел, рассыльный вроде по улице шёл, может, письма разносит?! Ну как, Ваняшка, чё-нибудь есть ещё про войну-то? Может, почитаете с Василкой?

– Да есть, только большая статейка. Я её прочитал, в ней много, пожалуй, непонятного будет, но я выбрал, которое составляет интерес. Вот я их и прочитаю. Пишет какой-то Г. Плеханов.

– А кто он такой, тоже министр? – спросил Николай.

– Нет. Он, как бы я понял, борец за рабочих и бедноту. Против богатеев, министров и царя, вроде бы, как вам сказать,– политиком, революционер по-нашему, по-деревенскому, как нашего Павла с Иваном Николаевичем по Ершовке звали.

– Значит, супротив царя и жандармов у нас люди есть? А раз есть…

Но Ваня не дал дяде договорить:

– Есть, есть, дядя. Вот слушайте. Да ещё в статье-то говорится, что он из каких-то марксистов и выступает за бедноту, как тут пишут, за пролетариев. Живет он не у нас в России, а за границей. Вот он что пишет: «Вплоть до самого объявления Германией войны России немецкая социал-демократия твёрдо и последовательно

[367] Далее авторский знак заголовка.

держалась того мнения, что ответственность за приближающуюся катастрофу падает на Вену»,– значит, на Австрию,– пояснил Ваня,– «и особенно на Берлин»,– значит, на Германию. «Я уже указывал на это в своей брошюре “О войне”. Теперь добавлю, что моё указание было недавно подтверждено Берштейном[368]. Когда Австрия послала свой ультиматум Сербии, германской соц [иал] -дем [ократические] партии обнародовал воззвание[369], в котором, осуждая “происки велико-сербских националистов”, он не поколебался, однако, назвать этот ультиматум легкомысленным и беспримерным по своей грубости вызовом на войну. „Сознающий свои классовые задачи пролетариат Германии,– говорилось в этом важном историческом документе,– пламенно протестует во имя человечности и культуры против преступных происков подстрекателей к войне. Он повелительно требует от германского правительства, чтобы оно воспользовалось своим влиянием на Австрию для сохранения мира, а если невозможно будет предупредить постыдную войну, то воздержалось от всякого участия в ней. Ни одна капля крови немецкого солдата не должна быть принесена в жертву властолюбивым вожделениям австрийских правителей и империалистическим стремлениям к наживе“». Вот как он описывал начало войны,– пояснил Ваня.– А тут вот пишет о том, что должны бы были народные массы всех государств сделать, чтобы предупредить войну, он пишет: «Для этого социалистам всех стран нужно было только одно: действовать сообразно их собственному, твёрдо установленному и горячо высказанному убеждению в том, что война вызвана властолюбивыми вожделениями австро-германских правителей и корыстолюбивыми стремлениями австрийских и германских империалистов. Могли ли наши австрийские и германские товарищи оказать поддержку в такой войне? Могли ли они участвовать в этом постыдном предприятии? Я – да, и один ли я? Был глубоко убежден, что это для них это психологически невозможно. Германские социал-демократы охотно голосовали [за] кредиты, необходимые для ведения “преступной войны”, а немецко-австрийские в одном из августовских [номеров] своего центрального органа провозгласили, что надо спасти “немецкое человечество”! Какой, с божьей помощью, поворот!»

– Вот, значит, как я понял, что этот автор, Плеханов, осуждает немецких и австрийских рабочих, что они одобряют войну, а не протестуют против убийства,– пояснил Ваня слушателям.– Тут он много пишет, всё об отношениях социал-демократов воюющих стран между собой, что у них получился разброд, а не согласие. А вот ещё он в одном письме пишет: «Толкуют такие о “происках великобританских патриотов”. Вы помните, товарищи, что…»

– Обожди, Ванька,– перебил Николай.– А что это, Великобритания?

– Да это, тятечка, Англия!

---

[368] Эдуард Бернштейн (1850–1932) – идеолог марксистского ревизионизма, активист Социал-демократической партии Германии, депутат германского рейхстага в 1902–1907, 1912–1918 и 1920–1928 гг.

[369] Так в документе, правильно *Он обнародовал воззвание германской социал-демократической партии*.

– Англичанка, значит?! – положив мокрую рубашку на лавку, спросил Иван Васильевич.– А она сильная и хитрая, я от кого-то, не запомнил, слыхал.

– Ну, она тоже с немцами воюет вместе с нами,– проговорил Вася.– Так вот, где же я остановился?.. Ага: «Вы помните, товарищи, что “происки” эти “осуждены” были в воззваниях германской и австро-венгерской социал-демократии, в воззваниях по поводу готовящейся войны. Я согласен, что в интересах общеевропейского мира можно было осудить эти “происки”. Но теперь, когда война уже ведется, пора бы вспомнить, что в происках этих выражается стремление сербского народа к объединению, и что, в принципе, мы, социалисты, должны сочувствовать такому стремлению, а не осуждать его. Указывают ещё на убийство австрийского эрцгерцога. Я никогда не был террористом. Но я не вижу, почему мы должны были бы огорчаться смертью этого наследника австрийского престола. Да и кто знает теперь, что его убийство было не причиной войны, а лишь предлогом к её объявлению? В итальянском парламенте Джолитти [370] во всеуслышание рассказал, что уже в 1913 г., когда эрцгерцог был здоровёхонек, Австро-Венгрия осведомилась, поддержит ли её Италия в замышленном ею нападении на Сербию. Италия отказалась, сославшись на то, что по смыслу Тройственного союза она обязана была поддержать Австрию и Германию в оборонительных, а не в наступательных войнах».

– Вот Паша о войне на западе говорил ещё раньше. Ещё когда он учительствовал в Михайловке, говорил, что в газете «Неделя» кто-то писал, что там, возможно, вспыхнет война,– прервала чтенье слушавшая Якимовна.

– Да, от Павла и я слыхал такие разговоры,– подтвердил Ваня.– Ну, слушайте: «Из этого видно, замечу мимоходом, что итальянское правительство гораздо проницательнее многих наших товарищей, которые по их собственному признанию не видят, где нападение и где оборона. Ох, слепота – больной порок [371]!

За Австро-Венгрией стояла Германия, добивавшаяся экономического господства в Турции, и особенно в Малой Азии. Сербия загораживала ей дорогу к этой ея цели. Германским империалистам нужно было (посредственно или непосредственно) наложить руку на ту часть железного пути “Берлин – Багдад”, которая проходит через Сербию. Достаточно взглянуть на карту Балканского полуострова, чтобы понять, откуда нынешняя война. Правда, общеевропейской войны все-таки не было бы, если бы Россия не ополчилась на защиту Сербии. С точки зрения общих интересов европейской цивилизации было бы, пожалуй, лучше, если бы Россия осталась спокойной».

– Вот ведь все переплелись! Кому железную дорогу стало надо, кому барышей мало, а чё же нашему царю было надо лезти в это дело?! Бросил, безумец, крестьянскую, рабочую кровь в этот круговорот. Правду автор говорит, что лучше бы Россия не лезла,– перебил Николай читку, а Иван Васильевич, тряхнув головой с черной бородой, приговорил:

[370] Джоллити Джованни (1842–1928) – итальянский политик, председатель Совета министров Италии в 1892–1893, 1903–1905, 1906–1909, 1911–1914, 1920–1921 гг., один из основателей итальянской партии «Либералы».

[371] Далее авторский знак заголовка.

– Разина, али Пугачёва, али Лобова[372] бы, братик, надо, чтобы объявился в России. Они бы образумили оглоблей по башкам, у кого они чешутся.

– Подождите, подождите,– прервал полемику Ваня.– Я тут где-то читал вроде, что первая объявила войну Германия России, а не Россия Германии, хотя Германия-то вперед знает, что за Сербию у России намерение есть напасть на Германию. Дальше автор статьи делает предположение, что, если Германия разгромит союзников, т.е. Францию, Россию, Англию и других, Германия предъявляет условия[373] Франции: «Франция уступает Германии все свои колонии с включением Марокко, Туниса и Алжира; она уступает ей также более четверти своей территории в Европе с населением более 15 миллионов душ; она уступает ей золотом десять миллиардов франков; она заключает с ней торговый договор, на основании которого в течение двадцати пяти лет германские товары беспошлинно ввозятся на ея территорию, причем, однако, Франция не получает такого же права по отношению к Германии; после двадцати пяти лет входит в силу Франкфуртский торговый договор 1871 года; в течение двадцати пяти лет во Франции прекращается призыв граждан к отбыванию воинской повинности. Франция разрушает все свои крепости, она доставляет Германии три миллиона ружей, три тысячи пушек и сорок тысяч лошадей». Вот как бы размахнулась Германия! Да столько же содрали бы с России, Англии! Здорово! – проговорил Ваня.

– А вот если бы не ввязались в войну и никто бы не платил никому, да и убивать не [надо] было бы,– проговорила Якимовна.

– Да, да! – согласились другие.

– Вот у Плеханова-то больше интересного вроде бы нет.

– А что же этот Плеханов, вроде по фамилии-то русский, а пошто живёт за границей и пишет вроде бы за русских? – поинтересовался Иван Васильевич.

– Видимо, в России-то ему жить опасно. Вон как он язвит наших-то правителей,– высказал Николай.

– То-то же, видно,– согласились другие.

– А вот тут ещё я нашёл интересное в «Очерках мировой войны» – статью написал какой-то Борис Филатович. Он описал, сколько войск противника участвует против нас. Он пишет: «На правом фронте нашего расположения действовала небольшая армия Войрша[374], состоявшая из 1–2 корпусов, расположенных на реке Пилице. Столько же корпусов расположено было на Ниде (приток Вислы в Кёлецкой губернии) под командой австрийского генерала Данкля[375]. На Дунае была 4-я армия

[372] Автор путает. Правильно – Лбов.

[373] Слово *условия* вписано поверх строки.

[374] Ремус фон Войрш (1847–1920) – генерал-фельдмаршал германской армии, в 1914–1917 гг.– командующий объединённым корпусом германских и австрийских войск на Восточном фронте, получившей название «группа армий Войрш».

[375] Виктор Данкль (1854–1941) – генерал-полковник австрийской армии, в 1914–1915 гг. командующий 1-й армией на Восточном фронте, в 1915–1916 гг.– 11-й армией на Итальянском фронте.

Иосифа Фердинанда[376], силы которой в период операций в Карпатах доходили до 2–3 корпусов, возросли до 5–6 корпусов усиленного состава. В эту же армию влилась новая германская, силою не менее 5–6 корпусов».

– А сколько же в корпусе-то солдат, братик? – поинтересовался Иван Васильевич.

– Да когда как. В мирной стоянке, думаю, тысяч полтораста-двести[377], а на войне-то – сёдня столько, а завтра и половину не соберешь!

– Батюшки, дак там как мурашей солдат нагнано! – удивился Иван Васильевич.

– Ну, слушайте дальше,– начал Ваня.– «Не меньше 5–6 корпусов, переброшенных с Западного фронта. На бартфельдском[378] и мезо-лаборчском[379] направлениях там действовала 3-я австрийская армия Бороевича[380], силы которой были разбавлены германским войсками, осталась эта же армия в составе 5–6 корпусов. На ростовском[381] и ужокском[382] направлениях, как прилегавших к важнейшим участкам мезо-лаборчского нашего расположения на Дунайце[383], находилось до девяти австрийских корпусов Бём-Ермоли[384]. На стрыйском направлении[385] осталась несколько ослабленная армия Линзингена[386] силою в 4–5 корпусов, и на Вышковском перевале[387] до Днестра[388] и в Буковине было около шести корпусов австро-германской армии Пфланцера[389]. Таким образом, на всем Карпатском фронте с примыкавшими к нему флангами в начинающейся операции было выставлено 35 корпусов, из которых три были за Вислой, прочие же в Галиции». А вот как

[376] Иосиф Фердинанд Тосканский (1872–1942) – эрцгерцог, генерал-фельдмаршал австрийской армии, командующий 4-й армией на Восточном фронте в 1914–1916 гг.

[377] Поверх строки вписано *40–50*.

[378] От города Бартфельд в Королевстве Венгрия, ныне Бардеёв в Прешовском крае Словацкой республики.

[379] От города Мезолаборч в Королевстве Венгрия, ныне Медзилаборце в Прешовском крае Словацкой республики.

[380] Светозар Бороевич фон Бойна (1856–1920) – генерал-фельдмаршал австрийской армии, командующий 3-й армией на Восточном фронте в 1914–1915 гг., в 1915–1918 гг.– командующий армией и группой армий на Итальянском фронте.

[381] Так в документе, речь идёт о раховском направлении. Рахов – город в Королевстве Венгрия, ныне административный центр Раховского района Закарпатской области Украины.

[382] От села Ужок в Королевстве Венгрия, ныне в Великоберезнянском районе Закарпатской области Украины.

[383] Дунаец – река в Карпатах, левый приток Вислы.

[384] Эдуард фон Бём-Эрмоли (1856–1941) – генерал-фельдмаршал австрийской армии, командующий 2-й австрийской армией в 1914–1918 гг.

[385] От города Стрый в Королевстве Галиции и Лодомерии (коронной земли Австро-Венгрии), ныне город областного подчинения во Львовской области Украины.

[386] Александр фон Линзинген (1850–1935) – генерал-полковник германской армии, в 1915 г.– командующий Южной армией, в 1915–1918 гг.– главнокомандующий группой армий «Линзинген» на Восточном фронте.

[387] Вышковский перевал – перевал в горной системе украинских Карпат.

[388] Днестр – река с истоком в Карпатах, впадающая в Чёрное море.

[389] Карл фон Пфланцер-Балтин (1855–1925) – генерал-полковник австрийской армии, в 1915–1916 годы – командующий 7-й армией.

снабжались и технически оснащались германские армии, Филатович показывает в своем описании: «Снабжение артиллерией этой фаланги было настолько сильно, что на 24 батальона прусского гвардейского корпуса, занимавшего ничтожный фронт, приходилось 40 батарей, наполовину – крупного калибра. Неприятельские батареи не помещались в одну линию, а образовали несколько последовательных рядов. При таком построении фаланга развела необычайный огонь, очень быстро снёсший наши укрепления на Дунайце. Стрельба корректировалась тучей аэропланов». Ну и дальше автор описывает положение военных действий на других участках,– закончил Ваня.

– Батюшки, что делается?! Как легко авторы всё описывают, легко и просто. А вот не пишут, как германцы разрушили артиллерией укрепления у нас, и ведь в укреплениях-то сидели наши бедные солдатики! Ведь они все погибли! Боже милосердный! Хоть бы образумил людей! – возмущался Николай.

– Чё-то будет! Чё-то будет! Перебьют один другого! Дождик-то вроде перестаёт,– беря фуражку, проговорил Иван Васильевич, направляясь к двери.– Пошли, Василко, прощайте!

– Прощай, прощай, братик,– напутствовали уходящих все.

На другой день погода улучшилась. Выглянуло солнце.

– Вот же, как невовремя лили дожди! Чтобы такие дожди – да вовремя! – говорил Ване отец.

– Надо жатву начинать! Рожь на полях зреет, желте [е] т, налили [сь] и дудки, и колос, а тут во как льнуло. Как бы не прибило рожь к земле – прорастут колосья-то, да и мука из проросшего зерна будет солоделая,– наговаривал он.

– А серпы у нас, тятечка, в порядке? – спросил Ваня.

– Серпы в порядке, Ванечка, а вот как ими будем справляться-то?! Жать-то ими некому. Не знаю, как нынче нам Бог поможет справиться с уборкой.

После проливных дождей наступила жаркая погода, и на полях, обливаясь потом, со стоном и кряхтеньем старики, старушки, солдатки с малыми ребятишками, поплёвывая на ручки серпов, взмахивали горстями сжатой ржи, укладывали в снопы на пояски. Николай, Авдотья, Анна и Ваня начали жатву с поповского (арендного) пайка. К вечеру справились с этой полоской. За день они на этой полоске нажали три снопа хорошей ржи и семь снопов, с конца от дороги, сорной и редкой.

– Плохо получилось, видимо, повыгорала! – проговорил Николай и добавил: – Сколько навозу свалили, и всё бестолку. Вот бы отец Василий осмотрел сам, сколько нажали, а затребует ведь полностью уплатить за паёк.

– Жадный он, тятечка!

– Да он-то сам не так жаден, как его мать. Она всё бывает недовольна, живо разворчится.

На следующий день при восходе солнца поехали жать основное поле надела земли у «жарника», но, подъехав к полю, Николай, слезая с телеги, наказал:

– Бурка пока не выпрягайте, я схожу обойду полоску, посмотрю, что с краю дороги, вроде зеленовато.

Вернувшись, он сказал:

– Денёк-два придётся помешкать. Давайте поедем к мостику через овраг, там не поспела ли.

Обогнули по увалу и по дороге с Ершовки на Армязь спустились на мостик через овраг. Свернув с моста влево, поставили Бурка на траву, спустив с седёлка, а сами поднялись на придорожное поле восточным концом, которое притыкается к оврагу.

– Хотя и зеленовато у оврага, а от ершовской межи можно жать,– обойдя поле, сказал Николай.

– Давайте от той межи и начнём, пока погода стоит хорошая.

За день выжали почти половину полосы, но и этого хватило досыта. Спины ещё со вчерашней жатвы к вечеру с трудом сгибались, а Ваня даже от ручки серпа на правой руке [на] ладони набил мозоль. Отец увидел мозоли на руке у Вани, улыбаясь, проговорил:

– Вот ведь как, Ванюшка, хлебушко-батюшка нам и кормилицам- лошадкам достаётся! А ты, наверно, уж забыл, как был ещё маленьким и на том же поле бегал с шомошолкой да погонял, как кнутом, Пашу да Петьку, чтоб жали, торопились, а они ведь ещё какие жнецы были?! Всё же помогали, особен [но] Павел. За день-то хоть тридцать снопиков нажнут, да Петяша с десяток, всё же вперед, нам меньше с матерью.

– Ох, Пашенька, Петенька, где-то они, мои милые детушки, что с ними?! – усаживаясь на телегу и утирая слёзы, проговорила Авдотья Степановна.

Домой ехали молча, но у всех на сердце ложились тяжелые переживания о том, что делается на фронте. Подъехав к дому, Якимовна, слезая с телеги, вскричала дочурку Маню, оставшуюся домовничать:

– Маня, Маня, где ты?

Маня подбежала и обхватила мать:

– Чё, мама?

– Где ты бегаешь? Рассылку писем не приносили? – спросила Якимовна.

– Нет, мама, нету, а я у Нюры была, играли вместе.

– Коров-то давно пригнали? – спросила бабушка внучку.

– А мы, бабушка, слушали, как в Сарапуле отзвонили на колокольне пять разов и погнали их домой. Наша-то Буренка сама идёт домой-то. Только я вичкой махну на неё – «Домой, Буренка», она и идёт сама.

С уборкой ржи провозились целую неделю, но подходила другая такая же спешная работа – косьба травы на покосах. Уборка травы тоже должна быть сделана в хорошую ясную погоду, придерживаясь старинной пословицы: «Косить можно в дождик, но собирай сено в вёдро». Падёт дождь на сушёную траву в валках – считай, пропало!

Сенокос отвели удачно. Сено поставили зелёное, хорошее. Не мешало бы передохнуть, крепко наломались. Да уже где тут в крестьянстве, да старикам, а Ваня ещё молод, неопытен, [как] думать об отдыхе в такие жаркие дни, когда, как говорят, летний день зиму кормит! Только и отдыха, что один день в неделю – это воскресный

день. Да и в воскресенье Николай Васильевич сходит в церковь к обедне и, придя домой, принимается за работу. То телегу осмотрит, не ослабли ли шины на колесах, а если ослабли – подколотит под шины клинышки, или заставит сына скатить колесо и замочить в камской воде; то литовку с граблями нужно подготовить для уборки гречихи, овса. Ведь уборка яровых на носу! Да мало ли по хозяйству работы?! Даже сбруя, хотя мочальная, для лошади, а требует присмотра: неисправен хомут – плечо у лошади собьёшь, неисправно седёлко – спину покалечишь. А уж у женщин и говорить нечего! Надо и хлеба напечь на неделю, чтоб не занимать будничный день; надо и об обедах подумать, да и бельё постирать, хоть пестрядину [390], пропитавшуюся потом, ко всему нужно приложить руки. Недаром же рученьки, ноженьки и спинки по ночам спать не дают!

В один из воскресных дней зашёл к братику Иван Васильевич. Поздоровавшись, сел на лавку и уложил подле себя изуродованную свою фуражку. Крепко раз пять чихнул и, вытерев фуражкой нос, спросил братика:

– Наверно, братик, от Пашухи или Петяши кака [я] -либо весточка есть? Я сёдня видел их во сне, будто спрашивают меня: «Пошто, дядя Иван, редко к нам ходишь, забывать, дескать, нас стал?» Пашуха-то вроде недовольно на меня взглянул. А как вот, братик, разве забудешь их? Ведь не только у меня, у всей семьи только и разговоров о ваших робятах! Нет, у меня как-то и Федяга, и Ванюшка только и знают свои провонявшие седухи. Вот разве только из Василка что будет, вроде старается пример взять с твоих робят. Ведь вот бывало с покойным Андрюшей али с Пашухой, Петром и поговорить-то было интересно. Не смог я таких ребят ещё вырастить.

– Ну что ты, братик! Фёдор и Иван по-своему дети хорошие. Вино не пьют, табак не курят и не было ведь случая, чтобы где пошумели, подрались. Тихие, смирные ребята, грамотные – школу тоже кончили. И дочь, Авдотья Ивановна, разве плохая дочь? Смотри-ка: швея, мастерица и мужа подобрала Афанасия Фёдоровича Шамшурина – примерный мастер-кузнец. Хозяин кузницы в Сарапуле нахвалиться им не может: «Шамко мой, куда с добром! Что угодно смастерит, хоть архи [е] рею для выхода шарабан справит!»

– А ты где видал разве его-то хозяина?

– Да как же, братик! Перед Казанской ярмаркой я носил Афанасию Фёдоровичу два серпа перезубить. Тут в кузнице-то и его хозяин с ним был. Чего, говорит, тебе починит [ь] надо? Я, поздоровавшись с ними, говорю: «Да вот, хочу попросить кузнеца, не сможет ли он мне два серпика перезубить?» – «О да, как, папаша, мой кузнец не сможет?» Ну и стал нахваливать. Афанасий Фёдорович оторвался от горна, подошёл к нам, поздоровался: «Здравствуй, крёстный, как здоровье-то?» Хозяин услышал, что он назвал меня крёстным, удивился: «Ну дак это, Шамко, к тебе родня пришла! Сделай уж как следует»,– и вышел из кузницы. Это-то жали так серпом – как бритва, спасибо ему.

– Да уж, мастер-то он мастер. Сделать сделает – уж на совесть, дай ему Бог здоровья,– проговорил Иван Васильевич и спросил братика, как справились с уборкой ржи и сенокосом.

[390] Пестрядина – грубая льняная или хлопчатобумажная ткань.

– Слава Богу, с [о] слезами и горьким потом всё же одолели. Вот ещё яровые надо убрать. Думаю, уж если сил не хватит, попробуйте кого-нибудь исполу[391] помочь.

– Ну зачем исполу? – проговорил Иван Васильевич.– Может, Бог даст, мы управимся пораньше, маленько поможем. Только Федичка-то у меня плоховат на работе, всё как-то болеет. Сокрушила его седуха-то!

– Да уж, правда, нездоровая эта работа сапожная, хуже, пожалуй, нашей крестьянской.

– Верно, верно, братик. Федяка другой раз сидит на седухе, да и скажет: «Пойду хоть корму лошади намешаю, маленько хлебну чистого воздуха».

Посидели минут пяток молча, а потом Иван Васильевич снова спросил о письмах.

– Нету, нету никаких вестей, ни от Паши, ни от Петра, ни от Дмитрия Васильевича,– ответила Якимовна.

– Маня как-то на днях забегала, спрашивала, не ли чего от Паши и Петра, известий. От Дмитрия, сказала, ничего нету. Наплакались мы все тут, а ничего не поделаешь. У нас в Ершовку от взятых вместе с Пашей-то ведь тоже нет никаких вестей. Поди, уже никого и в живых-то нету. Бабы-то от кого-то наслышались, говорят, ужасные, тяжёлые бои идут.

– Раз писем нет,– вмешался Николай Васильевич,– видимо, бедняжкам не до писем. Там в жаркое-то время не только писать, поесть некогда, да и кусок в глотку не лезет. Да и вот, всё ещё думаю, чем солдатики воюют? Когда мы турок били, так хоть штыки у нас были у каждого. И пулемётов-то не знали, а теперь, если у немцев пушки, пулемёты, винтовки да аэропланы, а у наших ни снарядов, ни пулемётов, ни винтовок – одна грудь! Прикопают, как зайцев! Боже милостивый! Чё думали министры с царём?! Куда полезли?! Вот ведь Павел ещё года два тому назад, а то и больше, говаривал, что в западноевропейских странах неблагополучно. Может вспыхнуть война. Вот она и пришла. Значит, знали, а не готовились.

– А помнишь, тятечка, как он ещё из Ижевска[392] приехал, показывал в календаре, который привёз из Ижевска, одного министра, смешно изображённо [го] на рисунке, с большими глазами и [вы] соким затылком, и пел про него:

Напрасно, разносчик, ты в окна глядишь
Под тяжестью сладостной ноши.
Напрасно и голосом звонким кричишь:
«Апельсины, лимоны хороши!»

А у него, у министра-то, и на самом деле в корзине большущей видны и апельсины, и лимоны. И идёт-то он по городской улице, голову задрал на окна. Я это хорошо запомнил. Павел-то ещё говорил, что он член думы. Вот я и вспомнил, как его Павел назвал – Пурышкевичем[393], членом Государственной думы. Дескать, поёт,

[391] Исполу – наполовину, пополам с другими.

[392] Ижевский завод – населённый пункт в Сарапульском уезде Вятской губернии, ныне город Ижевск – центр Удмуртии.

[393] Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – один из лидеров Союза русского народа, депутат Государственной думы России в 1907–1917 гг.

орёт, а покупателей нет. Вот, наверно, такие-то министры и теперь правят. Павел всё и смеялся над ним, что он кричит, шумит в думе-то, а всё бестолку.

– Чё-то забыл я, Ванюша. Петь-то он пел такую песню, слыхал я,– отозвался Николай.

– А я что-то недомекиваю. То ли этот министр за бедноту, то ли за богатых говорил? – вмешался Иван Васильевич.

– А мы тогда не поняли, за кого, только уж очень он был смешно изображён,– пояснил Ваня.

– Вот они, министры-то, пропели да проторговали, а наши солдатики за их песни жизнью платят.

– Яровые-то, братик, убирать ещё не начал?

– Да на днях думаю с Ваней сходить подкосить. За день, думаю, управимся. Литовки с грабёлками у меня на ходу. Много ли её! Утречком по росе подкосим, а потом в бабки соберём. Овёс нынче уродился плохонький. Где получше – выжнем серпами, а плохие-то места тоже подкосим.

Так и закончили разговор брательники, не предвидя, что завтра утречком к ним заглянет беда. Почему жизнь человека так[394] складывается, кто бы объяснил?! Николай Васильевич частенько так[395] говаривал:

– Жизнь человека – это житейский океан, в котором одни удары волн сменяются другими и поражают человека. Человек – это щепка в этом житейском океане. На земле он, как червяк, изгибается, трудясь, всю свою жизнь, пока его не раздавит смертельное копыто.

[394] *Так* вписано поверх строки.

[395] Надписано над строкой в этом месте, зачёркнуто перед предыдущим словом.

В ПЕРМСКИХ КАЗАРМАХ

Объяснение в дом Николая Васильевича и Ивана Васильевича рассыльный принёс утром 9 августа. Собственно, объяснение вручено им повестками на имя Васи и Вани. В повестках указывалась обязательная явка 14 августа в Осинский уездный военный стол для прохождения врачебной призывной комиссии, как родившихся в 1896 г. Посему таких повесток в этот день было вручено более тридцати. Пока Николай рассматривал повестку, вертя её в руках, разглядывая через очки, через калитку забора протиснулся Иван Васильевич в сопровождении Васи. Зайдя в избу братика, в расстройстве Иван Васильевич забыл и перекреститься на икону в переднем углу и, не снимая изуродованной фуражки, обратился к братику, подавая ему повестку о Васе:

– Чё же это, братик, эту повестку Федяга прочитал, и Васяга, говорят, что в армию берут. Погляди, направду ли?

– Да вот, у меня на руках на Ваню такая же повестка. Третьего сына забирают,– проговорил Николай Васильевич.

Авдотья Степановна с внучкой Маней в два голоса ревели, забравшись в конюшню к корове. Якимовна со слезами приоткрыла двери в конюшню, уговаривала:

– Мамонька, дорогая, перестань плакать, успокойся! Маня, успокаивай бабушку!

– Вот, братик, только вчера мы располагали, как будем справляться с полевыми работами,– говорил Николай, снимая с носу залитые слезами очки.– Вот и загадывай, как жить и работать, а жизнь по-своему располагает. Да и вот, держу эту бумажку и думаю: не ошибка ли? Ведь если она мне – я стар. Ванюше – он мал. Ведь до призыва их годов ещё полных два года! А вот, на тебе, принесли – да кому! Ещё нераспустившимся цветочкам-бутонышкам! Боже мой, столько бросили народу в это пекло, и, видимо, ещё мало!

– Ну, чё будем делать, братик? – в растерянности спросил Иван Васильевич, опустил голову, упёршись глазами в пол и поведя фуражкой неопределённые движения.

– Встала-то Степановна? Слышу, плачет. А моя Веруська забралась в подполье, ревёт там благим матом!

– А что, братик, разве против власти пойдёшь? Так же, видно, за грехи нас Бог наказывает! – проговорил скрепя сердце Николай.

Но Иван Васильевич вскочил с лавки с горячкой, глядя на стоявших рядом Васю с Ваней, проговорил:

– Да какие же у нас и у них грехи, братик, за что бы нас Богу наказывать? Вот хоть бы взять этих министров, вот бы их надо вместе с царём наказать Богу за душегубство!

– Да, так, братик, так. Но, может, им и за наши слёзы горько придётся? Идите-ка, Ваня с Васей, поуговаривайте матерей-то. Вот ведь здесь слышно, как плачут. Какая тягость на сердце, Господи!

Вася и Ваня всё ещё стояли, как облитые холодной водой, но, переглянувшись, вышли.

– Сорвалась, видно, Вася, наша мечта учиться, как жаль! Надо будет сообщить нам в школу, что не приедем из-за солдатины,– подходя к конюшне, проговорил Ваня.

Уговорить Степановну им удалось, и они проводили их с Якимовной в избу, сзади, держась за подол матери, тащилась заплаканная Маня. Проводив в дом Авдотью Степановну, всё ещё всхлипывавшую и обессилившую, ребята пошли уговаривать Васину маму. Подполье в избе было открыто. Спустившись в подполье, они увидели Фёдора, стоявшего перед матерью, Верой Степановной. Вера Степановна сидела на картофели, уткнув голову в колени и бессильно всхлипывала.

– Надо, Васяга, поднять маму да положить её на печь. Никак не хочет вылезать из подполья, простынет ещё,– проговорил Фёдор.

– Давайте вытащим! Мама,– проговорил, подходя к ней, Вася.– Ты, мама, ведь простудишься. Пойдём отсюда!

Вера Степановна как бы очнулась от глубокого сна и, обхватив Васю за шею, снова заголосила, но без сопротивления подошла к лестнице, выходя из подполья. Уложив её на печь, Вася, уговаривая, присел с ней рядом.

Вася, вернувшись к себе, застал Авдотью Степановну плачущей у порога. Отец стоял перед ней и говорил:

– Авдотья, перестань убиваться! Бог милостив, может, сохранит наших детушек. Ваню с Васей ещё ведь не посылают на фронт, будут сперва обучать, а тут, может, и война кончится.

– Ну, конечно, мама, какие мы вояки? Пусть пока учат, потом будет видно. Вот только школу нам с Ваней жалко, да как вы в таком горе будете жить?!

Уговаривал маму Ваня, а сам мыслями старался заглянуть вперёд, в бурлящее неизвестное. Новобранцам-призывникам было объявлено собраться 12 августа у волостного правления к 10 часам утра.

– Чё же, отец, на проводы-то хоть бы что сделать съестного. Ведь к Ване-то, поди, будут забегать товарищи, а чем мы их угостим? У нас ни пива, ни квасу, один хмель есть,– говорила Авдотья Степановна, всхлипывая по ходу в полной растерянности.

Николай Васильевич за свою жизнь ни разу в рот не брал вина и не курил, но детей только уговаривал:

– Детушки, избегайте вина. Пьяный человек теряет человеческий облик, похож на скотину, даже хуже. Скотина плохо смыслит, но не сквернословит. Пьяный отрезвится и сам свои поступки осуждает. Пьяному и море по колено, а отрезвится – и охает. Вот смотрите на дядю Ивана. Напьётся, идёт по улице, фуражкой машет, наплясывает да поёт – как её:

Вместе с солнцем не встаём
Для дневной работы,
Проснёмся и поём –
Нет у нас заботы!

День потом барином проживёт, а на другой день надо бы опохмелиться, голова болит, работы много. Вчера пел «нет заботы», а сёдня бегает по двору, визжит, как поросёнок, телегу дёргает, сохнет, на семью кричит. Вот тебе и «нет заботы».

Но при свадебных обрядах, при проводах в армию [Николай] всё же запасался вином. Сам на этих пиршествах Николай не пил. Виновнику же торжества разрешал лишь норму, приговаривая:

– Душа должна знать меру. Ведь и в Священном Писании сказано: «Не опивайтесь вином, в нём же есть блуд», а всё, значит, должно быть в меру.

Но на этот раз достать хоть немного вина не было никакой возможности. Всякая продажа вина была категорически запрещена правительством в первые же дни войны. По-трезвому решило правительство проводить войну, да с упованием на Бога. Винные лавочки закрыли, вино – частью по начальству, да в погреба к богатеям справили. Николай с Авдотьей стали советоваться:

– Ване с Васей, пожалуй, и надо бы, так, заглянут товарищи, им будет неудобно,– говорил Николай Васильевич, а Степановна ему предложила:

– А что, отец, если сходить к Николаю Никитьевичу? Поди, он не всё вино сдал. Уж про себя, наверно, хоть немного оставил. Схожу-ка я к нему.

У бывшей винной лавки Николая Никитьевича по этому же случаю толпился народ, а на крыльце в ряд с Николаем Никитевичем стоял, держа в правой руке с коротким черешком плеть, местный урядник, как его в народе звали, «дух».

– Вот бы кого надо отправить бить германцов-то, а не наших малолеток! – кричал из толпы по адресу урядника, вздёргивая чёрную постриженную бороду, топчась в лаптях в толпе и размахивая кулаками, Петруха Таначёв, подбадриваемый шумом толпы.

Урядник в селе появился всего лишь года два-три тому назад, но, очевидно, Петруху не знал, или с чем-то другим обратился к целовальнику и, переговорив с ним, скрылись, закрыв двери на пробои[396]. «Сами-то, вот, спрятались, ироды, винцо будут лопать! Старый-то урядник этого бы не сделал, а этот, краснорожий, только и машется плетью!» – ворчали в толпе.

Авдотья Степановна, видя, что ничего не получится, пошла домой, но дорогой решила заглянуть хотя к дальним родственникам, у которых всегда бывали запасцы – жили неплохо. Зайдя к ним, она расплакалась, что последнего сына берут в армию, и рассказала, куда и зачем ходила. Племянника Василья Фёдоровича дома не было.

[396] Пробой – запор двери в виде накладки.

Дома сидела Настя – жена Василья, и Фёдор – свёкор её со свекровью Александрой. Выслушав Авдотью, они не отказались ей помочь. Настя, баба-гром, бойкая толстуха, живо спустилась в подполье и вытащила сороковку, на три четверти заполненную вином.

– Вот, тётенька, возьмите! Нам никак без вина не обойтись. Работаем сплавом, всё на воде, как лягушки,– без вина не отогреешься,– говорила она.

Авдотья, беря вино, поблагодарила:

– Поди, Настасья, у вас последнее?

– Како [е] последне [е]? Это я Василку, впроч [ем], наливала, раскупорила. А вам-то хватит. Только никому ни слова!

– Што вы, што вы!

Придя домой, посоветовавшись с Николаем, они решили смешать вино с квасом, всё же не так будет с ног сшибательно. Ваня сидел у дяди Ивана, и [они] обсуждали текущий момент. Вера Степановна, шмыгая носом, суетилась у печки, готовила на дорогу сыну ржаные сухари. Иван Васильевич, стоя перед сыном Фёдором, сидевшим на сидушке, подколачивая у Васиного сапога ослабевшую на гвоздях подмётку, говорил ему:

– Подколоти как следовает. Кто знает, дадут ли сапоги в армии-то? Не Смагину чинишь, своему брату! А у тебя, Ванька, не надо чинить?

– У меня маломальские штиблеты есть, ладно.

Под вечер к воротам Николая Васильевича подошли гурьбой новобранцы и начали посвистывать, вызывая Ваню. Николай, глянув в окно, сказал Авдотье:

– Ребята пришли, позови, пусть зайдут в избу.

– Мама, я позову! – проговорил Ваня и побежал встречать ребят.

В избу зашли Коля Зайцев, Саша Зайцев, Митя Таначёв, Саша Таначёв, Вася-братан. Поздоровавшись, Николай усадил их на лавки.

– Ох, дети вы детушки, не думано, не гадано – и вас потянули в это проклятое пекло. Ну, Бог милостив, может, и сохранит, помилует. Одно только, ребята, посоветую – не радейте на войну. Война – убийство. А кого больше бьют? Нашего брата. И у немцев ведь тоже такие люди! Всем жить хочется! Разве на это их родители спородили? Ну-ка, Авдотья, али ты, Анна, угостите-ка кваском ребят-то!

Степановна стояла у печки, глядела на ребят и утирала слёзы. Распорядилась «кваском» Якимовна. Налив всем по чайной чашке «кваску» и поставив на стол, пригласила ребят:

– Пробуйте, ребята, наш «квасок»!

Ребята запереглядывались.

– Мама, я хочу квасу-то! – увязалась за матерью Маня.

– Тебе, доченька, нельзя: этот квасок хмельной! Беги к бабе, она тебе нальёт простого!

Первым подошёл к этому столу Саша Таначёв:

– Я, пожалуй, выпью – пить хочу! – потянул немного и крякнул: – Вот это квасок! Даже не хуже вина!

По чашке выпили, не отказались и от другой. И от этого «кваску» ребят потянуло на улицу. Выйдя за ворота, затянули песню:

Последний нынешний денёчек
Гуляю с вами я, друзья.
А завтра рано на рассвете
Заплачет вся моя семья!
Заплачут братья мои, сёстры,
Заплачет мать и мой отец.
Идти в солдаты выпал жребий,
И вольным дням пришёл конец.
Коляска к дому подъезжает[397]…

И не успели ребята допеть, как на них в лесу напал «дух»-урядник с плёткой в руке:

– Што заголосили? Где налакались, безбожники? Война идёт, а вы песни поёте! Разойтись по домам!

Просвистела плётка, но ребята увернулись, никого не задела. Ребята, опомнившись от неожиданности, повернулись и [закричали] на него:

– Убирайся, «дух», [а] то плохо будет, только тронь хоть одного!

Урядник вынул свисток и засвистел трелью, созывая на помощь десятников или околотчиков[398]. Ребята, не обращая внимания, схватившись за руки, направились по логу на выход к Каме и затянули:

Пущай могила меня накажет,
Кого люблю – я с тем умру.
Но я могилы не страшуся,
Хотя всего мне двадцать лет.
Он подходил ко мне с улыбкой
И руки жал, меня ласкал,
И называл меня голубкой,
И в алы губы целовал.
Но поцелуй был тот прощальный,
Когда настал разлуки час,
Польются слёзы поневоле,
Улыбка скроется из глаз[399]!

– Отвязался ведь «дух»-то. Струсил, и никто ему на помощь не пришёл. «Дух» – дак он и дух. Ведь незаметно откуда он в темноте-то появился! Да уж, что такое, нас в армию берут, что мы, должны молитвы, что ли, петь да «Боже, царя храни»?! – переговаривали ребята и, идя по набережной, снова запели:

Мой костёр в тумане светит,
Искры гаснут на лету.

[397] «Песня рекрута» – песня, слова и музыка народные.

[398] Околотчик – околоточный надзиратель, чиновник городской полиции, ведавший околотком – минимальной частью полицейского участка.

[399] «Могила» – песня, автор Я. Ф. Пригожий.

Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту.
На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни,
Как концы её, с тобою
Мы сходились в эти дни!
Кто-то мне судьбу предскажет,
Кто-то, ясный сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой!
Мой костёр в тумане светит,
Искры гаснут на лету,
Мой костёр уж догорает,
Я любить уж не могу[400]!

Спустились к берегу Камы, сели на брёвешко, ещё весной, в половодье, нанесённое на берег, насобирали щепья, разложили костерок. Зажгли – благо и спички нашлись у Саши Таначёва.

– Пусть «дух» сюда придёт, мы ему споём «Боже, царя храни»! – разжигая костёр, проговорил с угрозой Таначёв.

– Не придёт, не дурак! Он, наверно, ушёл или к бабе, или земскому начальнику жаловаться.

– А я бы ещё не так ему спел! – проговорил Вася.– Я бы спел, помнишь, Иванко, как мы на спевках, когда не было отца Василия и Ивана Кузьмича, баловались, пели «Боже, царя охорони!» и т. д.

Все засмеялись.

– Давайте ещё какую-нибудь споём.

– Давай, давай какую-нибудь!

– А вот давайте такую,– и Ваня затянул:

Ты сидишь одиноко и смотришь с тоской,
Как печально камин догорает,
И как яркое пламя то вспыхнет порой,
То бессильно опять угасает.

– Не гаснет, не гаснет,– прокричал Таначёв, встав перед костром на коленки и раздувая угли, подбрасывая в костерок щепок, а Ваня и все подхватили:

Но, постой, ещё миг, ещё миг, и не будет огней,
Что тебя так ласкали и грели.
Лишь останется грудка потухших углей,
Что сейчас догореть не успели!
О, поверь, что любовь – это тот же камин,
Где сгорают все лучшие грёзы.
Охладеет любовь – в сердце холод один,

[400] «Мой костёр в тумане светит» – песня, автор слов Я. П. Полонский, автор музыки Я. Ф. Пригожий.

Позади же – страданья и слезы[401]!

– Пошли, ребята, «духа» нет! – предложил Зайцев Коля.– А знаете, что я придумал? – заговорил он же, топча сапогами и разобрасывая ещё горячие угольки костерка,– завтра мы с Санькой наберём тройку лошадей, запряжём в большую телегу, соберём рекрутов – и с песнями по Ершовке! Идёт?!

– Идёт,– согласились ребята и направились по домам.

Коля и Саша Зайцевы обещание выполнили. Под вечерок на второй день на разряженной тройке с бубенцами и цветными лентами подкатили к лавке Устиньи Полонянкиной. Соскочили с телеги, забежали к Ване и Васе.

– Вот мы и снарядились, как на масленице. Давайте готовьтесь, а мы ещё с Нижней Ершовки соберём рекрутов.

– А «дух» с земским начальником дадут нам покататься?

– Э, да мы в случае чего лошадями их перетопчем!

С Нижней Ершовки вернулись быстро. На телеге уже стояли на ногах, держась за верёвку, протянутую от передницы. Ваня с Васей так же вскочили на телегу и ухватились за верёвку. Но тут случилось неожиданное: Санька Зайцев, командовавший тройкой, гикнул, тройка рванула, да так, что верёвка не вытерпела, и все ребята свалились кучей на землю. К счастью, отделались лёгкими ушибами. Часа два гоняли с песнями по Ершовке, и ни «духа», ни земского начальника не встретили, хотя старались прибавить голосов, проезжая мимо их квартир.

Настал день отправки. К десяти часам утра с плачем провожающих новобранцы собрались у волостного правления. Сюда же приехали и новобранцы со всех деревень Ершовской волости. Из помещения волостного правления на крыльцо вышел «дух» в сопровождении писаря Корсакова.

– Призывникам построиться! – торжествующе провозгласил «дух».

На минуту как бы умолкший плач провожавших родственников с новой силой разразился среди толпы у церковной площади. Строиться – но где, как?!

Урядник махнул рукой стоявшему писарю, тот вынул из папки лист бумаги и начал выкликать по фамилиям призывников.

– Кого выкликали – иди, становись вот тут – указал «дух» на столб у коновязи. Второй, [в] ставай рядом!

Ваня сперва решил сосчитать, сколько новобранцев, но, досчитав до сорока, спутался и от душераздирающего плача и гомона. Наконец, перекличка закончена. Писарь Корсаков отдал список уряднику, а он скомандовал:

– Всех, кого выкликнули, я поведу на перевоз, не расходиться! Встаньте по четыре человека – и за мной пошли!

Но где же тут получится по четыре человека?! Призывники смешались с провожающими, получилась толпа. Так, под рёв и стон, дошли до перевоза. В городе, при посадке с пристани на пароход, урядник снова сделал перекличку и сдал [призывников] провожатым, выделенным из городской полиции. Пароход дал свистки отправления, выйдя на середину Камы, начал подавать прощальные свистки.

[401] «У камина» – песня, автор слов С. А. Гарин, автор музыки Я. Ф. Пригожий.

Ваня с Васей устроились на пароходе в группе ершовцев. Доехав до пристани Сайгатка[402], на пароход поступила ещё партия новобранцев. В город Осу приехали 13 августа 1915 г[403]., где были размещены по частным квартирам. Оставив на квартире котомки с подорожниками, Вася и Ваня пошли осматривать город Осу. Купили арбуз у лавочника, но неудачный, и больше половины скормили тут же шатавшимся свиньям.

На следующий день ровно к девяти часам утра подошли к ограде одноэтажного каменного дома, обнесённого железной оградой, покрашенной в голубой цвет. Вся площадь ограды[404] и за оградой толпились призывники. На крыльце [человек] в солдатской шинели с двумя лычками на погонах начал по списку выкрикивать фамилии призывников в Осинской волости и запускал их в здание по очерёдности. До Ершовской волости очередь дошла уже после обеденного перерыва. Два братана, Вася и Ваня, шли один за другим. Первый перед дверями приёмного кабинета донага разделся Вася, наготове стоял и Ваня. В приёмной от стола к столу проходили призывники. За Васей к регистрационному столу подошёл Ваня. Оба они очень смутились, увидев за столами, в ряд с военными, врачей-женщин, без стеснения вертевших нагих призывников.

– Как фамилия? Какое имеешь образование? Кто родители? – спрашивал регистратор.

– Давно окончили ремесленную школу и по какой специальности? – спросил Ваню сидевший рядом военный, а сам что-то записал и записку отдал на рядом стоящий стол, за которым сидела женщина-врач и военный.

Вася уже осматривался у третьего стола. Регистратор, закончив записи, проводил Ваню к первому столу. Ваня чувствовал, как сразу загорели у него уши, когда он подошёл к женщине-врачу. Та, встав из-за стола, стала прослушивать у него грудную клетку, расспрашивая, какие перенёс он болезни. Заставила три раза скашлять, заглянула в рот и послала к следующему столу. У стола также сидела врач-женщина, но осмотр был самым курьёзным для Вани. Врач, не вставая со стула, велела подойти к ней, взяла в руку по палочке и начала палочками перебирать половые органы. Заставила также кашлять. Никак Ваня не ожидал такого искушения! «Вот, оказывается, над какими палочками смеялись ребята в ограде, пройдя уже приёмную»,– догадался Ваня. У следующих столов проверяли слух, зрение, колотили молотком по коленкам, черкали чем-то, как ногтем, грудь, спину.

Вася ожидал Ваню при выходе из приёмной и, встретив Ваню, спросил:

– Ну как, Иванко?

– Ну их, отпетых и незахоронённых! Как им не стыдно! – возмутился Ваня.

– А что им стыдиться-то? – вмешался подслушавший их разговор один из толпы новобранцев.– Если у кого он забуянит, так она звякнет палочкой-то по башке, али плеснет на его лысину холодной водой, видели, у неё рядом ведро с водой, и кружка тут! – продолжал он под хохот ребят.

---

[402] Сайгатка – село в Осинском уезде Пермской губернии, ныне город Чайковский в Пермском крае.

[403] *1915 г.* вписано поверх строки.

[404] Так в документе, правильно *на всей площади ограды*.

– А тебе – что, видно, плескала? Откуда ты знаешь? – послышался из толпы второй голос.

– Э, про меня нечего сказать! Он у меня спокойный! Даже не подумал перед такими продуманными. Всё время на параде-то вниз головой провисел!

Все грохнули хохотать, а новобранец добавил:

– Что смеётесь? Ведь, в самом деле, нет более несчастного творенья, обречённого больше полжизни ходить и болтаться вниз головой! – снова грохнули хохотать.

В третьем часу на крылечке появились солдаты со списками в руках:

– Слушайте, служивые, внимательно! – прокричал один из них.– Кого вскричу по фамилии, выходите за ограду ко мне. И, назвав фамилию последнего, сказал: – Пошли за мной,– и вышел за ограду, за ним пошли, кого он вызывал, по списку.

Дошла очередь и до ершовцев, но почему-то Ваню с Васей не вызвали. «В чём дело?» – все недоумевали. У товарищей-ершовцев даже сложилось мнение, что побратимов[405] Деськовых забраковали. Однако следующий солдат первых выкрикнул Деськовых и, набрав около двух десятков, собрал всех около себя, объявил:

– Вы, новобранцы, приняты на флот. Сегодня идите по квартирам, а завтра явитесь к девяти часам утра сюда в канцелярию за получением временных отпусков.

По дороге к квартире Ваня сказал Васе:

– Ты, Иванко, чего-либо понял, что он сказал? Какая-то игра, что ли, с нами?!

На второй день на площади у приёмной увидели новобранцев, уже построенных по отделениям:

– Раз – два, раз – два, левой, левой – раз, два! – командовал солдат.

Приметили и ершовцев, топающих на площади. К девяти зашли в канцелярию и получили документы следующего содержания:

Отпускной билет № 00/3443.

Предъявитель сего, новобранец досрочного призыва 1917 года Деськов Иван Николаевич, происходящий из крестьян Пермской губернии, Осинскаго уезда, Ершовской волости, назначенный на службу в первый флотский экипаж Балтийского флота[406] (гор. Кронштадт[407]), на основании телеграммы мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба от 6 августа сего года за № 24627 временно отпущен в место своей прописки по 1 мая 1916[408] г. По окончании отпуска Деськов обязан явиться во вверенное мне Управление в 8 часам утра 1 мая 1916 года, что подписью и приложением казённой печати удостоверяется.

14 августа 1915 года. Гор. Оса.

---

[405] Так в документе, правильно *братьев*.

[406] Флотский экипаж – воинская часть в составе флота, приравненная к сухопутному полку.

[407] Кронштадт – город-порт, база Балтийского флота на острове Котлин в Финском заливе, ныне – Кронштадсткий район города федерального значения Санкт-Петербург.

[408] *5* исправлено на *6*.

Осинский уездный воинский начальник подполковник Троицкий.
Делопроизводитель, губернский секретарь: подпись неразборчива[409].

Получив отпускные билеты, Вася с Ваней подошли во время перекура к ершовским новобранцам, показали им свои отпускные билеты и распрощались с ними. Ребята попросили Васю и Ваню по приезде домой передавать всем их родным поклоны. Придя на квартиру и забрав котомки, Вася с Ваней отправились на пристань и 16 августа уже приехали домой. Дома семьи и глазам не верили, что ребята вернулись домой. Радости, конечно, не было конца. На второй день по приезде к Николаю Васильевичу прибежал пронюхавший уже о приезде[410] двоих новобранцев ершовский «дух». Повертев в руках отпускные билеты у ребят, повёл их в волостное правление и подал для регистрации писарю Корсакову. На разговор их из своего закутка вышел староста Коротков. Писарь прочитал ему отпускные билеты и дал указание выдать ребятам удостоверения, что они приняты на флот и отпущены до 1 мая 1916 года.

– А на что нам ваши удостоверения? Вы вот нам при отправке в Осу давали такие бумажки, что мы едем до Осы на расстояние 160 вёрст на свой счёт. Сказали, что там уплатят, а там сказали, что вы должны были отправить на казённый счёт. Кто же оплатит дорогу? Возьмите обратно ваши бумажки, хоть они и с копчёными печатями и вашими подписями! Один обман! – проговорил с возмущением Вася, вынимая удостоверение.

Он бросил его перед Корсаковым. Однако Корсаков удостоверения об отпусках заготовил. Занеся керосиновую лампочку, староста Коротков прочитал тексты удостоверений, расписался, вынул металлическую печать, накоптил её над лампой и пришлёпнул.

С возвращением домой Васи и Вани в семьях начались совещания: как быть? Если отправиться им учиться до мая, дело не выйдет, так как в волости старшина Коротков, «дух» и писарь строго ребят предупредили о невыезде их из Ершовки. Толковал, толковали и всё же пришли к тому, чтобы ребята остались дома, а после начала занятий в школе сообщить, что приехать не смогут – взяты в армию. Николай даже выразил мнение, что раз ребята взяты на учёт, то могут [их] и раньше срока затребовать.

Ваня, используя это время, весь погрузился в хозяйственные работы. А работы оставалось ещё много. С горькими думами он смотрел на обездоленных, остающихся в сиротстве, болезненных отца и мать.

– Только бы им отдыхать на печи, а уж не работать, а видишь, что получается! Да и дождутся ли они хотя одной жизненной радости? Увидят ли своих любимых детушек? Вот оно и верно – житейское море, где одни удары волн сменяются другими и поражают человека! Прав отец.

---

[409] По состоянию на 1916 г. Осинским уездным воинским начальником был подполковник Троицкий Иван Матвеевич, делопроизводителем был губернский секретарь Большаков Александр Фёдорович.

[410] После *приезде* вычеркнуто слово *также*.

Вертелись мысли в голове у Вани, и ежедневно он задавался целью как можно [больше] облегчить их положение. Благо, что в работе ему ещё нет-нет да стал оказывать посильную помощь братан Вася. То вместе съездят по сено, то за снопами в поле, где одному тяжело справиться.

В середине сентября ребята послали в школу письмо с извещением, что они мобилизованы в армию, и просили заведующего школой Бабушкина Василия Петровича выслать им какой-либо документ, что они действительно являются учениками школы.

В первых числах октября из школы им выслали по билету следующего содержания:

Г [лавное] У [правление] З [емлеустройства] и З [емледелия]
Заведующий школами инструкторов по обработке дерева
Октября 6 дня 1915 г.
№ 1079
Мариинский Посад
Казанской губернии

Билет

Предъявитель сего, ученик 2-го класса экипажной школы Иван Деськов отпущен мною для отбывания воинской повинности, сроком от сего числа впредь до истечения срока отбывания названной повинности.

В удостоверение чего и дан ему, Деськову, сей билет за надлежащим подписом и приложением казённой печати.

У сего (печать)
Заведующий школой инструкторов
(подпись И. Тараканов)

Шли дни за днями. Если полевые работы кой-как свалили с плеч, то нужно было к зиме запастись дровами. Николай сходил в лесничество и о [т] хлопотал заготовку сучьев в лесу на две кубических сажени. Заготовкой занялись всем семейством, исключая малолетку Маню. С с [е] редины ноября по снежному пути Ваня занялся вывозкой сучьев из леса. Николая в это время крепко начала одолевать паховая грыжа, да и так, что выписанный сарапульским врачом бандаж для борьбы с ней плохо помогал. К тому же возобновились ревматические боли в ногах и руках. С трудом он ходил по двору и уж оказать какую-либо помощь в работе Ване не мог.

В конце ноября с фронта[411] от Петра дождались весточки. Иван Васильевич из окна заметил, что к братику заходил волостной рассыльный. Надёрнул на плечи полушубок и без шапки в сопровождении Васи прибежал к братику.

– Кака [я] -нибудь весточка, братик, пришла? – спросил он сходу Николая, державшего пустой конверт от письма и разглядывавшего на нём адрес.

Авдотья Степановна села рядом к Ване на лавку и, вытирая слёзы, с нетерпением ждала, когда же Ваня начнёт читать долгожданную весточку от сынка со службы, а Ваня в это время бегло глазами водил по письму, стараясь уловить, нет

[411] *Из Хабаровска* вписано поверх строки.

ли какого[412]-нибудь тяжёлого сообщения, умышленно перевёртывая листки письма, как бы нащупывая начало, и, наконец, начал:

«Папа и мама,

Простите меня, что я был в долгом молчании. Были такие минуты, а именно: всё ежедневно с сентября месяца ждал от вас письма, но до сего времени никакой весточки нет. Мне писать не было никакой возможности, так как всё время в походах, а если и остановимся на несколько времени, утомишься. Писал бы вам письмо, да подумаешь – жив и здоров, и слава Всевышнему. И вы не пишете, то я и думаю – всё благополучно на родине, в родном гнёздышке.

Как, папа и мама, вам-то живётся, каково ваше здоровье и как идут дела? Как живёт брата Павла семейство? Привет им от меня.

Я получил от Вани письмо, будто бы он приехал домой. Окончил ли он курс в инструкторской школе, и где Вася находится, дома или в школе ещё? Я им шлю привет из театра военных действий».

От этих слов Авдотья Степановна склонила, и без того в слезах, голову, уткнувшись в посуденное полотенце и еле выговаривая[413]:

– Зна-чит, и Пе-тя па… у! У!

К её рыданиям с визгом плача подбежала Маня, а когда Ваня продолжил читку письма: «Папа, известно ли вам и его семейству, что брат Паша вернулся в ряды армии?» – тут уже присоединилась до этого втихомолку плакавшая, глядя на свекровь и дочурку, Якимовна, зарыдала, не отставая от других.

– Да за что нас Бог наказывает?! – голосили и причитали сноха со свекровью, и как только причитанья стихли, Ваня продолжил: «Как живёт сестричка Таня и её семейство? Каково у них здоровье – привет им братский от меня и горячие всем прощальные поцелуи! Приветы передавайте от меня всем родным и знакомым, а главное – крёстному Фёдору Ивановичу и его семейству. Быть может, они меня забыли, но я никого не забыл. Я живу покуда ничего – «покуда». С нами Бог, разумейте языцы и покоряйтеся, яко с нами Бог! Кто Бог велик, яко Бог [с] нами. Придётся ли, папа и мама, с вами свидеться, это вопрос. Вот уже пятый год пойдёт с 24 ноября, как не вижу вас. Но пока прощайте.

Остаюсь жив, здоров,

ваш сын
Пётр Николаевич Деськов.
1915 г. 11 ноября.
Действующая армия,
37-й Сибирский стрелковый полк
10-й Сибирской стрелковой дивизии».

Ваня читку письма закончил, и [в] схлипывания продолжились. Авдотья Степановна, зажав руками голову, проговорила сквозь слёзы:

– Пойду прилягу, голова заболела.

---

[412] После *какого* вычеркнуто *чего*; *какого* вписано поверх строки.

[413] После *выговаривая* вычеркнуто *громко за*.

– Я, баба, с тобой! – увязалась за ней внучка, и [они] вдвоём забрались на полати.

Якимовна, обливаясь слезами, направилась было к своей кровати, но быстро повернулась и ушла за печь, хлюпая вполголоса. Николай Васильевич с братиком сидели и переглядывались один на другого, как бы продумывая это известие, не находя слов для разговора и обсуждения. Николай не мог начать разговор. У него подошёл как бы комок к сердцу, а братик Иван Васильевич, видя подступившую горечь к Николаю и прислушиваясь к рыданиям на полатях и за печкой, тоже сидел ошарашенный. Молчание нарушила внучка:

– Дедо, дедо! Баба пасет! Дедо, баба, мама пасут[414]! – кричала она с полатей.

– Пусть не плачут, скажи им, Бог милостив! Не всех же убивают! – ответил он ей, и у самого навернулись слёзы.

Ваня ещё не видал, чтоб его тятечка плакал, и, чтоб рассеять эти тяжёлые переживания, заговорил:

– Я так думаю, тятечка. Война всё равно долго не продлится. Если бы уж сильно было на войне дело плохо, то нам бы не дали отпусков. Не правда ли, Вася? А если дела плохи, как в японскую войну, наши пойдут на мировую. Японцы нам наподдавали, ну и на мировую пошли, так и теперь. Германцы попрут, ну и войне будет конец. Воевать-то ведь нечем! Помнишь,– обратился он опять к Васе,– как нам говорил раненый солдат на пароходе: говорил, что у наших и винтовок мало, и снарядов нет. Так что же за война?! Всё равно, думаю, она кончится скоро. Вот я так думаю!

– Да дай бы Бог! Хоть бы Господь вразумил безумцев! – проговорил Иван Васильевич, пересаживаясь на скамейке.

– Да уж, конечно, только надо надеяться на Господа Бога. Больше, видно, не на кого. Так, опять же,– говорил Николай,– как ведь на примирение посмотрят другие державы: Англия, Франция и Сербия, да и сам германец. Вот ведь в какую кашу попала матушка Россия! Паша вот что-то не пишет. Он бы, может быть, чего-нибудь прописал.

– Да, Пашуха, Пашуха, вот ведь, уже и поранен и снова, поди, смотрит смерти в глаза! – проговорил Иван Васильевич, не подумав, что своими суждениями заденет наболевшие сердца и одумался лишь тогда, как снова на полатях и за печкой послышались рыдающие голоса Степановны и Якимовны.– Ну что же поделаешь, видно, братик, воля Божья! Будем ждать письма и от Пашухи. Митрий что-то тоже молчит! – чувствуя своё неловкое положение, проговорил Иван Васильевич, собираясь уходить.

Проходя мимо печи и полатей, он проговорил:

– Я так думаю, Пашуху опосля раненья-то на войну больше не пошлют. И дай бы Бог! Ну, прощайте! – и вышел.

Якимовна, выйдя из-за печи и утирая слёзы, спросила свёкра:

– А как, тятенька, могут Пашу от войны освободить?

[414] Автор передаёт детскую речь.

– Могут, конечно, пока не поправиться от раненьев, где-нибудь [может] и в тыловых частях быть. Тоже в воинской части, но не на фронте. Служба – она ведь большая. Один на фронте воюет, а другой тоже служит, а войны не видит.

– Отец, писать надо хоть Петюше-то, завтра же,– слезая с полатей, проговорила сквозь слёзы Авдотья Степановна.– Пашу потеряли, Митрия потеряли, ни писем, ни адресов ведь от них нет, дак хоть Петюше отписать надо. Ох, горюшко наше!

– Завтра же, Анна, пиши Петру от нас и всех родных хоть небольшое письмишко. Адрес-то он ведь послал.

– А в какой город-то пошлём, тятенька?

– Город-то не указывается, а только полк, а там уж найдут,– объяснил Николай.

Снова потянулось мрачное время. Каждый день не приносил в село радостных вестей, а только жуткие тяжёлые думы потрясали каждого. При каждом появлении на улице волостного рассыльного сердце билось тревожно. Хорошо, если доброе известие, а если похоронная?! «Пал за веру, царя и Отечество?!» Сохрани, Господи, помилуй! Царица Небесная, Мать Пресвятая Богородица! Не дай-то Бог, чтоб получить такую весть! – каждый переживал такое состояние. А такие известия не обходили ершовцев. Вот, получил недавно такую горестную весть Иван Алексеевич Коротков, а на днях и Иван Поликарпович Коротков, о гибели сыновей Михаила и гвардейца Семёновского полка – Афанасия. Он только перед войной приезжал на побывку. В гвардейском парадном обмундировании просто ошеломил блеском всё село и, казалось бы, что такого богатыря пуля пробить постесняется, а нет! Погиб! А время идёт, идёт и несёт всё новые известия. Война полощет с той же яростью жертвы, слёзы и вопли, а победы и спасенья, как ни вымаливай, нет!

В воскресные и праздничные дни обычно к дому Николая Васильевича приходил изуродованный на беляне и теперь живущий на подаяниях Тихон Павлович. Подойдя к дому, он робко постучал в сенные двери и изуродованными челюстями с трудом проговорил:

– Мик-ла Пиль-вич, До-тя Па-нов-на, мило-ти Хри-та ра-ди[415]!

– Зайди, Тихон Павлович, погрейся! – пригласили его. Но редко удавалось Николаю Васильевичу или Авдотье Степановне завести этого несчастного человека в дом. На все настойчивые приглашения Тихона Павловича он обычно в летнее время, навалившись на завалинку, устраивался под окном, а в зимнюю пору заходил только в сенки. Вот и на этот раз, зная его повадки, Авдотья Степановна, набросив на себя полушубок и взяв кусок хлеба, вышла его встретить. Тихон Павлович, беря милостыньку, как обычно, начал справляться о здоровье семьи, что слышно о Павле, Петре и Дмитрии. Каково здоровье семейства Павла, как его малютки Манюрка и самый малыш Борька, ждут ли отца со службы. Забросал вопросами и о Ване с Васей:

– Мо жо Дотя Пановны Ван и Вас ка-ак. Как номя чей не кончится[416]?

[415] Так в документе, правильно *Николай Васильевич, Авдотья Степановна, милостыни, Христа ради!*

[416] Так в документе, правильно *Авдотья Степановна, Ваня и Вася как? Как, война не закончится?*

– Да дай бы Бог, Тихон Павлович! Уж мы до боли в голове с Анной изревелись. Слава богу, что хоть детишки-то, внучата наши, здоровенькие,– говорила Авдотья.– Оспа шибко робят-то губит!

– У нас на Нижней Ершовке кажой день [болевших] оспой робят хоронят! – сообщал Тихон.

– Да вот и мы за малышек-то боимся. Хотя уж мы всем с рожденья прививали оспу, отец настаивал. Хоть говорили в людях-то, что прививка оспы, дескать, сатанинская печать, но мы не верили, всем прививки делали, ну и внучатам тоже,– отвечала Авдотья Тихону.

– Ну, как здоровье Тихон Павлович, здравствуй-ка! – приветствовал Тихона тоже одевшийся по-зимнему Николай.

– Здра-ва, Си-льеч[417]!

– Что новенького по Ершовке слышно, Тихон Павлович? Давайте зайдём в избу, ведь холодно в сенках-то!

– Си-ба-а, си-ба-а Силь-еч[418]!

– Вот, отец, Тихон Павлович говорит, что о [т] оспы много детишек мрёт,– пояснила Авдотья.

– А вот, Тихон Павлович, хоть нас в Ершовке с Авдотьей и упрекают, что мы детям всем обязательно делаем прививки от оспы, и наших детей Бог хранит. Не верим мы, что это сатанинское клеймо! Вот только у дочери Пани почему-то прививка не привилась, и она переболела. А ребятишки – и Паша, и Петька, да и Ваня ведь не заразились от неё. И играли, и водились с ней, с оспенной, а не заболели. Прививка их сберегла. Я и братику советовал прививать своим детям.

– Бог зна-ат, Силь-еч и Спан-на! – и начал было уходить, но на этот раз всё же Николаю и Авдотье удалось уговорить Тихона зайти в избу и выпить чашку чая.

Как в народе говорится: залезла одна беда в ворота, не успел закрыть ворота – залезет и вторая. Так, за четыре[419] дня до зимнего Николы (9 декабря ст [арого] ст [иля])[420] под утро рассыльный из волости принёс Ване и Васе повестки: «Явиться на призывной пункт в город Осу 10 декабря к десяти часам утра».

– Вот тебе и до 1 мая гуляли! – переглядывались, ошеломлённые, между собой братаны Вася и Ваня.

Опять в семьях Николая Васильевича и Ивана Васильевича слёзы, рыдания. Как быть? Что делать?

Зима вступила в свои права. Стоят на дворе зимние никольские морозы. До Осы сто пятьдесят вёрст! Такое расстояние испытанным в походах Васе и Ване уж не так страшно, но положение непонятно: отпуск до 1 мая – и вдруг вызов. Николай, посоветовавшись с братиком, пошёл за разъяснениями в волостное правление. В волостном правлении писарь Корсаков ему коротко ответил:

---

[417] Так в документе, правильно *здорово, Васильевич!*

[418] Так в документе, правильно *спасибо, Васильевич!*

[419] *Четыре* вписано поверх строки.

[420] Автор путает. Никола Зимний отмечается 6 декабря по юлианскому календарю.

– Что мы, сами, что ли, выдумали?! Пришёл плакаться! Их ровесники уже пятый месяц за веру, царя и Отечество кровь проливают, а твои Ванька с Васькой по улицам говяши пинают!

– Не знаю, кто больше пинает: они [и] ли тот, кто это говорит! – ответил Николай вскочившему из-за стола на его реплику писарю.

На шум писаря вышел из закутки волостной старшина Коротков, держа в левой руке старшинскую медную бляху.

– В чём дело, Деськов, чего тебе непонятно?! – закричал он, подойдя вплотную к Николаю.

– Да уж как будто теперь всё понятно, гражданин старшина! У меня двое сынов на фронте, да ещё и последнего гоните туда же!

– Вот и должен ты гордиться, что дети твои годны защищать царя- батюшку, веру православную, Отечество! Вызывает Оса, значит надо и их.

– Я вот земскому начальнику доложу, как он разговаривал со мной,– вмешался Корсаков, садясь на место.

– А как же быть-то, господин[421] староста? Ведь они не скотина – гнать их пешком в клящие морозы[422] до Осы?

– У вас лошадь есть, отвезёте! Ты вот пришёл кричать сюда, как в кабак, а мы и то уж думали с Корсаковым об их отправке. Или сами везите их, Николай Васильевич, или мы советуем дойти до Ивана Александровича Короткова и поговорить с ним, может, он попутно увезёт ребят в Осу. Он вот только перед тобой был у нас, спрашивал, нет ли каких бумаг у нас к отправке в уезд, дескать, завтра или послезавтра посылаю кучера в Осу за племянницами. Племянницы у него в Осе учатся в гимназии, и на обратном пути ямщик их привезёт на рождественские каникулы. Договоришься с ним, много он с вас не возьмёт. Ямщик до Осы порожняком поедет. Понял?

– Понять-то я понял, что опять нужны деньги,– проговорил Николай.

Тяжело шагалось Николаю до дому по улице. Сразу как будто горечь на душе спустилась в его и без того больные ноги. Дома его ожидал братик, сидевший на скамейке, также с тяжёлыми думами в ожидании результата переговоров в волостном правлении. Авдотья Степановна так и не вылезала из-за печи. Не хотелось ей показывать свои слёзы перед угрюмо сидевшим на лавке деверем. Как только скрипнули ворота и послышался характерный лязг западка у ворот, она точно очнулась и, утирая слёзы, подошла к двери для встречи мужа. На её вопрос «ну как?» Николай только и проговорил:

– Видно, приходится, душа, собирать последнего сына! – и, пройдя в комнатку, рассказал всё, как встретили его в волостном правлении.

В избу забежала с заплаканными глазами и мать Васи, Вера Степановна. Иван Васильевич, топтавшийся около подтопочка, подошёл к жене и проговорил вполголоса:

---

[421] *Староста* вписано поверх строки; после *господин* вычеркнуто слово *старшина*.

[422] Клящие морозы – сильные морозы.

– Собирать, Верунька, и нам надо Василка, торопиться. Да и брата Ивана с Таисией Прохоровной надо оповестить, чтоб пришли на проводы. А вот сестру, Авдотью Ивановну, как мы оповестим? Может, кто в город собирается, надо узнавать и заказать. Парасковья-то Николаевна, поди, тоже не знает,– обратился он к Николаю и Авдотье.

– Конечно, где же она знает в Армязи-то! Уж как-то надо армязских увидать, чтоб передали ей,– ответила Авдотья Степановна.

– Как мы их отправим, братик? Придётся ведь кому-то из нас отвозить, не пешком же пойдут в такие морозы! – обратился к братику Иван Васильевич.

Николай только тут вспомнил совет волостного старшины: обратиться к купцу Ивану Александровичу Короткову, не согласится ли он попутно увезти ребят в Осу. Опомнившись, он и рассказал братику о [б] этом разговоре со старшиной.

– Ну, братик, дак ведь он даром не повезёт, это такой живоглот. Сдерёт, пользуясь нашей бедой. Где денег-то возьмём? Вчера с Федягой мы пятак на керасин искали, а ему ведь рубля будет мало.

– А что будет, братик, а я попробую к нему сходить переговорить. Может, он и посочувствует нашей беде. Денег-то и у нас нет, но в случае чего буду его упрашивать, что в рассрочку уплатим. Ведь есть же у него крест на шее, посочувствует. А ну, если не договоримся, то уж придётся самим поехать. Пешком-то их отправить, я уж всяко думал. Ведь каки [е] морозы, да и разве они дойдут до Осы к сроку? Бегом не добежишь! Малость передохну, погреюсь и пойду. Ведь ничё, братик, не поделаешь! Знаешь, как говорится, «при беде и нужде и татарину в ножки падёшь да батюшкой назовёшь».

– Да, так оно! – согласился с доводами брата Иван Васильевич.

– Не знаю, отец, чё готовить на дорогу Васятке-то? – проговорила Вера Степановна сквозь слёзы.

– А что солдату нужно? – ответил ей за брата Николай,– дня на два чё-нибудь постряпайте мягонького, а тут насушите сухариков. Чё больше…

Долго Николай стучался в ворота к купцу Короткову Ивану Александровичу. Злой лохматый пёс с надрывной хрипотой лаял, бросаясь к воротам, гремя цепью. Николай потерял было надежду достучаться, но услышал окрик разъярённой собаки дворником. Дворник-работник не сразу открыл дверку калитки. Укоротив цепь у собаки, спросил, кто его тревожит и по какому делу, и только тогда пропустил Николая. Курносая собака, обросшая длинной, не в номер, шерстью, да так, что и глаз из-за шерсти было не видно, ещё яростнее набрасывалась на пришельца, несмотря на окрики работника.

Работник Николая провёл на кухню, расположенную в нижнем этаже, а сам послал прислугу доложить хозяину. Иван Александрович, не торопясь, спустился по лестнице на кухню. Николай Васильевич, готовясь к разговору, поздоровался и начал:

– До вашей милости, Иван Александрович, я пришёл. У меня последнего сынка гонят на службу. Да и братика тоже сынишку. Повестки вручили им в Осу явиться 10 числа. Пешком их отправить – ведь морозы, да и опоздают. Вот мы и решили просить

вашей милости, не увезёте ли их попутно? Старшина мне сказал, что вы порожняком посылаете лошадей за ученицами в Осу. Может, не откажете нам в этом помочь?

Иван Васильевич выслушал Николая, высморкался в носовой платок и подошёл вплотную к Николаю:

– Вот что, Николай Васильевич,– заговорил он.– Говоришь, последнего гонят? Да как это так – гонят? В церкву ты, Николай Васильевич, я вижу, аккуратно ходишь! Слово Божье слушаешь, а говоришь – гонят! Счастье твоё, что твои дети идут на защиту веры православной, батюшки-царя и Отечества. А ты говоришь – гонят!

– Дак ведь третьего, Иван Александрович! – взмолился Николай.

– Вот и честь тебе и Авдотье Степановне, что ваши детки пошли на такое святое дело, а нам только и надо Бога молить, чтоб даровал победу над врагом! Лошадей-то я и вправду посылаю за племянницами. Соскучился о них и, пожалуй, можно и ваших солдатиков захватить. Завтра, нет, пожалуй, послезавтра, мы и отправим, утречком, пораньше. Только, Николай Васильевич, по пятёрке с носу!

«Вот так здорово,– думал Николай.– Отдай детей, да ещё и по пяти рублей, разве тоже это богоугодно?»

Видя смутившегося Николая, Иван Александрович продолжил:

– Дорога-то ведь дальняя, Николай Васильевич! Разве вам дешевле обойдётся, если вы сами их повезёте?! Лошадей загоните – шутка сказать, взад-вперёд ведь триста вёрст!

Николай слушал и раздумывал: «Оно, конечно, по его рассудку, так, а вот по-нашему так, ради «святого дела»,– это обдираловка, не что иное».

Но что делать, и он, заглушив в сердце обиду, заговорил:

– Иван Александрович! Вы вот говорите «на святое дело», а сами не хотите помочь нашему горю! Не пришёл бы ведь я вас молить и просить, если бы мне вернули детей с войны и не тревожили бы последнего! Ведь я уж не работник! Кое-как хоть со старухой кусок хлеба добываем, и откуда нам взять пять рублей?! Хоть единственных наших кормильцев – или лошадь, иль коровёнку продавай да кошель одевай!

Иван Александрович было немного растопился, слушая горестные слова Николая, и решил уступить:

– Глядите, дело ваше. Ведь ты, Николай Васильевич, сам подумай, повезёшь кого-нибудь за тройку до Осы? Лошади овса больше израсходуешь! Да сам намучаешься!

«Ну, Бог с тобой! Возьми!» – думал Николай.

Но на этом разговор не кончился. Иван Александрович потребовал уплатить ему деньги перед отъездом, и Николаю пришлось его ещё долго умолять, чтоб деньги внести в рассрочку, а перед отъездом внести наличными два рубля.

Идя домой после разговоров с Иваном Александровичем Николай раздумывал, шевеля губами:

– Бога на него нет! Ведь готов кожу содрать! Ещё мало у него богатства, видно! Радуйся, Николай Васильевич, что третьего сына вырывают на «святое дело». Подлец! Чтобы хотя для этого «святого дела» он без копейки отвёз ребят, ведь порожняком за

племянницами посылает своих лошадей. Ведь видно, что подлец рад нашему горю! Сторговаться-то я с ним сторговался, а откуда денег взять, да и что скажет братик? – перебирал он в своей голове.

Дома с нетерпением его ожидали обе семьи. Все пришли узнать, каков будет результат переговоров с гордым купчиком, набухавшим от богатства.

Николай, зайдя в избу и отдувая намёрзшие за дорогу сосульки с усов и постриженной бородёнки, с горечью сидел и рассказывал, как ему пришлось торговаться:

– Совести у него нет! Креста, видно, не носит! Думаю, Бог с ним, пусть возьмёт. Ещё мало пуза-то, и капиталу, видно, маловато! А пароход имеет, подлец, прости меня Господи! Вот бы кого отправить воевать, там бы ему германцы штыком сбавили пузу-то!

– Что ты, крёстный! Срамоты много будет! – иронически отозвался Фёдор.

Иван Васильевич сидел и, понуря голову, вслушивался в разговоры, и когда Николай спросил его: «Что, братик, будем делать?» – Иван Васильевич, как бы очнувшись, хлопнул шапкой об лавку, злостно выразился:

– Пусть, гад, возьмёт! Может, лопнет! Я вот, пока ты ходил, прикидывал в голове: ежели самим нам их отвозить, у нас лошади – что твоя, что моя – не выдюжат. Да и на чём мы их повезём? В дровнях? Кошовки, ведь если у кого и есть, не выпросишь! Рассрочкой-то как-нибудь уплатим! А вот, братик, в чём мы их отправим в такие морозы? Хоть бы на их пальтушки ещё бы полушубки одеть, и того у нас добра нет. Тулуп у нас – так совсем одна рвань.

– А хоть и рвань, а всё же, поди, можно будет хоть коленки закрыть! – вмешалась Авдотья Степановна и, подумав ещё, выразила надежду попросить на дорогу тулуп у брата Афанасия Степановича.

Седьмого декабря в утренний рассвет к дому Николая Васильевича подкатила крытая кибитка, запряжённая тройкой лошадей. Ямщик-работник постучал в ворота и вышедшему на стук Николаю вскричал:

– Николай Васильевич, где ребята-то, пусть идут садятся!

– Зайди в избу, погрейся, ребята собираются,– ответил Николай Васильевич.

… Зашёл, снял башлык и шапку. Трижды перекрестился на икону.

– Здравствуйте! Ну и погодка: морозец, да крепко северит! Ну да нас это не устрашит!

И правда, пожалуй, ему никакой мороз не страшен. Одет он в добротные валенки. Тулуп на нём новенький, пахнущий нафталином и дубильной краской. Поверх тулупа по поясу подпоясан широкой кумачной опояской. Настоящий барский кучер!

– Ой, да как же ребята поедут?! Милые детушки, ведь замёрзнут! – обливаясь слезами и суетясь со сборами около Вани, в растерянности кружилась Авдотья Степановна.

– Ничего не бойтесь, Степановна! У нас ещё добротный в запасе тулуп! Я их заверну как куколок, не заморожу! – успокаивал ямщик.

Зашёл в сопровождении всей семьи готовый к отъезду Вася. Поздоровавшись, они все расселись на скамейки.

– А что же, Авдотья Ивановна, видимо, не пришла из города брата и крестника[423] проводить? – спросил Николай братика.

– Да, видно, ей не передали, или морозу испужалась. Да ведь и ноги-то у неё худые. Пешком не дойти, а попутчиков не всегда встретишь,– ответил братику Иван Васильевич.

– У нас тоже Паня из Армязи не пришла на проводы. Где же ей в такую стужу тащиться с малюткой Тоней? Может, и свёкор со свекровью не пустили! – проговорил Николай.

– Ну как, все готовы? – торопил ямщик.– Кони как бы не убежали! Больно уж коренник-то беспокойный! – и, услышав звон колокольчика под дугой и ширпунов, быстро надел шапку и выбежал из избы.

– Ну что же, ребята, готовы? Давайте по обычаю присядем все на минутку да помолимся – и с Богом! – предложил Николай.

Все сели, молча посидели. Встали и помолились. Отцы и матери благословили детей в далёкое неведомое и вышли. Вера Степановна и Авдотья, голося, шли за Васей и Ваней, неся по худенькому полушубку в дополнение к полупальтушкам. Ямщик, увидев у них полушубки, замахал руками:

– Да чего вы, нашто им эти лопотины[424]?! – запротестовал он.– В бричке вон какой тулуп, да медвежий фартук! А ну, ребята, садись, я вас укутаю – никакой мороз не возьмёт! Ещё дорогой надышите, жарко будет!

Распростившись с родными, ребята полезли в бричку-кибитку. Ямщик завернул у них ноги в тулуп, одел медвежиной, закрыл кибитку, подошёл к Николаю и Ивану Васильевичам и сказал:

– Ну вот, разве замёрзнут? Целёхоньки будут в Осе, и волки нас не потревожат. Они ведь колокольца да бубенчиков боятся.

И только хотел было вскочить на облучок, как спохватился:

– Николай Васильевич, хозяин велел два рубля с вас получить и отдать ему.

– Ну и мироед! Не забыл ведь! – перемолвились братья и принесли по рублю.

Ямщик положил деньги в шубёнку, вскочил на облучок, гикнул на коней. Зазвенел под дугой колокольчик, залепетали бубенчики, подняло снежную пыль, а у ворот Николая Васильевича, обливаясь слезами, стояли и глядели вслед провожающие в неведомый путь своих родных. Но вот тройка, пробежав по улице два квартала, остановилась против дома Ивана Александровича. Ямщик спрыгнул и забежал с передачей денег хозяину. Вернувшись и усаживаясь на облучок, прогово [рил]:

– «Не отдали деньги» ещё ругать будет! А ну, поехали!

Зазвенел колокольчик над дугой, запереговаривали бубенцы, зашумел встречный северный ветер, а два «барина», жаль, что не в лаптях, а всё же в валенках,

[423] *Крестника* вписано поверх строки.

[424] Лопотина – простая верхняя одежда.

сидели под купеческим тулупом и медвежьей шкурой и думали, перебирая в голове, разные думы. Думали и о родных, зная, что в домах и теперь льются слёзы. Думали о войне, о братиках – как они там, живы ли. Но скоро они узнают об участи Иванка и Васяги! Да и о чём только не передумали, сидя молча, всяк свою думу. Думали и перебирали по косточке про скрягу- обдиралу Ивана Александровича. Недаром сельчане прозвали его за скряжество и обдираловку «чугунным царём». За какой-нибудь час езды побывали и на войне, и в детстве, и в школах, да где ещё[425] – и не перечесть. Недаром говорится, что быстрее мысли нет ничего на свете. И страшные мысли на ухабах или раскатах нет-нет да прорывались, и на спокойной дороге с новой силой одолевали, бросая в задумчивость. Монотонно звенел колокольчик с бубенцами, лишь ветер, порываясь, обливал кибитку жёсткой снежной пылью, да с визгом скользили кованые полозья. Ямщик было затянул «Последний нынешний денёчек…» – и вдруг на раскате вывалился из сиденья.

– Тпру, окаянные! – остановил он тройку.– Хоть тёплые шубёнки, а руки мёрзнут! – топчась около кибитки и хлопая шубёнками, заглядывая в кибитку на «господ», приговаривал он.

– Хоть бы, ребята, песни пели, всё же бы было веселей ехать! Вот раньше уходили, бывало, на службу новобранцы, всё с песнями, а вы что-то, знать-то, плачете?!

– Да нет, не плачем! О чём плакать? Ведь ещё не на войне! Сидим да дремлем. Что-то дремлется.

– А я вот тоже, видно, вздремнул, вывалился. Ну, поехали! – усадившись на облучок, тронул тройку.

Зашумел встречный северный ветер. Зазвенел, порою захлёбываясь, колокольчик под дугой. Зашелестели, опережая один другого, бубенчики-циркульцы.

– Ну и бесы, а не кони! Вот бы на таких копать! – переговаривались, мотаясь из стороны в сторону в кибитке, два по несчастью «барина».

– А ну, запевай, солдатня! Скучно так в дороге! – обратился ямщик к ребятам.

– «Солдатня». Какие мы «солдаты»! Да и настроения нет,– обидчиво отозвались ребята.

Ещё засветло проехали Сайгатку, но уже вскоре на белую скатерть стали спускаться сумерки, а справа, точно огненый шар в «рукавичках», выставив горб, поднималась луна.

– А знаешь, что, Вася, я думаю? Ведь может так случиться,– проговорил Ваня,– вот сейчас мы смотрим на луну, а в это же время там, где-то далеко-далеко, смотрит Павел или Петька, или кто-нибудь из родных, и взгляды наши на ней встречаются. Жаль только, что они безмолвны! Хоть бы от нас она передавала бы приветы!

– Ну и выдумал ты, Иванко! Вот мы бы с тобой послали взглядом им через луну приветы, а в это время германец или австриец как раз и смотрел на луну. Кому попадут наши с тобой приветы, как думаешь?

– Да, нежелательно,– согласился на доводы Васи Ваня.

[425] *Ещё* вписано поверх строки.

В одной из деревушек ямщик заехал к знакомому. Закинув разгорячённых коней попонами, подвязав их под соломой крытого сарая, сказал ребятам:

– Вылезайте! Маленько передохнём. Идите в избу. Не стесняйтесь, это наши знакомые. Я всегда останавливаюсь у них.

Ребята зашли в избу. Хозяйка оглядела их с ног до головы. Усадила на лавку и забренчала самоваром. Управив лошадей, в избу зашёл ямщик Ершов Ф. И. в сопровождении хозяина.

– Что, Фёдор, опять за внучатами? – обратилась она к ямщику.

– Послал хозяин привезти их на каникулы,– ответил он.

– А это кого везёшь? – глядя с подозрением на ребят.

– Некрута[426] это, некрута! Повестки получили на призыв.

– Вон чё! Такие молоденькие, батюшки! – снова оглядывая ребят, проговорила она.

– Ничё, солдатами будут. Вот только очень стеснительные. Скучно с ними в дороге. Песни заставлял петь – не поют!

– Может, о доме думают?

– А что уж думать о доме? Жаль, вот хозяин у меня два рубля отобрал, а то бы я купил сороковку и их бы расшевелил! – проговорил ямщик.

– Ночевать у нас будете? – спросила Фёдора хозяйка.– Да, нет? Ночка лунная, как день!

– Волков не слышно у вас?

– А что, боитесь?

– Бойся не бойся, а всё же не хочется с ними разговаривать. Да и что говорить об них: вот, сколько я езжу, ни разу не видывал! Колокола да бубенцов боятся!

Прошло с полчаса. Выпили по стакану чаю. Ямщик вышел дать коням овса и попоить. Вернувшись в избу, сказал ребятам:

– Собирайтесь, поедем. Ещё вёрст тринадцать прокатим и ночевать будем. Ладом одевайтесь. Ох и крепчает мороз на улице! Кабы лошадей не испортить. Ехал я как-то в этакой же мороз, дак у Орлёнка аж кровь из ноздрей показалась. Ну как-то всё всё же прошло благополучно.

Хозяин дома позвал ямщика за перегородку, и, как ребята полагали, они там выпили по маленькой.

– Ну как, готовы? – спросил ямщик ребят[427], выйдя из-за перегородки.

– Готовы!

– Сейчас у нас будет готово,– и они вдвоём вышли подготовить лошадей.

Вскоре в ограде послышался колокольчик, и или ямщик или хозяин дома постучались в окно.

– Вас вызывают,– проговорил хозяин.

Ребята, отблагодарив хозяйку и распрощавшись, вышли из дому. Ямщик, досаживая ребят, предупредил их:

---

[426] Так в документе, правильно *рекруты*.

[427] *Ребят* вписано поверх строки.

– Только, рекрутики, дорогой не спать, а песенки петь! – а сам с хозяином ещё зашли в дом.– Ну, я тоже готов,– сказал он, вернувшись к ребятам,– а ну, ретивые, поехали!

Зазвенел колокольчик в просторе ясной морозной ночи. Луна точно улыбалась, глядела на путников.

– А ну, запевай, ребята, каку [ю] -нибудь, хоть про ямщика и тройку! – настаивал ямщик.

«Баре» переглянулись. «Вишь, подвыпил, ему весело!» – перешепнулись ребята.

– А давай, Иванко, споём и верно,– предложил Вася.

Ваня исполнил одну из любимых песен, какую иногда певал отец. Песня как раз про тройку, ямщика и солдата. Вспомнил мелодию и затянул:

Звенит звонок, и тройка мчится.
Несется пыль по столбовой;
На крыльях радости стремится
В дом кровных воин молодой.
Он с ними юношей расстался,
Пятнадцать лет в разлуке жил.
В чужих землях с врагами дрался,
Царю, Отечеству служил.
И вот в глазах село родное,
На храме Божьем крест горит.
Его забилось ретивое,
Слеза невольная бежит.
«Звени, звени, звонок, громчее!
Лихая тройка, вихрем мчись!
Ямщик, пой песни веселее,
Вот отчий дом. Остановись!»
Звонок умолк, и пар клубится
С коней ретивых, удалых;
Нежданный гость под кров стучится,
Внезапно входит в круг родных.
Его родные не узнали,
В нём изменилися черты;
И все невольно вопрошали:
«Скажи, служивый, кто же ты?»
«Я вам привёз письмо от сына.
Здоров и шлёт со мной поклон.
Моя в нём кровь, моё и имя.
Ну, словом, я как точно он!»
«Наш сын! наш брат!» – тогда вскричали
Родные, кровные его.

В объятьях слёзы проливали,
Не отходили от него.
Звенит звонок, и пыл [ь] клубится.
Вдали чуть слышно «дин, дин, дин».
Ямщик теперь уже стремится
В обратный путь, уже один[428].

– Ну молодцы! Не знал я такой песни! Хороша! А ну-ка вспойте ещё песню: «Когда я на почте служил ямщиком…»

– А ну её, надоела! – отказались ребята от просьбы ямщика.

Ямщик сам запел, но ребята не подпелись, а сидели молча и мыслями бродили по Ершовке, по родным. Доехали до деревни. У ямщика и тут оказался знакомый. Расположились на ночёвку. После чая хозяйка дома постелила ребятам на полу[429] затасканный дырявый войлок, сложив его вдвое. Ямщик, управив лошадей, предупредил ребят:

– Завтра [в] станем пораньше, чтобы к вечеру добраться до Осы.

– А куды торопиться? – возразил хозяин дома.

– Так надо. Хозяин велел. И ребятам надо к десятскому, да и от хозяина пакет отдать в земскую управу, да директору гимназии письмо.

На другой день, и в самом деле, хотя и поздним вечером, добрались до Осы. Подъехали к двухэтажному деревянному дому на каменном фундаменте. Заслышав колокольчик, из парадного крыльца выбежали встречать [их] три гимназистки, а за ними и хозяин с хозяйкой. Гимназистки бросились к ямщику с визгом и радостями, но, увидев «высоких господ», вылезающих из кибитки, брезгливо вздёрнули губки и убежали обратно. Хозяин с хозяйкой поздоровались с ямщиком, о чём-то переговорили и тоже вернулись в дом. Ямщик увёл коней в конюшню и, подойдя к ребятам, стоявшим в нерешительности, проговорил:

– У вас здесь знакомые есть или никого нет?

И, узнав от ребят, что никаких знакомых у них в Осе нет, сказал:

– Постойте здесь, я переговорю с хозяином.

Вскоре на парадное крыльцо вышла хозяйская прислуга и позвала ребят. В сопровождении прислуги новобранцы зашли на кухню, расположенную в нижнем отсеке.

– Садитесь, ребята, вот тут к печке, грейтесь! Морозище-то какой, Господи! – проговорила прислуга и по лестнице с установленным снедью подносом поднялась на верхний этаж, где под оравший заведённый граммофон слышалось топанье, смех и визг девчат.

Ямщик спустился по лестнице к ребятам и сказал:

– Вот и доехали. Хозяев я уговорил: здесь переночуете. Пойду коней управлю да вам тулуп принесу на подстилку. Наверно, спать хотите?

– Да не прочь бы! – ответили ребята.

---

[428] «Свидание через пятнадцать лет» – песня, автор Г. Г. Малышев.

[429] *Полу* вписано поверх строки.

Граммофон, песни и танцы, смех и визг на верхнем этаже как будто начали умолкать. Прислуга то и дело поднималась с посудой. Ребята удивлялись – неужели такая встреча устроена по случаю приезда ямщика, но после выяснилось, что у хозяев часто так, что ямщику посчастливило.

Вернувшись с тулупом, он его бросил на стул и проговорил прислуге:

– Куда, Марковна (точно не помню, как звали прислугу), положить новобранцев спать?

– Да ещё «положить», сами лягут, вон тут, никому не помешают,– указала она на пол подле русской печи и сама снова с набором блюд было направилась к лестнице, но сверху торопливо спускалась гимназистка:

– Подождите! Я вам помогу! – и, проходя мимо ребят, брезгливо бросила на них глаза.

– Ух, пигалица барская! – проговорил шёпотом Вася, глядя им вслед.

– Да, Вася, где слёзы, а где и песни, чёрт их возьми! – возмущённо проговорил на это Вася и добавил:

– Помнишь, как мы по деревням ходили? А ведь чем беднее, тем лучше нас принимали! Только в Буреце мы с Наськой не поладили, чтоб ей икнулось!

Разостлали на пол дымящий от холода тулуп, положили в изголовья котомки, вынув из них по куску хлеба и укрывшись полупальтишками, улеглись спать. Уснуть под шум гуляющих долго не удавалось.

– Хоть бы по чашке чая налили! Пить хочется,– полушёпотом проговорил Вася.

– Давай спать. Уснём и без питья.

Утром их разбудил ямщик:

– Поди, ребята, пора вам, вставайте!

– А сколько времени? – спросили они его.

– А вон, скоро восемь,– указал он им на стенные часы и сам ушёл к коням.

Наверху стояла тишина, и на кухне никого не видно. Ребята встали, оделись, но сочли, [что] без присутствующих уходить неудобно. Конюх вернулся и спросил ребят:

– Ну, что передавать в Ершовке?

– А что передашь? Скажи, что доехали благополучно и пусть не печалятся[430]!

На сборный пункт пришли вовремя. На парадном крыльце уже толпились злополучные «морячки». Среди толпы стоял солдат в полной форме, с одной лычкой на погонах[431]. Ребята подходили к толпе собравшихся, поздоровались. Солдат, переминаясь с ноги на ногу (в сапогах, видимо, донимал морозик), рассказывал собравшимся, что набор на флот отменён, так как флот бездействует, и что теперь особенно чувствуется нужда в пехотных подразделениях. Сообщил также, что по указанию командования они после переклички пешком пойдут в Пермь.

После переклички два солдата построили ребят в две шеренги, и скомандовал один из них:

– По порядку номеров – рассчитайсь!

[430] Далее авторский заголовок *Прибыли.*

[431] Ефрейтор Русской императорской армии.

Но ребята не поняли. Тогда солдат подошёл к правофланговому и, ткнув ему пальцем в грудь, приказал:

– Говори – «первый».

То же проделал со вторым, третьим, а дальше ребята поняли, начали было самостоятельно пересчитываться, но смешались. Солдат скомандовал:

– Отставить! Бараны, считать разучились! По порядку – рассчитайсь! – Пересчёт закончили.– Направо! – поступила команда.– За мной – шагом марш!

И потопали, повесив головы, новобранцы, путаясь в ряду. Выйдя за город, солдат передал:

– Идти вольно! Кто хочет песни петь – запевай!

Но ни у кого не нашлось желания петь, да ещё на морозе. Шли молча, кашляли. Над толпой на морозе пар подымался, как от загнанных коней. Шли дорогами от деревни до деревни.

– Не отставать! – погонял задний солдат.

Шли дотемна. Дойдя до намеченной деревни для ночёвки, солдаты рассовали новобранцев по двое и трое по домам. Ночёвкой все остались довольны. Не обижались и на угощенья.

В Пермь пришли на шестые сутки, измучившиеся, и многие с[432] поотмороженными ушами и носами. У мешковского четырёхэтажного серого каменного дома[433], стоявшего на пустыре у станции Пермь Вторая[434] солдаты выстроили новобранцев и сделали перекличку. После переклички скомандовали:

– Стоять вольно! Кто хочет в туалетную, можете сбегать! Вон за вами туалетная, попросту говоря – уборная!

Уборная построена в виде длинного дощатого сарая, от казармы (дома купца Мешкова[435]) отстояла сажень на тридцать в сторону к Каме. В уборной сильно вертело нос от запаха хлорки и испражнений. Из казармы спешно выбегали и строились солдаты на «вечернюю прогулку» и, построившись, с песнями пошли в сторону города. Не меньше часа ребята выстояли на морозе перед казармой. С «вечерней прогулки» солдаты уже вернулись и зашли в казарму. Наконец, из казармы вышел офицер:

– Здравствуйте, новобранцы! – обратился он к ребятам с приветствием.

– Здравствуйте! – вразнобой замёрзшими губами отозвались новобранцы.

Офицер отделил от выстроившихся ребят человек двадцать, куда попали Ваня и Вася, и конвоир-солдат их отвёл в казарму. Подымались на четвёртый этаж по слабо освещённым и наполовину обледеневшим лестницам. Сопровождающий солдат открыл двери в комнату и скомандовал:

---

[432] *С* вписано поверх строки.

[433] Ночлежный дом имени Е. И. Мешковой, построенный в 1914 г. на средства пароходчика Н. В. Мешкова и названный честь его матери. Ныне – корпус № 2 Пермского государственного национального исследовательского университета.

[434] Пермь II – железнодорожная станция в Перми, открытая в 1899 г. как разъезд Заимки. В 1909–1911 гг.– «Пермь – Заимки», название «Пермь II» получила в 1911 г.

[435] Мешков Николай Васильевич (1851–1933) – пермский купец-пароходчик, меценат.

– Заходи по одному!

Комната обширная, высокая, оборудована четырёхъярусными нарами. На нарах на соломенных плетёных матрацах лежали солдаты, положив в головы свёрнутые шинели. В углу стояла кадушка, из которой разило крепкой аммиачной мочевиной.

– Вот здесь устраивайтесь спать. Ложитесь поодиночке, врасклинку между солдатами,– распорядился сопровождавший.– Начинайте с верхних нар! Залезай!

Ваня с Васей залезли, думали: «Чёрт возьми, в такую духоту!». Но приказ есть приказ. На нарах лежали усатые, бородатые солдаты, и вряд ли кто спал.

– Ну что, сынок, давай ложись меж нами бочком! – пригласили их солдаты.

Первые Вася и Ваня улеглись, но по мере укладки остальных на нарах становилось всё теснее и теснее, так что повернуться не повернёшься.

– Давай, давай, ребятки, ложись! Поделимся с вами охотно и вшами, клопами и блохами! – подзуживали солдаты новобранцев.

– Дневальный!

– Слушаю, господин взводный!

– Да смотри, чтоб мимо параши не справляли!

– Слушаю, господин взводный!

– Разговаривать не разрешай! Кто будет нарушать порядок – запоминай и завтра мне доложишь!

– Слушаю, господин взводный!

И как только взводный вышел из «палаты», начались сперва шёпоты, возня, а потом [дошло] и до чертыханий, матюгов по адресу вшей, клопов и блох.

– Лежи, не возись, так, твою мать, спи! – слышалось у стены с нижних нар.

– А ты подставляй им мягкое место, да что попахучее, ни одна сволочь не укусит! – слышалось с другого конца.

– Лежи, не возись! Что на меня ноги кладёшь? Убирай лапти, это ведь не дома подле бабы! – переговаривали другие.

Дневальный сперва уговаривал нарушителей, а потом махнул рукой и смотрел лишь в ту и другую сторону коридора, чтоб вовремя заметить дежурного офицера. Пополнение[436] новобранцев, измученное дорогой и холодом, вклинившись между солдат, несмотря на ватагу кровопийцев, оголодавших за день, крепко заснуло. Утром, по сигналу горниста «подъём» казарма ожила всеми четырьмя этажами. Быстро заполнялись параши с кольцевыми ушами. По лестницам вниз и вверх сновали солдаты, уже получившие военное обмундирование «серая кобылка» и ещё необмундированные. Без фуражек, шинель внакидку, размахивая полами, они бежали к уборной и, добежав, торопились, а некоторые и на ходу подготовляли мешающую амуницию, выглядывали свободное местечко, чтоб посидеть, подумать, что-либо вспомянуть, облегчится – и обратно в казарму. Брякали соски у жёлобных умывальников, сопровождаемые сморканием, чихотой и кашлями. Послышалось звяканье тазами. Внимательно следили за всем наши новобранцы. Вот два солдата подошли к параше с толстой палкой. Продёрнули палку в кольца параши и понесли её, как ценность, к выходу.

[436] После *офицера* вычеркнуто *Ваня с Васькой*.

– Ничего, братишки, крепко за ночь надоили! – проговорил один из них при выходе.

– Айда, получил наряд – так и тащи, не оговаривайся! – сопроводили его репликой.

Вот и тазы пошли в ход – пошли за супом и за хлебом. В ожидании завтрака солдаты ещё возились на нарах, расплачиваясь за беспокойство в ночное время с кровопийцами.

– Холера, лопнула, даже брызги в глаз попали! – возмущался солдат, вытирая глаз.

– Ух, тварь, вот, братишки, напился так напился! Даже по стене лезть не может! Так тебя, гад! – и на стене, под пальцем, лучами во все стороны осталось свежее кровавое пятно.

Тем временем принесли завтрак. Тазы с супом и хлебом поставили на нижних нарах.

– А ну, налетай по десять на каждый суп! Значит, на десять брюх, мне сказали! – оповестил один из солдат.

Перед супом и хлебом подле нар и на нарах кто-то на коленках, кто-то полусидя, кругом тазов усаживались с ложками едоки, и как только проверили, нет ли одиннадцатого, либо ещё больше, проверявший стукнул ложкой об таз, засвистели ложки.

– Сперва жижу хлебайте, а потом горох будем ловить! – заметил один.

– Ох и пронесёт же нас, братцы, с жирного навара! – иронически выразился другой.

– Начальство знает, как готовить солдатское брюхо к стрельбе! – шутили у таза[437].

– Ура, ребята, ещё за кашей велят идти! – выразился дневальный, облизывая деревянную ложку.

– А кто сказал? – спросили его.

– Чичас же, вон, колидорный[438],– показал он рукой на солдата в коридоре, который и в самом деле объявлял поход за кашей.

В ожидании каши все занялись своими делами, но ложки держали наготове. В дверях показался дежурный офицер. Дневальный, завидя его, подтянулся и, как петух, скомандовал:

– Встать, смирно!

И[439], чеканя шаг, в пяти шагах от офицера взял руку под козырёк, отрапортовал:

– Ваше благородие, в карантинной команде числится восемьдесят семь человек. Налицо восемьдесят один человек. Шесть человек ушли за кашей. За время моего дежурства происшествий не случилось. Дежурный, ефрейтор Мылин!

– Здравствуйте!

---

[437] Далее авторский знак заголовка.

[438] Так в документе, правильно *коридорный*.

[439] После *и* вычеркнуто вычеркнутое *взял руку под козырёк*.

– Здравия желаю, ваш-бродь[440]! – ответили вразнобой.

– Жалоб нет? – спросил прапорщик дежурного.

– Беспокойно спать, ваш-бродь, насекомые ужасть тревожат ночью солдат. Неспокойно спят.

– Сами виноваты, навезли с собой паразитов. Ваши же они! – и вышел.

С кашей из гречневой крупы в тазах поднимались посланцы. У дверей кто-то в шутку скомандовал: «Смирно!»

Все повскакали с нар, но увидев кашенных посланцев, забрякали ложками в том же порядке, что и с супом. Не успели начисто облизать ложки, как в казарму помещения карантина вошли один за другим восемь ефрейторов, и один из них скомандовал:

– Новобранцы, прибывшие вчера, остаются в помещении, а все остальные – выходи строиться!

Оставшийся с новобранцами один из ефрейторов вывел их и построил в коридоре.

– Вы сейчас находитесь в 162-м запасном полку[441]. Вы теперь солдаты. А что такое солдат? Солдат есть слуга народа, царя и Отечества и защитник их от врагов внешних и внутренних. Вы будете в ротах проходить и строевые, и словесные, и боевые занятия, без которых солдату нельзя быть и хорошо воевать. Первым долгом нам нужно научиться строиться. Вот вы сейчас построились, но выйди-ка вот ты, правофланговый, посмотри, правильно стоят? Вот там седьмой ишь как вылез, брюхо выпятил! А чтобы не было деревенской бороны, есть у нас такое правило: каждый должен по команде «равняйсь» повернуть голову в сторону правофлангового и видеть грудь четвёртого человека, считая себя первым. Ну-ка попробуем – «Равняйсь!..» Ну вот, сразу другое дело! А теперь попробуем под песню маршировать. Я подам такую команду: «На месте – шагом марш!» Каждый должен ступить левой ногой, потом правой. Петь обязательно всем! Если кто слова не знает, всё равно пой, только голосом. Начало песни так:

Вдоль по линии Урала
Там сизой орёл летал.
Он летал перед войсками,
Православный русский царь[442].

– Ещё раз прислушайтесь и запоминайте слова.

Повторив слова несколько раз, он сказал:

– А теперь я запою, и вы за мной пойте, только во весь голос. Понятно?

Но о понятии никто не выразился. Скомандовав: «На месте – шагом марш!», он запел. Прислушиваясь к его голосу, многие хотя путаясь и топчась на месте, начали, хотя и неуверенно, помогать запевалу[443], а некоторые кто совсем молчал, а кто и лишь рот разевал, не издавая звука. Кое-как проштудировали первый куплет.

---

[440] Здесь и далее так в документе, правильно *ваше благородие*.

[441] 162-й пехотный запасной полк – воинское подразделение Казанского военного округа, существовавшее в 1914–1917 гг. Дислоцировалось в г. Пермь.

[442] Оригинал – казачья песня «Вдоль по линии Кавказа».

[443] Так в документе, правильно *запевале*.

– Ну вот, хотя плоховато помогаете мне, но всё же получается. А теперь я буду петь слова дальше, а вы прислушивайтесь. Понятно? Начали. Шагом марш!

Царь с походом нас поздравил
И отдал такой приказ:
«Чтобы были у вас, братцы,
Ружья новые в руках.
Ружья новые, винтовки,
Шашки острые в ножнах.
Мы поедем за границу
Бить картечею врага.
Часть приколем, часть прирежем,
Остальных мы в плен возьмём!»
Посулился враг [г] ерманец
Русско войско победить, да.
Врёшь, ты врёшь, ты враг- [г] ерманец,
Тебе неоткуль зайти, да.
Как у русских войска много,
Русский любит угость, да.
Угостили свинцовой пулей,
А на закуску – стальной штык[444]!

– Так, солдаты, будете петь – меня без голоса оставите. Хоть не знаешь, а ори, чтобы за версту было слышно! Так надо. У меня вот эта песенка списана, кто грамотной – перепишите и заучите! Хороша ведь песенка, а? Обязательно выучите, как «Отче наш…» А теперь пока разойдитесь!

Ваня с Васей зашли в помещение, сели на нары и заперешёптывались:

– Ну и песня, какая-то кутерьма, а он расхваливает! А ещё с какой гордостью поёт!

Когда собрались все в помещении, один стал диктовать слова песни. Грамотные на лоскутках бумажек записывали текст, а неграмотные прислушивались. Когда закончили писанину, один из обмундированных солдат сказал:

– А он нас, когда мы сюда прибыли, так другой учил песне, лучше этой. У меня она тоже списана.

– А ну-ка, прочитай! – попросили его.

Солдат порылся в вещмешке, вынул измятый листок бумажки, развернул и начал читать:

Средь лесов дремучих
Разбойнички идут.
В своих руках могучих
Товарища несут.
Припев:
Все пушки, пушки грохотали,

[444] «Вдоль по линии Кавказа» – казачья песня.

Трещал наш пулемёт.
Немцы отступали,
Мы двигались вперёд!
Песня дальше:
Носилки непростые,
Из ружьев сложены,
А поперек стальные
Штыки положены.
Припев.
На них лежал сражённый,
Сам Чуркин молодой.
Он весь окровавлен,
С разбитой головой.
Припев.
Давайте поскорее
На место принесём!
На место приносивши,
Сказали: братцы, стой!
Припев.
На землю опустили:
– Браток, прощаемся с тобой:
Теперь уж нам не время
Беседовать с тобой!
Припев[445].

– А вот как она поётся, я запамятовал,– закончил он чтение своей записи.

Эта песня больше понравилась слушателям, и они взялись за переписывание её. Карантинное время шло. Только [в] этот день ребята пообедали песнями. Утром сменившийся дневальный объявил, что обеда не будет: сказали, что сам генерал закрыл кухню в подвале дома и приказал выдать по куску пилёного сахара и раздать чай. Такой же порцией наградили и в ужин, благо, что у вновь прибывших из дома были прихвачены и сухари, и шанежки, [и] хотя они заплесневели, но с аппетитом пошли в ход.

Вечером перед сном, после словесных занятий, ефрейтор скомандовал:

– Выходи строиться на прогулку!

– Что за прогулка в военное время? – думали ребята, но и прогуляться недурно, чем сидеть в духоте.

Вышли в коридор. В коридор также начали выходить такие же необмундированные «серяки» из соседних помещений. На улице [их] разбили по отделениям при помощи приданных к каждому отделению ефрейторов. Произвели построение, и один из ефрейторов скомандовал:

[445] «Песни про Чуркина-атамана» – песня на основе народной обработки стихотворения Ф. Б. Миллера «Погребение разбойника», литературного перевода с немецкого языка стихотворения Ф. Фрейлиграта.

– За мной – шагом марш!

Целый час продолжалась такая «прогулка», и по дороге [из] истоптанного снега, а где и по сугробам. Ходили взад-вперёд – от казармы до окраинных домов города. Пробовали шагать под песню, но ничего не получалось. Ефрейтора охрипшими голосами то и дело считали:

– Раз – два, три – четыре! Левой, левой! Раз – два, левой! Левой!

Благо, что погода установилась помягче, схлынули морозы. Дошагались до того, что в казарму вошли потными. Не успели передохнуть, как послышалась команда:

– Становись на поверку!

И только после поверки разошлись по нарам, не обращая внимания на паразитов, втиснувшись друг к другу боками, уснули намертво. Утром снова горнист протрубил подъём, загудела вся казарма, как пчелиный растревоженный рой. Тяжёлыми осторожными шагами вытаскивали из помещений солдаты наполненные за ночь вонявшие параши. Шинель внакидку, а то и в одних гимнастёрках бежали по мокрым, а то и обледеневшим лестницам, ища облегчение в туалетной нужде. Послышалась команда:

– Выходи строиться на гимнастику!

Гимнастику провели вольными упражнениями и забрякали тазами, полведёрными чайниками[446].

День прошёл штурмовкой: построение, равнение направо, налево, кругом, на месте, шагом марш, здравия желаю, ваш-бродь, ваш-динство[447]! И так каждый день. А вечером словесные занятия: кто царь-батюшка, кто царица, кто наследники, дяди и тётки, кто внешний и внутренний врач, кто ротный, фельдфебель, взводный, отделённый учитель, а кто ты сам есть, кому и как полагается отдавать честь, а потом «прогулка» и умиротворение клопов, вшей, блох и [из] ниоткуда появившихся тараканов. Вася с Ваней не один раз выбирали времечко написать домой письмишки, что они живы, здоровы, обучаются военному делу, да и школу надо оповестить, что билеты получены, но каждый раз приходилось откладывать, пока они не удостоились дежурить дневальными. И, как нарочно, один дежурил в коридоре, а другой в помещении. Продежурили спокойно. Письма написали. Но в конце дежурства случилась беда. Сдав дежурство, им предстояло ещё вынести за ночь наполненную парашу. Взявшись за концы рычага, просунутого в ушки параши, вынесли [её] из помещения. Перед спуском по лестницам перебрались поудобнее, чтоб не налить на ступеньки. Снизу послышалась душераздирающая команда:

– Смир-но, господа офицеры!

Что за команда, для Васи и Вани было непонятно. Спустились с парашей на лестницу третьего этажа. Ниже ступеньки лестниц начали попадать обледенелые. Спустившись на лестницу второго этажа, они увидели, что снизу в сопровождении офицера и денщика, как овсяный куль, сам генерал Короленко[448]. Какая-то робость

[446] Далее авторский заголовок *Генерал.*

[447] Так в документе, правильно *Ваше превосходительство*.

[448] Короленко Эммануил Иванович (1850–1925) – генерал-майор Русской армии, в 1915–1916 гг.– командир 162-го запасного полка.

пробежала по их телу – им остановится или идти навстречу? Но один из них поскользнулся, и параша полной пастью послала вонючий поток [на] встречу Короленко, на его лакированные сапоги. Ухватившись правой рукой за перилину, он заорал:

– Кашу, мясо едите, подлецы-шельмы! Не видите, кто идёт! Поручик,– обернулся он к сопровождавшему офицеру,– узнайте, чьи это воспитанники, пусть накажет их! Что сделали с генералом, а! Мыслимо ли?!

– Слушаюсь, ваше превосходительство! – постукивая блёклыми, но до этого чищеными сапогами о перила, ответил поручик, а денщик, пожилой солдат, смотрел на растерявшихся Ваню с Васей, державших пустую парашу, и с трудом удерживался от смеха.

– Поехали на квартиру! – обернувшись к своему денщику, приказал Короленко и, хватаясь за перила, пошёл к выходу. Ваня с Васей, опомнившись, следом за генералом вынесли пустую парашу из здания и поставили для проветривания в «парашный гараж».

Только ребята вернулись к себе в помещение, а там уже об этом было известно:

– Здорово вы угостили генерала-то! – смеялись ребята над ними.

– Кто из вас опаршивил на превосходительство генерала? А ну-ка, ко мне! – потребовал командир.

Вася с Ваней подошли, а Ваня без головного убора даже взял под козырёк.

– Службу ещё плохо знаешь,– проговорил офицер, опуская руку Вани.– Расскажите, как у вас это произошло?

Выслушав объяснения, он засмеялся и сказал:

– Ну, герои, а всё же завтра вне очереди попробуйте ещё раз вынести парашу. Да учтите, пока не научитесь выносить аккуратно, будете таскать! А теперь возьмите соломы и оботрите лестницы.

Весть о случае с генералом Короленко быстро облетела всю казарму, и когда Ваня с Васей обтирали соломенными жгутами лестницы, солдаты, проходя мимо, говорили:

– С головы надо было окатить его превосходительство, братишки! Что же вы оплошали? Здорово получилось! Теперь он долго в казарму не заглянет!

Зачистили, замели метлой солому, посыпали опилом ступеньки и вернулись в помещение. Используя положенный отдых после ночного дежурства, улеглись спать [449].

При дневном свете хотя и мрачного помещения, клопы, блохи расползлись, попрятались в свои убежища, и отдыхающие так крепко спали, что и не слышали, как проходили в коридоре занятия. Их разбудили лишь к ужину и для словесных занятий. После всех, как обычно, вывели на прогулку. С песней:

Зима лютая проходит,

Весна красна настаёт.

Припев:

[449] Далее авторский знак заголовка.

Эй, эй, любо да люли,
Весна красна настаёт,
Соловей, соловей, пташечка,
Канареечка жалобно поёт!
Раз, два, горе не беда,
Канареечка жалобно поёт!
Лето красно настаёт,
А у солдата сердце мрёт.
Припев.
У солдата сердце мрёт,
Что он дома не живёт.
Припев.
Хоть бы дома побывать,
С молодой женой поспать.
Припев.
С молодой женой поспать,
Отца с матерью обнять.
Припев.
Солдат пашенку не пашет,
Соху в руки не берёт.
Припев[450].

Но припев полностью не допели, послышалась команда:

– Отставить! Смирно, равнение нале-во!

Командир чеканил шаг, повернул голову налево, взяв руку под козырёк. То же проделали и отделённые командиры, а «гуляки-карантинщики», не зная, в чём дело, от команды «Смирно!» все как один остановились. От подталкивания и шипенья командиров отделений – «Шагай, шагай, голову налево. Руками не маши!» – ряды перепутались, и тут ребята в темноте заметили тучную мешковатую фигуру генерала Короленко, идущего к ним навстречу.

– Что за бардак! Что за бараны! Прапорщик! А ну-ка, ко мне!

Подошёл прапорщик, вытянувшись в струнку.

– Жалование, шельма, получаешь! Твои бараны кашу, мясо едят, а генерала не умеют встречать! Не бойцы, а шельмы! Здравствуйте, солдаты! – обратился он с приветствием к остолбненевшей толпе.

Кто «здра», кто «прс», кто «сходит-во» – и не разберёшь. Короленко плюнул и зашагал в сторону казарм.

– Вот, говорили, не пойдёт в казарму, сапоги пожалеет,– заперешёптывались ребята.

– Строиться! – раздалась команда, и офицер повёл команду в казарму.

На следующий день карантинщиков с утра вывели на улицу. Сделали построение, и до обеда муштровали, как встречать и приветствовать генерала на месте

[450] «Уж ты, зимушка-зима» – песня на основе русской народной.

и в походе. Так потянулись дни за днями: утром муштровали и вечером до пота перед сном. И только словесные занятия – в казарме. Из-за плотной нагрузки в занятиях Вася с Ваней забыли про письма. Вася перед сном, после «прогулки» сунулся в свой мешок с подорожными домашними заплесневевшими съедобами и, вытряхивая их вместе с набившимися туда тараканами, наполовину подавленными, в стоявшую наготове парашу, обнаружил неотосланное письмо.

– Иванко! – обратился он к братану.– Чёрт возьми, ведь мы письма-то написали, а не отослали! Здорово! А дома-то ждут, наверное, изо дня в день весточки! Завтра же надо спустить в ящик.

Утром, как только Ваня проснулся, [он] пробудил, ещё до сигнала горниста, Васю.

– Вася, а где письмо? Давай его, я пойду в уборную и по пути суну его в почтовый ящик.

– Подожди, сходим вместе, может рано-то, пока спят, очереди нет,– ответил Вася.

Тихонько одевшись, не тревожа спящих, они[451], миновав дремавшего дневального, вышли из казармы, спустили письмо в ящик для писем и направились к уборной. Было ещё темно, и в уборной чуть-чуть мерцали лампочки, освещая толпившихся ранних посетителей в разных позах, сидящих, как наседки, и стоявших в ожидании освобождения местечка. По казарме проносились звуки горниста – «подъём»[452].

Откуда ни возьмись в это время в уборную вваливается сам генерал Короленко. И случись же тут опять казусная история! Один из ефрейторов вскочил с места, завидя генерала, скомандовал, поддерживая руками поддёрнутые штаны:

– Встать, смирно!

Среди сидевших получилось замешательство. Короленко понял, что кто-то скомандовал справа от него, и громко, по-стариковски, спросил:

– Кто скомандовал?

– Я, ваше превосходительство.

Короленко, хотя плохо видел, да и в слабом свете, всё же разглядел ефрейтора. Придерживая[453] за эфес левой рукой шашку, он подошёл к ефрейтору и, увидев нашивку на погонах гимнастёрки, затопал на него:

– Шельма, да ты ещё ефрейтор! Каши, мяса уже много съел, а службу не знаешь! Устав внутренней службы не учишь, а кашу, мясо жрёшь! Разжаловать надо тебя, шельма! Нажрался, да и торопишься в уборную, шельма! Кто у тебя ротный командир, доложи ему, пусть мне рапорт на тебя подаёт, шельма! Сам, шельма, штаны запачкал, застегни хоть их, шельма! Убирайсь, освободи место другому, шельма! Из-за тебя, шельма, другие загрязнились!

Обращаясь ко всем, громко проговорил:

---

[451] После *они* вычеркнуто *спустив письмо*.

[452] Далее авторский заголовок *Генерал 2*.

[453] Перед *придерживая* вычеркнуто *держа*.

– А вы, шельмы, продолжайте своё дело и знайте, что в уборной, кто бы ни зашёл, встать, да ещё смирно, не командуется! – оглядев состояние уборной, вышел.

Ваня и Вася, вернувшись в казарму, рассказали за завтраком о истории в уборной и об ефрейторском «подвиге». Немало было смеху.

– Везде суётся, старый чёрт! Надо ещё окатить из параши! – переговаривали они.– По уставу, видно, и в уборную надо ходить[454]!

Так тянулись дни солдатчины. Маршировки, построения, прогулки, дикие назойливые команды, утренний сигнал горниста, чтоб у него дудка сломалась, и опять всё сначала. Будет ли когда конец этой белиберде?

А вот, как будто, и конец. Со списками в руках после утреннего завтрака в помещение зашли два незнакомых ребятам ефрейтора. Один из них с хрипотой скомандовал:

– Встать, смирно! Сейчас мы вас разобьём по ротам. Кого я сейчас вскрикну, пойдут в первую роту 162-го запасного пехотного полка, а остальных поведёт ефрейтор Катаев[455] во вторую роту того же полка!

И вот тут же получилось для Вани и Васи неожиданное огорчение: Ваня попал в список первой роты, а Вася – во вторую роту.

– Всем ясно? – проговорил Катаев.– Кого я выкликнул, становись в коридоре в одну шеренгу,– скомандовал он.

Вася и Ваня, беря свои котомки, с грустью перемолвились:

– Ну, до свидания, Вася. Может, ещё увидимся,– выходя строиться, проговорил Ваня братану.

– Напра-во! – скомандовал ефрейтор Катаев.– За мной, шагом марш!

Вышли из казармы. Построились в две шеренги, и Катаев повёл своё отделение по направлению к городу. По городу шли по улице Большой Ямской. Повернули на улицу Пушкина[456], и на перекрёстке улиц Пушкина и Сибирского проспекта (ныне улица Карла Маркса) ефрейтор завёл ребят в двухэтажное каменное здание[457]. В коридоре нижнего этажа Катаев ребят построил, а сам поднялся на второй этаж и вскоре вернулся. За ним вскоре по лестнице спускались офицер и два тоже каких-то чинодрала[458] с нашивками на погонах. С появлением их Катаев скомандовал «Смирно!» и отдал рапорт офицеру.

– Здравствуйте! – обратился он к ребятам.

– Здравия желаем, ваш-бродь! – с растерянностью ответили ребята.

– Ну вот, теперь вы будете обучаться военному делу у меня в первой роте. Я – командир первой роты, прапорщик Казанский. Вас будет обучать ефрейтор Катаев с учителем. А это вот будет в роте фельдфебель роты Хлопников, а это ваш командир взвода Вожжаев – при этом он показывал рукой на стоявших позади его фельдфебеля и взводного.

---

[454] Далее авторский знак заголовка.

[455] Фамилия *Катаев* вписана поверх строки; после *ефрейтор* вычеркнуто *Малых*.

[456] В Перми улица Пушкина появилась только в 1937 г. Это название получила улица, в описываемое время называвшаяся Большой Ямской.

[457] Дом Дягилева, ныне в здании располагается гимназия № 11.

[458] Чинодрал – презрительное *чиновник, бюрократ*.

– Военное дело надо будет изучать прилежнее и как можно быстрее. Война идёт уже второй год. Враг упорный. Фронт каждый день требует пополнения,– продолжал он.– Условия мы вам для успешной учёбы создадим. Надо будет обмундировать их, чтоб походили на солдатов,– наказал он фельдфебелю и взводному.– Помещение нам выделили хорошее: в этом доме до войны была женская гимназия, и вот теперь не пожалели, отдали под казарму. А теперь, взводный и отделённый, отведите их на места,– распорядился он.

Завели в помещение, оборудованное двухъярусными нарами.

– Кладите котомки в угол, а потом пойдём за соломой и будем вязать каждый сам для себя матрасы,– распорядился Катаев.

Глядя в список вновь прибывших, ефрейтор выкрикнул:

– Ревякин! Кто Ревякин?

– Я, господин отделённый! – отозвался Ревякин.

– На ночь ты, Ревякин, назначаешься дневальным. Смотри, когда закончатся работы, чтоб мусор начисто выбросили после себя!

– Ладно,– ответил Ревякин.

– Да не «ладно» отвечают, а «слушаюсь, господин отделённый»,– заметил ему Катаев и вышел.

Потянулись дни нелёгкой военной учёбы. Всё то же изо дня в день: утром противный горнист нарушает сон, раздаются команды:

– Выходи строиться! Становись! Равняйсь! Смирно! Равнение направо! Направление вдоль дороги, шагом марш!

И вот затрещал барабан. От дыхания солдат на морозе перед ротой подымается облако пара.

– Песню! – шагая в голове роты, скомандовал Казанский. Запевала, ефрейтор Шаньгин, запел:

При лужке было, [при] лужке,
При широком поле,
При знакомом табуне
Конь гулял на воле.
Эх, ты гуляй, гуляй, мой конь,
Пока не поймаю,
А уж как поймаю – зауздаю
Шелковой уздою.
Вот поймал парень коня,
Зауздал уздою.
Пырнул он шпорой под бока,
Конь летит стрелою.
Ты лети, лети, мой конь,
Лети, торопися,
Против милкина двора
Конь остановился.

Перед воротами,
Стопай копытами.
Чтобы вышла красна девка
С черными бровями!
Но не вышла красна девка,
Вышла её матерь.
«Здравствуй, здравствуй, милый зять,
Пожалуй-ка в хату!»
«Нет, я в хату не пойду,
Пойду во светлицу,
Разбужу от крепка сна
Спящую девицу».
Красна девка встала,
Сон свой разогнала.
Правой ручкой обняла
И поцеловала[459].

Коротка песня, а идти до учебного плацу ни много ни мало – вёрст пять! Нужно пройти по городу, спуститься к станции Пермь Вторая, миновав Мешковский дом, пройти по туннелю железнодорожного полотна на другую сторону и направиться к чахлым домам Новой деревни[460]. Здесь, на низменной пустыри[461] у подножья женского монастыря[462] и [были] развёрнуты «боевые действия» – построения, маршировки и т. д. Как только песню закончили, затрещал барабан – тра-та-та, отбивая ноту. Но и у барабанщика руки мёрзнут, палочки начинают запинаться.

– Песню! – снова с визгом скомандовал Казанский. Шаньгин прокашлялся и затянул:

Ой, да как на горке калина,
Ой, да как на горке малина.
Калина, малина,
Чубарики, чукчики, калина!
Ой, да там девчонка гуляла,
Ой, да красавица гуляла,
Гуляла, гуляла,
Чубарики, чукчики, гуляла.
Ой, да цвет-калину ломала,
Ой, да цвет-калину ломала,
Ломала, ломала,
Чубарики, чукчики, ломала.

[459] «Ой, при лужку, при лужке» – казачья песня на основе стихотворения А. Х. Дуропа «Казак на родине».
[460] Новая деревня – ныне микрорайон Перми Данилиха.
[461] Так в документе, правильно *пустыре*.
[462] Успенский женский монастырь, основанный в 1875 г.

Ой, да во пучочки вязала,
Ой, да на дорожку бросала,
Бросала, бросала,
Чубарики, чукчики, бросала.
Ой, да в офицера попала, в офицера попала,
Ой, да в офицера попала,
Попала, попала,
Чубарики, чукчики, попала.
Ой, да офицерик молодой,
Ой, да ты возьми меня с собой.
С собою, с собою,
Чубарики, чукчики, с собою.
Ой, да ты возьми меня с собой,
Ой, да назови меня слугой.
Слугою, слугою,
Чубарики, чукчики, слугою[463].

Любил эту песню ротный Казанский. Идя в голове роты, держась левой рукой за эфес шашки, он горделиво, хотя и не в шаг, вышагивал, поворачивал свою голову с козлиной бородкой (в роте его старые солдаты за эту бородку и трескучий писклявый голос прозвали козлом) на прохожих.

Кончилась песня и снова затрещал барабан, да неудачно: барабанщик забарабанил под ногу Казанского, и в роте запрыгали солдаты, чтоб сменить ногу в такт барабана.

Дорога ещё дальняя, а барабанщик не баловал роту своим дирижёрством: палочки начали заплетаться, и он заткнул их за ремень.

– Песню! Запевай! – послышалась команда, и Ваня Шаньгин затянул:

Вдоль да по речке, вдоль по Казанке
Серый селезень плывёт.
Ай да люли, ай да люли,
Серый селезень плывёт.
Вдоль да по бережку, вдоль по крутому
Добрый молодец идёт.
Ай да люли, ай да люли,
Добрый молодец идёт.
Сам он со кудрями, сам он со русыми,
Сам он со русыми разговаривает,
Ай да люли, любо да люли,
Разговаривает:
«Кому эти кудри, кому эти русы
Достанутся расчесать?»
Ай да люли, любо да люли,

[463] Казачья песня «Ой, да на горе калина».

Достанутся расчесать.
Доставались кудри, доставались русы
Старой бабушке чесать.
Ай да люли, ай да люли,
Старой бабушке чесать.
Она хоть и чешет, хотя да и гладит,
Но бестолковый чешет гребешок.
Ай да люли, любо да люли –
Бестолковый гребешок.
А уж как достались кудри русы
Молодушке расчесать.
Ай да люли, любо разлюли,
Молодушке расчесать.
Она их и чешет, она их и гладит,
Волос к волосу кладёт.
Ай да люли, ай да люли,
Волос к волосу кладёт[464]!

Дошли до туннеля под линией железнодорожного полотна у станции Пермь Вторая. Дорогу под полотном сильно завьюжило снегом. Строй нарушился, и по тоннелю пробегали гуськом, подгоняемые сзади фельдфебелем. За линией снова построились, и под трескотню барабана направились на плац, раскинувшийся у Новой деревни (окраина городских построек у женского монастыря). Разбились по отделениям, и началась свистопляска:

– Ряды сдвой! Ряды, стройся! Равняйсь! Бегом марш! – и т. д., и т. д.

Как бы ни гоняли, а мороз донимает. Щиплет нос, уши, морозит коленки, руки. Сам Казанский с фельдфебелем Хлопниковым убрались к знакомым шлюхам в Новую деревню. Им и весело, и жарко. Ефрейторишкам от мороза тоже было невтерпёж. Они нет-нет да подавали команды:

– Вольно, можно покурить!

Да какое тут покурить? – пальцы не гнутся.

Ефрейтор Пошивалов затеял борьбу. Глядя на него, и в других отделениях затеяли возню. Ротный, очевидно, через окно, увидел, как проходят занятия. Выскочил из проулка Н [овой] деревни и визгливо заорал:

– Фельдфебель, собрать роту! – и мелкими, спотыкающимися шажками, присущей ему походкой, подбежал к командиру взвода Вожжаеву:

– Собрать взводы, где фельдфебель?!

– Не могу знать, ваш-бродь!

– Послать за фельдфебелем!

Но послать не пришлось: фельдфебель спускался от забора женского монастыря чуть не бегом. Роту быстро построили, и Казанский приказал фельдфебелю:

– До моста-туннеля роту бегом, а там веди в казарму! Я вас нагрею! – и нагрел…

[464] «Вдоль да по речке» – русская народная песня.

После обеда в казарме всех, у кого не было обмундирования, погнали к каптенармусу[465] получать обмундирование. Пригнали в знакомый Мешковский дом, где в подвале дома раздавал каптёр по списку обмундирование, принимая от каждого домашние шмутки[466]. И тут для Вани был неожиданным окрик:

– Иванко, здравствуй!

Ваня не сразу узнал стоящего у выхода своего братана Васю, одевшегося в форму настоящего солдата: в сапогах, шинели, фуражке с кокардой, суконных наушниках, подтянут ремнём. Подошли братаны один к другому и разговорились было, да не успели разговориться. Раздалась команда:

– Новобранцы второй роты, выходи строиться! Вылетай пулей!

Вася на прощание только и успел сказать Ване:

– Вот и всё, Иванко! Ох и гоняют нас с утра до ночи! А вас? – и бегом побежал к выходу, топая солдатскими сапогами. Каптенармус – высокий, худощавый, с двумя лычками (нашивками) на погонах[467] по очереди запускал в склад и, сообразуясь с ростом новобранца, быстро кидал комплект обмундирования каждому. Сдав свои шмутки каптенармусу и забрав военный комплект под надзором своего отделённого, Ваня начал одеваться.

– Туже подпоясывай ремень, чтоб палец у брюшной требухи было не подоткнуть! – кричал на него отделённый.– Вот так, пузу убирай, «серая кобылка»! – натянул он сам Ване ремень, так, как Ваня никогда не подпоясывался дома.

На улице отделённый построил ребят, повернул отделение и скомандовал:

– Вдоль дороги – шагом марш! Запевай «Знаю, ворон, твой обычай»[468]! – и запел сам, ребята подхватили:

Знаю, ворон, твой обычай:
Ты сейчас от мертвых тел,
Ты с кровавою добычей
К нам в деревню прилетел.
Где же ты летал по свету,
Где кружил над мертвецом,
Ты похитил эту руку,
Руку белую с кольцом?
«Расскажу тебе, невеста,
Не таясь перед тобой:
Под Варшавой есть там место,
Где кипел кровавый бой.
Бой кровавый, пир богатый

[465] Каптенармус – унтер-офицер, который заведовал ротной кладовой, в которой хранились оружие, амуниция и одежда солдат.

[466] Шмутки – вещи, домашняя одежда.

[467] Погоны младшего унтер-офицера Русской императорской армии.

[468] «Знаю, ворон, твой обычай» – произведение на основе стихотворения П. А. Козлова «Литовская песня», литературного перевода с польского языка стихотворения Владислава Сырокомли.

Буду помнить целый век.
И пришел туда с лопатой
Ненавистный человек.
Закопал в одну могилу
Мертвецов-богатырей».
Знаю, знаю по колечку
Чья у ворона рука –
Это милого дружка!
Дорога дальняя – запели вторую:
Под ракитою зелёной
Русский раненый лежал,
Он к груди, штыком пронзённый,
Крест свой медный прижимал.
Кровь лилась из свежей раны
На истоптанный песок;
Над ним вился чёрный ворон,
Чуя лакомый кусок.
Ты не вейся, чёрный ворон,
Над моею головой!
Ты добычи не дождёшься,
Я солдат ещё живой!
Ты слетай-ка, чёрный ворон,
Снеси матери поклон.
Ты скажи ей, чёрный ворон,
Что я женился на другой.
Была свахой шашка остра,
Обвенчал гранёный штык,
А невеста – пуля быстра,
Прямо в грудь мою впилась[469]!

Ваня пел эту песню и вспоминал отца, как он взгрустнёт, [бывало], и, вспоминая лихие годы войны, певал эту песню, катая за верстаком парящий вонючий валенок. «Да, песня старинная. Наверно, и в японскую войну её пели вот такие же, «серая кобылка»! А зачем он нас назвал «серой кобылкой»? Ведь и он такой же серый»,– с обидой обдумывал Ваня слова отделённого.

В казарме вновь обмундированных отделённые построили в коридоре. Прочитали им команды по сбережению и уходу за обмундированием и распустили по помещениям. И началась чистка.

– Начинай чистить бляху у ремня, чтоб орёл горел! – командовал отделённый.– Кто кончит – покажет мне. Чистите пуговицы, крючки[470], проверяйте, крепко ли они пришиты. Если оторву – наряд получите. Погоны проверьте – правильно ли

[469] «Под ракитою зелёной» («Чёрный ворон») – песня, автор слов Н. Ф. Верёвкин.
[470] *Крючки* вписано поверх строки.

пришиты! – кричал он. Так мозолили ребята своё обмундирование, от которого характерно пахло шинельным сукном и гимнастёркой японского сукна.

После Нового года новобранцев вооружили винтовками: кому досталась учебная, окрашенная в чёрный цвет, кому деревянная, такого же цвета, кому Гра[471] или винчестер[472], и [были] две японские[473]. Полная пестрота! «Вот так, царские воины, защитники Его Величества от врагов, внешних и внутренних!» – думал Ваня, получая на вооружение винтовку гра, ладно хоть не деревянную, выпиленную из доски. Вспомнил он и слова с матерками калеки-солдата на пароходе: «Ни снарядов, ни винтовок, ни патронов, мать их так! Жди, когда взять у убитого! Знай, пой „Боже, царя храни!“» – возмущался он.

Получив «винтовки», составили [их] в пирамиды[474]. Теперь «вояки, похожие на потешных» рано утром гордо, с залихватскими песнями шагали по улицам города, уходя на учебный плац. Проводили наступательные операции: перебежки, «ура», колка чучел, «бей прикладом», «закройсь», «на плечо», «к ноге», «на караул», «коли вперёд», «бей назад» и т.д., пока потом от тебя не запахнет, хотя и в крепкий мороз. А вечером отвечай:

– Русская трёхлинейная винтовка образца 1891 года[475], господин учитель! Состоит из главных частей:

1) ствол с прицельной рамкой, мушкой[476] и колодкой,
2) затвор,
3) магазинная коробка,
4) ложе с прикладом,
5) штык с хомутком и
6) ствольная накладка.

Для изучения частей винтовки и их взаимодействия брали уже только учебную винтовку[477].

В один из учебных дней на плацу за Новой деревней Ване с Васей вновь пришлось столкнуться с генералом Короленко. Ранним утром первую и вторую роту вывели на тактические занятия. Командир второй роты, прапорщик Меньшиков рассыпал свою роту в цепь за женским монастырём. Первая рота по команде

[471] Винтовка Гра – винтовка, разработанная французским инженером-оружейником Базилем Гра (1836–1901) в 1874 г. и производившаяся в 1874–1918 гг. К началу Первой мировой войны имела репутацию устаревшего оружия. Во французской армии во время Первой мировой войны этой винтовкой снабжались только вспомогательные части. В Русской армии из-за недостатка оружия этой винтовкой снабжались и боевые части.

[472] Винчестер – общее название оружейной продукции американской компании Winchester Repeating Arms Company.

[473] Японские винтовки – винтовки Арисака Тип 30 образца 1897 г. и Арисака Тип 38 образца 1905 г., полученные Русской армией или как трофеи Русско-японской войны 1904–1905 гг., или как импорт – прямой из Японии или из Великобритании.

[474] Пирамида – сейф для хранения оружия.

[475] Русская трёхлинейная винтовка образца 1891 г.– винтовка Мосина и «трёхлинейка», модификации которой массово использовались с 1890-х до 1950-х гг.

[476] *Мушкой* вписано поверх строки.

[477] Далее авторский заголовок *Генерал 3*.

прапорщика Казанского рассыпалась на плацу и повела наступление на вторую роту. Ползли, перебегали перебежками по три, по одному. Короленко приехал наблюдать. Слез с лошади и подал команду: «Роты, на ура!»

Роты бросились одна на другую с криками «ура». Здесь и встретились один с другим два братана. Пользуясь поданной командой «Вольно», они разговорились, глядя один на другого в шинелях. Но разговор их прервал прапорщик Меньшиков:

– Видите, генерал не может влезть на лошадь, помогите ему.

Ваня с Васей подбежали к генералу и с робостью подхватили его под зад, но поднять эту раскисшую тушу не смогли, да и лошадь не стояла на месте. Короленко закричал на ротных командиров:

– Прапорщик Казанский, Меньшиков, кого вы, шельмы, послали генерала подсадить! Давай мне здоровых, кадровиков.

Послали других. С трудом подсадили, но потом, как рассказал взводный Вожжаев, генерала в городе на улице лошадь уронила (наверно, в седле задремал), так генерал распорядился лошадь под арест, не давать ей овса 5 дней.

Ежедневная монотонная муштровка притупляла чувства живого человека «И в самом деле, из нас получается “серая кобылка”»,– иногда раздумывал Ваня. В такой обстановке служилые были рады получить какой-либо наряд, или дневальными, или осчастливиться рабочим на кухню, чистить картофель и до сытичка огладывать мослы[478], разрезать мясо на порции и накладывать порцию на лучинку. Такое счастье как-то улыбнулось и Ване.

Кухня во дворе казармы. Здание низенькое, каменное. На плите вмазаны четыре громадных котла, от которых валил густой пар, да так, что в помещении было трудно различить предметы, хотя повар по привычке легко ориентировался и без труда брал свои неприхотливые инструменты. В потолке тускло освещала помещение электрическая лампочка, с трудом пробивая густые скопления паров.

– Кто пришёл? Проходи сюда!..– услышал Ваня голос повара.

Ваня, переступив порог, начал плотнее закрывать за собой двери, но повар вскричал:

– Не закрывай, проходи!

На кухне раздражающе пахло варившимся в одном из котлов мясом. Сквозь густые скопления паров он подошёл к повару. Повар стоял с черпаком у котла, в котором варилось мясо, и черпаком доливал кипяток из соседнего котла, утирая пот с лица рукавом просаленной гимнастёрки.

– Из какой роты послан? – спросил он Ваню и, не дожидаясь ответа, сказал: – Вон, иди к ребятам, помогай чистить картошку, не успевают, да гниль-то обрезайте! Сами ведь жрать будете!

В углу помещения Ваня разглядел двоих чистильщиков картошки, сидевших перед изрядной кучей наваленной картошки. Срезая скорлупу[479], они бросали картошку[480], разрезанную, очищенную дольками, [в] ведер на десять кадушку.

---

[478] Мослы – кости.

[479] Так в документе, правильно *кожуру*.

[480] *Картошку* вписано поверх строки.

– Чё, один пришёл? – спросил Ваню один из парней.

– Один.

– Нас так из второй роты – всё двоих, а первая рота – всё по одному!

Сидели за этой чисткой с 12 часов ночи и до рассвету. На рассвете, видно, чёрт принёс на кухню генерала Короленко с дежурным офицером.

– За мной идите, ваше превосходительство,– ведя за руку генерала, приговаривал дежурный офицер. Повар, завидя генерала и офицера, скомандовал «Смирно» и, бросив лопатку на котёл, в котором мешал гречневую кашу, отрапортовал о закладке в котлы мяса и крупы, сделал шаг в сторону. Поздоровавшись, генерал напустился на присутствующих, вытянувшихся перед ним в струнку:

– Повар, и вы, прапорщик, смотрите, какая у вас разведена на кухне грязища! Шельмы чистят картошку и с землёй скорлупу валят под ноги! Разве нельзя под скорлупу поставить такую же посудину! А вы, шельмы, чистите, стоя по колено в скорлупе, не додумываетесь хотя лопатами убирать её из-под ног! – и, после короткой паузы, снова на ребят: – Зас… цы! Ведь в уборную до сих пор ходить не научились! Только вам мяса и каши побольше давай! Срамота ведь в уборной-то! На всех стенах мазни от пальцев! Ходят мимо дыр! Стрелки заср… е! Дыра больше мишени, а попасть не могут! Что, мушка на заднице сбивается?! Шельмы! Вы, дежурный прапорщик, поставьте вопрос перед командирами рот, чтоб в уборной и кухне был порядок! Ещё зайду – не поздоровится! – и пошёл к выходу.

На первых минутах после ухода генерала воцарилась тишина. Первым тишину нарушил повар:

– А превосходительство сегодня и забыл супу отведать! Я бы его, так и быть, угостил супом с добавленной сырой водой! Пусть бы у него не сбилась мушка! – и все захохотали.

От работы на кухне у Вани осталось хорошее впечатление: сыт по горло, не на морозе муштровка[481].

К Рождеству (25 декабря ст [арого] ст [иля]) начало прибывать в казарму новое пополнение мобилизованных ратников второго разряда. Началось сколачивание новой маршевой роты. Опять потянулись нудные военные учения: прогулки с песнями, маршировки, колка чучел. Для Вани и другим его сверстникам, не попавшим ранее в маршевые роты («по зелени», как их назвал Казанский), обучение уже было не ново, но всё равно они проходили [его] повторно. В рождественский день занятий не было, но вечером Казанский распорядился выстроить роту перед казармой по улице Пушкина на прогулку. Фельдфебель Хлопников выгнал всех и построил. На сильном рождественском морозе рота стояла не менее часа в ожидании командира роты. Казанский вышел явно выпившим. Козлиным голосом поздоровался с ротой и повёл роту с песнями по Обвинской улице[482]. Обогнув четыре квартала, подвёл к казарме, перестроил на ходу и своим казённым баритончиком скомандовал:

– Рота, стой! – но в это время нашёлся какой-то смельчак из третьего взвода, [который] таким же образом передёрнул его команду.

---

[481] Далее авторский знак заголовка.

[482] Улица Обвинская в г. Перми – ныне улица 25 Октября.

Казанский бешено вскипел. Начались допросы: кто его передразнил. Подозрение пало на второй взвод, и он приказал фельдфебелю взводы первый, третий и четвёртый завести в казарму, а второй взвод оставить для опроса на улице. Как ни пытали, виновника не нашли. Казанский бегал по отделениям, скрипя зубами, допытывал отделённых командиров, кто из их подчинённых осмелился осмеять ваше благородие, но всё напрасно. Стращал их разжаловать и, наконец, придумал: сам встал у угла казармы. Фельдфебеля послал на перекрёсток следующего квартала и со словами: «Я всё равно вышибу из вас дурь!» скомандовал:

– Взвод, кругом! Бегом марш! – и началось…

Взвод, добежав до фельдфебеля, получил от него команду «Взвод, кругом!» Так и забегали солдатики бегом от ротного к фельдфебелю, от фельдфебеля к ротному, как челнок в ткацких кроснах. Пар на морозе от кашлявших, задыхающихся солдат подымался туманом по кварталу. Посреди квартала, стоя в сугробе снега, стоял ухмыляющийся курносый барабанщик и отстукивал на барабане такт, но его трескотня так и не доходила до сознания бегущих по размазанному снегу. Добегались до того, что ратники-ополченцы по дороге начали падать, а отдышавшись, снова незаметно включались в строй, благо что ночь – ничего не видно. Даже и Ваня воспользовался такой передышкой. Наконец, у «козла», видимо, в сапогах ноги замерзать начали, или он достаточно натешился, [и он] скомандовал подбегавшему к нему взводу:

– Взвод, стой!

Если во время бега пар бегал за солдатами, то теперь он, сопровождаемый непрерывным кашлем, столбом подымался вверх. За взводом, отсчитав, видимо, количество пробегов, тянулся и сам фельдфебель, насобирав по дороге «падучих» шесть человек. Поведя их к ротному, он доложил:

– Вот, ваше благородие, насобирал я их, валяются в снегу.

– Ничего, не выдадут – я их всех загоню в сугробы! До утра буду гонять, паршивцев!

И снова начался допрос, который также оказался безрезультатным.

– Бандиты! – выругался ротный и спотыкающейся походкой убежал в казарму.

Вернувшись, он дал указание фельдфебелю завтра после обеда взвод поставить в коридор второго этажа казармы на два часа под винтовки.

– Вот козёл, вот козёл, до чего догонял нас ради праздника, даже гимнастёрки хоть выжимай,– раздеваясь, переговаривались солдаты.

– А за что? Ведь ясно было, что кто-то из третьего взвода!

На второй день приказ привели в исполнение. По коридору взвод построили в одну шеренгу, и фельдфебель скомандовал:

– Равняйсь! Два шага вперёд от стены! Смирно! На пле-чо! – подпрыгнули винтовки и замерли.

Два часа, не поленился, фельдфебель просидел на стуле, наблюдая, чтоб [ни] кто не пошевелился. Не переступил с ноги на ногу, не опустил винтовку или не свалил штык на стену.

– Моргать глазами – моргай, но не шевелись,– приговаривал он.

Час отстояли как будто милостиво, но потом и рука левая обомлела от веса винтовки, и ноги загудели, а потом сделались как деревянные, и недаром, когда отстояли положенное время и фельдфебель скомандовал «к ноге!», то винтовки с плеч, несмотря на подсчёты «Раз, два, три!», сползли по боку и с трудом были подхвачены правыми руками и небрежно поставлены к носкам правых ног. Фельдфебель, улыбаясь, встал со стула и скомандовал: «Разойтись!» Команда была подана так резко, что Казанский, отдыхая в своей комнате, услышал и выбежал в коридор, проверяя на часах время, а штрафники с большим трудом делали первые шаги, отрывая от пола одеревеневшие ноги. Вечером на поверке после переклички и упоминаний о герое Кузьме Крючкове[483] фельдфебель напомнил второму взводу, что командир роты велел предупредить – при повторении такого безобразия виновники будут стоять с кирпичной выкладкой за плечами.

Вскоре после Рождества у ротного командира произошли два события. Первое событие было фельдфебелем объявлено солдатам также на вечерней поверке, что приказом по войскам за усердную службу ротный командир прапорщик Казанский произведен в подпоручики. Теперь на его золотых погонах не одна, а две звездочки. «По такому случаю,– сказал он,– как их благородие выйдет – дружно все кричи “ура”»! – и в самом деле, как по команде из его кабинета открылась дверь, и с торжествующим видом вывалился Казанский, и при криках «ура» он взял под козырек. «Спасибо, братцы!» – проговорил он. Не успело уложиться это событие в солдатских умах, как произошло второе событие – Казанский (как будто Серёга, или Сергеевич, не помню) женился. Теперь от его кабинетика понесло по верхнему кабинету духами, очевидно, их благородие барынька без духов не ходила. А сам Казанский, отмечая это событие, достал где-то (может, от тестя или тёщи) граммофон, поставил его рупором по коридору и завёл:

Сидит Миша под окном,
А сам горько плачет, да так бедный охал.
Удивлялась Маша, Настасья Петровна:
«Чего, Миша, плачешь, плачешь,
Чего, Миша, хочешь, хочешь?»
«Плачу, я плачу, хочу, я хочу,
К тебе в горенку хочу».
К себе в горенку пустила,
На диванчик усадила:
«Сядь, Миша, сядь!»
Сидит Миша на диване, а сам горько плачет,
Да так бедный рыда-ал,
Удивлялась Маша, Настасья Петровна:

[483] Крючков Козьма Фирсович (1890–1919) – донской казак, первый награждённый Георгиевским крестом в Первую мировую войну. В годы Гражданской войны – участник Белого движения.

«Чего, Миша, плачешь, плачешь,
Чего, Миша, хочешь, хочешь?»
«Плачу, я плачу, хочу, я хочу,
На кроватку я хочу!»
На кроватку посадила:
«Сядь, Мишенька, сядь, сядь!»
Сидит Миша на кровати, а сам горько плачет,
Да так, бедный, ры-да-ал!
Удивлялась Маша, Настасья Петровна:
«Чего, Миша, плачешь, плачешь,
Чего, Миша, хочешь, хочешь?»
«Плачу, я плачу, хочу, я хочу
На кроваточке лежать.
На кроватку уложила,
Одеялочком покрыла:
«Спи, Мишенька, спи, спи!»
Лежит Миша на кровати, а сам плачет,
Да так, бедный, рыда-ал!
Удивлялась Маша, Настасья Петровна:
«Чего, Миша, плачешь, плачешь,
Чего, Миша, хочешь, хочешь?»
«Плачу, я плачу, хочу, я хочу,
Целоваться я хочу[484]!..
(Пишу так, как осталось в памяти.)

Слушал Казанский и улыбался. Благо, что день был воскресный и занятий не было.

Как-то фельдфебель вызвал к себе Ваню. Ваня, подымаясь с нижнего этажа на второй этаж по лестнице, думал, что в чем-нибудь провинился или есть какая-нибудь кляуза. Подойдя к двери, где находился фельдфебель, Ваня робко постучал в дверь и, открыв её, попросил разрешения войти и доложил: «По вашему приказанию Деськов прибыл, господин фельдфебель!» Рядом с фельдфебелем сидел ротный писарь. Писарь, перебирая какие-то записи, сказал фельдфебелю:

– Деськов грамотный, окончил трёхклассную сельскую школу, окончил школу ремесленных учеников и взят на службу со второго курса школы инструкторов. Правильно, Деськов, я говорю? – обратился он к Ване.

– Так точно, господин писарь! – ответил Ваня.

– По приказанию командира роты завтра к восьми часам утра забирай свои манатки[485] и пойдешь в учебную команду в распоряжение поручика Бердичева,– объявил фельдфебель.

– А вы ему заготовьте документы,– обратился он к писарю.

---

[484] «Настенька» – стихотворение неизвестного автора.

[485] Манатки – вещи, пожитки.

– Учебная команда находится на площади Слудского собора[486], у Камы, в здании бывшего ремесленного училища. Ну да там спросишь. Вот тебе снова ремесленная школа, раз недоучился. Только там тебя отшлифуют по-военному. Иди! – пояснил Хлопников.

– Хорошо будете заниматься – скоро отделаетесь, а плохо – с полгодика проморозят. Из роты пойдёте впятером! – еще добавил он.

На второй день утром в 8 часов взводный Вожжаев выстроил курсантов в коридоре и приказал отделённому Подшивалову сопроводить пятёрку в учебную команду.

– Ну и помылят вам в команде шеи! – дорогой напутствовал Подшивалов.

В учебной команде Подшивалов отдал список курсантов писарю в канцелярию. Писарь проверил прибывших по списку, направил их в общежитие. Всего курсантов набралась целая рота: прибыли ещё из рот 162-го зап [асного] пехотного полка (и помнится, из 177-го зап [асного] пехотного полка[487], стоявшего тоже в Перми в угловом многоэтажном каменном доме наискосок от казармы – женской гимназии, где ранее был пивоваренный завод)[488]. К неописуемой радости Ваня среди курсантов встретил братика Васю. Вася сидел у окопов соломы и плёл для себя мат на постель. Увидев Ваню, он быстро поднялся и бросился обнимать Ваню на удивление тут же работавших курсантов.

– Иванко, опять мы с тобой вместе! – разволнованно говорил Вася, обнимая тоже разволнованного братика.– Садись со мной вязать мат. У меня соломы и мочала хватит на двоих. Спать будем вместе! Вот здорово, Иванко! Из дома писем не получал? Что-то как там живут?

– Нет, не получал, ни из дома, ни от Павла и Пети. Не знаю, что с ними! – ответил Ваня, усаживаясь рядом с братом.– А помнишь, Вася, в этом здании с тобой были, когда приезжали в Пермь из Камбарки?

– Как же, помню. Нас Василий Сергеевич водил. Ведь здесь тоже тогда было ремесленное, а те вон дома, белые, поповские,– указал он на каменные побеленные здания у Слудского собора.

К работающим подошёл старший унтер-офицер, курносый, с хриплым голосом. Поздоровавшись с курсантами, сказал:

– Поторапливайтесь. До прихода начальника команды поручика Бердичева надо управиться. Разговоров поменьше!

Перед обедом курсантов выстроили на площади[489]. Раздалась команда: «Смирно, равнение направо!» Бердичев, статный, рослый поручик появился справа

---

[486] Церковь Троицы Живоначальной на горе Слудка в г. Перми, построенная в 1845–1849 гг. С 1944 г.– кафедральный собор Пермской епархии (в описываемое время кафедральным собором был Спасо-Преображенский, ныне здание Пермской государственной художественной галереи).

[487] 177-й запасной пехотный полк – воинское подразделение Петроградского военного округа, созданное в 1914 г. в г. Новгороде.

[488] Имеется в виду здание пивоваренного завода Ижевского торгово-промышленного товарищества в Перми, находившегося на перекрёстке улиц Сибирской и Большой Ямской (ныне Пушкина).

[489] После *на площади* вычеркнуто *к строю подошел*.

в сопровождении двух прапорщиков, Жужгина и Плюснина. Подойдя к строю, он поздоровался и сказал:

– Солдаты! Вас сюда послали обучаться военному делу, да так, чтоб из вас получились не просто рядовые бойцы, а командиры отделений или, при нужде, и взводов, в которых так остро ощущается нужда и на фронте, и в тылу!

Много он говорил о геройстве русских воинов на фронте, о героизме Кузьмы Крючкова, о необходимости защиты веры православной, царя и Отечества от врагов внешних и внутренних. По окончании его речи прапорщик Жужгин скомандовал: «По порядку номеров рассчитайсь!» – и всех курсантов разбили на четыре взвода. И тут Вася и Ваня попали в один взвод. В казарме они уместились на свои места рядом, так что они перед сном хоть полчаса уделяли время на воспоминания о детстве и о школе, и о родине, и о чём только не бродили их мысли.

Учёба в команде намного отличалась от учений в роте. Тут и повышенная дисциплина, расширенные словесные занятия по изучению полевого устава и устава гарнизонной службы. А утром, как только горнист протрубит подъём, полчаса уделялось гимнастике. До обеда маршировка, а после обеда или тактические занятия – построений, перестроений (на вдовий дом, спра-ва! или на собор, сле-ва! и т. д.) «И на кой чёрт нам эти авангарды, арьергарды? Вдовьи дома, отбивка трёх, а то и четырёх набегающих на нас чучел?» – толковали, недоумевая, ребята. А вечером, сидя на нарах, Вася с Ваней зубрили: «Обязанности начальника разведывательной партии:

1) получает от начальника, выясняющего разведку, а) сведения о противнике, б) сведения о своих войсках,

2) задачу (фронт или район разведки),

3) указание о цели разведки,

4) кому и куда посылать донесения,

5) куда отправлять срочные донесения,

6) отзыв и отпуск,

7) указания о времени выполнения разведки,

8) куда вернуться.

§ 31 и § 72»,– читал Ваня.

Вася слушал, слушал и огорошено сказал:

– Да ну их, неужели нам, Иванко, это потребуется?

– А чёрт его знает,– отозвался Ваня.– Спросят ведь. А ну, рассказывай!..

Вскоре вместо вольных упражнений по гимнастике ввели фехтовальные приёмы. Занятия колкой и фехтованием были поручены взводному. Разделив курсантов пополам и построив на площади шеренгой против шеренги на пятнадцать часов одна от другой, командовал: «На руки. К бою готовсь! Коли! Резче, резче!» – кричал он гундосым голосом. «Коли! На выпаде останься – коли! Равняй штыки!» И вот держит на выпаде до тех пор, пока не задрожат руки и не заиграют штыки. «Закройсь!» – и загундосит: «Так, вашу мать, вояки!» Завернул козью ножку и прикурив, скомандовал: «Вольно! Высморкайтесь, мать вашу, маменькие сынки! Двумя руками винтовку держать не можете! А я вот, смотрите, одной рукой за штык

винтовку подыму! Вот так»,– продемонстрировал он. Курсанты в стойке «вольно» попытались было, но ни одному поднять не удалось. «Что, мало каши ещё ели, вояки! Смир-но! На кашу, в казарму бегом марш!»

На другой день взводный курсантов донял до проливного пота. В штыковых приёмах ввел новое. После выполнения команды: «На выпаде останься – коли!» – командовал: «Отнять правую руку!» – как только винтовки у курсантов начнут одолевать левую руку, послышатся хриплые гундосые матерки. Курсанты с матерков вроде бы несколько воспрянут, но ненадолго: «Приложите правую руку! Закройтесь! Ах, мать вашу, вспотели! А ну бегом до Козьего загона[490]! Хотите сделать?! Так сделайте, я вас проветрю! Смирно! Постройся!» Очевидно, времени не хватало, и он скомандовал, как обычно: «На кашу в казарму – марш!»

А следующее занятие с винтовками было ещё сложнее: при выпаде «останься – коли» взводный командовал: «отнять правую руку» или «отнять левую руку». «Держите на вытянутой правой руке за шейку ложи», редко кто угождал гундосому взводному, стращавшему: «бегом до Козьего загона»[491].

Наступили весенние дни. Как будто в ученье стало полегче. Сами они не знали почему. Или уже привыкли к этим муштровкам, или на самом деле их меньше стали беспокоить. Многие даже урывали время, чтобы написать домой письмо. Оповестить родных, что они живы-здоровы. Ваня с Васей хотя и в трудные минуты урывали время для писем. Заложив в один конверт свои писанины, не тот, так другой сбрасывали [письма] в почтовый ящик у казармы, но ответов на них ни из дома, ни [из] фронтов от братьев не получали.

Весна наступила полным ходом. Кама очистилась от ледяного покрова. Солнце так и манит вдыхать весенние прелести, а у солдат на сердце всё ученье да казарма. А ученья ещё какие!? Как нарочно, в распутицу и грязь ввели тактические занятия. Уведут курсантов куда-либо за город – и ну заниматься рассыпным строем. То наступать перебежками на опушку леса у лесопилки, а как затрещит трещотка вместо пулемёта – где стоишь, тут и ложись, хоть лужа, хоть грязь. Ничего, вывозишься в грязи, промокнешь – придешь в казарму, хватит часа на два-три работы, чтоб к утру и следов не было, что было вчера.

На пасхальные дни было объявлено, что занятий не будет целых три дня. Всем курсантам так и хочется отдохнуть. Вдоволь поспать, понежиться, почувствовать, что на дворе такая радостная в природе весна, что на родных полях над пашнями высоко в небе заливаются своими трелями жаворонки, присвистывают, порхая крыльями, скворцы над своими облюбованными скворечниками. Заливаются разными голосами птички в проснувшемся от зимней спячки лесу. Всё с радостью встречает весеннюю пору, только война омрачает людей. Льются слезы в городах и деревнях, по всей матушке России, о потерях кормильцев, умирающих и страдающих на полях сражений неведомо за что! Учат солдат: «Войну развязали немцы из-за желания захватить

[490] Козий загон – сад между берегом Камы и улицей Монастырской, известный с 1860 г. Ныне – сквер имени Ф. М. Решетникова. После слов *Козьего загона* вычеркнуто *марш*.

[491] В подстрочном примечании автора *Козьим загоном называли скверик, расположенный подле набережной на окраине города, близ бывшего епархиального собора (ныне музей).*

наши лучшие славянские земли, моря и торговлю и сделаться господами всего мира! Они посягают на веру православную, царя – помазанника Божия!» «Не быть этому! Бог не выдаст!» – вбивают в головы солдатам. «Учись хорошенько, солдат, стрелять, бить, колоть», а кого!? Такого же горемыку немецкого, австрийского солдата, тоже гниющего и не знающего, за что. Может быть, ему тоже наговорили, что русские посягают на их веру, царя Вильгельма?! Может, тоже «земли мало, морей надо»!? Так вот и полощет война. Льётся народная кровь; воюют только не в окопах царь с царем, русская вера с немецкой. Плачет и стонет простой народ воюющих стран. А война идёт и идёт полным разгромом. Кажется, этой бойне и конца не будет! И весенние дни разливаются стоном и горем исстрадавшегося народа.

В первый день Пасхи Ваня с Васей вышли подышать весной в церковную ограду (в город увольнительных никому не давали). Сели на уже сверху обмокший чей-то могильный холмик и занялись воспоминаньями прошлого, а потом и перешли на военные темы. Прислушивались к пароходным и паровозным гудкам со станций Пермь Первая[492] и Пермь Вторая. Но долго любоваться не пришлось: из казармы вышел горнист и протрубил сбор. Курсантов выставили в коридоре второго этажа для праздничного молебна. В конце коридора уже кто-то поставил к стене две иконы – Спасителя и Богородицы. Вскоре, блистая ризами, появился поп в сопровождении дьякона и лет пятнадцати мальчика – тоже в ризе. Раздалась команда: «Смирно!», поп, проходя мимо выстроившихся, поздоровался: «Здравствуйте, братцы. Христос воскресе!» Курсанты на «здравствуйте» ответили всё же дружно, но потом разнобоем: «Воистину воскресе!» Спели сперва «Христос воскрес», а потом дьякон затянул: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое. Победы благоверному государю нашему Николаю Александровичу на супротивные даруй и Твоё сохраняй крестом Твоим жительство!» – и снова «Христос воскрес». По окончании молебна все подошли к батюшке целовать крест. После обедни Ваня с Васей уже никуда не пошли – скоро обед. Лежа на нарах, они прислушивались к доносившемуся с улицы праздничному перебору церковных колоколов[493].

«За обедом!» – раздалась команда дневального. Очередной [дежурный] по отделению [пошёл] с тазом под суп и прихватил ещё специально приспособленный малого размера тазик для взводного (ребята брезговали есть с ним из одного таза). Взяв помогала[494], побежали на кухню. С супом быстро расправились, не задумались и над кашей. Суп для взводного и кашу (а на верху каши лежала и его порция мяса, нажаренная на лучинке) поставили на нары. Давно отобедали, а взводного всё нет – съедобное остыло. У некоторых разыгрался аппетит на его обед. Стали поговаривать, что он ушёл к своей шлюхе, там пасётся.

– Куда к шлюхе! Я знаю, что он в монастырь к монашкам ходит! – возразил один.

– Ну и тем более сыт будет! Давай, ребята, чем добру киснуть!

[492] Пермь I – первая железнодорожная станция Перми, открытая в 1878 г., до 1911 г. называлась «Пермь».

[493] Далее авторский заголовок *Обед га-га-га.*

[494] Помогало – ложка.

И после, приговаривая «за здоровье взводного и святой Елены», что-ли[495], съели [обед взводного] два смельчака, другие побрезговали. Только успели ложки облизать и спрятать их за голенища сапог, взводный тут как тут, идёт, шатается. Глаза умильно-масленые. «Христос воскрес, солдатня!» – прогундосил он и, глядя на пустые, ещё не убранные тазики, закричал:

– Дак вы, черти, уже пообедали, а где мой обед?! Сказывай! – угрожающе приставал он к каждому, бросая по нарам пустые тазики, но ребята, переглядываясь между собой, молчали.

Ничего не добившись, он начал проверять свои посудины. Конечно, улики были налицо – от супа и каши тазики не помыты.

– Сожрали, подлецы! Я что, не хочу есть, мать вашу?! Кто съел, говорите?!

Но ребята молчали.

– Не хотите говорить, так заговорите у меня! Выходи строиться!

Ребята запереглядывались.

– Что не выполняете команду?! Строиться!

Ребята начали выходить один по одному в коридор строиться, думая, ну разве что лишь погоняет… Построились. Подана команда «Равняйсь! Смирно! На шаг разошлись! На пра-во! Руки на бедра, раз! На полуприседании, раз!» «Что будет?» – думают курсанты, а взводный схватил тазики с нар и, выбежав к ребятам, по тазику дал первым двум, скомандовал: «Гусиным шагом взводному за супом – марш!»

Команда подана, ничего не сделаешь – выполняй. Вот бы кто сейчас пришёл из благородий, наверно, похвалил бы взводного! Через порог ребята с тазиками не переступили, а по лестнице крылечка слезли с подсадкой на задницы. До кухни взводный курсантов вел по уличному тротуару и беспрерывно заставлял кричать «га, га, га», и сам помогал или гундосил голосом, торжествуя «параду». По случаю праздника на улице многолюдно, но взводного это не смущало. Люди, идущие сзади шествия гогочущих солдат, с удивлением, а некоторые улыбаясь смотрели на это шествие. Встречные сходили с тротуара, давая дорогу и, остановившись, кто с презрением, кто также с улыбочкой глядели на это шествие. Но вот навстречу «гусиному шествию», гогочащему вразнобой, переваливающемуся с ноги на ногу, встретилась парочка. Мужчина средних лет, одетый по-праздничному, шёл, переплетая ногу за ногу, до сада, набравшись пасхального, бормотал какую-то песенку. Его подруга, также в праздничном наряде, подхватив его под левую руку, ворчала на него:

– Иди, иди ладом! Надо же тебе при людях так налакаться!

Встретив «гусиное шествие», [мужчина] остановился в недоумении, а затем рванулся из рук подруги, взял руки на бедра и попытался сесть на полуприседание, но сел в грязь, опрокинувшись на спину. Взводный, видя эту картину, заспешил и, подбежав к нему, помог неудачливого «гуся» поставить на ноги.

– Вот, как гусь, кверху лапками свалился. Ещё в грязи и меня запачкал! – прогнусавил он извиняющейся и благодарившей их подруге.

---

[495] После *что-ли* вписано поверх строки слово *обед*.

– А ну, гогочи громче! – подбежал он к своим «гусятам», воспользовавшимся его отсутствием.

Завернули за угол и подошли к кухне. У порога кухни, снаружи и внутри, натоптана жуткая грязь. Пермский «гусь» с тазом никак не может приспособиться, чтобы забросить правую ногу на порог, но взводный помог ему: он подбежал с матерками и пнул «гуся» сзади в мягкое место, да так, что «гусь» перелетел через порог, шлёпнулся в грязь, прихватив грязи в тазик. Послышались матюки:

– Чисти мой тазик, мать твою! – заорал взводный.– Навозом хотите взводного кормить?!

«Гусь» встал и побежал к повару, стоявшему у котла и в недоумении смотревшего на «гусиную» ватагу. Пока головной «гусь» под наблюдением взводного чистил и промывал таз, второй «гусь» с тазиком также пытался перелезть через скользкий грязный порог. Он то правую, то левую ногу забрасывал на порог, приноравливаясь, чтоб подняться на него, но если правая нога у него на пороге, то левая не отзывается из засосавшей её грязи. А взводный, следя за чисткой таза, то и дело поглядывал с ехидцей, что делается у порога, и покрикивал: «Лезь, что топчешься, мать вашу!»

Договорился с поваром о супе. У повара оказались излишки супа, и он бухнул в таз целых две порции, а мяса не оказалось, тогда повар не поскупился на мослы. «Вот, на разделочном столе, господин старший унтер-офицер, всё, что у меня осталось от мяса, что ни выберете, берите!» – указал он на груду костей. Взводный подошел к столу с костями и начал их ворошить, выбирая мозговые и не оглоданные кости, и клал их в тазик, ругаясь:

– Сволочи, молокососы, ради Христова Воскресенья своего взводного поставили на собачью должность – кости глодать, мать вашу!

Накопив злости, он подбежал к порогу с матерками и, видя, что второй «гусь» с тазиком под кашу всё ещё не смог перелезть через порог, решил ему помочь тычком под зад, но спьяна и тут его постигла неудача. Встав левой ногой на грязный скользкий порог, он занёс удар правой ногой, но промахнулся и, поскользнувшись, растянулся на пороге, да так, что «гусю» номер два пришлось встать на ноги и помочь взводному встать. Вставая, он изрядно сыпал матюки и по адресу порога и повара, что он не отчистил от грязи порог, и ребят, что они его так обездолили ради светлого Христова Воскресенья.

Отпоров горячку, он скомандовал:

– Встать, подлецы! Идите за кашей! – толкнул он «гуся» номер два.

Сидя на корточках, у ребят одеревенели ноги, и они с трудом встали, думая, что пыл у взводного остыл, но не тут-то было. «Гусей» с супом и кашей он опять поставил впереди, а остальных посадил на полуприседании и под гусиный гогот повел в казарму. В казарме взводный помыл от грязи руки. Почистил сапоги, снял штаны, гимнастёрку, бросил ребятам:

– Чистота, мать вашу так, сучьи дети!

Взял ложку, хлебнул и выругался:

– Что он мне помои налил, сукин сын! Выбрасывай всё. Что я – собака, что ли? Сволочь, думает, я голодный!

Ребята мало-мальски почистили ему брюки и гимнастёрку, чтобы только грязь не бросалась в глаза, взводный оделся и ушёл бродить по городу.

– Пошёл опять к своей шлюхе! – заметил один из курсантов.

– Вот же хрипун сифилитный, как ради годового праздника намучил нас, окаянный!

– Хоть бы ему кто пьяную рожу в городе нахристосовал! Вино-то хоть запрещено продавать, а где-то всё же находят. На фронт бы его, сифилитика!

– А в монастырях да [у] попов и купцов, думаешь, мало вина?! Все они сегодня пьют да христосуются! Что им война? Да, вот такой праздничек получился у нас! Что и говорить – досыта нагоготались, перед людьми насрамились – стыдота! – поговаривают ребята, сидя на нарах.

Кто смеялся, кто негодовал на издевательства, кто и матерился, сидел, понуря голову, вспоминая родной дом, отца, мать.

– А что, ребята, если доложить об этом издевательстве взводному офицеру, их благородию Жужгину? – высказался один.

– Ну и что, думаешь, его вздуют?! Одна сволочь! Вот бы на фронте встретиться с ним!

– Как бы не так. Да ты наперёд на фронте ноги протянешь!

– А что жаловаться, не только гусиным шагом, но и на пузе поползёшь!

– И по морде надают! Ничего не скажешь, да ещё и спросят: «Не сердишься?» – «Никак нет, господин взводный!»

– У меня тятька рассказывал, как раньше в армии сквозь строй до смерти прутьями застегивали. Вот и жалуйся!

– А на улице-то, ребята, как хорошо! И солнышко, настоящая весна! Вот бы хоть на Каму взглянуть!

Все припали к окнам, надеясь хоть через окна краешек весны затянуть в казарму, одновременно прислушиваясь к колокольному праздничному звону Слудского собора. Говорили: «Кому весна, праздник, а кому война, слёзы и казармы!»

После праздничных дней ребята думали, что взводный будет им мстить за съеденный обед, но взводный и не намекал о происшествии: «гусиным шагом» их не гонял, зато изрядно доставалось ходьбы «редким учебным шагом».

В начале июня неожиданно Ване с Васей удалось встретиться с братом Петром. Пётр из 37-го Сибирского стрелкового полка из действующей армии был командирован с пакетом в Сибирский военный округ и, возвращаясь обратно через Пермь, сумел разыскать братиков, с которыми не виделся около пяти лет. В общежитие учебной команды он пробрался после полуночи, с трудом уговорив дневального. Братья Ваня с Васей, умотавшись за тактическими занятьями, крепко спали. Дневальный подвёл Петра к нарам и за ноги растряс спящих, сказал: «К вам гость!» Такая неожиданная встреча буквально ошеломила ребят. Первым узнал брата Вася.

– Петко, здравствуй!

Тут уже вскочил и Ваня. Расцеловались. Спрашивали о здоровье, о делах, о положении на фронте! «Одно убийство, мясорубка. Немцы жалят крепко! Они

хорошо вооружены, у нас плохо и с оружием, и с продовольствием. Одно проклятье, скорей бы конец!»

– От Павла и Дмитрия что-нибудь получаете? – спросил Петр.

– Нет, ничего. Даже из дома ничего не пишут,– ответили Ваня с Васей.

– Из дома и я не получаю, а вот от Павла было письмо. Он сообщал, что он весной на Карпатах ранен и находится на излечении в Московском военном госпитале, а о Дмитрии Васильевиче он ничего не знает. Написал я ему в госпиталь письмо, но ответа не получил. Что с ним – не знаю.

Часа два пообщались братья и тепло попрощались. Петр заторопился на пароход в надежде по пути побывать дома. После ухода Петра Ваня и Вася остались в оцепенении: уж не во сне ли они видели братика! Вечерами перед сном братики подолгу обсуждали и неожиданное свидание с братом Петром. Перебирали всё, что он успел сообщить о войне, позиционной жизни, настроении солдат. Лежа на нарах, шепотом обсуждали сообщение Петра, что солдаты нет-нет да и поговаривают об изменах, о безвольном царе Николае, о каком-то правящем монахе [496] и немке-царице.

– Помнишь, Иванко, ведь точно нам на пароходе говорил то же раненный солдат-калека! – шептал Вася.– Я думаю, если попаду на позицию, воевать не буду. Вались всё к чёрту! Как-нибудь и отобьюсь! – продолжал он нашёптывать.

– Да, Вася. Из нас всё равно вояк не сделают. Хорошо, что мы до сих пор не на позиции. Пусть держат подольше. Вот только жаль, нет известий от Павла и от Дмитрия, да и где-то не слышно о Шамшурине Афанасии Федоровиче,– говорил Ваня.

Во время учебных занятий они забывались, но, как наступал вечер, снова на них наваливались грустные, безотрадные думы, а время шло неудержимо. Летом явно началась подготовка курсантов к выпуску. Заканчивалась учебная программа [497]. Ровно блестела щетина штыков, выдерживая равнение.

– И на кой чёрт, Вася, нужна нам эта муштровка?! Неужели придётся так же орать, ходить, колоть, стрелять на позиции?

– Да ну их ко всем чертям, давай спать, Иванко! Я что-то утомился сегодня,– проговорил Вася.

Но не успели заснуть, как гармонист протрубил тревогу. Поднялась тревога, но огонь в казарме был не выключен. Раньше, когда, бывало, поднималась тревога, обычно взводный гасил огонь и у спящих лазил под нары, разбрасывая сапоги, ботинки, портянки, обмотки, переставлял с места на место в пирамидах винтовки, и ошеломлённые курсанты в темноте, стукаясь лбами, под нарами разыскивали свои обмотки, портянки, всю амуницию и одевались, схватив винтовки, выбегали строиться

---

[496] Распутин Григорий Ефимович (1869–1916) – крестьянин Тобольской губернии, имел репутацию «старца» и «друга семьи» императорской фамилии. Слухи о связях Распутина с императрицей Александрой Фёдоровной были одним из факторов, подорвавших престиж российской монархии в годы Первой мировой войны.

[497] После слова *программа* вписано *Не требовались в походах на тактические занятия, прогулкам по улицам города ни подсчётов ночи, ни трескотни барабана, отшколенные курсанты в такт отбивали ногами.*

перед казармой. Конечно, в такой суматохе не только курсанты перепутывали обмундирование, но являлись в строй, перепутав обувь – правый ботинок на левую ногу упадывал и наоборот, то выбежит кто без ремня с непрописанной по номеру винтовкой, лишь бы не опоздать, но вовремя встать в строй. А взводные, глядя на выстроившихся, только с ехидцей улыбались. Особенно ехидничал взводный Плюснин.

– Деточки, милые, что я вас – к порядку должен одевать?! Штаны, мать вашу, ладом одеть не можете! Научу я вас завтра! – гундосил он, осматривая каждого, как курсант преуспел.

– Эх ты, даже без обмоток выбежал воевать! Где обмотки? – Не нашёл, господин взводный! – Я тебе завтра найду! – угрожающе гундосил взводный.

И можно было всегда курсанту от него ожидать какого-нибудь похабного наказания. Помнится, ещё в начале занятий в учебной команде на уроках отдания чести при встречах с офицерами, генералами и т.д. он на учебное занятие заставлял выкатывать на полозках чучело. Ребята вначале думают, опять колоть на ура чучело, но потом поняли. Выстроив курсантов в одну шеренгу и представляя из себя то офицера, то полковника, то генерала, приказывал по очереди подходить к нему и рапортовать как дежурный по команде, и горе тому, кто нечетко и [не] громко да ошибётся.

– Слушать тебя не хочу! – загундосит он, покрыв не справившегося матом.– Вон, иди чучелу рапортуй, урод деревенский! Шагом марш! А научишься – завтра мне отрапортуешь!

Успевает и сам принимать и, гундося, командует у чучела у провинившегося.

– Ах, тыловая крыса, шкура гундосая! Вон бы кого на позицию-то! – думали ребята.

Но что случилось? Почему в эту тревогу и свет не выключен и всё на месте? Встроились перед казармой, к строю подошёл быстрым шагом поручик Бердичев. Он что-то передал прапорщику Жужгину. Жужгин скомандовал: «Равняйсь! Смирно! Напра-во! Влево по отделениям стройся! За мной, шагом марш!» Привел к Мешковскому дому, где приказал сдать учебные винтовки, получить боевые и к ним боевые патроны. В вещевые мешки – запасы сухарей.

Ребята недоумевали. «Что случилось? Что это значит?» – недоумённо спрашивали они, переглядываясь между собой. Попытались, кто посмелее, выпытать у взводного. Тот только, гундося, отмахивался, говоря: «Тактическая боевая тревога. Начальство знает, не наше дело, что к чему». Получив винтовки, огнеприпасы, харчи, команду повели на станцию Пермь Вторая, погрузили в приготовленные теплушки, стоявшие в тупике, на каждую теплушку выделили по дневальному со строгим наказом: «Без разрешения взводного никого не выпускать!»

– Ну, ясно, значит, на фронт! – полагали курсанты, переговариваясь между собой.

– Конечно, нет сомнений! Значит, что-то на позициях не лады! Вишь, и взводный вооружился винтовкой и патронами. Даже походная кухня вроде с нами! И начальство с нами, сели в классный вагон!

Многие начали писать родным письма, расположившись на нарах, что выезжают на позицию. Ваня с Васей, глядя на других, взялись было тоже за письмо, но к вагонам подошёл паровоз. Началась тряска. Взводный скомандовал, чтоб дневальные прикрыли двери, а сам побежал к начальству в классный вагон. Кондуктор дал свисток, и маневровый паровоз вывел эшелон на главный путь, приткнув его к стоявшему на путях паровозу.

– Ну, значит, поехали, братишки! Сейчас будет Камский мост!

– Как Камский мост? Что, вперёд вагонами, что ли, поедем? Смотрите, паровоз-то в другом конце!

И в самом деле, после свистка кондуктора и отзывного паровозного эшелон отправился в сторону Екатеринбурга.

– Значит, ребята, нас во Францию! – выкрикнул один.– Из нашего полка вот недавно весной посюды во Францию отправили роту! Так и говорили, что во Францию[498]! – закончил он.

– Чёрт же знает что! Хоть бы умирать на своей земле! – проговорил Ваня.

Все пригорюнились. Петь бы хотя песни, как обычно раздавались песни из мимо проходивших эшелонов со стороны Сибири на позиции, но у ребят было на сердце не то. Доехали до Екатеринбурга. Небольшая стоянка. Вылезали ненадолго за кипятком под наблюдением всего начальства и тронулись дальше. Доехали до Тюмени. В Тюмени ни с того ни с сего эшелон втолкнули в тупик. Разрешили курсантам вольно вылезти из вагонов, но далеко не отходить, даже разрешили погулять по перрону [всем], кроме дневальных, для порядка и охраны винтовок. Из офицерского вагоны вышли сам Бердичев с прапорщиком Жужгиным, сопровождая какого-то военного в чине полковника. Полковник, тепло распрощавшись, сел в бричку и уехал в город. Часа три простояли в Тюмени. По сигналу горнистов «сбор» взводный выстроил собравшихся перед вагонами. Сделал перекличку и скомандовал: «По вагонам! Поедем обратно!» Что это, шутка, что ли, в самом деле «тактическая тревога»? Но после коротких манёвров с перестановкой паровозов эшелон и в самом деле двинулся в обратный путь.

– А обратный ли, робя? – некоторые высказывали сомненья.

– Вот и по-французски научились говорить! – повеселев, начали шутить.

Докатили до Екатеринбурга – повеселели. В Перми снова сдали винтовки, патроны, котелки, фляги, а взамен [получили] учебные винтовки. Очистили от оставленного ералаша[499] казарму, выхлопали каждый свой мат – и снова «ать, два», вспоминая лишь непонятную тревогу.

А тут вскоре подошёл и выпускной день. Для выпускного дня опять был приглашён поп со своими сотрудниками. Отслужили благодарственный молебен.

[498] Весной – летом 1916 г. во Францию для военной поддержки был направлен Экспедиционный корпус Русской армии (около 45 тысяч солдат и офицеров). Данное подразделение было расформировано после Февральской революции в России, на его основе был создан «Русский легион чести», воевавший на Западном фронте Первой мировой войны до конца 1918 г.

[499] Ералаш – беспорядок.

Начальник учебной команды прочитал напутствие. Пропели «Боже, царя храни!» Присвоили каждому звание ефрейтора. Выдали заранее приготовленные коричневого цвета ленточки для нашивки на погоны и через день отправили в свои роты. Так Вася с Ваней опять разлучились: Ваня [отправился] в первую роту, а Вася – во вторую роту полка.

Полк ещё с весны находился в лагерях. [Это были] лагерные палатки, разбитые на пустырях у Мешковского дома. Придя в лагеря, Вася с Ваней спросили у первого встречного солдата, подметавшего между палатками, о расположении первой и второй роты, распрощавшись, направились всяк к своей роте. Погода была прескверная. Ещё с ночи моросил мелкий дождь, а после полудня и совсем небо заволокло дождевыми облаками. Крупные частые дождевые капли с резкими порывами ветра отдавали частой дробью по палаткам. Солдаты, промокшие на ученье, выбегали из палаток и выжимали от воды гимнастёрки, брюки. Хорошо, что шинели были в скатках и намокли лишь частично. Зайдя в расположение первой роты, Ваня встретил фельдфебеля Хлопникова и доложил ему о своём прибытии, передав ему пакет с направлением. Хлопников, взяв пакет, сказал, улыбаясь:

– Вот, видно, что вас там отмуштровали! – и тряся пакетом: – Хорошо, доложу ротному о прибытии. А теперь иди в пятую палатку, располагайся!

В палатке ребята потеснились, освободив местечко, крепко ругаясь на погоду. «Добрый хозяин и собаку на дождь [не выпустит] в такую погоду! Да нам-то ещё что! Мы хоть намокли, да в палатке! А на войне-то как?» – переговаривались они.

Утром следующего дня погода утихомирилась, но вокруг палаток было грязно, и даже кое-где были лужицы. После завтрака снова всех повели на занятия. Взводный Вожжаев Ваню определил в помощники отдельному командиру, кадровому офицеру Панкову. Тронулись с песнями. Однако Ваня обратил внимание, почему запевалом стал Панков. Куда же девался знаменитый запевало ефрейтор Ваня Шаньгин? Когда закончили песню и затрещал барабан, Ваня спросил Панкова о Шаньгине, на что Панков ответил: «О, Ваня Шаньгин теперь уж давно, наверно, на позиции, если не судили! – Как так, за что? – А видите, он ещё весной смахнулся с одной потаскухой, от неё получил заразу. Ходил лечился, да не помогло. Да ведь знашто[500], ещё при тебе? А тут маршевую роту стали отправлять, ну он стал проситься на фронт с ней, а ротный не разрешил. Шаньгин нам сказал, что всё равно сбежит. Я ему сказал, что за побег будут судить, а он – дескать, пусть засудят. Всё равно мне дома не бывать, и скрылся. Хотел мне письмо написать, да вот нету. Наверно, погиб, а жаль парня, был такой весёлый!»

По возвращении брата Петра в действующую армию его друзья обрадовали письмами. Петр получил два письма от брата Павла. Брат писал: «Дорогой Петя[501]! Из дома пишут, что три месяца не получают от тебя писем, разве можно так? Как-никак, а родители беспокоятся, не случилось ли, говорят, с ним чего. Ты должен время от времени извещать их о себе.

[500] Знашто – знаешь.

[501] После слова *Петя* вычеркнуто *кажется, давно*.

В настоящее время полк наш строит на позициях. Пришлось выдержать буран, длившийся дней десять. Ежедневно приходилось по несколько раз откапывать землянку от снега, иначе нельзя было из них выходить. Несмотря на бурю, бьющую снегом прямо в глаза немцам, они не прекратили ружейной стрельбы, и пули пели и сверкали с завываньем метели. Теперь погода испортилась и стало тепло, но из землянки и ходов сообщений нельзя носу высунуть, в особенности ночью, всё время свищут пули. Ночью, конечно, шальные. Впрочем, скоро полк, кажется, сменится на отдых, уж очень много пришлось нам перенести в эти десять дней бури». Окончание письма при закладке оказалось порванным и помятым. Петр досадовал, что много не удалось прочитать. Разобрал некоторые лишь слова, где Павел писал о какой-то докладной, о школе прапорщиков, о жене, детях. Датировал 25/II–16 г.

Прочитав письмо, Петр задумался, не берясь читать второе письмо, но потом, как бы очнувшись, взялся за второе. Во втором Павел писал: «Дорогой Петя! Кажется, давно уже не писал тебе, в чём глубоко извиняюсь. Видишь ли, всё это время мы сидели в окопах при самых скверных условиях, когда казалось, что не только люди, а и природа ополчилась на нас. Со школой прапорщиков у меня неудача. На мою докладную дана такая резолюция: “По приказанию начальника дивизии желающий поступить в школу прапорщиков [502] помимо образовательного ценза [503] должен иметь не менее двух Георгиевских крестов [504]”.

Начальство моё право и с юридической точки зрения – сказано: “в означенные школы командировались бы исключительно строевые нижние чины при условии удостоверения к тому начальством”. В данном случае моё начальство удостаивает командования только кавалеров двух степеней Георгия. Отказано в командировании на том же основании и другому учителю же, имеющему Георгия 4-й степени и подготовившего докладную. Ну что ж, тянули лямку стрелками полтора года – потянем ещё. По этому случаю предлагаю тебе стихотворение собственного производства:

Опять война пришла… Она
Былые чувства пробуждает…
Но – дума черная одна
Мне радость жизни отравляет…
Я вижу: в бездне голубой
Ликует жаворонок в песнях.
Он прилетел к себе домой,

[502] Школы прапорщиков – военно-учебные заведения, осуществлявшие краткосрочные курсы подготовки младших офицеров в 1914–1917 гг. За время войны в Российской империи была открыта 41 школа прапорщиков.

[503] Для обучения в школах прапорщиков допускались лица, имевшие образование уровнем выше начального училища.

[504] Георгиевский крест – награда для нижних чинов Русской императорской армии за личную доблесть, существовавшая в 1807–1917 гг. (и позже, во время Гражданской войны в России – в некоторых армиях Белого движения). Имел 4 степени. В Российской Федерации награда восстановлена в 1992 г.

Он полон радости небесно!..
Из стран чужих на зов весны,
На праздник жизни обновлённой
Несутся, бодрости полны,
Отряды птиц – разноплемённой.
Природа, чувствуя в себе
Прилив сил свежих, воскресает
И флора в свете и тепле
Уж свой наряд приготовляет.
У всех весенний хмель и пыл,
Всем любо жить – то жизнь младая,
А я… Весну уж я забыл,
Солдатом по свету скитаясь!
Удел мне – грязь, землянки, рвы,
Мне смерть косою угрожает.
И для меня уж нет весны,
Я не живу, я прозябаю!
Ну, прощай! Пиши домой – [а] то жалуются.
Твой Пав [ел]. 16 марта 1916 года».

Прочитал Петр и это письмо – крепко задумался, а потом встряхнулся и сказал:

– Да!

– Что «да»? От кого письма-то, из дома, Петр Николаевич?

– Да что хоть пишут?

– Нет, от брата с Карпат.

– Ну что там, на Карпатах, как война? – тормошили Петра друзья по службе.

– Да секретов нет,– сказал Петр и прочитал им оба письма.

– Знаешь что, Петр Николаевич,– проговорил один из них.– Брат-то у тебя немало хватил за полтора года. А и бои-то там какие идут! Хорошо бы, очень хорошо, если бы попал в школу прапорщиков. И передохнул бы он, да и из него бы вышло начальство не такое собачливое. Не правда ли?

– Конечно, но что поделаешь,– ответил Петр.– У меня ещё два брата на службе,– ответил он.– Но они только что взяты и пока в тылу. Закончили только школы, а того и гляди тоже окажутся на позициях. Эх, война, война! Одно убийство!

– А что «война, война», Петр Николаевич?! До нашего штаба хотя немцы и охотятся, но не скоро доберутся! А ты знай печатай приказы, распоряжения, коль мастак, на своем гектографе[505],– проговорил один из друзей.

– Да разве жизнь для этого человеку даётся?! Ведь мы здесь страдаем, а что делается в тылу, в деревнях! Я вот ведь рассказывал вам, что при поездке увидел – жуть одна да слёзы! Да уж и будет ли всему этому конец?!

– Ничего, Петр Николаевич, раз было начало – будет и конец,– вмешался в разговор другой.

[505] Гектограф – простейший аппарат для размножения оттисков с рукописного или машинописного текста с помощью желатина или спирта.

В Перми лагерники дожили до заморозков. Командир полка генерал Короленко, по слухам, ушёл в отставку, и на его место прибыл полковник Карабан[506]. Рослый, плечистый, хотя тоже пожилой, но ещё человек с таявшимся здоровьем. Новый командир тоже оказался не без странностей. Перед его глазами раз, а то и два в неделю проводилась маршировка, не исключая ещё и слабо обученных солдат хождению[507] церемониальным маршем. Жестко требовал равнений, выдержки ноги. Маршировали тут же, у лагерей. Для солдат такие маршировки были просто мукой. Дело в том, что взвод или рота, получившие на маршировках замечание, подвергались дополнительным занятиям, и когда по лагерям прошёл слух, что не завтра – послезавтра полк снимется с лагерей в казармы – солдаты слухам были рады. Вскоре и на самом деле их радость оправдалась – конец маршировкам, заключили они. Как только прошла команда: «Собрать палатки, колья и имущество сдать каптенармусам»,– живо принялись за свои палатки.

Прежде чем занять казармы, солдат повели в центральную баню. Баня – одноэтажное каменное здание в центре города. При входе направо расположена парикмахерская, где, прежде чем помыться, нужно было каждому пройти стрижку. Стригли тоже солдаты, орудуя на четырёх стульях. Стригачи нашлись из вольноопределяющихся, не имеющих достаточного опыта, да и машинки [были] уже изрядно притупиленные на солдатских головах: «пациенты», не тот, так другой, только и покрикивали: «Не тереби! Чёрт, знать с кожей выдрал! Не умеешь – не берись!» – «Машинка плохая»,– оговаривались парикмахеры. В бане солдаты меньше мылись – стирали бельё, портки, портянки и яростно били вшей. Фельдфебель, то и дело заходя в мойку, покрикивал: «Кончай мытьё, сейчас зайдёт следующая партия!»

Когда первая рота «помылась» в бане, фельдфебель роту выстроил и привел в казарму. Весной перед выходом в лагеря казарма была приведена в порядок. Маты вытрясены, пол помыт. Не закрашены лишь остались на стенах пятна от раздавленных клопов. Глядя издали на эти разрисованные стены, можно было подумать, что стены отливают блеском запыленного мрамора, а разглядишься – темное пятно почерневшей солдатской крови с лучами, расходившимися во все стороны или просто мазок под нервным пальцем.

Как только солдаты вошли в казарму, раздалась команда: «На уборку! Стройся!» Вещевые мешки с сырым от стирки в бане [бельём] сложили в кучу в коридоре и стали в строй. Отдельные командиры выделили из своих отделений двух маляров, дали им по швабре, по ведру. Велели из кладовки привести молотого мелу и заняться побелкой стен.

– Понятно? – спросил он их.

– Понятно, господин взводный!

– Выполнять!

Остальных отделённый разбил, поручив кому носить воду, кому опил, кому вытрясать и починять маты, простукивать доски нар и выметать мусор, клопиную

[506] Карабан Ефим Тимофевич (1859–?) – полковник Русской императорской армии, в 1916 г.– командир 47-й пехотной запасной бригады.

[507] *Хождению* вписано поверх строки.

шелуху. Работа закипела. Ване поручил отделённый следить за побелкой стен. Он сперва предложил солдатам взять метёлки и ими обшаркать стену, а уж потом наносить побелку. Солдаты согласились и охотно взялись за работу.

Глядя на клопиные пятна, Ваня вспоминал и первые дни службы в Мешковском доме и думал – ведь и там у него и Васи осталась их кровь на стене, а эти пятна кровяные – тоже людей-солдат? Да тех, кто уже, может быть, головы сложили на позициях бойни! Вот она как сложилась жизнь! В помещение заглянул фельдфебель и заорал:

– Отставить! Пыль подымаете! Брось метлы! – пришлось подчиниться.

Как только закончили работы: побелки, мытья окон и т.д., принялись за мытьё нар и полов. Кучу нанесённого в коридор опила растаскивали ведрами и посыпали доски нар, поливали их водой и соломенными жгутами протирали доски. От древесного опила затхлый, застойный воздух сразу освежился – запахло лесными просторами. Протерев жгутами с опилом нары, опил, набравший грязи, смели на пол. Таким же образом протёрли пол и под нарами. Опил замели из-под нар и вынесли на двор. Принялись за мытьё пола в проходе и коридоре. Приготовили кольцевые жгуты из соломы. Примерили их, надевая на носки сапог. Посыпали свежим опилом полы; полили водой, стали цепочкой, держась рука за руку, одев жгуты на сапоги, и по команде «Запевай!» – запели, и в ногу начали шоркать.

На возморье мы стояли,
На германском бережку.
На возморье мы смотрели,
Как волнуется волна.
Посулился враг-германец
Русско войско победить, да.
Врешь ты, врешь ты, враг-германец,
Тебе неоткуль зайти, да.
Как у русских войска много,
Русский любит угостить:
Угостит свинцовой кашей, да.
На закуску стальной штык[508].

«Отставить!» – скомандовал появившийся фельдфебель. «Что вы с этой песней в час по ложке шоркаете ногами и тянете, как нищего за росток! Запевай «Во кузнице» или «Камаринскую»[509]. Нет, пожалуй, «Камаринская» не пойдет – ещё плясать пойдете!» – запели:

Во ку, во кузнице,
Во ку, во кузнице,
Во кузнице молодые кузнецы,
Во кузнице молодые кузнецы.
Они, они куют,

[508] «На возморье мы стояли» – русская солдатская песня времён Первой мировой войны.
[509] «Камаринская» – русская песенная и плясовая музыкальная композиция.

Они, они куют,
Они куют, приговаривают,
Они куют, приговаривают,
К себе, к себе Дуню,
К себе, к себе Дуню,
К себе Дуню приманивают,
К себе Дуню приманивают.
«Пойдём, пойдём, Дуня,
Пойдём, пойдём, Дуня,
Пойдём, Дуня, во лесок, во лесок,
Пойдём, Дуня, во лесок, во лесок.
Сорвём, сорвём, Дуня,
Сорвём, сорвём, Дуня,
Сорвём, Дуня, лопушок, лопушок,
Сорвём, Дуня, лопушок, лопушок.
Под са, под саменький,
Под саменький корешок, корешок.
Сошьём, сошьём Дуне,
Сошьём, сошьём Дуне,
Сошьём, Дуня, сарафан, сарафан,
Сошьём, Дуня, сарафан, сарафан.
Носи, носи, Дуня,
Носи, носи, Дуня,
Носи, Дуня, не марай, не марай,
Носи, Дуня, не марай, не марай.
По пра, по праздничкам,
По пра, по праздничкам,
По праздничкам одевай, одевай,
По праздничкам одевай, одевай.
В коро, в коробочку,
В коро, в коробочку,
В коробочку запирай, запирай,
В коробочку запирай, запирай».
В коро, в коробочке,
В коро, в коробочке
Завелся да таракан,
Подла тварь – таракан.
Проел, проел Дуне,
Проел, проел Дуне,
Проел Дуне сарафан, сарафан,
Проел Дуне сарафан, сарафан[510].

[510] «Во кузнице» – русская народная песня.

Дошли до стены, и Панков скомандовал: «Отставить! Кру-гом! Взяться за руки! Пошли обратно! Шоркай!» «А песню-то, господин взводный, не кончили!» – заметил один из солдат. «Ну, когда домой придёшь, своей старухе, допоёшь!» – ответил Панков. «Запевай!» – и запели обратным ходом.

«Эх, в Таганроге, да.
Эх, в Таганроге,
Там убили молодого казака[511]!
Эх, схоронили, да,
Эх, схоронили.
Схоронили ко, да,
Ко вдовушке во дворе.
Эх, засыпали, да.
Эх, засыпали.
Засыпали при вдовушкиных
Слезах.
Эх, там летели,
Да, эх там летели.
Там летели, да,
Два ясных сокола.
Эх, они сели, да,
Эх, они сели,
Сели ко вдовушке
На крыльцо.
Эх, они криками, да,
Эх, они криками,
Они криками вдовушку
Будили[512].

– Хватит! Беритесь за мётлы, подметай и вытаскивай опил! – скомандовал Панков.

После на подметённый пол посыпали тоненько свежим опилом. Только подобрали ведра, мётлы, как горнист сыграл сигнал на проверку. После проверки фельдфебель скомандовал: «Сейчас возьмите метлы и разой-дись!»

Так для Вани, да и для Васи потянулась солдатская служба. Они недоумевали, почему их не отправляют на позицию с маршевыми ротами. Ведь, ещё придя в лагеря, после окончания учебной команды их прикрепили в качестве отделённых командиров в состав маршевых рот, и обычно, как разговор пойдёт об отправке, так Ваня начинает извещать родных, а после письма командир роты при отправке маршевиков отменяет. Однако в одно время Ваню вызывал фельдфебель роты и буквально учинил допрос: год рождения, какое образование имелось (хотя об этом было ещё спрошено и записано в начале первых дней службы), кто родители, где братья, сестры, чем занимаются и занимались до войны и т. п. Фельдфебель, допросив Ваню, сказал:

[511] После *казака* вычеркнуто *Эх да там летали*.
[512] «Эх, в Таганроге» – казачья песня.

– Хорошо, я обо всем доложу ротному. Ротный командир Казанский имеет намерение послать тебя, Деськов, в школу прапорщиков. Сейчас, после проведённых тяжелых боев, ощущается недостаток на позиции и в тылу в младшем офицерском составе. Во второй роте у поручика Меньшикова, оказывается, служит твой брат.

– Двоюродный, господин фельдфебель,– поправил Ваня.

– Ну, так что? У него такое же образование, и Меньшиков тоже имеет [его] в виду. Иди, можешь пока быть свободным.

– Вот оно что! – подумал Ваня и, придя в казарму, немедля начал писать братьям и родителям.

Петру он писал: «Дорогой брат Петька! Сегодня я разлучился с моим искренним товарищем и пишу это письмо в надежде, что оно будет лично передано тебе с моих рук через лучшего моего друга, с которым свела меня судьба. Мы с ним спали [рядом] вместе. Говорили о жизни и делились, [почти ничего не скрывая]. И вот его отъезд с маршевой ротой меня огорчил, я как бы что-то потерял, сам я был назначен отдельным командиром в эту маршевую роту и с ней должен быть на позиции, но меня заменили. По прибытии этой роты к вам, если можно, сообщи о её судьбе и своей жизни. Затем, дорогой брат, дай мне совет немедленно – поступать ли мне в школу прапорщиков? Не знаю, найдет ли тебя мой друг Черноротов. Он говорит, что ему у вас все писари знакомы, но тебя как-то он не знает. Находимся мы опять в помещении женской гимназии. Остаюсь жив и здоров, чего и тебе желаю.

Твой брат И. Деськов.

1 сентября 1916 г. Пермь, 162-й зап [асный] пехотный полк, 1-я рота, 3-й взвод».

Ротный командир прапорщик Казанский, получив от фельдфебеля сведения о Ване, рапортом отнёсся к командиру полка, полковнику Карабану, а, прося согласия, полковник Карабан отослал всё на рассмотрение дела пермскому губернатору. У губернатора дело затянулось, но фельдфебель снова вызывал к себе Ваню.

– Деськов, надо тебе, пока суд да дело, хорошенько приготовиться и сходить сфотографироваться. В этом обмундировании неудобно. Попроси у кадровых отделённых перешитую форму, и завтра в десять утра – в фотографию.

Уходя от фельдфебеля, Ваня подумал: «Хоть бы Петро скорее ответил на письмо»,– и тут же мысль блеснула: «А что если посоветоваться с прапорщиком Новожиловым? Ведь он не откажет в совете, хоть бы по лагерному знакомству». Бывало ведь, когда были в лагерях, прапорщик Новожилов вызовет Деськова, даст ему увольнительную и скажет: «Отдашь эту записку Нине» (точно имя забыл) – и идёт Ваня. Случай представился, но Новожилов сказал, что в тылу как солдату, так и офицеру служить можно, но на позиции тому и другому – одна смерть. Бывает офицеры, как отделённые и взводные, вперед подымаются и ведут солдат в атаку. «Вот оно как! – подумал Ваня.– Надо как-нибудь Васю увидеть, как он думает… Плохо, плохо, не с кем посоветоваться, хоть бы с отцом, матерью, но где они! Ведь отец у нас на себе крепко испытал и войну, и солдатскую службу. Но ведь вот как нас торопят. Написать им, посоветоваться с ними, когда-то от них получишь [письмо]! Хотя я и писал им недавно о себе, но ведь я им не писал об этом. Писал только,

что пока в Перми, да привет передавал всем родным от себя и Васи, да чтоб они не забыли бы, что у них в Перми живут два плисня[513] в серых шинелях, прошли курсы военной подготовки, и вот-вот их погонят на позицию. А всё же надо им об этом ещё писнуть»,– и он коротенько написал и отправил домой письмо.

На следующий день Ваня получил увольнительную и, переодевшись, отправился в фотографию. Фотография находилась лишь через три дома от казармы[514]. Поднявшись в помещение, Ваня нос в нос встретился с Васей. Вася уже отфотографировался и сел в прихожей с намерением подождать Ваню. Долго ожидать не пришлось, и они уселись для переговоров на стулья в прихожей.

– Я когда-то очень мечтал, Иванко, о военной службе. Помнишь, ещё в Камбарке я мечтал податься в военное училище,– говорил Вася,– а теперь так она мне опостылела! А ведь пошлют, Иванко, и ничего не поделаешь!

– Конечно, Вася! Да, не для этого мы учились,– ответил Ваня и начал было рассказывать Васе о разговоре его с прапорщиком Новожиловым, но к ним вошёл фотограф и сказал:

– Ну, служилые, я же вам сказал, что фотографии будут готовы только через три дня, а сегодня не ждите!

Братанам и пришлось говорить о своих делах, идя по улице в казарму.

Вскоре Ваня получил письмо от Петра. Петр резонного на письмо ничего не ответил, но написал, что на позиции младшие офицеры стараются во время боя себя замаскировать. Они не носят на фронте золотых погон, а носят такие же солдатские погоны, а звезды обозначают химическим карандашом, чтоб не так было немцам видно командира, за которым они во время боя больше всего и охотятся. «А вообще-то, старайся как можно дольше продержаться в тылу – подальше от варварства, убийства». Дальше Петр сообщил, что он получил от брата Павла две открытки. «Павел в них мне пишет: “Отчего ты, Петя, не пишешь? Вот уж давно я не получаю вестей ни от тебя, ни от Вани. Ваня, кажется, отправился на фронт, и чуть ли не в ваш полк. Положительно я ничего не знаю, так как в последнем письме он сообщал только предположение об отправлении в действующую армию. Отправился ли он в самом деле – я не знаю, как не знаю и того, как живешь ты. Два дня тому назад сюда приехала моя семья. Был с ними сутки, с субботы на воскресенье, а теперь скучаю до будущей субботы – отпуск раз в неделю. Проживу здесь дней двадцать, насколько хватит средств. Учусь по-прежнему недурно. По успехам произведен в войсковые унтер-офицеры. Да сейчас прошла труднейшая в курсе репетиция – по тактике (2-я). Ответил ничего (получил, кажется, 5), чего не ожидал: думал, что дни, проведённые с семьей, отнимут у меня время для подготовки – подведут меня. Прощай, П [етр]. 15 августа 1916 г. ”.

Вот что он мне написал. Ведь его с фронта послали учиться в Киевскую школу прапорщиков. Разве он не писал тебе? А вот вторая открытка, где он уже пишет: “Петя! Я получил назначение и еду в запасной полк в Сарапул. После выезда из

[513] Плисень – ругательство, образованное от слова «плесень».

[514] Имеется в виду фотоателье Н. А. Бурденкова в Перми, находившееся в доходном доме Масленниковой на перекрёстке улиц Сибирской и Вознесенской (ныне Луначарского).

Киева я приехал домой, где был 4 дня. Можно было ещё быть 3 дня, да тогда стали бы уже пароходы. В Казань приехал я 20, а теперь вот уезжаю в Сарапул по новой дороге, по которой пассажирского движения ещё нет, но воинские поезда ходят через день. Поживу, значит, вблизи дома несколько месяцев, может быть. Если б не удалось в Сарапул, то поехал бы в Пермь.

Пиши по адресу: Сарапул Вятской губ [ернии], 166-й пехотный запасный полк[515], прапорщику П. Н. Деськову. 27 октября 1916 г., г. Казань".

Вот как, дорогой братишка! Выходит, Павел у нас офицер! Ну, я рад за него, что он оторвался от позиции и даже побывал дома. Да и как будет рада семья, родители, отец, мать! Пишите! Мы меняем позиции. П. Деськов».

Через три дня у фотографа Ваня с Васей получили фотокарточки, встретились снова. Обсудили письма от Петра и решили – будь что будет.

Павел, устроившись в Сарапуле, написал Петру: «Дорогой Петя! Дома получили от тебя письмо, и на этом основании я пишу тебе, хотя сам не получил от тебя писем после школы. Радуюсь за тебя, что по-прежнему живешь благополучно. Видишь новых людей, новую природу, новые дела… Я живу с семьей в Сарапуле. Маня ходит здесь в школу. Борик начинает кой-что говорить, а шалит и больше того. Скучно теперь у нас в Ершовке: вся живая сила – на войне. Дома старики, бесшабашная молодежь да дети. Без мужской половины не видно жизни. В Сарапуле – в центре на улицах ли, в театрах ли, в церкви – только женщины да старики. Ваня всё ещё живет в Перми, что, на мой взгляд, совсем неплохо. Старики у нас теперь остались совсем одни. Бурка (лошадь, старого ветерана) продали за 85 рублей… Мама стареет. Сильнее и сильнее трясутся без отдыху всю жизнь работавшие у неё руки. Жалко смотреть на старуху. Куда, на кого, на что работала она не покладая рук? Когда же отдых? Какими радостями наградится её трудная до старости жизнь? Ну, прощай! Пиши почаще!

5 декабря 1916 г.

Твой П [авел] Деськов[516]».

С первых чисел января 1917 г. на укомплектование 13-й роты 162-го зап [асного] полка для формирования маршевой роты начало прибывать пополнение, большей частью из мобилизованных ратников. Двое прибыли из команды выздоравливающих после излечения от ранений. Началась усиленная муштровка: с утра до обеда – на плац, с обеда до вечера – муштровка в казарме, и вечером до сна – словесные зубрежки. Прибывшие двое после ранений на фронте отказывались от всяких муштровок, заявляя, что это ими всё пройдено и «шкура» на фронте рвана. Однако на все их протесты ротный Казанский отдал строгое распоряжение фельдфебелю: «Гнать их на занятия на равных с новобранцами в строю, а будут сопротивляется – пусть чучела возят!» Однако и это распоряжение не подействовало: один из выздоравливающих подался в больницу, а другой заявил фельдфебелю:

---

[515] 166-й пехотный запасный полк – подразделение, сформированное в 1914 г. в Казанском военном округе (г. Нижний Ломов Пензенской губернии). В 1916–1918 гг. дислоцировалось в Сарапуле Вятской губернии.

[516] Далее авторский заголовок *Георгиевский кавалер.*

– Ещё смешнее будет – старший унтер-офицер повезёт чучело на занятие! Если вы, господин фельдфебель, повезёте со мной, так и быть – поедем!

Фельдфебель доложил обо всем ротному. Ротный вскипел:

– Что он, не в нашем подразделении, что ли?! Вот ещё нашёлся унтер-офицеришко, наводит у меня порядки! Посмотрим! Завтра же прикажите ему катить чучело!

– Слушаю, ваше благородие! – откозырял фельдфебель.

А утром перед выходом на занятие на переданный приказ фельдфебелем эвакуированный (очень жаль, что я забыл его фамилию) лёг на нары, одевшись шинелькой, подобрав в изголовье вещмешок, ответил фельдфебелю:

– Доложи ротному!

Ротный, узнав об этом, приказал:

– Поставить бунтаря сегодня в обед на два часа под винтовку!

В обеденный перерыв фельдфебель приступил к выполнению распоряжения: зашёл в помещение первого взвода и передал распоряжение ротного. Эвакуированный послушно встал, оделся. Одел вещмешок и сказал:

– А, господин фельдфебель, не пожалеете?

Солдаты, видя происходящее, недоумевали, глядя с сожалением на испытавшего уже войну бойца, попавшего в такое нелепое положение. Фельдфебель вывел бойца в коридор, приказ [ал] взять из пирамиды винтовку, указал место, куда встать в коридоре, и скомандовал: «Смирно! На пле-чо!», вскоре вышел из своего кабинета ротный и с удовлетворённой улыбкой вернулся к себе, закрыв за собой дверь.

Прошло два часа. К бойцу подошёл фельдфебель и скомандовал: «К но-ге!» Эвакуированный боец выполнил команду, но по команде: «Шагом марш!» начал снимать штык с винтовки, одел его обратно по стволу, снял вещевой мешок, положил его к ногам, снял шинель, одел её на винтовку, поставил винтовку с одетой шинелью к стене.

– Винтовку в пирамиду поставь! – с удивлением глядя на солдата, недоумевая его проделкам, проговорил фельдфебель, а эвакуированный полез рукой в вещевой мешок, вынул из вещмешка мешочек для сухарей, что выдавались солдатам для хранения неприкосновенного запаса, вынул из мешочка три Георгиевских креста и прицепил их на лицевую сторону шинели.

Ошарашенный фельдфебель, потоптавшись на месте, прогнал наблюдавших солдат в помещение из коридора, а эвакуированный ему сказал:

– Зачем, господин фельдфебель, гоните? Пусть солдаты посмотрят, как Георгиевские кресты под винтовкой стоят! Вы устав знаете – попробуйте теперь снимите их! Не меня ведь вы поставили одного под винтовку, а и мои боевые заслуги! – проговорил он и заявил, что пошёл отдыхать.

Фельдфебель, как бы очнувшись, побежал докладывать ротному. Ротный подпоручик Казанский, видимо, отдыхал со своей женой – комната оказалась закрыта на внутреннем замке – фельдфебель постучал. Ротный вошел не сразу. Узнав в чём дело, гневно выругался:

– А чёрт его знал, что у него такие награды? Отдохнёт, снимет! – и, посмотрев на шинель с наградами, вернулся к себе.

Казарма не только в составе первой роты, но и новость проникла во вторую роту – обсуждали это событие. Ваня знал положение о Георгиевских кавалерах, их неприкосновенности и растолковал кой-кому потихоньку солдатам, что за это не поздоровится начальству, и что разжаловать Георгиевского кавалера имеет право только верховный главнокомандующий Николай Николаевич[517].

Вечером перед поверкой, после отдыха эвакуированный подошел к амуниции на винтовке, надел всё на себя. Взял винтовку, надел штык и, держа на плече, встал в положение смирно. Прошла вечерняя проверка, и все убрались на ночь, а эвакуированный остался стоять. Сколько он простоял ещё под винтовкой, было неизвестно, но солдаты увидели его спящим утром на нарах, а шинель с крестами также висела на винтовке у стены. Днём эвакуированный написал какое-то донесение и в обеденный час передал фельдфебелю, сказав: «Передайте командиру полка!» Фельдфебель бумагу передал ротному. Вечером ротный вызвал к себе взводного командира первого взвода и дал ему наказ такого содержания: во что бы то ни стало уговорить смутьяна, а если не послушает уговора, пристращать его, что, мол, командир полка, прочитав его донесение, пообещал, если не подчинится – сдать под суд за буйство.

Одновременно сделали взводному замечание[518], что он тоже виноват, не знает своих подчинённых. Однако ни уговоры, ни угрозы не подействовали. Смутьян то сам становился под винтовку, то оставлял стоять шинель с наградами. Вечером, на вторые сутки после этого происшествия, командир роты Казанский попытался снять бунтаря. Он выждал время, когда бунтарь сам стоял под винтовкой. Он подошёл к нему и, тряся козлиной бородой, скомандовал: «Слушай мою команду – к но-ге!»

Но бунтарь не пошевелился. Ратный постоял немного и, позвякивая шпорами, ушёл к себе. На третий день, когда роты были на ученье, а в казарме оставались лишь два дневальных, в казарму в сопровождении ротного Казанского пришёл сам командир полка полковник Карабан. Полковник с ротным поднялись на второй этаж и перед шинелью с наградами остановились, начали перешёптываться. Бунтарь крепко спал на нарах, используя соседский вещевой мешок вместо подушки, так крепко, что не слышал даже команду «смирно!» дневального при входе высокого командира в казарму. Ротный приказал дневальному вызвать старшего унтер-офицера кавалера орденов.

– Ну что, долго будем волынку тянуть? – обратился ротный к кавалеру.

– Да, ваше благородие, господин поручик, я вам написал, что я не снимусь с поста, пока не получу приказа от того, кто меня наградил,– продолжал он.

– Ну и зачем это недоразумение доводить до верхов? – проговорил полковник Карабан, и начал дружественным тоном расспрашивать кавалера, за что и где он

[517] Николай Николаевич (младший) (1856–1929) – великий князь, занимал должность Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами Российской империи в 1914–1915 гг. В 1915–1917 гг. Верховным главнокомандующим был император Николай II.

[518] *Одновременно сделали взводному замечание* вписано поверх строки.

получил награды, а ротный, Казанский, прослушав объяснения кавалера орденов, выпалил:

– А вот сейчас ведь нет на тебе крестов, мы тебя как миленького арестуем – и под суд!

Полковник на слова ротного обернулся к нему и резко выразился:

– Отставить, поручик!

А кавалер орденов ответил ротному:

– У меня на ордена документы в кармане, ваше благородие!

Так и на этот раз ни о чем не договорились – так и разошлись. Вечером солдаты от дневальных всё расписали об этой сцене. Правда, с приподнятого настроения многое постарались прикрасить и добавить, особенно как выглядел Казанский со своей козьей бородкой. Пошли четвертые сутки. Ротный и фельдфебель не раз проходили мимо этого заколдованного места, а в ночь на пятые сутки случилось для солдат роты совершенно непонятное исчезновение Георгиевского кавалера. Впоследствии между солдатами начались разговоры, что когда все спали, то в коридоре слышен был шум и топот шагов. Спрашивали дневальных, но оказалось, что около двух часов ночи они были сняты фельдфебелем для переноски поленницы дров во дворе ближе к кухне и, как они предполагали, что на дворе проработали около двух часов. Но перед уходом из казармы на работу во двор дневальный нижнего этажа казармы заметил [выходящих] из входных дверей человек пять солдат с белыми нашивками на погонах. Прошло с тех пор с неделю, и тайна исчезновения кавалера орденов начала выплывать наружу. Один из кадровых ефрейторов (насколько помню, 170-го или 177-го запасного пехотного батальона или полка, стоявшего в здании бывшего пивоваренного завода на противоположном углу от казармы 1-й роты 162-го полка в таком расположении[519]) проговорился[520] при случайной встрече с знакомым ему солдатом 2-й роты 162-го зап [асного] полка, что у них командир роты собрал всех кадровых командиров и «четырех из нас послал в вашу казарму, дескать, у вас в казарме что-то случилось, а потом ходившие в вашу казарму сказали, что они какого-то солдата из-под винтовки сняли».

– Правда ли? – спросил ефрейтор.

Этого и было достаточно, чтоб разгадать непонятное исчезновение Георгиевского кавалера. Впечатление у всех осталось таково, что его сняли насильно и, конечно, упекли, как говорят, [туда], где Макар телят не пасёт.

Многие возмущались, говоря:

– Ловко проделали, и у Казанского с фельдфебелем руки чисты – не их дело!

И вправду, ротный и фельдфебель снова ходили как будто ничего не случилось. Ваню сильно потрясло это событие, и он при первой же встрече поделился с братиком Васей, но он сказал, что у них во 2-й роте знают и что так же говорят.

Как-то Ваня был назначен дежурным по кухне. Дежурил с вечера и до утра. После полуночи на кухню зашёл дежуривший по полку прапорщик Новожилов. Ваня

[519] Далее нарисована схема расположения зданий на перекрестке улиц Пушкина и Сибирской, где находились казармы.

[520] Перед словом *проговорился* вычеркнуто *Пра*.

отрапортовал ему: сколько людей состоит на довольствии, сколько мяса заложено в котлы и крупы и т.д. Новожилов, приняв рапорт, поздоровался и заметил между прочим:

– Не спал, Деськов?

– Никак нет, ваше благородие.

– А я вот утомился, и ко сну клонит. Присяду немного, передохну хоть здесь немного.

Ваня протёр табуретку и предложил ему. На кухне было от испарений кипящих котлов даже не видно ни дверей, ни окон, даже повар, точно где-то и близко, не видно, брякает черпаками и мешками. Когда Новожилов уселся на табуретку, Ваня недоумевал: почему прапорщик выбрал место отдыха на кухне в таком парёже, что даже из-за испарений друг друга не видно?

– Деськов! – позвал дремлющий прапорщик.– Если кто зайдет на кухню, ты меня предупреди!

– Слушаюсь, ваше благородие!

Так вот, видимо, в чём дело: прапорщик нашёл укромное местечко от посторонних глаз – [и Ваня] пошёл взглянуть на прапорщика. Прапорщик сидел, дремал, опершись, как на костыль, на шашку, покачивая головой из стороны в сторону под влиянием дремоты. Ваня так же незаметно скрылся в испарениях. Шел бы на часок отдыхать к своей Ниночке! «Я бы обязательно так сделал»,– подумал он, рассуждая сам с собой. В этих думах он вспомнил и разговор с прапорщиком о школе прапорщиков, и тут же у него блеснула мысль – а что если осмелиться да спросить прапорщика, куда девался Георгиевский кавалер? Наверняка это ему известно. Прошло дремоты прапорщика не более часа. Он встал и, ориентируясь подле стены, шёл к выходной двери и натолкнулся на Ваню.

– Ну, Деськов, у вас тут как в бане, я вспотел! Схожу ещё в роту, проверю!

Ваня, провожая прапорщика, обратился к нему:

– Ваше благородие, разрешите к вам обратиться по одному вопросу.

– Что, насчёт школы прапорщиков? Говори! – остановившись, проговорил Новожилов.

– Да нет, ваше благородие! Меня интересует – куда девался тот Георгиевский кавалер, что стоял под винтовкой?

Прапорщик не ожидал такого каверзного вопроса. Он положил Ване руку на плечо и грустно проговорил:

– Давай, Деськов, об этом не будем говорить! – и, сделав небольшую паузу, добавил: – Дела его плохи, положение незавидное!

«Знает, но не сказал»,– подумал Ваня.

Про прапорщика Новожилова в роте средь солдат были разговоры, что он уже был на позиции, что он имеет награды. В прошлом до войны работал учителем. Ходил он с приподнятым левым плечом и как будто выставляя левое плечо несколько вперед – говорили, что плечо покалечено. Вот как, видимо, наш брат-солдат и впрямь «серая кобылка», пушечное мясо, безвольный придаток к винтовке, а не винтовка к нему. Слепой исполнитель: заставят лаять – лаешь, убивать – убиваешь, а в угоду

чему? Вот и прапорщик Новожилов при прямом поставленном перед ним вопросе о службе Георгиевского кавалера, ясно, уклонился от прямого ответа, но видно, что тоже переживает. Видимо, он тоже не из высокого покроя.

Укомплектованная маршевая рота усиленно муштруется. Ротным командиром маршевой роты назначен прапорщик Новожилов. Прапорщик Новожилов, как-то встретив Ваню, сказал ему:

– Ну вот, Деськов, вопрос о школе прапорщиков у вас отняло. Пермский губернатор сделал о вас запрос по месту жительства. У вас в селе, оказывается, имеется земский начальник. Он ответил губернатору, что ваша семья сомнительна в политическом отношении. Будто бы у тебя есть старший брат, которого в селе считают политиканом.

– Так, ваше благородие, его же нет дома, он на войне! – оговорился Ваня.

– Ну, в общем, тебя вызовет фельдфебель, объяснит, покажет бумаги!

И на самом деле – фельдфебель вызвал Ваню и сообщил:

– В посылке Деськовых в школу прапорщиков губернатор и командир полка написали отказ. Командир роты поручик Казанский дал указание назначить тебя отделённым командиром в маршевую роту. Можешь заступать! – вот и всё.

Такой же ответ во второй роте получил Вася. Оба брата, получив такие ответы, решили информировать один другого, [и случай] представился. У дощатых дверей в заборке [521] второго этажа казармы Ваня услышал голос Васи, руководившего учебной стрельбой из винтовки в коридоре казармы. Ваня потянул закрученные проволокой двери и позвал Васю. Вася подошёл и приложил ухо к щели двери. Поздоровавшись, они объяснились о полученном ответе.

– Ну их к чертям, Иванко!

– Ведь понятно, сволочи! – возмущались братаны.

– Ну, у нас Павел политикан, но Федюня простой сапожник: шьёт сапоги да поёт Христа Бога – больше ничего не знает! – проговорил Вася.

– Ну, Федюня не политикан, а то-то за что в Камбарке у Татьяны Ивановны царицу и царя шариком разукрасил [522]?! Вот, видно, и донеслось! – смеялся Ваня над братиком.

– Знал бы это, так их портреты не краской, а добром из уборной нарумянил и в уборной повесил,– ответил, смеясь, Вася.

– Вот бы была реклама! Правда, Вася?!

Вернулся из госпиталя второй эвакуированный. Узнав о судьбе Георгиевского кавалера, он с воодушевлением говорил солдатам: «Как на фронте, так и в тылу – кругом бардак!» Ротный его, хотя он был рядовым солдатом, направил в маршевую роту командиром отделения в первый взвод. Ване хотелось как-нибудь с ним встретиться и поговорить, что делается на позициях, но солдат был крайне неразговорчив, задумчив и всегда уклонялся от разговоров, только и скажет: «Одно убийство! Уничтожение нашего брата! Богачи, купцы богатеют – деревня голосом воет!»

[521] Так в документе.

[522] Так в документе.

Ваня с Васей потеряли было братика Павла. Они писали запросы о нём и Петру, и домой, и в [12] Финляндский полк на позицию, но узнали лишь [следующее] из только что полученного от Петра письма, где Петр пишет им: «Дорогие братики! Во-первых, каковы ваши дела? Письмо ваше с попутчиком я получил, от него я кой-что узнал о вашей службе. Если так [пойдёт], то и вы, наверно, с маршевыми ротами попадёте в наши сибирские полки. Я живу по-прежнему. О положении дел на позициях – цензура не пропускает. Из дома получил письмо – дела у них плохи. Об этом же написал мне и Павел. У него ведь в жизни перелом, и я рад, что он, хотя, может быть, временно, не на позиции, а около дома, семьи и недалеко от вас.

Он мне написал: “Дорогой, Петя! Разве ты до сих пор не получаешь от меня писем, что не отвечаешь на них? Дома получают от тебя письма, а я нет. Как живется на новом фронте? Чем вас нынче угощают на святках[523]? Была ли ёлка, подарки и проч [ее]? Сам я живу по-прежнему, неинтересно. Сейчас вот дежурю по батальону. Зима нынче теплая, морозы не превышают 15º, хотя в ноябре случались морозы до 20º, а в поле до 25º. Старики живут по-прежнему. Пиши по адресу: г. Сарапул Вятской губ [ернии], 166-й пехотный зап [асный] полк, 14-я рота. Прапорщику Деськову.

Борис у нас растет. Маня ходит в школу. Для них я устраивал недорогую ёлку. Скоро пришлю тебе свою фотографию. Пиши же.

Твой П [авел]. 30 декабря 1916 г.

В наступающим Новым годом!”

Вот вам и адрес Павла. Он теперь прапорщик. Но, думаю, прапорщик народный. Пишите. Ваш братан – Петр Деськов. 20/I–1917 г.».

«Ну вот, сразу дважды подтвердился адрес Павла. Из писем от Петра,– думал Вася,– видно, что они переписку ведут между собой нормально, но почему же Павел не отвечает на наши письма? Хотя ведь мы сами-то уже больше полугода не писали ему – не знали адреса. Павел в Сарапуле, а это значит дома. Может быть, из дома напишут – ведь у отца и мамы всё же полегчало на сердце. Как-то они встретили сына? Небось, Анна Яковлевна и его детишки Маня и Борик с бесконечной радостью встретили папку!»

Оказалось, что эти вопросы заинтересовали и Петра. Павел на это ответил ему: «Пишу от имени стариков. Они получили твоё, Петя, письмо вчера, накануне Николы, и очень благодарны за заботливое отношение к ним. Аристова[524], очевидно, знает твой адрес. Почему тебе неприятно, если она будет знать его?

Николай Афанасьевич живёт дома[525], ранен в руку и получил чистую[526]. Таня (сестра) благодарит за внимание. Так, дома нового относительно нет. Здоровье прежнее.

P. S. Ты интересуешься, как произошла первая моя встреча со стариками? Когда я приехал, они были на гумне. Жена – дома. Ей нужно было идти на гумно. Ушла

[523] Святки – двенадцать праздничных дней между Рождеством и Крещением.

[524] Подстрочное примечание автора: *Аристова Полина – девушка из села Михайловки, с которой Петр дружил до военной службы*.

[525] Подстрочное примечание автора: *Мамин племянник по прозвищу Тальянщик*.

[526] Получить чистую – быть признанным негодным к несению военной службы по состоянию здоровья.

и ничего там не сказала. Вскоре пошёл туда и я. Мама ещё на дороге разглядела меня и со слезами кинулась навстречу. В сопровождении её я вошёл в гумно. Тятечка был в овине и ничего не знал. Ему кричат: «Выходи, встречай сына!» «Какого?» – спрашивает. Вышел – и глазам не верит. Ну а дальше – уж известно. П [авел] ».

Прочитал Ваня и задумался. У него в голове закружились мысли о том, далеко оставленном детстве. «И какая ж у нас была спаянная семья, удивительно»,– думал он. Не помнит он, когда бы были ссоры, ругань среди членов семьи. Малейший проступок кого-либо – отец с матерью спокойным тоном умели исправить оступившегося. Пьянства, допущения вульгарных слов Ваня не помнит. Случилось с одним беда или болезнь – переживают все. Прав отец с матерью в своих словах: «Никогда, детишки, не ссорьтесь, не грубите между собой. Слово обидное не воробей, не воротишь, а себя загрязнишь! Придёт время, разлетитесь в разные стороны: и рады бы один другого обнять, расцеловать, в беде руку подать, да не достать и только разве письмами будете друг друга уведомлять!» Так оно и вышло: Петр на Румынском фронте; Павел с маршевой ротой приготовился снова к отправке на фронт; Ваня с Васей в составе маршевых рот приготовлены к отправке; зять Созыкин Д. В. не подаёт вестей с фронта; второй зять, Шашмурин Афанасий Федорович, взят в армию.

Пётр послал Ване письмо, в котором он пишет, что его повысили в звании, присвоив звание старшего унтер-офицера, и поздравляет его с днём рождения. Ваня ответил ему: «Званьями в тылу не балуют, да и ефрейторскому званию я не рад!»

К отправке на позицию маршевых рот из Перми начали готовиться усиленно. Всем предназначенным к отправке заменяли грязное нательное бельё, снабдили шанцевым инструментом [527], кому лопатку, кому кирку. Снабдили флягами, котелками. Повели мыться в центральную баню.

– Опять в эту вшивую баню. Хоть бы в ту, как её называют, Кашинскую баню [528], что на берегу! – обратился солдат к Ване.

– А что, разве лучше Кашинская?

– Да как не лучше. В ту баню как нас водили, так я с кралей [529] в номере мылся, господин отделённый. Там у входа в баню всегда стоят крали. Купишь номер, да [шь] ей полтинник и вместе помоешься – всё, что надо! А на позиции-то ведь уж не найдешь такова удовольства, господин отделённый!

– А если заразу получишь? – ответил ему Ваня.

– А всё равно умирать едем, господин отделённый [530]!

Перед баней – опять стрижка волос. Ваня с большим наслаждением погрелся в парной и, моясь, вспомнил, «чёрную» родительскую баньку. «Хотя эта городская баня и со всеми удобствами, и пар хорош, воды сколько хочешь, но я бы лучше бы

---

[527] Шанцевый инструмент – инструмент, предназначенный для рытья окопов и прочих инженерных работ.

[528] Торговая баня мещанки Е. П. Кашиной – баня на Монастырской улице в Перми (недалеко от её перекрёстка с улицей Сибирской) известная с 1874 г.

[529] Краля – проститутка.

[530] Далее авторский знак заголовка *Февраль 1917 г.*

помылся бы дома. Как-то мои родители будут читать моё им извещение о выезде на фронт? Будет у них опять слёз!» – одеваясь, думал Ваня.

Одевшись, он присел на стул у входа парикмахерской, ожидая ещё двух солдат из бани, чтоб идти строем до казармы. На улице было буранно. Ветер свистел порывами, взметая снег. Вымывшиеся солдаты, избегая неприятной погоды, также толпились в прихожей, ожидая товарищей. От мохры[531] в прихожей и от вырывающихся испарений солдаты толкались, как в тумане. Собравшись все, вышли строиться на улицу. В это время к разбиравшимся в построении к солдатам подошел одетый в штатскую одежду человек. На его лице отображалась какая-то радость, и, решительно жестикулируя руками, он сказал:

– Граждане солдаты! Сообщаю вам только что полученную, очень важную новость! Царя Николашку сбросили с престола. Его и <…> Сашку вместе с семьей арестовали в Петрограде! Свобода, войне конец[532]!

Все стояли, ошеломлённые таким громовым известием, переглядываясь один на другого, не зная, верить или нет, а человек объявил – и быстрыми шагами, прихватив рукой воротник пальто, пошёл навстречу снежному бурану. Ваня, придя в казарму, хотел было передать эту новость Васе, но вызвать его не удалось, и только на другой день они встретились. Вася, выслушав эту новость, сказал:

– Вот здорово, Иванко! Убить их надо было, а не арестовывать! У нас в роте, Иванко, есть один солдат, прибыл из госпиталя, так он нам тихонько рассказывал, что на фронте дела плохи. А ещё про царицу, немку <…> ох что он рассказывал! Что она с каким-то монахом Распутиным <…>, так этого Распутина убили. Не знаю, правда ли нет. Говорит, чтоб начальству мы не говорили. Вот, может, и не фронт мы не поедем, раз он сказал – войне конец!

Прошло дня три, в город из казармы солдат не выпускают, а в окна видно, как празднично гуляют горожане с красными повязками на рукавах и красными бантами на груди. Мимо казарм прошла демонстрация с плакатами и красными флагами[533]. Демонстранты в большинстве, видно, были рабочие. Несли плакаты с надписями против окон казарм, специально поворачивали плакаты надписями к окнам казармы. Ваня сумел некоторые прочитать, было на них: «Да здравствует свобода, равенство и братство!» «Долой войну!» Жаль, что не все плакаты удалось прочитать из-за сгрудившихся у окон солдат, интересующихся демонстрацией. Демонстрация скрылась, пройдя казарму. Солдаты, возбуждённые демонстрацией, отхлынули от окон и загудели, как пчёлы в улье:

– Вот бы узнать, что делается! Хоть бы газету достать да прочитать! – переговаривались они.

– Сегодня же, не я буду, что не достану газету! – проговорил солдат Лысков Стёпа.

---

[531] Так в документе.

[532] Речь идет о Февральской революции (23 февраля – 3 марта 1917 г.), приведшей к свержению монархии и установлению власти Временного правительства.

[533] Речь идет о демонстрации, прошедшей в Перми 10 марта 1917 г.

– Так тебе и дадут! – оговорили его.

– А вот достану, как только стемнеет – договорюсь с дневальным, выйду до витрины и сорву. Принесу обязательно!

Витрина и вправду была недалеко, на противоположном углу. Как только стемнело, Стёпа направился. Дневального уговорили – свой человек! Долго ожидать не пришлось. Лысков с куском бумаги с оторванным уголком от приклейки, запыхавшийся, радостный, вернулся в казарму. «В коридоре взводный Вожжаев!» – предупредил его дневальный. Лысков лист скомкал – и в казарму. Пройдя мимо взводного, прошёл в помещение к ребятам. Солдаты попрыгали с нар, обступили его кругом. В двери поставили наблюдателя, чтобы никто не зашёл из начальства. «Давай, давай, читай, что там пишут!» – торопили его. Лысков, вынимая из кармана смятый лист, поворачивается среди окружавших его, точно всматривался – кому бы дать читать, хоть сам был хорошо грамотным. Потом он вырвался из кольца, подошёл к нарам, положил на доски свёрток бумаги и начал аккуратно, чтоб не порвать, расправлять бумагу. Солдаты, тискаясь головами, наваливались на него. И какое же огорчение настигло всех! Вместо газеты Лысков сорвал афишу циркового представления, где сообщалось о выступлении «Черной маски» в борьбе с желающим мужчиной[534]. Под маской выступает женщина! Смешно видеть эту интересную борьбу! Прочитав афишу, все досыта нахохотались. Огорчённо смеялся и Лысков, приговаривая:

– Темно! Я обежал вокруг витрины, а эта пакость, гляжу, недавно приклеена, большая, ну, значит, газета – и сорвал!

На другой день ротный Казанский дал распоряжение фельдфебелю после обеда выстроить роту в верхнем коридоре.

– Что-то наш козёл придумал! – перешёптывались солдаты.

Рота в назначенное время фельдфебелем построена. Фельдфебель с какой-то невиданной улыбкой обошёл строй, скомандовал, увидя выходившего ротного с красной повязкой на рукаве:

– Рота, смирно! Равнение направо!

Все повернули головы в сторону улыбающегося ротного.

– Вольно! – скомандовал он, а потом обратился к солдатам: – Солдаты, граждане! В неимоверно тяжёлое время для нашей родины в Петербурге на этих днях прошли крупные события. Царь Николай отрёкся от престола за себя и за наследника Алексея[535]. Государством пока временно правят министры. Что нас ожидает в будущем, это дело не наше с вами. Наши враги могут воспользоваться этими событиями, происшедшими у нас, но мы, солдаты, чтобы не допустить паники, шатаний, будем так же верно служить нашей матушке-России! Не дадим пощады врагам! В новой сложившейся ситуации будем ещё выше крепить дисциплину в наших рядах, достойную воинского звания в условиях граждан свободной, равноправной

[534] Так в документе.

[535] Алексей Николаевич (1904–1918) – наследник российского престола (цесаревич) в 1904–1917 гг., пятый ребёнок и единственный сын Николая II и Александры Фёдоровны.

нашей великой Родины! Россия на протяжении своей истории неоднократно переживала тягчайшие испытания, но не падала перед врагами на колени. Солдаты, граждане, я призываю вас в такие тревожные для Родины дни не поддаваться панике, поддерживать дисциплину, воинский порядок! А теперь можно разойтись!

– Разойдись! – скомандовал фельдфебель.

Затопали по коридору, по лестнице солдатские сапоги, а ротный с фельдфебелем убрались в канцелярию, видимо, совещаться. Солдаты, зайдя в свои обжитые помещения, собирались группами и обсуждали всяк по-своему и выступление ротного, и его красную повязку на рукаве, и до сих пор неведомую им улыбку на его лице, и что теперь все люди – граждане, свободные.

– А как же так, раз все свободные граждане!? Значит, и мы свободные, а почему нас не пускает он на улицу!? – толковали они с возмущением и недоумением.

– Наверно, врёт нам, что-нибудь утаивает от нас. Надо бы как-то с вольными людьми переговорить. Они только правду скажут!

А у Вани блеснула новая мысль – поговорить с прапорщиком Новожиловым, может быть, он скажет что-нибудь поподробнее. И почему так ротный сказал, что царь сам отрекся от престола, что-то не верится!

А в казарме в эту ночь на вечерней поверке фельдфебель недосчитался трёх человек. Спрашивал у отделённых, у взводных – куда девались солдаты, но толкового ответа не получил. Спрашивал дежуривших дневальных, но тоже безрезультатно. Доложил о неявившихся ротному. После двенадцати часов ночи пошёл с проверкой, и оказалось – солдаты все на местах. На другой день нарушителей потащил к ротному. На вопрос, где были, получили ответ, приготовленный заранее:

– Ваше благородие, ведь на днях вы нас отправляете на фронт. Ходили прощаться с девчатами, ведь хоть разок на прощанье-то надо ударить?!

Ротный, выслушав, сделал сперва суровое лицо, закричал на них, тряся бородкой, а потом пообмяк и сказал:

– Больше чтоб этого не было, если повторится – доложу командиру полка и накажу!

А солдаты-нарушители днём всё рассказали друзьям, да ещё более интересного, о чём ротный наверняка знал, но умолчал. От граждан, которых они повстречали на улицах города, они узнали, что царя сбросили с престола, что он отрёкся и за себя, и за сына Алёшку, что он не управлял государством, а только пьянствовал, устраивал балы, а всем государством управляли монах Гришка с царицей-немкой Сашкой. Гришка-то у царицы Сашки был любовником, спал с ней, его и убили.

– Даже про царя и царицу и Гришку нам рассказывали составленную песню под мотив «Ухарь-купец», да мы не запомнили.

– Нет, я немного запомнил,– перебил рассказчика один из них.– Так они пели: «Гришка с царицей сидят за столом, а царь Николашка пошёл за вином!» А вот дальше-то тоже не помню. Да ещё они сказали, что царь-то хотел царствование передать своему дяде, но он отказался.

– Ротный-то нас хотя и наругал, настращал, что доложит командиру полка Алтухову[536] да накажет. Чёрта с два! Опять через форточку вылезем[537]!

Так в казарму почти ежедневно начали проникать новости, а к тому же ефрейтору Подшивалову Ване удалось выпытать у ротного писаря, что отправка маршевой роты впредь до особого распоряжения отменена.

В казарму начали проникать вести о каком-то Учредительном собрании[538], [призванном] править страной вместо царя, а растолковать, что это за управа, никто не мог. Донеслись вести, что губернатор Перми всякую свободу, братство, равенство не признаёт. Запрещает проводить собрания, демонстрации, из-за чего в городе неспокойно. «Да, трудненько теперь стало губернатору – вон сколько сразу политиканов появилось! Наверно, почти не спят с городским головой!» – думал Ваня, а среди солдат шли разговоры о том, что раз в городе неспокойно, может, поэтому и не отправляют нас. «А интересно бы знать, что делается дома, да и на позициях, идёт ли война?» – опять в голову влезли мысли у Вани.

Некоторое время Казанский роту держал безвыходно в казарме. Не ходила на ученье и вторая рота. Не выходили солдаты из казармы и соседнего полка.

– Держат взаперти, чтобы мы ничего не знали! – возмущались солдаты.

Даже вечерние прогулки с полмесяца не проводились, а потом начались даже дневные маршировки с песнями по улицам города. А что случилось с ротным, подпоручиком Казанским? Он шел так же горделиво впереди роты, слушал и улыбался.

В эти дни в роту почему-то не приходил прапорщик Новожилов, а тут как-то Ваня встретился с ним в коридоре казармы. При виде проходившего прапорщика Ваня приветствовал его стойкой смирно. Новожилов, улыбаясь, козырнул на приветствие. Ваня постоял, поглядел вслед прапорщику, махнул рукой, подумав: «Что он может сказать о событиях – и так всё ясно. Вот бы узнать, где что делается! Что и как относятся к этим событиям на позициях солдаты? Наверно, не воюют? А если немец прёт? В такое интересное время и умирать неохота!» – раздумывал он. Вскоре солдаты встретили интересное в самом городе. Идя по улице с песней «Ой, на горе калина», повстречали демонстрацию рабочих, шедших с красным флагом, и пели [они] какую-то незнакомую песню. Рота шла под командованием прапорщика Новожилова. Не доходя до демонстрации, Новожилов обратился к роте, скомандовал: «Песню отставить, взять вправо!» Заглохла песня «Калинка-малинка»[539], но зато

---

[536] Вероятно, имеется в виду Алтухов Дмитрий Захарович (1870–1917?) – полковник русской армии, в 1902–1916 гг.– квартирмейстер и казначей Николаевского кавалерийского училища в Санкт-Петербурге (Петрограде).

[537] Подстрочное примечание автора: *Надо сказать, что перед Новым годом, по слухам, командир полка полковник Карабан отбыл в действующую армию, а на его место прибыл будто бы из 10-й Сибирской стрелковой дивизии с румынского фронта полковник Алтухов*.

[538] Всероссийское Учредительное собрание – представительный орган, созыв которого был главной задачей Временного правительства. Выборы в него по большинству округов прошли 12 ноября 1917 г. Разогнано большевиками после первого же заседания, в ночь с 5 на 6 января 1918 г.

[539] «Калинка-малинка» – песня, автор музыки и слов И. П. Ларионов.

солдаты вслушивались в песни рабочих, проходивших слева [от] роты. Ване удалось поймать из песни: «Голодай, чтоб они пировали! Голодай, чтоб в игре биржевой они совесть и честь продавали и смеялись потом над тобой! Тебе отдых одна лишь…»[540] – а дальше разобрать не удалось. Рота шла, не останавливаясь, молча[541], пока не последовала команда: «Запевай!» – и запели:

Засвистали козаченьки
В поход с полуночи,
Выплакала Марусенька
Свои ясни очи.
Не плачь, не плачь, Марусенька,
Не плачь, не журися,
За свого миленького
Богу помолися.
Стоить месяц над горою,
А солнца немае,
Маты сына в дороженьку
Слёзно провожает.
«Иди, иди, милый сынку,
Да не забывайся,
Через три недельку
До дому вертайся!»
«Рад бы, врзвернулся,
Да мой коник вороненько
В воротах споткнулся!»
«Развевайся ты, мой младый дубе,
Завтра мороз буде,
Собирайся, молодой козаче,
Завтра поход буде».
«Я похода, козак, не боюся,
Зараз соберуся!»
«Я мороза, дубе, не боюся,
Зараз соберуся!»
Уродился козакови
Без счастья, без доли,
Только дала ему мати
Личко, чирны брови.
«Ах, було ж бы, моя ридна маты,
Щив бривь не даваты,
А было б тоби, моя маты,

[540] Отрывок из революционной песни «Варшавянка». Вероятный автор музыки С. Монюшко, автор русского текста (на основе стихов В. Свенцицкого на польском языке) Г. М. Кржижановский.
[541] Слово *молча* вписано поверх строки.

Счастья б долю даты[542]!»

Вернувшись с прогулки (да и, собственно говоря, это была не прогулка, а очередная маршировка) солдаты с каким-то новым, возвышенным настроением обсуждали виденное и слышанное. Ваня рассказал слышанную выдержку из песни, которую пели рабочие. Другие тоже начали делиться отдельными строками из песни. Много толкований вызвала [услышанная] одним уловившим [её] солдатом фраза «Царь-вампир из тебя тянет жилы, царь-вампир пьёт народную кровь!» Кто заключил, что значит царь был издеватом народным[543], кто расшифровал это непонятное слово, что значит царь был как хищный зверь-кровопиец, кто говорил, что царь был бешеный дурак. Много делалось всевозможных предположений, но к выводу так и не пришли. Решили спросить взводного, но он сказал, что надо было их, демонстрантов, спросить, или ротного – всё же они грамотны. Ване это слово «вампир» тоже было непонятно. «Вот бы братика Павла спросить! – думал он.– Но разве письмом? Он-то уж знает – вроде бы что-то он иногда упоминал такое слово». А солдат такое слово заело. К ротному за разъяснениями не пошли – застеснялись. Мозолили это слово и на второй день. Спрашивали у солдат-нацменов, не на их ли языке[544] это слово и что обозначает.

– Не знаем! отвечали они, мотая головой.– Что не спросил их, они раз пели, как знали. Вон их сколько было, не меньше нашей роты!

Вскоре из роты начали выделять солдат нести гарнизонную казарменную службу: появились арестованные. В наряд на пост направили разводящим Ваню. Начальником караула назначен кадровый[545] унтер-офицер Осинцев[546]. В числе пяти человек они вечером на ночь отправились на окраину города сменить отдежуривших на посту. Остановились у каменного одноэтажного дома[547]. Оказалось, в доме сидят под арестом сам пермский губернатор, начальник жандармерии, городской голова, чуть ли не скопом. Ване хотелось хоть через окно посмотреть, что за губернатор, признавший нашу семью[548] политически неблагонадежной, в семье есть «политикан», но окна были завешаны: очевидно, «высочайшие» отдыхали. «Вот ведь как дела обернулись,– думал Ваня.– Значит, пришло время всем толстосумам и воротилам за свои дела расплатиться!»

Братики улучили время свидеться и обсудить все эти новости. Вместе порадовались всему случившемуся. Ваня рассказал про губернатора и вместе с ним арестованных. Поздравили один другого с равноправием. «Значит, Иванко, все равны и зовёмся граждане! Думать надо – царя по шапке, и мы – всё, граждане! И все теперь крестьяне стали гражданами, а то было городские да богачи звались гражданами, а мы – лапотная деревня! Надо братанов поздравить и домашних с равноправием. Так

---

[542] «Засвистали козаченьки» – украинская народная песня.

[543] Так в документе.

[544] Слово *языке* вписано поверх строки.

[545] После слова *кадровый* вычеркнуто слово *ефрейтор*.

[546] Поверх фамилии *Осинцев* поставлен вопросительный знак.

[547] Подстрочное примечание автора: *Сейчас не могу припомнить, что за дом*.

[548] После слова *семью* вычеркнут текст песни *«Не плачь, не жалуйся»*.

ведь, Иванко?» – «Обязательно надо написать всем, Вася. В ответ они нам напишут, что делается у них». В марте месяце Ваня писал Петру после похорон командира полка: «Дорогой Петя! Поздравляю я тебя с равноправием и посылаю на обороте свой стишок. Уж как он выглядит – извини. У нас вчера были похороны полковника Алтухова. Ты, по всей вероятности, его знаешь ещё по Благовещенску. Он помер одночасно[549]. А вот и моё стихотворенье:

На память, Петя, сохрани
Мою убогую писульку,
Сбросив «серь», ты вспомяни
Былую адскую проделку!
Желал бы я, чтоб поскорее
Кумиров с тронов поскидали
И за их кровавые дела
Земля б их кровью обагрилась!
И на свободную Россию
После тьмы взошла заря,
Больше кровь бы не лилася,
Россия счастливо б цвела!
И чтобы больше не пришлося
Иметь дело, как теперь:
Не есть зацвёлые галеты,
Не видеть серую шинель!
Твой И [ван] Деськов.

Более обширное [письмо] Петру послал Вася. Он написал: «Здравствуй, дорогой братик Петр! Прежде всего, спешу уведомить, дорогой братик, что я сегодня получил с передачей твою дорогую для меня открытку, за что сердечно благодарю. Сегодня же спешу взаимообразно поздравить тебя, дорогой братик, с высоким званием Свободного гражданина, которого мы, угнетённые, давно желали, но прошу тебя обратить внимание, что это звание огласилось у нас прежде вашего, а именно 28 февраля. Велика была радость и торжество русского народа. С первых же дней все, кто ценит это высокое звание гражданина, ходили по улице с приколотым красным бантом, а 10 марта было общее торжество и память погибшим борцам за свободу. Везде красовалось и развевалось красное революционное знамя свободы, а также была манифестация гарнизонных войск с красными флагами, и пели революционные песни, конечно, играл и духовой оркестр. Везде раздавалось громкое «ура». Манифестанты приветствовали друг друга и поздравляли под крики «ура» с высоким званием свободного гражданина, обменивались между собой фразами и рукопожатиями, продолжали с весёлым видом петь революционные песни. Много, большая масса была рабочих. В общем, все от мала до велика, и калеки, могущие ходить,– все были и ходили под красным флагом. Везде слышно было: «Долой династию и старых правителей! Ура! Да здравствует великая демократическая Россия!

[549] Так в документе.

Ура! В общем, всё прошло весело, хорошо и чинно, и я чувствую себя великолепно. Солдат теперь свободный – после занятий куда хочешь, туда и иди, никто не задержит. Мы, вероятно, с Ваней поедем скоро на позицию. Ты писал, что через два месяца приедешь домой, жаль, что не придётся свидеться! […] [550]

15 апреля 1917 г.»

Такая радость и торжество охватило городских труженников это событие, но не меньше их [радость] испытывали и труженики деревни, только высокопоставленные лица, вроде губернаторов, жандармерии, холёных жирных купцов, лишившиеся своего благодетеля, царя-батюшки, божьего помазанника, скрипя зубами, с ехидцей смотрели на всё происходящее. Да и в деревнях это событие развертывалось таким же откликом. Это видно и из письма, полученного Павлом от директора Сосноозерской сельскохозяйственной колонии от 3 апреля 1917 г. Он писал: «Дорогой Павел Николаевич! И я в ответ на ваши радостные поздравления и первым светлым праздником Свободной Руси шлю Вам свой привет и поздравление. Дай вам Бог увидеть не только первые лучи лучезарного восхода, но и пышный рассвет её дня над обновлённой Родиной. Какие сияния, перспективы развёртываются теперь перед ней! Сердце стучит в груди сильнее при одной мысли об этом. Как всё свершилось просто, легко, почти мгновенно!

Ещё месяц назад мучительно больно думалось, куда же приведут всех нас эти “жадною толпой стоящие у трона Свободы, Гения и Славы палачи” [551], и вдруг самый трон рухнул и похоронил навеки под своими прогнившими обломками всю эту хищную свору предателей, а лучшие люди России встали у власти. Одно только опасение слегка отравляет чувство радости – справятся ли эти люди с той бездонной пучиной дел и забот, которая оставила им власть низвергнутая, хватит ли у них просто человеческих сил вывести страну из хаоса и сумятицы, водворившихся за последнее время у нас повсюду? Ведь силы человеческие не беспредельны, а работе конца-краю не видно.

К тому же эту работу осложняет и недоверие рабочего класса, и центробежное течение в лице Совета рабочих депутатов. Вместо единой твёрдой власти, необходимой для победы над немцами, создаётся какое-то странное двоевластие, от которого добра не выйдет. Странно то, что вожди рабочих могут из-за духа партийности, узких классовых интересов, самолюбия не понять требований момента, общей опасности, и горе тогда нашей армии и нам всем. Как за удельными распрями пришёл татарин и наложил своё иго, так теперь может прийти иго немецкое, во много раз горше. Вот что сильно смущает меня и мешает чувству полной радости. Может быть, впрочем, на такое настроение наводит меня то, как была встречена Свобода здешней крестьянской массой.

Вы, наверно, слышали, что по всем волостям были ещё в середине марта организованы комитеты общественной безопасности. Функции этих комитетов огромны. Это зародыши волостного земства. Полный контроль над волостью,

[550] Подстрочное примечание автора *Конец письма потерян*.

[551] «Жадною толпой стоящие у трона Свободы, Гения и Славы палачи» – цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта».

волостным судом, учреждение милиции, продовольственного дела, помощь семьям воинов и т.д.– все эти дела возложены на комитеты. Казалось бы, тут-то крестьянам полный простор избрать в комитеты людей достойных, развитых, энергичных. Теперь ведь не помешает ни земский начальник, ни становой, ни урядник. И представьте, не знаю, как в других волостях, а по нашей выбрали в комитет сплошь совершенно малограмотных, недобросовестных, в полном смысле тёмных людей. Не прошёл в них никто из интеллигенции. К последней обнаружилось какое-то даже странное недоверие. Доходило до курьёзов. Например, в соседнем селении во время выборов, как потом выяснилось, бабы были убеждены, что объявлена “воля”, а я её от них “спрятал” в соседнем селении, куда иногда езжу к знакомому управляющему. И представьте, добро бы одни глупые бабы, а то и среди мужиков этот миф был принят с верой, несмотря на то что до того наши взаимные отношения были очень хорошие.

Любопытно, что крестьяне понимают под словом “воля”. В их глазах это не политическая свобода, а имущественная свобода расхищать помещичью землю, лес, хлеб. До свободы же союзов, собраний и т.д. им нет никакого дела. На выборах членов комитета мне и местному священнику едва удалось убедить их на закрытую баллотировку, как того требовала выработанная на общегосударственном съезде инструкция. Они непременно желали выбрать так, как выбирали старшин и старост на сходах, т.е. горланством[552], наподобие новгородского веча. Особенно смутил их термин “тайная подача голосов и необходимость за неимением баллотировочного ящика подавать записки”. Им всё казалось, что здесь что-то дело нечисто, да и трудно неграмотным, которых очень много. Не принимались во внимание и доводы, что будет всеобщий контроль при счете записок и что за неграмотностью может писать тот, кому он доверит. Сказалось тут в полной силе старыми чинами насилие над просвещением и свободной гражданской жизнью! Наконец, убедились, что ничего страшного в закрытой подаче голосов нет, и начали “прописывания”, но тут вышел новый курьёз. “Ведь у меня дома жена осталась да взрослая дочь, они тоже могут голосовать, пишите и за них, таких-то”. Дошло до того, что стали писать не только за себя, отсутствующую жену и других взрослых членов семьи, но и за малолетних и за сыновей в окопах. “Они ведь тоже выбрали бы!” Никаких резонов слушать не хотели.

В конце концов, получилось, что при наличности в семье около 700 избирателей “подписали” больше тысячи записок, и тогда только убедились, что вышло неладно. На другой день собрались выбирать снова, но я уже не видел, что у них тут было, так как тащиться в самую распутицу ради такой бестолочи не стоило.

Любопытен и взгляд крестьян на учреждённые комитеты. Они думают, что это источники получения различных благ. И вот нужно, чтобы эти блага достались только им, никому больше. Комитет-де должен доставать сахар, муку, солдатские пайки, казённый лес для дров и т.д., и т.д. и наделяет их всем этим. За это членам комитета будет платиться “жалованье” из казны. Вот какие понятия в их тёмных головах сложились о местном самоуправлении. Ко всем разъяснениям со стороны

[552] Так в документе.

интеллигенции – полное недоверие. “Они-де для себя стараются, толкуют там, как им самим лучше”. Обиднее всего то, что то же самое отношение у них и к людям, никогда их не обманывавшим и не сделавшим им никакого зла.

Наряду с этими сумасбродными представлениями совсем иное наблюдается у башкир, людей, казалось бы, ещё более диких. Спрашиваю у одного башкира, как прошли выборы в их волости, соседней с нашей. “У нас самых хороших людей выбрали,– отвечает,– самых умных,– самых грамотных, председателем к [омите] та выбрали учителя, он шибко хороша человэка, и по-нашему, и по-русски знает, волостных всех прежних старшин, писарей, судей сменили, на их место выбрали всё людей хороших, справедливых”.

А в нашей волости вся прежняя волостная нечисть осталась в полной силе. Не знаю, что здесь за причина. Может быть, всё ещё отрыгается крепостное право, бывшее в нашей волости, тогда как башкиры всегда были народ свободный. Пишите, как в вашем воинском быту отразилась новая жизнь. Это мне особенно интересно, потому что от этого больше всего зависит, победим мы немцев, или они нас. Вы так умеете ярко очертить быт, обстановку.

У меня всё свежи в памяти ваши сцены из жизни Киевской школы прапорщиков[553]. Теперь пред вами огромное поле для наблюдений, а намордник цензуры сброшен. Каковы теперь отношения между солдатами и командным составом? Поняли ли солдаты, что без дисциплины нет армии, нет победы? Какими способами теперь поддерживается дисциплина? Нет ли эксцессов и как реагируют на них солдаты и офицеры? Жду с нетерпением, что напишете по этому поводу.

Весна у нас здесь ещё[554] в конце марта вступила в свои права. В первый раз в жизни начинаю полевые работы с 30/III. Обычный срок здесь 8–15/IV. Сейчас солнечно, сухо, все в одних рубахах. Снег уцелел лишь кое-где по логам и кустам. Озеро ещё покрыто льдом, а на лугу уже зеленеет первая травка. Через несколько дней начнём сев. Часть полей уже поборонена до Пасхи. Третьего дня привезли нам четверых военнопленных австрияков[555]. Из них по прежней профессии два купца, один аптекарь, один кельнер[556] из ресторана. Хорош набор? Не знаю, выйдет ли что у нас с такими важными господами. Они нам уже заявляют, что к ржаному хлебу непривычны и могут есть только крупчатный[557]. Требуют при температуре снаружи в 10º тепла дров. Вообще, народ изысканный и, кажется, нам не ко двору.

Вашу карточку получил, и очень за неё благодарен. Теперь имею ваше изображение и в виде солдата, и в виде офицера, кстати сказать, весьма бравого. Следующее буду уже ожидать в виде генерала. Ведь «плох тот солдат…» Помните Суворова? А наполеоновские революционные маршалы? Кто они были раньше? Ну а не генералом, так простым капитаном приезжайте – авось через год свидимся не только на бумаге».

---

[553] В Киеве за годы войны было сформировано 5 школ прапорщиков.

[554] Слово *ещё* вписано поверх строки.

[555] 166-й запасный пехотный полк занимался охраной лагеря для военнопленных.

[556] Кельнер – официант.

[557] Крупчатный хлеб – пшеничный хлеб.

Да, те времена, пожалуй, в деревнях так и отображались, выборы проводились, конечно, не по шаблону – одинаково по волостям, деревням, и «правители» то новые выбирались в одной волости, а в другой, прилегающей к ней по соседству, проявляя засилие, оставались старые заправилы. Беднота, обездоленное население стремилось облегчить свое положение, а причандалы старых порядков с толстосумами старались проталкивать своих людей.

Ваня, узнав, что брат Павел в Сарапуле, через своего ротного маршевой роты Новожилова решил попросить кратковременный отпуск, съездить на родину, повидаться с родителями и братиком. Прапорщик Новожилов хотя не дал обещания, но не отказался похлопотать. Хотя надежды было мало на получение отпуска, но в конце апреля ему удалось его заполучить. Заполучив отпускные документы, он известил Васю о выезде. Вася проводил его до пристани. На прощанье Вася сказал:

– Ну, Иванко, я рад за тебя – побываешь дома. Если нас до тебя отправят на позицию, давай узнавать свои адреса через домашних или через Петю. А родным передай всем от меня по привету. Пусть не горюют.

Через двое суток пароход доставил Ваню до г. Сарапула, а паром перевёз его через Каму. Здесь ему всё родное, знакомое с детства. Во дворе он встретил растерявшегося при виде Вани отца, стоявшего с каким-то незнакомым человеком, одетым в тёмно-синюю одежду с металлическими пуговицами. Незнакомец с непонятным выражением смотрел на Ваню. Николай Васильевич, придя в чувство после объяснений с сыном, закричал в окно избы:

– Авдотья, беги-ка встречай сынка Ванятку!

Авдотья Степановна, услышав Николая, выбежала из избы с появившимися уже на глазах слезами и бросилась в объятья нежданного гостя, причитая:

– Да детушки вы мои милые! Пошлите в избу, да слава тебе, Господи, Матушка Царица Небесная!

Заходя в избу, Николай спросил:

– Насовсем приехал, Ваняша?

– Нет, тятечка, в отпуск, повидаться с вами и Павлом. А это что за незнакомец?

– Да это, Ваня, нам со старухой дали помощника, пленного австрийца. Спасибо, поможет по хозяйству.

Зайдя в избу, Ваня спросил:

– А где братик Павел и его семейка, что никого не вижу?

– Оне ведь, Ваня, в городе на квартире, и Паша, и Анна с ребятишками,– ответила Степановна, вытирая тряпочкой слёзы.– Пашу-то ведь опять на днях гонят на позиции,– и снова у неё полились после слёз радости слезы горечи, расставаний.– Оне сёдня вечером обещались приехать домой,– продолжала она.

Иван Васильевич, услышав переполох у братика, забежал к братику, подумал, что Авдотья Степановна плачет, провожая Павла, но, взглянув на Ваню, сперва не узнал, а оглядевшись, хлопнув фуражкой о колено, заговорил, подходя и здороваясь с Ваней:

– Так [вот] чё Степановна плачет, а я думал, Пашуху провожаете, побежал! Один домой, а другой опять из дому, братик? Да, так оно, братик, что сделаешь! Видно, так Богу угодно!

– Да уж скоро конец нашим бедам! Так оно, так, братик! Сцепились око за око, и никто не уступает. А что, Ванюха, где Василько-то у нас?!

– Вместе, дядя Иван, мы с ним служим. В одном доме живем. Говорил я ему, давай, проси отпуск, вместе поедем, так он сказал, что у него ротный не согласится. Пробовали, говорит, даже ближние солдаты – не отпускает. Заявляет, что отпусти вас, а вдруг приказ будет отправки на фронт, вот и ищи, дескать, вас. Я поехал, так он наказал вам всем передать привет, пусть, говорил, [не] горюют, а Федяша пусть чаще письма пишет.

– А разве ты только в отпуск?

– В отпуск, в отпуск, дядя.

Созвякала щеколда у ворот, и появился в воротах сперва Павел. На левой руке у него сидел сынишка Боря. В правой [Павел] нёс какой-то узел с вещами. Жена Анна Якимовна шла с дочерью Марией, тоже в руках нагружена узелками. Ваня выбежал навстречу брату. Обнявшись, не отрываясь один от другого, они направились в дом, Ваня подхватил из рук Павла тяжелый ватный узелок. Поздоровавшись со всеми, Павел обратился к Ване:

– Братик, вот же неожиданность! Да какими судьбами? А где Вася? Ты домой, а меня не завтра, так послезавтра снова на запад. Не знаю, до чего же мы доиграемся? Воевать-то не знаем за что. Как у вас настроение в солдатской массе? Поняли ли они, за какого царя и монаха столько крови пролилось?

Ваня рассказал, что он видел и слышал в Перми, даже не упустил случая первой вести о свержении Николая, когда они мылись в бане, и случая, как солдат бегал к витрине за газетой, а принес цирковую афишу. Павел от всей души посмеялся над этим случаем:

– Вот как он опростоволосился перед друзьями.

– А как у вас, Павел, среди командного состава смотрят на это? – спросил Ваня брата.

– А по-разному. Ведь и офицеры теперь разнослойные. Высшее-то начальство буквально очумело от этих событий и стараются сохранить свои права. А наш брат, прапорщики, кто как: кто за, а есть и против. О царских проделках и Гришке Распутине мы узнали, конечно, под строгой тайной, ещё будучи в школе прапорщиков. Курсанты в школе были большинство отличившиеся в боях солдаты, имеющие повышенное образование, да наш брат – учителя, мало-мальски обстрелянные. Так что исподтишка мы ожидали какого-то перелома. Много рассуждать не приходилось, да и боязно было – усиленная слежка. В одно время мы с такими разговорами чуть не засыпались, беседуя в уборной. Но начальство, как я думаю, догадалось.

– Ну а здесь как, в Сарапульском гарнизоне? – спросил Ваня.

– Солдаты ведут себя так же, как и вы в Перми, но командира полка я до сих пор не раскусил: то ли он рад, то ли нет перевороту – замкнутый.

– А у нас командир полка Алтухов после этих событий одночасно помер,– проговорил Ваня.

– Да, многим это не по губе: может, застрелился, жалея царя-батюшку?

– Не знаю, а хоронить хоронил весь гарнизон,– ответил Ваня.

Пока братья переговаривались, дядя Иван Васильевич с братиком сидели рядом на скамейке и вслушивались в разговор и молчали, но дядя Иван Васильевич, улучив момент, вмешался в разговор:

– Так что же это, ядрёна хань, солдатики, будет? Божьего-то помазанника рассчитали, а кто править-то будет? Кто войну прекратит? Кто сейчас правит-то? Как-то ребятишки в школе учились, так говорили про Смутное время, так не оно ли вернулось? Ведь теперь немец как наляжет, всю Россию заберёт! Чё будем делать-то? Ядрёна хань! – и дядя Иван так разгорячился, что вскочил, как молодой, с лавки и как бы занял перед солдатами вопросительную позу.

Павел, глядя на горячность дяди, засмеялся, а Николай сказал:

– Да, братик, наше с тобой теперь дело маленькое. Бог без правителей Россию не оставит. Только какие вот будут правители, вот что?

А Павел, насмеявшись над дядей и глядя на него, садившегося обратно на скамейку, улыбаясь, сказал:

– Правда, дядя, как будто у нас получилось это Смутное время на Руси, но ведь и та же история говорит, что дружными народными усилиями и без царя Россия не погибла! Наполеон и Москву брал, да из Москвы без штанов бежал! Всё дело [в том], кто теперь будет править нами. Вели старые царские министры, после их разоблачения да их подлости народ им не доверит, а они добиваются. Уж мы выдохлись от этой проклятой бойни. А ведь они затеяли её! Они ждут победы, не так ли?! Они ведь с царем-батюшкой втянули народ в войну. Солдатам так война не нужна, а бедноте – тем более. Оставшись без царя, они теперь настаивают на продолжении войны, выдвигая из своей среды временных якобы правителей, до выбора Учредительного собрания. Слыхали такое? Но и это «учредительное» навряд ли чего улучшит. Ну, будущность покажет – будем ждать, из кого оно соберётся. Мне вот тятечка рассказывал, как вы выбирали здесь волостной комитет: тот же староста и писарь полезли. Не правда ли?

– Верно, верно, Пашуха! – согласился дядя.

– Так и тут может получиться.

– Так ты от нас опять уезжаешь, Пашуха?

– Приходится, дядя.

На второй день по приезде домой семья Николая Васильевича проводила Павла. Ваня эти проводы так описал в письме брату Петру: «Здравствуй, дорогой Петя! Шлю тебе привет из родного дома, куда прибыл 27 мая. Повидался с Павлом и вчера проводил его в дорогу – на запад. Но расстаться было очень трудно и с семьёй, и со мной. При прощании я заметил, что он не утерпел и заплакал, чего не бывало с ним. Глядя на него и прощаясь с ним на пароходе, я тоже не утерпел, и у меня брызнули слёзы. Обоим было тяжело на сердце, а нервы от военных переживаний

до предела ведь потрёпаны. Вот уж прошли сутки, как мы проводили его, а он у нас не выходит из головы. Тяжело смотреть на обливающихся слезами маму, Анну Якимовну и детишек. Тятечка наш, старый солдат, заметно держится, но и у него глаза сыроватые. Проживу я в отпуску до 1 июня. Мы получили от тебя открытку из Житомира[558]. Почему ты там?

Тятечка с мамой от своего имени тебе пишут: “Дорогой сын Петьша! Ты беспокоишься, что не поздравил отца с днём ангела. Я благодарю тебя за память о нас и этим думаем, что сын жив и здоров, слава богу, потому что наше сердце изорвано на куски по разным странам и лишились надежды собрать их под кров родной и побеседовать с вами у родного очага. Слава богу, нас, хотя не на долгое время, посетили два сына, а чего-то всё же не хватает – опять двоих нет. Не знаем, дождёмся ли мы всех. Ты спрашиваешь, какие у нас новости. Новостей никаких нет, только знаешь, что правительство у нас новое, а не знаем, лучше или нет будет, потому что находимся в глуши. С работами справляемся медленно, да всё же, слава богу, дали в помощь пленного австрийца – работает хорошо. Сестрица твоя Паня с племянницей шлют тебе приветы, а мы с матерью шлём тебе родительское[559] благословение”.

2 мая: Николай Васильевич Деськов».

Несмотря на то, что Ваня живет в родном доме, а в селе не осталось ни молодёжи его возраста, нет работоспособных мужчин, и донимает голод – выручает лишь картошка, но отпуск проскочил так, что не успел Ваня опомниться. Опять надвигались слёзные проводы. Ах, дети мы, дети! Если б наши детские сердца знали, чувствовали, что переживают при расставании родители, провожая детей в неведомые дороги жизненного пути – свято бы чтили своих родителей. А выходит не так. Молодежное сердце горячо и не так болезненно переживает расставания с родителями и, забывая те годы, когда с рёвом таскались, схватившись ручонками за мамину юбку. Так у Николая Васильевича и Авдотьи Степановны случились и радости, и снова проводы. Ваня в разговорах семейного круга рассказал о последних минутах расставания с братом Павлом на пароходе, чем снова вызвал слёзы у всей семьи.

– Здесь его в полку жали-и! – плача, причитала жена Павла Анна с подголосками детишек.

– Как это, кто его жал? – с возмущением спросил Ваня.– Что же он мне ничего не рассказывал. В чём дело-то, тятечка?

– Обиделся Паша на службу в этом полку,– начал рассказывать Николай Васильевич.– Командир-де полка негодный человек. Сперва, как Паша явился в полк, командир его принял хорошо, но Паше он потом не понравился – жесток. А как свергли царя, командир стал совсем зверем. Солдаты, почуяв волю, стали ослаблять дисциплину, даже появились случаи дезертирства из полка, а он из-за этого ещё

[558] Житомир – город в Правобережной Украине, административный центр Волынской губернии, ныне административный центр Житомирской области Украины.

[559] Слово *родительское* вписано поверх строки.

стал злее. Можно-де было бы, сказывал Паша, избежать дезертирства, относиться к солдатам по-человечески: разрешить кратковременные отпуска, увольнительные в город, так он-де ни в какую. Ведь надоела солдатикам служба! Паша уже покаялся, что напросился из школы в этот Сарапульский полк. Ему не понравились эти порядки командира полка, поддерживаемые кадровыми офицерами. Я, говорил Павел, всё как будто был на отшибе, и чувствовал, что за последнее время то ли на деревенского выходка, или то, что я избегал с ними встречи, у командира полка отношение ко мне изменилось, и я чувствовал, что не засижусь в Сарапуле. Вообще Павел сказал о командире полка, что он не рад нашим новым порядкам – ему, наверно, жаль, что царя не стало.

– Правда, правда, тятенька, Паша как придет с ученья, всё мне жаловался! – проговорила сквозь слёзы Анна.

– Так вот оно что! – выслушав отца, заговорил Ваня.– А ведь мне Павел ничего об этом не сказал. А вот у нас в Перми так дела идут иначе. В полку полковника недавно схоронили, а теперь не знаем, кто и командует. Губернатор, начальник жандармерии и, говорят, пермский епископ арестованы, сидят под охраной.

– А епископа-то пошто арестовали? – прервал Николай.

– Бузотёрить, говорят, начал. Царя-батюшку стал защищать. В проповедях народ возмущал, что-де пошли против Божьего помазанника. Мне даже пришлось в карауле быть, но их я не видел: под замком сидят и окна завешаны [560].

До сих пор дядя Иван сидел, прислушивался к разговору и дремал, упершись руками в коленки.

– Братик! Ты слышишь, чего делается в Перми-то?

– А я так хоть дремлю, а слушаю да думаю: под силу ли мы дерево-то срубили? Министры-то да купцы с жандармами ведь ой как любили царя, а нашего брата разве им жалко? Мотри [561], дак опять глотку возьмут!

– Может и так получиться, братик. Оне ведь все один за одного, как говорят: ворон ворону глаз не выколет! Да все заодно, а наш брат, тёмный крестьянин да рабочий, какой в городе, разе сможет супротив что отстоять. Вот царя сбросили, какого-то Керенского [562] поминают, выбрали, а нас спросили? При царе довоевались до того, что от стола хлебом не пахнет у нашего брата.

– Верно, верно, братик!

---

[560] Епископ Пермский и Кунгурский в 1914–1918 гг. Андроник (Владимир Никольский) (1870–1918) действительно был одним из лидеров пермских монархистов, но 5 марта 1917 г. выпустил воззвание о полной поддержке Временного правительства. Автор ошибается, весной – летом 1917 г. он аресту не подвергался.

[561] Так в документе.

[562] Керенский Александр Федорович (1881–1970) – российский государственный деятель; депутат Государственной думы в 1912–1917 гг. от Саратовской губернии, министр юстиции с 3 марта по 18 апреля 1917 г., военный и морской министр с 5 мая по 1 сентября 1917 г., министр – председатель Временного правительства с 7 июля 1917 по 26 октября 1917 г. Входил в партию эсеров. Во время описываемых событий ещё не был председателем Временного правительства, но репутацию «вождя революции» имел уже весной 1917 г.

– А всё из нас же выжимают, дескать, чтоб одержать победу, давай, деревня, хлеб. У кого амбары полны зерном – с того не требуют. Не так ли было, братик, при царе-то?

– Верно, верно, братик.

– А вот и теперь – царя не стало, и тоже нашему брату не легче, опять только и жмут да приговаривают: «Чтоб осилить врага да чтоб не голодали ваши детки на фронте, везите, сдавайте хлеб в казну. Даже сельскую мангазию очистили, а вот у торговцев, наших купцов хлебных Короткова Николая Андреевича, Короткова Василья Андреевича, Короткова Ивана Александровича хлеб не выгребают. Купцы! Не трожь! Не так ли, братик?!

Переговаривали, перетрясали тяжелые военные последствия войны братаны и продолжали:

– Ну у нас хоть хлебушко и с лебедой, правда, горьковат, а посмотришь – и диву даёшься, как живут бедняги рабочие в Сарапуле? Всё вздорожало втридорога. Эти же хлебные тузы, раз хлеба нет, бессовестно подымают цены на хлеб. Для них наше бедствие – одна нажива! Вот бы правителям-то [донести], у кого надо распарывать да вытрясать из мешков зерно! Власть-то хоть сместилась, а толк-то тот же. Хоть бы Бог вразумил новое-то правительство! Не знаю, за что, за какие грехи послал Господь на нас такое бедствие. Чем мы Господа Бога прогневали?!

Слушал Ваня откровенный разговор между собой братиков, наполненный горькими переживаниями, и думал: «А в самом деле, где же конец этим бедам?! В армии солдаты чувствуют, что питание, особенно за последнее время, ухудшилось, а в деревнях ещё хуже; в городах…» – ну что, Ваня и сам видел требования демонстрантов на их плакатах: «Хлеба! Мира! Долой войну!» Вот когда полностью[563] стали понятны требования рабочих, выраженные на плакатах. Но что-то всё же не укладывается в голове, почему в Перми, когда праздновал гарнизон свержение самодержавия, то на плакатах не было призывов: «Хлеба! Мира! Долой войну!», а были: «Да здравствует Свобода! Да здравствует равенство и братство! Долой самодержавие!» «Может быть, будущее покажет?» – решил он.

Отпуск пролетел моментально, точно его и не было. Снова провожанья, слёзы, ритмичное хлопание плиц пароходных колёс по зеркальной глади матушки-реки Камы. Ваня расположился, как и положено солдату [для] проезда на пароходе,– в четвёртом классе. Двое суток езды до Перми. Пассажиров на пароходе немного. В четвёртом и третьем классе считанные единицы – простор! Зато первый и второй классы заняты. При посадке в Сарапуле он заметил, что, облокотясь на сиденья и решётку, в верхних палубах торчали модные пассажиры, а среди них и офицеры, и даже один среди них усатый краснолампасник[564]. «А кому же теперь ездить в третьем и четвёртом классе? Все на войне!» – подумал он и уселся на канатную бобину, погрузившись в воспоминания.

Вспоминалась ему езда на пароходе с братиком Васей. Вспомнил и калеку-солдата, и чопорную даму в шляпке, предложившую ему подаяние. Мысли у него

[563] Слово *полностью* вписано поверх строки.

[564] Краснолампасник – генерал.

прошлись и по раннему уставу и куда-куда только его не уносили! И вот опять завели его к загадкам: почему в Перми на плакатах лозунги были у демонстрантов разные? Кому бы этот вопрос задать, чтобы было понятно? Но кто тут на пароходе сможет объяснить? И снова загадка осталось загадкой для него. А равенство и братство? Как тоже понять? Если на самом деле равенство-братство, то почему я должен сидеть на корме парохода, да ещё на катушке каната, а на палубе сидят на диванах, на стульях, тогда надо и устав изменить! «Пойду и вопреки уставу займу место в третьем классе, пустых мест много!» – перешёл на новое место и, разлагая на деревянную решетчатую скамейку-диван, положил в изголовье вещмешок с подорожными гостинцами для себя и Васи. Недалеко от него сидели мужчины и вели разговор на современные темы. Приглядываясь и прислушиваясь к собеседникам, Ваня делал заключение, что беседующие не из крестьян, а из среды рабочих. Ваня начал было прислушиваться к их разговору, но присутствие поблизости солдата, очевидно, их смутило, и они переменили тему разговора:

– А что, пожалуй, скоро к Осе подплываем? – встав со скамейки, [сказал] один из них, обращаясь к другому.

– Должно [быть], скоро, скоро Оса. Завтра к вечеру, может, доберемся до Перми, ежле не будет тумана! – отозвался второй, и тут же он, потребливая густую чёрную бородку, обратился к Ване: – А куда, солдатик, если не секрет, держит путь?

– Без секретов, папаша, в свою часть, в Пермь. Ездил в отпуск к родителям.

– В городе аль в деревне родные поживают?

– В селе, около Сарапула.

– Гм, ну а что, как живут в деревне-то без царя-то? Поди, жалеют его?

Ну, так и завязался разговор, которого хватило до самой Перми. Переговорили о войне, о новом правительстве, о голоде, да и о чём только не переговорили: министров, царя, царицу, Гришку Распутина – всех по косточкам разобрали. Из разговоров Ваня узнал, что они[565], собеседники, рабочие и работают на Мотовилихинском заводе близ Перми[566]. Подплывая к пермской пристани, рабочие – попутчики Вани на прощание сказали: «За мир надо бороться, солдатик, война – рабочим и крестьянам гибель. Николка с министрами затеяли войну, а какую мы от войны получили пользу[567]? – голод, разоренье, сиротство, слёзы, а богачам нажива. Царя столкнули, так его министры пролезают и кричат: “Война до победы!” Нам нужен мир. Хватит человеческих жертв, нужен хлеб, а его много у купцов зажато, а министры нам этого не дадут». Сойдя с пристани, рабочие направились влево подле берега, а Ваня направился в город, в казарму. «Вот как мы с ними расстались напоследках-то! – думал Ваня, идя по улицам Перми.– Они ведь очень правильно всё сказали. Вот видно что: рабочим нужен мир, хлеб, братство, равенство, свобода, а буржуазии – война до победы. Ясно, почему пишутся разные лозунги на плакатах».

Вася знал, что Ваня должен приехать, и целый день провёл в ожидании братика. Встретились братаны на улице у казармы. Сели на ступеньки, и Ваня обстоятельно рассказал, что и как живут дома. Передал ему приветы от родных и Павла. Рассказал

[565] После *они* вычеркнуто *раб*.

[566] Мотовилихинский завод – так здесь названы Пермские пушечные заводы, основанные в 1863 г.

[567] Слово *пользу* вписано поверх строки.

о дороге – что он услышал от рабочих из Мотовилихи[568]. Вася же, в свою очередь, сообщил Ване, что их роту – «и твою, Иванко» – спешно готовят на фронт.

– Наверно, что-нибудь министрики-то затевают,– высказался Вася.

– А у нас здесь 1 мая у наших казарм трагедия разыгралась. Мимо казармы шла манифестация с плакатами и лозунгами: «Мира, хлеба, долой войну!» Шли мирно, человек двадцать, пели революционные песни, а наш ротный собрал кадровиков и натравил на демонстрантов. Они, как собаки, набросились на рабочих. Выхватили у них лозунги и древками давай разгонять демонстрантов. Жутко смотреть было. А вернулись в казарму, да ещё и хвастаться перед нами: «Вот мы их накормили хлебом!»

– А из нашей роты кто-либо был? – спросил Ваня Васю.

– Не знаю. Мне стало не по себе, и я ушёл от окна, не стал смотреть. А ты у своих в роте спроси, «герои»-то, как у нас, расхвастаются. Из пивоваренного завода, я слышал от своих, тоже выбегали солдаты. Это ведь только, Иванко, здесь многие за войну, а на позиции солдаты – за мир, я так думаю. Вот поедем – увидим. Как ты [думаешь]?

– А мне Павел, Вася, говорил, что войну продолжать – вконец разоримся. Вот ещё разве какое-то Учредительное собранье что скажет!

– А что оно скажет? Тот же Керенский в него пролезет. А он за войну!

– Ох, так оно! – на том и разошлись братики.

Придя в казарму, Ваня поделился впечатлениями об отпуске, что он видел, как встретился с родными, как проводил брата. В свою очередь завел разговор о новостях казарменной жизни. Поведали ему ребята и о разгоне рабочей демонстрации. Из разговоров он узнал, что солдаты увидели уже разбежавшихся демонстрантов. Когда выбежали на крыльцо казармы, то на крыльце стоял улыбающийся фельдфебель Хлопников и вёл разговор со взводными Черемных и Подшиваловым: «Вот здорово мы их прокатили. Надолго запомнят!»

Вася вечером забежал в казарму к Ване и сказал: «Ну, братан, мы завтра отправляемся на фронт». Распрощались мы с ним[569]. Когда их стали отправлять, то завели в женский монастырь, где прослушали напутственный молебен. Из монастыря – маршем на станцию. Вася ушел в составе 135-й маршевой роты 37-го полка.

После отправки стали усилено готовить и нашу роту[570].

Вскоре после оправки Василия нашу первую роту ротный командир Казанский повел к Мешковскому дому (дом купца Мешкова у станции Пермь Вторая), выстроил перед казармой и по отделениям стал заводить в казарму. Я, как командир отделения,

---

[568] Мотовилиха – посёлок при Пермских пушечных заводах, ныне часть Мотовилихинского района г. Перми.

[569] Далее автор начинает вести повествование от первого лица.

[570] После *роту* вычеркнуто *Уже на месте Петр получил письмо от брата Павла из 257-го пехотного запасного полка 10-й роты: «Дорогой Петя! Ты беспокоишься обо мне, но ведь, ты знаешь, о всякой перемене в моей жизни я сейчас же извещаю своих близких. Живу по-прежнему в Речиде. Месяц тому назад был бы отправлен на фронт, но в числе других учителей оставлен для занятий в солдатской школе. Учусь по-прежнему играть на скрипке.*

повёл свое отделение в склад, где получил набелки, обмундирование, шанцевый инструмент: лопаты, кирки, винтовки, наброс.

Вернулись в свою казарму. Переоделись, составили оружие, уложили шанцевой инструмент. На второй день и мы попали в женский монастырь на торжественный молебен. Завели в монастырь: ребята из моего отделения и говорят:

– Не могли найти церковь какую-нибудь! К бабам запустили!

И самом деле – хор был составлен из монашек. Игуменша толстая в епитрахили[571] открыла службу. Мне было удивительно, что среди монашек, участвующих в хоре, нашлись и басы, и тенора. Солдаты говорят мне:

– Смотри-ка, славные бабенки в хору-то, но много тощеватых, а игуменша – ничего <…>.

Так и послушали молебен.

После молебна пошли к причастию, которое раздавала игуменша. Целуешь крест от игуменши, получаешь чайную ложечку причастия и кусочек просвирки[572].

Хор монашек запел «Спаси, Господи, люди твоя», а игуменша стала всех нас кропить кропилом[573].

Интересно то, что молитва была изменена. Раньше было «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови благосостояние[574] Твое, победы государю нашему Николаю Александровичу на супротивные даруя и Твое сохраняя крестом Твоим жительство», а теперь «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови благосостояние Твое, победы благоверному нашему народу на супротивные даруя и Твое сохраняя крестом Твоим жительство[575]».

После молебна нас вернули в казармы.

Мне вспомнился Василий, и хотелось бы поделиться с ним, каковы его были впечатления о монашках и службе, но Вася был далеко. На следующий день нас выстроили в полном снаряжении. Ротный Казанский объявил, что с этого момента нашим ротным является прапорщик Новожилов (бывший учитель, походка у него была, как у конторского писаря: одно плечо выше). Как человек – это был замечательный, простой, народный человек. В будущем он спас меня от трибунала.

Новожилов повел нас на вокзал Пермь Вторая[576], где ждали[577] теплушки. Как только тронулся поезд, я начал писать письмо домой, а Пане написал стих:

---

[571] Автор путает. Епитрахиль – длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь, принадлежность богослужебного облачения православного священника и епископа.

[572] Дано подстрочное примечание автора с рисунком: *Исуса Христа прибили к кресту, а рядом прибили двух разбойников. Через некоторое время вернулись и хотели проверить, умер ли Христос. Один из них ударил, «ребра пробидаши», копьем Христа. Отсюда вкушение тела и крови Христовой. Просвиры шьются так: из нижнего кусочка священник копьём вырезает кусочки и бросает в причастие. Затем призывает вкусить тела и крови Христовой.*

[573] Кропило – кисть для разбрызгивания святой воды. Дано подстрочное примечание автора: *Обрызгивать святой водой. Вода считается святой, когда в ней накрест провели серебряным крестом (обряд освящения).*

[574] Здесь и далее автор путает, правильно *достояние Твое*.

[575] В документе тексты приведены в таблице с шапкой «Было – теперь».

[576] *Пермь Вторая* вписано поверх строки.

[577] После слова *ждали* вычеркнуто слово *нас*.

Дорогая сестрица Паня, получи письмо
От родного брата Вани и храни его.
Он писал, может, последний из страны родной,
И, быть может, не придется встретиться с тобой.
Загудит здесь поезд длинный. Полный он солдат.
Средь них будет брат твой Ваня, с грустью навзгляд.
«Не грусти ты, одинокий, не грусти, брат мой.
Может, всё так обнимемся – ты придёшь домой».
Затянул ж он песню, повеселел на вид.
Подхваченная песня по ветру летит.

При первой же остановке бросил письма в почтовый ящик. Куда идет эшелон – никто не знает, гнали его почти без остановки.

НА РУМЫНСКОМ ФРОНТЕ

Где-то на Западном фронте эшелон попал под обстрел. Ночь. Гроза. И вдруг вокруг теплушки встали столбы разрывов. Кто обстрелял эшелон – сами не знаем. Поезд остановился, мы высыпали из вагонов в [гл] ушь. Через некоторое время обстрел прекратился. Оказалось, что эшелон был загнан на другой путь. Сели в эшелон – и снова в путь без остановок. Первая остановка была лишь в Харькове. Через полчаса поезд тронулся. Пока поезд стоял, один из солдат, Рякин[578], отпустил больше половины состава. Пришлось возвращать поезд.

Проехали всю Молдавию и на границе с Румынией в городе Рени[579] вышли из эшелона. День был неимоверно жаркий, даже трудно было дышать. Здесь ребята сделали небольшой привальчик[580].

– Передохнем, но далеко не расходиться,– объявил командир роты прапорщик Новожилов, а затем скомандовал: – Командиры взводов и отделений – ко мне! – и направился в укромное от солнечных лучей место.

Здесь он предупредил командиров взводов и отделений следить, чтоб подчинённые далеко не разбегались, а особенно чтоб не было хулиганства, а сам направился за получением дальнейших распоряжений. Братаны, оказалось, и здесь встретились[581]. Город Рени расположен на ровной низменной местности. Кирпичных построек очень мало. По сравнению с Сарапулом город Рени показался Ване бедным. На улицах, утопающих в виноградниках, взрослых жителей не видно, но играющие, загорелые, черноволосые – точь-в-точь цыганята – выбегали на улицу и, поглядев на солдат, с детским гамом продолжали игру. Вернулся ротный командир прапорщик

---

[578] После *Рякин* вычеркнуто слово *разделил*.

[579] Рени – город в Измаильском уезде Бессарабской губернии, ныне центр Ренийского района Одесской области Украины.

[580] После *привальчик* лист со стихотворением: *«Затянул уже он песню, // И веселый вид, // Лишь подхваченная песня, // Там вдали звучит. // Мчится, мчится эшелончик // С песнею лихой. // Отголосок льётся нежный // Мелкою волной. // И, внимая этой песне, // Все кругом молчит. // Лишь с пустынною тоскою // Филин прокричит. // Как осенний лист, валится // На сердце тоска. // Всё семья родная снится, // Все моя страна. // И когда ж я возвращался // Под крыло родных, // Я б с слезой тогда горячей // Обнял бы своих. // Ну, прощайте, все родные, // Поцелуйчик всем я шлю, // И заочный, и душевный, // Будь он наяву». Приложение песни «Письмо к сестре» (при отправке на фронт). Написал Деськов И. Н. 1916.*

[581] Предложение вписано поверх строки.

Новожилов. Трёх солдат с отделённым Стёпой Лысковым он послал в привокзальный дом за продуктами, а роте сказал:

– Маленько подкрепимся и пойдём дальше пешком. Больше нас не повезут.

Вскоре ребята принесли в двух мешках «подкрепляющие» продукты. На вопрос, чего принесли, солдаты отвечали:

– Чего-чего, вроде бы сушёные шаньги[582] с какой-то крупой!

Началась делёжка шанег по две штуки на рот. Уселись закусывать и заворчали:

– Какие же это шаньги, одно месиво из недоваренной какой-то крупы, вроде чечевицы, смотри, братишко! – откусив и держа во рту откус, показали они один другому, внимательно рассматривая у соседа – такая же ли у него «шаньга».

– Робя, из мочёного гороха, смотри! – выплюнув из «шаньги» плохо разжёванное зёрнышко, показал солдат солдату – участнику похода за продуктами, и крепко обругал его:

– <…> моржовый, хоть бы по кусочку хлеба выпросил! – выскочил и подбежал с жалобой к ротному Новожилову, показывая ему «шаньгу» и ядрышко:

– Ваше благородие, разрешите к Вам обратиться?

– Обращайся!

– Я обратился к отделённому, а он сам не знает, что это за горошница сухая. Ест сам, только на зубах хруст, а я вот не могу. Дома, бывало, мамка плохо уварит горошницу, дак я неделю, а то больше животом страдаю. Одним курам от этого только польза. Им-то пользительно, нагадятся, а мне-то болеть!

Новожилов слушал солдата, стоял и улыбался. Помолчал немного, точно подбирая слова для ответа, заговорил:

– Вот что, солдат. Это не сушеные «шаньги», как вы их называете, и не гороховые. Называются они галетами из кукурузных зёрен[583]. Здесь вот в городе редко у кого найдете ржаного хлеба кусочек. Основное питание у жителей – кукуруза. Каша, галеты, суп и даже хлеб они приготовляют из кукурузы. Так что и нам придется наши желудки приучать к кукурузе.

– Здорово, братишки, пропали мы здесь! – с огорчением вернулся он к сослуживцам.

Солдаты сидели, всё переглядываясь один на другого. Кто жевал, стараясь понять вкус кукурузы, кто, разжевав, ворчал:

– Хоть бы посолили, поди бы вкуснее было!

А кто старался запомнить, как правильно называются эти «сухие шаньги», чтобы написать домой, чем их на фронте угощали. Спорят, извращая до курьёзов название – галеты. Многие разбежались по домам и возвращались с водой во фляжках и котелках. Угощали водой друзей, попрятавшихся в тени от неимоверно жгучих полуденных солнечных лучей. Но вот раздалась команда: «Построиться!» Солдаты спешно собрали свои пожитки, набросили скатки шинелей, разобрали винтовки из составленных козел и построились. По команде «шагом марш!» направились вдоль

[582] Шаньга – открытый пирожок-лепёшка, распространённый в северорусской кухне и кухне финно-угорских народов России.

[583] Галеты – сухие лепёшки, распространённый элемент пайка на флоте и в сухопутных войсках.

по улице на выход из города. Над головами, откуда ни возьмись, закружилась стайка разукрашенных попугаев. Попугаи, точно поинтересовавшись чужеземцами, сделав круг, улетели в сторону и скрылись за домами. «У нас дак сороки, вороны да грачи, а здесь попугаи. А красивые, черти!» – переговаривались солдаты.

Вышли из города. Дорога тянулась по какой-то низменности. Справа от дороги виднелся кустарник, похожий на тальник, и [было] похоже на камышовые заросли. Слева такой же кустарник. Местами дорога как будто начинала взбираться на возвышенность, но затем снова спускалась на низменность. Солнце безжалостно, вися над головами, палило солдатские плечи. За эту нудную дорогу солдаты опростали все фляжки с запасами воды, а пить всё хотелось, но воды ни справа, ни слева видно не было. Но вот дорога потянулась на небольшой подъём, а впереди показались очертания окрашенных строений. Ротный оставил роту, скомандовав: «Рота, стой, вольно, можно оправиться и закурить!» – обернулся он лицом к роте, вытирая платком потное лицо.

Солдаты, составив в козлы винтовки и побросав с плеч скатки шинелей, разбежались по укромным местечкам, подшучивая один над другим, прокатываясь над галетами. Перерыв был не более 15 минут. Собрав роту, прапорщик Новожилов сказал: «Ну, вот мы и перешли границу. Зашли на румынскую землю. Впереди нас виднеется румынский город Галац[584]. А теперь – шагом марш!» Дорога к городу шла по пологому подъёму. Войдя в город, шли по улице, как Ваня прочитал, улица Браилова (strada Brailia). Дошли до площади, где ротный остановил роту, а сам направился по городу. Солдаты, утомлённые переходом и зноем, развалились кто как на площади.

Площадь была безлюдной, и среди тишины солдаты уловили отдалённые глухие выстрелы. Вглядываясь в небо, кроме незнакомого ротного увидели дымные, то беловатые, то темноватые, вспышки, а потом различили и летящий к городу самолет. В глубине неба и в самом деле Ваня впервые увидел летящий на большой высоте [самолет], а вокруг его нет-нет да раздавались разрывы снарядов. Самолёт все приближался на город. Где-то за окраиной города ухнула пушка. Появилось облачко дыма около самолёта.

– Вот здорово! Сейчас падёт! – торжествовали солдаты, а самолет уже летал над городом.

– Вот же чёрт, ведь у самого самолёта рвутся снаряды, а он не падает! – возмущались ребята, а самолёт, сделав круг над городом, сбросил на город две бомбы и, порокотав пулемётом, направился обратно.

Грохнувшие разрывы бомб и стрекотанье пулемёта подействовали на нервы солдат, и хотя самолёт уже направился в обратный путь, солдаты с открытого место из предосторожности многие перебрались к домам, благо что площадь расположена по окраинам, богатым каменными домами и есть где укрыться.

Ротный Новожилов вернулся уже к вечеру. Жара постепенно начала сбывать, и солдаты многие спали, наслаждаясь наступающей прохладой, обняв винтовку.

[584] Галац – город в Королевстве Румыния, ныне административный центр жудеца Галац в Румынии.

– Построиться! – скомандовал ротный.

Вставая в строй, один солдат обратился к Новожилову:

– Ваше благородие, а куда самолёт-то стрелял?

– Это, говорят, станцию каждый вечер почти да штаб армии бомбят! Подравняйсь! Шагом марш!

Вышли из города, пересекли глубокий овраг. За оврагом дорога вела по ровной местности, справа и слева – густые насаждения виноградников. Пройдя с версту, дорога повела к низменности. В сумерках, слева от дороги увидели в небе поднявшуюся белую ракету, как ярко падающий метеорит. «Так вот где позиция! Совсем близко! А почему нет стрельбы?» – переговаривались солдаты.

Спустились к линии железной дороги. Сзади, со стороны города Галаца, послышался шум идущего поезда. Все посторонились. Паровоз, как Ване показалось, меньше размером по сравнению с нашими, грохотал, что называется, на все пары, выбрасывая из трубы искры. Казалось бы, что он несется как курьерский, ан нет: колёса малы, не то что у наших паровозов – шуму много, а скорости нет.

Немцы не проспали. Со стороны их позиций темноту пронзили два луча прожекторов, и тотчас же, захлёбываясь, прилетел и, ударившись в откос полотна, разорвался снаряд. За ним последовал второй, с большим перелётом. Оба снаряда, однако, не помешали поезду проскочить этот видимый немцам участок, и [он] скрылся в пригорках. Солдаты, прижавшись к брустверу, оглушённые разрывами, колупали в ушах, а когда дошли до моста, где разорвались снаряды, приглядывались к полотну железной дороги – нет ли повреждений.

От станции Барбош[585], до которой дошла рота, полотно жел [езной] дороги раздвоилась: одна ветка пошла влево, на город Брэилов[586], другая – подле невысокой горы протянула [сь] прямо на г. Плоешти[587]. Здесь рота свернула с дороги вправо за высокий холм и расположилась у села Барбош на карантин под открытым небом. В селе Барбош, в поповском доме был расположен и штаб[588] 40-го Сибирского стрелкового полка[589] 10-й Сибирской стрелковой дивизии[590].

На второй день Ваня зашел в канцелярию полка и спросил адрес для отправки писем. Писарь, объяснив адрес, сказал, что «пока вы по ротам не разбиты, пиши на карантинную команду или просто на полковую канцелярию, а мы уже знаем». Ваня, вернувшись из канцелярии, попал под раскомандировку-перетряску. Роту не выдержали в недельном карантине и начали разбивать по ротам, но подошел

[585] Барбош – правильно *Барбоси*, железнодорожная станция у города Галац.

[586] Бриэлов – правильно *Брэила*, город в Королевстве Румыния, ныне административный центр жудеца Брэила в Румынии.

[587] Плоешти – город в Королевстве Румыния (в 1917 г. оккупирован немецкими и австро-венгерскими войсками), ныне административный центр жудеца Прахова в Румынии.

[588] После слова *штаб* вычеркнуто слово *полка*.

[589] 40-й Сибирский стрелковый полк – пехотное подразделение, входившее в состав 10-й Сибирской стрелковой дивизии в 1900–1918 гг.

[590] 10-я Сибирская стрелковая дивизия – воинское подразделение, сформированное в Дальневосточном военном округе, входившее в состав 5-го Сибирского стрелкового корпуса в 1900–1918 гг. Штаб дивизии находился в г. Благовещенске.

исполнявший должность командира полка полковник со странными инициалами[591] – Годило-Годилевский[592]. Он приказал разбивку остановить.

На другой день роту выстроил Новожилов, объявив, что «будем знакомиться с позицией нашей и противника». Из штаба полка два солдата вынесли стол, а на столе [был] сделан макет расположения местности и окопов на занимаемом участке полка. Занятие проводил сам Годило-Годилевский с нач [альником] штаба. Тут же командир полка объяснил, что 40-й Сибирский стрелковый полк только что вышел из тяжёлых боев со значительными потерями и что немец в настоящее время активно действует на всем боевом участке, занимаемом 10-й Сибирской стрелковой дивизией, стараясь выправить фронт по левому берегу Дуная с правым его берегом, где он уже занял сопки Добруджи[593].

После занятий Ваня, забежав в канцелярию полка, куда только что [забегал] перед занятиями, отпустил коротко написанную Петру писульку, в которой он сообщал о разбивке роты и где он сейчас находится. Он писал: «Посылаю тебе письмо из действующей армии. Ты ведь не знаешь, что по соседству с тобой живёт твой братишко – в 40-м Сибирском стрелковом полку. С Васей я распрощался в городе Рени и теперь не знаю, где он. Может, ты знаешь адрес Павла – сообщи мне. Мы сюда ехали очень скоро. Маршрут был определён 22 суток, а доехали за 13 суток, да ещё дорогой напутали и попадали под обстрел. Пиши.

30 июня 1917 года. И [ван] Деськов».

Но вернуть для исправления письмо не удалось[594].

Перед рассветом следующего дня немцы открыли активную артподготовку по окопам, занимаемым справа румынскими частями и нашими, расположенными близ деревни Халта-Ведени[595]. После артподготовки заговорила и наша артиллерия, хотя и не таким интенсивным огнём, и на позиции послышалась частая ружейная и пулеметная стрельба. В роту прибежал ротный Новожилов и предупредил, чтоб на всякий случай рота была наготове. В течение часов трёх ружейная и пулемётная стрельба то замолкала, то, как иногда порывы ветра, возрастала, и к полудню лишь слышались отдельные винтовочные выстрелы да гоготанье пулемета «максим». Точно налетевшая грозовая туча полоснула по окопам, взбудоражив окрестности, и тут же выдохлась, но как – из окопов начали выносить по ходам сообщения наскоро перевязанных раненых и грузить в санитарные повозки. К селу Барбош принесли на раскинутой шинели изуродованный труп солдата. Положили на землю и плотнее завернули окровавленной шинелью, чтобы муха не тревожила труп. Один из санитаров остался у трупа, а другой пошел в канцелярию полка. К трупу подошли солдаты роты, глазея на жертву войны. Санитар обвёл взглядом обступивших, проговорил:

---

[591] Так в документе, далее приводится фамилия.

[592] Годило-Годлевский Александр Акимович (1874–1917) – капитан русской армии, временно командующий 40-м Сибирским стрелковым полком.

[593] Добруджа – регион в юго-восточной части Румынии.

[594] Далее авторский заголовок *За что?*

[595] Вадени – деревня у города Брэила в Румынии.

– Что, видно, не видывали ещё войны-то, набежали. Може, увидите ещё не это. Вечером был человек, а теперича куски мяса, порвало снарядом. Ишо двух надо вытаскивать, да австрийцы обстреливают. Уж чо будет, разве ночью вытащим, а то дак на месте присыплем.

Вернулся из канцелярии второй санитар и сообщил товарищу:

– Обещали завтра батюшку послать для отпевания,– и ушли.

Кровенилась земля под трупом. Мухи, как мураши на муравьище, облепили на шинели окровавленные места, стараясь через лоскутки рваной шинели пролезть к самому трупу. Солдаты пытались было кто чем сгонять мух, но эта назойливая тварь лишь перелетала с одного места на другое. Махались и переговаривались:

– Вот, братишки, нас учили – клади башку за веру, царя и Отечество! А теперь за што – царя не стало, чё ж, то ли за Бога, аль за Магомета? Дак они всесильны – пусть сами между собой воюют! За отечество? Дак мы не в отечестве, а в Румынье! За что тогда?

– Его скром [сало],– показывая на труп, проговорил стоящий рядом.

Ваня слушал разговоры и думал: «В самом деле – за кого?! За румын? Они пусть сами защищают свою родину, а не бегают из окопов по ночам к бабам».

Как только стемнело и загрохотал очередной поезд по линии железной дороги, выбрасывая снопы искр из трубы, со стороны Броилова и с сопок Добруджи тьму рассеяли два луча прожекторов, шевеля как тараканьими усами, и тотчас же послышался орудийный далекий выстрел, а за ним второй. В воздухе, угрожающе захлёбываясь, шлёпнулся и разорвался в поповской ограде тяжелый снаряд, образовав воронку. Второй снаряд разорвался в косогоре у полотна железной дороги тогда, когда уже пробежал опасное для него место. Утром солдаты, осмотрев взрытую снарядом воронку, заметили, что в дне воронки, вглубь чернеет дыра, окаймлённая изломом толстых досок. Многие считали, что снаряд разорвался над заброшенным колодцем и опасались спускаться смотреть. «Надо доложить ротному!» – поговаривали. Из поповского дома, где помещалась канцелярия полка, вышел солдат с погонами артиллериста. Увидев ребят у воронки, он подошёл к ним. Узнав, в чем дело, сказал: «Подождите, братишки, я сейчас принесу шоры[596], и мы посмотрим, что за яма».

Солдат не обманул – принесли втроём. Связали шоры, и один спустился, расчистив горловину дыры: «Бочка, робяты, здоровенная!» – вскричал он. Принесли из канцелярии топор. Вскрыли верхнюю доску, и оттуда даже наверху разлился разительный запах вина. Забрякали фляги, котелки, и к месту происшедшей находки, как мухи на труп, сбегались солдаты. Лазали, передавали котелки, фляги наверх, черпали через край, осыпали землю прямо в бочку.

Пришёл ротный Новожилов. Отогнал всех от вина.

– Запьётесь ведь, дурные, на даровщине-то! – грозно сказал он.

– А попробуйте-ка, ваше благородие, вкусно ведь! Вот только землица попадает в котелок! – протянул один смельчак Новожилову, но он рукой отстранил угощенье.

[596] Шоры – конская ременная упряжь со шлеёй (без дуги и хомута).

Часов в одиннадцать пришёл поп в чёрной рясе, а с ним в штатской одежде подвывало [597].

– Раскрыть, батюшка, убиенного? – спросил он попа.

– Не надо, так отпоём.

Солдаты окружили процессию. Поп в черной камилавке и рясе запел, открыв процессию и привычно помахивая кадилом: «Благословен Бог наш!» – и сразу запели в два голоса: «Со святыми упокой, Христе Боже, новопреставленного убиенного раба твоего Феодора, на брани живот свой положившего. Вечная память, вечная память!» – и так же скрылись, как появились. Санитары положили труп на носилки и закопали в уже приготовленной за селом могиле.

После обеда солдаты, услышав далёкий пушечный выстрел, поднялись на холм, чтобы взглянуть, куда австро-немцы запустили снаряд, и натолкнулись на загадочное явление. Разорвавшийся наряд поднял землю справа, над окопами в районе занимаемых румынами окопов. Последовал следующий выстрел. Снаряд разорвался у самого правого фланга передовой линии наших окопов. Ещё выстрел, и ещё, и ещё последовали с равными промежутками пушечные выстрелы. Снаряды рвались на равных расстояниях один от другого справа налево над нашими окопами, озадачивши командование. День был ясный. Неимоверно палило солнце. Стояла духота. На взгорку пришёл к солдатам и ротный Новожилов с полевым биноклем в руке.

– Чёрт знает, что затевает противник! Или пристрелку орудий, что ли, не пойму,– проговорил он и в разговорах с солдатами поведал ещё тайну: – Ну, солдаты, мы как будто изрядно с вами отдохнули. К сухим «гороховым» шаньгам попривыкли. Скоро придется и в окопы залезть. Наше командование получило от Верховного командования и Временного правительства указ – приготовить войска для всеобщего наступления одновременно на всех фронтах [598]. К этому сейчас идёт подготовка. Или мы австрийцев и немцев погоним, или они нас. Может, они это тоже пронюхали и тоже готовятся. Может, и эта стрельба – загадка к этому,– закончил он.

– Так вот почему нас сюда так быстро мчали – вместо 22 суток забросили за 13 суток,– переговаривались солдаты.

Прошло несколько дней, как загадочный артиллеристский обстрел наших позиций разгадал перебежчик-австриец. Об этом поведал солдатам тот же Новожилов. Он от штабных узнал, что в Брэилов приезжал в этот день сам кайзер и ему продемонстрировали взрывными снарядами расположение нашего фронта.

Пока рота сидела за угором в запасе, плюс карантин, и была днями духота и жара под палящим почти над головой солнцем, но по ночам солдаты под открытым небом ощущали холод и сбивались для спанья в кучи. Но вот, откуда ни возьмись, с утра наваливаться начали тучки. Пришёл Новожилов и сообщил, что роте надо быть наготове:

---

[597] Подвывало – помощник священника.

[598] Имеется в виду Июньское наступление («наступление Керенского») 18 июня – 6 июля 1917 г.– последняя наступательная операция русских войск во время Первой мировой войны, окончившаяся поражением русских войск.

– Сегодня в сумерках пойдём занимать позицию. Есть приказ развёрнутого наступления. Справа [от] нас будут действовать румынские части, а правее их наши женские батальоны смерти бросятся наступать. Наша задача – поддержать их!

– Женщины?! Воевать?! Вот чудеса! Да они лягушек, мошек боятся в руки взять, а тут нате – воевать! Вот наконец-то будет потеха! Неправда это! Это я не верю! – вот как воспринимали солдаты эти известие, а ротный Новожилов прислушивался к разговорам и то задумывался, то улыбался.

– Слухи есть, что и командир полка у них женщина! – добавил он и, уходя в сторону штаба полка, ещё сказал: – Будьте готовы. Говорю вам по секрету, не болтайте. В окопах перед наступлением будет проведена перестановка сил.

А дождь, как назло, к вечеру усилился и к ночи разрядился грозой. Со стороны немцев в воздух начали подниматься осветительные ракеты и заработали прожектора. Очевидно, немцы заметили движение в наших окопах, и с их стороны послышались пушечные выстрелы. Пришёл ротный Новожилов. Собрал, построил намокших до нитки солдат. «Ну, с Богом, тронемся, ребята!»

Рота обошла взгорок и по дороге, по другую сторону взгорка несколько пошла в подъём. Справа от дороги, чуть различима, показалась церковь. В ответ на орудийные выстрелы немцев заговорила наша артиллерия. По всей линии фронта в промежутках канонады слышалась ружейная и пулемётная стрельба. В воздухе над окопами беспрерывно поднимались осветительные ракеты и, перегорев, искрами падали на землю. Сравнявшись с видневшейся церковью, ротный в темноте заметил человеческие фигуры, идущие по направлению к церкви, и позвал к себе Ваню:

– Видишь людей?

Ваня сперва не смог различить, но вспышки ракет ему помогли.

– Так вот, иди выясни, что за люди и куда-зачем идут: потом доложишь мне.

Ваня направился идущим наперерез, но фигуры, заметив, ускорили шаги и затерялись у церкви. Обойдя церковь кругом и тщательно всматриваясь в заросли травы и закоулки, он остановился у входных ворот в церковь. Двери оказались запертыми на замок. Постоял, потоптался и пошёл снова кругом церкви, проверяя окна, а сам думал: если люди шли бы спроста, им бы нечего скрываться, надо быть осторожным.

На позиции канонада всё усиливалась, особенно со стороны немцев. Они не жалели огнеприпасов. Продолжая поиски, Ваня заметил со стороны позиции под стену в церкви вход в подвал. Держа винтовку наготове, он начал с остановками по ступенькам спускаться, прислушиваясь на каждом шагу. Он был уверен, что люди наверняка там. Больше им негде быть.

Но кто они?! Лазутчики, шпионы, разведчики или просто жители, спрятавшиеся и от дождя, и [от] разыгравшейся канонады?! Спустился до пола, остановился. Гробовая тишина. Воздух сырой, затхлый, прохладный. Вот бы были с собой спички (а он не курил и спичек не имел), осветил бы подвал, и всё бы было ясно – крутились мысли у него в голове. Шагнул по полу в абсолютной темноте, прислушался. Ещё шагнул – под ногами забрякало вроде полено. Ещё прислушался – тишина. Нащупал

какой-то ком, похоже на глызу[599] из кирпичей. Приспособился на неё сесть, а правой рукой начал шарить по полу, держа винтовку меж коленей. Под руки попала какая-то гладкая круглая палка.

Ощупывая её, Ваня понял, что это кость от ноги человека. Как она сюда попала?! Пошарив подольше, он нащупал что-то вроде рёбер. Шарить больше не стал, а стал вглядываться в темноту и, не зная, куда двинуться, спросил: «Кто здесь есть живой?» Вопрос слабым эхом отозвался в гробовой тишине, а тишина снова воцарилась, и Ваня досадовал было, что не выполнил распоряжение ротного – отпустил людей, не узнав, кто такие и куда идут. Снова сел на камень и стал думать, а сам наводил уши в темноту.

Пойти в роту? В темноте не видно [дороги] и следов[600]. Прислушиваясь к канонаде с улицы, он заметил, что пушки стали бить реже, но зато винтовочная и пулеметная стрельба стала интенсивнее. «Скоро, наверное, наши сделают бросок, надо идти»,– и тотчас же услышал, [что] в глубине чёрной бездны что-то пошевелилось. Ваня схватился за винтовку и вскричал:

– Кто там? Выходи сюда!

Ответа не последовало. Повторил ещё – снова молчок. И только когда Ваня, обращаясь как бы к своим, сказал:

– Братишки, здесь под церковью люди, спускайтесь ко мне!

И в темноте в углу чиркнула спичка. Свет в темноте ярко осветил двух мужчин, а третий, похоже, сидел за ними на полу. Во входной лаз под церковь уже начал пробиваться свет. Ваня ещё раз повторил, но более мягким тоном приказание:

– А ну, подойдите ко мне, чего испугались?!

В полутьме [они] затаились и подошли к Ване, заговорили наперебой один за другим на своем румынском языке. Ваня ничего из их объяснений так и не понял, кроме «братиш, Русь, Румыня». Показывали на измокшую на себе одежду, да и показывают знаками, что идут в Галац. Оружия с ними Ваня не обнаружил. Все трое видно, что старички. Одеты по-штатскому, и он указал им рукой на выход. Румыны зашлёпали, поднимаясь по ступенькам. Ваня, проводив их глазами, решил осмотреть подвал и увидел на полу в хаосе разбросаны человеческие кости от захоронений и тут же увидел разбитые мраморные доски, выбитые из отверстий ниш. «Кто же разорил захоронения? – пытался Ваня раскрыть тайну.– Наверно, или сами румыны, или наша братва искали ценности,– думал он, и тут же ему пришла мысль: – а может быть, эти «друзья» за этим под церковь приходили?

Он вышел из подвала. Дождь как будто прекратился, и лишь изредка с порывом ветра мелким бисером, как из пульвиратора[601], обдавало лицо. Вдали по дороге, в направлении к станции Барбош в утренней мороси чуть виднелись фигуры трёх человек. На огневых позициях всё ещё было неспокойно: разрядятся пулеметные

[599] Глыза – мёрзлый ком земли.

[600] После слова *следов* вписано: *и не попасть на ход сообщения, хотя ротный перед выходом и рассказывал о каких-то кустах.*

[601] Так в документе, правильно пульверизатор – прибор для распыления жидкостей струёй воздуха или пара.

очереди, а в промежутках между очередями, как лай дворняжек, слышатся редкие винтовочные выстрелы. Небо всё ещё было затянуто истощёнными тучами. С крыши церкви на землю всё ещё капали крупные капли дождя. Ваня вышел на дорогу, по которой прошла ночью рота, и, вглядываясь в следы, уже слегка размытые дождём, двинулся по дороге к повороту налево и ходу сообщения. Ветер дул ему прямо в лицо. Откуда-то по ветру издалека слышался гул, похожий на артиллерийскую канонаду или сильную надвигающуюся грозу, но грозовых туч опять же не видно. Он шёл, изредка останавливался, прислушивался, но понять не мог.

Слева на дороге по ходу сообщения он увидел две движущиеся фигуры солдат, направляющихся на дорогу. Подойдя ближе, он увидел, что они на носилках несли стонущего раненого. Раненый солдат с окровавленным плечом упрашивал санитаров:

– Братишки! Оставьте меня! Ох, смертоньки!

Ваня направился по ходу сообщения им навстречу, но остановился, чтоб пропустить их. На стоны и просьбы раненого санитар рыжебородый уговаривал:

– Потерпи, братушко, до кустов донесём, там фершал[602] перевязку сделает – полегчает.

Пройдя их, Ваня подумал: «Тяжело бедняге, даже зубами скрипит. Видно, невыносимая боль! Вот ведь солдатская участь! А за что?.. Останется калекой, а выживет ли ещё?! И не в честь, не в славу, да ещё на чужой стороне!», а справа, где-то вдали всё бушевала артиллерийская канонада. Этот ход по взгорке к реке Сирет[603]. Пройдя реку, снова пошёл по ходу сообщения, но более глубокому, почти до колен. В окопе накопилось перемешанная с землёй вода. Эта грязь чуть-чуть не заливалась за голенища сапог. Пришлось идти более осторожно. Дошёл до второй линии окопов и встретился с солдатами.

Солдаты шанцевыми лопатками исправляли ход завала от разрыва снаряда.

– Куда, братишко? – спросил один из них Ваню.

– К своим,– ответил он.

– Мы все здесь свои, немцы – вон там,– махнул он лопаткой в сторону немецких окопов.

Ване даже неудобно стало, что он сказал «к своим», надо было сказать «в свою часть».

– Ну, перелезай, да пригнись – немцы по каждому стреляют,– проговорил тот же солдат.

– А вы же знаете, где расположилась вчера вечером прибывшая в пополнение рота? – спросил Ваня.

– А бог знает. Сюда приходят, а отсюда вытаскивают нашего брата! – с иронией ответил солдат, вытаскивая засосавшиеся сапоги из грязи.

На позициях стрельба вроде бы затихла, но в этот момент снова раздался с нашей стороны пушечный выстрел, и над немецкими окопами поднялся столб земли.

---

[602] Фершал – фельдшер по-украински.

[603] Река Сирет – левый приток Дуная.

– Вот дьяволы-артиллеристы! Расшевелят опять осиное гнездо! Не сидится им в укрытии за деревней Фольтешты[604]! Опять обороняюсь. Всеобщее наступление! Немцы-то лучше нас к нему подготовились! Головы поднять из окопов – целое же то число! – ворчал незнакомый Ване солдат.

И сбылись пророческие слова солдата: на один пушечный выстрел с нашей стороны немцы начали отвечать сперва редкими одиночными, а потом довели интенсивность до того, что и счёт потеряешь. Снаряды рвались и над расположением наших окопов и районных деревушек Филешты[605] и Фольтешты, нащупывая расположение наших батарей, укрывавшихся за холмами.

Ваня не стал задерживаться. Перескочив завал, направился шлёпать по жиже в окопе, то и дело всматриваясь за поворотом с хода сообщения на окопы второй линии окопов. Стрельба как началась неожиданно, так и закончилась. В загадочном перерыве перестрелки Ваня услышал впереди голос ротного Новожилова: «По местам!» Ваня понял, что, видимо, наше командование приняло стрельбу немцев за подготовку к контратаке и принимает соответствующие меры.

Уже во второй линии, минуя стоявших по интервалу, подготовившихся к встрече атаки немцев, он за изгибом окопа столкнулся с Новожиловым. Новожилов хуже, чем солдаты, весь обрызганный грязью, шёл по окопу как раз навстречу Ване и, увидев его, злобно сказал: «Где же ты пропадал?» Ваня подошёл к нему и хотел обо всём доложить, но Новожилов проговорил: «Я с тобой потом поговорю!» Ваня не ожидал, что ротный так на него пообидится, и стоял как осуждённый, даже неудобно ему стало перед солдатами, готовящимся на всякий случай принять на себя атаку немцев.

– Чёрт возьми, никак не устоишь и не посидишь, не отдохнешь на приступке! Всё раскисло, обваливается! Одним лягушкам да жабам хорошо в окопе-то! – ворчал незнакомый солдат, пытавшийся вытащить ноги из грязи и встать на приступок окопа.

Ваня пошёл дальше и вглядывался в лицо каждого стоявшего как на посту солдата, но знакомых по карантинным временам не встретил и решил спросить одного из солдат, где расположились солдаты нового пополнения.

– А ты што, из этих, што ли? – спросил солдат в свою очередь.– Чечас ничё не найдешь. Всё перемешал немчура! Мы вот сидели в первой линии – выжил! Заместо наступления-то отступать пришлось! Иди дальше, може, там найдёшь своих-то! Тут вот недалеко землянку немец разбил командирску, нашего ротного контузило – утащили, може, тут они.

В самом деле, у разбитой землянки Ваня встретил своих.

– Мы тебя потеряли! – подошли к нему его знакомые и рассказали, что тут произошло.

– С наступлением сумерек землянку придется восстанавливать,– вмешался в разговор какой-то незнакомый Ване молодой унтер-офицер с двумя полосками от химического карандаша впоперёк погонов.

---

[604] Фольтешты – деревня в окрестностях Галаца.

[605] Так названа деревня Филести, ныне посёлок при железнодорожной станции в окрестностях Галаца.

– Ежели немец даст, так восстановим,– ответил один из солдат.– А то вон как опять не до землянок будет и не до «всеобщих наступлений»,– сыронизировал солдат.

– Днём-то немец не пойдет в атаку, хоть он и бомбил нас. Это он только припугнул! Он ведь не дурак! – проговорил унтер и отошел [606].

С наступлением вечера Новожилов приказал из каждых пяти солдат оставить по одному в окопе для наблюдения за противником, а остальным заняться восстановлением первой и второй линий окопов. В число отобранных попал и Ваня.

– Поведёшь в передовые и как можно исправляйте, где что обрушено. Не стрелять и себя не обнаруживать. Ночь коротка, быстрей! – приказал ротный.

Ваня только тут понял, что Новожилов принял командование и той ротой, что осталась без командира. Передняя линия окопов тянулась ещё больше по заболоченному месту, нежели вторая. Пробираясь на передовую, Ваня то и дело предупреждал солдат идти как можно тише, не булькать и не чавкать завязающими сапогами. Над окопами с той и с другой стороны царила тишина, лишь всюду раздавалось громкоголосое кваканье лягушек, порой сливающееся в сплошной лягушачий ансамбль. В воздухе изредка хлопали поднявшиеся ввысь осветительные ракеты, и при их ярком освящении солдаты, пригнув головы, щурили глаза.

Передовая линия оказалась не опустевшей. Выделенные солдаты на сапёрные работы в окопах, выбрав удобное место для наблюдений, [видели, как] стояли солдаты.

[Солдаты], стоя [щие] почти на четверть в грязи и пытающиеся восстановить окопные приступки, неистово чесались, крепко вполголоса ругались, запуская свободную от винтовки руки то за шиворот, то за опушку штанов, прощупывая ещё одних солдатских злодеев-кровопийцев и, поймав под пальцами злодейку, покатав её в пальцах, обнаружив, где у неё черноглазая головка, где хвост, пахну [щий] словно [как от] земельно-пепельного, с неделю немытого лица, крепко выругавшись:

– <…> окопные! Парёж под мокрой-то одёженькой! Вот они и разгулялись на мокром-то теле! – и, прокатив злодейку с головы к хвосту, так, что не надо и ногтей, злодейка лопнула.

– Ох и жирная, робя, пра [во] слово, судорога была! – заключил солдат и снова забросил свой пятипалый бредень за опушку.

– Вот где ад-то, робя! – шептал он вполголоса, стоя перед остановившимися солдатами.– Тут и немец бьёт, лягуша орёт, вошь до костей гложет! Мать вашу, <…>! Што за жизня! Дома-то я Буланка в конюшню в мокро бываючи николи не поставлю, жалея скотину, а мы, гляди-ка, хуже скотины выходит, а?

– Будет, Герасько, нюнить-то! Донюнишь, немцы накроют, тоды и с вошью, и со всем [и] помиришься! – заметил соседний солдат.

Выделенные сапёры подошли к завалившимся от разрывов местам. Молча начали расчистку, бросая землю на бруствер в сторону немецких окопов. Быстро управились на двух участках повреждений, но только пошли дальше, очевидно, немцы заметили и застрочили из пулемета. Зацокали и зажужжали пули, как шмели.

[606] Далее авторский заголовок *Окопы*.

Ребята спустились с окопа в неповреждённые места, пережидая, когда стрельба затихнет. Как только стрельба замолкла, ребята было[607] приступили к работе, но тут к ним подошёл солдат, заметивший их, и заговорил шепотом:

– Чего вы делаете?! Не бросайтесь, немцы заметили и сейчас зорко смотрят за вами! Дайте им успокоиться!

И в самом деле, со стороны Брэиля то и дело по окопам скользили два луча прожекторов, а в свете, как яркие звездочки, загорелись летающие в воздухе насекомые – мошкара и бабочки.

К рассвету «окопная артель» дошла до второго намеченного хода сообщения и вернулась на окопы второй линии. Ваня, вернувшись, сразу начал искать ротного, чтобы доложить о работе и состоянии окопов. В восстановленной землянке ротного не оказалось. Солдаты сказали ему, что ротного вызвали к себе командир батальона, замещавший командира полка, подполковник Годило-Годилевский. «Ну Годило-Годилевский! Наверно, нерусский, скорее, поляк»,– подумал Ваня.

Ротный, прапорщик Новожилов вернулся и прошёл прямо в землянку. В землянке сидели двое – ротный и солдат Машкин. Ротный стоял у доски, приспособленной вместо столика, положив на неё планшет, Машкин делал уборку. Ваня подошёл к ротному, хотел было докладывать о разведке и проделанной ночью работе, но Новожилов, махнув рукой, сказал:

– Отставить! Машкин, выйди-ка из землянки. Надо будет – позову! – сказал он солдату.

Машкин, положив из веток сделанный веник, вышел за натянутую вместо двери палатку.

– Ну вот теперь докладывай, слушаю!

Ваня досконально доложил, как он обнаружил под церковью людей и куда они ушли, а потом доложил о ночной работе.

– В общем, остаёшься ещё отделённым в чине ефрейтора, а стрельбы испугался. Выходит, так? Да и порученную мной разведку не довёл до конца. Почему не осмотрел места, где люди сидели? Не узнал точно, что за люди и не попрятали ли они в углу оружие? Может быть, это были шпионы, а их здесь много? Вот и наше наступление сорвалось, потому что немцы знали об этом и приготовились к нему заблаговременно. Плохой, значит, ты и разведчик. Да, ты и меня, и друзей-солдат подвёл! По-прежнему – судить тебя надо! Ну да ладно – посидишь две ночке в секрете. Доложишь об этом взводному. А о ночной работе я сам проверил – работа выполнена. Вот так – можешь идти!

Хотя ротный на него не кричал, а наоборот – говорил вполголоса, но Ваня вышел как оплёванный. Горько ему было выслушивать упрёки и нотации от человека, которого он невесть почему-то уважал. Может быть, за то, что он попал в «их благородия» тоже из деревенских учителей, как и брат Павел! Не из «благородий»! Но как бы то ни было, он пошёл и доложил о нарядах.

Вечером, как только начало темнеть, взводный подошёл к Ване с каким-то незнакомым солдатом и сказал:

[607] Слово *было* вписано поверх строки.

– Ну вот, задачу знаете? Ты, Федягин,– обратился он к солдату,– уже в секрете бывал, знаешь тропочку.

– Как же, как же.

– Вот и пробирайся первым, а ты,– обратился он к Ване,– за ним. Да не скосить!

Секретники по ходу сообщения вышли на передовую. Ваня шел за Федягиным, шли оба молча. Дошли до места вылазки. У места вылазки стоял и неистово копался солдат.

– Чё, в секрет? – спросил он Федягина.

– Да.

– Ну, добро. Я тоже скоро вылезу. Ноги отекли стоять в грязи-то. Ни сесть, ни лечь.

– Ну, полезли,– сказал Федягин.– Ты только меня из виду не теряй, да осторожнее, ветки у кустов не ломай – сам знаешь,– сказал он Ване.

Солдат помог им вылезти из окопа. Ползли с остановками. Место заболочено, затянуто и травой, и каким-то мелким-мелким кустарником. Стрельбы ни с той, ни с другой стороны не было, и лишь осветительные ракеты порой нарушали ночной сумрак, да лягушки заводили свои хороводы. Наконец, Федягин остановился ползти и махнул рукой Ване. Прошло не больше получаса, как сзади за расположением наших окопов послышался непонятный шум. Тогда же со стороны немцев раздалось два орудийных выстрела, а за ними последовали разрывы снарядов. Два луча прожекторов тщетно водили своими лучами. Ваня понял, что немцы опять били по полотну железной дороги из станции Барбош. Ночь более или менее прошла спокойно. Перед рассветом секретчики подползли к своим окопам и обнаружили с храпом спящего солдата за бруствером, того самого, что вечером проводил их в секрет.

– Вставай! Будет спать-то, а то немец усыпит так, что не встанешь! – толкнув в бок солдата, проговорил Федягин.

Спустились в окоп и пошли с докладом.

День выдался солнечным. От палящих лучей в воздухе поднялся парёж. Хотелось спать, да так, что ни вошь, ни тревоги не смогли бы сломить этого желания. На желудке от этих кукурузных «пряников» мутно, но и чёрт с ним, а вот хотя немного бы поспать! Обалдеть, [как] приспосабливались: разбросив по сторонам ноги, наваливались спиной на стенку окопа и, упираясь на винтовку, дремали, да ещё как! Схрапнёт так, что от своего храпа проснется, пошарит рукой за воротом, за опушкой в штанах, почмокает губами – и опять поехал! Наука немудрая, а в грязь не сядешь, а так хорошо! Только порой у неопытных ещё коленки подкашиваются, нет-нет да на корточки сядет.

На вторую ночь Ване пришлось ползти первым. Сзади него на этот раз полз другой солдат – Василич, как он отрекомендовался Ване. Дополз Ваня до Федягиного ложева. Притаился, прислушиваясь, как будто всё тихо, только ошалелый противный хоровод лягушек нарушал тишину. Справа где-то далеко-далеко уши улавливали как будто одиночные винтовочные выстрелы, или уже ему мерещилось в тишине ночи. «А может быть, немцы что-либо мастерят в окопах»,– подумал он.

Но нет, из немецких окопов между кваканьем иногда прорываются незнакомые слова, но и у них как будто спокойно. А вот в одно время Ваня уловил со стороны немецких окопов раскатистый смех, да не одиночный; видимо, сошлись да анекдотами забавляются. «А что если и немецкий пост поползёт на нас? Ведь может же такое случится! Стрелять не велено, хорошо бы взять живьём! Хорошо справиться, ведь у них поползёт не один, затеешь возню – будет переполох. А может под лягушачий концерт переполоха и не слышно будет?»

Так бродили мысли у Вани, пока его не стал одолевать сон. Держа правой рукой винтовку за шейку ложи, подсунув её подле кустика, скрывавший его и положив голову на кулаки рук, он и в самом деле задремал, но вскоре проснулся, почувствовав от мокрой земли и травы холод. Прошлую ночь на его лежанке этого не было. И покажись ему, что винтовка у него лежит не по-уставному, взял и повернул её. От этой затеи Ваня обомлел и схватился обеими руками за голову, как бы пытаясь прощупать, цела ли она, да и вообще, есть ли она!

По телу всё ещё проходила дрожь. В чём же дело? Если б снаряд прилетел в голову, её бы не было. Разрывная пуля, что обычно применяют немцы, мозги бы выворотила, как у его друга Лыскова Стёпы. Отправил Ваня руку от головы и перед самыми ногами обнаружил тоже ошеломлённую жабу, у которой на спине, как на черепахе, холодные жёсткие корки. Жаба, одумавшись, прыгнула в сторону. Только теперь он понял, что ему такое грузное, противно-холодное прилетело в сонливое лицо.

– Вот же чудеса! А это я напрасно винтовку пошевелил, задел её, наверно, штыком или стволом,– заключил он.

Сонливость после его уже не тяготила, да и лягуши, видимо, нахороводились, как будто не так азартен стал их гомон. В этом относительном затишье Ване как будто послышался человеческий храп. «Неужели Василий заснул и отдыхает?» – подумал он. Начал больше прислушиваться. «Нет, как будто храп слышен больше со стороны немецких окопов. Ох, если б не эти проклятые лягуши! Да не может быть, чтоб тут где-то близко спит немец или австрияк»,– решил он, но всё же старался глубже всматриваться, особенно в моменты, [когда были] выпущены осветительные ракеты, но больше он не услышал ни храпа, а мелкие поросли кустарника и трава не давали ему возможности что-либо рассмотреть.

Перед рассветом, возвращаясь в окопы, Ваня обдумывал, о чём он будет докладывать, что слышал, что заметил за эту ночь в стане врагов и решил: «Явно слышал хохот и вроде бы человеческий храп, но о жабе, будь она трижды проклята, не скажу – ещё засмеют!»[608].

Спустившись в окоп, Ваня услышал разговор между солдатами, который его немало заинтересовал.

– Вот так-то ещё воевать можно, а то затеяли какое-то всеобщее наступление. Вот и получили по морде. Нахрен оно сдалось нам! Ещё мало солдат лежит кое-как захороненных: у кого рука торчит из земли, у кого нога, в боях. И лежат они, бедняжки,

[608] Далее авторский заголовок *Нужен мир!*

не в родной стороне! Да в этой Халта-Веденовской низменности! Похоронить их по христианскому обычаю немчура даже не дала. Вот какую почесть они завоевали!

– Чё и говорить! – вмешался другой.– Одно нам званье-то, братцы,– пушечное мясо да серая кобылка. Вот нас Николашко[609] и расторговал. Нас – румынам, а сколько ещё дивизий во Францию загнал умирать-то? Вот бы он всеобщее-то наступление вместе со своей <…>[610] да министрами здеся-ка и проводил, а мы бы подчинились!

– Верно, верно! – поддакивали другие, и кто чего фантазировал, какую бы сделать им кару: кто вносил предложение поставить, дескать, как нашего брата на глазах немцев среди бела дня ставили[611], поставить под немецкий обстрел под окопом и т. д.

Фантазируя[612], они с наслаждением[613] мечтали всё это осуществить за все их нечеловеческие фронтовые страдания[614], какие выпали на их долю. Один солдат слушал и не ввязывался в разговор, опершись на винтовку, что-то крепко думал, потом не выдержал и сказал:

– Брешете вы, я гляжу, братики, попусту! А я так вот о чём думаю: кто объявил войну – его мы сбросили. Это немцы знают, а вот всё же в нас вон как стреляют, голову не высовывай!

– А пошто, пошто стреляют, будто не знаешь? Пошто позавчера наши батареи начали ни с чего бить, да и ты, поди-ка, тоже стрелял?! А што, немец молчать должен, раз ты захотел всеобщего наступления?

– Стрелял ли я или не стрелял – об этом я сам себе знаю. А я вот о чём, братишки, думаю. Царя-то у нас не стало, и немец об этом знает, но он тоже не дурак – дерево-то мы свалили, а корни-то не выдрали! Вот к примеру: дома у меня в огороде выросла тополь. Откуда она взялась, и сам не знаю. Всё росла вроде бы, не мешала, а потом и соха не пошла – корнями огород запустило. Взял я её да и спилил, а она на другой год от корнёв побеги пустила, что и не рад стал. Вот так же и у нас с царём-то: его свалили, а корни-то остались. Нам бы, братишки, мир надо, а им – всеобщее наступление. Да, штобы нас устыдить, придумали «женский батальон смерти». Так ли я говорю? А немец чё – подай ему руку, он и стрелять не будет!

– А подай-ка руку – живо в плен заберёт! – возразил рассказчику другой солдат.

– Да не руки совать! Понимать надо, о чём говорю. Вот до всеобщего наступления тишина же была! Сами вылезли – ну и получили!

– По-моему, робяты, взводный идёт!

Ваня пошёл навстречу взводному и доложил о том, что слышал, а о жабе не сказал. Сказал и о хохоте в немецких окопах и робко упомянул якобы о слышанном им[615] храпе.

---

[609] Имеется в виду император Николай II.

[610] Вписано поверх строки *«Расп. Сашкой»* – очевидно, *«Распутной Сашкой»*.

[611] После слова *ставили* вычеркнуто *на окоп, кто перед*.

[612] Перед словом *фантазируя* вычеркнут союз *и*.

[613] После слова *наслаждением* вычеркнуто *как бы*.

[614] Слово *страдания* вписано поверх строки, в строке вычеркнуто слово *переживания*.

[615] Слово *им* вписано поверх строки.

– Ну, это и до этого было. Как нас, так и их сырость выживает из окопов,– заметил взводный.

После потуг «всеобщего наступления» на позиции установилось относительное затишье. После дождливой погоды солнечными лучами неимоверно жгло солдат в окопах. Подымалось душное болотное испарение. Солнце к разгару дня подымалось прямо над головой, и солдаты приспосабливали кто нательную рубашку, кто вещевой мешок вместо зонта, с нетерпением ожидая ветерка и ночной прохлады. Но и ночью в окопах радостей было мало. Ещё с вечера над окопами появлялась какая-то ядовитая мошкара, от укусов которой крепко нездоровилось. А вошь! Она тоже знает время, когда ей нужно выходить на промысел! Надеется, что солдат, изнурённый зноем, разбросится и ни рукой, ни ногой не шевельнет на её покушение. Ну, если б она была одна, может быть бы и потерпел солдат, но ведь их не менее сотни, да каких! *В полторы спичечных головки! А один из солдат даже хвастался, обещая поймать вошь в две спичечных головки*, только с уговором – вместе с хвостом.

– Да не хвастайся,– перебил его другой.– Такая вошь, она тихо бежит – всё равно в первый же забег проиграешь её.

– А я её и на бега не допущу. А у меня найдутся и рысаки-бегуны.

Ваня слушал такие разговоры и недопонимал, что за вшивые бега. Улучив момент, когда солдат-хвастун сидел на корточках, поставив винтовку к стенке окопа, расстегнув брюки, шарил обоими руками по опушке кальсон[616] и вытаскивал улов, тщательно его осмотрев, или клал в пустой спичечный коробок, а бракованных тут же растирал между большим и указательным пальцами, Ваня не утерпел и спросил солдата, для чего он эту пакость кладёт в спичечную коробку. Солдат не сразу ответил:

– Недавно, видно, здесь! Поживёшь – узнаешь. Вот, смотри! – и он открыл коробку с уловом.

Дно коробки было полностью покрыто вшами. От их беготни шумела коробка, но крупных, в две спичечных головки, вшей не было. Однако хозяин, поворачивая коробку с боку на бок, заметил одну бракованную:

– Пакость! Как ты туда попала? Супостат, подлюга! Знаешь, сколько здесь гнид насадит – тыщи. Мне таких не надо. Ростом не вышла, и бегунец из неё плохой! – сорвав с бровки травинку, он подставил её к ней под брюшко и, когда она уцепилась за травинку, вытащил из коробки, захватил между пальцев и после хлопка вытер пальцы об землю.– Вот каких я сажу: самцов, а не самок, вот они длинненьки, тоненьки, сереньки, а бегают бойко! – добавил солдат.

Но Ваня так и не понял, на что солдат ловит «бегунов», а спросить постеснялся, что такой окопной истины не знает – серяком[617] ещё назовет.

Ночью правее правого фланга окопов, занятых 40-м Сибирским полком, как предполагали солдаты, на участке румын снова вспыхнула перестрелка. Начальство ходило по окопам и предупреждало: «По местам! Будьте начеку». «Открывать огонь, только если немцы будут обстреливать!» – приказал Новожилов.

---

[616] Кальсоны – нательное бельё в виде штанов.

[617] Серяк – простой, грубый (лапотник).

А стрельба и в самом деле, как грозовая туча, надвигалась всё ближе и ближе к участку полка. И вот со стороны Брэила сперва на небе блеснуло вспышкой, и над окопами поднялся земляной столб, за ним другой, третий, и поднялась неожиданная катавасия. Полетели и ответные выстрелы с нашей стороны. Хлопали в воздухе ракеты, описав дугообразную траекторию, рассыпались искрами над землей. Зашевелили усами прожектора, ослепляя глаза солдатам. Тарахтели с той и другой сторон пулемёты. Отстреливались солдаты в сторону окопов противника по кажущимся фигурам, ожидая, что немцы вот-вот подымутся из окопов и бросятся на них.

Затишье пришло только на другой день к полдню, и пришло оно оттуда, откуда началась эта гроза. Солдаты рассуждали, что это румыны потревожили немцев, ну а они, наверно, подумали, что опять затевается это «всеобщее наступление». «Не сидится им, холерам, опять сколько побили да покалечили людей!»

В этот же день прибыли в полк солдаты-цингозники[618] из карантина в числе семи человек.

– Будь оно проклято, братцы! – говорил один из них.– Жевать-то эти проклятущие галеты не могу. Полон рот крови, десна распухли, зубы все шатаются! У [од] них ноги посинели, как головешки! Четверо без войны на тот свет ушли – отвоевались! А фершал силой только заставляет три раза в день по ложке хину [принимать]. Оглохли мы с неё! Тыщу раз горчее полыни! Вот, братцы, и лекарство, надумали людей глушить, окаянные! Луку да чесноку, фершал говорит, надо, а где их взять?! Человек с тридцать ещё там осталось, а нас вот вернули!

Ваня слушал и думал, что это ещё за болезнь – зубы шатаются, и кровь во рту, а солдат продолжал:

– А чё это, братцы, немец-то опять скалил зубы, суматошился? Мы у виноградника лежали, так думали: вот он пойдет в наступление, а, видимо, тоже боится. А новость-то слыхали?

– Какую? – все насторожились.

– Нам один солдат, оне стоят в Галаце, рассказал, вот новость дак новость!.. По приказу о всеобщем-то наступленье где-то у Черновиц[619], что ли, в наступленье-то были брошены женские батальоны смерти, поди, слышали о них?

– Ну, говори, говори! – торопили рассказчика, наострив солдаты уши и шаря руками кто за воротником, кто в опушке вокруг пояса, переминаясь от нетерпения с ноги на ногу.

– Так вот, их был целый полк, и командир-то полка, сказывает, тоже женщина, какая-то Маруська Петербургская[620], говорит, боевая. А солдаты-то женщины у неё

[618] Цинга – заболевание, предщставляющее собой поражение соединительных тканей, вызванное дефицитом витамина С.

[619] Черновцы – столица Герцогства Буковины (коронной земли в составе Австро-Венгрии), ныне административный центр Черновицкой области Украины.

[620] Имеется в виду Бочкарёва Мария Леонтьевна (1889–1920) – поручик, одна из первых женщин-офицеров русской армии, создательница первого в истории Русской армии женского батальона, Георгиевский кавалер.

набраны, всё бабы боевые, ну, как сказать – отлёт, бесшабашные, из монастырей да уличные, из весёлых домов, одним словом – бессемейные набраны добровольцы. Ни одного мужика в полку.

– Да разве можно мужиков им дать?! Верная гибель, что вы! То и дело, что им на муки не дали! – перебил солдат рассказчика.

– Так оно, так! – продолжал рассказчик.– Как в пословице говорится, если женщине захочется, то весь мир расхохочется.

– А я бы дак, ребята, пошёл к ним. Пусть бы замучили, подох бы, зная от чего, всё-таки не от пули! То ведь вот здесь-то я одинова[621] увидел женщину – сестру милосердия, и то она с прапором. Чичас в глазах она как на картинке у меня!

– Будет вам стонать-то! Рассказывай дальше о батальонах-то! – попросили рассказчика.

– У всех-то у них,– продолжил он,– на рукавах крест-накрест из чёрной материи наколен, кости сложены да череп с оскаленными зубами.

– Ох ты, продолжай!

– Значит, смерть нарисована. Ну вот, пошли они в наступление-то. Ох, чё, братцы, делалось! Ужасть! Сбили, грит, немцев с передовой! Нашим бы поддержать с флангов-то, так нет: попукали, попукали, а не поддержали. Так у них и захлебнулось наступленье-то! Побили ох как много немцы-то, братцы, да в плен позабирали!

– Ох ты, пошто же наши-то не поддержали? Ведь столько товару пропало! – перебил рассказчика тот солдат, который глазами облизал сестру милосердия.

– Товару, товару пропало! Тебе только о «товаре» и мысли! – возразил рассказчик.– А ведь они тоже люди, как ты думаешь?! Человеческая кровь пролита, да из-за нашего брата немцы теперь над пленными изголяются! Вот слушай и не перебивай больше!

– Ну-ну!

– А немцы-то де и вправду пленниц мучают. Выстраивают в одну шеренгу, раздевают догола, грит, молитесь – расстреливать будем, а сами фотоаппаратом – чик-чик! Да што-што – фотокарточки их снимков с самолетов по нашим позициям да тылам разбрасывают! Ишо чё на карточках-то надписывают: «Ай да русский Иван! До чего довоевался! Полюбуйся на своих солдат!»

– Изверги, варвары, подлецы! Ведь это бесчеловечно над безоружным человеком издеваться! Не знай как хто, а я дак пленного не стал бы обидеть, да ещё женщину. В бою – это дело другое.

– А ты видел карточки-то? – обратился обросший рыжей бородой солдат к рассказчику.– Может, пушка, мало ли чего наш брат с такой жизни не бредит?

– Нет, сам не видел. Тот солдат, грит, командиры отбирают у солдат карточки-то.

– А командир-то полка у них жив остался?

– А вот это невдомек мне его спросить[622]!

---

[621] Одинова – однажды.

[622] Вероятно, здесь описываются бои «Женского батальона смерти» в июле 1917 г. на Западном фронте у местечка Крево в Виленской губернии (ныне в Гродненской области Республики Беларусь).

И пошла гулять эта повесть по окопам, с языка в ухо. Пользуясь наступившим затишьем, солдаты разносили моментально всякую новость и разные бредовые выдумки по окопам. Особенно они интересовались слухами о родине, а их или умышленно власти не пропускали, или их совсем не поступало.

Толковали лишь о каких-то комитетах[623], а что за комитеты, и понятия не имели. Растолковывал всяк по-своему – кто с прикраской, кто с закваской. Газет не было, да и солдату не положено читать газеты. По вечерам слушали, как австрийцы или немцы пели, сидя в окопах, на непонятном языке свои песни или выкрикивали: «Русь, добро вэчар! Бросай война!» Пытались и наши перекликаться с ними. Пели песни, да так, чтоб немцам было слышно. Казалось, что и войны нет. Однако ракеты да прожектора всё ещё нарушали точную тишину. Даже лягуши с жабами отступили вправо, видимо, там им имеются более удобные хороводные места. Но солдаты уже знают, что они отступили лишь до следующего дождя. Конечно, чего им делать в просушенных окопах [под] палящим солнцем.

А вот солдату в окопах и при дожде плохо, и без дождя несладко. Хотя в окопах земля и подсохла, но воздух насыщен какой-то мерзкой, отвратительной гнилостью, вызывая головные боли. Некоторым становилось невтерпёж, и они, рискуя жизнью, начали в сумерках вылезать на чистый воздух, да так, чтоб при опасности повернуться – и в окоп. У немцев, как докладывали очередные наряды секретов, тоже в окопах, очевидно, было несладко: каждое утро секретчики докладывали, что ночами немцы с австрийцами вылезают спать из окопов. Кажется, и у нас, и у них дела пошли гладко. «Что там на участке румын – нет-нет да и бухают, то у нас благодать!» – переговаривались солдаты. Так ещё воевать можно, так нет: в одну из ночей в окопы натаскали противогазов.

Противогазы раздали один на пятерых[624], проинструктировав, как ими пользоваться. Заставляли одевать, причём предупреждали, что будто перебежчик сообщил о намерении немцев пустить на нас газы ядовитые.

– Ох, Господи! На кой мне чёрт эту обезьянью рожу да баклушу-коробку вашу! – не выдержав, некоторые солдаты срывали маски.

– И так дыху нет, а ещё этот обезьяний намордник! Да в нём, как наденешь, совсем дыху нет, аж глаза изо лба вылезают! – возмущались солдаты.

Ваня тоже одел, попробовал было как можно дольше не снимать, но не вытерпел, сбросил. За каких-нибудь десять минут у него под резиной вся голова оказалась в поту, воняло резиной. По окопам было объявлено, что если только кто зачует запах горючей серы со стороны немецких окопов или пойдёт при попутном ветерке чесночный запах – немедленно одевать противогазы.

---

[623] Имеются в виду солдатские (армейские) комитеты, созданные в соответствии с Приказом № 1, который был издан объединённым Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов (Петросовет) 1 марта 1917 г. во время Февральской революции. Выборные комитеты выбирались из представителей нижних чинов во всех воинских частях, подразделениях и службах, а также на кораблях, и контролировали действия военного командования, снабжение войск, контроль за оружием.

[624] *Один на пятерых* вписано поверх строки.

– [Г] осподи, батюшко милосердной, дак чё же это нас, братцы, били, били, дак што, как тараканов да клопов хочут морить! Серой-то горючей, я слыхивал, тараканов морят да клопов и двухвосток. Лутшо так умереть! – возмущались солдаты, бросив под ноги противогаз.

Один землянку приспособил для ознакомительного эксперимента: зажгли кусочки минеральной[625] серы, приводили по четыре человека, заставляли одевать противогазы и на десять минут вталкивали в землянку. Кто выдерживал положенное время, а кто и после пятка минут головой вышибал висевшие вместо дверей палатки и падал, растянувшись, в окопе.

Сорвав с пострадавшего противогаз, удивлялись:

– Смотрите, братцы, да как он не захлебался – полный противогаз наблевал. Залепил все клапаны! Тащите его подальше от землянки!

Следующая подведённая очередь, насмотревшись на пострадавшего, никак не хотел выполнять распоряжение командующего душегубной, и только когда вышли оставшиеся в землянке солдаты, сняли противогазы да сказали, что ничего страшного нет, только, правда, дыху мало, очередные начали одевать противогазы с уговором: «Плохо будет – выбежим!»

Всё перетерпели солдаты. Прошло уже с тех страстей с неделю, а признаков газа со стороны немцев не чувствуется. Мало того, даже днём и наши, и немецкие солдаты начали появляться над окопами, а стрелять и не думают. Вылезут и развалятся, как на покосе, бывало, у себя. У кого хранился противогаз, хранить его надоело, и он старался сдать товарищу:

– Я уж натаскался с ним, потаскай-ка ты, братик!

– Да на кой чёрт он мне! – отбивался другой.

– Не берёшь, а как газы пустят – не дам!

– А всё равно одним пятеро не спасёмся! Я уж, ежели что, так, как говорили – у кого нет противогаза, на полу шинели помочусь – да и на морду!

– Хорошо, ежели в те поры задумаешь мочиться-то!

Так противогазы и забросили бы, да владельцы противогазов по ночам приспособили их вместо подушек в изголовье.

Так и пошла позиционная жизнь. Жуют солдаты галеты. Скучают о родине, а с родины ни писем, ни каких вестей. Занимаются анекдотами, кто какие слыхал, а кто и сам да по-своему сочинял. Где хохочут, где спорят или рассказывают о своей жизни, как кто женился, как с молодухой первую ночку поспал, да кто чего, кто чего, а молчаливых да задумчивых-то то на смех подымали, то уговаривали.

А в одном месте Ване удалось раскрыть секрет со вшами, что солдат ловил да садил в коробку. Ваня заметил того задачливого солдата. Их было трое. Двое стояли в окопах на коленках, один против другого, а третий – то сбоку на ноги встанет, то на корточки присядет и хохочет над ними, размахивая руками.

– Смотри, смотри, Сашка, мой-от как рысью припустил! Все равно не перегонит!

---

[625] *Минеральной* вписано поверх строки.

– Перегонит! Вот те крест!

– Ха, ха, ха! – хлопая руками, заливался над ним обыватель.

Интересуясь, над чем солдаты хохочут, Ваня подошёл поближе и увидел: перед ним на положенных винтовках впоперёк положена шанцевая лопатка, сбоку у каждого – по коробке с наловленными «рысаками». В руках у каждого по тонкой травинке. На черенке лопаты две метки, поцарапанные штыком, стартовые. Между этими стартовыми метками мчались два «рысака», подгоняемые и подправляемые, если который рысак сбивался с дороги, травинками хозяев.

– А ну, ещё, ещё, милок! – тормошил своего рысака задачливый солдат, орудуя травинкой.

– Старт, Сашка, старт! Мой добежал! Здорово! – хохотали все, а Сашка с хохоту, травинкой погоняя своего рысака, сбил его с пути, и «рысак», скользнув по черенку, упал на землю – и тут же растёрт хозяином между пальцами.

– А мой-то, мой-то, смотри, Сашка, чечас на чисто поле выбежит! – Ваня понял, что у них за чистое поле – перо лопатки. Но напрасно хозяин-победитель торжествовал: «рысак» добежал до черенковой трубки, пользуясь щёлкой на черенке лопатки, нырнул под трубку.

– Ах, подлец! Спасся! А я бы, Сашка, этим «рысаком» всех твоих «рысаков» уничтожил! А всё равно, Сашка, раз мой добежал до стартовой линии. Вытаскивай своих пяток и клади их на любое место!

– Каких пяток! Я уж одного уничтожил! – возражал Сашка и травинкой ловил в своей коробке «рысаков» и клал на перо лопатки и тут же казнил.

– Пяток, пяток, Сашка! – протестовал задачливый игрок.

– Только четыре! Ведь мой-то упал после того, как твой перебежал уже стартовую. И не упал если бы, мы его бы всё равно казнили? – оговаривался, протестуя, обратился Сашка к наблюдавшему, видимо, игравшему роль судьи солдату.

Четырёх казнили и на этом поставили точку, а судья на земляной стенке окопа черкнул пятую черточку победителю. У Сашки на стене их было всего две.

– Ну, давай снова новых ставить на кон.

– Ну, давай,– согласился Сашка, и начали, перетряхивая коробки и выбирая более резвых.

– Ставь, Сашка, чтоб подкованный был, а то опять будешь спорить,– предупредил соперник Сашку, а сам взял лопатку и показательно осмотрел черенковую трубку, взял комочек земли, плюнул на его, размял в пальцах и залепил щелку.

– Ну, ставим!

– Обожди, я ещё не выбрал!.. Ставим! – вытащили по штуке и насадили на перо лопатки.

– А, ну чё, очумел на свету-то?! Начинай разминку! – каждый подшевеливал травинкой своего «рысака», а те не сразу приступали к разминке, и когда забегали их «рысаки», раздавалась команда: «На старт!»

Подхватив травинками, пересадили на черен у черты, и снова началось. Как ни смешна была у солдат затея, Ваня отошёл от них с горечным осадком на сердце.

«Вот где заживо гниёт человеческая жизнь, а в угоду чего?! – думал он.– А всё эта проклятая война! Жили бы дома эти обречённые люди, любовно трудились. Не о них бы заботились, а о своей домашней скотине. Да, в общем, о вшах-то и нет заботы: они и без заботы заедают здесь нас,– передумал он.– Ну а чем же тогда в этих проклятых рытвинах заняться, может быть, многим обречённым на смерть солдатам? Хоть бы книжки какие были, даже старые школьные учебники!»

И вспоминалась ему из них дивная зубрёжка: «Ограниченная часть пространства называется геометрическим телом; границы, отделяющие тело от остального пространства, называют поверхностями тела; границы при пересечении поверхностей образуют линии и носят название линий; участки пресечений линий образуют точку; точка не имеет измерений»; или – «Наука есть собрание всех отраслей знаний, происходящих над явлениями в течение нескольких поколений»; или – «изучить природу – значит найти связь между совершающимися явлениями и найти причину, вызывающую их».

Да где-то нашему серошинельному брату, разве разобрать при занятиях со вшами причину войны?! Убийство в Сербии герцога? Нет, не то. А если то, то убийство миллионов, вот этих тлеющих и потешающихся вшами людей, не вызовет какое-либо связующее явление?! Ведь вот вызвало же: слетел с трона Николка! Слетел! Вызовет и ещё! Явление от явления! Правильно – истина! Эх, где же братан Вася?! Ведь если бы не война, мы бы с ним закончили учебу в Мариинском Посаде! Делали бы телеги, тарантасы не хуже камбаряков! Неужели это сбылись язвительные напутственные слова Наськины в селе Бурец: «Чтобы вам заблудиться!» Не может быть, не верю! Да и где же братики Павел, Пётр? И в чем дело, ведь как Пётр, так и Вася где-то вот здесь, рядом, а голоса не подают! Вася где-то вот здесь, а голоса не подает! Тоже, наверно, явление от явлений! Но всё равно мы, были бы живы, встретимся. А может быть, и шинели сбросим! Ведь в своём сочинении стихоплетства, когда-то ещё сочинённом несколько лет назад, мечтая, писал, озаглавив его «Мечты»:

Мечты

Куда ж вы скрылись, ночи теплы
И дни привольности земной?
На смену идут ночи грозны
И дни с былою порошой.
Видать, не быть уж летних грёз,
Не возвратятся чудны дни:
На дни осенние с тревогой,
Моя особа, погляди!
Пожелтевший лист валится
На подножие цветов.
Трава не скошена, клонится
Под снежной уже покров!
Одет я в самую шинельку –
Солдат я, юноша младой,

Ввязался я в судьбу несчастну
И горе мычу год, другой!
И впредь не вижу я отраду.
Родные плачутся по мне,
Все ждут родного сына Ваню,
Но он – в далекой стороне.
Ах, где ж тот день, в который сброшу
Я эту серую шинель,
Когда отпустят нас на волю
В объятья матери своей?!..
Дни кочечками катятся
Куда-то в бездну мирову,
И все с невольностью стремятся,
Теряя жизнь свою злату.
Куда вы скрылись, ночи теплы
И дни привольности земной?
Скользим мы все. Прощайте, братцы!
И очи брызжут уж слезой!..

«Да, мечты, мечты, где ж[626] она, ваша[627] сладость?»[628] – вспомнил Ваня где-то прочитанное изречение. «И что за абсурд,– думал он.– А хоть как теперь мечтай. Загнали нас на эту бойню, а спросить, кто здесь гниет, нужна ли она ему?! Даже спросить бы прапорщика Новожилова, и тот, как говорят, деревенский учитель, наверняка скажет: не нужна! Ну вот нас, когда в тылу муштровали, вталкивали в голову, из-за чего вспыхнула война, говорили: “Войну начали немцы из-за желания захватить все наши лучшие славянские земли, моря и торговлю и сделаться господами всего мира”. А что бы сказал немецкий солдат, спросить бы его, нужна ему наша земля, наши моря да торговля? Да и чем бы стали торговать мы и они? Разве лаптями! Ведь те, кто мечтает о землях, морях да торговле, не сидят в окопах, не кормят вшей, а наоборот: не только в беде от войны, а с радостью наживают богатство от этих бед, крови и слёз!..»

И вспомнился ему семейный вечер, когда они читали статью Плеханова «Очерк о войне». Хотя было это давненько, но статья врезалась в память, особенно те места, где Плеханов ярко вскрывал махинации купцов, торгашей, наживающих барыши на народном горе. «Прав, Плеханов, прав! – заключил он в тяжёлом раздумье.– Значит, у него не наша голова, и разбирается лучше нас в вопросах – “явление от явления”!.. А мы – как бараны, выгнали нас с крестным напутствием под сладостное пение монастырских монашек, ну и бей врага! Верно – “серая кобылка”, пушечное мясо в изгнании, вдали от родины!» Так его мысли, воспоминания натолкнули на его, хотя аляпо составленное им ещё в первый год военной службы, стихотворение под

[626] *Где ж* вписано поверх строки.
[627] *Ваша* вписано поверх строки.
[628] Искажённая цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Пробуждение» («Мечты, мечты, где ваша сладость?..»).

заглавием «Изгнанник». «Вот оно и осуществилось! Напророчил сам себе!» – и он как бы начал, перед кем-то вспоминая, декларировать[629] его:

Изгнанник

К тебе, судьба моя, покорно
Несчастну голову клоню,
Не оставь нас одиноко,
Внемли, скажи, что пощажу!
Идти я дальше не решаюсь –
Нет впереди пути, следа.
Спираль дней жизни поднимает
Куда-то в бездну всё меня!
Уж красу юности оставил,
Давно лишился я её.
И вот из грозной чаши жизни
Облито сердце бедное!
Прости, несчастное творенье,
Прости невинну сироту,
Мой след, оставленный за мною.
Судьба моя! Тебя прошу!
Я чужд и странен в этом мире,
Я как щепа была во льду.
Растаял лёд, и вот на лоне
Великих волн с волной лечу.
Родные есть, страна родная,
Но они далеко от меня.
И вот вместо них меня лобзает,
Несет меня моя волна!
К тебе, судьба моя, покорно
На сердце с жёлчью подошёл.
Звезда моя, мой спутник жизни –
Кем и чем я обольщён!
Презренный миром, одинокий,
Гонимый бурною волной,
Невольно за тебя хватаюсь,
Судьба моя, спаситель мой!
Веди меня, куда ты знаешь.
Я не противлюся тебе,
Ведь ты – не лёд и не растаешь,
И не оставишь на мели.
Летят дни, летят и годы
Средь обыдённщины чужой.

[629] Так в документе, правильно *декламировать*.

Но эти пройденные тропки
Вспоминаются с слезой!
К тебе, судьба моя, покорно
Я в объятья отдаюсь,
Меня не греет уже солнце
И не ласкает его луч.
Я не вижу и ласки неба
Среди сердитых морских волн.
Тут рёв, тут стон, безумства сцены
Волны с волной, досады полн!

Процитировал и подумал: «Хотя я и не поэт, но сочинял я так, как моё сердце стучало! А разве я один здесь? Вон нас сколько судьба забросила! О боже!.. И скоро ли всему этому конец?..»

– Ты чего это, братишко, задумался, стоишь и чего-то шепчешь, губами шевелишь? Аль тятьку с мамкой вспомнил? Аль житуха плоха? – спросил Ваню неожиданно подошедший к нему солдат, в котором Ваня узнал партнера заядлого игрока в «рысаков».

– Да так, думки ходят о том о сём,– ответил Ваня и в свою очередь спросил: – А вы сегодня что – «рысаков» гоняли или ещё будете?

– Не знаю. Спорить любит он, хвастаться. Вот, дескать, я на Украине хорошо жил у хозяина-коноводчика. Каких он только кровных лошадей не разводил! А мы ухаживали, поили, кормили, чистили, и объезжать мне хозяин доверял! Люблю лошадок! А гонки! Эх, ты меня, дескать, не понимаешь. Я ему возьми да скажи, почему, мол, лошадей любишь, ездишь хорошо, а служишь во вшивой [пехоте]? Ну и понёс он меня! Так мне и не хочется с ним возиться. У меня есть и кроме него друзья. Ты, братишка, не слыхивал: чё-то поговаривают, будто тихомолком у нас в полку комитет хотят выбирать, да такой, что и командир полка неволён будет?

– Что-то не слышал.

– А я вроде слышал. Ведь уж навоевались, хватит. И немцы-то, по-моему, тоже согласны шабашить. Ведь до чё дело дошло: ране из окопов головы не высунешь, а теперь по ночам все австрияки и немцы, вылезши, спят вповалку наверху. Да и мы – глядя на них, и никто не стреляет! Я думаю, замиренье скоро будет, не так ли?

– Вас, кажется, звать Сашей?

– Да, да, Сашка!

– Как будто, и ты войне не особо рад. Вот я и стоял, как ты сказал – губами шевелил, о том же и думал,– ответил ему Ваня.

Однако не так много прошло таких блаженных, спокойных ночей как для немцев, так и для наших солдат, мечтавших о скором замирении. Мирную обстановку, как после шли разговоры между окопными, спровоцировал командующий полка Годило-Годилевский. Пользуясь тем, что по ночам немцы, не чувствуя опасностей, укладывались спать, вылезши из окопов, он, договорившись с артиллеристами, огнём артиллерийским [решил] уничтожить их. В эту роковую ночь по нашим частям свыше

поступило предупреждение – ни в коем случае не вылезать из окопов, так как в эту ночь немцы пойдут в наступление.

Солдаты насторожились, недоумевая, но предупреждение предупреждением. Не взвились в воздух сигнальные красные ракеты, как условный сигнал открыть огонь артиллерии, а разом в эту тихую ночь четыре наши[630] гаубицы нарушили покой ночи, да не одной, а ещё день и ночь рвались снаряды, строчили пулеметы, стонала земля. Всем было понятно, что сперва наша артиллерия нарушила установившийся покой. Непонятно, в чём дело. Видимо, предупреждение было сделано своевременно, но немцы засыпают снарядами окопы, беспрерывно строчат из пулеметов, но не бросаются в атаку.

Опять какая-то загадка. Новые жертвы с той и с другой стороны. Погиб Сашка, мечтавший о скором замирении. Утащили полуживым украинца – командира взвода – во вторую линию окопов. С полной тревогой обходил своих солдат ротный Новожилов, предупреждал, чтоб были готовы. К чему, не договаривал. Проходя мимо Вани, что-то сказал ему, но Ваня в грохоте канонады так и не расслышал, а пойти за ним переспросить так и не решился. Вроде бы что-то он сказал, за чем-то следить, да вроде что-то упомянул ещё[631] про отделение. Стоял он и старался разгадать, что приказал или просто что-то сказал ему ротный.

– Вот здорово – наши-то орудия начали, да и заглохли, а немец нас молотит да молотит, сносу нет! Видно, он наперёк задумал вправду наступать? – спросил Ваню рядом стоявший молодой солдат Юрков.

Ваня не скоро собрался ответить, да и что он знал про то, что происходит и чем кончится. Опять трясти в мозгах «явление от явления», пожалуй, так оно: начали перерывами, а духу не хватило, ну и получили по зубам.

– А чёрт знает, что случилось! Я и сам не пойму! – ответил Юркову Ваня.

Солдат что-то ещё хотел сказать, но с захлёбывающим рёвом сзади окопа шлёпнулся шестидюймовый «поросенок». Посыпалась сверху в окоп поднятая взрывом земля. Загудело, зашумело в ушах. Пальцами начали трясти в ушах, чтоб вытрясти глухоту.

– Больше, Юрков, сюда немцам не угодить,– отряхивая землю с себя и пиная сапогом от сотрясения частично обваливающуюся землю задней стенки окопа, [сказал Ваня].

– Уж не газом ли немцы задумали нас морить? – спросил Юрков.

– Да ну, не может быть! Ветерок-то не в нашу сторону,– отозвался Ваня.

Пережили солдаты и эту свалившуюся на их головы бурю. Поработали снова передохнувшие в период затишья санитары. Наступать, видимо, не решалась ни та, ни другая сторона. Тревожные, беспокоящие по ночам выстрелы раздавались всё реже. Одиночные выстрелы бывали иногда вперемешку с пулемётной очередью. Прострочит пулемёт, прошумят, как шмель, со свистом пули над головами – и снова стихнет, но настороженность ни с той, ни с другой сторон всё не умолкала, и в воздух

[630] *Наши* вписано поверх строки.
[631] *Ещё* вписано поверх строки.

в ночной тьме то и дело взвивались осветительные ракеты, да обливали ярким лучом света прожектора, освещая линии окопов.

Ваня ещё перед этим переполохом почувствовал, что у него с дёснами что-то творится неладное. Между зубов снаружи и изнутри во рту появились островерхие болезненные кровоточащие соски у дёсен. При обсасывании дёсен со слюной выплёвывалась кровь. В сосках и дёснах чувствовался зуд, зубы можжали[632]. День ото дня становилось хуже. Особенно мучило после еды. Даже размоченную галету без боли и крови не откусишь, а рассасывать её кусочком во рту ещё хуже. Первые дни он всё же не падал духом. «Не может быть, что я заболел цингой. Вот у цинготников-то – так ноги в синих подтёках, а у меня ведь нет!»

Однако, сколько он не утешал себя, а дело дошло до того, что стало можно питаться лишь одной водой, да и зубы в роту начали пошатываться. Пришлось о здоровье доложить ротному Новожилову и с запиской от него дойти до полкового фельдшера:

– Пойдёшь обратно в роту и отдашь эту записку ротному. На обороте я ему написал.

Ваня взял записку и было направился к ходу сообщения, как фельдшер его окрикнул:

– Подожди, как тебя зовут-то,– и он взглянул в тетрадь своих записей.– Деськов, что ли? На-ка, выпей порошка! – и он зачерпнул столовой ложкой из стеклянной банки белого порошка, подал Ване ложку с порошком и с полстакана воды.– Сыпь весь порошок в рот и запивай!

С трудом Ваня справился с этой горько-полынной дозой, а пройдя от фельдшера сажён с десяток, оглох. В ушах поднялся такой шум, что, казалось, лопаются перепонки. Зайдя в ход сообщения, приостановился, стараясь выплюнуть одолевавшую напитанную горечью слюну. «Что за отрава! Хоть бы запивать дал подслащённой воды!» – подумал он и направился до ротного. Подал Новожилову записку с резолюцией фельдшера. Новожилов прочитал и, улыбаясь, сказал:

– Сдай во взводе винтовку, патроны, противогаз – и пойдёшь на лечение в карантин. Скорбут[633].

Ваня после порошка не понял, что сказал ротный, и стоял перед ним в недоумении. Новожилов понял, в чём дело, и повторил распоряжение, добавив:

– Сдашь оружие и иди к этому же фельдшеру. Он тебе скажет, куда идти.

Фельдшер сидел у своей землянки на чурбаке и переписывал или проверял какой-то список. Увидев вернувшегося солдата, проговорил, не отрываясь от списка, сказал:

– Ну как, маленько слышишь? – и не дожидаясь ответа, продолжил: – Пойдёшь в карантин. Знаешь, где это?

– Знаю, у села Барбош,– ответил Ваня.

– Нет, теперь не у Барбоша, а у деревни Филешты. Станцию Барбош пройдёшь. Знаешь её?

[632] Так в документе, имеется в виду слово *мозжить* – болеть.

[633] Скорбут – устаревшее название цинги.

– Знаю.

– Ну вот, пройдёшь её, иди все к городу Галацу. Дорога пойдет от станции на возвышение, ну вот тут, вправо от дороги, пойдут виноградники, смотри тут в винограднике солдат. Тут и располагайся. Под вечер я к вам приду.

Вышел Ваня на дорогу, по которой Новожилов вёл роту на позицию. Подходя к тому месту, где ротный дал ему указание выяснить, что за люди бродят, он решил заглянуть под церковь. День был солнечный, жаркий. Спустившись под церковь, ощутил подвальную прохладу. В боковые, решётчатые, без единого стекла окна пробивался дневной свет. Перед глазами раскрывалась ему та же картина: ниши захоронений все разбиты, пол устлан человеческими костями; кости разбросаны так, что при желании не разберёшь и скелета. «Наверно, богатых с драгоценностями да вишь с каким почетом хоронили, не то что нашего брата. Как и нашего купца Семёна Романовича в селе под церковь перед правым алтарём положили»,– думал Ваня, направляясь на то место, где скрывались в ту ночь румыны.

Осмотрев то место, и не обнаружив ничего особенного, вышел из-под церкви. Постоял, поглядел в сторону окопов, стараясь рассмотреть тот участок, где расположена рота, но так и не определил того места из-за зарослей мелкого кустарника. Вышел на дорогу и направился к месту назначения. Спустился к станции Барбош. Дошёл до виноградников, а они тянутся и по правую, и по левую сторону дороги, идущей на Галац. Прошёл деревеньку Филешты, расположенную на взгорке по левую сторону дороги.

Кусты виноградника были в рост человека и посажены рядами в расстоянии около метра между рядами. Каждый куст подвязан к кольям. Подымаясь по пологому склону и всматриваясь в виноградник, он увидел вдоль по грядке лежавших, вытянувшихся в нитку трех солдат. Осторожно, чтоб не повредить кустов, он[634] подошёл к солдатам, поздоровавшись с ними, спросил:

– Здесь ли карантин?

– Чё, пополнение? – на вопрос спросил встречно пожилой солдат лет 35[635] с рыжей, постриженной бородкой, раскинувшись в тени между зарослями.

– Давай, располагайся за компанию. Будь оно проклято – лучше в окопах сидел бы, чем заживо здесь гнить. С голоду подохнешь, жевать нечего, без крови не пожуешь! Только и глушат этой проклятой хиной целыми ложками! Глухота одна, а пользы нет. Долечили – зубы вылезли, ноги посинели! Вон,– показал он на висящие зелёные над ним гроздья винограда,– взял бы, пососал, дак крови только насосешься, а жевать – зубы не терпят!

– Где у вас здесь старшой или командир? – спросил Ваня.

– Какой командир! Вот к вечеру придет фельдшер, он и командир! Придет, по ложке хины каждому даст выпить, глухарём сделаешься! Ты ещё не пивал её?

– Пил. Фельдшер давал.

---

[634] После слова *он* вычеркнуто *ста*.

[635] Автор подчёркивает разницу в возрасте между ним и остальными солдатами, многим из которых было около 20 лет.

– Вкусна, браток?

– Ну и вкусна!

– То-то оно! По списку фершал кликает. Никого не пропустит да заставляет при нём же и выпить. Даже в рот тебе заглянет – всё ли проглотил, не спрятал ли за щеку. Ну и чума же привязалась, будь она проклята! Говорят, лук и чеснок надо есть, а где его в Румынье возьмёшь? Братишки, у кого ноги ходят, так ходят к Сирету с кустов кору сдирают да мусолят во рту. А я уж, видно, отходил! Глянь-ка, как у меня посинели ноги-то! А ты не запасся корой-то?

– Нет, я этого не знал.

– Ну, може, пойдёшь – гляжу, ноги-то у тебя идут! Да иди, располагайся! Выбирай, где гуще листов. Днём-то жаримся, а ночами в кучу от холода сбиваемся! – говорил солдат посиневшими губами, переводя серыми ввалившимися глазами то на Ваню, то упираясь ими в синеву неба своими грустными безразличными страдальческими глазами.– Тело от грязи чешется, да и вошь, проклятая, совсем заедает,– сказал он вслед уходящему Ване.

Прошёл Ваня подальше вглубь виноградника и всюду встречал валяющихся, как поросят, поражённых цингозным заболеванием. Выбрал также укромное местечко и лёг, погрузившись в думы. Недалеко от него, растянув на коленки шинель и бельё, лежал тоже цинготник и, не обращая внимания, пел вполголоса:

Трансвааль, Трансвааль, страна моя!
Ты вся горишь в огне!
Под деревцом развесистым
Задумчиво сидел.
О чём задумался, детина,
О чём горюешь, седина?
Горюю я по родине,
И жаль мне край родной.
Сынов всех девять у меня,
Троих уж нет в живых,
И за свободу борются
Шесть юных остальных.
Мой младший сын в двенадцать лет
Просился на войну,
Но я сказал, что нет,
Малютку не возьму.
Однажды при сражении
Отбит был наш обоз,
Малютка на позицию
Ползком патрон принёс [636].

[636] «Трансвааль, Трансвааль, страна моя…» – песня, созданная на основе стихотворения Галины Галиной.

– Чё, тоже отвоевался, вояка?! Устраивайся, как я. Компаньоном будешь! Песни поёшь али жизню клянёшь? Я, видишь, то и другое умею. Ложись поближе, всему научу! Не всё ли равно, что на позиции гибнуть, что здесь гнить. Нас ведь здесь не меньше хорошей роты! – Ваня слушал говоруна-солдата и присматривался, где бы облюбовать местечко.

– Из какой части? – спросил его говорун.– Ну, я тоже из сорокового. А ты не слыхал, говорят, полковник Годило-Годилевский одночасно скончался!

– Да что-то говорят так, но точно не знаю,– ответил Ваня.– А вот так нашему брату не докладывают, слух-от есть. Москвич он, говорят, туда и телеграмму, дескать, жене послали. Вот почтари-то и проговорились.

– Ну, по фамилии-то он, по-моему, не русский и едва ли москвич. Поляк, наверно.

– А думаешь, в Москве не живут иностранцы?! Да в любом городе их найдёшь.

– Пожалуй, ты прав,– согласился Ваня.

– Так оно, так. Вот с немцами воюем, а немцев у нас в России тоже полно. Оне у нас работают то колбасниками, то заведенья какие-нибудь содержат, то торгуют, как евреи. Наживаются теперь от войны-то, толкают нашего брата под пули. Да вот возьми бывшу-то блоху <…> царицу. Тожо германка оказалась и жила-то с Николашкой в Петербурге. Дык, подумай, чё от войны-то ждать. Всеобчё-то наступленье разве наш брат-солдат придумал, да те же предатели, чтоб положить ещё тыщи нашего брата за один день. Вот и Годило-Годилевский устроил побоище. Хотел поколотить немцев, а оне, оказалось, больше нас поколотили. Не так ли?

– Не знаю. Мы в окопах не поняли, в чём дело,– ответил ему Ваня.

– А вот знай! В общем-то наступлении Годило-то-Годилевский, слышно было, шибко потушился, да полковой комитет его обуздал. Вот он и устроил – хотел из пушек побить вылезших из окопов немцев. И тут тоже не было бы убийства, да наш полковой комитет проглядел. Слыхал, поди, про полковые-то комитеты? Оне ведь теперь выше енералов. Енералы прикажут, а полковой комитет ещё посмотрит, правильно ли. В окопах-то вам кто чё скажет, а нам-то штабники-то, кто по дороге мимо из Галаца идёт, кой-чё раскумекают. Ну, ежели правильно, что Годило помер, может, дело к миру пойдёт.

– Хорошо бы! – ответил Ваня, подгребая сапогом опавшие листочки да веточки с виноградника, чтоб не на голой земле лежать.

Увидев висящие кисти зелёных виноградных лоз, он начал пересчитывать виноградинки, но солдат заговорил:

– Чё, поесть хочешь? Попробуй, попробуй – не завоешь ли с этой благодати! Я, как нас сюда перевели с Барбоша, так же обрадовался, думал – вот поем этой благодати, а ведь раскусить не мог, зубы не дали. Ране, бывало, хошь какой орех в зубах – только хруст, а вот тепереча и ягодку не раскусить. Пробовал сперва раздавить, да и в рот – нет, помусолишь языком в роту, проглотнёшь, а зубы-то, мать родная, после этого ни спать, ни песни петь не дают! Попробуй, попробуй – не запретно! Оно бы спело было, ну тогда бы нам лафа, а то зелена.

– Так уж ладно, не стану, раз стращаешь вон как! – ответил Ваня.

– А ты чего развесил рубашку и портки на виноградник-то? – спросил его Ваня.

– Сохнет, аль не видишь. Только до тебя с друзьями пришли с речки Сирет. Мы туда ходим вошебойничать. Побьёшь их, да и тут же состирнёшь. Начальство и фершал не бранят – кто может, ноги ходят – иди. Вот пойдём когда-нибудь. А ты откуля родом-то?

– Пермской.

– Дык и я пермской – из-под Кунгура! Вот ведь куда нас чёрт занёс! Невеста, поди-ка, у тебя дома-то осталась?

– Нет, только отец, мать да сестра-солдатка, а два брата старше меня на войне.

– Вот как! А у меня ведь дома-то жена да двое ребят – сын да дочь, еще мама-старушка, вот и горюю, и оне тоже. Письмо бы написать, да я не грамотён. Это недалёко от меня лежал грамотной. Бывало, попрошу – напишет, а вот теперь не знаю как…

Сделав паузу, он спросил:

– А ты не могёшь по этому делу?

– Писать умею, а вот письма сочинять не умею.

– Это ж чё, я подскажу. А ты получаешь письма из дому, аль нет?

– Нет. Да как не пишу, пишу, да что толку-то! Может быть, в Россию письма не пропускают, или из дома письма перехватывают.

– А ты пиши, может, из десяти да одно хоть получат домашние. Я дак так думаю. Писать надо, вот только бумажки нет – вся вышла. Да это не беда – у штабников попросим, оне бывают здесь.

– А разве штаб полка-то не у Барбоша? Ведь он там был?

– Да и мы там были, а как немец прощупал – начал бомбить, вот нас перебросили сюда, а штаб где-то тут, в казарму перевели. Бываючи у фершала попросишь гумашки на письмо – давал, а как кто-то у него слямил тетрадь с записями, не стал давать. Все ведь под Богом ходим, а пакость не забывам! – заметив, что Ваня направился спать, сосед спросил: – А ты чё, никак спать уклался? Не спи, фершал должон прийти – хиной угощать будет, глухоту нам наведёт, будь она, эта хина[637], проклята. Я дак думаю, залечит он нас насмерть. Ведь не лихорадкой болеем, а она только, значит, изнутри у человека лихоменку выгонят. Так ли я говорю, братишко?

– Не знаю,– пробормотал Ваня.

– Дык как же ты не знаешь, ведь, говоришь, грамотной! Аль обманываешь?

– Конечно, читать, писать могу, а про хинин не знаю. Уж ты лучше фельдшера спроси, он тебе растолкует.

– Ну, уж насоветовал – фершала спросить. Да ра [зве] он знает! Знает он только нас глушить! Ежели будем живы, глухарями домой явимся! Жалости у него к нам нет никакой! Из благородных, знать! Ложку-то ему какой-то дурак из люминия от снарядных головок отлил, большую, с рубкой черен-то. Как хлебнешь хины-то,

[637] Хина – вещество, получаемое из коры хинного дерева. В медицине начала XX в. активно использовалось как обезболивающее и жаропонижающее средство.

глаза на лоб, а по ушам как кто чекмарём[638] оглушит. Слышал? Фершал пришёл, по списку кличет. До нас очередь дойдет. Никого не пропустит. Кто ходить не могёт, сам подойдет с «причастием»-то!

Ваня встал на ноги и стал прислушиваться к фамилиям вызываемых. Из зарослей виноградника начали виднеться головы карантинников. Ваня оглядел кругом себя и убедился в том, что этих карантинников в самом деле не меньше боевой роты и собраны они из всей 10-й Сибирской стрелковой дивизии. К фельдшеру подходили по очереди и щедро, под его личным наблюдением, сыпали с бумажки в рот заготовленную дозу – ложку хинина – и тут же запивали водой, кося глазами в сторону. [О] добавке, к которой некоторые привыкли у походной кухни, никто не заикался и на глазах у фельдшера ни секунды не задерживался, уходили в заросли кустарника, ковыряя в ушах, отплевывались и матерились ранее заученной и незаученной бранью.

Закончив с ходячими больными, фельдшер с напарником пошли обходить больных, которые не смогли подойти. Нарушителей дисциплины и уклоняющихся от лечения фельдшер списывал обратно в часть.

– Иди, там травками лечись, а не разлагай команду,– напутствовал он каждого, отправленного в таком случае в часть. Другое напутствие он выражал относительно «выздоровевшим», по его мнению, солдатам: – Ну, герой, вроде бы дело получше у тебя? – спрашивал он стоявшего перед ним с опущенными глазами солдата и получал ответ:

– Како лучше?! Как пришёл к вам, было лучше, а теперь в рот только воду кладу!

– А ну, раскрой рот! – и, посмотрев солдату в рот, говорил: – Не обманывай! Я ведь помню, каким ты пришёл ко мне. Просто ты залежался. Скоро война кончится, домой поедешь, ешь больше лук, чеснок – всё и укрепится!

– Дак вы почему нас не угощаете луком да чесноком, господин фершал, а только глухоту наводите, а пропадёт человек, вы только руками разводите!

– Ну ты агитацию не разводи. Надо знать, чего говорить! Не знаешь – помалкивай!

– А всё же, почему нас чесноком да луком не лечат?

– Татареску[639] не дает, дескать, своих кормить нечем, а из России не шлют! Знаешь ведь, у нас какая каша заварилась! Кто пошлёт!

Тем и разговор кончился.

Закончив лечебную процедуру, Ваня застал приятеля-кунгурца в весёлом настроении: он лежал на спине, согнув в коленке правую ногу, а левую забросил на согнутое колено правой ноги и, зажмурив глаза, вдохновенно громко пел:

---

[638] Чекмарь – колотушка, которой утрамбовывают землю и мнут глину.

[639] В высшем политическом и военном руководстве Румынии в 1917 г. не было людей с такой фамилией. Вероятно, имеется в виду Николае Татареску (1850–1916) – бригадный генерал румынской армии, начальник румынского Генерального штаба в 1904–1907 гг., однако уже скончавшийся ко времени описываемых событий. Также возможно смешение образа с Георге Татареску (1886–1957) – премьер-министром Румынии в 1934–1937 и 1939–1940 гг. и с королём Румынии в 1914–1927 гг. Фердинандом I (1865–1927), который автором произведения не упоминается ни разу.

Вот вспыхнуло утро,
Румянятся воды,
Над озером быстрая чайка летит.
Ей много простора,
Ей много свободы,
Луч солнца у чайки
Крыло серебрит.
Ах, что это? выстрел! нет чайки прелестной,
Она умерла, трепеща в камышах,
Шутя, её ранил охотник безвестный,
Не глядя на жертву, он скрылся в горах.
Так девушка чудная чайкой прелестной
Над озером тихим спокойно жила,
Но в душу вошёл к ней чужой, неизвестный,
Ему она сердце и жизнь отдала[640]!

– Братишка! А получил лекарство у фельдшера? – спросил, подходя к нему, Ваня.

– А как же! Напился достаточно, опьянел, вот и пою! – и он снова затянул:

Вот вспыхнуло утро, и выстрел раздался,
И грохот безумный пошел канонад,
Над нашим отрядом снаряд разорвался
Раздалися крики и стоны солдат!
А прапорщик юный с отрядом пехоты
Старается знамя полка отстоять…
Остался один он из всей полуроты,
Но нет! Он не будет назад отступать!
Там в городе дальнем молилась невеста:
«Спаси его, Боже, спаси, Божья Мать!»
Вот кончился бой, и земля покраснела,
Врага мы прогнали далёко к реке, а поутру
Нашли его хладное тело,
И знамя держал он в застывшей руке[641]!

– Люблю я, земляк, песни! Вот только призабыл малость! А думаешь, об нас с тобой дома-то не молятся?

– Молятся, земляк! Ежели бы дома за нас не молились, мы бы погибли, как этот прапорщик!

– Почему же он тогда погиб, ведь за него невеста молилась?

– Э, битонько мой, невесты – оне бабы, а знаешь, как оне за нас молятся? Рукой рожу крестит, а передком в сторону вертит!

---

[640] Романс «Чайка», автор слов – Е. Буланова, автор музыки – Е. Жураковский.

[641] Отрывок из романса «Прапорщик». Одна из самых популярных городских песен времен Первой мировой войны. Написана на основе романса Е. Жураковского и Е. Буланиной «Чайка».

– Ну не все так, я думаю. Взять наши мамы. Оне тоже бабы, а и пословица есть: «Материнская молитва со дна моря поднимает»,– возразил Ваня.

– Ну, куда хватил! То мамы, а то невесты! А может, и вправду она молилась, а молилась, чтобы он не вернулся, раз ей за это время приглянулся другой. Вот оно и вышло так, чтобы греха не было. Понял?

– Понять-то понял. Но ведь не всё так бывает! Война нашего брата разбросала по белу свету, и усердно молившихся за нас родных, однако улучшенья нет. Ну, мы ещё пока живы, а сколько лежит в земле нашего брата, тоже мечтавших о жизни!

– Да, верно, братишко! Ну, давай теперь спать, да ложись ко мне рядом. Одну шинель постелем, а другой оденемся. Ночью-то будет ой как прохладно. Чё ты, вправду сказал, что не знаешь, где и на каком фронте твои три братана?

– Правда, правда. [Насчет] одного знаю, что в 37-м полку, где-то здесь в Румынии, второй брат как будто здесь же, в 39-м полку, а вот [насчёт] третьего не знаю.

– Эх ты, а говоришь, что грамотной! Списаться не могёшь! – заметил он иронически.

– Списаться, дружище, это дело одно, а точно знать – другое. Ведь наш брат-солдат сегодня здесь, а завтра в другом месте!

Нельзя сказать, чтобы братья Деськовы не думали один о другом, о судьбе каждого. В этом большая заслуга родителей, сумевших воспитать детей в крепкой любви один к другому. И как ни старались братики держать крепкую связь между собой, а то одного, то другого теряли из виду. Так, Павел ещё писал брату Петру: «Проводивши тебя на вокзал, я зашел в зал и из газет узнал, что у нас началось наступление, о котором было известно ещё накануне, да мы, не читая газет, не знали ничего. А событие чрезвычайной важности. На другой день после твоего отъезда приказом я был назначен к принятию 16-й роты полка, так как всех не бывших на фронте – отправляют. Роту принимаю. Полк, вероятно, скоро переедет. Долго ли ещё буду в полку, конечно, не знаю.

Ну, как живешь дома? Был ли у Вани? Отправляется ли он на фронт? Передай мой привет детям и родителям. Учится ли Маня?

Твой П [авел]. 26 июня 1917 г. 16-я рота 257-го запасного пехотного полка[642].

На другой день кунгурец соблазнил Ваню купаться в реке Сирет и побить вшей.

– Вот чё их расплодил, браток? Всю ночь цапаешься, спать с тобой невозможно!

После третьей ложки угощенья фельдшера и осмотра дёсен приятели направились к Сирету. Утро выдалось самым подходящим для такой прогулки. День, казалось, обещался быть исключительно жарким. Левый берег реки со стороны станции Барбош пологий и порос колючим, вполроста человека кустарником. Колючки на кустах, пожалуй, достигали до вершка длиной.

– Вот, наверно, Иисусу Христу венец на голову из этих колючек сделали,– заметил кунгурец.

[642] 267-й пехотный Духовщинский полк – сформирован в Петербургском военном округе (с. Грузино Новгородской губернии) в июле 1914 г. До 1918 г. действовал на Северо-Западном фронте.

Осторож [но] пробираясь через поросль кустарника, они вышли на «пляж». Разделись догола. Ваня сразу бросился в воду, а земляк пошёл к кустам, где, по его словам, как он выразился, «спрятано вошебойное приспособление». Дно в реке песчаное. Течение воды намного быстрее, чем течение Камы. Ваня пытался зайти поглубже, но едва заходил до груди в воду, как течением песок под ногами подмывало и трудно было устоять на месте – ноги скользили по дну. Кунгурец вернулся из кустов, неся дощечку длиной с аршин и кругляш полешка толщиной в руку.

– Ну как – хорошо? Небось, и плавать умеешь?

– Плаваю.

– А я вот не умею. Нет у нас в деревне большой воды. Мать нас как свинушек в колоде купала в детстве-то, а теперь боюся воды-то. Так здесь на бережок сяду, да и побрызгаю водичкой на себя. А теперь к делу приступим!

Постлав дощечку двумя концами на два камешка, приготовленных заранее, он разостлал кальсоны опушкой вдоль по доске, взял кругляшик и яростно, с большим нажимом начал прокатывать.

– Позавчера только прокатывал, а, чуешь, опять есть – хлопают! Гнида, видно, остается, холера! Чуешь?

Ваня после ложки хины не слышал, но чтоб не обидеть друга, сказал:

– Вроде бы слышу.

– А вот твоё бельё катать – целая канонада откроется.

Глядя на его работу, Ваня поднял свои портки и начал просматривать [вшей], норовясь давить их ногтями, но земляк выхватил у него из рук кальсоны, сбросил свои с доски и, передавая ему кругляшик, сказал:

– На инструмент и прокатывай, а не трать зря время! Да глаза от брызг береги!

Ваня, взяв кругляш и растилая опушку кальсонов на доске, засмеялся.

– Чё смеёшься, вправду говорю!

Прокатав кальсоны, Ваня проверил эффективность приспособления и убедился – сколько же этой пакости уничтожено!

– Давай живей к реке да мой, пока мразь-то не засохла! Засохнет, не отмоешь! – посоветовал ему друг.

Прокатив и простирав всё белье, они развесили его на колючий кустарник для просушки, а сами уселись на бережок.

– Знаешь, земляк, эта мразь мёртвую кровь не любит,– начал разговор кунгурец.

– Как ты знаешь?

– А вот слушай. Я ведь здеся более года, всё повидал. Многих мертвяков мы вон в то месте,– и он показал, вытянув правую руку в сторону окопов,– похоронили. Да каких! Бои-то были, наколотили людей, а похоронить немец никак не даст и своих не хоронит. Разлагаться начали. Мы по ночам кой-которого вытаскивали. Запах хоть невыносимый, но ведь человек, не собака. Жалко. Бываючи в темноте-то и немца либо австрияку изуродованного приволокешь – чё сделаешь, человек ведь. Австрияков много пострадало. Немцы-то оне хитрее, сзади толкают в бой австрийцев, ну, их и поклали. Так вот, значит, приволокёшь убиенного, а от него запах – нос воротит.

Обшаришь у него, ежели уцелели, карманы; нет ли каких записей при живности, чтобы знать, кто он. Станешь одежду-то перебирать, а на ней вся эта мразь, как бисер, наверху, значит. На опушке, на вороте белья не одной не найдёшь! У земли, как он лежал, тоже не найдёшь. Вся наверху, значит, и земельку не уважает. Ты на позиции-то, поди, не обратил на это вниманиё, а я вот навидал. У нас в карантине, может, увидишь, кои солдаты вшей по-другому уничтожают.

– А как?

– А вот как – значит, портки, рубашку зарывают в землю, а концы штанин и рукавов оставят наверху. Вот гадюкам-то не понравится сидеть в земле-то, да и обедать нечем, она и вылезёт наверх, значит, на концы штанин и рукавов. Тут и сгребают. Но мне не нравится это дело: всё бельё, как ни выхлопывай, в земле, да и гниды – они ведь не ходят! А вот как мы делам – дело другое.

Ваня с интересом слушал рассказчика и не знал, верить или нет, хотя он, будучи в окопах, из рассказов солдат слышал [про] подобные процедуры, но не придал им значения.

– Давай-ка посмотрим, поди, бельё высохло – на место пора, кабы фершал не пришёл,– поднявшись, они увидели вверх и вниз по реке тоже полоскались солдаты. Сняли с кустов бельё, просмотрели его, и где остались подозрительные места, подавили между ногтей. Закончив с осмотром, оделись и направились восвояси.

– Вот так-то оно будет лучше. Сегодня покрепче уснём, а то ты всю ночь чешешься, мне спать не даешь! А они, вши-то, с одного на другого охотно перелезают. Чужбину любит, как распутная жена, и сытность не блюдёт, окаянная,– выходя из колючего кустарника, проговорил кунгурчанин.– Денька через три, если не вынимет фершал, повторим ещё. Видишь ли, гнида-то могёт во вша превратиться. Ежели бы кипятком али в баньке поджарить, дак уж где тут,– добавил он.

Поднимаясь от станции Барбош к виноградникам, [на] встречу им попалось парочка: по нарядному обмундированию видно, что офицер вёл под ручку сестру милосердия. Миновав их, кунгурец с жёлчью выразился:

– Вот кому война, а кому трын-трава. Я больше года на фронте, а впервые кралечку увидел! Так бы и оттолкнул его!

– А жена дома узнает, что тогда?

– Чё, не ты ли напишешь? Не верю, ленивый писать-то! – часто оборачиваясь, глядел он вслед уходящей парочке.

– Эх, вот тебе равенство, свобода, братство, а поди-ка сунься! Хоть бы во сне чё приснилось! – стонущим голосом проговорил он.

Придя на место, он запел:

Когда б имел златые горы
И реки, полные вина,
Всё отдал бы за ласки, взоры,
Чтоб ты владела мной одна!
Не упрекай несправедливо,
Скажи всю правду ты отцу.

Тогда свободно и счастливо
С молитвой ты пойдешь к венцу!
«Тогда бежать я с ним решила,
Поверив клятве роковой.
На Божий храм перекрестилась,
Глянув в слезах на дом родной.
Умчались мы в страну чужую,
А через год он изменил
Забыл и клятву роковую,
Когда другую полюбил.
Но он сказал, стыдясь измены:
«Ступай обратно в дом отца.
Оставь, Мария, мои стены!» –
И проводил меня с крыльца.
«Не плачь напрасными слезами,
Постой немножко под окном,
С пустой котомкой за плечами
Ты не войдешь в отцовский дом.
За речи, ласки огневые
Я награжу тебя конем.
Уздечко, хлыстик золотые,
Седельце шито жемчугом [643]».
– Обманул, значит, её? – спросил певуна Ваня.
– Так, видно! – ответил он и затянул другую:
Бывали дни веселые –
Гулял я, молодец,
Не знал тоски-кручинушки,
Как вольный удалец.
Приеду поздно с пашенки,
Лошадок уберу,
И к ней тропой знакомою
В заветный дом пойду.
Она уж дожидается,
Красавица моя,
Глаза полуоткрытые,
Румяна и бела.
Однажды, в конце осени
Пришел любви конец,
И к ней приезжий с ярмарки
Посватался купец.
И вот она, красавица,

[643] «Когда б имел златые горы» – русская народная песня.

Забыла про меня,
Забыла мою хижину,
В хоромы жить пошла.
Живет у чёрта старого,
Как в клетке золотой,
Как куколка наряжена,
С распущенной косой.
Оставшись в одиночестве,
Я точно опьянел,
Всю я ночку тёмную
В раздумьи просидел.
Блеснула мысль злодейская,
Впотьмах нашел топор,
Простился с отцом, с матерью
И вышел через двор.
Иду, а ночка темная,
Вдали журчал ручей,
И дело совершилося,
С тех пор я стал злодей…
В Сибирь меня, на каторгу
Погонят молодца
За девку черноокую,
За чёрта за купца[644]!

– О [б] манула, значит, его, а?

– Так, видно,– ответил Ваня.

– То-то вот. Она, жизнь-то, ведь очень хитрая!

– Да, правда,– ответил Ваня.

– Вот и подумай над этими песнями! Жисть ведь человека в них!

– Конечно, конечно, кто-то испытал, видимо, такие передряги. А вот ты, земляк, тоже подумай: в первой твоей спетой песне он её обманул, а во второй – она его обманула. Не так ли?

Земляк-кунгурец, подумав и перебрав в уме обе песни и точно что-то вспомнив, хлопнул Ваню по плечу и сказал:

– А и вправду, братик Дьячков! Вот оно к чему! Дык как-жось оно получается?

– А я так думаю: богатство, денежка человеческими жизнями играет. В денежках вся сила. Видишь, вот у офицера-то она знает, что денежка есть, потому и клонится к нему, а у тебя их нет, так сестра-то милосердия давеча даже глазом не покосила на нас с тобой, хоть ты и вертел голову вслед им!

– Правда, правда, браток Дьячков[645].

---

[644] Песня на основе баллады П. Г. Горохова «Изменница».

[645] Подстрочное примечание автора: *Почему-то многие искажали нашу фамилию, видимо, она близко звучала к обыденным выражениям*.

Не без интереса прослушал кунгурец (а вот я забыл уже его фамилию) рассказ, как в Казани при сдаче приёмных испытаний в учительскую семинарию швейцар отца изобразил лапотником, и как Ваня не понравился попу в золотом пенсне на носу за то, что он продемонстрировал песню «Точно в море час прибоя!»

– Да, интересно, дык ты, браток, и вправду грамотной. У нас вот в деревне – опять же насчет денег-то скажу – один мужик грамотной так говаривал, дескать, «бог наш – это правда, а дьявол – это деньги». Безбожник что ли он был, не знаю. Дескать, кто правду любит, тут и Бог, значит, его любит. Ведь есть пословица: «Бог правду любит, да не скоро скажет». А вот кто с большой моткой с деньгами живет, он по горло из дьявола. Значит, награбил и на них зло творит по указке дьявола. У нас поп говорит, что, дескать, трудно богатому войти в Царство Небесное, как верблюду пролезть сквозь игольное ушко. Так или нет я говорю?

– Да вроде бы так,– согласился с ним Ваня, но оговорился: – Может, деньгами от грехов откупятся. Задарят попов – и по бумажке прямо в рай!

– Эй, вставай, глухари! Пора на токовище[646], фельшер пришёл, глушить будет! – вскричал им сосед.

Река и вошебойная машина Ване понравились. Главное, на теле под бельем стало несколько спокойнее. Вот бы ещё не тревожили десна да зубы, да можно бы было поесть по-человечески – было бы хорошо, а то своей кровью из распухших болезненных сосков много не напитаешься. На реку они с приятелем повадились чуть не каждый день. Что им было больше делать?

На позиции установилась относительная тишина, а в винограднике – тем более. Правда, обычно после четырех часов вечера подлетают и на окопы, и на город Галац один, когда два немецких самолета, постреляют, а если удастся, спустят две-три бомбы и, обстрелянные нашими зенитками и очередями из пулеметов, поворачивали к себе. Но в винограднике солдат всё равно их не увидит. От своей шальной шрапнели да снарядных осколков, правда, не исключена возможность, можно нажить и в винограднике неприятность.

Так случилось под вечерок, немецкий самолет, покружив над Галацем, повернул, пролетая над виноградниками, выбрасывая шрапнель и осколки в воздухе. И надо же было обсыпать мирно спрятавшихся солдат, но обошлось всё благополучно. Ваня подобрал одну шлёпнувшуюся около него картечину и положил в карман, а ещё два солдата подобрали два увесистых[647] черенка – осколки от снаряда.

– Шрапнель-то она ничё, только шишку [и лёгкую] рану голове сделает, а вот осколки-то увесисты. В голову попадёт, может покончить! – разглядывая один из осколков, проговорил солдат.

Кунгурчанину всё же удалось перехватить у какого-то писаря бумаги на письма. Ваня поинтересовался:

– Где ж это, друг, удалось достать бумаги-то?

---

[646] Токовище – расчищенное место или специально оборудованная площадка для молотьбы, для очистки и просушки зерна.

[647] Слово *увесистых* вписано поверх строки.

– А вот ходил тут недалеко, в канцелярию. Писарь и дал. Он, может, и не дал бы, да я схитрил: пришёл, да и из милости стал просить его, [так] как неграмотён, мол, написать мне три письма, значит, говорю ему – жене с детками, хрёсне[648] и тестю. А он говорит: некогда мне. Я не отстаю, а он, дескать, проси кого-нибудь, не всё же неграмотны. А я тогда ему да и скажи, что, мол, не пишут – бумаги нет. Он мне и отвалил бумаги-то. Теперьча мне и тебе хватит. Ищо и ручку да чернил мне дал,– и вытащил из кармана брюк ручку с обкусанным черенком, с глубокими ямками от зубов и пузырёк с чернилами, заткнутый пропитанной чернилами бумагой.– Будем писать? – спросил он Ваню.

– А на чём писать будем? Надо бы какую-нибудь дощечку!

– А пойдём у фершала на ящике.

Одно письмо под диктовку земляка: «Ещё кланяюсь и ещё кланяюсь» и т.д.– всё «кланяюсь». Второе написал тестю в таком же духе. Один по одному из зарослей виноградника, как по запаху, начали подходить карантинники и, смотря на новоявленного писаку, затаив думы, пока переминались на ногах. Закончили и третье письмо. Сложили треугольничками. Ваня намеревался от себя было брату Петру написать, но как только закончили с тремя письмами, окружавшие «писаку» солдаты зашумели:

– Напишите, пожалуйста, мне!

– Куда суешь бумагу-то, я пришел первым-то!

– Столкнешь ящик-то! Вот прёт, как нищий на паперти! – и замелькали перед Ваниным носом лоскутки бумаги.

– Тебе Сёмка недавно писал – куда лезешь? – отталкивая один другого, бранились они.

Ване было неудобно отказаться, и он «ещё кланяюсь» штук пять написал. Писал бы ещё, всё равно делать нечего, да пришёл фельдшер с осмотром больных. Подошёл к «писаке», Ваня было бросил писать, встал, забрав писанину, ручку, чернила, но фельдшер взял его[649] за плечи и посадил обратно:

– Дописывай, подожду! Будто славно пишешь-то, паря, и почерк хороший, разборчивый. Вот и мне помощником, писарем будешь, пока лечишься. Писанины у меня обоим хватит. Где учился-то?

После осмотра фельдшер и в самом деле вручил Ване списочный журнал наличия карантинной команды (он её называл ротой).

– Вот я тебе растолкую, и знай пиши. Будешь у меня писарём!

Так и началась писанина. За это время земляк успел уже сбегать и спустить в почтовый ящик своё отправление. Прибежал и рассказывает, какие он слышал новости:

– В канцелярии-то что я услышал… Годило-то-Годилевский уже боле недели лежит, и как живой, даже не пахнет от него мертвечиной-то. Из Москвы-де приехала его жена. Хочет везти его в открытом гробу в Москву к врачам. Неужеля ещё оживёт?!

---

[648] Хрёсне – искажённое *крёстной*.

[649] Слово *его* вписано поверх строки.

Пишет и пишет Ваня то фельдшерские дела, то письма ребятам. Задумал и написал письмо Петру в ответ на полученное от Петра. Пётр задумал устроить свидание и запрашивал, какого числа Ваня будет свободен. Ваня написал ему: «Рад, дорогой Петя, что мы сможем увидеть друг друга. Ты назначаешь на 16 июля, конечно, я понимаю, что ты ошибся, так как теперь не июль, а август. Лучше бы было в праздничный день, а то у нас (больше у меня) работа, а надо бы поторопиться, пока не выписали в полк, хотя он, говорят, скоро пойдёт на отдых. О Васе я абсолютно ничего не знаю. Не знаю, почему он не пишет, ведь он знает, где я. Хожу я почти каждый день на реку Сирет купаться, а сегодня ещё и бельё стирал.

13 августа 1917 г.

P.S. А почему ты, Петя, не написал, что тебе пишет Павел?»

На другой день кургурчанин соблазнил Ваню сходить на вошебойку и постираться. Ваня хотя и отговаривался было, ведь недавно стирались, но землячок понастоял. Пошли они после полудня, чтоб успеть к вечеру быть на месте. На излюбованном[650] на реке месте они заметили небольшое скопление и купающихся, и стирающихся солдат. На колючих кустах, точно у заправской прачечной, навешано солдатское сохнущее бельё. Ваня, как обычно, разделся – и в воду, а землячок пошёл в кусты за вошебойкой, спрятанной в кустах. Что такое – Ваня уже изрядно накупался, а землячка не видно. Вглядываясь в кустарники, где землячок прятал адскую машину,– его не видно, а он, обшарив кусты, понуря голову шёл со стороны купающихся солдат. Подходя к Ване, горечно выразился:

– Вот ведь нашлись негодяи – украли! Ну хоть бы побили вшей да на место положили, значит, для следующего разу!

– Может, забрали в другое место?

– Куда в другое! Все кусты обшарил, весь исцарапался – нету. Спрашивал солдат, сказывают: видели тако приспособленье, да забросили по воде. Где оно теперь – может, уже в Дунае.

Посидели около водички, пощёлкали по рубцам белья ногтями, обтирая их о траву, выстирали и развесили сушится на кусты, покрытые почти сплошь солдатским бельем. Вернулись к бережку. На небе показались тучки, и в затенении легкой прохлады сидеть было приятно. По берегу кроме них, как тюлени, с медным отливом кожи валялись солдаты, ожидая[651], когда высохнет на кустах их бельё.

Где-то высоко в небе послышалось тарахтенье самолета, а вот и проснулась зенитка. Немецкий самолет, пролетев много окопов, спустился ниже, как раз над блаженствовавшими на бережке «тюленями». Безусловно, его внимание привлекло и нанизанное на кустах солдатское бельё. Сделав поворот полёта вдоль берега, зарулив как бы на спуск, он открыл очередь из пулемета по «тюленям». Пули зацокали по воде. Все, как по команде, голышом бросились прятаться в колючие кусты, посшибали бельё. Самолёт, сделав круг, вторично зашёл и запустил ещё очередь, но так же неудачно, обошлось благополучно, если не считать полученных кровоточин на теле.

[650] Так в документе, правильно *излюбленном*.

[651] Перед словом *ожидая* зачеркнут предлог *под*.

Только кончился прострел, солдаты, вскакивая и махая угрожающе кулаками, напутствовали лётчика крепкими матерками, а навстречу ему со стороны Галаца поднялись два наших самолета. Между ними завязался бой. Солдаты, глядя на поединок, кричали: «Не уйдет! Не уйдет, сволочь, досмеялся над нами!» – а самолет немцев выбрал удобный момент, повернул в сторону города Брэила и преследуемый, как моськами, благополучно улетел в расположение своих частей.

За время лечения Ваня подогнал у фельдшера всю писанину и исключительно последние дни писал в свободное время письма солдатам. Земляка-кунгурца фельдшер выписал в часть, написав на препроводительной своё заключение: «в здоровьи улучшение». Тепло распрощались два друга. На прощанье Ваня ещё ему (без очереди) написал снова три письма. А дней через пяток и Ваню постигла та же участь.

Свою роту он застал на том же участке окопов. Всё как будто осталось так же, как было. Только не стало командира роты Новожилова (куда-то перевели). Солдаты вопреки запрету по ночам опять спать вылезали из окопов. Спустившись в землянку на явку, он не застал никого из начальства, а сидел лишь ротный писарь. Ваня подал ему фельдшерское направление с «улучшением». Писарь, прочитав, положил направление в сторонку и велел подождать начальства, а сам стал продолжать писать какое-то донесение, переписывая с черновика.

Тут же незамедлительно в землянку ввалились два солдата. Одного Ваня узнал по житью в карантине. Солдат, по-солдатски приветствуя, подошёл к Ване и восторженно проговорил:

– Братишко, ты вернулся! Вот счастье-то – али не узнал, два-то письма писал мне в карантине-то! – и, обернувшись к солдату, стоявшему сзади него, сказал ему: – Вот золотой парень. Поди, с сотню писем солдатам в карантин написал. Никому не отказывал! – и, повернувшись к ротному писарю, воскликнул: – Не то, что ты! Тебя Христом Богом не упросишь! А братишко-то никому не оказывал и пишет-то получше тебя.

– Ну и пусть пишет! У меня своих дел хватает. Выйдите из землянки, не мешайте работать,– сказал писарь солдатам.

День стоял ветреный, и палатка, натянутая в землянке вместо дверей, то и дело шурша низом о землю, то вдувалась в землянку, то отступала, как с берегу моря морская волна. Вскоре в окопах послышались крики, солдаты кричали: «Колбаса сорвалась, полетела!» Колбасой солдаты прозвали дирижабль, поднимающийся на нашей стороне для наблюдений обычно под вечер.

Ваня выбежал из землянки и увидел: на самом деле – высоко в небе по ветру лежал этот огромный пузырь с подвешенной снизу корзину, волоча за собой канат, которым была привязана на земле, уносилась в сторону расположения немцев. Долго смотрели ей вслед солдаты, пока она не скрылась из виду. «Вот ездоки в корзинке и попали в лапы немцев. А может быть, они нарочно отвязались?» – переговаривались между собой солдаты. После Ваня писал письмо и так описал это событие своим родителям: «Ах, Макарка! – подражая отцу, повторяя самую

его ругательскую, досадную поговорку, когда что-либо он делает, а у него не получается; или, бывало, пашет в поле да на утоптанной тропке высочит из земли, тут уж не обходилось без “Ах, Макарка”.– Сегодня 27 августа. Вам, наверно, уже известно, что на фронтах дела идут неважно – немец Ригу забрал[652], здесь у него [всё] активизируется. На днях у нас здесь аэростат, “колбаса” его солдаты называют, ветром, что ли, сорвало, и он вместе с наблюдателями улетел в расположение немцев. Подробнее, получилось так: солнце только что начало скрываться за сопками, как в окопах закричали: “Колбаса полетела! Колбаса сорвалась!” Я выскочил из землянки и в самом деле увидел высоко в небе уносимый ветром аэростат-колбасу. И что досаднее всего, что они улетели к немцам…» В письме описал и про воздушные бои самолетов и закончил:

«Желаю вам всего хорошего, а главное здоровья. Ваш сын Ваня.

27 августа 1917 г. Румыния».

В землянку зашёл старший унтер-офицер. На погонах три чернильных полоски впоперёк погонов[653], исполнявший должность фельдфебеля роты.

– Господин фельдфебель, вот вернулся с лечения Деськов, ефрейтор,– и он подал бумажку с «облегчением и улучшением» от фельдшера.

Так и этак вертел фельдфебель направление, задумался, положил бумажку перед писарем и сказал:

– Ну что ж – отделённых в роте хватает. Разве кто заболеет, тогда пойдет на место. Оформи как полагается.

Ване хотелось встретиться со своим земляком-кунгурчанином, но не удалось. Снова днями началась работа писать друзьям письма к их родным. Писарь ротный стал ворчать на солдат, клянчивших у него бумаги на письма, а потом и сам начал эксплуатировать [Ваню] в ротной писанине. Пустяковую какую-нибудь бумажку, вроде докладной [нужно было] – вызывал Ваню в землянку:

– Напиши, пожалуйста, надоела писанина.

Фельдфебель как-то застал Ваню за писаниной в землянке:

– Что, заместителя достал, лодырь?! – заметил он ротному писарю.

– Господин фельдфебель, поневоле человека попросишь – палец большой на правой руке разболелся, ручку держать больно, а господину отделённому не всё ли равно, что солдатам писать али здесь писать,– отговорился писарь.

– А тебе не ручкой надо владеть, а винтовкой! – ответил фельдфебель.

Пользуясь случаем, Ваня обратился к фельдфебелю:

– Господин фельдфебель, у меня сдана винтовка и патроны при отправке на лечение. Могу я получить обратно?

– Будут – получишь! В роте у троих, кажется, нет винтовок. Не так ли? – обратился он к писарю.

Писарь попытался найти список, но фельдфебель, не дожидаясь, вышел из землянки.

---

[652] Рижская операция, прошедшая 18–24 августа 1917 г. (по юлианскому календарю).

[653] Погоны старшего унтер-офицера русской армии.

– Я и каптенарус[654], я и список веди, и разны докладны, и чё, чё – всё пиши, а оне только подпишутся,– пробубнил писарь.

От Петра Ваня получил письмо. Петр настоятельно спрашивает Ваню, когда можно будет и где устроить свидание, сетуя на военную службу. «Черт возьми – это ад! – писал Петр.– Служу уже вот седьмой год! Три года действительной и четвертый год войны!»

Ваня ему отписал: «Да, Петьша! Жестока оказалась судьба нашей семьи. Ты седьмой год, Павел – четвертый год, а мы с Васей как будто и недавно призвались, а вот уже тянем лямку скоро три года! Насчёт назначения свидания я очень сомневаюсь. Вот слухи есть, что наш полк скоро выйдет на отпуск. Тогда будет полная возможность. А почему, Петя, ты мне не пишешь, где вы стоите? Когда мы находились на передовой линии окопов, то находились у полотна железной дороги близ деревни Ведени, против самого города Брэиля, а сейчас у станции Барбош.

5 сентября 1917 г., Ваня».

Только Ваня отправил письмо, как Пётр известил его, что он скоро поедет в Одессу по служебным делам, а полк начали выводить на отдых. Пользуясь этим, Ваня договорился с двумя солдатами, желающими сходить в город Галац, на что получили у комроты разрешение. Шатаясь по городу, Ваня встретил братика Васю, совсем случайно. Вернувшись из города, он поспешил об этом сообщить Петру: «Иду я по улице, только не знаю названия, смотрю, а [на] встречу мне с прискочкой, штаны поддерживая и улыбаясь, бежит братан Вася. Он мне признался, что ему было известно, что я в 40-м полку, но не знал, в какой роте. Рассказал о своей неудачной службе, что пролежал больше месяца в лазарете за городом, а я рассказал о себе и, что знаю, о тебе и Павле.

Его адрес: Действующая армия, 39-й Сибирский стрелковый пехотный полк, саперная команда, В [асилию] И [вановичу] Деськову.

Постояли мы с ним, переговорили о своих делах и так расстались. Вася ходил с карабинкой[655], а я без винтовки, да и на кой чёрт это противное дело!

16/IX–17 г. Ваня».

Понравился или не понравился Ване город Галац, но на второй день он решил повторить по нему прогулку. Пользуясь разговорами между солдатами, что в городе на окраинах можно купить молока на боны и леи[656], он на этот раз захватил с собой фляжку и котелок. Подходя к окраинам города от дороги влево, он увидел одиночные мазанки[657]. Решил зайти в одну из них, нет ли в продаже молока.

---

[654] Правильно каптенармус – должность, существовавшая в Русской армии с конца XVII века по 1917 г. Каптенармус обычно в роте (батарее, эскадроне) ведал учётом, хранением и выдачей военного имущества (провианта, оружия, боеприпасов, обмундирования и военного снаряжения). С 1918 по 1950-е гг. данная должность существовала и в Красной (Советской) армии.

[655] Карабин – облегчённая винтовка с укороченным стволом.

[656] Лей – национальная валюта Румынии. Состоит из 100 баней (автор ошибочно назвал их бонами).

[657] Подстрочное примечание автора: *Беднота в Румынии строгали свои жилища, используя вместо дерева кукурузные стебли, обмазывали внутри и снаружи глиной и белили*.

Хатка без дверей, вход завешен тряпицей. Пол земляной. В передней стенке хаты окошечко со вставными из осколков стеклами, через которые с трудом пробивался свет, смугло скользивший по полу хаты и краю лежанки у стенки перед окном. На лежанке сидел старичок с только забинтованными руками обоих рук. Ваня поздоровался, но старичок что-то проговорил по-румынски, похожее на «буна зсу». В хату вошла хозяйка, тоже что-то проговорила по-румынски. Старичок вышел из хаты и сел у сбитого из глины около хаты вроде каминчика, похожего на маленькое горно кузницы. На каминчике в глиняном горшочке что-то варилось. Старичок обоими култышками подхватывал уже приготовленные [из] кукурузного стебля полешки в чуть тлеющий огонёк. Ваня, стоя перед хозяйкой, старался подобрать слова и выражения, что он намерен купить молока. Хозяйка всё же поняла его и отрицательно замотала головой, и Ваня в сопровождении хозяйки вышел из хаты, но, соболезнуя калеке-хозяину, остановился у горна. Хотелось узнать, что сделалось с руками хозяина. Спрашивая его и показывая жестами, они все же поняли, чем солдат интересуется, и вдвоем постарались объяснить. Ваня понял так, что хозяин где-то нашёл медный капсуль от французской гранаты-лимонки, как их тогда называли, и стал ковырять в трубке, пытаясь вычистить трубку внутри от содержимого и приспособить её в качестве мундштука. В результате от взрыва оборвало три пальца у левой руки и обе руки поранило.

Распрощавшись со старичками, он направился в город. В городе не нашел ничего подобного вроде базара. Из центра направился к окраинным улицам и на одной из них увидел на улице хвост солдатской очереди. Очередь с улицы тянулась к стоявшему в огороде дому с верандой. Ваня поспешил к очереди, рассчитывая, что тут что-то продают. Подходя к очереди, он увидел и своих однополчан, хваставшихся накануне, что они в Галаце купили молока. Правда, у солдат в руках опять котелки и сбоку фляжки. Ваня, подбежав, спросил знакомую солдатню:

– Что, дают? – рассчитывая на молоко.

– Дают, дают! Очередь быстро идёт! Вставай вон за ним! – показали последнего.

Ваня встал, рассчитывая на молочную удачу. Простояв минут с десяток, Ваня увидел, как на веранду выбежала расшпаклёванная [девушка] в коротенькой, чуть прикрывающей «чёрную немощь» юбочке и, слегка присев, прикашливая, начала на виду у солдат, придерживая левой рукой края юбчонки, а правой выдавляя, выбрасывала «серебрушки».

Солдаты, глядя, смеялись, а кто кричал:

– Не выбрасывай, подбирай, пригодится!

– Как раз очередь подойдет, она отдохнет, моя будет! – обернувшись, проговорил солдат Ване, а девушка, не понимая солдат или не обращая внимания, справив «туалет», послала воздушный поцелуй очереди солдатам и скрылась. Поняв, в чем дело, Ваня стоял как ошарашенный, разочарованный в покупке, пошёл обратно в город.

– Чё, пошёл?

– Пошёл,– смеясь, ответил Ваня.

– Чё ты, быстро ведь. Как из молотилки снопы вылетают, и совсем дёшево! – кричали ему вслед.

Дойдя до проулка, он прочитал надпись: “Serada Norti” – что, он узнал потом, [значило] «Улица ночи». Побродил по площади, по городскому саду и без покупки под вечерок пошел обратно. Спускаясь к станции Барбош, увидел, как в небо версты на две от передней линии окопов начал подыматься наш аэроплан. «Опять оторвется. Хотя, пожалуй, сегодня ветра нет»,– подумал Ваня. Но на этот раз колбаса не оторвалась, а неожиданно над ней появился немецкий самолет и как будто чем-то облил её.

Наблюдатель, почувствовав опасность, выбросился из корзинки с парашютом, а колбаса, как мыльный пузырь, вспыхнула. На землю падал с корзинкой канат, да, покачиваясь, с парашютом спускался наблюдатель.

Придя в свою часть, он опять получил от Петра письмо. Пётр запрашивал, какой день лучше для Вани выбрать для свидания и места встречи в городе. Ваня поспешил с ответом, а одновременно описал ему и случай приключения в городе. Он писал: «Лучший день для свиданья – воскресенье. Место встречи – или на площади, или в саду у двух статуй голых женщин. О свидании сообщи и Васе, может, он придет. Я уже два раза был в Галаце, но одному скучно. Ходил, ходил, да и зашел на одну улицу. Смотрю – толпятся солдаты. Я думал, что тут какой-либо магазин, а тут оказалось совсем другое – не то. Вспоминались слова: “Да не искушается сердце ваше” – плюнул и ушёл дальше.

19 сентября 1917 г., Ваня».

Вот уже прошёл сентябрь, а свидание всё ещё не состоялось. Благо, что полк всё ещё на отдыхе. За это время солдат сводили в солдатскую позиционную баню. Баньку устроили в крутояре[658] в земле, точь-в-точь как черновая деревенская баня, только вся в земле. Солдаты радёшеньки были и такой бане. В баню пропускал, стоя у дверей, фельдфебель с часами в руках и строго соблюдал время положенного мытья каждой запущенной группе. От одного окошечка в дверях было тесно. Полная теснота. Мылись из одного таза чуть тёпленькой водой, теряли мыло и шарились в поисках на полу. Ваня, помывшись в бане, подумал: «Лучше искупаться в речке». На фронте установилась тишина, только по ночам ещё нет-нет да сверлили ночную тьму прожектора, да периодически немцы обстреливали из орудий станцию Барбош и линию жел [езной] дороги.

На другой день, написав по просьбе солдат два письма, солдаты предложили Ване с ними вечером сходить посмотреть румынский прожектор и дальнобойную пушку, установленные на берегу Дуная, ближе флотских казарм:

– Пушка у них бьёт до города Брэиля, установлена на рельсах.

Ваня не отказался. С наступлением темноты, отпросившись в роте, они отправились и сходили очень удачно: видели работу прожектора и дважды при них сделали выстрелы пушки. Вся прислуга – румыны. Освещая прожектором город Брэиля и берег Дуная, они, очевидно, через бинокль, заметили подход парохода с баржей к берегу у города. Сделали наводку пушки, а это оказалось нелёгким

[658] Крутояр – отвесный спуск, обрывистый берег.

делом. Громадина-пушка установлена так, что из неё возможен круговой обстрел – поворачивалась, как паровоз на поворотном кругу. После второго выстрела наблюдавший в бинокль, очевидно, офицер, радушно похлопал наводчика по плечу, видимо, снаряд достиг цели удачно. Ваня заметил, что там поднялся столб воды, что видно было в лучах прожектора, но больше ничего не заметил, а товарищ подсказал, что он видел и пароход, и баржу ещё до выстрела. Особенно они после интересовались отблесками насекомых, попавших в луч прожектора.

Прошло немного дней, как в роту пришел из штаба полка писарь с погонами младшего офицера (две химические полоски впоперёк погонов), вызвал Ваню:

– Говорят, что ты хорошо пишешь. Есть что-либо у тебя писанное в карманах, ну-ка покажи свою руку.

– Нет, пока ничего. Письма писал – отправил.

– А ты у писаря донесенья в штаб писал?

– Вроде было такое дело.

К разговору подошел солдат, которому Ваня только вчера писал письмо, и он выпалил, доставая из кармана письмо:

– Только вчера он мне написал, да я ещё не отправил!

Писарь не стал развертывать письмо, а взглянув на написанный адрес, сказал:

– Пойдёшь работать в штаб полка по распоряжению адъютанта, а в роте я уже договорился. Моя фамилия Телегин. Оружие, если есть, сдай!

Так Ваню и посадили писарить.

В канцелярии полка сидело три писаря: Телегин Вася – москвич, Занудо Данил – сибиряк, и третий – усастый, более пожилой в звании старшего унтер-офицера. Посадили вести книгу личного состава, перебирать кучи рапортов командиров рот. По рапорту находить фамилию солдата и, если доносилось, что солдат отправлен после ранения, или пропал без вести, или убили, вычёркивать из книги и писать извещение родным.

– Вот так вроде бы немудреная работёнка, а у нас запущена больше чем полгода,– улыбаясь, объяснял Телегин.

Полк 40-й Сибирский стрелковый и в самом деле на второй день после ухода Вани сняли с позиций на отдых. Ваня пожалел, что его взяли в штаб полка писарить. В штабе ему не нравилось. Во-первых, это рыться в уже устаревших бумагах, разыскивать по книгам фамилии погибших солдат или выбывших по той или иной причине, сообщать родным, вызывая у них слёзы, и т.д. Во-вторых, неприятно было переживать неприветливые взгляды гордых двух писарей: угрюмого пожилого старшего унтер-офицера и второго, работавшего на шапирографе[659]. Ему лишь понравились всегда улыбающиеся, обходительные Вася Телегин, почти в одни года с Ваней, и немного его постарше – Данил, как его обычно называли дружески – Доня Занудо. Телегин Вася проектировал приказы по полку, носил их на подписи адъютанту и командиру полка. После печатал на пишущей машинке «Ундервуд»[660],

[659] Шапирограф – прибор для размножения рукописных или печатных оттисков.

[660] «Ундервуд» – пишущие машинки американской компании Underwood, производившиеся в 1895–1959 гг. Наиболее распространённые пишущие машинки в мире в начале XX в.

и с оригинала посредством шапирографа Львович – здоровый писарь-детина – в отдельной камере размножал приказы. Снова носил уже отпечатанные экземпляры на просмотр и подписи.

Присмотревшись к работе писаря, хотя Львович не писарил, а только печатал, Ваня понял, что он ещё занимался приёмом и отправкой почты. А писарь Занудо занимался хозяйственными делами. Львович, нагрузив мешок письмами, отправлялся их сдавать, а возвращался с почти пустым мешком.

– Писем принёс? – спрашивали, бывало, его.

– Шиш принес! Румыны на нас осердились, не пропускают, кроют цензурой и, видимо, печи топят нашими письмами, чтобы мы не знали, что делается в России! – и вывалив из мешка десятка-полтора писем, свистнет, проговорив: – Вот и всё, для отвода глаз дали!

В-третьих, у Вани и так много делов, а тут к нему начали ходить друзья из роты с просьбами писать письма родным, да ещё без бумаги, надеясь, что у Деськова есть бумага. Всякий раз, как Деськов, отложив свои дела, брался за письма, его ловил суровый взгляд угрюмого старшего писаря, и ему было неудобно отказать просителю. Однажды и Львович оборвал просителя:

– Напрасно, братишко, беспокоишься и человека беспокоишь! Всё равно ни к чему пишете. Ответ румыны не пропустят. С какой роты?

– Второй роты, а теперь в карантин [ной], в команде!

– В команде глухарей, значит? – подшутил Львович.

Солдат замялся, а Ваня спросил:

– Много ещё в карантине-то?

– А не меньше как полполка. Фельдшер, как мы снялись с позиции, всех осматривал поротно. Как найдет подозрительного, так в карантин. С позиций-то он бы с таким заболеванием в карантин не направил бы!

Ваня вспомнил дни карантина и подумал: «Вот бы валялся и писал бы письма в карантине. Вишь куда чёрт занёс, а всё этот Телегин!» Но скоро своей весёлостью и простотой заслужил [Телегин] у Вани симпатии. Частенько во время работы Деськов обращался к нему со встретившимися затруднениями, а о болезненных зубах и деснах он посоветовал:

– Как кончим занятия, сходи к виноградникам, настружи виноградной коры – и в рот!

«Значит, правильно солдаты делали в карантине – мусолили, как беззубые старухи в роту»,– подумал Ваня.

– Деськов, тебя кто-то просит к телефону! – сказал Телегин.– Бери трубку! – передал Вася Телегин ему трубку полевого телефона.

Ваня взял в руку трубку и раскраснелся, не зная, что и как говорить, да и кто просит. Телегин понял, что Ваня не умеет обращаться с телефоном, взял его руку с трубкой и приткнул к уху.

– Говори, что слушаю, а клапан нажми! – смеясь, поучал Телегин.

Кое-как Ваня разобрался в хитрой механике полевого телефона. Его вызывал из штаба 37-го Сибирского стрелкового полка брат Пётр, но переговорить с ним так и не удалось[661].

Немцы по распоряжению позиций теперь редко вели обстрел, но по станции Барбош, по полотну железной дороги, являвшейся фронтовой артерией вплоть до Плоешти, частенько запускали тяжелые снаряды. От этого обстрела доставалось и селу Барбош, где расположен штаб полка. Наше командование вынуждено было передислоцировать [ся], и штаб перебрался в пустовавшее помещение Дунайской флотилии «Казармы Флотилей[662]». Помещение каменное. Расположено на крутом левом берегу Дуная с версту от города Галаца, прямо против сопок Добруджи, расположенных по правому берегу Дуная.

– Ну и придумали, где расположить штаб – прямо в глазах у немцев! Вот как даст немец с сопок, так и разлетится казарма! – возмущался Львович.

После работы Телегин предложил Ване прогуляться с ним на берег Дуная. На косогорчике у берега расположились на траве.

– Смотри, вот, Деськов, по ту сторону Дуная, видишь, вон на сопках у немцев установлены орудия?

– Почему ты знаешь?

– Потому что в тёмную ночь, да еще при облачности, при их выстрелах получается в небе отблеск,– и он, растянувшись на лужайке, спросил: – А ты какую школу окончил? – получив ответ, сказал: – А я городское училище! – и затянул, уставившись в небо:

Ах, зачем эта ночь
Так была хороша?!
Не болела бы грудь,
Не страдала душа!
Полюбил я её,
Полюбил горячо,
А она на любовь
Смотрит так холодно!
Не понравился ей
Моей жизни конец,
И с постылым назло,
С ним пошла под венец.

– Знаешь, так пой! – обратился он к Ване[663].

Не видала она,
Как я в церкви стоял,
Прислонившись к стене,
Безутешно рыдал.

---

[661] Далее авторский заголовок *Песня.*

[662] Казармы Флотилей – казармы румынской Дунайской флотилии.

[663] *Знаешь, так пой!* вписано справа от стиха.

Звуки вальса неслись,
Веселился весь дом:
Я в каморку свою
Пробирался с трудом.
И всю ночь напролет
Всё я думал о ней,
Каково будет жить
Без милого дружка[664]!

– Вот как нам с тобой здорово! А ты любил кого-нибудь? – спросил он Ваню.

– Нет, не успел!

– А я вот любил, и она крепко-крепко полюбила. Ни одного письма за три года не послала. Ну и кляп ей! А ты знаешь песню «Звёзды мои, звёздочки»?

– Да вроде знаю.

– Споем, что было – забудем! – и запели:

Звёзды мои, звёздочки,
Полно вам блистать,
Полно вам прошедшее
Мне напоминать!
У зари-то, у зореньки
Много ясных звёзд,
А у тёмной-то ноченьки
Им и счёту нет.
Горят, горят звёздочки,
Пламенно горят,
И как будто сердцу бедному
Что-то говорят.
Я бы эту ночку тёмную,
Не смыкая глаз,
Всё смотрел бы, звёздочки
Милые, на вас!
Звёзды, мои звёздочки,
Полно вам блистать,
Полно вам прошедшее
Мне напоминать[665]!

– А ведь здорово! Оказывается, ты, Деськов, хорошо поешь! Пойдём обратно, что-то холодит!

Дорогой Телегин расспрашивал о братьях, родителях и в свою очередь рассказал о тяжёлых боях полка с немцами. Рассказал, как в бою полк потерял и знамя, и что уже был приказ расформирования, и потом только приказ отменили, когда знамя нашли в одной из обозных повозок, и тут же сохранился ящик с Георгиевскими крестами.

[664] «Ах, зачем эта ночь…» – казачий романс.

[665] «Звёзды мои звёздочки» – русская народная песня.

Бери кресты – да хоть на всю грудь навешивай! А охотников не нашлось. Знаменосец погиб. Не объявился и тот, кто свернул знамя и спрятал в повозку, а кресты и теперь лежат в штабе [666].

С новостью забежал запыхавшийся Даньша:

– Братишки! – вскричал он.– Из Москвы или Петрограда, не знаю, приехали какие-то шишки. Велят собрать всю солдатню. Будут говорить, что делается в России и что нам здесь делать. Собранье будет завтра ввечеру!

Вскоре зашёл в штаб полка адъютант и подтвердил сообщение Даньши. Его засыпали вопросами:

– Кто такие и зачем приехали? Наверно, опять готовятся к наступлению!

Адъютант помялся было, но сказал:

– Точно я и сам ещё не знаю, но кой от кого слышал, что идёт подготовка к выборам в Учредительное собрание, как в высший орган власти. А в общем, завтра оне подробно всё расскажут!

Ночь в штабе полка провели неспокойно, неспокойно было и в расположении полка. Много всюду разговоров, всяких предположений, догадок, споров. И всех на уме: «Что-то завтра скажут, кого ещё хотят выбрать?! Полковой комитет у нас есть. Он на войну не гонит. Вот бы ещё скорее по домам!»

Подальше от позиций, за деревней Филешты, чтобы немцы не пронюхали, стала собираться солдатня, как мураши у муравейника. У каждого загадки на уме. Вместо трибуны поставили, натаскали откуда-то порожних ящиков. На ящики взобрался незнакомый, опрятно одетый в штатскую одежду человек и поднял руку. Гомон среди солдат, окружавших трибуну, замолк. А незнакомец зычным баритоном заговорил и о войне, и о страдании народа, и о Временном правительстве, и о союзниках и что вот настало время теперь нашему народу и вам, солдатам, выбрать желанных вам людей в государственный правящий орган «Учредительное собранье». Это будет власть, выполняющая вашу волю, ваше желание, ваши интересы. Далее он начал говорить о возникших у нас различных политических партиях – партиях кадетов [667], соцдемократов [668], меньшевиков [669], анархистов и т. д. Каждая из этих партий выражает свои мнения в создании желаемой власти управления государством, восстановления величества нашей матушки-России. Представители от каждой партии, их взгляды и желания – каких людей нам нужно выбрать в государственный аппарат, они вам сами здесь расскажут, а вы внимательно послушайте, а потом проголосуйте за ту партию, с которой вы согласны. А в конце сказал, что здесь же завтра будут установлены номерные ящики с замочными запорами, и у ящика у каждого будет надпись: какое название партии и за что они борются.

---

[666] Далее авторский заголовок *Кому дать власть? Какая партия?*

[667] Конституционно-демократическая партия («Партия народной свободы») – либерально-демократическая партия, существовавшая в начале XX в. в России.

[668] Имеется в виду Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) «РСДРП (б) » – левая политическая партия России, ставшая в ходе Революции 1917 г. и Гражданской войны правящей, единственной разрешённой партией в стране вплоть до 1990 г.

[669] Имеется в виду Российская социал-демократическая рабочая партия (меньшевиков) «РСДРП (м) » – левая политическая партия России, возникшая после раскола единой РСДРП в 1903 г.

Только оратор слез с трибуны, как один за другим начали говорить представители от каждой партии. Как они горячо выступали! Одному, предлагавшему выбрать во главу государства одного достойного человека, который бы довел войну до победного конца, солдаты засвистали и зашумели. Второй оратор стал призывать голосовать за партию, которая настаивает на свободе, на праве на землю и доведении войны до победного конца.

– Граждане! – говорил он, горячо жестикулируя руками.– Неужели мы помиримся с немцами?! Да нам не простят жертвы, их пролитая кровь ради победы, пролитые слёзы наших отцов, матерей.

Среди солдат пошли шепотки, переговоры. Но вот на трибуну поднялся следующий оратор. Он говорил, что нужен немедленно народу мир, изъятие земли у помещиков, попов, монастырей и так далее с передачей её крестьянству. Свободу слова, печати и т.д. «Долой войну!» – закончил он. У многих появилась улыбка на лице. Солдаты заповорачивались один к другому, как будто испытывая один другого – согласен аль нет?! Ещё и ещё подымались ораторы, а один из них даже сказал, что никакой власти не надо – человек сам себе власть. Расходясь с собранья, у солдат всё перемешалось в голове, и только слова о мире у некоторых крепко вошли в душу и сердце.

На другой день перед голосованием Телегин Вася подошел к Ване:

– Ну как, за какую партию, Деськов, будешь голосовать?

– А ещё не решил,– ответил Ваня, не зная настроения друга.

– Я проголосую за мир,– сказал Телегин.

– У меня такое же настроение,– сознался Ваня, и он рассказал Телегину, что эта партия борется не только за мир, а и за землю, фабрики, леса. Рассказал, какое у них у крестьян в селе безземелье, а у попа да богатеев её полно.

Вечером собрали бюллетени, и старший писарь заставил Львовича отнести по ящикам. И только Львович ушел голосовать, Ваня подумал: а у Львовича хватит замашки – возьмёт да опустит все в облюбованный ящик[670].

Пётр не терял надежду собрать на свидание братишек, и это ему удалось. 8 октября они встретились в городском саду в Галаце, сели на скамейку и досыта наговорились. Перебирали, перетряхнули многое в жизни. Не опустили из виду и голосование. Оказалось, в голосовании у них проявилось полное единодушие. Наговорившись, Пётр повел братишек к штабу 37-го полка, где он и работает. Договорился с товарищем, любителем-фотографом, и у одного из флигелей сфотографировались на память.

Только к ноябрю месяцу удалось Ване покончить работу по запущенным делам, и Вася Телегин предложил ему учиться печатать на пишущей машинке. Отпечатает приказ по полку, отдаст после подписей Львову для размножения и скажет: «А ну, Деськов, не всё нам с тобой песни петь, машина свободна – садись, учись печатать».

[670] Очевидно, автор путает порядок событий. Выборы в Учредительное собрание по большинству избирательных округов прошли 12 ноября 1917 г., а в некоторых частях страны затянулись до декабря и даже января. Отрывок, посвящённый выборам в Учредительное собрание, должен был быть вставлен гораздо позднее.

Ваня заинтересовался этой работой и первые дни сидел с утра до вечера и достучал [до того], что пальцам стало больно. «А ты приучай все пальцы к работе, видел ведь, как я!» – сетовал ему Телегин. Пробовал Ваня включить в работу все пальцы, но на первых порах то палец не попадет на букву, то стукнет по двум, и рычажки перед валиком спутаются. Особенно плохо слушались мизинцы.

Бумаги Ваня потратил порядочно. Его не ограничивали, и он, пользуясь этим доверием старшего писаря, нет-нет да листочек-два приберегал друзьям для писем, хотя они с уходом в окопы редко его навещали.

Как-то Ваня засиделся за работой, а в штаб, откуда ни возьмись, зашёл очень знакомой личности прапорщик и спросил у Вани: «Дружище, у вас тут из начальства никого нет[671]?» Ваня обернулся и встал в недоумении. Его ошеломил очень знакомый голос и, взглянув на прапорщика, он узнал Сашу Агеевского, с которым вместе учились в школе инструкторов в Мариинском Посаде на Волге. Агеевский, взглянув на растерявшегося Ваню, схватил его, и два товарища по школьной скамье крепко обнялись.

– Вот так встреча! Да ты как, Деськов, здесь очутился? Почему не в чине офицера? А где, не знаешь, твой братик Вася, с которым вы за триста вёрст в школу топали?

Ваня не скоро собрался отвечать на сыпавшиеся вопросы Агеевского.

– Начальство куда-то ушли, а я сижу и учусь печатать. Нас с Васей взяли в августе 1915 г. Обоих определили было на флот, да потом раздумали.

– Вот как!

– Приличнее, сказали, вам подойдет серая шинелька. Вот мы и тянем лямку. Кончили мы с ним вместе учебную команду и с маршевыми ротами попали сюда. Я в 40-й полк, а он в 39-й.

– Вот как! – слушал Агеевский и ещё больше морщинил лоб на своем черноватом лице.– А в какой он там роте? Знаешь?

– Знаю – в саперной роте.

– Я бываю в 39-м полку-то. Обязательно постараюсь свидеться!

Начали вспоминать школьных друзей.

– А слыхал ли, Деськов, что Костя Маракулин в первом же бою убит. Он тоже имел звание прапорщика. Колька Горюнов, помнишь ведь поповского сына?

– Помню, как же.

– В артиллерию попал. Николаева забраковали, вот он и сообщает новости.

– Саша, а ты не слыхал результаты голосования? Чья партия больше голосов получила?

– Это ты об Учредительном собрании?

– Да, да.

– Ничего не знаю. Мне кажется, нас в Румынии не спросят. Там в России дело будет решаться, а у нас что – и ящики-то которые поразломали!

– А ты, Саша, в какой части?

---

[671] После слова *нет* вычеркнуто *спрашивает он Ваню*.

– Э, лучше не спрашивай. Болтаюсь – куда пошлют! Пока что вышел из больницы, а назначенье не получил. Как определюсь – обязательно сообщу. На фронтах теперь затишье. Думаю, скоро отвоюемся! Ну, мне пора. Хотелось бы увидеть вашего адъютанта. Придется ещё завтра прийти. До свиданья, Ванечка!

– До свиданья, дружище!

[В] последующие дни Ваня надеялся, что ещё встретится с другом по школе, но так и не пришлось, и сообщенье о себе, как обещал, не сделал.

Наступил ноябрь месяц. Днями в Румынии солнце всё же припекало, но ночи, казалось, ещё стали прохладней. Или это только кажущееся явление из-за контрастности перемен.

Во второй половине ноября Пётр вызвал Ваню к телефону.

– Ваня, я от Павла получил письмо! – сообщал Пётр.

– А ты не получил?

– Нет, разве позднее получу.

– И из дома нет?

– Нет и из дома. Не знаю, как там тятечка, мама.

– И я не знаю, да и Павел о них ничего не написал. Ведь он всё же в России! Да вот я прочитаю тебе его письмо дословно, слушай[672]: «Дорогой Петя! Ты беспокоишься обо мне, но ведь ты знаешь, что обо всякой перемене в моей жизни я сейчас же извещаю своих близких. Живу по-прежнему в Речице[673]. Месяц тому назад был бы отправлен на фронт, но в числе других учителей оставлен для занятий в солдатской школе.

Учусь по-прежнему играть на скрипке: дело трудное. Выбрали было меня в полковой комитет, да я отказался: к общественной-то работе я не способен, да и времени свободного не остаётся. Живу всё на прежней квартире. Часто ли видишься с братьями? Как чувствует себя Ваня? Не обиделся ли на что? Дома у меня семья, наверно, приумножилась уже, хотя известий еще не получил. С нетерпением жду Учредительного собрания. Что оно ещё скажет…

Прощай! Твой П [авел]. 18 ноября старого стиля 1917 г., 5 нового».

Ваня уже освоил работу телефонного аппарата: говоришь – нажимай, слушаешь – отпускай, и сообщение Петра принял дословно.

Наговорившись с Петром, он сел за письмо Павлу. Он писал: «Дорогой Павел! Пишу тебе из Румынии. Не знаю, дошли ли до тебя мои письма отсюда, которые я писал тебе со станции Барбош, из роты, с позиции, из карантина? Теперь я нахожусь в штабе 40-го Сибирского полка, куда меня перевели, возможно, окончательно. Штаб полка теперь недавно перебрался из села Барбош (близ станции Барбош) в казарму Флотилей, близ берега Дуная. В селе Барбош очень было неспокойно. Каждую ночь немцы бьют из тяжёлых орудий по нему, и по станции, и по полотну железной дороги. Теперь редко бьет по нашим окопам, но по железной дороге нет-нет да пустит. В роте у меня было много друзей, а здесь я пока чувствую себя стеснительно. Погода здесь

[672] Далее авторский заголовок *5 октября?*

[673] Речица – город в Минской губернии, центр одноименного уезда, ныне город в Гомельской области Республики Беларусь.

очень и очень не по нашему нутру: днём стоит жара, а ночью – холод. Если нужно дров напилить, то бери ведёрко с водой поливать на пилу, чтоб не отошла (конечно, это я утрировал, но почти так). Солдаты здесь приспособились из алюминия от головок разорванных снарядов отливать ложки. Я тоже ходил в поиски за алюминием. Обшарил много воронок, но не нашел. Зато в одном месте натолкнулся на 3-дюймовые гильзы, или стаканы, как их называют, стреляные. Повертел их в руках, позавидовал: вот бы дельны у нас получились цилиндры к нашей паровой машинке! Не то что ржавые обрезки труб Ивана Александровича. Взял бы их штучки три, да думаю – ещё их тащить, дай-то бог свои ноги отсюда вытащить! Пиши о себе!

Твой Ванечка!»

Свернул письмо и положил на стол к Львовичу для отправления, подумав: «А что же Павел мне письмо не написал – что делается в России и на фронтах? – но тут же подумал: – А разве цензура пропустит?! А потом – дак теперь есть ли эта цензура? Ведь вот наш почтарь Львович теперь ни одно письмо не просматривает и только иногда выловит какую-либо новость». А новости если и проскакивали, то более о жажде мира – конца войны.

Эти весточки в русских частях Румынского фронта начали проникать со стороны немецких окопов. Немцы забрасывали к русским в окопы листовки с призывом: «Русь – люди!» «Русь, революция!» Конечно, тем, кому война была нужна «до победного конца», такие листовки были не по душе, и они старались всячески растолковать солдатам в окопах вроде: «Выдохлись немцы, просят мира! Вот бы, братцы, ещё бы удар по ним, и полетел бы только пух от Германии! Говорено было, что надо было поддержать “всеобщее наступление”! Теперь бы и конец войне был!»

Но таких «героев» среди солдат были единицы. Из окопов в штаб полка от солдат нет-нет да начали поступать вести, что солдаты наши и немецкие по ночам опять начали вылезать из окопов и едва ли не спят рядышком. Об этом-де сообщили и в полковой комитет, и командиру, но от них никаких указаний не поступало. Эту новость в штабе полка воспринимали всяк по-своему. Старший писарь покрутил свои усы и с ехидцем сказал:

– Ну и доиграются опять, как [в] прошлый раз. Батарейцы образумят!

– А что – ничего не будет! Годило-Годилевский-то ведь подох, а полковой комитет на такую провокацию не пойдёт и командиру полка не позволит,– возражал ему Вася Телегин.

– Как сказать,– вмешался в эту полемику сибиряк Занудо Донька.– Командир раз он, так командир полка. Прикажет батарейцам поджарить наших и немцев над окопами, и поди – жалуйся ангелам в небесах! – возмущался он.

– А командир-то полка теперь наш человек и без ведома полкового комитета ни гу-гу! – проговорил Телегин.

– Ну тогда он тряпка, а не командир! – выкрикнул Занудо.

Львович не включался в эти суждения, но в конце разговоров стукнул кулаком по столу и горестно выразился:

– Пропали мы, братцы! Да хоть бы пропасть на родине, а то в этой обстановке сдохнуть ни за что! Хоть бы довелось взглянуть, что творится у нас в России!

– Раньше надо было, Львович, думать об этом, а не теперь! Допустили до чего! – заметил ему старший писарь.

– А я дак считаю – всё к лучшему! – одернул ему Телегин.

Иногда и за работой такие полемики частенько в штабе накалялись чуть не до крупной ссоры. Порой ненадолго умолкнут, пыхтя над бумагами, что-нибудь перебирая, перекладывая от безделья, иногда поглядывая один на другого, готовые снова чем-либо уязвить один другого. Видно было, как они всё дальше разделялись на две партии, отмежёвывались во взглядах на оценку событий. Старший писарь с Донькой Занудо крепко держались за необходимость продолжения войны до победного конца.

– Вот такие вояки и мутят дело! Воевали, воевали, сколько людей положили, и всё теперь насмарку! Идите, целуйте зады у немцев! А что нам скажут наши союзники? Задумываетесь вы, чёрт бы вас побрал?! – бросали они ядовитые словечки в сторону Васи Телегина и Львовича, который стал поддерживать сторону Васи, ратующего за конец войны и возвращение в Россию, в родную Москву.

Ваня в душе тоже поддерживал Телегина и Львовича, но в пререкания, чувствуя себя новичком, не вступал. К Васе Телегину Ваня изнашивал какие-то особые товарищеские чувства. В нем он не видел ни зазнайства, ни гордости, ни старшинства по должности. Не то Ваня испытывал со стороны старшего писаря, сидевшего отдельно за столом, часто покручивая свои куцые усы, гордясь тремя пришитыми коричневого цвета лычками на погонах. В гордости от него не отставал и Занудо.

Однажды Телегин, выбрав момент отсутствия в штабе ст [аршего] писаря и Доньки, подошёл к Ване, положил ему руки на плечи и спросил:

– Ну что, Деськов, ты с товарищами из роты видаешься или нет?

– Давненько уже никого не видел,– ответил Ваня.

– А что же ты дружбу с ними забросил?

– Да как тебе, браток, сказать. Очень мне хочется хотя бы кого встретить из роты, да ведь не вырвешься отсюда. А они тоже что-то стали меня забывать.

– Вот и плохо. А ты возьми да сходи к ним сам. Да узнай, какие у них думы о войне. Между прочим, а ты сам-то что думаешь – воевать или бросать? Что-то от тебя ни одного словечка о том не слышно. А?

Ваня снял с плеч руки Телегина. Взглянул на улыбающиеся лицо Телегина и сказал:

– Конечно, кто не нюхал окопов, тот за победу. А я, хотя и немного хватил её, но эта бесчеловечность мне противна.

– Так что же ты молчишь? Нас не поддерживаешь?

– А что, разве мы их переубедим, бесполезно, братишко. Вот знать бы, верно, как ты думаешь, мнение окопников – это бы да…

– Вот, вот, вот, это бы надо, Деськов. У меня там нет таких друзей, как у тебя. Вот и пронюхай! Да узнай, правда ли что наши с немцами в переговорную вступают. Идёт? А старшего-то не бойся, иди, а если кто спросит, я скажу, что я послал в роту его с бумажкой.

Однако Ване сходить к друзьям в роту не удалось. Первые три дня после разговора с Телегиным погода не благоприятствовала – шёл моросящий дождь, идти не захотелось. А тут в штаб, как по заказу, к Ване пришёл друг по карантину в винограднике Сёмка: этот тот, которому Ваня писал письмо о «много кланяюсь». Зайдя в канцелярию штаба, Семён подошёл к Ване и с виноватой улыбкой поздоровался:

– Здравствуй, братишко Дичков! Али уже нас забыл? Семёньша я. В карантине-то, помнишь, мне домашним писал письмо. Из дому-то ведь ничё нету. Да адрес, поди, мы тогда не тот дали?! Поди, ошиблись! Так вот и решил я опять просить тебя ишо написать письмишко. Изболелась душа о домашних-то!

Ваня и помнил и не помнил вроде этого солдата с чёрным от грязи бескровным заросшим волосами лицом. Да и мало ли кому по просьбе он не писал писем и в окопах, и в карантине!

С приходом в штаб Семёна [что-то] насторожило старшего писаря, и он спросил:

– Што скажешь, братишко?

Семён было замялся от неожиданного вопроса усатого писаря, но, вытянувшись по-военному, ответил:

– Я вот к знакомому братишке пришел, как вместе в карантине были с ним.

Телегин сообразил и сказал Ване:

– Выйдите из штаба и повидайтесь.

И приход Семёна в штаб, и слова Телегина поставили Ваню в неловкое положение, и он с Семёном вышел из штаба, а спустя не более пяти минут почти следом за ними вышел Телегин. Подойдя к ним, Телегин сказал:

– Пойдёмте отсюда подальше! – и повёл их к берегу Дуная.

Шагая за Телегиным, Ваня только теперь понял замысел Телегина Васи и неловкость слов, воспринятая им от Телегина в штабе канцелярии: «Выйдите из штаба и повидайтесь!» Это тогда прозвучало вроде приказа, и Ваня принял это за обиду, но, поняв замысел Васи – уйти от гласности, успокоился. Подойдя к крутому обрыву берега Дуная, уселись на круче.

Дунай после прошедших дождей был спокоен и катил мирно[674] свои воды от Брэиля, как бы прямо на усевшихся под его тишиной солдат: ефрейтора Вани, младшего писаря с двумя нашивками Васи и рядового Семёна. Разговор пока не клеился – Ваня не нашел с чего начать: Семён стеснялся Телегина, чтобы повторить просьбу к Ване о задуманном письме. Молчание нарушил Телегин:

– Вот мы и уселись, как на ладошке, на виду у немцев,– улыбаясь, говорил и поглядывал на Ваню и Семёна Телегин.– Они уже наверняка в бинокль могут нас

[674] *Мирно* вписано поверх строки.

увидать вон с тех сопок! – и он рукой показал на противоположный берег Дуная с возвышающимися над ними сопками Добруджи.– Да не бойтесь, не стрельнёт. Тут одна ширина Дуная без малого будет версты две,– продолжил он.

Тут и Семён развязал язык:

– Ой, да чё, братишко Дичков, мы, знашь, теперь не то, что было, ночами с немцами спим почитай вместе! Видим один другого и не стреляем. Кто умеет говорить хоть маленько по-немецкому – переговариваются, да и немцы-то кои нам покрикивают по-нашему. Бумажки к нам какие-то в окопы бросают. Робята говорят, они с нами мириться хотят. Вот я и хочу об этом домой письмишко послать, сообщить, что, може быть, Бог даст, скоро приду домой.

– А ты, Семён, из окопов, что ли, пришел ко мне, да интересно, кто у вас там с немцами по-немецки переговаривается? – спросил Ваня.

– А вот не знаю, как фамилья-то, да знаешь, это тот, коево ишо при тебе засыпало землей. Его ещё оглохшего на фершальский пункт[675] таскали. Возвратился в роту, дескать, здоров. Да, знамо, черноватый такой, говорит, жил недалеко от немцев, вот и нанюхался по-ихнему.

– Ну а как же всё же ты к нам, Семён, попал?

– А так, браток Дичков, знашь, по пути. Нас четырёх послали в Галацу на интендантский склад, дескать, каптенармусу помочь в складе порядок навести. Но вот, Дичков, я удивился – в складе-то столько всего! А у нас только и кричали: «Береги патроны!», кладовщик сказывает, что это привезли к всеобщему наступлению. Ну, пусть так, к всеобщему, дык значит было у нас, а где-то лежало. Вот и воевали с голыми руками, будь оно проклято! Вот управились мы там, ну обратно идем ведь мимо вас, ну я и зашёл к тебе, а оне со мной не пошли.

– А как другие-то, что говорят в окопах? Собираются воевать или бросают? – дополнил вопрос Вани до этого молчавший Телегин.

– Вот, вот, Семён, что думают у вас солдаты, расскажи-ка?

Вопросы как будто несколько смутили Семёна, но он, собравшись, только и сказал:

– Всем надоело! Все только и думают бросить всё – и по домам в Россию. Слышно, правда ли нет, немцы сообщают, что русские не воюют – революция-де там. Мне, робята, идти пора. А как же письмо, Дичков, ты мне напишешь?! – проговорил он, вставая.

– Напишем, напишем,– проговорил за Ваню Телегин.

Со слов Семёна письмо было написано и передано Львовичу для отправки. Семён крепко поблагодарил и ушел для передачи в окопы приветов от Вани и Телегина.

Но, дойдя до штаба дорогой, Телегин ещё при Семёне и Ване заметил:

– Теперь тебе, Деськов, можно в роту и не ходить – всё ясно, как ты думаешь?

Ваня сразу ответил:

---

[675] После *фершальский пункт* вычеркнуто слово *оглушённого*.

– Да, оно так, но, с другой стороны, хотелось бы своими глазами и ушами посмотреть и послышать, что делается в окопах.

– Старший писарь не разрешит. Видишь, как он и Донька замечают[676] за нами!

На второй день из 2-й роты пришел в штаб полка вестовой. Сдал старшему писарю какие-то сведения. Писарь принял бумаги, расчеркнулся в разноске и, подавая разноску вестовому, спросил:

– Ну как там у вас дела?

– А что дела! Дела как машина – войну кончаем. Надоело всем, домой охота! Немцы, австрийцы нас не тревожат, ну и мы их… А чё, правду ли в роте у нас говорят, что в России какой-то Ленин[677] появился? Кто говорит, что он хороший человек, а кто говорит, что он из Германии шпион. Вы не слыхали?

– Да, кой-какие слухи есть, что он из Германии,– ответил писарь.

– Вот так же и у нас которы говорят, а которы говорят, что он чисто русский. Вот и спорят чуть не до драки. Значит тоже не знаете?

– Говоришь, с немцами мирно живете, а почему по ночам нет-нет да слышно стрельбу? – спрашивал писарь.

– А это не у нас. У нас – тишина. Это немцы по румынским окопам шпарят! Татареску допекают!

Забрав разноску, вестовой вышел, а в штабе канцелярии полка воцарилась тишина. Каждый в голове переваривал новости по-своему. Ст [арший] писарь, скоса поглядывая на других, рассматривал и укладывал бумаги в папку для доклада, что-то на них помечая. Донька Занудо сидел, скрестив руки на груди у стены на лавке, навалившись на стенд, о чём-то крепко думая. Телегин, передавая подписанный проект приказа командиром и адъютантом, Ване шепнул:

– Слышал, дружище?! Дела идут лучше не надо! Отпечатывай!

Спустя немного дней после новостей от вестового в канцелярию полка пришел солдат-артиллерист из батареи, расположенной у деревни Фольтешты и также передал что-то писарю. Писарь, получив бумаги, спросил артиллериста:

– Ну как, отдыхаем?

– Теперь благодать! Вот бы скорей домой хоть отпустили, а то бездельничаем. У нас некоторые ребята уже у немцев в окопах побывали.

– Да что ты? – привстал изумленный писарь.

– Ей богу, свята икона! – крестясь, проговорил артиллерист.

– Обманываешь, врёшь, сказки болтаешь! – стукнув кулаком по столу, вскричал писарь.

– Ей бо, не верите?! И немцы, и румыны, сказывают, к нашим в окопы ходют, дескать, братаются!

---

[676] Замечают – следят.

[677] Владимир Ильич Ленин (Ульянов) (1870–1924) – российский, советский государственный, политический, общественный деятель, лидер партии РСДРП (б) («большевики»), теоретик марксизма, один из организаторов Октябрьского переворота, первый председатель Совета народных комиссаров РСФСР в 1917–1924 гг. (с 1922 г.– СССР), один из основателей СССР.

После ухода артиллериста ст [арший] писарь, покручивая ус, несколько раз прошёлся по канцелярии и, садясь за стол, проговорил:

– Придёт адъютант, обязательно спрошу, правда ли.

Задумку писарь выполнил, как только полковой адъютант Зубков зашел в канцелярию. После каких-то указаний адъютанта писарю, писарь спросил Зубкова:

– Товарищ адъютант, разрешите нам частный вопрос – правду ли говорят, что немцы ходят к нашим солдатам в окопы и наши – к немцам?

– Да, таких случаев уже несколько было. Немцы-то как-то неохотно отзываются на гостеприимство, а вот австрийцы братаются с нашими,– ответил Зубков.

– А к лучшему ли это и как на это дело смотрит полковой комитет? – не успокаивался писарь.

– Считаем нормальным, хватит, навоевались! В России давно уже другие дела совершаются, а у нас всё ещё командующий фронтом генерал Щербачёв[678] лямку тянет!

Проводив адъютанта Зубкова, писарь как бы обмяк и задумчивым, спокойным тоном проговорил:

– Вот дела, ребятушки, навоевались, видно, мы. То-то я всё недоумевал: в сводках из рот каждый почти день значится – такой-то солдат выбыл из роты, а то и два, а куда – неизвестно. То ли в командировку, то ли… А поди, ушёл к немцам. И вот уже сколько раз запрашивал роты об этом – не отвечают.

– Домой, домой поедем. Я к немцам не пойду! – проговорил Вася Телегин.

– Хорошо тебе, Телегин, Москва недалеко, а вот мне каково в Сибирь пробираться! – перебил Занудо.

– Ну, иди к немцам. От них до Сибири ближе,– заметил ему с иронией Телегин.

Как-то под вечер Львович пришёл из города Галаца после своих почтовых операций и встревоженно, тряся в воздухе смятой бумагой, заявил:

– Братишки, товарищи, а ну подходи, будем читать газету! Ох и интересна. На, Телегин, читай вслух.

Все навострились: шутка ли – за время всей военной службы впервые услышать печатное слово.

– Ну, слушайте,– развернув смятый лист, [сказал] Телегин и начал читать: – Газета «Ракета» – это такое название,– читает дальше: – Газета «Ракета» выходит только днём, а ночью боится,– все засмеялись.

– Ну, читай дальше,– торопили Васю.

– Да подождите, листок смят, не разберу. И что ты, Львович, так её измял?

– Да не я, а там у меня солдаты из рук вырывали. Кое-как справился – отвоевал!

Газету прочитали полностью, но теперь дословно привести содержание не могу и описываю только, что осталось в голове при обсуждении этой газеты. После Львович отдал газету солдатам[679].

---

[678] Дмитрий Григорьевич Щербачев (1857–1932) – генерал от инфантерии, фактический командующий Румынским фронтом с апреля 1917 по март 1918 г. В годы Гражданской войны – в Белом движении.

[679] Текст абзаца оформлен как подстрочное примечание.

Из прочитанного было непонятно, что такое «мир без аннексий и контрибуций»[680].

– Как так – непонятно, мир как мир, а то ещё вроде бы кто придумал анексю с контрибуцией! Вроде бы суп без сметаны и суп со сметаной! – возмутился Львович, но так, такой мир и оставили до выяснения.

Газета призывала сохранять дисциплинированность и порядок в частях.

– Что уж эта газета – то призывает к миру, то – к порядку, а то и шутки пишет какие-то,– заметил[681] Вася, отдавая газету Львовичу.

Подойдя к Деськову, Телегин, улыбаясь, проговорил:

– Как чувствуешь себя, братишко? Здорово ведь пошли дела!

– Не только здорово, а и замечательно! Я вот сейчас же думаю написать письма братикам, как у них, что делается в частях. Они мне напишут, и тогда мы узнаем настроение солдат в 37-й и 39-й Сибирских стрелковых полках нашей дивизии.

– Вот правильно, давай, давай, Ваня!

– Особенно брат Пётр[682] дотошно опишет, что делается в 37-м полку. Он ведь седьмой год в этом полку служит и проклинает эту войну!

Письма были написаны и Петру, и братану Василию Ивановичу Деськову и тут же переданы для отправки Львовичу. Львович, взяв письма, и прежде чем поставить штамп, прочёл адреса, махнул рукой и, как бы сделал какое открытие, проговорил:

– Фу, ядрёна муха! Даже лично могу передать! Вот только в лицо их не знаю.

– А вот посмотри,– и Ваня вынул из кармана гимнастерки фотографию, на которой фотолюбитель ещё в октябре месяце по улице Брэиля в Галаце запечатлел трёх братиков – Петра, Ваню и Василия.

– О, дак этого я знаю! Часто его вижу! – показал Львович на Петра.– А этого нет! – показав на Василия.

– А когда вы это сфотографировались? – спросил Телегин Деськова.

– Да это ещё когда я в карантине был. Тогда Пётр узнал, что я близко у города, списался со мной и Васей-братиком, вот мы и встретились впервые, а он и фотографа подговорил.

– Вот да! Это будет память – три брата Деськова в одной дивизии на фронте! Славно! – заключил Телегин.

Фотографией поинтересовались и ст [арший] писарь, и Занудо. Надо сказать, что после известий о братании наших солдат с немцами и слов адъютанта Зубкова, газеты «Ракеты» у них у обоих воинственных дух иссяк, выдохся. Перестали они и возмущаться и такими новостями, поступающими с передовой линии окопов, что

---

[680] «Мир без аннексий и контрибуций» – одно из положений «Декрета о мире», принятом 26 октября (8 ноября) 1917 г. на Втором съезде Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В соответствии с этим положением всем воюющим народам и их правительствам предлагалось начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире без захвата чужих территорий (аннексии) и без требования насильственного взыскания с побеждённых материального или денежного возмещения (контрибуции).

[681] После слова *заметив* вычеркнуто слово *кончив*.

[682] *Пётр* вписано поверх строки.

солдаты бросают оружие, и редеют ряды защитников, и что многие солдаты вместе с австрияками занялись не только братанием, а с гранатами в руках ходят по берегу Дуная глушить рыбу. Очевидец рассказывал, что своими глазами видел, как после брошенной гранаты и её взрыва на «Подковчатом озере» русский солдат и немец, раздевшись, бросались в воду за перевернувшейся вверх брюхом рыбой.

– Ну, прямо чудеса! – заметил рассказчику Донька, а ст [арший] писарь проговорил, крутя усы:

– А и немцы не боятся, что могут нарваться и на румын? Ведь у них братанья нет.

– Ну, румыны далеко. Откуда им взяться-то.

У Деськова пала в голову мысль сходить как-нибудь самому на передовую, послушать, что скажут товарищи, если они остались, и поглядеть, что делается своими глазами. Эти думы он как-то поведал Телегину. Одному ему доверял свои секреты. Телегин, выслушав Ваню, одобрительно сказал:

– Я тоже думаю. Пойдем вместе. Всё равно дела нет – бездельничаем только.

Но вскоре не выбрали времени осуществить задуманный променаж – получено новое известие, да от кого! Самого ст [аршего] писаря! Оказалось, что он ещё три дня тому назад получил из штаба армии от генерала Щербачёва, командующего русскими войсками на участке румынского фронта, секретный пакет и, помалкивая, заложил в папку для доклада. А сегодня, узнав о содержании этого пакета и отдавая черновичок Телегину, дал указание о выпуске секретного приказа по полку, сказав:

– Отпечатайте срочно и никому ни гу-гу! – добавил: – Довоевалось христолюбивое воинство! Давно бы надо выпустить этот приказ, а то пошли рыбу глушить! Теперь нечем будет!

Телегин взял книгу секретных проектов и, написав проект приказа, передал его писарю. Деськов недоумевал: что за новость, что за секрет, но теперь же поинтересоваться постеснялся писаря, сидевшего нет-нет да с набегающей улыбочкой.

– Всё равно Вася Телегин мне расскажет, как будет время, а теперь неудобно,– думал он.

К вечеру в штаб зашел адъютант Зубков. Писарь подал ему папку с бумагами для доклада. Адъютант взял папку и, ни слова не говоря, вышел из канцелярии. Писарь, проводив Зубкова, покручивая усики, начал разминать по канцелярии отсидевшие ноги. Пройдясь несколько раз, он остановился перед Телегиным и проговорил:

– Как ты, Телегин, думаешь, к лучшему или к худшему? – и, получив неопределённый ответ, сел за свой стол.

Адъютант вернул папку «для доклада», и писарь, обобрав бумаги для общего приказа[683], передал Телегину: «В приказ». А сам начал печатать секретный, не доверяя ни Телегину, ни Деськову. В канцелярию ввалился в весёлом настроении Львович после своей служебной почтовой прогулки и, не заходя в свою засекреченную конуру почтовых, заявил:

[683] После слово *приказа* вычеркнуто словосочетание *взял секрет*.

– Писем нет никому, а знаете ли, какие песни да частушки солдаты сочиняют и поют? Я записал, вот, слушайте, развернув свои записи и встав в позу оратора, он начал:

Раньше был я смазчик,
Смазывал вагоны,
А теперь на фронте,
Золоты погоны!
Я теперь не прачка,
Бельё не стираю,
А теперь на фронте
С прапором гуляю!
Раньше была прачка,
Звать меня Лукерья,
А теперь на фронте
Сестра милосердья[684]!

– Или вот ещё про них, слушайте:

Господи Боже, Россию спаси,
Сколько <…> развелось на Руси!
В красных ботинках, в ажурных чулках,
С красным крестом на груди, на рукавах
Все эти…

– Будет, Львович, на вот – срочно на гектограф, рассылать надо! Отпечатай и мне! – прервал Львовича ст [арший] писарь.

Как только наступила вечерняя прохлада, Телегин, направляясь из канцелярии на улицу, проходя мимо Деськова, ткнул его в бок. Ваня понял и, немного помедлив, тоже встал и вышел. Телегин стоял с задней стороны здания и любовался вечерней зарёй.

– Вот благодать-то какая! – проговорил он, как только к нему подошел Деськов.– Ни тучки на небе, а заря-то вечерняя какая! – продолжал он, а Ваня, слушая его, подбирал в голове, как бы узнать полученные секреты.

«Новичку, непроверенному, ещё, пожалуй, не скажут»,– думал он.

– Доньки где-то нет в канцелярии, куда-то вышел. Пойдём отсюда, подальше с глаз. Когда отошли, Телегин снова заговорил о заре, о звёздах.

– Ты, Деськов, не замечал: мне кажется, в Румынии и месяц, и звезды ярче горят, чем у нас в России?

– Пожалуй, что так! У меня брат старший, Павел, души не чает, наблюдая за звёздами, планетами. Очень этим увлекается! Самодельные, бывает, устраивает телескопы и согласен целую ночь смотреть на них. Ну, уж как на небе хмуро, тучи, и у него появляется хмурость. В хорошую погоду и до ветру, бывало, выйдет из дому, а на небо не забудет взглянуть. А ведь вот и у меня порой бывают такие моменты: гляжу я на звезды, а ведь, может быть, в этот момент и он смотрит на них, да не

[684] Известные частушки времён Первой мировой войны.

только он, а может, и родные, ведь все поглядывают на небесный загадочный купол. А как бы было замечательно, если бы мы, обладая зрением таким, чтобы зрением через звёзды могли переговариваться между собой?! Чудно бы было, как ты, товарищ Телегин, думаешь? Мой взгляд встретил бы, скажем, на месяце взгляд того же брата, отца или матери, повидались бы! А?

– Ну и фантазер же ты, Деськов! Сколько ни глазей на эту просмешницу Луну – ни ответа, ни привета ни от кого не получишь. Вот так!

– Так-то оно так, а вот всё же мало ли знаем, что там. Наверно, там такой дикости, бесчеловечности нет, как у нас на Земле, и, наверно, этим красивым звёздам стыдно, обидно за наши земные бесчеловечности, на нас смотрят. Считаем себя разумными существами, а сами воплотим свой разум в пули, штык, снаряд!..

– Подожди, Деськов! – прервал Ваню Телегин.– Ты дельно рассуждаешь. Я не думал, что ты можешь так рассуждать, но всё мне казалось, что ты в жизни безразличен. Вот мы теперь частенько спорим между собой, а ты сидишь, слушаешь и молчишь. Думаю: парень ни туды и ни сюды, овечка, хоть куда погони! А знаешь, рога-то и им обрезают! Не знаю только, к лучшему или к худшему. С Львовичем мы по секрету переговорили о новости, а я ещё задумал узнать твоё мнение и нарочно вызвал тебя. Пошёл и думаю: надо выведать, как ты относишься к нашим спорам. А вот оказалось из твоего сегодня суждения, ты на нашей стороне. Я рад, и Львович будет рад. Значит, с тобой можно поделиться и секретным приказом. Только пока, знаешь, между нами!

– А я Вас, товарищ Телегин, мечтал, как бы расспросить у Вас – что за новость?

– Ну так вот – слушай: получен приказ из штаба дивизии сделать чуть не полное разоружение нашей дивизии. Предложено жёстко – сдать излишествующие винтовки, патроны, снаряды, ручные гранаты, оставить лишь по винтовке, пять патронов на одного солдата и так далее. Одним словом, дело идет не воевать, а сдавать оружие, да вот куда – в румынские склады!

– А почему в румынские? – возмутился Деськов.

– Вот именно: почему наше, русское – румынам!

– Ну что я думаю ещё: как дивизионным и полковым комитетам согласиться? Ведь что тогда может получиться – или немцы, или румыны нас, безоружных, в полон заберут. Не так ли может получится? А от них всё можно ожидать! Ведь, как хошь, румыны за наш отказ воевать, им помогать, зуб на нас точат. По-моему, так бросить бы окопы, да в Россию, на родину в полном снаряжении. А то этим приказом мы должны перед румынами и руки вверх! Не может быть, чтоб и наши полковые комитеты пошли на это!

– Пошёл – не пошёл, а вот такой приказ есть, товарищ Деськов! Я тоже думаю, что этим приказом хотят наш дух обессилить и отправить пассажирами, куда захочут.

– А неужели, товарищ Телегин, поступил такой приказ командующему?

– Не знаю. В приказе-то ничего не сказано, [на] каком основании.

– Опять, подумаешь, так не верится, чтоб на родине наши задумали и нас вместе с оружием сдать во власть румынам. Вы вот спорите, а я ведь прислушиваюсь,

и из ваших разговоров видно, что в России идёт борьба, да такая же почти война, кто за Николашку, а кто за революцию. Кто за кого – это ясно. Вот и мы бы, поди, пригодились, да и оружие тоже. Не правда ли, товарищ Телегин?

– Да, ты, Деськов, прав. С кулаками, да тем более голыми [руками], мы ничего не сделаем! А в Москве да Петербурге, по слухам, крупные дела происходят. Хотя будущность приказа покажет, как его будут осуществлять, посмотрим. Солдаты тоже не дураки.

И собеседники, любуясь тишиной над позициями, оба замолчали, а потом, как что-то вспомнив, Телегин сказал:

– А ведь можно и так предположить, Деськов: вот наша дивизия, снявшись с позиций в полном вооружении вернётся в Россию, а ведь командиры чёрт знает за кого и заставят солдат ударить, да не по той ноте! Может ведь такое дело? А?

– Чёрт знает. Дак комитеты-то ведь, мне кажется, сумеют выбрать, как ты сказал, нотку-то! – и так друзья, полностью не разрешив сложившуюся ситуацию, вернулись в канцелярию.

Львович сдержал своё обещание. Как только Ваня и Телегин вошли в канцелярию, Львович подошел к Ване и проговорил, шлёпнув [его] своей лапищей по спине:

– Вот и всё, дело в шляпе! С твоим братом Петром Николаевичем я познакомился и передал ему из рук в руки письмо лично. Товарищеский он человек. Как он обрадовался, что я лично от тебя принёс ему письмо! Не знает, как отблагодарить меня! Засуетился, не знает, чем угостить. Всё о тебе расспрашивал, а как прочитал твоё письмо, сказал: «Передайте, пожалуйста, братику, что я о них опять скучаю и думаю на какой-нибудь день с ними обоими свидеться, как в прошлый раз, и сходить с ними на постановку в театр. О дне свидания я им сообщу по телефону». Приглашал и меня. Мне он очень понравился, и ребята его уважают.

Телегин, стоя рядом, прислушивался к разговору, и как только Львович закончил разговор, сказал:

– А, припоминаю его, брата Деськова, особенно после виденной фотографии. Я ведь раз-два к нему в штаб приходил.

– А вот твоему братику Василию письмо [не] отдал и просил почтаря 39-го полка лично передать братику. Он знает, где стоит ихняя сапёрная рота. Так что всё в ажуре,– повернувшись к Телегину, Львович полушепотом сказал ему: – С приказом-то дело, видно, не прёт – волнуются солдаты. Разузнали, видимо, секреты. Оказывается, к нам в полк приказ-то только поступил, а в других полках дивизии его уже приводят в исполнение – хитро?! Это, значит, чтобы меньше было заметно! Солдаты не хотят оружие, боеприпасы румынам отдавать. Ведь додумаются и шинели с нас снять. Как же мы заявимся в Россию-то?!

– Да, дела! Что же думают полковые комитеты! – возмутился Телегин, а Львович продолжил:

– А что могут сделать полковые комитеты, когда творится такой ералаш? Кто прёт за царя, кто – за Временное правительство, кто – за учредиловку, кто – за войну,

кто – за мир, а некоторые ничего признавать не хотят: «Бей, громи, спасай Россию!» Вот мы читали газету «Ракета», там было «мир без аннексий и контрибуций». Мне это растолковали в городе – значит, мир без захватов и уплаты долгов. Дельно ведь! А вот ещё: иду я в городе по площади, смотрю на стене забора что-то наклеено, вокруг теснятся солдаты, часть – штатские, и вот кто смеётся, кто спорит, чуть не в драку… Я подошел и читаю: «Ваш лозунг – "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" А мы призываем: алкоголики всех стран, соединяйтесь! Лишь в опьянении найдёшь ты утешение! Всероссийский союз алкоголиков на своём заседании постановил:

1) отныне разрешается свободный выбор питий во всякой посуде и закусок к ним, основанных на принципе самоопределения желудка;

2) война до победного конца с женами, матерьми, сестрами за свободную федеративную выпивку».

Я хоть сбочку к спорунам пристроился и хотя не полностью, а записал. Пока записывал, дак всего наслышался. Кто рвётся сорвать с забора наклейку, кто загораживает. За воротки берутся, матюкаются. Ищут, кто наклеил, кричат: «Это анархисты, судить их надо!» Не знаю, до чего бы дело дошло, если бы не подошел наш патруль – разогнал сборище и изорвал наклейку.

– Дак ты, Львович, нашто её приволок? – упрекнули его Телегин и Ваня, а Занудо Донька, слушавший разговор, выскочил из-за стола и хотел попросить почитать, но Львович, смяв записи, быстро сунул в карман, пробормотал:

– Не дозволен цензурой!

После таких вестей Деськову как никогда захотелось побывать на передней линии окопа, самому убедится, что там делается. Встретить, если они есть, знакомых солдат. Поговорить с ними по душам, узнать их думки. Всё это осуществить в создавшейся ситуации стало много легче: не надо для ухода спрашивать у старшего писаря, а в случае [если] кто и заинтересуется его отлучкой, Вася Телегин с Львовичем выручат, только им надо будет сказаться.

Закрыв двери канцелярии и оглядевшись кругом, чтоб ни с кем не встретиться, Деськов направился по направлению выхода на дорогу, ведущую от города Галац к станции Барбош. Дорога ему уже знакомая, она повела его по винограднику, знакомому ему по цингозному карантину. Спускаясь по склону к станции Барбош, Деськов думал про себя, придётся ли встретиться со знакомыми ему товарищами, а всего бы лучше встретить прапорщика Новожилова или Агеева Сашку. Уж он-то бы выпытал всё у них! Ведь вот встретился было с Агеевым, но в новой обстановке не посмели при писарях спрашивать его о положении на фронте и что делается в России, да и неизвестно, чем этот теперь Сашка дышит, что у него на душе!

Так Деськов дошел до станции, дошел до дорожки сворота вправо к селу Барбош, постоял, подумал: не сходить ли в село, может, там встретить кого-либо, но решил не расходовать время и пошел прямо по дороге, подле крутого склона, высившегося справа, скрывающего посёлок. Снова справа увидел церковь, куда посылал его в разведку прапорщик Новожилов. Подходя к ходу сообщения, он увидел солдата. Солдат сидел на бровке окопа и перебирал швы нательной рубашки.

Ногти больших пальцев его рук были покрыты кровью и шкурами вшей. Деськов направился к нему, и что-то в голове у него блеснуло – не друг ли это Лысков Стёпа? Уж очень ему показалось знакомое обличье, но ведь как могло получиться? Лысков Стёпа погиб – не может быть, чтоб это он! Подходя ближе, он убедился и в самом деле в своей ошибке. На бровке сидел не Лысков, а Фалалеев, тоже знакомый ему по службе в Перми.

– Вот так встреча, Деськов, здравствуй! – поздоровался с Деськовым Фалалеев, узнав его прежде, чем он.– Вот где бог привел встретиться со знакомым. А вот забыл, как звать-то! Ведь в одной роте были!

Деськов сел к Фалалееву и разговорились о службе, настроении и позиционных делах.

– Тишина у нас в окопах-то,– рассказывал Фалалеев Деськову.– Домой бы надо, хватит! Войне конец, братаемся. Да вот с немцами, австрийцами ходим, а вот этот враг,– показывая на рубашку и ногти,– заедает. В окопах-то нас всё меньше и меньше. Кои дак и к немцам сбегают, а я как приду к ним в окопы, смелости не хватает у них остаться. Думаю, сдайся к ним, дак и просидишь в плену. Жди, когда-то ещё попадёшь на родимую сторонку. Да ещё попадёшь ли?! А ты, я гляжу, все ещё лычку на погонах носишь?

– У нас ещё носят,– сказал Деськов.

– А мы уж посрывали, у кого они были, даже офицеры посрывали.

При упоминании об офицерах Ваня вспомнил Новожилова и спросил:

– А ты не знаешь, Новожилов, прапорщик, где теперь?

– О, его уж с месяц у нас не видно. Говорят, что его отправили в полковой комитет. Робята сказывают, приходил он в окопы, а мне не удалось видеть. А ты куда пошёл?

– Да вот, захотелось повидаться с друзьями да посмотреть, как у вас тут дела, как братаетесь.

– Дак чё, давай сходим, посмотришь,– и, вставая, надевая рубашку, Фалалеев заметил Ване: – Да сорви ты лычку-то! На кой чёрт она тебе! – хотя нашивку и сорвали, но под нашивкой остались полоски от химического карандаша.– Ну, вот и всё, карандаш-то уж ничего. Теперь, значит, полное равноправие. Пошли! – забросив ремнём винтовку на левое плечо, повёл Фалалеев сослуживца.– Теперь о войне уж не думаем, да и что думать: винтовки кто бросил, отобрали, патроны тоже. Оставили только по обойме,– наклонившись к уху Деськова, он проговорил полушёпотом: – Когда приказали сдавать патроны, я три обоймы запрятал на всякий случай. Кто его знает, чем дело обернётся!

Фалалеев вел Деськова не по ходам сообщения, а по открытой местности, изрытой взрывами снарядов. Подойдя ко второй линии окопов, Фалалеев заскочил в окоп и повернул влево, направился в сторону землянки. У землянки было нечто маленького базара. Два безоружных австрийца стояли в окружении наших солдат и трясли перед нашими солдатами раскрытыми бритвами. Жестами и мимикой предлагали попробовать на волосах качество предлагаемого на обмен товара.

– Вот любую бритву можно выменять на кусок или даже полкуска мыла,– пояснил Ване Фалалеев.

– А где же его взять?!

– Но всё же у некоторых [есть], не знаю откуда, а бывает, меняются. Иногда и карманные часы выменивают или что другое, а другой раз и так, для интересу приходят. Тут как-то два немца приходили к нам с картами. Один-то из них хоть плохо, да поговаривал по-русски. Ну и дулись чуть не целый день в карты.

«Вот оно и вправду,– думал Деськов,– как положение изменилось. Ведь вот один-то австриец совсем пожилой. Наверняка дома остались родные: отец, мать, братья, сестра, жена, дети! Ждут домой, Бога молят, чтоб жив был, и у наших ведь тоже, а били один другого, сиротили сами себя. И тому, и другому жить хочется, а нет – бей! А теперь что – кто-то надоумил: нет враждебного, братаются – братство. Вот оно как! И хорошо, что Годило-Годилевский подох, а то бы опять спровоцировал бойню! Уж он-то бы использовал момент!»

При подходе их к собравшимся австрийцы сразу со своим товаром обратились к ним, но обменного товара не оказалось ни у того, ни у другого, да и хотя бы и было, то ни у того, ни у другого брать-то ещё было нечего. Левее, ближе к землянке, на насыпке сидели солдаты. Тут же около их составлены в козлы четыре винтовки. Солдаты о чем-то спорили между собой, но вот один из них, оторвавшись от спора, затянул [песню] тенором (да каким тенором!). Голос был настолько душевным, тоскующим, приятным, и Ваня, любитель хоровых наслаждений, подумал: «Вот бы такой тенорок в помощь Короткову Ивану Николаевичу! Где-то он теперь!» А песня с одного голоса уже была подхвачена соседями и понеслась душевно, тоскующе, заунывно:

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно,
Дни и ночи часовые
Стерегут мое окно.
Как хотите, стерегите,
Я и сам не убегу,
Мне и хочется на волю,
Да цепь порвать я не могу.
Ах вы, цепи, мои цепи,
Вы железны сторожа,
Не порвать вас, не разбить вас
Без подпилка, без ножа.
Чёрный ворон, чёрный ворон,
Что ты вьешься надо мной?
Ты добычи не дождешься,
Я солдат ещё живой!
Не летать мне, как, бывало,
Тёмной ночью полетим.

Моя молодость проходит
По острогам, по тюрьмам!

Времени уже было за полдня, и австрийцы заторопились уходить, прикладывая руку к козырькам своих фуражек. Поднявшись из окопа, один из них обернулся и рукой махнул, приглашая к себе. Фалалеев повернулся к Деськову и пояснил:

– Приглашают к себе. Пойдёшь? Я-то уж бывал у них.
– Пойдем вместе.
– А что – боишься?
– Да нет, нисколько. А обратно они отпустят?
– Ну, конечно, если ты сам не захочешь у них остаться.

Австриец выжидательное постоял и, увидев, что к нему направился солдат, ещё энергичней начал приглашение русским жестом. «Пошли!» – вылезая, сказал Фалалеев.

До переднего края окопов «противника», пожалуй, было на этом участке не более семидесяти пяти сажен. Прошли заросли низкого, до пояса, колючего кустарника, и Ване вспомнилось, как на берегу реки Сирет при стирке белья под прострелом немецкого самолета они голышом оцарапались, прячась в такой заросли. А теперь, просто как в сказке, шли к противнику, как парламентёры! Из немецких окопов послышался раскатистый хохот, очевидно, немцы или австрийцы так же сидели группами и толковали про житейские дела. Ведущие не пошли по направлению хохочущих, а взяли правее и спустились около землянки. «Экскурсанты» последовали за ними. В сопровождении австрийцев[685] зашли в землянку. В землянке за скородельным столиком сидел в очках солдат.

Увидев вошедших, он встал и проговорил ломаным языком: «Здравйе!» – и что-то начал говорить австрийцам. Они повернулись к Фалалееву и Деськову, вынув непроменянные бритвы, начали маячить руками. Фалалеев догадался, что сидевший заинтересован чем-либо в обмен, он раскрыл перед ним пустые ладони и сказал: «Ничего нет». «О!» – гортанным голосом произнес немец и указал на ящик (очевидно, из-под патронов), приглашая сесть.

Начались разговоры, сопровождаемые и улыбками, и мимикой, и жестами, но сути разговоров ни та, ни другая сторона доподлинно не понимали. Одно только в разговоре улавливались слова «мир, Русь, братки». Однако, казалось, и этим обе стороны были довольны – улыбались, переглядывались между собой. В землянку кто-то заглянул. Ни Деськов, ни Фалалеев не заметили кто, но очкастый махнул рукой, проговорив: «Капрал» – снял висевшую на гвоздике фляжку, наподобие термоса. Отвернул пробку, вынул из кармана брюк что-то круглое, плоское, уцепился пальцами за краешки и на удивление «экскурсантов» растянул, как меха гармошки,– получился бокальчик, как рюмочка. Поставил бокальчик на стол и налил [в] него из фляжки темно-коричневой жидкости и подаёт Фалалееву. Тот, смущаясь, отвернулся. Немец, толкая его рукой в плечо, показательно выпил сам и, снова наполнив бокальчик, подал

[685] Подстрочное примечание автора: *Пишу «австрийцев», а может быть, тоже немцы – не зная языка, чёрт знает, кто перед тобой*.

Фалалееву. Фалалеев, жеманясь, всё же выпил. Снова бокальчик был наполнен, но Деськов медлил. Его интересовала это чудо-посуда, не протекает ли она. Убедившись, выпил и почувствовал что-то хмельное. Немец вытер бокальчик и, сдавив его между ладонями, положил в карман.

Возвращаясь обратно, Деськов только теперь заметил, что Фалалеев идёт без винтовки и встревоженно спросил:

– А винтовка-то у тебя где?

– У себя я её оставил, передал другу и сказался. Да и на что с ней тащится? Вот как нам сегодня подвезло, даже угостили нас. Немцы богато воюют, не то что мы. Приходят к нам, а у нас и угостить нечем. Те разы-то, правда, я бывал без угощений, а сёдня смотри-ка! Придём, обязательно похвалюсь!

А Деськов, слушая Фалалеева, думал про себя: «А умны же немцы! Да и в окопах у них порядок. Приду, будет что рассказать Телегину, Львовичу да, если встретимся, братишкам».

В штаб канцелярии он пришёл уже вечером. Сразу с прихода его встретили Телегин и Львович. Старшего писаря и Доньки в канцелярии не было. Друзья сразу стали тормошить:

– Ну, где был, чего видел, слышал, рассказывай! – пристал к нему Вася Телегин.

– Сходил лучше некуда. А вот ты, товарищ Телегин, пообещался вместе пойти – и зря не пошёл!

– Не смог я!

– А новостей предостаточно! – и Деськов рассказал им все по порядку.

Рассказал и о нашивках на погонах, о встрече с другом, о настроении солдат, о приказе о сдаче оружия и боеприпасов и об экскурсии к немцам.

– Убедился я! Всё, братишки, правильно, как нам рассказывают,– закончил он.

– Значит, всё, здесь делать нам нечего! Как бы придумать смыться домой, в Россию?

– Это бы дело! – проговорили между собой Телегин с Львовичем.

– А с лычками-то в Россию ведь не пустят! – иронически заметил им Ваня.

– Да ну их к чёрту! – и тут же только нитки затрещали.

Ване стало смешно, глядя на них.

– Так, Деськов, поди-ка, обманул нас и смеёшься? Чертё как!

– Да нет, товарищи, вполне серьезно. Даже с офицеров звёздочки летят!

Прошло несколько дней, как брат Пётр из штаба 37-го Сибирского стрелкового полка вызвал Ваню на разговор по телефону.

– Здравствуй, братишка!

– Здравствуй, Петьша!

– Как здоровье, как житуха?

– У нас всё хорошо, а ожидаем ещё лучше.

– Знаешь что, приходи в будущее воскресенье в город. Часикам к 3 или 4 и жди меня на площади у сада. Знаешь, где стоит статуя голой женщины, а я подойду. С Васей, братиком, я уже договорился. Он пообещался. Приходи, повидаемся и поговорим о делах. До свиданья! Передавай привет товарищам!

– Что, с братом разговаривал? – спросил Ваню Телегин.
– С ним.
– Чего-нибудь новенькое он сообщил?
– Нет, захотел повидаться. Зовет в воскресенье прийти в город.
– Хорошо, значит послезавтра, сегодня у нас пятница вроде?
– Как будто так.

Деськов на свидание вышел часов 12 дня. Погода на удивление была прекрасной. Солнце светило и грело, как в родных местах России в летнюю пору. Кругом царила тишина. Дойти до города Галаца Деськов рассчитывал за полчаса. «Далёко ли! Всего не больше полутора вёрст. А пораньше приду, пошатаюсь по городу»,– рассчитывал он.

Подходя к окраине города, он всматривался в избушки-мазанки, стараясь увидеть мазанку, в которой он встретил хозяина-старика с оторванными пальцами на руке при взрыве капсуля от ручной гранаты, но так мазанку и не узнал, показались все похожи. Идя по городской улице, он встретил лавочку со скобяным[686] и другими товарами и решил от нечего делать заглянуть в лавчонку. Среди вёдер, разных труб и другого хозяйственного товара он увидел в продаже коньки. Коньков висело пар пять разного размера. Вглядываясь в необычный фасон коньков, он попросил продавца показать одну пару.

Продавец, как Ваня заключил, еврей, подал пару Ване и хотя слабо, но понятно стал нахваливать товар. Металлических коньков Ване не приходилось иметь – дороги, не по карману, катался на самодельных, деревянных. А тут, показалось ему, просто чудо-коньки. Продавец почувствовал, что покупатель прельщен в покупке, всячески начал нахваливать товар:

– Очень удобно! На морозе ключа не надо, только сзади барашек вот этот крути! Померяй!

В самом деле, Ваня поставил сапог на конёк, начал завёртывать сзади у конька барашек, как шипы на ступне крепко сжали с боков подшивку сапога и одновременно шипами стянуло и каблук. Попробовал Ваня походить по полу с коньком – держится крепко, не оторвёшь, была бы подошва крепка. «Правда ведь,– думал, любуясь, Ваня,– точно как приколочены гвоздями к сапогу, и не надо никаких верёвок, не то, что дерево да крепление лапотными верёвками. Бывало, крепишь деревяшки лапотными верёвками, костыльками закручиваешь, а только начнешь кататься – то верёвка лопнет, то деревяшка окажется сбоку валенка. Попробуй возиться на морозе! Куплю, хоть здесь и кататься негде, покажу братишкам».

Спросил, сколько стоят. Отсчитал стоимость румынскими бонами и леями – подал. Продавец завернул покупку и, подавая её Деськову, проговорил:

– Скоро, наверно, домой поедешь, память будет! В России морозы, лёд хороший. Меня, Галац будешь вспоминать. У вас там теперь свобода, революция, хорошо!

По выходу из лавочки Ваня направился к месту встречи. Вышел на площадь и по диагонали прямо направился к саду. У статуэтки присел и решил полюбоваться

[686] Скобяной товар – лёгкие железные изделия (скобы, крюки, задвижки, костыли и т.п.).

чудо-покупкой. Вынул её из-под пазухи, развернул огляделся кругом, убедившись, что никого нет, начал прилаживать к сапогу, но на это устал. Из сада неожиданно вышли братья – Пётр и Василий. Идут и улыбаются, всматриваясь, что делает Ваня.

– Иванко, да ты что это, по земле собираешься кататься? Где ты коньки достал? Вот так вояка! – засыпали они, обнимая Ваню, вопросами, а он, стоя перед ними с раскладенными коньками, в свою очередь, здороваясь, улыбался и говорил:

– Вот бы нам в детстве иметь такие коньки! Ох бы и покатались мы! Коньки-то ведь лучше, чем у сарапульских купеческих сынков! Глядите-ка – и никаких верёвок не надо! – Ваня, освободившись, стал крепить на сапоге конёк, показывая, как они крепятся.

Подражая ему, Василий второй конёк крепил на свой сапог. Попробовали походить, а Петро, глядя на них, улыбаясь и подражая дядиной поговорке, говорил с восхищением:

– Вот, ядрёна хань, забава-то! Да где ты их достал?

Налюбовавшись коньками, Ваня очистил их от земли, завернул в обёрточную бумагу – и под пазуху. Сидя на фундаменте статуи, он рассказал им историю с коньками, а потом и об «экскурсии» в немецкие окопы. Пётр, выслушав о походе к немцам Вани, заметил:

– Ну, Иванко, я не ожидал от тебя этого! К чему рискуешь? Ведь как бы то ни было, а осторожность, о которой я всегда вам напоминаю, надо всегда иметь в виду. Чёрт их знает, что у них на уме! Придёшь к ним по-братски, а они – цоп тебя и не выпустят. Солдаты нашего полка рассказывают, что немецкие офицеры особе [нно] косо смотрят на нас. Не разговаривают с нашим братом. И как бы ни дружили с нами австрийцы, а ведь они только в окопах, в большинстве немцы ими командуют. Смотри, учти!.. Ну, ладно, посидели. Давайте пойдём к моим хорошим знакомым. Посидим, потолкуем. Они очень хорошие люди. Живут вдвоём, старик со старушкой, тоже русские. Когда-то из лап полиции-жандармов ускользнули и сбежали в Румынию. Говорят и по-румынски, и по-нашему. Скучают о России[687].

Братья с площади направились по городу в сторону придунайской окраины города. Вышли на окраину, и Пётр завернул к калитке у старенького домика, на крыше которого были установлены клетки для голубей, откуда доносилось голубиное воркование. Хозяин заметил приход гостей и выбежал навстречу.

– Пётр Николаевич, уж мы с старушкой думали, что ты сбежал в Россию! Мол, обещал распроститься, а убрался и забыл нас! Пожалуйте, пожалуйте, проходите в избушку! А это не братья ли твои, Пётр Николаевич, о которых ты нам рассказывал? – здороваясь, пропускал старичок гостей в свою хату.

– Да, да, они самые! – зайдя в избушку, ответил старичку Пётр.

– Садитесь, садитесь, дорогие наши соотечественники! – суетясь, хозяин с хозяйкой усаживали братьев.

Усадив, хозяин что-то проговорил по-румынски хозяйке и сам выбежал в ограду – и вскоре вернулся, неся в руках только что заколотых трёх голубей, и подал

[687] Подстрочное примечание автора: *Как я теперь сожалею, что не запомнил ни имен, ни отчеств и фамилию этих доблестных старичка лет 50 и старухи*.

их хозяйке. Опередив голубей, хозяйка развела таганочку [688], а Пётр, видя, что хозяева хлопочут ради гостей, оговорился:

– Папаша, мамаша, да вы, знать-то, ради нас беспокоитесь? Мы ведь к вам очень ненадолго! К семи часам нам надо поспеть в городской театр. У меня и билеты в кармане!

– Да что Вы, что Вы, Пётр Николаевич, да мы Ваше обещание прийти к нам с братиками каждый день всё ожидали. Думали, уж, видно, не увидимся. Не дал нам Бог детушек, так уж мы как сыновей вас принимаем. Театр никуда не уйдёт!

– Да, конечно, конечно, Пьер Николаевич, я сейчас быстренько! – улыбаясь и называя Петра почему-то Пьером, торопила хозяйка угощение.

Пока хозяйка хлопотала у таганки, между хозяином и братьями завязался разговор. Хозяин, заметив у Вани свёрток, положенный им у порожка, поинтересовался, спросил:

– Знать, что-то Николаевич доброе под порожком бросил? – и решил поднять и положить на лавку, но Ваня, заметив его намерения, проговорил:

– Ничего, папаша, пусть лежат. Это я сегодня в лавочке города коньки купил.

– Коньки?! – удивился хозяин.– Можно посмотреть? Я, когда был в молодости, тоже увлекался ими. Катался больше на коньках «Снежинка», а у тебя вроде «Курмис»,– разглядывая коньки, говорил он.

– Так, Николаевич, где тут удастся ли покататься же? Тут ведь в ночь заморозит, а днём одна мокрота. Вот уж в России-то да!

– Пьер Николаевич, давайте откушайте наши угощенья! – пригласила хозяйка за стол, устанавливая на стол поджаренную рыбу и нарезанную ломтиками подпечённую мамалыжную хлюбину [689].

– Голубочки тоже скоренько будут готовы. Уж не обессудьте – чем богаты, тем и угощаем. Лещичков в Дунае маленько поймал, присаживайтесь, покушайте!

Братья подсели за столы и, хотя в желудках было [так] голодно, [что хотелось] выть, с принужденной скромностью отведали по кусочку рыбы. Хозяин, распоряжавшийся застольем, то и дело угощал гостей.

– Уж извините, может, рыба не так вкусна, а мы едим, нам нравится.

– Да что Вы, папаша, очень вкусная, хорошая рыба! Мы ведь, перед тем как к вам пойти, только пообедали. Главное, пришли повидаться, да вот и братиков, уж коль пообещал, показать!

– А вот и голубочки готовы! – ставя на стол посудину, похожую на тазик, с раскинувшимися варёными голубями, от которой поднимался пар, насыщенный раздражающим вкусом.

Хозяйка, кладя перед каждым ложки, говорила:

– Кушайте на доброе здоровье! Голубочки-то ведь как молодушки-курочки. Мы очень уважаем из них съедобу! А где же теперь взять мяска? Как война началась, так на базаре ничего не стало. Не знаю, если бы не голубочки, чем бы мы питались.

---

[688] Таганка – небольшая комнатная железная печь.

[689] Мамалыжная хлюбина – мамалыга, каша из кукурузной муки по консистенции близкая к хлебу.

– Правда, правда, Николаевич,– перебил хозяин.– Сперва я завёл их как для забавы, а теперь просто благодать. И водятся они у нас хорошо. Люди завидуют. Вот только за последнее время кто-то перехватывать стал, начали теряться. Я уж теперь поздно-то не стал их выпускать на прогулку. Всякие люди-то ведь есть. Грешу тут на одного румына, да не хочу связываться тут с ним: ему не развести, а нам – вполне. Хватит – благодать! Кушайте, кушайте, не стесняйтесь! Понравится, приходите – пяток зажарим. Берите каждый по голубю. У нас в России-то ведь не принято есть голубей, а сколько их там летает!

– Это ведь у нас летают, папаша, дикие голуби, а не домашние!

– Всё равно, Николаевич, мясо по вкусу не различишь: что дикий и домашний. Мы всякие попробовали. А ведь это лучше курятины, право, попробуйте!

Деськовым не приходилось пробовать на вкус голубиного мяса, да и вообще на родине в пищу не употребляли голубей, потому Пётр, считая неудобным отказаться от угощения, вынул одну тушку и начал делить её на три части, но хозяин и хозяйка, заметив это, в один голос запротестовали:

– Что Вы, Пётр Николаевич! Да зачем?!..– и, поддев ложками, по голубю положили Ване и Васе.

– Вот этакая делёжка будет самая справедливая!

– А себе?

– У нас их вон сколько! Не оговаривайтесь, кушайте!

Отщипнув понемногу, братья действительно удостоверились во вкусовых качествах, однако, чтоб не обидеть хозяев, пользуясь их добротой, покушали скромненько, ссылаясь [на то], что они сыты. Пётр начал выходить из-за стола, благодаря за гостеприимные чувства хозяев. Поднялись и Ваня с Васей, но хозяин и хозяйка никак не хотели их выпускать.

– Вы нас обидите, Пётр Николаевич!

– Да что Вы, что Вы капаете, мамаша! Премного благодарны мы вам! Угостили как родных! А нам ведь уже пора идти – а то запоздаем! Уж извините нас!

– Ну хоть посидите маленько да поговори [те] о делах-то, о жизни. Я ведь вот, Пётр Николаевич, как встретил тебя, почему-то у меня всё перевернулось. Мне кажется, нет на свете добрее, простодушнее русского человека. И вот как бы нам со старушкой хоть старость скоротать на родной матушке-Руси, между своих! Хотя и давненько живем в Румынии, а вот счастьем считаем, если где-либо достанем книгу на русском языке. Перечитаем её не один раз, чтобы не забыть родного языка. А поговорить с русским – и тем более! В среде румын можно бы и жить, но вот как началась война, отношения между нами стали осложнятся…

– Говорить-то с нами стали, отворачиваясь, ни за кого нас считают, вроде мы, русские, виноваты в войне! – перебила хозяина хозяйка, а он продолжал:

– Правда, правда! Особенно теперь, как только наши заговорили о мире. Может быть, вам скоро удастся вернуться на родину, передайте от нас, томящихся здесь, всей матушке-России низкий поклон!

– Обязательно, папаша и мамаша! А что же если и вам, папаша, теперь самим вернуться в родные края? Ведь у нас, как слышно, жандармов на родине теперь

обуздали, да и в тюрьмы заключили! Вам их теперь бояться нечего! – проговорил Пётр, а Ваня добавил:

– Не только жандармов, а и мне пришлось в Перми после февральских событий самого пермского губернатора и патриарха охранять под арестом[690]. Ничего, сидят как миленькие! Не знаю только, сидят ли они теперь под арестом? В общем, не знаю их дальнейшую судьбу, так как вскоре мне пришлось выехать на фронт.

– Ну, хватит, братишки, мы опоздаем на спектакль. Пошли! – и они, отблагодарив хозяев, направились к двери.

Ваня захватил и свою покупку. Хозяин и хозяйка вышли проводить. За оградой тепло распрощались.

Театр был переполнен зрителями, исключительно русскими солдатами. На сцене при слабом освещении только что началась, вроде, инсценировка. Слышались глухие орудийные далёкие выстрелы, сопровождаемые также далёким треском пулеметов. На сцене лежали стонущие забинтованные солдаты. Две сестры милосердия с сумками через плечо, с яркими красными крестами то и дело трясли бинты, подходили к стонущим, поправляли повязки, ласково успокаивали: «Потерпи, милый…» А в это время где-то приглушённо слышалось протяжное пение:

Спите, орлы боевые,
Спите спокойной душой!
Вы заслужили, родные,
Счастье и вечный покой!
Долго и тяжко страдали
Вы за Отчизну свою,
Много и стонов слыхали,
Много и криков в бою!
Родина-мать не забудет
Ваших страданий и слёз,
Ваших мучений и горя,
Что враг нам с собою принес[691]!

Эта постановка, да и само оформление произвели на зрителей ошеломляющее впечатление. Под грохот аплодисментов и крики «браво!», «бис!» постановку неоднократно повторили. Конферансье с трудом призвал посетителей к тишине и объявил, что через пять-десять минут начнётся спектакль-драма «Лес». Постановка силами любителей театрального искусства.

В театре освещалась только сцена. За занавеской шли последние приготовления. Слышался стук молотков, перестановки декораций. В зале, погружённом в темноту, проходил гул посетителей, порой начавшихся дробных хлопаний ладоней и от нетерпения, в ожидании начала – переходящих хлопков в один такт.

---

[690] Пермский губернатор в 1914–1917 гг. Михаил Александрович Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский (1865–?) и ряд других должностных лиц Пермской губернии действительно весной – летом 1917 г. находились под арестом. Под «патриархом» здесь имеется в виду епископ Пермский и Кунгурский Андроник, как ранее упоминалось, не находившийся под арестом в это время (он был арестован большевиками и казнён в июне 1918 г.).

[691] Романс «Спите, орлы боевые…» Композитор – И. Корнилов, слова – К. Оленин.

– Десять минут, даже уж больше, прошло – даёшь начало! – кто-то из публики звучно прокричал и с большим, усиленным хлопаньем, стуком сапогами наполнил весь театр.

Не выдержал такого шума конферансье: он, раздвинув занавес, начал успокаивать:

– Минуточку, минуточку, товарищи! – говорил он растерянным голосом.– Разве у вас не случается такое, ну, скажем – что задумаешь за час сделать, ан протянешь два часа! Меня вот в жизни, бывало, тёщи всё пирогами дразнили: «Посиди, зятек, ещё не испёкся!» Час просижу, два просижу – всё не испёкся. А потом уж пойму – она, холера, ждёт, чтоб я, не евши, ушел. Так и выходило: посижу – да жене: «Одевайся, Марфуша, пойдём домой, пусть сама жрёт!» Это я так сказать, Боже упаси, не подумайте, что я вас от нашего пирога домой отправляю! Я вам не тёща! Но вот по существу скажу вам, дорогие товарищи! И надо же было случиться у нас на сцене беде. Второпях мы гвозди потеряли. Надо приколачивать, а нечем.

– Нашли! – кто-то вскричал со сцены.

– Ну вот, значит, сейчас начнём!

– Ну и ну! Развёз сказы про тещу да пироги. Не нашел что-нибудь сказать поинтереснее! – с возмущением отозвался Пётр, сидя среди братиков.

Неожиданно зал осветили ярким светом, но ненадолго. Свет погасили и у слабо освещенной сцены, шумя металлическими кольцами, занавес обнажил глубину декоративно обставленной сцены.

Пётр говорил братишкам, что он уже второй раз посещает этот театр, а вот Ване и Васе не приходилось бывать в театрах. То, что и в городе Сарапуле, и в Перми, недалеко от берега Камы, они видали надписи на зданиях – «Театр», а что там за веселье, не представляли. В детстве во время ярмарок в Сарапуле им удалось ещё бывать около балаганного цирка и театра, а что там показывали, им не удавалось посмотреть. Им помнилось лишь то, что из балагана нет-нет да выбегали клоун и артистка, разукрашенные, с белыми напудренными носами и ушами. Несмотря на летнюю жару, они ёжились, изображая, что обморозились, и неестественными голосами, звеня колоколом, выкрикивали: «Эй, подходи! У кого деньги есть – к нам в балаган, а у кого денег нет – по трактирам, кабакам! Всего пятачок, а удовольствие на всю жисть! Эй ты, рожа-борода, покупай билет! Всего за пятак! К нам зайдешь в театр – досыта насмеёшься, животик надорвешь, а в трактир пойдёшь – наревёшься! Всего пятачок – подходи, не жалей! На пятак и соломой крышу не закроешь!» – снова забрякают колоколом и запоют дуэтом:

Деревенские мальчишки
Бестолковые!
Собирали в лесу шишки,
Всё еловые.
Как один мальчишка Мишка,
Правда сущая,
Наклонился. Ха-ха-ха!

Видит, торчит шишка
Пребольшущая [692]!

В окружающей толпе грянет хохот, а вот тут они увидели совсем не то: вот где присутствует духовное наслаждение, а не халтура. Недаром такие театры посещали толстосумы, а нашему брату они были недоступны. «Ах, чёрт подери! И здорово же играют! Даже кожу поддирает! Как точно сам это в действительности переживаешь! Вот это да!» – восторгался Вася от полученных впечатлений после окончания первой части постановки. За закрытой занавесью ещё при шуме аплодисментов и выкриках «бис! браво!» – началась перестановка декораций.

В рядах посетителей слышались восторженные разговоры от полученных впечатлений. Кой-где солдаты начали поджигать самокрутки. Это было замечено, и конферансье не замедлил предупредить:

– Товарищи, в помещении театра курить нельзя! Это некультурно! Кто хочет покурить – просьба выйти на улицу! Давайте будем уважать администрацию театра, любезно предоставившую нам помещение!

– Правильно! Правильно! – раздались голоса с мест.

Курильщики, обескураженные эти [м], тушил [и] свои факелы, оставались на местах из-за боязни потерять облюбованные места, а кто из них и потянулся к боковым, выходным дверям. Прозвенел первый звонок. Послышались хотя еще одиночные, редкие хлопки в ладоши. Прогремел второй звонок. Курильщики начали с шумом и стуком сиденьями разбираться с насиженными местами. Яркий свет был выключен, и лишь слабое мерцание освещало посетителей. Занавесь слегка колыхалась от хлопающих людей на сцене. Прозвенел третий звонок, и занавесь обнажила сцену. На сцене за столярным станком в рыжем парике с засученными рукавами в фартуке строгал рубанком доску гробовщик и напевал:

– Гробики сосновые, гробики сосновые строим для людей, строим для людей!

Работал старичок энергично, сбрасывая стружку рубанком под каждый слог песни. Сзади верстака у него был готовый гроб, поставленный на попа.

– Откуда-то и гробов ведь достали! – удивляясь, полушёпотом проговорил Петр, и тотчас же в этот момент снаружи театра по выходным дверям открылась беспорядочная стрельба из винтовок.

От дверей полетели щепки, запылила, падая, отбитая от стен штукатурка. Зрители, гремя сиденьями, попадали на пол. Загремели Ванины коньки, падая вместе с ним на пол. Кто-то ещё командовал: «Ложись, ложись!», на сцене поднялся с первых же выстрелов женский визг. Кто-то кричал:

– Сволочи, это румыны! Что смотрит наш патруль!

У входных дверей раздалась команда: «Патруль, за мной на улицу!» – защёлкали винтовочные затворы, и вскоре за стенами театра был наведён порядок.

– Вот же румынская банда что делает! В самом городе, ведь и нашему патрулю стрелять-то опасливо! Пуля-то, она ведь и в дом залетит! Вини её, не правда ли?! – вставая с пола, проговорил подле Васи пожилой солдат.

[692] «Шишечка» – казачья песня.

Мало-помалу зрители успокаивались, начали занимать свои места, подымаясь с полу. Кто из них, подымаясь, обвинял наших патрулей во всём случившемся, а кто и высказывался в защиту их:

– Что особенного! Ведь будь и я патрулём, разве стал бы стоять на улице? Каждому охота поглядеть, что в театре делается!

– Вот так союзники! – говорили другие.

– Пойдём отсюда, так они, пожалуй, нас, безоружных, изловят!

На сцене нескоро был наведен порядок. Оттуда объявили, что постановка будет продолжена. Зрители терпеливо ожидали продолжения: сидели, обсуждали всяк по-своему случившееся, выспрашивали один у другого, нет ли жертв, ранений, но не торопили артистов, сочувствуя им. Занавесь вскоре распахнулась. Сцена предстала перед зрителями в том же оформлении, но ни гроба, ни гробовщика в рыжем парике на сцене уже не было.

Хотя постановка и была и отравлена совершённой провокацией, но с каким наслаждением от полученных впечатлений расставались братья по выходе из театра. На площади они ещё остановились, потолковали в ночном сумраке, предупреждая один другого об осторожности, и расстались. Пётр вслед Ване заметил:

– У меня и Васи ходьбы немного, а у тебя, Ваня, не только по городу, но и за городом. Будь осторожнее, брат!

– Ну, я в случае чего коньками отобьюсь! – шутя, заметил, обернувшись, Ваня и помахал рукой.

Впереди по улице Ваня заметил идущие две фигуры солдат. Кто они такие, наши или румыны, в темноте различить было трудно. Ваня, чтоб избежать неприятности, замедлил шаг. На перекрестке улиц он услышал окрик: «Стой!» Незнакомые остановились, и к ним из-за угла дома подошли пятеро вооруженных винтовками солдат. Ваня остановился в нерешительности, прислушиваясь к разговору, и, поняв из разговора, что это русские, решительно пошагал к ним.

– Вот ещё один попал,– проговорил один из них подходившему Ване.– Откуда и куда идёшь, солдат? – спросил тот же голос.

Ваня объяснил.

– Здорово вас напугали румыны-то?

– Здорово – не здорово, а всё же в боях не пропали, а тут, да в такое время пропадать нет охоты! – отозвался один из задержанных.

– Мы как выбежали из театра, этих провокаторов видели. Оне, человек пять или шесть – в темноте не различить, побежали в улицу. Ну как по ним будешь стрелять?! Выстрелишь, а пуля – в дом! Недолго и до безвинных жертв! – говорил один из патрулей.

– Вот и ходим теперь вокруг да около. Ну, идите по местам, пойдем и мы!

Ваня настороженно пробирался до казарм Флотилей. Особенно по участку лога и под откосом между городом и казармой. В канцелярию писаря[693]… Зайдя в канцелярию, он тихонько, чтоб не обратить внимание спящих, улегся у столика на полу, заснуть долго не мог под впечатлением видимой постановки в театре.

[693] Предложение не дописано.

Утром Вася Телегин ткнул носком сапога Ваню в бок и полушёпотом сказал:

– Вставай, будет спать! Сказывай, где был, что видел!

Занудо Донька из-за своего столика, глядя на протирающего глаза Ваню, заметил с ехидцей:

– Чего спрашивать, известно – в бордель ходил. Завтра с сифилисом в околоток пойдет!

Ваня с презрением взглянул на него и стал рассказывать о всем Телегину. Телегин, выслушав, пожалел, что ему не удалось побывать в театре, а о том, что это было, им уже рассказал Львович, он, оказывается, тоже ходил в театр, всё видел и слышал. А старший писарь, сидя за какими-то бумагами, перекладывал их по столу с места на место, порой хватаясь за свои усы, крутил их, прислушиваясь к разговору, бурча:

– Не стало никакой дисциплины, уходят без спросу, без увольнительных. А я ведь за вас отвечаю! – вскочил он со стула и стукнул кулаком по столу.– Доложу об этом адъютанту!

– Ладно, не волнуйтесь, я сам скоро для вас всех здесь постановку сделаю! Когда скажу, приглашайте друзей смотреть! О чем тут волноваться!

Прошло с неделю – и в самом деле, Телегин объявил:

– Завтра часам к пяти зовите на постановку. Приглашайте, кого хотите, хоть в штанах, хоть в юбке. Не возражаешь? – обратился он к старшему писарю.– Ведь всё равно делать нечего. Только зря кукурузу портим у румын. Скоро и этого они давать не будут!

– Не возражаю! – сухо пробормотал писарь.

Ваня заметил, что Вася Телегин за последние дни сугубо разучал какое-то стихотворение тайком от всех. Однажды он захотел выведать у Телегина тайну, что он зубрит, но Телегин отмахнулся, сказав, что потом тебе неинтересно будет смотреть и слушать, и Ваня оставил его в покое.

На другой день после его объявления Телегин начал устанавливать сцену: собрал в канцелярии все столы, составил их у стены, где сидел старший писарь. С помощью Вани и Львовича накинул вместо занавесы палатку.

– Ну, вот и хорошо! – осматривая сооружение, проговорил Телегин.

К началу постановки откуда-то и в самом деле человек пять пришло гостей в серых шинелях, похоже, из близстоящих батарей, наверняка приглашенных Львовичем, потому что они вступили сразу с ним в разговоры, шумели, смеялись. Телегин забрался за занавесь. «Зрители» приготовились к его выдумке. Вася на сцене побрякал в солдатский котелок.

– Не волнуйтесь, значит даётся первый звонок! – прохрипел он со «сцены».

Пробряка [л] второй раз, а следом и третий. Маленько помешкал и вышел неузнаваемый из-за палатки-занавеси. Лицо у него всё в саже, нос чем-то покрасил бордовым, приделал усы, бороду, очевидно, из волокон от кукурузных стеблей. Оделся в какое-то тряпьё (и откуда он только взял его!). Потоптался на сцене и объявил:

– Я вам спою песенку про деревенских мужиков и про московскую куму. Значит, как деревенские мужики в гости ездят к московской куме и как она их угощает.

– Давай, давай, наворачивай! – вскричал Львович.

И он начал на мотив «Камаринской», запел:

Приезжали из деревни мужики,
Прилетали из болота кулики,
Приходил там деревенский медведь
На московскую куму смотреть.
Уж ты кумушка, кума, кума,
У тебя много ума, ума, ума.
Научи ты нас, как на свете
Нужно жить,
Зелено винцо с припивочком пить!

Напевал он и наплясывал долго, а потом сказал:

– А теперь я покажу вам, как в деревню уходили от кумы эти мужики,– и он скрылся за занавесу.

Выскочил он из-за занавесы, изображая пьяного, совершенно голый – в чем мать родила.

– Васька, бесстыдник! Закрой хоть потроха! – закричали ему с места.

– Васька, девки здесь! – а он нарочно ещё повернулся, тряся ими, да так, что оборвал, пятясь, занавеску, схватил её и завернувшись в неё, спрятался за столы.

– Беги, чёрт, в Дунае мойся! Ну и учудил!

Многие восхищались, а Ване эта выходка крайне не понравилась. «Видимо, мы, деревенские, в глазах москвичей не люди – болотны кулики, медведи, только москвичи и люди!» – думал он и с того времени стал сухо разговаривать с Телегиным, и когда Телегин спрашивал его, что, как ему понравилась постановка, Ваня сухо ответил:

– Где нам, деревенским, тянутся за москвичами!

Вася понял эту обиду:

– Чудак ты, да ведь это песня! Теперь мы ведь все товарищи. Будет время, и этим кумам будет тошно!

Доболтались защитники Родины не на родной матушке России и до румынской зимы. Ночами озера даже покрывались ледяной коркой и запорашивались снегом. С наступлением дневного потепления из-под снега кое-где[694] обнаружилась земля. В такую зимнюю пору, почти под самым Рождеством, уже зимний Николин день прошёл, а в Румынии чувствуется как русская осень, даже видимые кустарники выглядят не по-зимнему и стоят будто зелёные, лишь с поредевшими ветками.

С каждым днем все глубже влезала в солдатские души тоска по родной матушке России! Как змея, всё сильней всасывается в измученное, исстрадавшееся на чужбине солдатское сердце, опутав руки и ноги! Ещё тягостней становилось от случайно просочившихся известий о том, что буржуазия со старыми приверженцами царя, монархистами, стараются удушить революцию. Что в России идут бои[695].

[694] *Кое-где* вписано поверх строки.

[695] Речь идет о начавшейся в России Гражданской войне.

Такие новости в канцелярию принес, опять же из города, Львович. Ваня, узнав эту новость, подумал: «Хорошо, что я не попал с маршевой ротой во Францию. Мы-то всё равно будем в России. Здесь рядом она, матушка, под боком, а вот как удастся вернуться моим друзьям, что засланы во Францию? А нас сколько бы ни морили здесь румыны с офицерней, всё равно мы им не вояки! “Северный медведь”, так нас обычно звали румыны, не пойдёт воевать! Только в Россию, только в Россию бы пробраться! Посмотреть, что и как живут земляки и родные! Как воспринимают новый революционный порядок? Львович говорит, что идут бои – видимо, купцы да жёлтопузики ещё сопротивляются. А много ли их? Вот, скажем, в нашем селе: Иван Александрович,– начал он перечислять своих сельчан, которым революция принесла, наверняка, нож в горло.– Николай Андреевич, ну ещё лавочники. Ну, пусть всех насчитается человек десять вместе с земским начальником, урядниками, да навалиться на них, если не сдаются – пичкнуть! Вот и вся! – а потом подумал: А что скажет Сарапул? Ведь он под боком у Ершовки! Там вот и [в] 1906, и 1912 годах были немаленькие революционные вспышки. И рабочих, и ремесленников намного больше жёлтопузого купечества, а вот не справились с ними. Холёны царские жандармы, урядники да одурманенные войска подавили рабочее движение. Ну а теперь главный оплот царизма, войска, не пойдут на их удочку! Вот ведь как в феврале было: царя, министров сбросили. Праздник-то у солдат и у рабочих был какой! Да разве исстрадавшиеся, грязные, голодные, оборванные солдаты пойдут на рабочих! Не может этого быть! Жёлтопузикам революция, конечно, не по нутру: хватит им в каретах разъезжать, вино да колбасу жрать, с <…> тешиться, как было на пароходе! Отыгрались, хватит! Эх, посмотреть бы на них теперь, как они себя чувствуют! Опали, наверно, холёные пузы!»

Уж наверняка так думал не один Ваня, а положение засланных солдат на Румынский фронт не улучшилось. С каждым днём голод, безделье, неволя, тоска по родным, по Родине точили сердца солдат. Началось недовольство о руководстве армейского, дивизионного и полковых комитетов в их нерешительности о возвращении солдат на родину. Матом ругали и командующего армией Щербачёва, румынского царька Татареску.

Наступили рождественские дни, а сдвига на фронте нет. Солдаты, понуря головы, вспоминают праздник Рождества, как-то он празднуется в России? Около полудня в штаб зашел адъютант полка Зубков и вынул из полевой сумки какой-то пакет. Подойдя к старшему писарю, проговорил:

– Срочно отправьте командиру батареи.

Писарь повёл глазами по канцелярии, спросил:

– Где Львович?

Львовича не было в канцелярии, и куда он ушел, никто не знал. Писарь покрутил усы и поручил пакет отнести Ване:

– Лично вручи командиру батареи. Пусть распишется вот в этой разноске.

Ваня хотя и предполагал, где расположена батарея, он ещё как-то встречал стреляные стаканы[696], но всё же спросил писаря, где стоит батарея. Писарь стал

[696] Стреляные стаканы – часть артеллерийского снаряда.

рассказывать, как добраться до расположения батареи, Донька Занудо, слушая, добавил к напутствию писаря:

– Ну, вправо от озера. Знаешь ведь озеро? Я вчера мимо него шёл, оно уже покрылось льдом, солдаты по нему ходят.

Ваня, уложив в разноску пакет, прихватил коньки и побежал. Дойдя до озера, потопался по льду, за ночь слегка припорошенному снегом. Увидел неподалеку отпечатанных следов, дошел до них и привернул коньки. Сделал шаг, второй по следу, но катиться дальше раздумал – надо было сворачивать к берегу и идти к расположению батареи. Берег озера сажени на две порос камышами. Ваня присмотрелся к зарослям камыша и, выбрав место, где можно пересечь заросль, стал подкатываться, но, не докатившись до камыша, лёд не выдержал, и он стал тонуть. В месте провала ноги не доставали дна. Ваня пытался вылезти на лёд, но только как он грудью навалится на край льда, лёд обламывался.

Так он, плавая и ломая лёд, немного приближался к полосе камыша. Дна не нащупывалось, ноги запутывались в водяных зарослях – намокшая одежда, обувь, холодная вода, сильный холодный ветер, сковывали движение рук и ног. Ваня ещё когда подходил к озеру, то впереди себя видел двух солдат, что-то делавших около дороги, проходившей неподалеку от берега озера в сторону села Барбош. Вскричал. Оказалось, что солдаты как раз работали против того места, где провалился Ваня, но из-за камыша и круто поднимающегося берега ни им, ни Ване было не видно.

Солдаты откликнулись, подошли и увидели барахтавшегося в воде человека, сперва попытались было добраться до него, но в камышах лёд был очень слабый. Видя, что они так не доберутся, решили сбегать к батарее и принести верёвки «шоры»[697]. Один из них бежал за шорами на батарею, а оставшийся продолжал попытки подобраться ближе к Ване, боровшемуся со стеной камыша и связывающими ноги водорослями. «Сейчас, сейчас выручу!» – говорил артиллерист уже лет тридцати, торопясь, он ломал камыши, устилая лёд: укладывал одной рукой на камышовую подстилку лопату, а другой рукой – топор.

Опираясь на них, он полз к Ване, но лёд под ним начал трещать, прогибаться. Ледяная вода начала сковывать у Вани руки, и сапоги, полные водой, с коньками и намокшая шинель, как панцирь Ермака, тянули его ко дну. Ваня всё же окоченевшими руками, ногами продолжал бороться – он хорошо умел плавать, и этому его научила родная матушка-река Кама.

Из батареи прибежало человек пять. Один из них на бегу связывал одну с другой шоры. Подбежали к месту происшествия и, как пароходную чалку[698], начали забрасывать верёвку из связанных шор к Ване, однако сильный боковой ветер, дующий со снежной крутой стороны города Галаца, не давал точной заброски – или делал недолёт, или конец верёвки порывами ветра относило то вправо, то влево от цели. Артиллерист, пытавшийся доползти до Вани и выбравшийся обратно, предложил привязать к концу верёвки для тяжести топор. При первой попытке доброски с топором получилась неудача: верёвка, развёртываясь, запуталась на

[697] Шоры – пластины, надеваемые на глаза лошади, закрывающие ей обзор по бокам.

[698] Чалка – веревка для причаливания лодок, судов.

топорище. Вторая попытка оказалась удачной, но топор, кувыркаясь в воздухе, прямо летел в голову Ване. Ваня успел славировать головой и обернул на руку верёвку, вскричав:

– Что вы делаете, черти! Чуть башку не рассекли!

– Ещё и ругается, утопленник! – выталкивая [его] на берег, возмущались спасатели, а вытащив, помогли ему встать на окоченевшие ноги.

Увидев на ногах у него коньки, начали подшучивать:

– Что, солдат, накатался?! Сам перемёрз, посинел и вшей-то заморозил, чай! Глупый мальчишка, выдумал кататься на румынском льду! Не на коньках-то ходить по ему и то опасливо, а конёк-то ведь, он как нож режет!

Ваня виновато, согнувшись перед ними, окоченевшими руками крутил барашки, снимая коньки, и в оправдание с трудом говорил посиневшими губами, едва[699] шевеля челюстями:

– Да я не катался, а меня послали…– и тут только вспомнил про разноску с пакетом, засунутых им под полу на груди, повыше ремня.

Попытался отстегнуть полу и вытащить разноску с пакетом, но расстегнуть без помощи товарищей не смог. Разноска и пакет сильно не размокли. Намокли лишь торцы и поверхность разноски. Листки внутри и пакет, плотно прижатые, не пострадали от воды. С одежды Вани всё ещё капала вода. На полах шинели[700] от режущего холодного ветра даже стали образовываться сосульки, да и полы шинели начали промерзать, лубенеть.

– Кому пакет-то несешь? – спросил один[701] из спасателей к дрожавшему, мокрому Ване.

– Начальнику батареи,– с трудом проговорил Ваня.

Пакет взял один из солдат, прочитал адресат и проговорил, обращаясь и подавая пакет:

– Вам, товарищ командир! – командир взял пакет от солдата, расписаться в разноске не расписался.

– Ну, а теперь куда пойдешь? Опять на озеро? – подшучивал он.

Ваня попросил его расписаться в разноске.

– Ах да, правильно! – и разноску сунули под полу у груди.

– Беги скорей, ведь ты перезяб! Беги сразу, не останавливайся! – напутствовал командир, пока солдат совал разноску Ване у груди под шинель.

Ваня, отблагодарив солдат, командира, подхватил под мышку связанные коньки, попытался бегом бежать обратно, но одеревеневшие ноги с трудом поддавались разминке, да и встречный режущий, сильный, казалось, всквозь пронизывающий ветер захватывал дыхание. Полы шинели замерзали на ходу, делались как лубки и больно натирали чашечки колен ног. А встречный ветер, бросая в глаза крупяную снежную изморозь, всё более свирепел. Подбрасывая то под правую мышку руки, то под левую коньки, Ваня добрался по дороге до ровной возвышенности, на которой

[699] После слова *едва* вычеркнуто слово *вороча*.

[700] После слова *шинели* вычеркнуто слово *под*.

[701] После слова *один* вычеркнуто словосочетание *обратился один*.

расположены виноградные насаждения. Здесь, на равнине, ветер встретил его с ещё большей свирепостью. Хотелось передохнуть, и он свернул с дороги, ища защиты от ветра в кустарниках. Выбрав местечко, начал было присаживаться на грядку, но застывшие полы шинели, с треском ломаясь, упирались в бока – так ему и не удалось присесть.

До штаба полка он добрался уже в сумерках. В штабе недоумевали: что случилось с Деськовым, уж не перехватили ли его кто с пакетом. Особенно, по словам Телегина, беспокоился старший писарь. Он, нервничая, покручивал усы, всё, говорят, ходил по канцелярии, раскаиваясь, что послал Деськова. Надо было, дескать, дождаться прихода Львовича. Но вот перед ними появился посиневший, продрогший в лубяной шинели, с коньками под мышкой Деськов. Первым недоумевающе к нему бросился Вася Телегин:

– Деськов, да ты ли это? Что с тобой? Где ты купался?!

Ваня только и сказал на его вопрос:

– Помоги мне, Телегин, раздеться.

Пока Вася начал помогать раздеваться, подошел к ним старший писарь:

– Где пакет? – грозно спросил он.

– Сейчас, разноску отдам,– проговорил Ваня.

Ваня развернул полы шинели, и разноска упала под ноги.

– Размочил всё! – поднимая разноску, грубо, усаживаясь за свой стол, проговорил старший писарь.

Стащив с Вани шинель, Телегин, улыбаясь, как всегда, проговорил:

– Знаешь что, Деськов, идём! Пойдем сейчас к фельдшеру. У него в яру выкопана землянушка, похожа на баню. Он в ней делает дезинфекцию, вшей жарит. Я недавно был у него – он мне знакомый. И согреешься,– шепнул на ухо,– спиртика выпросим. Он мне давал немного, хо! – он дохнул ртом на Ваню и вопросительно сказал: – Поди, как нет ещё? А перезяб, так знаешь, как это полезно! Ты погоди маленько, а я сбегаю сейчас договорюсь с ним. Он, наверно, у себя, в том здании,– и убежал.

Вернувшись, велел Ване одеть шинельку сухую – какая-то старая валялась в канцелярии, а сырую забрать с собой. «Там посохнет. Пошли?»

Подошли к береговому яру. Фельдшер уже раскуривал лаз в вошебойку. Поздоровались.

– Да где это тебя угораздило купаться-то? Ещё Крещенье не подошло, крещёный, поди? – раскурив лаз, фельдшер проговорил: – Давайте помогайте оттуда выбрасывать всё. Довольно прожарилась. Лезь, давай, грей ящик! – обратился он к Деськову, а Телегину сказал: – Это я прожариваю с подозрительно больных,– а вслед залезающему Ване в вошебойку напутствовал: – Прямо-то у стенки печь из камней. Не сожгись! А направо на полке белье, и сверху висит одежда. Выбрасывай всё!

Ваню обдало сразу крепким жаром. От жары и зловония трудно было передохнуть. «Чёрт знает что, от разложившихся трупов под деревней Халта-Ведени и то пахло сноснее, чем здесь»,– подумал Ваня, прощупывая в темноте и раздвигая висевшее над ним бельё.

– Выбрасывай сперва с проволок над тобой! – скомандовал фельдшер.

После сметки фельдшер сам залез в вошебойку, не закрывая лаза, проговорил:

– Раздевайся донага. Обмундирование развешивай, а я маленько плесну, чтоб дух сменить. Ну так всё же, где ты купался?

Ваня, раздеваясь и развешивая бельё, рассказал все подробности, как и что с ним случилось. Телегин, стоя у лаза, отвернувшись от ветра, подслушивал и изредка вскрикивал:

– Вот здорово! Вот попробовал новые коньки!

– Ну дух-то вроде сменился,– наливая из фляжки в кружку спирту и подавая Ване, фельдшер сказал: – Нос зажми и сразу всё выпей, да ложись на приполок, прогревайся. Пока не вспотеешь, не вылезай.

Ваня, никогда не пивший спирта, выпил, не почувствовав. Фельдшер, той же кружкой черпая воду из ведёрка, нагнал пару, вылез и ещё проговорил:

– Пока не вспотеешь, не вылезай. Скучно будет, пой песни, только негромко.

С Телегиным вместе они запечатали лаз и ушли.

Жару фельдшер нагнал изрядно. Деськов, скорчившись, лежал, то и дело поворачивался. Жгло то коленки, не терпели от жары ногти на руках и ногах, а пот всё не прошибал. Подошёл Телегин его проведать:

– Ну, как самочувствие, Деськов? – спросил он.

– Жив-то жив! Да вот невыносимо жарко, а пот всё не прошибает! Приоткрыть разве лаз немного, а то жареными вшами воняет!

– Нельзя, Деськов! Фельдшер не велит. Нарочно меня послал проведать и проверить лаз.

– Дак что, я вошь, что ли, ему, жарить-то меня? Я в ледяной воде лучше себя чувствовал!

– Ну вот, обжаришься, можешь опять сходить покупаться! – уходя, смеялся Вася.

Лежал Ваня, изнемогая от жары, а пропотеть не удавалось. Заснуть бы думал, но заснешь – испечёшься. Слез с приполка к лазу и слышит: «Живой?»

– Живой! – забираясь на приполку обратно, [ответил] Ваня, чтоб не догадался о нарушении Телегин.

– Что там делаешь?

– Да вот на приполке вроде вши оживают, беспокоят!

– Ну ладно, лежи! Фельдшер наказал, чтоб ты до утра не вылезал. Он придёт к тебе! – и ушёл.

К утру в вошебойке жара несколько спала. Через лаз пробивался свежий воздух. Деськов за ночь не раз слезал с приполка, приседал у лаза, чтоб носом поймать свежую воздушную струю. Щупал, высохло ли обмундирование. Кроме запаха, от сохнущей шинели ещё резче пахло затхлой землей с примесью какого-то терпкого зловония.

– Как самочувствие, Дичков? – услышал Ваня голос фельдшера.– Пропотел?

– Плохо, уж очень душно, невтерпеж!

– Вши, говоришь, заели?

«Ну надо же было. Телегин и об этом сказал»,– подумал Ваня.

– Вши или не вши, а только всё тело зудело, куприлось [702]!

– Вот это и хорошо! Вши-ето тебя в воде накусали, а здесь отзуживалось. Песни-то пел?

– Некогда было!

– Одевайся, полюбуюсь я над тобой, новокрещённым! – проговаривал фельдшер, распечатывая лаз.– Оделся, так вылезай.

Ваня вылез, держа в руках шинельку, и закачался от одурманившего его свежего воздуха и света.

– Чего качаешься? Одевай шинель!

– Минутку, что-то голова закружилась!

– Ничего, так и должно быть,– успокаивал фельдшер, проверяя пульс.– Ну, вот и порядок. Можешь идти, только не на эти озёра! Воды не нахлебался?

– Нет!

– Ну и хорошо, а то та вода паршивая. Пройдёт всё хорошо! Со мной в жизни тоже это бывало, да ещё похуже, ладно откачали!

В канцелярию Ваня пришел как новоявленный. Даже старший писарь, никогда не обращавший на его внимания, и то при появлении Деськова встал из-за насиженного стола, подошёл к нему, покрутил усы и, похлопав по плечу, проговорил:

– Ну, всё обошлось хорошо, молодец, Деськов, сумел выкупаться и в целости доставить пакет.

После начались расспросы, как это получилось. Ваня рассказал всё без утайки, да и таить было нечего: хотел попробовать новые железные коньки, о которых он мечтал с детства и видел только, как сарапульские купеческие сынки на таких железных коньках катались на катке против города, да ещё и хотел быстрее добраться до батареи.

Телегин, выслушав, спросил:

– Долго в воде барахтался?

Ваня хотя после выступления Васи на сцене с просмеиванием деревенских мужиков и проделок над ними московских кумушек очерствел к Телегину, но, учитывая его теперь проявленную заботу [703] о нём, ответил:

– Да, наверно, пятнадцать-двадцать [минут].

– Далеко от берега?

– Ну, как сказать – я как провалился, сразу повернул к берегу, камышам. Проломал льду, наверно, не меньше как сажен с десяток. Это ещё ничего, и вот добрался до камыша, попробую ногами землю, а там сплошь густые водоросли. Хватаю камыш, подтягиваюсь, а он плохо поддается, пружинит.

– Ну и закричал?

– Услышал говор, а ветер, они переговаривались громко, и я, хотя из-за камыша и берега их не видел, вскричал: «Эй, товарищи, помогите!». А они, оказывается,

[702] Куприться – жечь, тлеть.

[703] После слова *заботу* вычеркнуто слово *Васи*.

совсем были недалеко, рыли, как я понял, извлекали неразорвавшиеся немецкие снаряды.

– Ладно, по счастью они тут оказались, а то бы утонул.

– Утонуть не утонул бы, но лишь одного я побаивался: как бы судороги не стянули руки-ноги.

– Вот это и опасно! – заметил слушавший Донька Занудо.

– Говоришь, катился по свежему следу? Значит, кататься не умеешь: подрезал пятками лёд, ну и провалился. Вот я так катаюсь и по тонкому льду, а о пятках не забываю. Это же настоящие ножи для льда. Катаюсь, делаю фигуры, галаны, восьмёрки – не боюсь! – продолжил он.

– Дак ты ведь, Донька, это [на] сибирском льду! – заметил ему Телегин.– А этот здешний лёд твою тушу и на лыжах не вытерпит!

Вечером в штаб заглянул адъютант полка с какими-то тремя солдатами, из которых один был явно в офицерской шинели, но без погон. Адъютант Зубков и солдаты, поздоровавшись, прошли к столу старшего писаря. Поговорили о чем-то и, отправляясь обратно, подошёл к Ване и, улыбаясь, сказал:

– Ну как, Деськов, ещё поедешь кататься?

– Лед плохой, товарищ адъютант!

– Ничего, потерпи, может, до крепкого льда скоро доберемся. А ну-ка, что за коньки у тебя и где ты их достал?

Деськов подумал, что не подвох ли какой хотят учинить с коньками, но всё же поборол опасения и вынул из вещевого мешка, отдал на обозрение. Коньки пошли по рукам.

– А смотри, оригинальные,– рассматривая, проговорил солдат в офицерской шинели.

– Похоже, «Куршов», по снегу не пойдут, надо по снегу «Снегурка». У нас в России таких коньков с таким креплением нет,– вмешался в разговор Занудо.

Опасения Вани были напрасны: после того как солдат попробовал крепления конька на сапоге, коньки вернули Деськову. Зубков, уходя, проговорил:

– Подбери, пригодится! Скоро будем в России, а это,– указал он на коньки,– память о Румынии!

Коньки Ваня завернул в худую грязную рубашку, где у него хранится ещё на память карточка, что видела столько под самым носом, и неиспользованная сигнальная ракета, [та], [с которой] ходил тогда в секрет. Завернув, любовно засунул [всё] в солдатский мешок.

После ухода адъютанта Зубкова с солдатами Телегин вздумал подкатиться к старшему писарю, выспросить у него, что это были за солдаты и о чем был разговор, но писарь так ничего [и] не поведал:

– Так, расспрашивал о наших делах,– покрутив усами, ответил он.

Однако между Телегиным, Львовичем и Деськовым закралась загадка, почему Зубков сказал, что «скоро будем в России!» Видимо, что-то планируется, шевелилось у них в головах.

– Ты, Деськов, носил пакет, не поинтересовался, что там за содержание в нём? – спросил Телегин Деськова.

– Нет. Да и как поинтересуешься – пакет запечатан, а в разноске только номер исходный, адресат да дата.

– Знает всё, усатый чёрт, а не сказывает,– проговорил Телегин по адресу старшего писаря, а Ваня подумал о другом: неужели уговаривают этим пакетом командира батареи опять учинить огневую провокацию против немцев и развязать бойню, как при Годило-Годилевском…

Эту думку совершенной провокации против завязывающейся дружбы между немецко-австрийскими солдатами, стоившей жертв и той, и другой стороне, и поведал Ваня друзьям Телегину и Львовичу.

– Дудки, теперь наших артиллеристов и солдат не проведешь! Бояться нечего! Артиллеристы стрелять не будут, хоть и приказывай! Никакие пакеты, сговоры не помогут! Да и немцев бить у артиллеристов нечем. Снаряды-то сдали, а пушки без них стоят что деревянные обрубки! – проговорил Львович.– А вот в городе,– продолжал он,– слышал такое дело, что у кайзера у самого внутри Германии неполадки. Этим слухам, пожалуй, можно и поверить. Да и как не поверить? Туго, видимо, у кайзера дело: на нас не нападёт, миримся; румын почти тоже не тревожит. Раз-два выстрелят, да и стоят один против другого, вроде для пристрастки. Смотри, мол, не лезь, я тут! Румыны, правда, теперь злы на нас. Теперь уже не «северным медведем» нас величают, а предателями. Ну, пускай! Охота воевать – пусть Татареску тешат!

– Да, тешить-то тешат, а мы-то кого здесь тешим?!

А вот и январь 1918 г. У каждого солдата так наболело на сердце. «Что же делать? Почему нет приказов о выходе из Румынии? Почему нас разоружили? Что эти пять патронов на винтовки! Какой я боец!» – с грустью на сердце переживали солдаты. Но ещё в последних числах декабря опять же Львович принёс новость. Придя из города Галаца, он сообщил:

– Никак не пойму, товарищи, в чём дело! Утром пошёл в город на почту, смотрю – на краю оврага, подле города румыны в военной форме копаются, только земля летит. Обратно иду, вправо от меня вдали вижу – всё ещё копают! Остановился, присмотрелся – похоже, окопы роют. Что же, как вы думаете, будет? Видно, они намерены сдать нас немцам, а сами укрепятся перед городом.

– Да, вот это новость. Надо это разведывать, а то дак бежать в Молдованию. Пусть считают дезертирами… А к немцам сдадут – немцы возьмут, ну и насидишься. Как вы думаете? – высказался Телегин.

Писарь и Донька, прослушав сообщение Львовича, почти в один голос высказали свое недоверие сообщению Львовича:

– Не может быть этого! Генерал Щербачёв не допустит сдачу немцам!..

– Да пошли вы к чёрту с вашим Щербачёвым! – оборвал их Львович.

– А вы тоже к чёрту, стратеги, с вашими комитетами! Вот увидите, что нас не к немцам, а, скорее всего, отведут в район города Рени!

– А, [в] Молдавию? Вот это да… и хорошо бы было: Россия под боком, а тут уж нас поминай, Щербачёв, как звали!

А события и в самом деле назревали. Телегин, что-то переговорив с Львовичем, ушел к нему в почтовку. Следом за ним потянулся и Львович. Деськов, следя за ними, подумал: «Что же они задумали тайком от него совещаться? Может быть, что-либо Львович новое пронюхал, не подлежащее широкой огласке?» Но вот дощатая дверка, слегка скрипнув, приоткрылась, и в щёлку Ваня увидел, как Львович, держась за скобку дверки, что-то жестикулирует, разговаривая с Телегиным, а затем быстро вышел и, подходя к Ване, сказал вполголоса:

– Деськов, иди в почтарку, Вася зовет.

Деськов пригляделся к старшему писарю и к Доньке, сидевшим на своих насиженных местах, и, выждав момент, зашёл к Телегину.

– Знаешь что, Деськов, эти службисты, наверно, будут рады приходу немцев, а нам ведь вроде бы с ними не по пути. Как ты думаешь?

– Думаю? Что тут думать? Хотят войны до победы. Так, мне кажется, они думают, а к немцам-то они, пожалуй, тоже не пойдут. Одним словом, у них ум за разум заходит! Ну и пусть!

– Вот, верно. Мы сейчас с Львовичем толковали. Львович говорит, что мы досидим здесь, ожидая погоды, да так, что и не заметим, как окажемся в немецких лапах, ну и прощай родина! Надо что-то делать! Мы с ним, знаешь, о чем договорились?

– Не знаю, чего вы придумали, как мне знать!

– А вот что: Львович завтра опять пойдет в город, поприсмотрит, что делают или нет румыны, а тебе, как более понимающему в окопных делах, хотим посоветовать самому как-нибудь сходить и приглядеться: окопы или что другое они роют. Ведь если окопы, то мы можем оказаться между немцами и румынами. Вот и получится, что нас, безоружных, или немцы загребут, или румыны нас погонят в окопы, дадут в затылок – и пойдёшь!

– Мне что-то не верится,– ответил, подумав, Ваня.– Нас, безоружных, конечно, могут и немцы, и румыны заставить плясать под их дудку. Что сделаем, если те или другие нападут на писаришек, у которых в канцелярии одна винтовка на всех, да и та стоит за спиной старшего писаря, да и есть ли к ней патроны? Но, знаешь, Вася, мы не одни. Это ведь не одних нас дело. Ведь наши части не все разбежались. Комитеты в частях, наверно, что-то думают. Неужели уж мы совершенно парализованы?!

– Части, комитеты – да их, может быть, уж совсем нет! – раздражённо проговорил Телегин и, недовольный, отвернулся.– Ну мы вот с Львовичем думаем так, а ты, Деськов, чего предлагаешь?

– А чёрт его знает, как быть! Вот если бы со мной разговаривали адъютант или старший писарь, я бы попытался кой-чего расспросить. Но ведь знаю, что это без толку. Один исход: надо мне встретиться с окопными друзьями, что там делается? – сказал это Деськов и подумал: «Ну хорошо, встречусь я с друзьями, а может быть, в самом деле у них в тылу, за затылком, румыны готовят окопы! Укрепляются, а от кого? Пожалуй, не мешает об этом сообщить им[704]»,– и принял решение: – А вот так, тов [арищ] Телегин, я буду действовать так: сперва проверю, что накопали румынские

[704] После слова *им* вычеркнуто словосочетание *помолчав, Деськов*.

солдаты, а с этим, что увижу, пойду в окопы к друзьям. А вы тоже разузнавайте. Может быть, что проговорятся Занудо с писарем.

– Ну, правильно… Дело-то ведь серьёзное. В случае чего, так надо как-то пробиваться в Россию, пока не поздно!

Всю ночь после этого разговора Деськову спалось плохо. Даже впросонках ему в голову лезли мысли: когда лучше, в какое время суток разведать, что делают румыны по окраине города? Если вечером? Может быть, они допоздна копаются. Так и этак мысли вертелись. А скорее всего, они по ночам работают, как на позиции, тайком. Пойду лучше днём. Вечер, ночь, утро не подходит, решил он.

Утром Деськов не торопился и на вопрос Телегина:

– Что, когда пойдешь, или передумал? Львович уже давно ушёл в город,– Деськов объяснил ему свои соображения, что если румыны и в самом деле готовят окопы, то, конечно, по ночам, да может быть прихватывают и утра, что лучшее время, он считает, среди бела дня.

День выдался ясным, солнечным. Образовавшаяся за ночь от мороза земляная корка сверху чуть подтаивала, и грязь примерзала к сапогам. На полпути к городу Деськов встретил двух солдат. Встрече русских солдат Ваня обрадовался, зная, что они идут из города, значит, можно будет узнать, что делается в городе. Поздоровавшись с ними, он завязал[705] с ними разговор. Из разговора он узнал, что они из 38-го Сибирского стрелкового полка, что они увели в военную больницу тяжело заболевшего товарища. Оказалось, что один из них фельдшер.

– Едва ли наш больной выживет, подхватил воспаление легких,– проговорил фельдшер.– Дак что это такое: дожили мы, что больного в больницу отвезти не на чем! Тащили почти с полдороги на руках, а бросить человека жалко!

Разговорились и о своем положении.

– Видите ли, какое дело,– продолжал фельдшер,– румыны нас давно бы отправили в Россию, но при условии, если мы всё вооружение, амуницию, огнеприпасы – всё сдадим им. У наших-то солдат и так осталось лишь по винтовке. Солдат стал не солдат, а баба с ухватом. В общем, ловко обделали, да ещё и велят сдать какие-то наши[706] запасы, имеющиеся в городе. Оне говорят: «Сдайте всё и уходите, дескать, ваш царь дал Татареску обещание, что если он выступит совместно против немцев-австрийцев, то всё, что будет вывезено в Румынию с воинскими частями, останется в пользу Румынии».

– И солдаты тоже?

– Да нет, чего ты. Разве нашего брата привяжешь! Ну и затянулась петелька: солдаты винтовки, орудия и т. п. не соглашаются сдавать. Полковой комитет тоже солдат поддерживает, дескать, пусть теперь царь сам и рассчитывается с Татареской, а мы никаких договоров не признаем. Вот и идет торговля. Румыны теперь на нас косятся.

– Я слышал, что у города румыны окопы роют,– косвенно спросил Ваня.

---

[705] *Завязал* вписано поверх строки.

[706] *Наши* вписано поверх строки.

– Э, это у нас известно! Полковой комитет наш уже запрашивал в штабе армии, ответили, что будто бы планируется охрана города от немцев, если русские покинут позиции. Вот как!

– А не обманывают они нас?! Что-то подозрительно. Ведь если наши части,– говорил Деськов,– оставляют позицию, так пусть бы они и залезли в наши окопы, чем пятиться до своего последнего города?! Нет, это что-то не то! Не верится! Не хотят ли румыны нас бросить на немцев, как немцы гнали австрийцев на нас?!

– Вот-вот, у нас солдаты об этом же толкуют! Поживём увидим, а воевать едва ли удастся заставить!

Всю дорогу после встречи и разговора в случайной встрече Деськов старался разгадать сложившуюся ситуацию. Дошёл до оврага. У дороги, пресекающей овраг вправо и влево, Деськов не обнаружил признаков копания, но влево, присмотревшись с дороги, заметил по краю оврага земляные навалы. У оврага людей не было видно, и он решил сходить проверить. Всё то, что он увидел – не только рытые окопы, но обнаружил и приготовленное пулемётное гнездо.

– Значит, слухи подтверждаются. Но против кого? – думал Деськов и, убедившись, что слухи не напрасны, и чтоб не обратить на себя внимания, вернулся в штаб.

В штабе полка его выслушали с большим интересом и тревогой. Вечером, как обычно, в канцелярию заглянул адъютант Зубков. Поздоровавшись, он сразу заметил растревоженные лица писарей, и всё же, скрывая свою догадку, спросил:

– Ну, как дела, как она, солдатская фронтовая служба?

– Служба идёт! – заговорил старший писарь, крутя усы.– Вот только не знали, до чего дослужимся! Выходит, что мы теперь в щемилах [707]. Спереди немцы, а с тылу румыны нас обложили! Окопов нарыли, как говорят, да и сами видели Львович с Деськовым! Может ведь так получиться: немцы, пользуясь нашей теперь слабостью, давят на нас, а отбиться нашим нечем. Вот и попадём крокодилу в пасть, а румыны ещё и с тылу подправят! Не так ли?! Им ведь не удержать наших окопов, вот они, видимо, и укрепляются перед городом. Правда ведь, товарищ адъютант?

В канцелярии, слушая писаря, все навострили уши, не перебивая, слушали и ждали, что скажет Зубков.

– Так ли – не так,– начал Зубков,– правда ли, неправда, но если румыны не займут наших позиции, под натиском немцев, если только это будет, мы будем отступать. Понравится это румынам или нет – это их дело. Румыны испугались нашей революции, подумали, что мы и у них устроим переворот. С испугу их Татареску задумал нас обезоружить. Всё это, конечно, ими сделано не зря, ну и держат их, рассчитывают, что мы с ними союзничество не разорвём. Плохо, что из России нет никаких указаний, как нам быть! А может, что и есть, засекречивается в штабе фронта. В штабе фронта, по слухам, идёт борьба, споры. Комитеты настаивают о выводе наших частей из Румынии. Их поддерживает

[707] Быть в щемилах – оказаться в безвыходной ситуации.

полковник Аппельгрен[708]. Румынские представители против этого, и, как говорят, генерал Щербачёв придерживается их стороны. До чего договорятся, чья возьмёт верх – увидим. А того бояться, что немцы выживут нас из окопов, нечего. Стрелять они в нас не будут, а ещё помогут уйти из Румынии. Вот так я думаю! Так что ничего страшного нет.

Такой задушевный разговор адъютанта с писарями, чего раньше не бывало, растревожил у них и без того тревожное настроение:

– С чего это адъютант разоткровенничался сегодня? Видимо, у самого на душе кошки скребут. Вот бы ещё командира полка Титова послушать, что он думает? – проговорил Телегин после выхода из канцелярии адъютанта.

После этого разговора у Деськова пришла в голову мысль позвонить по телефону в штаб 37-го Сибирского стрелкового полка и вызвать брата Петра на разговор, узнать от него новости и что он посоветует. Но тут же ему встретилась трудность: телефонный аппарат стоит на столе у старшего писаря, и за последнее время почему-то бездействует, однако испросить разрешения позвонить у старшего писаря он не решался, а выжидать момент отсутствия писаря в канцелярии – надежды было мало. Он сидел за своим столом как прилежная наседка: перебирал какие-то бумаги, точно чего потерял; покручивал удовлетворённо ничем не примечательные усики и, бывает, выскочит лишь на пять-десять минут по выполнению ответственной надобности – и снова на место. Такое отсутствие из канцелярии не могло удовлетворить Деськова. Ведь пять-десять минут уйдёт на вызов, а тут и не поговоришь. Два дня Деськов обдумывал, но момент не подвёртывался и, наконец, он решил поделиться о задуманном с Васей Телегиным.

– Дельно бы! Но только линия, как будто, с городом не работает. Пойдём спросим,– и Телегин потащил Деськова к телефону.

– Куда хотите позвонить? – недоумевая, спросил старший писарь.

– Хочем с городом связаться,– ответил Телегин, беря телефонную трубку.

– Да линия-то не работает. Наверняка румыны обрезали. А что вы хотели?

И Телегин объяснил ему. От этого объяснения Деськов чувствовал себя в неловком положении. Ему не хотелось бы, чтобы их разговор кто-то бы подслушал, а тем более этот чёрствый человек – старший писарь, который в глазах Деськова казался слишком гордым и навряд ли интересовался сложившейся ситуацией. А вышло наоборот: выслушав Телегина, писарь повернулся к Деськову и как никогда любезно проговорил:

– Давайте, давайте попробуем, авось линия исправлена!

Но сколько они ни пытались, телефон был глух. Деськов после этой попытки ходил сам не свой. Почему Пётр за последнее время не пытался связаться с Ваней и не шлёт писем, да и братан Вася тоже молчит. «В чём дело? Ладно ли у них там в городе? Не может же быть, чтоб они не думали обо мне?» – думал он. Бывало, изнывая под гнётом этих мыслей, он не один раз выбегал из канцелярии

[708] Аппельгрен Арвид Конрадович (1876–1961) – генерал-майор Русской армии, начальник штаба 10-й Сибирской стрелковой дивизии в 1914–1916, 1917–1918 гг., командир 37-го Сибирского стрелкового полка в 1916–1917 гг. В годы Гражданской войны – в воружённых силах Юга России.

и прислушивался к городу, всё ли там в порядке, нет ли стрельбы? Но город молчал. А к этому ещё присовокупилось за последние дни поведение Львовича. Он не стал выполнять свои прямые обязанности почтаря, и на гектографе у него теперь работы нет. Вот уже с неделю запрётся в своей засекреченной кабинке – то спит, то песни поёт. Деськов неоднократно пытался спрашивать его, не пойдёт ли он за письмами в город, намереваясь послать с ним письмо Петру, но Львович говорил, что когда адъютант пошлёт – пойду.

Вот уже, пожалуй, с месяц замерла работа в штабной полковой канцелярии. Не стрекочут пишущие машинки, не скрипят перья по бумаге. Высохли чернила в чернильницах, не приходят из батальонов и рот посыльные со сведениями о состоянии частей. Кажется, замерло всё, как перед бурей, а буря и в самом деле подошла неожиданно. Не могло же всё так продолжаться.

Развязка наступила (насколько помнится) под вечер 6 января. В канцелярию штаба полка [пришёл] явно чем-то расстроенный адъютант Зубков и в приказном порядке сказал:

– Соберите все ваши дела и упакуйте, а как управитесь, ночью перетащите в соседнее здание. Придут, заберут подводы!

– Что, разве переходим в другое место, да и куда? – растревоженным голосом спросил старший писарь.

– Да,– ответил адъютант.

– А нам тоже идти с подводами? – спросил ст [арший] писарь.

– Не знаю, как с вами быть. Я согласую это с командиром полка и вам сообщу. Дело обстоит так, что мы не смогли уговорить румынские власти о предоставлении нам [права] беспрепятственно вернуться в Россию. Поэтому полковые комитеты мобилизуют солдат в полках силой, если будет нужно, пробиться к молдавскому городу Рени, а там уже румыны не хозяева. С позиций нашего дивизиона наши части снимутся утром и пойдут боевым порядком. Думаю, чтоб вам не застрять здесь, пожалуй, лучше всего присоединится к ним. Но я всё же об этом переговорю с командиром полка Титовым. А теперь давайте быстренько. Собирайте только, что ценное, ерунда пусть останется. И, распорядившись, вышел.

Это распоряжение адъютанта каждый воспринял по-своему, отсюда и пошли разноречивые разговоры, сопровождаемые и руганью по адресу Татареску и генерала Щербачёва. Старший писарь торопился и торопил всех, забыв про свои усы, изредка отвечая на вопросы – чего брать, а чего и можно бросить. Львович крутился у своих гектографских камней – брать или не брать. С раздумья, досадуя, взял со стола чернильницы с высохнувшими в них чернилами и тряхнул их об пол, крепко выругавшись.

– Львович, зачем бросаешь под ноги! Уж это не тяжёлые вещи! Если не надо – оставьте на столах, а чернильный порошок – кладите! – злостно проговорил, подняв пыль в своём углу, ст [арший] писарь, укладывая в ящик из-под патронов свои дела, а Львович в ответ послал ему кучу матюгов с приговорком:

– Я больше вам не почтарь и не писарь! Даёшь матушку-Россию!

– Подожди, не горячись ещё, Львович! Что скажет завтрашний день?! – тряся и укладывая любимые папки и журналы, проговорил Занудо.

– Всё равно, хоть и без патронов, а пробьёмся, правда! Тут румын немного, а с фронта их не стянут – побоятся немцев!

– А ты, Львович, не поинтересовался, какой в полку личный состав, а храбришься! Ведь больше половины разбежались, кто к немцам подался, а кто и сдезертирничал!

– Ну и нам это не страшно. Страшного я повидал! – ответил Львович вмешавшемуся в разговор Доньке Занудо.

Разговоры в горячке сборов и упаковке начали стихать. Трудно было представить, как из штаба полковой канцелярии образовалась какая-то наполненная пылью «мастерская», и все её «мастера» сосредоточенно работали, вырабатывая планы на завтрашний день. У кого какой план, конечно, в голове не увидишь. Может быть, кто рассчитывает на подводы, как бывало в таких случаях. Но ведь если адъютант даёт указание. А он, как ушёл – и глаз не показывает. Упакованные ящики уже стаскали. Барахло поразбросали. Ценное – в канцелярии лишь осталась стоять запылённая винтовка, над которой шефствовал старший писарь, и на вопрос Телегина к нему: «Что же мы винтовку не сняли?», он сухо ответил:

– С подводами если пойду – с собой понесу! Ну-ка, сходите проверьте, не подошли ли подводы!

Все переглянулись между собой, как бы испытывая: кто пойдёт проверять. Львович, глядя на растянувшегося на пустом столе Доньку Занудо, проговорил язвительно:

– Надейся, ждут нас, как господ! Я пошёл спать! – махнул рукой и ушёл за свою перегородку.

Старший писарь испытующими глазами взглянул на Деськова. Деськов понял по его взгляду и вышел из штаба. Времени было около полуночи. Блеклый свет луны и звёзд иногда закрывался, не торопясь, движущимися в небесной высоте тучками. Ваня остановился, стал прислушиваться: не нарушает ли кто-либо поблизости ночную тишину добрыми или коварными замыслами. Присмотрелся, прислушался к жизни города и пригородной окрестности. Перешёл на другую сторону здания, обогнув его со стороны Дуная. Присмотрелся в район расположения наших и немецких окопов. Кругом была тишина, а видеть что-либо в ночном мраке этой возвышенности теперь не [че] го было и думать. И приглядывался он туда, вдаль, в сумрак только потому, [что хотел понять]: спокойно ли в окопной жизни у товарищей; не слышно ли выстрелов; не рвутся ли над окопами осветительные ракеты, нарушая и спокойствие, и глубокий сон ночи; не шевелят ли, как из щели тараканы усами, прожектора, сверля своими лучами ночную тьму, поливая ярким светом окопы, обречённых к смерти, но жаждущих жизни людей, насылающих проклятья войне. Тишина была кругом насыщена полными признаками мира и спокойствия. Промеж чахлых, реденьких тучек пробился изуродованный облик луны, и её блёклый отблеск облил казарму Флотилей. Деськов испытующе стал всматриваться в её изображение и, глубоко

вздохнув, безнадёжно (а может, и нет) проговорил про себя, воображая, что в это же время, возможно, брат Павел или кто-либо из родных тоже бросает взгляд на её корявую поверхность:

– Здравствуйте, Павел и родные! Мой привет я вам посылаю через ночную волшебницу!

Постоял ещё, любуясь и луной, и движением над головой туч. Перевёл ещё глубокое дыхание и направился к зданию, где уложено штабное имущество. Всё, что было приготовлено к погрузке на ожидаемые подводы, оказалось на месте.

– Мы уж думали, что ты, Деськов, сбежал! Где ты был? И так у канцелярских ящиков тебя не видно было! – спросил его старший писарь.

– Имущество наше как сложено, так и лежит. Я проверил,– ответил ему Деськов.

– Да знаю, что лежит! Я сам, не дождавшись тебя, сходил проверил.

– Вот так вернее,– подумал Деськов и расположился, не снимая шинели, на пол спать.

Ночь провели неспокойно, навряд ли кто спал спокойно. Даже Львович, улёгшийся в свою опочивальню, слышно было, как возился на столах. Перед рассветом старший писарь сказал лежавшему, скрючившемуся в три погибели на столе Телегину:

– Сходи посмотри, не пришли ли подводы. Да, как выйдешь, осмотрись сперва – нет ли кого!

Телегин быстро вернулся и иронически проговорил:

– Ждать нас будут, всё увезено!

Старший писарь вскочил со стола, на котором он прободрствовал всю ночь, и с криком «Проспали!» выбежал, не поверив сообщению Телегина, чтоб убедиться самому. Вернувшись, он, ни слова не проговоря и не посмотрев ни на кого, прошёл по помещению и с прискочкой, как на ходу [запрыгивая в] бегущую телегу, сел на стол, да так, что столешница приняла его с треском.

– Говорил, почаще проверять надо было! Проспали, мать вашу!

Посидев немного, он схватил свой вещмешок и, ни слова не говоря, бросился из канцелярии.

– Наверно, по следам телеги побежал догонять подводу,– проговорил Телегин, как только выбежал писарь. Спустя минут пять Занудо Данил тоже выбежал из канцелярии и вскоре с безнадёжным видом вернулся обратно. Вытирая глаза, вышел из своей «почивальни» Львович.

– Убежал? Да куда он убежит! Нарвётся на румынских патрулей и остынет. Убежал – а смотрите-ка, и винтовку оставил,– заметил Львович и продолжал: – И война-то ему надоела! Всё о доме ещё в Сибири до войны мечтал, что говорит, только месяц оставалось служить, а вот война за хвосток поймала! Война, можно сказать, кончилась. Дом близко, а он растерялся – не знает куда броситься. Я думаю, что он не вытерпел: побежал, наверно, намеренно улизнуть в Россию, но надежды на это ведь нет. Попадёшь в лапы к румынам – ещё больше застрянешь, а вот общими силами, я

думаю, вернее улизнуть их Румынии. Только вот силы-то у нас обезоружены. А что, с румынами, наверно, придётся подраться, я думаю[709]? Ведь они, черти, как слышал я в городе, ни одного нашего из города не пропускают в сторону к Рени и чуть ли не сами-то не захватили город.

– Так ведь этот город наш, молдавский?! Значит, они уже против нас пошли? – возмутившись, проговорил Телегин.

– Вот именно! Мы теперь у румын в кольце, а сзади – немец. Пробиваться если только нам – один выход, да хорошо бы обойти левой стороной и Галац, и Рени, а один он застрянет. К немцам он не пойдёт, я знаю!

«А ведь и правду говорит Львович,– подумал Деськов.– Но вот беда! Ведь когда мы, выйдя на станции Рени, шли по дороге в Галац, в одном месте слева видели вроде бы Дунай, как нам показалось тогда, а по правую сторону дороги местность показалась заболоченной. Виднелись озёра, окаймлённые и заросшим камышом, кустарниками. Так что и пробиваться в какую сторону, надо знать. Правее Галаца, конечно, нечего и думать – по Дунаю не поплывёшь! Идти прямо на город – как румыны на нас, безрогих баранов, посмотрят? Пожалуй, левой стороной будет самое подходящее. Ну да, ведь командиры наши наверняка всё учли, всё разведали, так что только единственным выход [ом] из нашего положения остаётся одно: как-то присоединиться к нашим частям[710]».

Не успел Деськов окончательно [всё] обдумать, как в канцелярию, запыхавшись, вбежал Телегин Вася и вскричал:

– Началось! Я слышал выстрелы со стороны станции Барбош!

Старший писарь почти следом за Телегиным открыл двери в канцелярию и, не заходя, прокричал:

– Бежим, ребята, прятаться!

Все схватили свои пожитки и бросились из канцелярии вслед за писарем. Деськов тоже выбежал, но остановился, думая: «Части пробьются, а мы и просидим, спрятавшись. Да и куда они убежали?» – и только тут Деськов догадался, куда убежали друзья за ст [аршим] писарем. Вон он где отсиживался, убежав из канцелярии, не говоря никому ни слова. Ну что же, всё равно они подвод не дождутся!

Прислушавшись и убедившись в доносившихся со стороны ст [анции] Барбош и деревень Фольтешты, Филешты [выстрелах], Деськов вернулся в опустевшую канцелярию. «Ну почему там, да и в кого стреляют? – сбросив вещмешок на стол, думал он.– Неужели уже на ст [анции] Барбош румыны преградили дорогу нашим?»

И тут же ему пало в голову: а что же получится, если наши части, встретившись с румынскими частями, и во избежание лишних жертв, не пойдут прямо на город Галац, а пойдут в другую сторону? Ну, скажем, в сторону Плоешти? Ведь там и у Черновиц дрались наши с немцами? Вот и просидим мы здесь! Прокукуем!

И только теперь Десков пожалел, что ушёл из роты. Сидя на столе, в опустевшей канцелярии, он строил свои планы. В голове вертелись разные мысли, то забегая

[709] Слова *я думаю* вписано поверх строки.

[710] Далее авторский заголовок *На прорыв.*

вперёд, то возвращались к исходной. Получался замкнутый круг, а в центре его он. И кажется, куда бы он ни бросался, всё натыкался на неправильное решение, а посоветоваться было не с кем.

– И чёрт же меня дёрнул согласиться перейти в канцелярию! Пусть бы Телегин искал кого другого! Ведь нашлись бы грамотеи не хуже меня! Оторвался от друзей, а теперь?.. А не пробраться ли мне к ним?!

И решение пришло окончательное, когда он, ходя по канцелярии из угла в угол, наткнулся на валявшуюся за столом старшего писаря винтовку. Лихорадочно начал перерывать весь мусор у стола писаря, надеясь найти штык к ней и патроны, но, как ни рылся, ничего не нашёл.

– Вот же человечек, куда, от чего спрятал?! А может, и сдал по приказу?! Но ничего, если проберусь к друзьям, они выручат!

Замкнутый сразу перед ним круг разорвался, и он с винтовкой в руках выбежал. Остановился, прислушался – ни одного выстрела не было слышно.

– Неужели обман? – подумал он.

Всматриваясь вдаль, в сторону, где должны были появиться наши части, ничего не просматривалось, а вот справа, ближе к городу, вдали от дороги было видно работавшего пахаря.

– Вот здорово, у нас на родине крещенские морозы, а румыны землю пашут! Может быть, это предлог, а не пахота? Может, это наблюдатель? – подумал Деськов.

Постоял ещё, приглядываясь к пахарю, наметил себе путь и, придерживаясь берега Дуная, оглядываясь, зашагал в сторону станции Барбош. Дойдя до прибрежных зарослей мелкого кустарника реки Сирет, он встал, оглушённый криком «ура», но выстрелов не было слышно. Крики «ура» послышались правее его остановки. Деськов присел в кустарнике и начал соображать, где и что происходит. Ещё будучи в карантине, он как-то стиркой белья занимался на этом бережке, и вместе с товарищами они попали под пулемётный обстрел с немецкого самолёта. А крики «ура», которые пронеслись и вскоре замолкли, слышались в стороне деревень Фольтешты и Филешты, там, где на плоскогорье виноградники.

– Значит, справа.

Рассуждая так, он встал и быстрыми шагами направился в сторону этих посёлков. Прошёл правее ст [анции] Барбош (кстати, надо сказать, что ст [анция] Барбош была закрыта, и поезда, бывало, в ночное время на предельной скорости, не остановившись, проскакивали, чтоб не попасть под орудийный обстрел охотившихся за поездами немецких батарей). Поднимаясь по склону от станции, он увидел, как перед его глазами с криком «ура» поднялась цепь солдат в серых шинелях с винтовками на плечах, бросившихся в сторону зарослей виноградников. По цепи из виноградников последовала резкая стрельба. Деськов бросился догонять наступающую цепь, узнав в ней своих, но не успел добежать: цепь залегла. Редкими перебежками он всё же добежал до лежавшего правофлангового и тоже залёг. Отдышавшись, спросил солдата, нет ли у него запасных патронов. Солдат с досадой ответил:

– Захотел чего! Были бы патроны, не шли бы на «ура», а ты что, наверно, свои патроны на рыбу израсходовал и штык бросил – вояка!

Пока цепь лежала, стрельбы ни с той, ни с другой стороны не было, но только как наша цепь снова поднялась на румын с криком «ура», из виноградника послышались ружейные выстрелы, однако пули просвистывали над головами, что воодушевляло наших солдат. Атакующие уже добежали до виноградников, но румыны, увидя приближающихся атакующих русских, под прикрытием пулемётного огня бросились отступать. Не добежав до казармы Флотилей, залегли и открыли стрельбу, прикрывая отступающих пулемётчиков. Наша цепь залегла.

– Видел? Пулемётчики-то не успели ноги утащить! Наши подбили! – проговорил, лёжа рядом с Деськовым, солдат.

По цепи неожиданно передалась команда:

– Без команды не стрелять! Беречь патроны!

– Стрельба и так прекращена, в чём дело? – думал Деськов, а солдат по соседству, присев на корточки, оглядевшись, обрадованно проговорил:

– Смотри-ка, румыны парламентёров к нашим выслали! Туго им стало! Боятся нашего штыка хуже пули! Я вот штык не бросил! И патронов у меня почти полная обойма!

Деськов также присел на корточки и увидел, что, в самом деле, на чистом месте, где он видел пахаря, стояли в тёмно-зелёных шинелях с белым флагом три румына, а к ним навстречу, тоже с белым флагом, шли трое наших. Парламентёры переговаривались не меньше как минут 12–20, а потом быстрыми шагами пошли всяк в свою сторону. Деськов с соседом, стоя на коленках, переговаривались между собой и соседями по цепи, стараясь предугадать о результатах переговоров. Кто как высказал свои соображения, однако у всех, пожалуй, складывалось мнение, что договориться наверняка едва ли им удалось.

– Видите, как они быстро зашагали каждый в свою сторону? Жди, ребята, опять команду на «ура»,– проговорил дальний сосед и, обратившись к Деськову, поинтересовался, почему он кричит «ура», а винтовка без штыка.

– С таким вооружением только дома в конюшню ходить да вместо мешалки ею коням мешанину макать! – иронически он высмеивал Деськова.

– Может, на патроны надеешься?

Деськов, полный досады, промочал, а ближний сосед язвительно, повернувшись к левому соседу, проговорил:

– Да у него и патронов нет, у меня просил!

– Да как же ты воевать собрался? Разве прикладом бить, лишь так?! На хоть пару патронов!

И он, вынув из подсумка полную обойму, выдернул из неё два патрона, бросил через соседа к Деськову.

– Бери, может и выручат! У меня ещё…

Но не успел он договорить, как где-то сзади грохнула пушка, и снаряд, захлёбываясь, пролетел над цепью, и, ярко блеснув в воздухе, разорвался над

головами залегших румын. Пролетел второй снаряд и так же разорвался в воздухе, но на меньшей высоте. Румыны открыли частый ружейный ответный огонь.

– Вот и договорились! – с досадой проговорил сосед.

Прошумел и разорвался над румынами третий снаряд. Средина нашей цепи поднялась в атаку с криком «ура». Немедленно поднялись и фланги. Румыны усилили огонь, но вскоре поднялись и бросились к окраине города, укрепившись по окраине оврага в заранее приготовленных окопах, и открыли интенсивный ружейный и пулемётный огонь по атакующим. Цепь под этим огнём вынуждена была залечь, отстреливаясь. Правый фланг нашей цепи залёг, мы добежали до здания казармы Флотилей, всего каких-нибудь сажен пятидесяти по фронту и вправо от неё, пожалуй, на таком же расстоянии. У Деськова пришла мысль укрыться от обстрела за этими зданиями, и он вскричал соседям:

– Ползём до здания!

Ещё не достигнув зданий, они услышали пушечный резкий выстрел и свист пролетевшего снаряда. Снаряд, пролетев мимо зданий, и также с режущим визгом разорвался где-то в расположении наших залегших[711] частей. Затрещали пулемёты, явно со стороны реки Дунай.

– Что бы это могло быть? – думали приятели.– Кто бы мог вести обстрел со стороны Дуная, прямо по правому флангу?!

Укрывшись за углом каменного здания, они увидели форсирующую по Дунаю канонерку, а, придерживаясь дистанций, следом за первой ещё две таких же. Первая, головная, круто повернув на средину Дуная и направившись по течению реки, открыла пулемётный и орудийный (похоже, из горной пушки, установленной на ней) огонь в сторону нашей цепи. Отстрелявшись, канонерка повернула к городу Галацу, идя подле берега к новому заходу. Следовавшая за ней вторая канонерка проделала то же, что и первая, но снаряд с этой канонерки попал в угол здания, у которого стояли наблюдавшие за ними, прижавшиеся к углу Деськов с товарищами. Разорвавшись в углу верха кровли здания, он оглушил их и обсыпал осколками кирпичей и пылью.

– Вот же, сволочи, или промахнулись, или нас заметили! Ложитесь! – проговорил и лёг первый сосед.

– Чего тут ложиться, я их сейчас обстреляю! – ответил дальний сосед, который бросил два патрона Деськову.

– Ого, да на такое-то расстояние! Думаешь, они строчат из пулемётов – да это только для шума да пристрастки. Ведь и пуль не слышно! Побереги патроны лучше! – отозвался первый сосед, всё ещё встряхивавший с себя кирпичную пыль.

В это время с противоположного берега Дуная, с сопок Добруджи послышался далёкий пушечный выстрел из тяжёлого орудия. Из-за трескотни, ружейной и пулемётной, полёта снаряда было не слышно, но снаряд упал между двух всё ещё форсирующих румынских канонерок и, взорвавшись, поднял высокий столб воды.

– Здорово, смотрите, немцы нам помогают! Дело выйдет! – соскочив на ноги и любуясь вскоре осевшему столбу воды, прокричал сосед – и вдруг снова взметнулся такой же столб.

---

[711] *Залегших* вписано поверх строки.

Снаряд, очевидно, разорвался по другую сторону от наблюдавших, но им показалось, что угодил прямо в канонерку.

– Смотрите, смотрите, тонет!

Но канонерка, лишь накренившись боком, прибавив ход, ушла к городу Галац, ткнувшись в левый берег Дуная. Две другие последовали за ней. Немцы по уходящим канонеркам выпустили ещё один снаряд, но неудачно.

– Эх, всё, больше не долетит! Видно, у немцев на сопках нет дальнобойных! А теперь уж их не достать: вон куда ушли, к самому городу,– переговаривались, стоя за углом здания, ребята.

Тут они заметили, что из залегшей цепи ползёт к ним ещё один солдат. Он то полз по-пластунски, то переваливался, крутясь через плечи. Добравшись до здания, он встал и крепко выругался:

– Вот же, сволочи, по-заправски начали бить. Никак не подпускают, штыка нашего боятся! Головы поднять не дают! А как тут у вас? Нельзя ли их потревожить в окопах с фланга, а?

Только солдат успел проговорить, как снова с криком «ура» поднялась наша цепь в атаку. Под шквальным огнём со стороны румын атака оказалась также безуспешной – цепь атакующих прижата к земле. Стрельба прекратилась. Деськов, теперь со своими соседями быстро добежали до исходного места, вновь укрывшись за здание.

– Ничего, знать, братишки, не пробиться! Разве что ночью сумеем, а до ночи ещё далёко!

– На месте топчемся, вот смотрите! – и в самом деле: наши залегшие части сколько лишь сумели продвинуться, отползли в исходное, до атаки, положение.

– Хорошо хотя румыны по лежачим не стреляют! – переговаривались между собой ребята.

А Деськов думал о другом: как могло получиться, что они, поддерживая атакующих, попали тоже под обстрел. Он был уверен, что на этом участке правого фланга окопов и румын нет. Ведь он сам ходил, разведывал, где нарыты у румын окопы. В этом же участке, к берегу Дуная, он тогда никакого рытья не обнаружил. Как же получилось, что и их обстреляли? Ладно хоть всё обошлось благополучно! Значит, плохой я разведчик! А может, они позднее понарыли?

И что было горше всего – то, что ребята не обнаружили точки залегших румын, обстрелявших их.

– Ох, засели мы, братишки, засели! Их без артподготовки теперь не вышибешь! И зачем затеяли только эту возню? Жалко было немцам оружие сдавать!

– Как сдавать? – перебил отчаявшийся солдат солдата.

– Да так, у нас в роте говорили, что, если уйти к немцам, они принимают нашего брата, а оружие отбирают. Вот многие и опасались: отберут, да и пойдут снова нашего брата чехвостить! А что же теперь получается: румыны вообще отказались выпустить нас отсюда, заставляют воевать, царский договор выполнять! А на хрена нам эта карусель? Царь и Татареску ихний нам не указ!

– Ура! – послышалось снова.

Собеседники снова выскочили из-за здания, прсоединяясь к атакующим, но и на этот раз атака захлебнулась.

– Прощай, видно, родная сторонка! Не свидеться, видно, нам и с родными! – в отчаянии проговорил один из прибежавших к зданию солдат.

– Зачем «прощай»? Мы ещё живы! Уйдём к немцам, а через них и в России скорее окажемся! Уйдём к немцам, дак они зададут жару румынам. Вот поверьте мне! – возразил солдат солдату.

Деськов, прислушиваясь к их разговору, думал: «Да, а не лучше ли мне убежать и спрятаться с писарями? Они, наверно, где-нибудь скрылись у окраины города, а там сумеют улизнуть!»

– Думаешь, жертв нет? – продолжали между собой горячо обсуждать солдаты.– Вот те и дома побывал, отца с матерью видал да с молодой женой поспал. И надо же было переться на город по чистому месту, как по ладони! Надеялись, что союзнички не будут стрелять, а только пострашают. А что получается?! Они, конечно, выбиты-то из окопов, и пробиться можно, но ведь урону больше половины будет! Не так ли я говорю, братишки? – высказывал свои соображения пожилой, лет тридцати пяти, солдат, обросший рыжеватой бородой.

Слушая его, товарищи молчали, а он продолжал:

– Топереча ведь все только и мнят в душе-то Россию увидеть да новые порядки посмотреть. «Ура»-то «ура», а кому теперь, почти у дома, умирать, кости сложить на чужой стороне?! «Ура» – да и в землю носом, вот тебе и дом родной. Не так ли я говорю? Мы вот здесь не лежим, а стоим, закрылись, а цепь-то припала, голову поднять не дают. Вот бы их артиллерией в окопах прощупать, тогды бы и не «ура». Так ли я говорю? Опять же, где взять артиллерию-то? Снаряды же румынам сдали! Уши развесили, отдали – больше не воюем! А оно вот как обернулось! Пушки-то, говорят, стоят на месте, а пользуёте качель. Дело пропащее! Я дак думаю бросить всё да уйти к немцам, али бросить всё же рассчитаться и пробираться окружными путями – и зайдем в Молдавию, а тут и Россия рядом. Не так ли я говорю, братцы?

– Так ли, не так, а я вот думаю: почему город молчит? – отозвался другой солдат, поглядывая из-за угла в сторону города.

Казалось, что он старался разглядеть засевших в окопах румын, и, опершись на винтовку, продолжал:

– Ведь в городе-то, наверно, есть наши части, почему они с тылу не поддерживают наши атаки? С тыла бы на сволочей – вот бы дело было. Куда бы лучше этого было! А идти напролом – только одни потери. Вот так и думаю. Да если и задумали пробиваться, так надо было ночью, а не на середи дня.

– Так ведь и так мы почти ночью вышли, на раннем утре, и не думали, что это случится,– заговорил другой солдат.

– А вот видишь – скоро вечер, мы всё на месте стоим, шагу вперёд шагнуть не дают. Ладно, мы здесь за зданиями спасаемся, а ведь цепь-то всё под обстрелом. Узнать бы вот, что думает предпринимать наше командование.

– А что тут думать? Без толку умирать никому не охота! Вот разве что до потёмков усидим. Может, тогда что будет, а на свету – видишь что, пошевелиться не дают.

Деськов, прислушиваясь к разговору товарищей, думал: «И что же я вчера не додумался, как только стало об этом известно, не пробрался в город, а там бы с братьями Петром и Васей что-либо сообразили. К немцам – будь что будет – я не пойду, сами и пробьёмся. Ночью что-нибудь придумаю».

По залёгшей нашей цепи румыны снова открыли редкую винтовочную стрельбу. Ребята из-за здания начали всматриваться, где залегли румыны. Не обнаружив огневых точек, у Деськова блеснула мысль обойти здание по безопасной стороне, и не будет ли лучше оттуда присмотреться. Но и эта затея им ничего не дала.

В сторону залегшей нашей цепи солнышко уже начало садиться за горизонт. Из-за укрытия каменного здания ребята заметили, что залёгшая цепь начала отпадать назад, а вдали, сзади цепи, солдаты уже во весь рост собирались кучками, человек по пять, и уходили в сторону станции Барбош. Со стороны города румыны уже не преследовали отступающих. Заметив это, солдаты, стоя за зданием, перебивая один другого, с волнением заговорили:

– Наши отступают! Решили к немцам! Пойдём и мы! Пошли, братишки, хуже не будет!

– Я не пойду,– заявлял Деськов.

– Ну и дурак, оставайся!

И они бегом пустились догонять отступающих, а Деськов твёрдо решил: пусть арестуют, заберут румыны, посадят, конечно, уведут в город, а там и братишки; воевать – я всё равно не вояка, не заставят! А вот ребята наверняка на румын напорются. Ведь те окопы, что они оставили утром, наверняка заняли румыны, а раз так, то они и к немцам не пропустят. Зря им я об этом не сказал!

Посочувствовал он товарищам, уже скрывшимся вдали за кустарниками. Теперь он стоял одиноко и нет-нет да приглядывался в сторону города, где засели румыны. В голове молниеносно пронеслись мысли событий прошедших двух дней: вчерашнего сообщения и сегодняшних неудач. Тщетно он пытался вскрыть промахи этих неудач, как со стороны командования, так и своих, казалось бы, плохо продуманных планов побега. У города стояла тишина. Румыны не стали преследовать наши отступающие части, однако при наступлении темноты в воздух нет-нет да взвивались осветительные ракеты, загораясь в воздухе и описывая дугу, они рассыпались над местом, где залегала наша цепь.

«Видимо, прощупывают, не остались ли в засаде наши бойцы»,– каждый раз при взлёте ракеты думал Деськов, но дальше, за угол уходя от наблюдающих, вслушивался в ночной тишине, нет ли где выстрелов, не наткнулись ли наши отступающие части на засады румын, но везде была тишина. «Что мне делать? Неужели стоять мне здесь до утра и ждать, пока руки не скрутят? Нет, пойду, как только понадёжнее стемнеет. Ну, если нарвусь – отбиваться?! Пожалуй, бестолку.

Ну, убью одного, двух, а дальше что? Да ведь и они не без оружия… Бессмыслица,– перебирал он в голове.– Нет, идти, если лучше – без винтовки, а винтовку и патроны надо спрятать куда-нибудь на всякий случай, может, пригодится».

Постоял, потоптался, вышел из укрытия и направился к берегу Дуная прятать винтовку. Берег был без зарослей, но Деськов помнил вымытую в крутом берегу, то ль потоками дождей, то ли буйными разливами реки, пещёру, уходящую вглубь берега сажени на две. Ощупью забрался в неё, чавкая по илистому дну сапогами; навалил винтовку к стенке, проговорил вполголоса «оставайся!» и вышел. Остановился, думая: правильно ли он сделал. Глядя на такую спокойную поверхность течения Дуная, у него блеснула мысль: «Вот бы, если б была лодка, сел бы и проплыл, минуя город, вплоть до Рени, а там – ищи-свищи. По течению и без вёсел уплыл бы! Да где её, лодку-то, найдёшь?! А хорошо бы ведь было,– утешал он себя. И тут же подумал: – А что если соорудить плотик из досок или столов, что остались в канцелярии?»

С этими думами он вернулся к зданию, где была канцелярия. Подошёл к двери и прислушался. Убедившись в тишине, он осторожно приоткрыл дверь, вгляделся в черноту помещения и, распахнув двери, перешёл через порог, закрывая дверь за собой, подумал, нет ли тут кого живого, и тут в полной неожиданности с пола вскочил Вася Телегин. Он бросился к Деськову, обхватил его за шею, точно не виделся с ним много лет, восторженно трепля его, заговорил:

– Деськов, да где ты пропадал?! Мы тебя, чертягу, потеряли. Вернулись из укрытия – а тебя нет. Пожалели, что ты остался тут, не пошёл с нами. Зашли следом, как всё стихло – а тебя нет, вещевого мешка твоего тоже нет, а коньки твои здесь. Ну, думаем, Деськов где-нибудь спрятался!

При упоминании Телегина о коньках Деськова точно передёрнуло. «Вот так буза была, что и о коньках забыл! А всё эта спешка!» – подумал он о своей растерянности.

– А мы всё время просидели в соседнем здании,– продолжал Телегин.– И стрельбу слышали, и снаряд где-то тут близко разорвался, всё слышали! Да где же ты был, а?

– Ну, будет тут вам разговаривать. Ещё услышат, что тут спрятались русские! – из тёмного угла проговорил притаившийся старший писарь.

Деськов понял из разговора Телегина и того, что они все собрались обратно, значит, остаются и о побеге не думают, но Телегин мысли перебил: не нарушая предупреждения старшего писаря, он вполголоса сказал:

– Пошли приляжем вместе на пол и расскажи, где ты это время обитался.

– А где, Вася, мои коньки?

– Да тут же, где-то мы их трясли. А ты что, не хочешь и ложиться?

Деськов, не отвечая, подошёл к месту, где должны были быть коньки, нашарил их и сунул в солдатский вещевой мешок. Телегин понял, что Деськов куда-то собирается, заговорил:

– Что ты надумал? Хоть бы мне сказал. Может, вместе бы что-либо предприняли?! Давай приляжем, обсудим и что-нибудь придумаем.

Деськов стоял в нерешительности, снова обуреваемый мыслями. Он теперь думал: столы, доски – как потащишь на глазах у всех? Не выйдет! Да если бы и вышло – плотик не лодка, вымокнешь, а вода в Дунае не летняя. Как же быть?

Мучили его думы о побеге, а Телегин всё настойчивее приставал ему с вопросами и даже упрекнул:

– Вот так друг, не хочешь поделиться своими мыслями!

Это его тронуло, и он, взяв Телегина за плечи, прошептал ему на ухо:

– Вася, ночь-то скоро пройдёт и…– он недосказал.

– Ну что, что, говори, к немцам надумал, говори?! – начал его тормошить Телегин, и Деськов сдался.

Прилегли оба на пол, и Деськов шёпотом рассказал всё, где он был днём и что надумал теперь. Выслушав его, Телегин резко оборвал:

– Выдумываешь ты! Да куда бежать? Что, да нас, писарей, разве румыны заставят воевать?!

– А я ведь строевой! – прервал его Деськов.

– Строевой, строевой, говори, что писарь, ручкой воюю! Вот, подожди, нас сами румыны вытолкают! Что, думаешь, кормить нас будут? Они сами-то девятый хрен без соли доедают. А пойдёшь ночью – да попадёшь к ним в лапы, только хуже наделаешь. А почему ты не заглянул в зданье-то, где мы спрятались? Ведь вы за стеной только тут же укрывались!

– А как же бы мы заглянули к вам, ведь двери-то были со стороны румын,– ответил ему Деськов.

Вот так и прошептались два друга до утренней зорьки. А утром начали по очереди учинять допросы Деськову, как очевидцу совершившихся событий. Особенно интересовался Львович:

– Без оружия да голыми руками – разве их возьмёшь? – возмущался он.– Всё равно они от нас лакомств не получат! И что им ещё надо от нас?!

– Да, обстановка сложная! – ответил ему Деськов.

– А вот вчерашние события сложили у меня такие впечатления, что румынским солдатам от нас ничего не надо и мы им не нужны. В этом я вчера убедился: наша цепь на них на «ура», а они пуляют, да, видно, [не хотят задеть] нас, и только перед городом нашлись из них отдельные личности – захотелось нашей крови. И то, наверно, под нажимом офицерни,– указал Деськов на офицеров и смутился: а ведь у самого брат Павел офицер-прапорщик, но успокоил себя: «Не может быть, что брат Павел, получивший чин офицера, пойдёт в защиту толстосумов-жёлтопузиков». Хотя он[712] и стал «вашим благородием», но это «ваше благородие» ласковое, далеко не родня «вшам благородиям и высочествам», а коренной лапотник. Не зря же его солдаты выбирали в полковой комитет! А Петра? Ведь тоже старший унтер-офицер, с тремя лычками. И вроде бы тоже, хотя и небольшая шишка на ровном месте, а как проклинает войну! До военной службы никто не слыхал от него матерного слова, а вот в городе при братьях Ване и Васе как он разносил и войну, и царя с министрами, и всех, кто затеял эту бойню! Эх, Петро, Петро! Знали бы вы, братики Петро и Вася,

[712] *Он* вписано поверх строки.

в каком тупике оказался ваш братик Иванко! А потом подумал: «А может быть, они оказались в худшей неволе, чем я? Да, всё может быть. Теперь уж ни я к ним на свидание, ни они ко мне не попадём; через румын при всём желании не перескочишь».

А у писарей завязались другие разговоры. Старший писарь, заняв насиженное место, всех уверял, что адъютант Зубков без внимания нас не оставит, выручит. Львович, слушая его, махал рукой, как дирижёр, и, возмущаясь, прерывал его:

– Да откуда ты это знаешь? А если у тебя с ним какой-нибудь уговор раньше был, так почему ты нам ничего не сказал раньше?! Жди, нужны мы теперь нашему Зубкову! Он теперь уже, наверно, или у немцев, а то дак в России! Будут они с нами нянчиться! Полка-то ведь нет – растаял! Только мы с тобой, вояки, ёрзаемся здесь!

– Ну что ты, Львович, тогда предложишь? – схватившись за усы, возмутился писарь.

– А сиди да не фантазируй! Жди, когда за нами придут румынские конвоиры. Говоришь, винтовка твоя потерялась, так и не отобьёшься – посадят как миленького!

– Меня посадят, дак и ты сядешь! – злобно огрызнулся писарь.

От этих разговоров стошнило и Доньку Занудо. Он всё было вслушивался в разговор, навалившись грудью на стол, и, казалось, дремал от бессонной ночи, но вдруг поднял голову и недобрым взглядом сперва оглядел всех, а потом вскочил из-за стола и, крепко ругаясь, заговорил:

– Да будет вам пророчить: посадят, уведут! Ну, пусть посадят! Будем сидеть, и хоть кормить будут, а то ведь голодом сидим! Писарь! Да какие мы преступники? Ни немцев, ни румын не боюсь, да они нас и не тронут!

– Ну, не тронут, так иди, чего сидишь?! Иди в своё сибирское имение. Там, говоришь, у вас земли много, скота много! Житьё – благодать! Ну и иди! – усмехаясь, советовал ему Телегин.

– А ты мне, Телегин, не советуй! Я и сам без советов твоих обойдусь!

– Ну, что вы заспорили? Хоть бы о деле, скажем, как нам быть! – примирительно отозвался к ним Львович.– Даже муть в голове с ваших слов.

Это, видимо, хорошо повлияло на старшин, и в канцелярии наступила тишина, но в голове у каждого со скрипом вертелись шестерни под действием предельно натянутых трансмиссионных ремней. Все сидели крепко задумавшись, очумели, как осенью мухи на потолке – похоже, что ремни рабочего привода с рабочих шкивов переключились на холостые. Сидели, дремали, порой взглядывали один на другого, стараясь предугадать мысли других.

В таком состоянии просидели до вечера. Если бы кто пришёл посторонний и заглянул в эту когда-то «войсковую единицу», откуда исходили и куда вносились всевозможные бумаги и т.д., то теперь бы увидел лишь мрачные стены и пять человеческих разумных душ, сидящих в незапертой клетке и мечтающих о свободе. Но вот под вечер среди этих «заключённых» началось как будто оживление. Кто среди них нарушил первый покой, трудно было уловить: похоже, все они очнулись от кошмарных сновидений. Вопросительно переглянулись между собой и один по одному вышли из помещения, соблюдая полную тишину. Начали осматриваться. На небе, как на проявляющемся негативе, начали проявляться подмигивающие звёздочки.

Молчание нарушил старший писарь. Он стоял, подкручивая усы, вполголоса проговорил:

– А всё же удивительно, кто же вчера заходил без нас сюда? Кто взял винтовку?

– Да на кой клян она тебе нужна? – возмутился Занудо.– Её надо было давно в Дунай бросить. Потерялась – и лучше, а то ещё придут румыны с винтовкой, обвинят нас во вчерашнем. Вот и выкручивайся, доказывай, что ты не участвовал вчера!

– Да, оно так,– согласился писарь.– Но ведь кто тут шарил, мог бы и нас в том здании обнаружить.

– Ну и что? Кому мы нужны? А вот винтовка-то, видимо, пригодилась.

Улыбнувшись, Телегин ткнул в темноте Деськова в бок. Он, видимо, предположил, что и это его проделка. Да и старший писарь наверняка заподозрил в этом Деськова. Ведь он остался, не пошёл с ними прятаться. Но Деськов молчал. Постояли, покрутились, размяли отсидевшие ноги и даже обошли вокруг здания, вглядываясь в темноту: не идут ли за ними конвоиры или немцы. На доносившиеся редкие пушечные выстрелы уже не обращали внимания, а затем один по одному утянулись в помещение, за исключением Деськова. Оставишь наедине, он снова погрузился в думы о побеге. Мысли всё больше кружились в направлении одиночного побега: сговаривать всех к этому бесполезно – всё равно не сговорить. Он и не подозревал, что писаря, вернувшись в помещение, устроили в помещении за ним слежку – падало подозрение: почему Деськов всё больше стремится быть наедине? Да и случай с винтовкой?!

Мысли у Деськова вдруг оборвались. Внимание привлекли тёмные человеческие фигуры, пробиравшиеся подле берега Дуная не в направлении к городу, а, очевидно, [они] вышли из города. Деськов насторожился, наблюдая за ними. Люди шли не спеша, приостанавливались у берега и, переговорив о чём-то, переходили на другое место. Кто это – русские или румыны – и что они тут делают, было непонятно. Деськов решил спуститься к берегу, подслушать, о чём говорят люди. Пробравшись поближе, он услышал разговорную румынскую речь. Сомнения не было – румыны, жители города, промышляют рыбу. Понаблюдал ещё за промысловиками и вернулся к помещению, обойдя его с другой стороны. У дверей наткнулся на Доньку, который тут же учинил допрос:

– Где ты был, Деськов? Мы думали, сбежал и вещмешок оставил!

Деськов, зайдя в помещение, рассказал всё, что видел и слышал:

– Ну вот, я же говорил вам, что всё умнётся и румыны вытурят нас,– привстав, проговорил старший писарь.

– На что им мы?!

– А зачем же они тогда нас не пропускают?

Начали они обсуждать сложившуюся ситуацию, да так увлеклись, что не заметили, как ночь прошла. Кто как старался раскусить политику румынских властей по отношению к русским. Выражали мнение, что румыны крайне враждебны к революционным событиям в России, а потому Татареску занял выжидательную политику, надеясь на обратный поворот событий. Кто выражал мнение, что они

затеяли тёмные дела по захвату Молдавании[713].Такие соображения вытекали из тех проникших слухов, что румыны захватили уже молдавский город Рени. Кто выразил мнение, что всё дело мутит генерал Щербачёв, как главнокомандующий русскими частями на румынском фронте: видимо, он рассчитывал своими подчинёнными нанести удар с юга по революции в России.

– О каких ещё тут говорить ударах? Ни солдат, ни боеприпасов у него теперь нет!

– Румыны дадут, думаешь?

Переговаривая, они бросились в спор:

– А если и дадут, то солдаты не пойдут. Дотравят себе на шею, ведь может так получиться!

Наговорившись вдоволь и не добившись в своих рассуждениях определений, успокаивались на час, на два, погрузившись как бы в забытьё. Однако мнение о том, что после стычки румын с нашими частями [столкновения] уже не повторятся и что в городе тишина, возможность побега, высказанная в одной из перепалок Львовичем, всех заинтересовала.

– Я говорю вам,– высказался на этот счёт старший писарь,– что всё постепенно уладится и румыны без препятствий отправят нас в Россию!

Деськов почти не ввязывался в эти разговоры. Его при этих разговорах мучили другие мысли. Это не могло ускользнуть от товарищей. Телегин, заметив его отчуждённость от разговоров, как-то спросил его:

– Ты, Деськов опять что-либо без нас надумал?

– А что я могу надумать? Мы вот всё думаем, а придумать ничего не можем.

– Нет, неправда, ты что-то надумываешь – не по-товарищески только!

Но Деськов всё же свои думы не поведал Телегину. Его мучили всё ещё мысли, правильно ли он поступил – не отступил с товарищами. Может быть, они оказались счастливее его. Может быть, они уже перебрались в Россию, а он тут засел и слушает обнадёживающих фантазёров? И побег в одиночку тоже отложил, понравилось высказывание Львовича, что горячка пройдёт – утихомирятся. Так проходили день за днём, не показывались ни румынские патрули, ни немцы. И невесть бы сколько передумали писари, конечно, отставные, за эти три-четыре дня, если бы и в самом деле так неожиданно в канцелярию [не] зашёл сам адъютант Зубков.

Появление адъютанта, да ещё поздним вечером, ошеломило всех, но принято [было] по-разному. Старший писарь и Занудо Донька при появлении адъютанта точно воскресли и повскочили с мест, бросились навстречу. Остальные оказались в недоумении. У Деськова блеснула мысль разочарования. Он подумал, что раз адъютант никуда не ушёл, значит, и Титов здесь, и части наши с ними. Не начнётся ли сказка опять сначала?

Но Зубков, поздоровавшись, сразу заговорил:

– Все целы? Хорошо!.. Вот ведь как дела-то у нас обернулись, а?.. Неважно, товарищи! Ну да ничего, не беспокойтесь. В штабе армии полковник Аппельгрен

[713] Здесь и далее так в документе, правильно *Молдавии*.

хлопочет за наших солдат, чтоб дать возможность по пять-шесть человек отпустить в отпуска с условием, чтоб они возвратились обратно в часть. В штабе фронта, думаю, что об этом договорятся. Аппельгрен настаивает, чтоб отпуска давать группам, человек по двадцать-тридцать, но многие протестуют, особенно румынские представители. Они даже настаивают отпускать по одному солдату в день. Они ведь проникли уже в Молдаванию и вылавливают наших бежавших солдат. Вот так дело обстоит, друзья! Будем надеяться, что побываете дома! – закончил он.

– А почему только по одному? Ведь эдак на два года растянется! – спросил его Львович.

– Видимо, румыны опасаются больших партий. Во всяком случае, [хорошо], если хотя [бы] этого добьёмся, а там видно будет. После стычки с ними они нас под сильным контролем держат.

– Товарищ адъютант, а наш-то полк сохранился или опять в окопах? – спросил Донька.

– Много разбежалось. Осталось меньше половины. Окопы не занимают, а расположились табором у села Барбош. Бежавшие частью ушли к немцам, а других переловили румыны. У румын теперь воинские части расположены в городе Рени и его окрестностях.

Когда адъютант закончил своё сообщение, Деськов осмелился его спросить:

– Товарищ адъютант, а в город румыны пропускают?

– Я-то прохожу – по штабному пропуску, а так задерживают. Лучше уж не суйтесь. Сидите и ждите, я опять по пути к вам загляну.

– Так ведь мы здесь голодом сидим.

– Ладно, что-нибудь сообразим. А теперь – пока! – и он вышел.

Надо бы ложиться спать, глядя на поздний час, но служивым не спится. Лежат, ворочатся, чешутся, запуская руки под опушки, под воротники, а мысли всё вертятся. Неужели сбудется то, о чём поведал адъютант? Да и кто из них осчастливится первым? Прикидывали: если по одному будут отпускать в день, то за неделю помещение опустеет. А вдруг, да в связи с отпусками, а это вполне возможно, откроются канцелярские работы? Будут отпускать солдат из рот, а писарей задержат, скажут, оформляйте документы, ведите учёт. Вот и насядем! Жди, когда все уедут!

Как бы ни бушевали в головах и радостные, и мрачные думки, но на душе у каждого стало веселее, и утреннюю зарю встречали уже[714] крепким храпом. Проснувшись, они целый день обсуждали всесторонне возникшие у каждого за ночь мысли.

– В отношении возможной задержки для канцелярских работ,– говорил Телегин,– ничего не выйдет: ни бумаги, ни ручек и чернил у нас нет, пальцами, что ли, будем писать?

– А может быть, Зубков чего подбросит? – возразил ему старший писарь.

– А чего тут писать, если отпускных бланков у меня почти ящик увезён, а уж перья-то здесь найдутся. Адъютант или привезёт, или принесёт. Чего горевать! – заметил им Львович.

[714] *Уже* вписано поверх строки.

На этот раз адъютант зашёл в канцелярию среди дня и высмотрел перед старшим писарем из планшетки пачку отпускных бланок и проговорил:

– Вот на этих солдат заполните отпуска, а потом передайте мне на подписи. Телегин принесёт. Я буду в соседнем здании, где был и раньше.

– Товарищ адъютант, да у нас-то и писать нечем! – оговорился старший писарь, глядя на пачку бланков и бумажку, где упомянуты имена, отчества и фамилии счастливцев-отпускников.

– А из нас никого нет? – спросил писарь.

– Пока нет. Дойдёт и до вас.

– Значит, разрешено?

– Разрешено-то разрешено. Аппельгрен на свой риск взял и наказал, чтобы кто пойдёт в отпуск, пусть сторонится встречи с румынами. В Галац и Рени пусть не заходит: обойти можно. А писать – и здесь бросовых ручек и перьев найдёте!

– Что-нибудь сообразим,– покручивая усы, ответил писарь.

Как только адъютант вышел, начались поиски. Всё нашлось – и ручки, хотя с концов обгрызанные, и перья, когда-то забракованные, и даже чернильный порошок, просыпанный от неаккуратности в месте, где он хранился. Писарь Телегину передал бумажку с фамилиями отпускников и велел заполнить. Деськов по-дружески подошёл к Телегину и заглянул в список, надеясь встретить знакомую фамилию.

– Да нету, нету! – заметив это, дружески отозвался Телегин.

– А я не про себя, смотрю, сколько отпускников, интересно.

Бланки заполнены, а вот с какого числа и по какое – забыли спросить адъютанта.

– Ну, иди, неси на подписи, а числа там поставите,– проговорил писарь.

Через день адъютант занёс ещё списочек на отпускников. Подавая список, писарь сказал:

– В этот раз можно оформить и на одного из вас. Кто у вас тут не занят делами? Мы с командиром полка обсуждали это дело, и считаем, что без дела у вас Львович и Деськов. Ну, Деськов ещё подождёт, а Львовича надо отпустить! Уж очень он к бабе торопится, да и она высохла без него!

Львович от неожиданности брякнул:

– Да я ещё не женат, товарищ адъютант! – и спохватился.

– Ну, тогда Деськова?

– Но у меня невеста есть, ждёт!

Все засмеялись, а Львович отошёл в сторонку, обиженным и смущённым.

– Ладно, ладно, ты постарше, поезжай. Только румынам в когти не попадай. Нечего тебе здесь болтаться: за письмами не ходишь, на каменках не работаешь [715]! – успокаивал его адъютант.

На следующий день Львович получил отпускные документы, схватил свой вещмешок и на прощанье резко выразился:

– Нашли дурака! Чёрта с два я им вернусь! Пусть ждут!

– Теперь Деськов на очереди, видно, а нам, Телегин и Занудо, видимо, придётся посидеть,– пробормотал после ухода Львовича писарь.

[715] Каменка – здесь: копировальное устройство.

Деськов после обнадёживающих слов адъютанта мысленно начал себя готовить к путешествию. Ему как-то даже не верилось, что всё это так просто – собрался и пошёл. Из части, законный отпуск, а румыны, да пробираться по незнакомым местам?! «А не прихватить ли мне с собой винтовку? Всё же будет веселее, и хотя два лишь патрона, а может, пригодится!» А вдруг она лишь помехой ему будет? Думал он и решил: пока документов на отпуск ещё нет, пренести её поближе и припрятать.

Вечером, как только стемнело, спустился к мосту, где спрятал винтовку. Обшарив все закоулки пещерки, винтовку не нашёл. Сразу в голове завертелась мысль: «Это они, рыбаки, обнаружили и стащили винтовку»,– заключил он и, раздосадованный, вернулся.

Следующий день прошёл, но адъютант не появлялся. Ещё прошёл день в ожидании. Писари заволновались. Особенно задумался Деськов. Он то и дело выбегал из канцелярии и поглядывал, не идёт ли Зубков, а вернувшись разочарованным встречал усмешки писарей:

– Сам виноват: сказал бы Зубкову, что женат, вот и получил бы отпуск наперёд Львовича, а теперь и жди сиди! А может, начальству запретили отпуска давать. Не зря ведь Зубков не приходит!

С таких разговоров тяжело становилось на душе у Деськова. Но он всё же мирился с тем, что не одного его судьба оставит без отпуска. В самом деле, чем он лучше других, и пожалел:

– Надо было договориться с Львовичем и бежать без документов вместе с ним.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Адъютант всё же пришёл под вечерок. Все устремились на него, боясь услышать нехорошую новость, а он, видя их растерянность, улыбнувшись, передал списки с рапортами командиров рот на отпускников, сказал:

– Пишите на всех двадцать солдат,– пояснил: – Аппельгрен дал указание увеличить число отпускников. А кто сам спросит – поосторожничайте, говорите, что только на пять. Ну, на этот раз заполняйте и на Деськова,– повернувшись к Деськову, испытующе спросил: – А из отпуска обратно вернёшься, Деськов?

– Не знаю, дорога дальняя. Удастся ли ещё дома побывать?

– Вот Львович, уходя от нас, так прямо заявил нам, что пусть не ждут, не вернётся,– заявил Донька.

– Теперь писать нам уже темно. Мы вам завтра утречком заполним и принесём, хорошо? – оговорился ст [арший] писарь.

– Ладно,– согласился адъютант и, направляясь к выходу, проговорил, обращаясь к Телегину: – Завтра, как придёшь, напомни мне о продуктах: мы с командиром достали немного.

Утром Телегин принял от адъютанта полный вещмешок кукурузных галет:

– Только одну дорогой съел, не вытерпел! – ставя мешок среди пола, признался он.

– Ну это, Вася, не в счёт,– на радостях отозвались писаря и тут же пожалели Львовича, что он не дождался, ушёл голодный.

Через день вручили и Деськову отпускные документы. Телегин подошёл к нему и, обняв, проговорил:

– Ну, дружище, не поминай лихом! Если придётся ехать через Москву, поклонись ей от Васьки Телегина!

Деськов начал собираться в дорогу. На этот раз не забыл положить в вещмешок и коньки, прицепил солдатский котелок, приготовил флягу, уложил десяток галет, предложенных писарями, сел, начал рассматривать документы, как бы проверяя, читал:

«Билет № 1121

Предъявитель сего, солдат нестроевой роты 40-го Сибирского стрелкового полка Иван Деськов уволен в кратковременный отпуск в с [ело] Ершовку Ершовской волости, Осинского уезда, Пермской губернии по 11 марта 1918 г. включительно.

Станция отправления Рени Юго-Зап [адной] ж [елезной] д [ороги].

Станция назначения г. Сарапул Кр [асно] -Уф [имской] ж [елезной] д [ороги].

28 января 1918 г.

Командир 40-го Сибирского стрелкового полка Титов.

Полковой адъютант поручик Зубков».

Перевернул отпускной билет и удивился: вся обратная сторона билета в четырёх местах на румынском разными чернилами исписана, и у каждой роспись и печать поставлены. И только в правом углу, внизу Деськов [увидел] подпись на латыни – Appelgrem (Аппельгрем).

– Всё же непонятно,– обратился Деськов к товарищам.– Всё как будто законно! Даже и румыны подписали на билете, так чего их опасаться?!

– А попробуй сунься! Разве ты не слышал, какой наказ давал Зубков Львовичу, когда ему он вручил отпускные документы?

– Что-то я не слышал.

– Раз не слышал, так мы слышали. Он прямо ему сказал, что эти документы ненадёжны, и что лишь на всякий случай, и что, несмотря на [н] их, не следует заходить ни в Галац, ни в Рени. И в Галаце, и в Рени, полно румын. Вот тут смотри, в этой бумаге. По ней ты можешь даже прийти на станцию Рени и сесть в поезд, тут тебе и будет капкан: начальство-то ведь там всё румынское, хорошо [если] поверят документам. Вот Зубков и говорил Львовичу: документы документами, а лучше всего не показываться ни в Галаце, ни в Рени.

Деськов слушал их и не знал, верить им или нет. Развернул второй лист документов, читает:

«Командир

40 Сиб [ирского] стр [елкового] полка

28 января 1918 г.

№ 936

Действующая армия

Начальнику ст [анции] Рени Юго-Зап [адной] ж [елезной] д [ороги].

Прошу принять к перевозке от ст [анции] Рени по кратчайшему направлении до ст [анции] Сарапул Кр [асно] -Уф [имской] ж [елезной] д [ороги] солдата Ивана Деськова, уволенного в краткосрочный отпуск. Кроме того, предлагается принять к перевозке со ст [анции] отправления до ст [анции] назначения … [716] пудов багажа.

Примечание: один пуд багажа перевозится совершенно бесплатно, второй пуд за счёт казны, третий пуд – только за счёт уволенного.

Командир полка Титов.

Полковой адъютант, поручик Зубков» [717].

Документ для возвращения из отпуска

«Командир

40 Сиб [ирского] стр [елкового] полка

Января 1918 г.

№ 937

Действующая армия

Начальнику ст [анции] Сарапул Кр [асно] -Уф [имской] ж [елезной] д [ороги].

Прошу принять к перевозке от ст [анции] Сарапул по кратчайшему направлению до ст [анции] Рени Юго-Зап [адной] ж [елезной] д [ороги] солдата Ивана Деськова, возвращающегося из краткосрочного отпуска. Кроме того, предлагается принять к перевозке со ст [анции] отправления до ст [анции] назначения багаж.

Примечание: один пуд багажа перевозится совершенно бесплатно, второй пуд за счёт казны, третий пуд – только за счёт уволенного [718].

Командир полка Титов.

Полковой адъютант, поручик Зубков».

Прочитал Деськов эти документы от слова до слова. Голова заходила кругом. Ему было понятно: документы правильны. Но почему все утверждают, что румыны по ним задержат? Даже и серьёзный на разговоры старший писарь предупредительно говорит, что документы правильны; что полковое командование разрешает отпуск, чтобы солдат не считался в побеге, как дезертир. А по сути дела, документы и отпуска являются нарушением румынского указаний нашему командованию! Кому верить? Или высказываниям товарищей во главе со старшим писарем, или документам? Вертелось у него в голове, и решил по душе, по-дружески посоветоваться наедине с Телегиным. Вызвал его из помещения и спросил:

– Товарищ Телегин, для чего тогда даются такие отпуска, по таким документам? Пишут: «Н [ачальни] ку ст. Рени прошу принять к перевозке солдата…» и т.д., а на станцию в Рени не заходи, поймают?

Телегин положил руку на плечо Деськову и, улыбаясь, как обычно, ответил:

– Бланки-то на отпуска заготовлены полгода тому назад, вот для формальности, как положено, мы и заполняем, разрешается, значит, солдату из полка отпуск законный, а румыны пусть хоть как считают – законно или незаконно, понял?

[716] В документе пропуск текста.

[717] Слева от этой надписи в кружке написано *печать*.

[718] Слева от этого абзаца в кружке написано *печать*.

– Пожалуй, понял! Выходит, сможешь выбраться – иди, а не сможешь – сиди!

– Вот именно!

На этом разговор и кончился. Однако Деськов всё же не мог успокоиться. Его как никогда тянуло побывать в Галаце и узнать про судьбу братьев Петра и Василия.

– Эх, если бы документы помогли, я бы обязательно разыскал их!

С другой стороны, закралось сомнение: почему адъютант Зубков в документах расписывается «поручик Зубков»? Ведь звания теперь отменены, а он и погоны сбросил, всё же пишет «поручик»? Уж не подвох ли тут какой?! Пожалуй, и в самом деле придётся от города отказаться, раз представился удобный случай к побегу. «Ведь я думал же о побеге, даже на правах дезертира, а тут – какие бы ни были – документы»,– решил он.

Не дожидаясь числа отпуска, на что его натолкнул друг Телегин, Деськов под вечерок взял все свои пожитки, распрощавшись с товарищами и пожелав им скорого возвращения в родные места, тронулся в путь. Провожать вышел Вася Телегин. При расставании Телегин напомнил:

– Не забудь, Деськов, при случае от меня поклон Москве!

Держась на таком расстоянии, чтоб только не оторваться от города, Деськов огибал окраину города с левой стороны. Обходить город с правой стороны, то есть подле берега Дуная, он не решился: близко к берегу расположены постройки хат. Путешествие его ничуть не пугало: такие ли у него были путешествия с братиком Васей, когда они путешествовали от Сарапула до Мариинского Посада и обратно! Была лишь разница в том, что тогда они путешествовали при свете бела дня и не крались, как преступники. В дороге они получали указания и добрые советы, приют от местных жителей, даже и защиту от хулиганов, как имело место в случае деревни Пановки. А теперь? Никто ему не скажет: туда не иди – напорешься на озлившихся румын, тут оберегайся болота – застрянешь, не вылезешь; не запутайся в кустарниках. Никто не подскажет, что во избежание путевых неприятностей используй обходные тропки, дорожки. Да и есть ли они?!

Погода ему не благоприятствовала: небо покрыто сплошь серыми тучами, и вечерний сумрак быстро уступил место ночной тьме.

– Хоть бы звёздочки пробились, всё же было веселей идти! – шагая с чувством беглеца, думал Деськов, присматриваясь к окраине города и порой запинаясь о выброшенный на свалку городской хлам.

Справа ему ещё кой-где маячили одиночные городские огоньки. Окраинные городские дома терялись в ночной темени, и, чтоб не оторваться от города, Деськов всё больше прижимался к окраине, порой останавливался, всматривался и прислушивался [к] нет-нет да вырвавшемуся лаю растревоженных собак. В темноте наткнулся на какие-то постройки, разглядывать не стал, повернул влево в обход. Послышался угрожающий лай собаки. На её лай отозвались другие. Деськов, отходя, ускорил шаг, дошёл до кустарника, не разобрав: или дикий кустарник, или виноградные насаждения. Забираться в кустарник не стал, остановился, прислушиваясь к [о] всё ещё перекличке растревоженных собак, слышавшейся сзади его. Снова изменил

направление, отходя от кустарников и прижимаясь по возможности к городу, вглядываясь в темноту, шагал осторожно, опасаясь ввалиться в какую-либо яму-рытвину.

На рассвете он заметил, что местность, по которой он шёл, ведёт его к низине, и город остаётся позади. Остановился и присел передохнуть, наметить дальнейший маршрут. Приглядываясь к городу, снова подумал о братьях, Петре и Васе. «Неужели они в Галаце?..– посидел, подумал: – Не может быть: Петро, да и Вася так ненавидят эту бойню, да разве они не используют этого момента, чтобы убежать в Молдавию? Ведь тут же рядом! Галац стоит ведь на границе Румыния – Молдавия! Но где они? Что с ними?! Не может быть, чтобы они не думали о моей судьбе! Может быть, так же, как и я,– плутают!»

Однако раздумывать долго было не время. Всё яснее проявлялись очертания окружающей местности. Деськов помнил, что от города Рени они шли в Галац по дороге. Но выбираться на эту дорогу, да и идти по ней до Рени было бы опасно среди бела дня. Однако, пользуясь ещё ранним утром, он решил добраться до этой дороги и использовать её как направляющую к городу Рени. В своих расчётах он не ошибся. Подошёл к дороге, узнал её (он её хорошо запомнил при подходе к Галацу), но, держась левой обочины дороги и приглядываясь, нет ли кого, дошёл до кустарниковых зарослей. Выбрав укромное местечко, решил отдохнуть.

«Уж вроде бы не так много прошёл, а ноги гудят!» – мысленно подумал он, усаживаясь поудобнее, разглядывая заросли, опасаясь – нет ли какой гадюки. Вынул их вещмешка галету, что дали ему писаря на дорогу, и вспомнил о них. Вспомнил и Львовича, подумал: «Вот бы встретить его здесь! Тоже, наверно, путается, как я! Вдвоём-то бы как хорошо было!»

День предвиделся хотя пасмурным, но дождя с утра не предвиделось. Немного передохнув, он, держась обочины дороги, пошёл в сторону города Рени, вглядываясь вдаль, и просматривал дорогу, чтоб заблаговременно укрыться от случайных встреч. После полудня, как предопределил время Деськов, погода начала портиться. На небе появились более тёмные тучки, и нет-нет да и падали снежинки. Порывисто налетел встречный ветер. Зашумели ещё с нераскрывшимися почками заросли кустарников; дробью забарабанила снежная пурга.

«Всё это пустяки! Лишь бы не дождь! На талой земле быстро растает»,– подумал Деськов. «Ну, вот и всё»,– утешал он себя, как только прошла эта тучка, а с ней и убежал порывистый ветер. Белая пелена, выпавшая на талую землю, быстро таяла, на пути кой-где образовывались лужицы. Скользили на ходу по мокрой земле сапоги. Плохо слушались натруженные по неровностям ноги. Однако выйти на дорогу всё же он не решался, чтоб не обратить на себя внимания.

«Далеко ли ещё до Рени? – задавал он себе вопрос, и начал вспоминать, сколько времени они шли от города Рени до Галаца: – Вышли мы из Рени ранним утром, а в Галац пришли под вечер. А это и хорошо – значит, я за ночь смогу обойти и Рени, и там пошагаю подле линии железной дороги»,– планировал он своё путешествие.

Заросли кустарников нет-нет да начали обрываться образующимися прогалинами. Деськов, оглядевшись кругом, ускоренными шагами перебежал от

зарослей к зарослям, и вот в одной из таких перебежек ему по ветру подняло звук паровозного гудка. Укрывшись в заросли, он остановился и начал прислушиваться. Снова уловил доносившиеся далёкие паровозные гудки, но города было не видно. Не видно было и зарослей подле дороги спасительных кустарников. Значит, город недалеко, а гудки паровозные – это на станции.

День клонился уже к сумеркам, и он с удивлением подумал: «Неужели уже вечер наступает? Долго же я шёл!»

Здесь он явно недоучёл разности в продолжительности дня. Дальше [идти] по чистым местам до наступления темноты он не решился. Выбрав местечко поудобнее, надломил кустарника на мокрую землю. Наломал ещё веток и улёгся отдохнуть.

«Хорошо бы маленько вздермнуть»,– подумал он и, сам не зная как, очнулся уже в полной темноте наступивших сумерек. Быстро вскочил с лежанки и направился к городу, где явственно слышались паровозные гудки. «Видимо, посвистывает маневровый паровоз,– заключил он.– А это мне и хорошо. Ведь мне помнится, [что] станция почти в самом городе. Вот я буду ориентироваться по гудкам, держась немного левее».

Увидел семафорный огонь. Показалось, что он идёт по видимому сигнальному огню, идёт близко к городу – повернул ещё левее. Вскоре увидел и хотя мутные, казалось бы, мигающие в нескольких хатах огни. Сразу на душе стало веселее. Об опасностях в Рени он почему-то мало [думал]. Ведь город Рени наш, Молдавия! Никак не верится, что румыны завладели им.

Как бы то ни было, а, обходя левой стороной по ходу город, он принимал все меры предосторожности: частенько останавливался, вглядывался вдаль, прислушивался. Вот уже и красный сигнал семафора начал оставаться справа, вроде позади. На душе осталась мысль Деськова: «Вышел!» – радостно подумал он. Ещё раз обернулся на город и, недоумевая, заметил, что на семафоре вместо красного света загорелся синий сигнал, а издали надносило ему каким-то шумом. «Теперь пора мне держаться ближе к железной дороге»,– решил он.

Но, ещё не дойдя до полотна железной дороги, услышал паровозный гудок и, всмотревшись вдаль, увидел в темноте огонёк. «Идёт поезд»,– догадался он и направился в сторону, подальше от дороги.

Пропустив поезд, снова повернул к дороге. Перебежав кювет, поднялся на полотно и пошагал по шпалам, рассчитывал, что по шпалам будет легче идти, чем в такую темноту стороной. Но и по шпалам идти было трудно: нет-нет да нога не угадывала на шпалу полной ступнёй, отчего мускулатура ног встречалась с дополнительной нагрузкой – ноги быстро уставали. Приходилось почаще присаживаться на путейскую бровку – передохнуть, пожевать кукурузную галету. Отдыхая, вглядывался в ночную темноту, стараясь определить своё место расположения. Старался предугадать, далеко ли он ушёл от города Рени, но ни впереди, ни кругом было невозможно что-либо рассмотреть. Снова двинулся в путь и шёл, пока не отказали ноги. Свернул в сторону, в заросли кустарников, сделал привал. В ночной тишине, усталый, с гудящими от усталости ногами, он не заметил, как уснул.

Проснулся от лязга пробежавшего поезда. Кругом ещё было темно, но впереди, на небе, начинал пробиваться утренний рассвет. Поднялся и тронулся в путь. Подходя к линии, заметил дорожку подле кювета и решил двинуться по ней. Дорожка неезженая, но идти по ней много легче, чем считать шпалы, да ещё в темноте. Пройдя по дорожке с версту, он заметил строение – видимо, сторожевая будка. «Придётся обойти»,– решил он и подался в обход, чтобы не попасть на глаза, а обходя, подумал: не мешало бы зайти, если кто тут живёт: попросить попить, да и узнать, правильно ли он идёт. «Ведь может же быть, что к Рени подходит не одна линия железной дороги, и я могу уйти не в ту сторону, откуда нас завезли?» Но, обойдя будку, ворочаться не решился. «Может быть, какой-нибудь посёлок встречу»,– решил он.

Утренний рассвет наступал быстро, но солнца из-за всё ещё серых туч было не видно. Тропинка вела его по краю кювета, порой подле самого края, а то удаляясь влево, в заросли кустарников, обходя заболоченные места. Жажда проглотить глоток-два водички начала его нестерпимо мучить. Фляжку с водой он опорожнил ещё вчера при подходе к городу Рени. Пытался попить из лужи, но вода из-за какого-то специфического гнильного запаха не глоталась. Мучаясь жаждой, снова пожалел, что не подошёл к будке и не обратил внимания, что, может быть, у них есть и колодец: набрал бы тихонько воды, пока обитатели спали. «Да и чего я тут зайти опасался? Ведь наверняка тут проживают молдаване! Наши же, русские! Струсил!» – ехидно улыбнувшись, думал он на ходу.

С такими мыслями, подгоняемый мучившей [его] жаждой, он продолжал всё идти, не обращая внимания на дневную видимость, и даже не искал укрытий там, где не было придорожных зарослей. «Замечу людей – спрячусь, присмотрюсь, кто такие»,– думал он.

Но вот впереди он увидел у линии железной дороги железнодорожные постройки. Виднелся не один дом. Решил подойти к домам. Приближаясь к строениям и разглядывая левее от строений неподалёку в зарослях садов белые мазанки хат, свернул к хатам. Поднялся к крайней хате, встретился с женщиной. Хозяйка подбирала мусор вокруг хаты. На ней было длинное ярко-крупноцветастое платье. Деськов уже был близко от неё, когда она повернула в его сторону, увидев его, она быстро выпрямилась и недоумённо глядела на приближающегося военного. Женщина уже пожилая: лет сорока, а то и больше.

Деськов подошёл, поздоровался. Женщина кивнула головой, проговорив что-то на своём языке, и пристально всматривалась в незнакомца чёрными открытыми глазами. Чёрные, как ворона крыло, волосы на непокрытой голове ещё больше придавали оттенок на её черновато-смуглое лицо. «Точно цыганка»,– подумал Деськов и, показывая ей пустую фляжку, попросил воды. Женщина сразу поняла и, обернувшись к хате, что-то и кому-то заговорила. Деськов насторожился, но напрасно. Из хаты выбежал мальчик лет 14–16 с клеткой разрисованного в ней попугая. Женщина, очевидно, мать мальчика, что-то опять сказала мальчику. Он быстро поставил на землю клетку и юркнул в хату. Вернулся с глиняным горшочком с молоком и подал матери. Женщина, взяв горшочек, поставила его на плетёнку

наподобие столика и жестом пригласила к столику. Деськов не отказался и всё же показал на фляжку. Стукая по фляжке, он продолжил просить воды. Мальчик, глядя на них, стоял в недоумении и всё же сообразил, протянул руку к фляжке. Получив фляжку, он быстро наполнил её водой.

Деськов, закладывая фляжку в чехол, поблагодарил и, вынув из мешка галету, опорожнил горшочек с молоком. Как он ни старался разговориться с хозяйкой, узнать что-либо от неё, но она не понимала Деськова, а он не понимал её. Отблагодарив за угощенье и воду, Деськов за молоко хотел расплатиться румынскими леями, но женщина, зло взглянув на леи, плюнула, сжала кулак, грязно погрозила им вдаль, упомянув со своим акцентом слово «ромын».

«Вот как! Значит, им-то они тоже не по душе, эти румыны!» – заключил он из жестов женщины и пожалел, что с ней не удалось разговориться. Ведь от неё много бы можно было узнать!

Немного отойдя, Деськов оглянулся. Женщина всё ещё стояла и глядела ему вслед, и затем она быстро направилась к нему, как бы хотела что-то сказать. Деськов остановился, ожидая. Женщина подошла уверенным шагом, взяла за полу шинели, потрясла шинель, показала перед глазами пальцы обоих рук, улыбнулась и, показав рукой в сторону, куда он направился, что-то проговорила и так же быстро направилась обратно.

«Что за загадка? Что она хотела сказать? Шинель, пальцы – не пойму!» – и зашагал к леску до тропки.

Образ женщины ему так запечатлелся, что он, вспоминая с ней встречу, как бы наяву видел её перед собой. После заправки и передышки ему было много лучше пробираться. Страх о возможной встрече с румынами его уже ничуть не беспокоил. По случайно выглянувшему из-за туч солнцу он предположил, что день перевалил на вторую половину.

Тропинка по-прежнему вела его то приближаясь к линии железной дороги, то, в низких местах, поросших зарослями, сворачивала в обход. В одном из таких обходов кустарников он неожиданно наткнулся на группу солдат, таких же беженцев, как и он. От неожиданной встречи он в недоумении остановился, и лишь услышал голос:

– Подожди, чего отошёл?

Услышав русский говор и встретив солдат в таких же серых шинелях, он, оглядывая каждого, как бы ища, нет ли среди них знакомых, присел к ним. Завязался между ними разговор. Посыпались вопросы: из какой части, встречал ли кого в дороге, был ли в Галаце, Рени, когда вышел и т.д. Деськов рассказал им всё. Рассказал, как он обошёл города и ни с кем не встречался, кроме той женщины с мальчиком.

– Мы тоже у неё отдыхали. Молока по кружке выпили,– проговорил один из них, как потом выяснилось из разговоров, артиллерист.– Теперь нам идти ещё будет веселей,– продолжал артиллерист.– Нас здесь артиллеристов пятеро, а это пехотинцы, да ещё трое в секрете, сидят в кустах. Мы ведь все пробираемся цепочкой, только здесь, на отдыхе, скружились.

– Ну, вот и хорошо, что ни в Галац, ни в Рени не зашёл. Нас вот из части бежать партия порядочная набралась. Подошли к Галацу: что делать? У них отпускные документы, а у нас нет. Они с документами-то пошли через Галац, а мы не согласились, пошли в обход, но договорились с ними, что они нас за Галацем встретят, подождут, да, видно, и застряли. А мы спокойно обошли и Галац, и Рени. Правда, много вёрст лишних прошли, да их прождали, а то бы мы уже далеко ушли.

– А правильно ли мы идём? По той ли дороге? – спросил Деськов рассказчика.

– Правильно, правильно. Вот, Володька маленько кумекает,– показал он на рядом с ним сидевшего полулёжа товарища.– По-молдавски-то разговорился с этой старушкой, и всё выспросил. Узнал даже, что мимо них прошло два эшелона румынских солдат. Сидят где-нибудь, чтоб нам на них только не нарваться. Вот и идём цепочкой, на расстоянии, чтоб один другого только видеть. Ну что, пошли, братишки! – и он громко свистнул, подавая сигнал сидевшим солдатам-«секретчикам».

Прошли, растянувшись цепочкой не больше как с полверсты, как до них донёсся далёкий паровозный гудок. Все встревожились. Гудок застал их [на] участке, где почти не было зарослей, у линии железной дороги. Но впереди виднелись кустики. Все бросились до кустов. Хотя заросли были и небольшие, но вся цепочка подтянулась и укрылась. Гудков больше не было слышно, но шум приближающегося поезда всё слышался явственнее. Вот уж показался и сам паровоз, а за ним и состав из товарных крытых вагонов. Паровоз замедлял почему-то ход и, подав свистки, остановился, прокатившись по инерции, минуя засевших в кустах солдат. Сзади состава с флажком соскочил кондуктор и быстро направился подле состава к паровозу. На ходу громко спросил [у] соскочившей с паровоза бригады:

– Что опять там случилось у вас?

– Да опять всё срезало, вылез клин,– ответили ему с паровоза.

Засевшие в кустах, услышав русский говор, были ошеломлены неожиданностью:

– Бежим! Наши, русские! – проговорил один из них, а другой предупредил:

– Постой, постой, товарищи! А в вагонах-то нет румын?

Все начали присматриваться к вагонам. Всё говорило за то, что вагоны порожние. У паровоза же полным ходом шёл ремонт. Кто-то, помогая матерками, яростно бил тяжёлой кувалдой по металлу. Услышав русский матерок и русский досадливый разговор, солдаты из кустов повылезли и направились к паровозу. Увидев солдат, ударявший кувалдой опустил её на землю и загляделся на незнакомцев, попереглядываясь с товарищами, а затем, поплевав на ладони, снова начал колотить.

– Бей, бей сильней! Подтягивает! Скоро дырочка шплинтовая[719] у клина покажется! – заглядывая снизу у крейцкопфа[720], говорил второй.

Деськов, глядя на ремонт, удивлялся: как можно бить такой кувалдой по натяжному клину, и без того крепко разбитому.

– Бей, бей, дырочка показывается! – поощрял следивший.

[719] Шплинт – ушко проволочного крепления в ползунном механизме паровоза.

[720] Крейцкопф – ползунный механизм, выполняющий роль сцепления между паровым двигателем паровоза и его колёсами.

А ребята тем временем разговаривали с кондуктором, выспрашивая его, куда идёт поезд и нельзя ли подъехать с ними поближе к России.

– Хватит! Давай разводной шплинт! Дырочка на виду! Давай, выбери там поздоровше, чтоб опять не срезало!

Ремонт закончили, и один из ремонтников полез на паровоз. Очевидно, подбросил топлива в топку и открыл сифон. Кондуктор и, очевидно, машинист поезда не отказались подвезти солдат до станции Бендер [721] и сказали, чтоб дорогой, особенно на остановках, ни разговоров, ни песен слышно не было, так как на разъездах и в Бендерах стоят румынские части.

– Мы вас посадим в порожний вагон и закроем. В Бендеры прибудем поздно ночью,– говорил им кондуктор.– Перед Бендерами мы немного не доедем, остановимся,– сказал и вопросительно взглянул на машиниста, как бы согласуя с ним остановку.

– Можно! – кивнув головой, ответил ему машинист.

– Ну вот, как остановимся у Бендер, я постучу вам в дверь. Быстренько вылезайте – и в канаву. Тут в канаве-кювете и около неё будут и ямы. По канаве ползите до берега реки – к мосту, а как оглядитесь перед рассветом, бегите на ту сторону по мосту. Там уж будут наши. Канава, по которой будете ползти, будет слева пути. Румынские части расположены правее моста, в кустарниках. Бойтесь обстрела. По мосту побежите, не стучите каблуками, только на носках. У самого моста место чистое и обстреливается с той стороны красногвардейцами. Пошли садиться! Да,– обернулся он к залезавшему на паровоз машинисту,– у тебя на паровозе нет ли вязаной проволоки?

– Вязаной нет. Вот только такая.

– Ну, эта толста, не закрутишь! Ладно, я посмотрю у вагонов.

«Беглецы» в сопровождении кондуктора шли подле состав [ов]. Некоторые вагоны были запломбированы, и даже на дверных накладках висели замки. Подойдя к первому вагону, кондуктор взялся за дверную скобу, оттянул со скрежетом роликов дверь и проговорил:

– Залезайте! Сидите без шума, нас не подведите!

Как только залез последний, кондуктор закрыл дверь и набросил дверную накладку и, отыскав проволоки, прикрутил. Солдаты, притаившиеся в вагоне, недоумевали: зачем их так надёжно закрыли?

– Уж не ловушка ли какая? В случае беды и не выскочишь! Пожалуй, довезут до какой-либо станции и сдадут как миленьких! – растревожившись, переговаривались они.

– Э, будь что будет! Мы не преступники! – проговорил один из них, когда под вагонами запостукивали на стыках колёса.

– Как же интересно, куда девались наши друзья с отпускными документами? – продолжал он же.– Наверно, напоролись в Галаце? Вместе-то с ними было бы не

[721] Бендеры – город в Бессарабской губернии, административный центр Бендерского уезда. Ныне – город в непризнанной Приднестровской Молдавской Республике, находящейся в официальных пределах Республики Молдова.

так сумнительно[722], всё же у них документы. Сказали, что пойдём вместе, а вот отделились.

Деськов прислушивался к их разговорам, стараясь понять, как у них с товарищами получилось это недоразуменье. Из разговоров он понял, что в их части в отпуск отпускали сразу не более двух солдат, снабжали отпускными документами, а вместе с ними командиры не возражали, если кто за компанию пойдёт и без документов, но с [их] ведома.

Вот как дело-то обернулось! И без боя с румынами выбираются солдаты из Румынии! Вот только жаль, что много нашего ценного имущества попало в руки румын! Да ещё что, оказывается, они и Молдаванию успели захватить!

А в углу вагона, сидя на полу, ещё велись сомнительные разговоры:

– И что же это, товарищи, сказал нам кондуктор, что за рекой красные войска стоят, стреляют?

– Красные, красные! А как же бы, по-твоему, николаевские? Ведь революция произошла! Власть теперь у рабочих и крестьян, вот они и отбиваются от любимчиков и министров царских. Нам об этом один приезжий из России рассказывал. А руководит борьбой, значит, как главнокомандующий красными бойцами, Ленин.

– А он што, генерал? – перебил рассказчика другой.

– Не генерал, а учёный с большим соображением, приехал из-за границы.

– Дак ведь про его ещё толковали, что он ерманский[723] шпион?

– Сказывай – шпион! Да какой он шпион?! Этот же приезжий рассказывал, когда спросили его: кто такой Ленин? Русский али немец? Он объяснил, что Ленин чисто русский, уроженец с Волги. Как политикан часто арестовывался урядниками. Не один раз был в ссылке, как политикан. В общем, в России урядники, земские начальники да жандармы не давали ему спокойной жизни, вот он от них и проживал за границей. А как не стало царя и этих земских, жандармов, урядников – вот он и вернулся в Россию да сговорился с нашей братвой, «серой кобылкой» и рабочими, ну и пошли, как Стенька Разин: бить помещиков, жандармов, земс…[724].

– Постой, постой! Ты ж как в сказке рассказываешь! – перебил его один из слушателей.

– Чего сказка?! Сам слышал, своими ушами! Вот если доберёмся – узнаем, сказка или нет!

Спор бы чем кончился – неизвестно: разговоры прекратились из-за остановки поезда то ли на станции, или на разъезде. В наступившей тишине лишь слышно было, как по крыше вагона дробно барабанили дождевые капли. В щели вагона, где и почему остановился поезд, разобраться было невозможно. Подле вагонов слышно было, что кто-то прошёл. В вагоне встревоженные вполголоса перешёптывались. Кто-то снова прошёл в обратном направлении подле вагонов. Вскоре паровоз дал свисток, залязгали стяжки между вагонами, и снова запостукивали на рельсовых стыках колёса. В вагоне облегчённо вздохнули.

---

[722] Так в документе, правильно *сомнительно*.

[723] Так в документе, правильно *германский*.

[724] В документе предложение не окончено.

– Я думал, что кто-то мимо прошёл, и не постучал – значит, ушёл и явится с конвоем. Окружай вагон – и поминай как звали! – проговорил кто-то в темноте.

– Сиди да помалкивай! Хоть пропадём, так на родной русской земле! – осадил его кто-то мягким баритонным голосом и продолжил: – А я вот думаю, братишки-товарищи: дождик, да посильнее был бы ветерок, это нам лучше добираться до реки? Не знамо, большая ли тут река-то?

Но ему никто на это не ответил. Наступило молчание, нарушаемое лишь постукиванием колёс да вырвавшимся в темноте храпом.

Поезд у станции Бендер остановился, не добежав до семафора. В дверь постучали, и слышно было: снаружи разматывали проволоку. Пробрякалась дверная накладка и со скрежетом полураспахнулась дверь.

– Вылезай, приехали! Быстро в канаву. По канаве и ползите до реки, до моста. А на рассвете с поднятыми руками – бегом на ту сторону по мосту! Счастливо вам! Мы тоже им не служаки! – напутствуя, проговорил в ночной темноте человек.

Моросил мелкий дождь с порывами ветра. Кювет-канава была мокрая от дождя, и солдаты расселись на её бровках, справа и слева. Как только поезд тронулся, решили пробираться потемну, ближе к реке. На пути им, как в канаве, так и по бровкам возле канавы, попадались черепки от разорвавшихся снарядов. «Откуда они появились тут?» – недоумевали солдаты.

Как бы ни темна была моросящая ночь, они справа просматривали насыпь железнодорожного полотна. Где-то далеко сзади них послышался паровозный гудок.

– Поезд-то обратным ходом куда-то ушёл. Я заметил,– кто-то прошептал.

Присели передохнуть, осмотреться. Отдохнув, поползли. Шинели напитались всквозь, и чувствовалась на теле парящая теплота. Ожили и зашевелились сидевшие в укромных местах солдатского белья вши и гниды. Но солдатам было не до них. Они продолжали двигаться и остановились лишь тогда, как кто-то из них шепнул:

– Мост видать!

Присмотрелись – и на самом деле: в предрассветной темноте перед ними, как бы выше насыпи, вырисовывалась металлическая ферма моста. Подтянулись, собравшись в кучку, и решили: пока ещё не так светло, бежать с поднятыми руками, махая или полотенцем, или нательным бельём, чтоб свои не обстреляли. Подползли понизу до начала моста, не поднимаясь на насыпь. Стали [725] выглядывать: не стоит ли охрана, нет ли часового. Убедившись, что ничего им [726] не угрожает, стали подниматься на насыпь. Влезая на насыпь, каждый старался не отставать от товарищей. Наверх поднялись ползком и, соскочив на ноги, бросились на мост. По доскам моста сперва бежали на носках, как бы уговорившись, чтобы не наделать шуму. Махали бельём, но не добежали до средины моста, как справа, с берегу, застрочил пулемёт. Пули, попадая в переплёты фермы, подстегнули бегущих. Задробили по доскам солдатские сапоги. «Только бы перебежать мост»,– думал каждый.

С левого берега послышались ответные, сперва одиночные выстрелы, а потом пророкотала пулемётная очередь. В горячке бега было непонятно, что происходит,

[725] *Стали* вписано поверх строки.

[726] *Им* вписано поверх строки.

да и непонятно, что заставило перебежчиков расколоться на две группки. Группа передовиков, как только достигли берега, пробежали мост, сразу же с насыпи спустились в кювет справа, а отставшие пять человек бросились бежать по шпалам полотна железной дороги. Железнодорожный путь сразу от моста изгибался влево, в сторону к городу Тирасполю [727]. Передняя группа, спустившись с насыпи, укрылась в зарослях, а [вторая] продолжала бежать по насыпи. Послышался со стороны станции Бендер пушечный выстрел, и вслед за ним Деськову было ясно видно, как в воздухе над бегущими разорвался снаряд. Деськов потерял их [728] из виду [729] и лишь подумал, что они спустились по ту сторону насыпи. Группа, укрывшаяся в зарослях справа насыпи, без остановки продолжала бежать и только остановилась после окрика «Стой!»

На насыпи поднялись на ноги две человеческие фигуры и спустились к остановившимся. Один из них [730] был в матросской фуражке с перекинутой через правое плечо пулемётной лентой. Второй, явно было видно, пехотного покроя солдат, с подсумками на ремне. Оба они одеты в измокшие шинели, с винтовками в руках. После короткого опроса: кто, откуда, и получив ответы, солдат в матросной фуражке ещё спросил:

– Все тут или ещё будут перебежчики?

Деськов пояснил, что от нашей партии пять человек идут по насыпи.

– Здорово вас румыны напугали! Вот так союзнички! Да, а на мосту никто не остался? Подранков нет? Сколько вас всех-то перебежало? Говорите, там пять да вас – сосчитал в матросской фуражке.– Значит, одиннадцать. Ну, идите, тут до города недалеко. А мы встретим тех пять ваших.

К Тирасполю подошли, когда солнце поднялось над землёй, казалось бы, на ширину ладони. Утро предвещало хорошую солнечную погоду – небо почти полностью очистилось от туч. Пришли к вокзалу. В здании вокзала не поняли, [что было]: все двери были заперты, но у окна доносился разговор и постукивание ключом телеграфного аппарата. Уселись на выброшенный ящик и задумались каждый про себя. Трудно предугадать и описать их думы! В эти минуты их раздумий можно лишь сказать, что их мысли направлялись у каждого в свою родную сторону, от которой их оторвала проклятая война. По путям перед ними шнырял маневровый паровоз, проталкивая пустые вагоны.

– Вот сколотит состав, заберёмся в вагоны и поедем,– проговорил один из сидевших.

– Да, так уж и поедешь! – возразил другой.– Сперва надо договориться, разрешение взять, документы!

Конечно, в этом разговоре можно предположить, что мысли их сблизились, но наверняка опять же у каждого по-своему. Ведь чужая душа – тёмный лес!

---

[727] Тирасполь – город в Херсонской губернии, административный центр Тираспольского уезда, ныне столица непризнанной Приднестровской Молдавской Республики, находящейся в официальных пределах Республики Молдова.

[728] *Их* вписано поверх строки.

[729] После *из виду* вычеркнуто слово *бегущих*.

[730] После *них* вычеркнуто *на голове*.

По путям к вокзалу шёл железнодорожник. В руках он нёс сигнальные флажки, на груди на медной цепочке из стороны в сторону болтался чёрный сигнальный свисток. Он, видимо, шёл доложить, что манёвры окончены, состав подготовлен. Перебежчики пошли к нему навстречу. Поравнявшись, поздоровавшись, спросили:

– Нам вот ехать домой надо. Не скажете, на Москву когда пойдёт поезд?

Кондуктор остановился, спросил, оглядывая солдат:

– А вы кто такие? – получив от солдат ответ, сказал: – Значит, из Румынии бежали? По Бессарабии? Таких «бегунов» у нас на станции бывает [много], вчера только отправили многих, чуть не целый эшелон. Скапливаются. Получать проездные документы – ну и с богом. А у вас проездные-то есть?

Тут ребята замялись, запереглядывались. Деськов лишь сказал, что у него есть документы, полученные ещё в Румынии.

– Ну то, что вы получили ещё в части, [недостаточно], надо ещё взять документ у коменданта-комиссара.

– А где его найти?

– Придёт в вокзал, подождите.

И пошёл постучал в дверь сзади здания. Ему открыли. Вскоре из этих же дверей вышел, видно, что военный, с наганом в кобуре, рослый мужчина, аккуратно одетый, в кожаном пальто. Подошёл к солдатам, спросил:

– Вы перебежчики из Румынии?

– Да.

– Пошли за мной!

Солдаты переглянулись, но пошли. Зашли в те же двери, откуда он вышел. Следуя за ним, зашли в небольшую комнату. Во всей комнате стоял лишь стол с задвижными ящиками да стул. Военный, усевшись за стол, обратился к солдатам:

– Когда перебежали?

– Сегодня на рассвете.

– По мосту?

– Да.

– Это вы растревожили румын?

– Может быть, они нас обстреляли!

– Пострадавших нет?

– Из нас – нет, а вот во время обстрела несколько солдат почему-то убежали по насыпи, не знаем, что с ними.

– Артиллеристы, как будто пятеро,– вмешался Деськов.

– Ну, хорошо, служивые, а по Бессарабии шли, не заметили, что делают румыны, где у них скопления?

И эти «служивые» снова начали подробный рассказ о том, как они добрались до станции Бендер, как они пробирались по канаве, как много в канаве и около неё натыкались на осколки от снарядов, выразив мнение, что, видимо, тут был сильный обстрел из орудий.

– С румынскими мы не встречались и сказать ничего не можем про них,– перебивая один другого, рассказывали они.

Военный, слушая их рассказы, нет-нет да что-то записывал и в упор смотрел рассказчику в глаза, отчего некоторые не выдерживали его острого испытующего взгляда. Когда рассказчики вытряхнули свои повествования, военный встал из-за стола и заговорил:

– Значит, из частей, где вы служили, вас кого законно отпустили и не возражали, кто с законником за компанию и беззаконно побежит? Это разумно. А вот от вас впервые слышу, что вам так удачно подвезло – добираться поездом! Счастливцы оказались вы! Значит, у нас и там есть наши ребята-железнодорожники в подневолье! Ну а то, что вам попадались черепья от снарядов, так тут большого обстрела не было. Это сгорел тут поблизости склад с огнеприпасами.

Помолчав, спросил:

– Ну, а как вы после отпуска, снова в вашу часть, воевать до победы?

– К чертям! И так вошь заела. Да и было бы за что! – высказался один.

– Да, а мы вот воюем, считаем, есть за что! И вам, думаю, придётся воевать, если дорожите революционными завоеваниями и [хотите] защищать их от наседающей на нас белогвардейщины всех мастей, старающейся восстановить царские порядки и насадить на шею трудового народа сброшенных купцов, помещиков, жандармов и т.д. Вы вот видите, как нашим «союзничкам», в том числе румынам, впоперёк горла стала наша пролетарская революция. Они набросились на нас. Отхватили у нас Бессарабию, но рабочий класс, сознательное крестьянство да солдаты-фронтовики по призыву тов [арища] Ленина («Ага,– слушая, подумал Деськов,– значит, правда руководит тов [арищ] Ленин») сколотились в красногвардейские отряды и стали против них стеной. Пусть они теперь попробуют сунуться к нам сюда за Днепр[731]!.. Но, дорогие товарищи, борьба у нас не только здесь идёт. И немец и буржуазия у нас спилят на нас зубы, так что вы задумайтесь и крепко разберитесь в этих делах. Правда, мы ещё не так сильны, но будем сильными, и вы, думаю, разберётесь и поможете нам. До дому, конечно, вам следует добраться. Повидаться с родными, приглядеться к жизни, новым порядкам. Поехать вам ни сегодня, ни завтра не удастся – нет поезда, и я бы просил вас эти дни кое в чём помочь нашим красногвардейцам, а на том – и в путь-дорогу. Напишем вам проездные документы за это время. Ну как, согласны?

– Какой же может быть разговор. Нужно – обязательно, с радостью поможем,– единодушно согласились они.

– Ну, вот и хорошо. Теперь мне нужно вас переписать: фамилия, имя и отчество и кто куда из вас едет, чтобы дать вам проездные бумажки. Документы какие-либо у вас есть? Если есть у кого, дайте мне [их] на хранение,– и он сел за стол, приготовился записывать.– А теперь,– сказал он, закончив записи и положив записи и кто какие дал документы в ящик стола, продолжил:

– Сегодня мы у станции проводим митинг. Соберутся жители, да ещё есть и перебежчики кроме вас у нас, приходите и вы.

[731] Автор путает. Река Днестр.

Конечно, я не стенографист, не записывал то, что говорил военный, но что осталось в памяти, а смысл разговора выразил здесь своими словами [732].

Наряд собрался к вокзалу под вечер. Тут были и солдаты в серых шинелях, но без оружия; были и разношёрстные в штатских одеждах мужчины, и даже виднелись женщины. Пришёл тот же, уже знакомый военный в сопровождении двух вооружённых красноармейцев. Сразу же они начали сооружать из валявшихся ящиков трибуну.

– Товарищи! – осторожно поднявшись по ящикам на «трибуну» заговорил военный.– Вы знаете, что совсем под боком у нас враг, прихвостень бывшего кровожадного царя Николашки! Им ещё не хватает крови, пролитой народной крови, сиротских слёз! Они штыками хотят отнять у нас великие завоевания свободы, равенства, братства! Они снова хотят посадить на шею обездоленного трудового народа кровопийцев-помещиков, фабрикантов во главе с царём! Они требуют доведения войны, начатой ими, до победного конца! Не нужна нам война, мы боремся за мир, но если нам навязывают войну, мы им объявляем войну. Мы не отдадим им наши завоевания. Враг силён! Мы это знаем. Знаем, что на его стороне офицеры, генералы, вся буржуазная свора, но и мы тоже на фронтах научились воевать! Мы не скрываем, что перед нами большие трудности! Народ измучен и на фронтах, и в тылу, но с нами во главе наш любимый тов [арищ] Ленин.

Деськов слушал оратора и восхищался его, как казалось ему, простой солдатской речью. В конце своей речи военный призвал собравшихся оказать помощь красногвардейскому отряду в укреплении оборонительного рубежа по берегу реки.

Оратора сменил стоявший рядом красногвардеец. Он посвятил свою хотя короткую речь призыву к борьбе за волю и счастье народа и закончил словами:

– Я сам сидел два года в окопах, а за что? За царя и распутинское правительство?! Нет, товарищи, больше не хочу за них. Обдумайте и вы в своей голове. Я обдумал и выбрал вот эту борьбу. Безо всякой пощады убирать с дороги, кто только посмеет нападать на наши завоевания. К этому призываю и вас, товарищи! Пролетарии всех стран, соединяйтесь! – крикнул он и, не слезая, спрыгнул с ящиков.

Больше недели (хотя, по правде сказать, ребята потеряли счёт дней) группа ребят, изъявивших желание поработать на укрепление позиции, выполняли разные работы. Работы обычно проводились с наступлением вечерней темноты. Грузили на подводы на станции ящики с патронами и развозили ближе к огневым точкам. Грузили на машину скатки колючей проволоки и отвозили по назначению окольными дорогами. Возили брёвна для накатников к землянкам.

С рассветом обычно уходили на отдых и делились впечатлениями и результатами проделанной работы. Обсуждали сложившуюся обстановку в связи с провокационным вторжением румын и оккупацией ими Бессарабии и [говорили] о провокациях немцев на Западном фронте. Много нового они узнали и от самих красногвардейцев, с которыми сталкивались в процессе работы. Работали ребята и не огорчались, что за это время уже два поезда отправлено на Москву, но вот из

[732] Предложение оформлено как подстрочное авторское примечание.

сегодняшнего разговора с одним из красногвардейцев выяснилось, что война у нас идёт не только на фронтах, но и в самой России неспокойно.

– А кто там с кем воюет? – с беспокойством спросил один из ребят.

– Э, разве мало сейчас ещё живучих у нас осталось царских наёмников, чиновников, купцов, жандармов, прихлебателей Керенского, вот они вместе с генералами и пытаются пырнуть ножом в спину советской власти! Жалко им стало расставаться с богатством, чинами и землёй, вот они и лязгают зубами на советскую власть!

– Тьфу, так много ли их? Придавить их к ногтю – да и вся!

– Много ли, не много, а вот видите, они опираются на помощь и румын, и немцев, и других буржуазных государств!

– Да, вот оно что…

Этот разговор буквально потряс душу каждого слушателя:

– Только на родину, только на родину! Что-то там!..

Если до этого они не спешили зайти к военному и попросить отправки, то на следующий же день решили зайти. Робко подошли к двери, постучали в дверь и услышали из-за двери: «Войдите!» Дверь на сей раз была незапертой, и ребята, смущаясь, один по одному зашли в уже знакомую им комнатку, занятую тем же военным. При их входе военный встал из-за стола и, ответив на приветствие ребят, заговорил, слегка улыбаясь:

– Помню, помню вас, товарищи, но что поделаешь – зашился! Да и, что поделаешь, находятся такие беспокойные пассажиры, разве от них отбиться, вас я из виду теряю. Завтрашним поездом обязательно отправлю! Документы у меня на вас уже готовы, только номер поезда поставить осталось да число. Говорите-ка каждый свою фамилию,– раздав документы, снова заговорил: – Мне докладывали о вашей работе. За всё вам большое спасибо от нашего отряда и от меня лично. Под обстрел не попадали?

– Нет, только когда перебегали.

– Ну и хорошо! Поезжайте, повидайтесь с родными, а там присмотритесь, за кого и кто борется.

Ребята даже не ожидали, что с их отправкой будет много разговоров, а вышло: не сказали ни слова, получили документы и благодарность за помощь.

На другой день служивые собрались у станции. Уселись на разбросанные пустые ящики из-под циновок. Наблюдая за работой маневрового паровоза, они не заметили, как сзади к ним подошёл знакомый военный. Поздоровавшись с ними, проговорил:

– Приготовились, товарищи?

– Да вот, пришли с утра пораньше.

– Долго сидеть вам придётся, до самого вечера поезда не будет. Скучно ведь будет!

– Ничего, посидим, посмотрим, чем-нибудь займёмся.

– И это дело! Вот как надоест сидеть, возьмитесь да наведите здесь порядок. Соберите все ящики и сложите, вон, к складу. Они там были сложены, да как соберёшь собранье, вот каждый и тащит вместо стула, а обратно унести да положить, откуда взял,– не догадается.

Не больше как за полчаса все ящики были стасканы и уложены на указанное место. На площадке даже и «трибуны» не осталось.

После полудня у станции начали скапливаться пассажиры. Откуда-то появились и серошинельники, но без оружия. Служивые оглядывали один другого, стараясь встретить знакомых. Ввязывались в разговоры, спрашивали, с какого фронта, из какой части, куда едут и, наговорившись, уславливались, как бы сесть всем в один вагон. И это понятно: ведь серая шинель – она роднила солдат на первой же встрече!

Поезд сформировали товарный, но в его составе прицеплена одна теплушка, без отопительной печи, с двухъярусными нарами. Солдатам такие теплушки хорошо знакомы. Ко времени посадки на станции собралось порядочно и штатских пассажиров. Все они куда-то собрались ехать, вооружившись мешками, корзинами. Посадку в вагон-теплушку контролировал кондуктор. Садил по одному, строго проверял документы. На частных пассажиров он и не обращал внимания, а они, пользуясь моментом, приспосабливались – кто на крышу вагона залезал, кто на буферах поудобнее расставлял ноги. В теплушке кроме солдат оказалось и несколько пассажиров штатских, очевидно, ехавших по служебным делам.

Закончив посадку в теплушку, кондуктор наказал, чтоб больше не пускали никого, да и пускать-то в вагон было некуда. Не только нары были битком набиты, но и на полу ступить было некуда.

Кондуктор пошёл вдоль состава и, крепко ругаясь, сгонял пассажиров, особенно с буферов, но пассажиры соскакивали на другую сторону состава, выжидая момента отправки поезда:

– Башкой не дорожишь! А ведь мне за тебя отвечать придётся! – кричал на них кондуктор.

Поезд тронулся поздним вечером. В вагоне-теплушке кто-то крепко ругался:

– Что, не чувствуешь, куда ступаешь?

– Темно же, не видно!

– Темно тебе, так заслужишь – я засвечу!

Спорили о местах не в одном месте, но всё же шум и споры постепенно начал [и] угомоняться. Кто-то на нарах затянул песню:

Ах ты, доля моя, доля,
Доля горькая моя,
До чего ты, злая доля –
До Сибири довела!
В год холодный, год голодный
Стали подати сбирать
И последнюю скотинку

За бесценок продавать!
Не стерпело мое сердце,
Я урядника убил,
И за это преступленье
К вам в Сибирь я угодил.
От родной земли оторвали,
По этапам погнали сюда.
Здесь я встретился с друзьями:
Здравствуй, друг, и все друзья!
Далеко село родное,
А хотелось бы узнать,
Удалось ли односельцам
С шеи подати согнать[733]!

Запел один, а все рядом подхватили. Казалось бы, что каждый в песне измывал свою горькую долю. Но вот на другой стороне нар нашёлся ещё запевала. Снова песня, снова под стук колёс услышали стены закрытой коробки песню:

Чудный месяц плывет над рекою,
Всё в объятьях ночной тишины.
Ничего мне на свете не надо,
Только видеть тебя, милый мой!
Только видеть тебя бесконечно,
Любоваться твоей красотой!
Но, увы, коротки наши встречи,
Ты спешишь на свиданье с другой!
Пусть она так же полюбит,
Как и я полюбила тебя!
Пусть так же она себя погубит,
Как и я погубила себя[734]!
И только пропели, как кто-то снова запел:
Накинув плащ, с гитарой под полою
К её окну приник в тиши ночной.
Не разбужу я песней удалою
Роскошный сон красавицы младой!
Я здесь пою так тихо и смиренно
Лишь для того, чтоб услыхала ты,
И песнь моя есть фимиам священный
Под алтарём богини красоты.
И ты, услышав серенаду,
И из неё хоть что-нибудь поймёшь.

[733] «Ах ты, доля моя, доля» – русская народная песня на основе стихотворения С. С. Синегуба.
[734] «Чудный месяц плывет над рекою» – песня, автор слов В. И. Немирович-Данченко, автор музыки неизвестен.

И, может быть, поющему в награду
«Люблю тебя» сквозь сон произнесешь!
Звезда души, волшебница земная,
Я слышу тон и звук её речей.
Любимых уст улыбка неземная,
Твой чудный стан и тёмный шёлк кудрей[735]!

– Хватит, братва! Спать надо! – кто-то властно выкрикнул с полу вагона.

– Спи, если хорошо устроился! – отозвались певуны, но сколько запевалы ни пытались запевать родные песни, кто-либо их перебивал или подтягивал невпопад, и песня глохла.

На рассвете поезд прибыл на станцию Раздельная[736]. От кондуктора пассажиры узнали, что поезд простоит на станции около часа. Пользуясь остановкой, пассажиры с крыши и буферники спустились на землю. Из вагона-теплушки высадилось с багажом человек пять, видимо, или доехали до места, или для пересадки на другой поезд. Двери теплушки пассажиры распахнули настежь, и многие пассажиры уселись, как ласточки на проводе, свесив ноги, отбиваясь от наседающих новых пассажиров. На небе сплошные снежные тучи стряхивали с себя снежинки, и они, кувыркаясь в воздухе, лёгким слоем ложились на землю и таяли. Вылезать из теплушки пассажирам не хотелось: грязно, да и опасались потерять место, да и пустят ли обратно – пожалуй, потом и не залезешь. Доказывай потом, что ты пассажир из этого вагона, и бумажки едва ли чего помогут! Уцепившись за свои места, они и не предвидели, что на соседнем пути развернулось неожиданное событие.

Человек семь вооружённых красногвардейцев окружили стоявший отцепленным одиночный классный вагон. Оказалось, что в этом классном вагоне сидел генерал и требовал прицепить вагон к поезду. Кроме генерала пассажиров не было. Красноармейцы требовали, чтобы генерал вышел из вагона, сдал оружие и снял погоны. Красногвардейцы пытались зайти в его купе, но генерал и близко не подпускал к себе, угрожая оружием. Ради такого события, поглазеть, что будет, из теплушки начали выскакивать пассажиры, заручившись соседям, остающимся в вагоне, сохранить в вагоне за ними место. Выскочил и Деськов. Подошёл к месту события и услышал яростный, грубый, угрожающий голос, отвечая на требования красногвардейца, стоявшего в матросской бескозырке в распахнутых дверях входа в вагон:

– А ты мне дал оружие?! Ты мне генеральские погоны нашил, предатель, голодранец?! Я верен присяге, данной мной царю, Отечеству, а вы, голодранцы,– предатели! – кричал возбуждённый генерал.

Красногвардеец, видя, что с генералом добром не договориться, вышел из вагона к товарищам. Что-то переговорив между собой, трое из них поднялись по ступенькам в тамбур вагона, остальные ушли на другую сторону вагона и стали против окон.

[735] «Серенада» – песня, автор слов В. А. Соллогуб, автор музыки неизвестен.

[736] Раздельная – железнодорожная станция в Тираспольском уезде Херсонской губернии. Ныне – административный центр Раздельнянского района Одесской области Украины.

Генерал, завидя в тамбуре красногвардейцев, встал на ноги и вынул наган, предупреждая красногвардейцев. Один из красногвардейцев в вагоне задал генералу вопрос:

– Ваше превосходительство, разрешите узнать, к какому поезду прицепить ваш вагон и куда вы едете? (Точно разговора Деськов не расслышал, но что-то было вроде этого.)

– Почему меня отцепили от этого поезда? А куда я еду – не ваше дело! – злобно ответил генерал.

Продвигаясь шаг за шагом к генералу, красногвардеец проговорил:

– Ваше превосходительство, Вы бы сдали оружие, сняли погоны – и Вас бы никто не задержал. Мы ведь всех генералов и офицеров разоружаем и задерживаем, если они добровольно не разоружаются.

– Не подходи! Стой, ещё только шагнёшь – тут же ляжешь! – нацелившись, заорал генерал.

Но в этот же момент раздался выстрел в окно вагона с противоположной стороны вагона. У генерала выпал наган из руки, и он попытался было выхватить шашку, но красногвардейцы уже навалились на него и вытащили из вагона. Подбежали другие красногвардейцы на помощь. Сопротивляющегося и скрежетавшего зубами генерала обезоружили, сорвали погоны и потащили по станции под сыпавшиеся напутствия со стороны: «Поехал, ваше превосходительство!»

Вернувшись в вагон-теплушку, Деськов заметил, что в вагоне стало ещё теснее. Место соседи ему сохранили и сообщили, что в вагон человек пять нахально всё же залезло, похоже, выпивших. Разместились на противоположных нарах с большим скандалом, чуть дело не дошло до драки.

– А там что, генерала чуть не стукнули? – спросил Деськова один из соседей.

Деськов рассказал им всё, что видел и слышал.

– Да и на какой чёрт его ещё повели на станцию? Хлопнуть надо было, да и всё, чем ещё рисковать своей жизнью, раз он не сдаётся.

– Оно, конечно, так – стукнул и всё, раз сопротивляется. Но ведь, может быть, он контра и могут у него что-либо важное на допросе выявить, а у мёртвого-то ничего не узнаешь. Так ведь?

– Оно и так, может быть,– согласился сосед, но продолжил, подумав: – А что если он ничего на допросе не скажет? Тогда что?

– Заставят – скажет, а не скажет – дело другое,– ответил ему Деськов.

А сосед продолжил:

– Нет, я на месте красногвардейца не стал бы рисковать! Хлопнул бы гадину – и вся!

– А знаешь что, сосед! Может быть, эта контра, как чёрные вороны, слетаются в одно местечко, чтоб сколотить отряд, да и ударить по советской власти! Наберут в отряд жандармов, офицерни, купеческих сынков да ещё одурманенной солдатни, ну и начнут крошить нашего брата. Не так ли? Ты с фронта?

– С фронта. Ну и что?

– А мы вот на фронте, если и попадал пленный, а если офицер попадёт – тем более, в штаб его живьём. Такой у нас по части был приказ. В штабе на допросе разберутся, чей такой! Говорить откажется – планшетка всё расскажет, не так ли?

Сосед погрузился в думы, а в это время залязгали стяжки между вагонами, поезд тронулся. На ходу в открытую настежь дверь порывами со снегом врывался ветер и в вагоне, завиваясь, отдавал мелкой порошей.

– Закройте двери! – раздалось несколько голосов с нар.

– Ты там устроился на нарах, так не ори, а нам у двери и так ладно! – огрызнулись на них сидевшие свесив ноги у двери.

Однако под общим напором изнутри двери закрыли, а протестующим предложили, раз им в вагоне душно, полезть на крышу – там всё видно и не душно. В вагоне кто-то затянул баритоном:

Поехал казак на чужбину далёко
На добром коне, на своём вороном,
Край свой и родину навеки покинул,
Ему не вернуться в отеческий дом.
Напрасно казачка его молодая
С утра и до ночи на север глядит.
Ждет-поджидает, с какого же края,
Откуда любимый казак прилетит.
А там за горами метелицы вьются,
И сильны морозы зимою трещат,
Там за курганом, там за далёким,
Казацкие кости под снегом лежат.
Казак, уезжая, молил, умоляя,
Насыпать курган у него взголовах.
И уж теперь на кургане калина младая
Цветёт и красуется в белых цветах [737].

Эта заунывная солдатская песня как-то разбередила солдатские души, и хотя пели с большим подъёмом и с присвистами, пропели и замолкли, как бы вспоминая и маршировки учебные, и кости на чужбине своих друзей. Тишина – и снова тишина, только колёса ритмично постукивали на рельсовых стыках, да на противоположных нарах слышалось какое-то странное хихиканье с вознёй. Сосед Деськова нарушил наступившую тишину и, как бы очнувшись, вскричал:

– А ну-ка, кто там по-молодецки запевает, запевай какую-нибудь весёлую! Хватит плакать! Не на фронт ведь едем! Давай! – и баритон затянул:

Эй, да течёт речка по песку,
Эй, да течёт речка по песку,
Да возле в самую Москву! Да раз!

[737] «Казак на чужбине» – песня, автор слов Е. П. Гребенка, автор музыки неизвестен.

Эй, да мы ребята удалые,
Эй, эй, мы ребята удалые,
У нас кудри завитые! Раз!
Эх, мы на то кудри кудрили,
Эх, эх, на то кудри кудрили,
Чтоб нас девушки любили, раз!
Эй, да мы подходим к кабаку,
Мы подходим к кабаку,
И кабак запёрт на крюку, раз!
Эй, да открывай, шинкарь, кабак!
Эй, да открывай, шинкарь, кабак!
Запускай наших ребят! Всех!
Эй, да что стоишь, шинкарь-балда, да, да?
Эй, эй, что стоишь, шинкарь-балда?
Нам ведь водочка нужна! Всем!
Эх, мы целовальника по уху,
Эй, эй, целовальника по уху,
Не люби маму Марусю! Раз!
Целовальника под лавку,
Эй, эй, целовальника под лавку,
И шинкариху на лавку. Вот так[738]!

Песня точно одурманила всех. Сосед Деськова, заложив два пальца в рот, так насвистывал, что после его свиста аж в голове мутило и после песни ещё долго отдавалось в ушах.

– Вот это по-казацки! – восторгался он.– Давай ещё!

Но тут на противоположных нарах кто-то по-женски взвизгнул. В вагоне насторожились, и вместо песен пошли шёпотки.

– Чи баба, чи мужик тонколосый в вагоне, робя[739]? – кто-то проговорил вполголоса.

– Эй, кто тут у дверей, открой двери! Пусти свету!

Но дверь так и не открыли, да на и воле вечерок, и пасмурная погода тем более навевала сумрачность. Свету не прибавилось бы. Сосед, повёртывась направо и налево [к] лежавшим, недоумевая, бормотал:

– Как так? На станции в вагон нахалом залезло пять солдат. Все в шинелях, чин чином. Баб никто не садил, а что получается? Под полой шинели ведь бабу не затащишь? Не правда ли? – бормотал он, поворачивая голову то к Деськову, то к другому соседу, как бы прося помощи разрешить загадку.

Деськову нечего было ему ответить: он не присутствовал при посадке, а вот слева сосед от него проговорил:

---

[738] «Эй, да течёт речка по песку» – казацкая песня.

[739] Так передана в тексте фраза: *Или баба, или мужик тонкоголосый в вагоне, ребята?*

– Садились, правду сказать, солдаты, а ты не заметил – выпимши. Погонов-то на них нет, значит, посымали. А вот того, которого подсаживали, сумнительно! У него на левом рукаве шинели что-то нарисовано, вроде черепа, а ниже – крест, как из палочек. Точно-то я не разобрал, как-то неярко, да и размазано, а солдат.

Так загадка и разрешилась.

Поезд шёл медленно. На полустанках стоял подолгу. В вагон никого не пускали, и двери не открывали, хотя на каждой остановке в двери стучали-набивались пассажиры, прося пустить в вагон. Деськов прислушивался к каждому голосу просителя, стараясь в нём уловить – не Пётр или Вася просятся в вагон? Мысли у него бродили молниеносно. То он старался предугадать, как его встретят дома отец, мать. Что он им скажет о Петре, а дяде Ивану с семьёй – о Васе. Почему он потерял их, оставил их в далёкой Румынии? То мысли перекидывались в Румынию, к оставшимся друзьям: Васе Телегину, Даньке, старшему писарю. Вспомнился и прапорщик Новожилов, Сашка Агеевский – окопные друзья. Что-то с ними, где они?

Мечты и мечты, а мечтать среди ночи и отхрапывающих, порой с посвистом, солдат – можно было и не спать. Только вот мысли о далёких местах нет-нет да перекидывались на противоположные нары. Там эта таинственная возня то как будто укладывалась, то снова нарастала под шёпот и хихиканье. Иногда кто-то недовольно, даже злобно, не вытерпев, вскрикнет баском:

– Довольно вам, кобели! Дайте спокойно поспать! – возня на время вроде бы и прекратится.

Но вот из храпов и посвистов спящих Деськов уловил [в] схлипывания женского голоса. Деськов ткнул в бок спящего соседа:

– Послушай, в самом деле в вагоне женщина плачет!

Сосед облокотился, привстав, прислушался и, убедившись, выругался:

– Развели бардак, мать их!.. Сама полезла солдаты – ну и пусть! Давай спать! До дому доедем, там видно будет, а тут – зараза!

Не успел он и голову положить на вещевой мешок, как на противоположных нарах завязалась крупная перебранка. Кто кричал, покрывая крепкими словами, требуя выбросить из вагона пленённую женщину. Кто возражал:

– Выброс, а ты будешь за неё отвечать?

– Я-то не буду, а вы вот за насилие ответите! Ведь до зарезу замучили, кобели ненасытные!

– А тебе завидно? Иди, приложися: она всех ублаготворит, смерти-то не боится! Знаешь, поди, слыхал – женский батальон смерти. У них и командир полка Маруська Петербурская, небось! На немцев сколько раз в атаку бросались! А ты и не думай: она смерти не боится, а таких атак от нас хошь двадцать отобьёт! Не охнет!

– Замолчи, кобель! А то плохо будет! На позиции не подох, так здесь ноги протянешь! Зараза!

От перебранки весь вагон всполошился. Кто кричал:

– Чего вы из-за <…> раскричались!

– Ты сам <…>, ещё хуже её!

– Кто бы она ни была, а ведь человек, что вы делаете, подлецы!

– Сбросьте вы их там с нар, пусть на полу возятся!

На нарах и в самом деле началась возня. Сыпались матюги. С нар скатилась порожняя бутылка и ударила по плечу лежавшего на полу солдата. Он вскочил, схватил бутылку и запустил, крепко выругавшись, в сторону перебранки. Бутылка, к счастью, никого не задела: прилетев в темноте, ударилась в стенку вагона и осколками разлетелась.

– Кто это бросил?

– Кто бы ни бросил, а плохо, в тебя не попало! Теперь на стёклах, может, лучше успокоитесь!

В вагоне кто хохотал, кто приговаривал, подтрунивая:

– Молодец, правильно сделал! У нас в Сибири-то на свадьбах тоже на перву ночь молодых на черепки спать ложат! Антиреснее бывает[740]!

Поезд остановился на какой-то станции, названия различить в темноте не удалось. Бушевавшие на нарах что-то поперешёптывались. Забрали свои мешки и начали слезать с нар, волоча за собой вещевые мешки, осыпая осколками стекла лежащих на полу. Снова разразилась ругань, полетели матерки. Двери распахнули настежь. В вагон ворвался свет от фонаря проходившего мимо кондуктора. Четверо гуляк по-молодецки спрыгнули и подхватили, аккуратно ссадив, женскую фигуру в шинели с подкладками на груди и оттопыренным задом и направились в сторону станции.

– Во, робя, смотрите, точь-в-точь собачья свадьба! – вслед уходившим прокричал из вагона солдат.

– Вот так сука! Я думал, она отбиваться будет, а она хоть бы хны!

– Да с такой женщиной и рядом лежать противно, не только обниматься!

Разговоров о [б] этом случае в вагоне хватило, наверно, не меньше как часа на два. Поезд тронулся, и под лязг и скрежет колёс ещё кто-то кричал:

– Ведь домой едут! Дома, поди-ка, жёны есть, а они что устраивают! Подсадят заразы, как тут! Правда ведь, товарищи?

Но кричавшему уже никто не отвечал[741].

Около полудня поезд подходил к станции Знаменка[742] (насколько мне память не изменяет, вроде бы помнится какая-то станция Троянвал[743]). Только поезд затормозил на остановке, как справа по составу застрочил пулемёт. С крыш вагонов кто-то половчее прыгали на землю. Кто, приземлившись удачно, вскакивал и прижимался к скатам колёс, а неудачники, обхватив руками ногу, со стоном качали её, утоляя боль. В вагоне пассажиров как метлой смахнуло в кучу на пол. Кто-то в куче закричал:

---

[740] Так в документе, правильно *интереснее*.

[741] Далее авторский заголовок *От Знаменки.*

[742] Знаменка – станция в Александрийском уезде Херсонской губернии, ныне город областного подчинения в Кировоградской области Украины.

[743] Топоним «Троянов вал» встречается только в Бессарабии и Румынии.

– Товарищи, это банда сволочная! Открывай двери! Открывай, кого испугались?

Пулемёт умолк. С трудом еле наполовину приоткрыли дверь, и лежавшие у двери начали прыгать из вагона, но в это время пулемётчик дал вторую очередь. Снова защёлкали пули по кузовам вагонов. Выскочившие из вагона залегли между рельс соседней колеи. Пулемёт замолк, но послышались со стороны станции одиночные выстрелы. У здания станции бегали какие-то вооружённые люди. Поезд тронулся даже без свистка. Выскочившие было из вагона солдаты и спустившиеся с крыш пассажиры на ходу заскочили в вагон. Дверь закрыли. С другой стороны вагона кто-то бежал и кричал: «Бей жидов, спасай Россию!»

– А вот это бандит-анархист орёт! – пояснил новый пассажир с билетом крышного купе.– Не могут их переловить! Чуть не каждый поезд обстреливают! Их шайка тут на конях делает налёты!

– А ты как это знаешь, что бандиты? – спросили его.

– Я, эта, поезживаю. Вот и знаю. Опрошлой раз так они кондуктора тяжело ранили!

– Значит, опасно, так зачем ездишь?

– Эх, браток, нужда заставляет!

– Нужда нужде разница!

– Ну, конечно! У меня семья шесть душ. Ребятишки – мал мала. Пришёл из армии, а семья голодает, оборвана. Вот и рыщешь за куском хлеба!

– В хлебно место, значит, едешь?

– Да кто его знает, где оно хлебно-то! Видишь, у кого было и много хлеба – они его попрятали, а наш брат и так бился в бедноте, а с войной-то и совсем разорился. Богачам-то – им что? Они и хлеб, и золото попрятали, значит, измором хотят вернуть старые порядки!

– Вот оно как! Ну а если ты хлеба не достанешь – тогда как?

– Ну, я-то достану: у меня знакомство есть.

– Значит, знакомый твой богатый, хлеб попрятал. Так, что ли, как ты про богатых рассказываешь?

– Богатый, небогатый, а вот к нему из нашего села все ездют! По мешочку привозют. И ему, значит, выгодно, чтобы хлеб задаром не отобрали, и нам сытно.

– Так вот как: ты и бандитов знаешь, и с богатыми знаешься, а сам-то ты не бандит ли из богатых, хоть прикидываешься бедняком?!

Кто-то из подслушивающих этот разговор резко оборвал:

– Ясно, бандит! Выбрасывай его, братва, из вагона! Видишь, паразит, прикинулся!

Ожидать последствий не пришлось: пассажир, выбрав удобный момент, выпрыгнул из вагона.

– Надо было выбросить его из вагона, как шелудивого котёнка! Ну, друзья, приедем домой, надо будет рассчитываться с такими гадами, а их у нас царь наплодил немало! Мы на фронте голодали, кровь проливали, семьи дома со слезами крошками

питались, а они – купцы, помещики, торгаши, хлеб в амбарах гноили да последний кусок у бедноты изо рта вырывали! Всех их за наши беды – только к ногтю!

Кто-то на эти слова раскатисто захохотал, и рассказчик с возмущением выкрикнул:

– Кто там? Значит, ты такой же?!

– Какой такой же? – ответил хохотавший.– Уж больно смешно ты сказанул – к ногтю! Это ведь не вошь, как ты его меж ногтя-то положишь? Все они как боровы с пузами! Из-за пузы у ног пальцев не видят! Вошь пузатую с солдатских харчей даванёшь со злости, и то брызги в лицо и в глаза попадают! В котёл их да на мыло, хоть польза будет!

В вагоне кто смеялся, кто кричал:

– Правильно, правильно! В деревнях-то теперь[744] [в] семье [не] стирают, а куском глины мылят!

В Полтаве[745] Деськову пришлось сделать пересадку на Харьков. Да за эту длинную дорогу проезжал через Курск[746], Ряжск[747], Рязань[748], Казань, не один раз ещё приходилось пересаживаться из поезда в поезд. Но, как бы то ни было, он ехал всё ближе к дому, к родителям. Как бы ни мучительно было путешествие, но чем ближе к дому, тем сильнее овладевали им какие-то ни с чем не сравнимые радостные чувства.

Доехав до Казани, ему совсем напахнуло близким, родным. «Вот туда, вверх по Волге на сто вёрст расположена облюбованная ими с Васей школа инструкторов Мариинского Посада, где у них были и радости, и огорчения»,– думал он под шум поезда, проходящего через мост. На вокзале Казани вспомнилось, как они приходили на встречу поезда с ранеными солдатами. Вспомнилась и беспокойная ночёвка на постоялом дворе, и учительская семинария на озере Кабан. «Всё это было, да прошло: искрой пролетело, да погасло! А вот Казань! Всё так же, только я без Васи, да на мне серая шинель!»

На вокзале он узнал, что на Сарапул формируется товарно-пассажирский поезд и пойдёт часа через два. Поезд идёт только до Сарапула. «Ну что ж, мне дальше и не надо – тут я и дома!»

Идти в город, используя свободное время, он не решился, да и холодно. Даже уши на морозе пощипывает, и решил посидеть на вокзале, хотя и не в отопляемом, но всё же помещении.

Садясь в вагон-теплушку, он облегчённо вздохнул, подумав: «Ну вот, можно сказать, я и дома! Чувствуют ли отец и мать, что скоро встретят бродягу-сына? Обрадуются? Ну конечно!»

---

[744] *Теперь* вписано поверх строки.

[745] Полтава – город в Левобережной Украине, центр Полтавской губернии. Ныне – центр Полтавской области Украины.

[746] Курск – город в Черноземье, центр Курской губернии, ныне центр Курской области.

[747] Ряжск – город в Рязанской губернии, центр Ряжского уезда, ныне центр Ряжского района Рязанской области.

[748] Рязань – центр Рязанской губернии, ныне центр Рязанской области.

Уже дорогой забродили у него мысли о Румынии, брате Петре, Васе – где они, что с ними? Вспомнил и наказ Телегина поклониться Москве. Но ведь не пришлось!

В Сарапул поезд прибыл поздней ночью. Выйдя из вагона, Деськов стал думать, как бы, какой дорогой быстрее добраться до дому. Если через город, то нужно версты четыре идти в северном направлении, затем из города повернуть на восток, перейти Каму и по левому её берегу пройти вёрст пять на юг до родного села Ершовка. Сколько же будет ещё идти вёрст?

Задался он подсчётом и насчитал минимум одиннадцать. А прямиком от станции через Каму до Ершовки ведь будет не больше пяти. Только вот будет ли дорога? Раньше, до войны, дорога была – сено возили!

Подумал он [так] и решил отправиться прямиком. Выйдя по насыпи железной дороги, завьюженной снегом, он спустился на Каму. Стал в ночной темноте присматриваться к Ершовке, но[749] признаков огней в ночной темноте не уловил. Ориентируясь по памяти, выбрал направление и зашагал, рассчитывая выйти на дорогу. Шёл и шёл – где утопая в снежных буранах, где пользуясь подчас ненадёжной корочкой наста. Несмотря на морозную ветреную ночь, вспотевший, усталый, голодный, он всё ещё таил надежды выбраться на дорогу. «Эх, хоть бы румынскую галету скушать, сил прибавить»,– думал он. Но галет ему хватило доехать лишь до Рязани. Берёг он одну галету, хотел показать дома, чем они питались в Румынии, да не утерпел, съел, подъезжая к Рязани. Остановился передохнуть, повернувшись спиной к встречному северному ветру, и стал прислушиваться: не залает ли в Ершовке чья-либо собака. Но кругом царила гробовая тишина, только ветер с порывами переметал снег по бурунам. Отдохнув, повытрес из голенищ сапог набившийся снег и снова тронулся в путь.

Сердце забилось радостно и сил прибавилось, когда он неожиданно наткнулся на ершовский берег. Тут уже он знал, куда ему идти, чтобы выйти к родительскому дому. Логом, минуя дома Ивана Алексеевича Короткова и Александра Максимовича Карманова, прогнал и тихонько добрался до дверей крылечка. Нащупав верёвочку, продёрнул в дырочку двери, потянул и открыл дверь.

Авдотья Степановна всё же услышала шорохи шагов по двору и скрип дверей в сенях, насторожилась, шепнув отцу: «Кто-то в сенях ходит»,– и слезла с запечных полатей. Николай Васильевич пока ползком шарашился (полати были очень тесны, взрослому повернуться трудно). Деськов, преступив порог, сказал:

– Здравствуйте, тятечка, мама!

Мама сразу догадалась и с плачем бросилась к сыну:

– Сыночка, миленький! Не думали, не гадали! Бог спас! Отец, да чего ты шарашишься долго?!

А Николай Васильевич в темноте наткнулся в проходе на лоханку, чуть не опрокинул, забрякала рукомойка.

– Паша, Петьша, вставайте, встречайте брата! – сквозь слёзы вскричала мать и бросилась зажигать лампу.

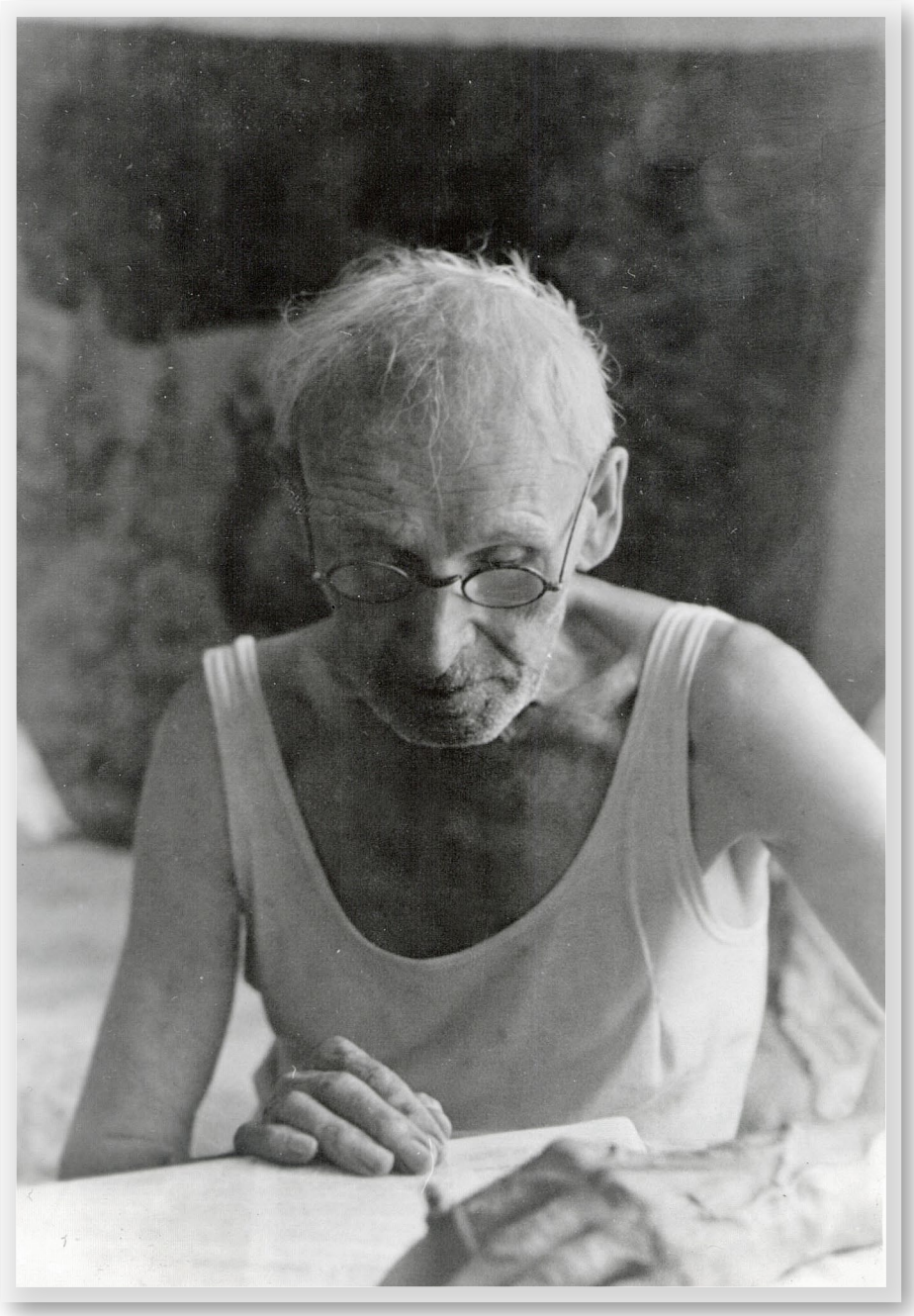
[749] После *но* вычеркнуты слова *ни Ершовки, ни.*

Из комнатки один за другим выбежали братья Павел и Пётр, в обхват повертели его, отец совался тут же, но где тут – всё же, улучив момент, слезливым тоном, обхватив сыновей, проговорил:

– Да слава Тебе, Господи, деточки благополучно вернулись в гнёздышко!

Встречать из комнатки бросились и Анна Якимовна с дочерью Маней. Все, кроме Авдотьи Степановны, занявшейся приготовлением чая с морковной заваркой, убрались в комнатку. Ваня, зайдя в комнату, прогибал голову: потолок был так низко, что, стоя прямо, он доставал головой потолок:

– Тебя, браток, на военной службе, видимо, ещё вытянули? – заметил Павел.– Мне так надо на цыпочки встать, так упрусь в потолок. Ну, сбрасывай с себя амуницию!



Иван Николаевич Деськов записывает свои воспоминания. [1957–1973 гг.].

Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. р-754. Оп. 1. Д. 173.

РОССИЙСКАЯ
Федеративная Советская Республика
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ЕРШОВСКОГО
ВОЛОСТНОГО СОВЕТА
Крест. Рабоч. и Арм. Депутатов
Комиссариат Управления.
12 августа 1918 г.
№ 102.
Ершовка Перм. окр.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано сие удостоверение Ершовскимъ Комиссариатомъ Управления гр. села Ершовки Ивану Николаеву Деськову въ томъ что он действительно есть то самое лицо что подписью съ приложениемъ печати удостоверяется.

Ершовскій Комиссаръ по деламъ Управления [illegible]

Секретарь [illegible]

Удостоверение, выданное Ивану Николаевичу Деськову Исполнительным комитетом Ершовского волостного Совета. 12 августа 1918 г.

Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. р-754. Оп. 1. Д. 8.

ОСИНСКОЕ УѢЗДНОЕ ЗЕМСТВО.

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТЪ.

Испытательная Комиссія, составленная при Ершовскомъ мужскомъ училищѣ 1905 года мая „12„ дня, принимая во вниманіе хорошіе успѣхи, примѣрное поведеніе и прилежаніе ученика II отдѣленія означеннаго училища Деськова Ивана наградила его Деськова симъ похвальнымъ листомъ.

О чемъ свидѣтельствуютъ:

Предсѣдатель Комиссіи

Члены:

Учительница О. Петрова
Помощница Н. Добрынская.

Похвальный лист Ершовского мужского училища, выданный Ивану Деськову 12 мая 1905 г.

Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. р-754. Оп. 1. Д. 6.

Г. У. З. и З.

Завѣдующій
ШКОЛАМИ ИНСТРУКТОРОВЪ
по
ОБРАБОТКѢ ДЕРЕВА.

Октября 6 дня 1915 г.
№ 1079
Маріинскій Посадъ, Казанской губ.

Билетъ.

Предъявитель сего ученикъ 2-го класса Экипажной Школы Иванъ Деськовъ отпущенъ мною для отбыванія воинск.повинн. срокомъ отъ сего числа впредь до истеченія срока отбыванія названной повинности.

Въ удостовѣреніе чего и данъ ему, Деськову, сей билетъ за надлежащимъ подписомъ и приложеніемъ казенной печати.

И. Завѣдующій
Школами Инструкторовъ Шарапов

У сего

Билет ученика 2-го класса Экипажной школы на имя Ивана Деськова, выданный 6 октября 1915 г.

Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. р-754. Оп. 1. Д. 7.

Николаевская церковь с. Ершовка Камбарского района Удмуртии. 1993 г.

ГАПК. Ф. р-1693. Оп. 1. Д. 131.

Вид со Старцевой горы на дебаркадеры на берегу Камы в Сарапуле. 1900 г.

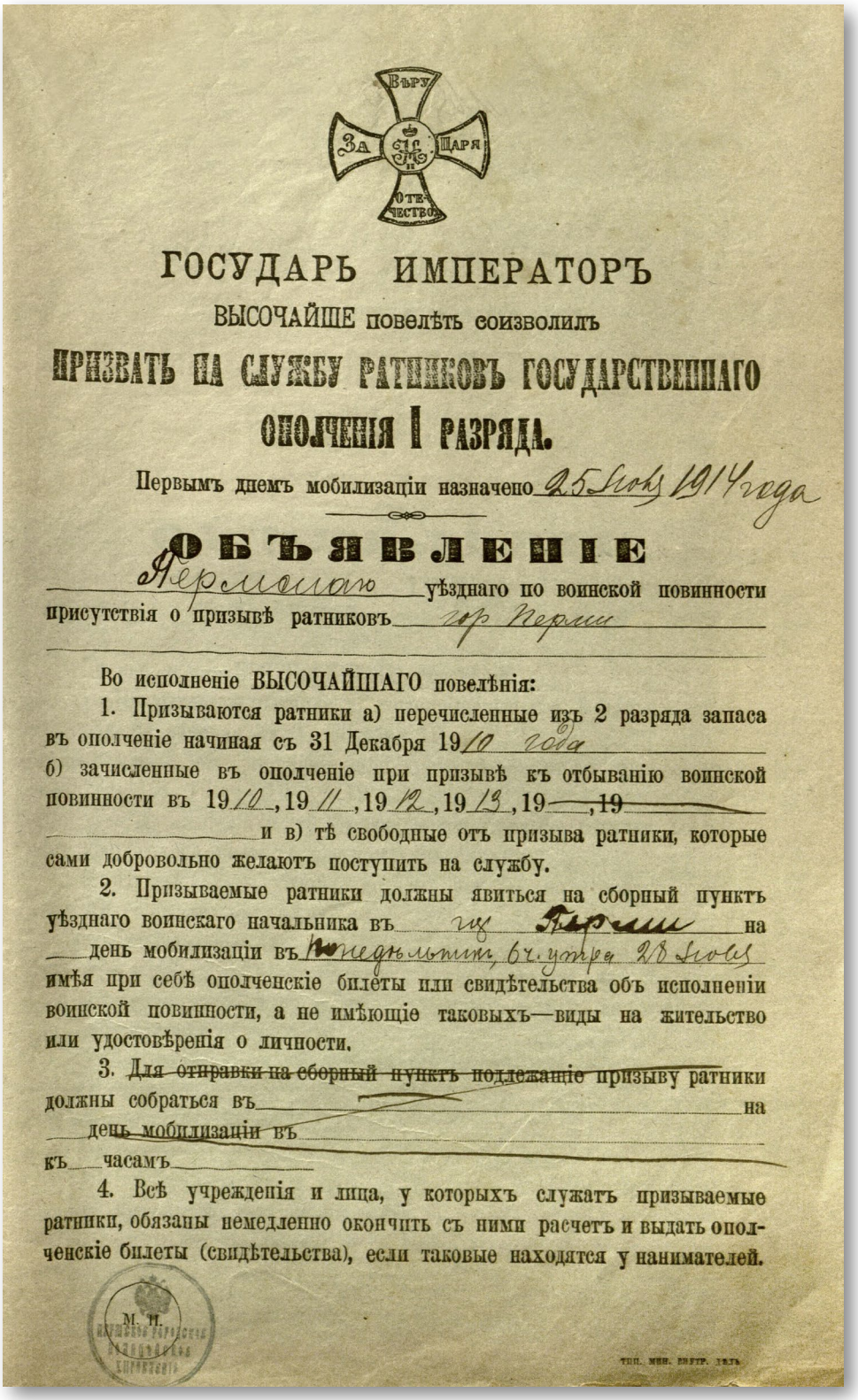
Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. р-750. Оп. 1. Д. 10995.

Пароход братьев Каменских у пристани Сарапул. 1908 г.

Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. р-750. Оп. 1. Д. 15270.

Команда связи штаба 37-го Сибирского стрелкового полка 10-й Сибирской стрелковой дивизии. 1916 г.

ГАПК. Ф. р-1693. Оп. 1. Д. 79. Л. 1.



ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ

ВЫСОЧАЙШЕ повелѣть соизволилъ

ПРИЗВАТЬ НА СЛУЖБУ РАТНИКОВЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО ОПОЛЧЕНІЯ I РАЗРЯДА.

Первымъ днемъ мобилизаціи назначено 25 Іюля 1914 года

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Пермскаго уѣзднаго по воинской повинности присутствія о призывѣ ратниковъ гор. Перми

Во исполненіе ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія:

1. Призываются ратники а) перечисленные изъ 2 разряда запаса въ ополченіе начиная съ 31 Декабря 1910 года б) зачисленные въ ополченіе при призывѣ къ отбыванію воинской повинности въ 1910, 1911, 1912, 1913, 19—, 19— и в) тѣ свободные отъ призыва ратники, которые сами добровольно желаютъ поступить на службу.

2. Призываемые ратники должны явиться на сборный пунктъ уѣзднаго воинскаго начальника въ гор. Перми на день мобилизаціи въ понедѣльникъ, 6 ч. утра 28 Іюля имѣя при себѣ ополченскіе билеты или свидѣтельства объ исполненіи воинской повинности, а не имѣющіе таковыхъ—виды на жительство или удостовѣренія о личности.

3. ~~Для отправки на сборный пунктъ подлежащіе~~ призыву ратники должны собраться въ ~~на день мобилизаціи въ~~ къ ~~часамъ~~

4. Всѣ учрежденія и лица, у которыхъ служатъ призываемые ратники, обязаны немедленно окончить съ ними расчетъ и выдать ополченскіе билеты (свидѣтельства), если таковые находятся у нанимателей.

М. П.

Объявление о призыве на военную службу ратников государственного ополчения 1-го разряда. 25 июля 1914 г.

ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 702. Л. 3.

Иван Николаевич и Василий Иванович Деськовы перед отправкой в армию. Декабрь 1915 г.

ГАПК. Ф. р-1693. Оп. 1. Д. 57.

Рядовой 48-го Сибирского стрелкового полка Павел Николаевич Деськов. 1914 г.

ГАПК. Ф. р-1693. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.

Павел Николаевич Деськов на военной службе. 1915 г.

ГАПК. Ф. р-1693. Оп. 1. Д. 59. Л. 3.

Павел Николаевич Деськов (справа) с другом в действующей армии. 1915 г.

ГАПК. Ф. р-1693. Оп. 1. Д. 60. Л. 1.

Пётр Николаевич Деськов. 15 апреля 1915 г.

ГАПК. Ф. р-1693. Оп. 1. Д. 78.

166-й пехотный запасный полк. Сарапул. 1916 г.

ГАПК. Ф. р-1693. Оп. 1. Д. 61.

Иван Николаевич Деськов после окончания курса учебной команды. 1917 г.

ГАПК. Ф. р-1693. Оп. 1. Д. 83.

Учебная команда 162-го пехотного запасного полка. Первый слева во втором ряду стоит Иван Деськов. Пермь. 1917 г.

ГАПК. Ф. р-1693. Оп. 1. Д. 84.

Пётр, Василий и Иван Деськовы в действующей армии в Румынии.
8 октября 1917 г.

ГАПК. Ф. р-1693. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.

Здание школы № 11 в г. Перми (бывший дом Дягилевых), где в годы Первой мировой войны размещалась казарма. Первая половина XX в.

ГАПК. Ф-1732. Оп. 1. Д. 142.

Здание Пермского университета на Заимке, где в 1914–1916 гг. размещалась казарма. 1917 г.

ГАПК. Ф. ф-60. Оп. 60п. Д. 491.

Сарапульскій Уѣздъ
САРАПУЛЬ
Сайгатка
Богородское
Зипунова
Камбарскій
Ошья
Нв Артауль
Ершевка
Ольховка
Маркова
Зяблова
Ведрецъ
Шолья
Балаки
Богородский
Михайловка
Байсаръ
Ошья
Ошья Тау
Акылбай
Актасай
Искакъ
Чишмина
Бедр Актау
Чингахкулъ
Вахда
Туртыги
Ухтымка
Ухтымка
Ухтымка

Карта Сарапульского района Уральской области. 1931 г.

ГАПК. Ф. р-1746. Оп. 1. Д. 801.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А
Агеевский, Александр *287, 300, 367*
Александра Фёдоровна *37, 41, 121*
Алексей Николаевич, цесаревич *215*
Алтухов, Дмитрий Захарович *217, 220, 226*
Андроник (Никольский, Владимир Александрович) *228, 309*
Аппельгрен, Арвид Конрадович *326, 341-345*
Аристова, Полина *212*

Б
Бабушкин, Василий Павлович *33, 48, 86, 107, 112, 115, 149*
Бём-Эрмоли, Эдуард фон *133*
Бердичев *186-187, 195-196*
Бернштейн, Эдуард *130*
Бетман-Гольвег, Теобальд фон *39*
Бороевич фон Бойна, Светозар *133*
Бочкарёва, Мария Леонтьевна *251, 367*

В
Вильгельм II, кайзер *40-41, 105, 190*
Вильсон, Вудро *39-40*
Вожжаев *174, 178, 182, 187, 197, 215*
Войрш, Ремус фон *132*

Г
Годило-Годлевский, Александр Акимович *238, 246, 259, 264, 274, 289, 302, 322*
Горюнов, Николай *111, 114-115, 287*

Д
Данкль, Виктор *132*
Деськов, Андрей Николаевич *136*
Деськов, Борис Павлович *206, 212*

Деськов, Василий Иванович *15-16, 23-25, 27-29, 32, 34-36, 41-47, 52-55, 58-60, 63-64, 68, 73-81, 86-88, 92-102, 105-110, 112,116-129, 131, 139-142, 144, 146, 148-153, 155, 158-165, 170-174, 179, 187-188, 193-194, 197, 205, 211-214, 220, 224-225, 230-232, 256, 278, 287, 289, 294, 326, 338, 348, 367*
Деськов, Иван Васильевич *11, 17-18, 23-26, 78-86, 89-90, 119, 121-126, 128-134, 136-139, 142, 149, 151, 154-157, 224, 226*
Деськов, Иван Николаевич *11, 14-17, 25, 27, 29, 32-37, 42-45, 52-53, 58-63, 68, 77-86, 93-96, 101, 106, 109-112, 116-125, 129-146, 151-153, 159, 164-165, 168, 171-174, 177-183, 186-190, 193-197, 201-215, 217-219, 224-231, 233, 236-237, 241-255, 257, 259-283, 286, 290-297, 299-308, 312-324, 328, 371*
Деськов, Николай Васильевич *31, 62, 77-78, 119-121, 124, 128, 136-140, 151-152, 155-158, 164, 224, 371*
Деськов, Павел Николаевич *11-18, 21, 24-30, 39, 42-43, 50-51, 65, 112-114, 118, 120, 135, 137-138, 159, 198, 205-206, 211-213, 221, 224-228, 231, 246, 256, 268, 275, 278, 288-289, 297, 329, 338, 372*
Деськов, Пётр Николаевич *13, 17, 24-30, 42-44, 50, 65, 80, 84, 112, 114, 118-119, 136-137, 141, 149-150, 152, 193-195, 197-199, 204-206, 212, 220, 226, 238, 256, 268, 274-275, 278, 280, 283, 285-286, 288, 295, 299, 304, 306-312, 326-327, 336, 338, 347-348, 367, 371-372*
Деськов, Фёдор Иванович *23, 28, 32, 43-44, 85-90, 119, 123-128, 136, 140-142, 150, 157*
Деськова (Короткова), Евдокия Степановна *12-15, 17, 21-22, 25-26, 31, 43, 51, 77-82, 86, 89-90, 119-120, 123, 127, 134-135, 139-142, 149-155, 157-158, 224, 227, 371-372*
Деськова, Анна Фёдоровна *90, 114, 135*
Деськова, Анна Якимовна 1*6-17, 25, 42, 51, 77-81, 114, 118-119, 122-123, 127, 131132, 133, 135, 137, 139-140, 142, 150-151, 225, 227, 372*
Деськова, Вера Степановна 7*7, 86, 140, 142, 154, 158*
Деськова, Ксения Петровна *24*
Деськова, Мария Павловна *16, 77, 80-81, 118, 123, 135, 137, 139-140, 142, 150, 206, 212, 268*
Деськова, Прасковья Андреевна *90, 119, 123, 127*
Джоллити, Джованни *131*

Е

Ершов, Ф.И. *160*

Ж

Жужгин *188, 193, 195-196*

З

Зайцев, Александр *142, 145*
Зайцев, Николай *142, 145*

Занудо, Даниил *281-282, 289-290, 293-295, 300, 313, 316, 321, 324, 328-329, 339-341, 343*
Зеленин, Николай *119*
Зубков *294-296, 315, 321, 325, 327, 339, 341-342, 344-347*
Зылёв *18-19, 22*

И
Иосиф Фердинанд Тосканский, эрцгерцог *133*

К
Казанский 1*74-178, 182-186, 204, 206-209, 211, 215, 217, 231-232*
Каменские *22*
Карабан, Ефим Тимофеевич *200, 204, 208, 217*
Карманов, Александр Максимович *371*
Катаев *174-175*
Керенский, Александр Федорович *228, 231, 240, 360*
Клемансо, Жорж *39*
Кокуйский *54*
Короленко, Эммануил Иванович *170-173, 181-183, 200*
Коротков, Афанасий Иванович *152*
Коротков, Василий Фёдорович *229*
Коротков, Иван Александрович *119, 154-155, 229*
Коротков, Иван Алексеевич *148, 152, 154, 171*
Коротков, Иван Николаевич *302*
Коротков, Иван Поликарпович *152*
Коротков, Михаил Иванович *152*
Коротков, Николай Андреевич *229*
Корсаков *111, 145, 148, 153-154*
Крючков, Козьма Фирсович *185, 188*
Курбатовы *22*

Л
Лбов, Александр Михайлович *48, 132*
Ленин (Ульянов), Владимир Ильич *293, 354, 358-359*
Линзинген, Александр фон *133*
Лысков, Степан *214-215, 235, 248,3 01*
Любимовы *22, 35*
Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский, Михаил Александрович *204, 211, 217, 219, 228, 309*

М
Маклаков, Николай Алексеевич *37*

Маклакова (Оболенская), Мария Леонидовна *37-38*
Малинины *32-34, 48, 116*
Мальцев *111*
Мамаев, Павел *119*
Маракулин, Константин *33, 109-112, 115, 117, 287*
Машкин *246*
Меньшиков *181-182, 204*
Мешков, Николай Васильевич *22, 164, 174, 179, 195, 197, 201, 231*
Мылин *166*

Н
Наполеон I Бонапарт, император *223, 226*
Некрасов, Николай Виссарионович *122*
Николаев *111, 115, 118, 287*
Николай II, император *41, 249*
Николай Николаевич, великий князь *208*
Новожилов *204-205, 209-211, 216-217, 224, 232, 234-241, 244-246, 250, 257, 260-262, 276, 300-301, 367*

О
Осинцев *219*

П
Пажитнов, Константин Алексеевич *120-121, 124*
Панков *197, 203*
Парамоновы *125*
Плеханов, Георгий Валентинович *128-130, 132, 257*
Плюснин *188, 195*
Плюснин, А.И. *19*
Подшивалов *187, 217, 231*
Пугачёв, Емельян Иванович *121, 132*
Пуришкевич, Владимир Митрофанович *137*
Пушкин, Александр Сергеевич *114-115*
Пфланцер-Балтин, Карл фон *133*

Р
Разин, Степан Тимофеевич *47-48, 109, 121, 132, 354*
Распутин, Григорий Ефимович *194, 214, 225, 230, 359*
Ревякин *175*

С
Самарин, Иван Филиппович *19-21*

Сапожников, Василий Васильевич *134*
Созыкин, Василий *16*
Созыкин, Дмитрий Васильевич *16-18, 23-26, 28-29, 42-43, 78, 81, 83-84, 118, 137, 151-152, 194, 213*
Созыкин, Донат Васильевич *17*
Созыкина (Деськова), Прасковья Николаевна *16, 29*
Созыкина, Анастасия *16*
Созыкина, Антонина Дмитриевна *158*
Суворов, Александр Васильевич *223*

Т
Таначёв, Александр *142, 144*
Таначёв, Дмитрий *142*
Таначёв, Пётр *141*
Тараканов, Илларион Васильевич *32, 48, 110-115, 118, 149*
Татареску *266, 293, 315, 322, 324-325, 327, 334, 340*
Татарских *119*
Телегин, Василий *281-284, 286-287, 289-300, 304-305, 313-314, 318-324, 326, 328-331, 337-347, 367, 371*
Титов *326-327, 341, 345-346*
Ткачёв, Вячеслав Валерьевич *38*
Троицкий, Иван Матвеевич *148*

Ф
Фалалеев *301-304*
Федягин *247*
Фердинанд I, король *266*
Филатович, Борис *128, 132, 134*

Х
Хлопников *174, 178, 183, 187, 197, 231*

Ч
Челноков, Михаил Васильевич *122*
Черемных *231*

Ш
Шаболдины *119*
Шавкунов, Ермолай Герасимович *83-84*
Шавкунова, Катерина Федоровна *82*
Шавкунова, Мария Герасимовна *82*
Шавкунова, Татьяна Ларионовна *83*

Шамшурин, Афанасий Фёдорович *136, 194*
Шамшурина (Деськова), Евдокия Ивановна *136*
Шаньгин, Иван *175-177, 197*
Шингарёв, Андрей Иванович *120*
Шушг *126*

Щ
Щербачев, Дмитрий Григорьевич *294, 296, 315, 322, 326-327, 341*

Ю
Юрков *260*

N
N Иван Кузьмич *144*
N Львович *282-283, 286, 289-290, 292, 294-300, 304, 313-315, 318, 321-325, 327-330, 338-345, 348*
N Наська (Анастасия) *92-98, 109, 163, 256*
N Николай Никитьевич *141*
N Сашка (Александр) *254-255, 259-260*
N Семён *291-292*
N Степан Ильич *97-101*
N Степан Михайлович *112-114*
N Таисия Прохоровна *155*
N Тарас *82*
N Тихон Павлович *13-14, 152-153*

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А
Австро-Венгрия, гос-во *18, 23, 45, 130-133*
Агрыз, с. *87-88, 98*
Азовец, р. *84*
Алжир, провинция *132*
Альняш, с. *73-74*
Англия *45, 130, 132, 151*
Армязь, д. *15-17, 22-23, 78, 85, 101, 103, 135, 155, 158*
Арск, г. *98-99, 101*
Ачинск, г. *29-30*

Б
Багдад, г. *131*
Байкал, оз. *57, 67*
Балканский, п-ов *131*
Балтаси, с. *99, 101*
Барбоси, ст. *237-238, 242, 247, 261-262, 264-265, 268, 270, 278, 280, 283, 288289, 300, 316, 330-331, 336, 342*
Бартфельд, г. *133*
Бельгия, гос-во *45, 48*
Бендеры, г. *353, 355-357*
Берлин, г. *39, 130-131*
Благовещенск, г. *27, 30, 43-44, 118, 220, 23*
Бобья Уча, д. *88*
Болгария, гос-во *45*
Большие Ключи, с. *102, 105-106*
Большие Ковали, с. *102, 104*
Брэила, г. *237, 251, 276*
Бурец, с. *92, 95-98, 256*

В
Вадени, д. *238.*

Варшава, г. 179
Вашингтон, г. *39*
Ведрец, д. *85*
Великобритания, гос-во *130*
Висла, р. *133*
Власова, д. *85*
Волга, р. *31-32, 34-35, 43, 46, 59, 91, 98, 101-102, 108-109, 114, 116-117, 287, 354, 370*
Волжск, г. (см. Лопатино, с.)
Высокий замок *50*
Вышковский перевал *133*
Вятка, р. *69-70, 92*
Вятская, губ. *206, 212*
Вятские Поляны, с. *98, 101*

Г
Галац, г. *236-237, 242, 251, 262, 264, 273, 276, 278-280, 283, 286, 292, 294-295, 300, 305, 316, 322, 330, 333-334, 343, 345, 347-348, 351-353*
Галиция *38, 50, 133*
Германия, гос-во *23, 39-40, 45, 129-133, 289, 293, 322*

Д
Дальний Восток *17*
Данилиха, д. *176*
Днестр, р. *133, 358*
Добруджа *238-239, 283, 292, 333*
Дулесово, д. *76*
Дунаец, р. *133*
Дунай, р. *291, 330, 333, 340*

Е
Екатеринбург, г. *19*
Екатеринбургский, у. *30*
Елабуга, г. *41, 46-47, 52-53, 70-71, 77-78, 98*
Елабужское городище (см. Чёртово городище)
Елизаветполь, г. *83*
Ершовка, с. 1*5, 25, 30, 57, 69, 76, 80, 84, 103, 107, 118-119, 121, 129, 135, 137, 145, 148, 153, 162-163, 206, 315, 345, 371*
Ершовская, вол. *145-147, 345*

Ж
Житомир, г. *227*

З

Забайкалье *64*
Знаменка, ст. *368*

И
Ижевский, з-д *137*
Иркутск, г. *25-27, 29, 43*
Италия, гос-во *131*
Ишкеево, с. *69*

К
Кабан, оз. *50, 370*
Кавказ *29*
Казанка, р. *177*
Казанская, губ. *149*
Казань, г. *35, 48, 88, 90-91, 95-96, 98, 101-103, 206, 370*
Кама, р. *19, 35, 43, 45, 76, 108, 189, 316*
Камбарка, с. *33, 42, 46, 57, 78, 96, 107, 109, 111, 123, 126, 187, 205, 211*
Канск, г. *29*
Карпаты *85, 118, 133, 194, 199*
Кибья, с. *91*
Киев, г. *206*
Кизекова, д. (см. Тоймошудья, д.)
Киясово, с. *75-76*
Кокушкино, с. *53, 56-57*
Константинополь, г. *39*
Короленко, с. (см. Старый Мултан, с.)
Кошкино, с. *95, 97-98*
Красник, г. *38*
Красноярск, г. *29*
Кремлёво, д. *85*
Кронштадт, г. *147*
Круглое болото *42-43*
Кунгур, г. *112, 265*
Курск, г. *370*
Куяшская, вол. *30*
Кыштымский, з-д *30*

Л
Лондон, г. *40*
Лопатино, с. *102, 105*
Львов, г. *50*
Люблинская, губ. *38*

М
Малая Азия, п-ов *131*
Малмыж, г. *95-98*
Мамадыш, г. *69-70*
Мариинский Посад, г. *31-32, 42, 46, 48, 98, 91, 98, 101-102, 109, 149, 256, 287, 347, 370*
Марокко, протекторат *132*
Мезолаборч, г. *133*
Мендюш, с. *102*
Михайловка, с. *60, 107, 131*
Можга, с. *90-91, 98*
Молдавия *234, 322, 335, 341-342, 348-349, 354*
Москва, г. *50, 99, 118, 120, 226, 264, 274, 285, 290, 294, 299, 345, 347, 357, 359, 365, 371*

Н
Наласа, д. *102*
Нижний Новгород, г. *34, 101, 11*
Никифоровка, д. *68*
Николо-Берёзовка, с. *46, 107*
Новая Деревня (см. Данилиха, д.)
Нью-Йорк, г. *40*

О
Одесса, г. *278*
Оса, г. *17, 23, 230*
Осинский, у. *27, 107, 139, 146-148, 345*
Османская империя, гос-во *29, 39, 45, 131*

П
Пановка, с. *56, 347*
Париж, г. *39*
Паркачёво, с. *87*
Паркачиха, р. *16*
Пермская, губ. *30, 106, 112*
Пермь I, ст. *190*
Пермь II, ст. *164, 176, 231-232*
Пермь, г. *34, 163-164, 187, 190, 193, 195, 206, 230*
Петроград, г. *37, 120, 214, 285*
Пилица, р. *132*
Плоешти, г. *237, 283, 330*
Полтава, г. *370*
Пшалым, с. *102*

Пьяноборское, с. *42*

Р
Раздельная, ст. *363*
Рахов, г. *133*
Рени, г. *234, 238, 330, 337, 341-343, 345-346, 348-352*
Речица, г. *288*
Рига, г. *277*
Россия, гос-во *27, 36, 45, 57, 121, 123, 126, 128-133, 215-217, 220-221, 226, 264-266, 282, 285, 287- 300, 304-308, 314-315, 321-327, 335, 340-341, 353-360, 369*
Ростов-на-Дону, г. *125*
Румыния, гос-во *45, 277, 348*
Ряжск, г. *370*
Рязань, г. *370*

С
Савруши, д. *68*
Сайгатка, с. *146*
Санкт-Петербург, г. (см. Петроград, г.)
Сарапул, г. *17-19, 24, 26, 34, 42, 45-48, 52-55, 69, 71-80, 87, 96, 98, 102-103, 116, 124, 135-137, 149, 205-207, 212, 224, 228-230, 234, 310, 315, 347, 370-371*
Сахалин, о-в *59*
Сербия, гос-во *23, 45, 130-132, 151, 256*
Сибирь *25-26, 272, 294, 362*
Сигаево, с. *76*
Симферополь, г. *125*
Сирет, р. *243, 263, 265, 268, 275, 303, 331*
Соединённые Штаты Америки, гос-во *39*
Сосновское, с. *17, 30*
Стамбул, г. (см. Константинополь, г.)
Старцева гора *19*
Старый Мултан, с. *91*
Стрый, г. *133*
Сукман, д. 72, 74
Сундырь, г. (см. Мариинский Посад, г.)

Т
Татарские Челны, с. *71*
Тбилиси, г. (см. Тифлис, г.)
Тирасполь, г. *356*
Тифлис, г. *125*
Тоймошудья, д. *72*
Трансвааль, гос-во *263*

Троянов Вал, ст. *368*
Тунис, протекторат *132*
Турция (см. Османская империя, гос-во)
Тюлячи, с. *67*
Тюмень, г. *196*

У
Ужок, с. *133*
Ура, с. *99*
Уральские горы *30*

Ф
Филести, д. *244*
Флотилей, казармы *283, 288, 312, 328, 332-333*
Фольтешты, д. *244, 293, 330-331*
Франкфурт-на-Майне, г. *132*
Франция, гос-во *45, 132, 151, 196, 315*

Х
Харьков, г. *234*
Ходяшево, д. *56*
Холмская, губ. *38*

Ч
Чебоксары, г. *98, 108*
Челябинск, г. *29, 43*
Челябинская, обл. *17*
Черёмушный лог *43*
Черновцы, г. *251*
Чёрный Яр, ур. *25*
Чёртово городище *47*
Чувашия *108*

Ш
Шевырялово, с. *87*

Ю
Юрино, д. *76*
Юрьино болото *26*

Я
Япония, гос-во *17*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

в.– век
вв.– века
вол.– волость
г. – год, город
гг. – годы
гос-во – государство
губ.– губерния
д.– деревня
др.– другие
з-д – завод
р.– река
о-в – остров
оз.– озеро
п-ов – полуостров
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия
с.– село
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ст.– станция
т. е.– то есть
т. к.– так как
т. д.– так далее
т. п.– тому подобное
у.– уезд
ур.– урочище
ЦК – центральный комитет

Электронное текстовое издание

Научное издание

Рекомендовано к изданию Научным советом
ГКБУ «Государственный архив Пермского края»

ДЕСЬКОВ И.Н. СУДЬБА СЕМЬИ ДЕСЬКОВЫХ В ЭПОХУ ПОТРЯСЕНИЙ (1914–1918 гг.)

Составители: Кашаева Юлия Анатольевна, Глушков Александр Владимирович, Катаев Денис Сергеевич, Радыгин Владимир Игоревич

Автор вступительной статьи Лобанов Дмитрий Алексеевич

Корректор *Н.А. Панова*
Компьютерная верстка, оригинал-макет *А.В. Шухардин*
Обработка фотографий, оформление обложки *Р.П. Филиппов*

Электронное текстовое издание подготовлено ГКБУ «Государственный архив Пермского края». Пермь, 2018. – 386 с.: ил.
614070, г. Пермь, ул. Студенческая, 36.
hisarchive@archive.perm.ru
Тел.: (342) 282-58-50

18+

ISBN 978-5-6041977-0-7